

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ГУМАНИТАРНЫЕ И ЮРИДИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Научно-теоретический журнал

ISSN 2409-1030

**Выпуск № 2
2016**

Выходит 4 раза в год

Ставрополь
2016

Учредитель

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования

«Северо-Кавказский федеральный университет»

Главный редактор

И. В. Крючков – доктор исторических наук, профессор

Заместитель главного редактора

Д. А. Смирнов – доктор юридических наук, профессор

Редакционный совет

А. А. Левитская – ректор СКФУ (председатель); **Д. А. Сумской** – д-р юрид. наук, профессор, первый проректор СКФУ (зам. председателя); **В. Ш. Авидзба** – канд. филол. наук, директор Абхазского института гуманитарных исследований им. Д. И. Гулиа Академии наук Абхазии; **А. В. Гладышев** – д-р ист. наук, профессор; **С. В. Гусаренко** – д-р филол. наук, профессор; **А. М. Ерохин** – д-р соц. наук, канд. филос. наук, профессор; **В. И. Карасик** – д-р филол. наук, профессор; **Т. Крюссман** – д-р юрид. наук, профессор (Австрия); **И. В. Крючков** – д-р ист. наук, профессор; **В. В. Мамонов** – д-р юрид. наук, профессор; **А. А. Мелконян** – д-р ист. наук, академик НАН Республики Армения; **Л. П. Репина** – д-р ист. наук, член-корреспондент РАН; **Ф. Саваи** – д-р ист. наук, профессор, ректор Капошварского университета (Венгрия); **Д. А. Смирнов** – д-р юрид. наук, профессор; **Ю. Н. Стариков** – д-р юрид. наук, профессор; **О. И. Федотов** – д-р филол. наук, профессор; **Д. Д. Фролов** – д-р социально-политических наук, научный сотрудник Национального Архива Финляндии

Редакционная коллегия

И. В. Крючков – д-р ист. наук, профессор (председатель); **В. Ю. Апрыщенко** – д-р ист. наук, профессор; **К. Р. Амбарцумян** – канд. ист. наук (отв. секретарь); **В. В. Василенко** – д-р ист. наук, доцент; **Л. Н. Величко** – канд. ист. наук, доцент, (отв. секретарь); **Е. В. Галкина** – д-р полит. наук, профессор; **С. В. Гусаренко** – д-р филол. наук, профессор; **Е. Н. Ежова** – д-р филол. наук, профессор; **А. Г. Кибальник** – д-р юрид. наук, профессор; **И. Н. Ключовская** – д-р юрид. наук, профессор; **М. Е. Колесникова** – д-р ист. наук, профессор; **С. И. Маловичко** – д-р ист. наук, профессор; **О. И. Лепилкина** – д-р филол. наук, профессор; **Т. Н. Ломтева** – д-р пед. наук, профессор; **Н. Л. Москвитская** – д-р пед. наук, профессор; **И. В. Мухачев** – д-р юрид. наук, профессор; **Э. С. Навасардова** – д-р юрид. наук, профессор; **А. А. Серебряков** – д-р филол. наук, профессор; **С. В. Серебрякова** – д-р филол. наук, профессор; **Д. А. Смирнов** – д-р юрид. наук, профессор; **В. П. Ходус** – д-р филол. наук, профессор; **Т. А. Шебзухова** – д-р ист. наук, профессор; **О. С. Шибкова** – д-р филол. наук, профессор

Научный журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС 77-59452 от 22 сентября 2014 г.

Индекс 94078 «Объединенный каталог. ПРЕССА РОССИИ. Газеты и журналы»

Входит в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

Адрес: 355009, г. Ставрополь, ул. Пушкина, 1
Телефон: (8652) 75-28-64
ISSN 2409-1030

© ФГАОУ ВПО «Северо-Кавказский
федеральный университет», 2016

HUMANITIES AND LAW STUDIES

Scientific bulletin

Founder

Federal State Autonomous Educational Institution for Higher Education
«North-Caucasus Federal University»

Editor-in-Chief

Kryuchkov I. V. – Doctor of History, Professor

Vice Editor-in-Chief

Smirnov D. A. – Doctor of Law, Professor

Editorial Council

Levitskaya A. A. – NCFU Rector (chairman); **Sumskoy D. A.** – Doctor of Law, Professor, First Pro-Rector of NCFU (vice-chairman); **Avidzba V. Sh.** – PhD in Philology, the Head of the D. I. Gulia Abkhazian Institute for Research in the Humanities of the Abkhazian Academy of Sciences; **Gladyshev A. V.** – Doctor of History, Professor; **Gusarenko S. V.** – Doctor of Philology, Professor; **Erokhin A. M.** – Doctor of Sociology, PhD in Philosophy, Professor; **Karasik V. I.** – Doctor of Philology, Professor; **Krüssmann T.** – Doctor of Law, Professor (Austria); **Kryuchkov I. V.** – Doctor of History, Professor; **Mamonov V. V.** – Doctor of Law, Professor; **Melkonyan A. A.** – Doctor of History, academician of National Academy of Sciences of Armenia; **Repina L. P.** – Doctor of History, corresponding member of the Russian Academy of Sciences; **Szávai F.** – Doctor of History, Professor, Rector of Kaposvár University (Hungary); **Smirnov D. A.** – Doctor of Law, Professor; **Starilov Yu. N.** – Doctor of Law, Professor; **Fedotov O. I.** – Doctor of Philology, Professor; **Frolov D. D.** – Doctor of Social and political Sciences, scientific officer of the National Archives of Finland.

Editorial Board

Kryuchkov I. V. – Doctor of History, Professor (chairman); **Apryshchenko V. Yu.** – Doctor of History, Professor; **Ambartsumyan K. R.** – PhD in History (executive editor); **Vasilenko V. V.** – Doctor of History, Assistant Professor; **Velichko L. N.** – PhD in History, Associate Professor (executive editor); **Galkina E. V.** – Doctor of Political Sciences, Professor; **Gusarenko S. V.** – Doctor of Philology, Professor; **Ezhova E. N.** – Doctor of Philology, Professor; **Kibalnik A. G.** – Doctor of Law, Professor; **Klyukovskaya I. N.** – Doctor of Law, Professor; **Kolesnikova M. E.** – Doctor of History, Professor; **Malovichko S. I.** – Doctor of History, Professor; **Lepilkina O. I.** – Doctor of Philology, Professor; **Lomteva T. N.** – Doctor of Pedagogy, Professor; **Moskovskaya N. L.** – Doctor of Pedagogy, Professor; **Mukhachev I. V.** – Doctor of Law, Professor; **Navasardova E. S.** – Doctor of Law, Professor; **Serebriakov A. A.** – Doctor of Philology, Professor; **Serebriakova S. V.** – Doctor of Philology, Professor; **Smirnov D. A.** – Doctor of Law, Professor; **Hodus V. P.** – Doctor of Philology, Professor; **Shebzukhova T. A.** – Doctor of History, Professor; **Shibkova O. S.** – Doctor of Philology, Professor.

The scientific journal is registered in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, And Mass Media (Roskomnadzor).

Certificate of mass medium registration PI № FS 77-59452 of September 22, 2014.

Postal code 94078 «Unified catalog. PRESS OF RUSSIA. Newspapers and magazines».

The journal is on the List of leading peer-reviewed scientific journals recommended for candidate and doctoral thesis publications.

Address: 1, Pushkin Street, Stavropol 355009.

Telephone: +7 (8652) 75-28-64

ISSN 2409-1030

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

Айрапетян К. П. Проблема западно-армянских беженцев во вновь образованной первой Республике Армения.....	8
Багдасарян А. О. Деятельность государственных органов по защите населения от воздушного нападения и химического оружия в Первую мировую войну.....	15
Байтерякова А. Ф., Маловичко С. И. Трансформация национальной истории во второй половине XVIII – первой трети XIX века.....	23
Бондарь З. А. Продовольственный кризис на Северном Кавказе в середине 1930 года и его влияние на взаимоотношения крестьянского населения с властью.....	31
Бродникова М. Н. К вопросу о методах работы политической полиции Российской империи с секретной агентурой в начале XX века.....	37
Вдовченков Е. В. Социум танаитов (сарматы-переселенцы в Танаисе II–III вв. н. э.)...	44
Гранкин Ю. Ю. Практика формирования российских мировоззренческих основ у населения Северного Кавказа в начале XIX столетия.....	50
Дударев С. Л., Захаров В. А., Королева И. А. Колония Каррас и судьба М. Ю. Лермонтова	56
Истягин В. Р. К вопросу о причинах и основных направлениях государственной переселенческой политики в конце 1920-х – начале 1930-х годов (на примере русских областей Северного Кавказа)	61
Казаров С. С. Родник-источник из Додоны.....	69
Карташев А. В. Работа высших учебных заведений на Ставрополье в период Великой Отечественной войны.....	73
Краснова И. А., Величко Л. Н. Дипломатические миссии флорентийских граждан в XIII–XV вв.: оценки и особенности восприятия.....	81
Кривцова Т. Г., Ермоленко Л. П. История археологического изучения памятников бронзового века А. Л. Нечитайло.....	94
Ляпустин С. Н. Об истории взаимодействия таможенных органов с полицией в борьбе с контрабандой на Дальнем Востоке России.....	99
Панарин А. А. Характер и особенности сбыто-снабженческой деятельности потребительской кооперации на Северном Кавказе в конце 1920-х гг.....	104
Панарина Е. В. Организация начального профессионального образования на Дону и Северном Кавказе в годы Великой Отечественной войны.....	110
Печалов А. К., Печалова Л. В. Вклад кооператоров Ставрополья в развитие жилищного строительства региона в 1950-е годы.....	115
Пикалов Д. В., Пикалова О. Н. Грех и табу в архаичных культурах.....	119
Сахаров С. А. Magister officiorum и «государственная тайная полиция» Поздней Римской империи.....	128
Стрекалова Е. Н. Влияние эпохи «Великого перелома» на повседневность интеллигенции Северного Кавказа в 1930-е гг.....	133
Тихонова Н. М. Журнал «Русская мысль» о ситуации на Балканском полуострове в начале 1903 г.....	139
Трапш Н. А. «Абхазия ... была полна интриг»: политическая история Абхазии первой половины XIX столетия в «Воспоминаниях» Г. И. Филиппсона.....	147
Черешнева Л. А. Государственное строительство Индии и Пакистана в первые годы независимости: историография проблемы.....	152
Шалак М. Е. Война и воинские традиции крымских татар в произведениях иностранцев в конце XVI – начале XVII вв.....	157

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Аношко О. А. Проблемы обеспечения тайны предварительного расследования в уголовном процессе.....	163
Золоева З. Т., Койбаев Б. Г. Внедрение электронного правительства в республике Северная Осетия-Алания (правовой аспект).....	167
Комарова Т. А. Кассационный пересмотр гражданских дел: становление и современные проблемы.....	174
Петров Н. В. О гражданско-правовой ответственности за нарушение условий договора титульного страхования.....	179
Решетникова И. В. Принципы формирования и деятельности общественных палат субъектов расположенных на территории Северо-Кавказского федерального округа...	183
Светличная Т. Б. Проблемы правового регулирования административного задержания как меры административно-процессуального принуждения.....	189
Слепенко Ю. Н., Вильгоненко И. М., Анучкина А. Д. Соотношение понятий «интеллектуальная собственность» и «интеллектуальные права» по законодательству Российской Федерации.....	196
Торопчин Н. А., Кулькина И. В. О необходимости введения административно-правовой ответственности за семейно-бытовое дебоширство как составной части ответственности за мелкое хулиганство.....	200

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Бобрышова А. С. Референдум о статусе Крыма как объект информационного внимания пользователей «ВКонтакте».....	204
Бредихин С. Н., Давыдова Л. П. Поэтический текст как коммуникативно-эстетическая категория.....	210
Каменский М. В. Когнитивно-дискурсивное маркирование новой и уточняющей информации с использованием дискурсного маркера «скажем так».....	217
Касьяненко Л. С., Митрофаненко Л. М. Роль просодии родного языка при овладении иностранным языком.....	222
Клец Ю. А. Полемика в столичной и провинциальной прессе о губернских ведомостях начала XX века.....	226
Маркосян Г. Э., Лизенко И. И. «Игра» как средство вербализации креативного типа мышления в художественных текстах.....	231
Минина А. И. Актуальные проблемы языковой компетенции.....	236
Нагамова Н. В., Чепурина И. В. Способы достижения адекватного перлокутивного эффекта при переводе рекламного текста.....	242
Пахаренко С. В. К вопросу о статусе языковой личности как этнолингвотипа в эпоху языковых контактов.....	246
Серебрякова С. В., Донцова А. А. Личностно-оценочный модус как маркер психологического повествования.....	253
Шевцова Д. А. Образы прошлого в колумнистике современной «Литературной газеты».....	258
Штайн К. Э., Петренко Д. И. О виталистических тенденциях метапоэтики Н. С. Гумилева: к 130-летию со дня рождения.....	264
Информация об авторах	270

CONTENTS

HISTORY AND ARCHAEOLOGY

Hayrapetyan K. P. The Western Armenian refugees' problem in the First Republic of Armenia.....	8
Bagdasaryan A. O. The activities of government authorities for protection of the population from air attack and chemical weapons in First World War.....	15
Bayteryakova A. F., Malovichko S. I. Transformation of national history in the second half of 18th – the first third of the 19th century.....	23
Bondar Z. A. Food crisis in the North Caucasus in the middle of 1930 and its impact on relations between authorities and peasant population.....	31
Brodnikova M. N. On working methods of political police of the Russian empire with secret agents at the beginning of the XX century.....	37
Vdovchenkov E. V. Tanait society (Sarmat settlers in Tanais, II–III centuries AD).....	44
Grankin U. U. The practice of forming the Russian world view basis of the Northern Caucasus population in the XIX century.....	50
Dudarev S. L., Zakharov V. A., Koroleva I. A. Kars colony and M. Y. Lermontov's destiny.....	56
Istiagin V. R. On reasons and main directions of state migration policy in the end 1920s – beginning 1930s (by the example of Russian North Caucasus regions).....	61
Kazarov S. S. Dodon's spring-source.....	69
Kartashev A. V. The work of higher education institutions in the Stavropol region during the Great Patriotic War.....	73
Krasnova I. A., Velichko L. N. Diplomatic missions of the Florentine citizens in the XIII – XV centuries: views and perception features.....	81
Krivtsova T. G., Ermolenko L. P. The history of the archaeological research of the Bronze Age sites by A. L. Nechitailo.....	94
Lyapustin S. N. On the history of customs agencies and police interaction in tackling smuggling in the Far East of Russia.....	99
Panarin A. A. Nature and characteristics of sale-supply activities of consumer cooperatives in the North Caucasus at the end of the 1920s.....	104
Panarina E. V. Organization of vocational training in the Don and North Caucasus areas during the Great Patriotic war.....	110
Pechalov A. K., Pechalova L. V. Contribution of Stavropol cooperators to housing construction in the region in 1950s.....	115
Pikalov D. V., Pikalova O. N. Sin and taboo in archaic cultures.....	119
Sakharov S. A. Magister officiorum and the «state secret police» in the late Roman Empire.....	128
Strekalova E. N. Influence of «great crisis» epoch on everyday life of intelligentsia in the North Caucasus in 1930s.....	133
Tikhonova N. M. The position of «Russkaya mysl» magazine on the situation on the Balkan peninsula in the beginning of 1903.....	139
Trapsh N. A. «Abkhazia ... was full of intrigues»: the political history of Abkhazia in the first half of XIX century in «Memories» G.I. Philipson.....	147
Chereshneva L. A. State-building of India and Pakistan in the first years of independence: historiography of the problem.....	152
Shalak M. E. War and military traditions of Crimean Tatars in the works OF foreigners in late XVI – early XVII centuries.....	157

LEGAL SCIENCES

Onopko O. A. Problems of secrecy preservation in preliminary investigation criminal procedure.....	163
Zoloeva Z. T., Koybaev B. G. The introduction of e-government in the republic of North Ossetia – Alania (legal aspect).....	167
Komarova T. A. Cassation review of civil cases: formation and contemporary issues.....	174
Petrov N. V. On the civil liability for breach of title insurance contract.....	179
Reshetnikova I. V. Principles of formation and activities of public chambers in North Caucasus federal district.....	183
Svetlichnaya T. B. Problems of legal regulation of administrative detention as a measure of administrative and procedural enforcement.....	189
Slepenok Yu. N., Vil'gonenko I. M., Anuchkina A. D. The correlation of «intellectual property» and «intellectual rights» concepts in the legislation framework of the russian federation.....	196
Toropchin N. A., Kul'kina I. V. On the necessity of introducing administrative and legal responsibility for family and domestic debauchery as an integral part of the responsibility for disorderly conduct.....	200

PHILOLOGICAL SCIENCES

Bobryshova A. S. The referendum on the status of the Crimea as an object of information attention of «Vkontakte» users.....	204
Bredikhin S. N., Davydova L. P. Poetic text as communicative-aesthetic category.....	210
Kamensky M. V. Cognitive-discursive marking of new and qualifying information using the discourse marker «I'd say».....	217
Kasyanenko L. S., Mitrofanenko L. M. The role of prosody of native language while learning a foreign language.....	222
Klets Y. A. Debate about gubernskie vedomosti in capital city and local press in the beginning of XX century.....	226
Markosyan G. E., Lizenko I. I. Play of words as a means of creative thinking verbalization in literary texts.....	231
Minina A. I. Topical problems of language competence.....	236
Nagamova N. V., Chepurina I. V. Ways of adequate perlocution effect development within the process of advertizing text translation.....	242
Pakharenko S. V. On linguistic identity status as an ethnolinguistic phenomenon in the epoch of language contacts.....	246
Serebryakova S. V., Dontsova A. A. Personal evaluative modus as a marker of psychological narration.....	253
Shevtsova D. A. The images of the past in columns of «Literaturnaya gazeta».....	258
Shtain K. E., Petrenko D. I. About vitalistic tendencies of N. S. Gumilev's metapoetics: to the poet's 130 anniversary.....	264
Information about the authors	274

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

УДК 94(479.25)

К. П. Айрапетян

ПРОБЛЕМА ЗАПАДНО-АРМЯНСКИХ БЕЖЕНЦЕВ ВО ВНОВЬ ОБРАЗОВАННОЙ ПЕРВОЙ РЕСПУБЛИКЕ АРМЕНИЯ

В статье рассматривается проблема западно-армянских беженцев во вновь образованной первой Республике Армения (1918–1920 гг.). В деле разрешения этой проблемы республиканские власти должны были учитывать ее национально-политические особенности. Чтобы вовлечь западных армян в дело созидания независимого национально-

го государства, необходимо было предпринять определенные меры для преодоления фрагментарности, интеграции западно-армянских беженцев.

Ключевые слова: первая Республика Армения, проблема беженцев, западно-армянские беженцы, фрагментарность.

К. Р. Hayrapetyan

THE WESTERN ARMENIAN REFUGEES' PROBLEM IN THE FIRST REPUBLIC OF ARMENIA

The article considers the Western Armenian refugees' problem in the first Republic of Armenia (1918–1920). In solving this problem the Republican authorities should have taken into consideration its national-political features. To involve the Western Armenians in the

creation of the national country they had to take certain measures to overcome fragmentation and integrate Western Armenian refugees.

Key words: The first Republic of Armenia, the refugees' problem, Western Armenian refugees, fragmentation.

Массовый исход в Европу в 2015 г. сотен тысяч мигрантов и беженцев с Ближнего Востока, Северной Африки и Афганистана фактически перерос в общеевропейский миграционный кризис. Связанные с приемом и размещением мигрантов и беженцев финансовые, социально-экономические и общественно-политические вопросы встали как перед властями отдельных европейских стран, так и всего Европейского союза. Проблема приема и размещения беженцев и мигрантов в Европе: во всем многообразии его социально-экономических и национально-политических проявлений вызвала существенные противоречия во взаимоотношениях стран Европейского союза, превратившись фактически в трудноразрешимую общеевропейскую проблему. Украинские события 2014–2015 гг. привели к тому, что из трех миллионов жителей Донбасса более одного миллиона в качестве беженцев

вынуждены были эмигрировать в Россию [1]. Российская Федерация безотлагательно предприняла все необходимые усилия по приему, размещению и обеспечению украинских беженцев и мигрантов. После начала гражданской войны в Сирии в 2011 г. более 12 тысяч армянских беженцев – потомков западных армян, спасшихся от геноцида армянского народа 1915–1923 гг. в Турции, нашли пристанище в нынешней третьей Республике Армения. Таким образом, проблема беженцев в современном мире со всей остротой встала перед рядом больших и маленьких стран Евразийского континента.

Необходимо отметить, что в двадцатом веке во всех трех армянских республиках с первых же дней их существования имелось значительное количество беженцев. Власти этих республик вынуждены были безотлагательно и целенаправленно заниматься разрешением многочисленных задач,

связанных с беженцами. Поэтому изучение исторического опыта разрешения беженской проблемы как в первой, так и во второй, и в третьей республиках Армении весьма актуально и имеет не только научное, но и сугубо практическое значение.

С первых дней образования в конце мая 1918 г. независимой Республики Армения (1918–1920 гг.) перед провозгласившим себя исполнительной властью в армянских уездах Армянским национальным советом и сформированным позднее во главе с премьер-министром О. Каджазнуни первым правительством республики Армения весьма остро стояла проблема беженцев. После подписания 4 июня 1918 г. между Османской Турцией и Республикой Армения (РА) Батумского мирного договора, который определял также и границу между двумя государствами, территория армянского государства составляла примерно 12 тысяч квадратных километров [6, с. 164]. Согласно официально представленным на заседании парламента 11 октября 1918 г. данным однодневной переписи населения, проведенной 1 октября на части территории Восточной Армении, находящейся под юрисдикцией властей РА, общее число беженцев составляло 330 тысяч человек [12]. Беженцы фактически составляли почти одну треть от общего довоенного числа населения республики. Это обстоятельство правомерно давало современникам вновь образованную республику называть «беженской станцией» [12, с. 144; 11, с. 199].

Независимое армянское государство строилось в сложнейших военно-политических и крайне тяжелых социально-экономических условиях. Государственно-политическое руководство республики Армения довольно четко представляло всю сложность и тяжесть стоящих перед ним задач. В представленном парламенту республики 3-го августа 1918 г. программном заявлении правительства РА создавшуюся в стране ситуацию премьер-министр О. Каджазнуни реалистично называл «катастрофической» [7]. «Полное разрушение финансового положения и экономической жизни, прекращение производства и обмена товаров, крайняя нехватка продуктов питания, отсутствие или ужасная дороговизна самых необходимых предметов, совершенное прекращение ввоза, остановка железнодорожного сообщения, нехватка других

средств передвижения, затем сотни тысяч голодных и бездомных беженцев, ненадежное состояние на границах и как неизбежный результат всего этого анархия» – таким было согласно заявлению первого правительства Армении реальное положение дел во вновь образованной республике [Там же]. Наличие в республике «сотен тысяч голодных и бездомных беженцев» правительство РА рассматривало как один из основных социально-политических факторов, усугубляющих положение дел в стране.

«Беженский вопрос был самым большим вопросом молодой республики, на микроскопической территории которой скопились беженцы из разных оккупированных местностей Армении, – писал современник и один из первых армянских дипломатов М. Туманян. – Вся эта оторванная от земли и лишенная каких бы то ни было средств к существованию людская масса являлась тяжелым бременем для коренного населения, которое само было вконец разорено многолетней войной» [16, с. 46]. Наличие сотен тысяч беженцев в первой Республике Армения требовало от вновь созданных республиканских и местных органов управления принятия неотложных мер для разрешения беженской проблемы. В создавшихся в республике крайне неблагоприятных условиях, решение различных социально-экономических и внутривнутриполитических задач, связанных с жизнеобеспечением такого количества беженцев и созданием для них хотя бы минимальных условий для жизнедеятельности, представляла для властей РА сложную и во многом трудноразрешимую проблему.

Как общественно-политическое явление беженская проблема в Армении имела социальные, экономические и политические проявления общего характера, которые были присущи и многим другим странам, которые в тот или иной период своей истории также сталкивались с проблемой беженцев. Одновременно беженская проблема в первой Республике Армения имела и свои специфические национально-политические особенности. Среди этих особенностей главным было то, что подавляющее большинство беженцев в РА были армянами. Поэтому для Республики Армения как национального государства весь комплекс связанных с беженцами вопросов превращался в важную

национально-политическую задачу, главной целью которой было сохранение остатков армянского народа, спасшегося от турецкого вторжения в Западную и Восточную Армению в 1918 г.

В деле разрешения беженской проблемы власти РА, естественно, не могли не учитывать и другую не менее важную особенность национально-политической составляющей беженской проблемы. Эта особенность состояла в том, что армянские беженцы различались по этнографическому признаку: из 330 тысяч беженцев 180 тысяч были восточными (русско-подданные) и 150 тысяч – западными (турецко-подданные) армянами [12]. В результате нескольких веков раздельного существования в составе османской Турции и шахской Персии в армянском народе сформировались два крупных фрагмента – западные и восточные армяне. Последние с конца 20-х гг. XIX в. разделились на русско-подданных и персидско-подданных армян. Каждая из этих частей армянского народа выделялась своими этнокультурными и языковыми особенностями, разным уровнем социально-экономического и общественно-политического развития. Таким образом, как и весь армянский народ волею исторических судеб был разделен на составные части, так и беженцы в Республике Армения были разделены на восточно-армянских и западно-армянских беженцев. Поэтому при разработке государственной беженской политики, осуществлении соответствующих мероприятий по разрешению разнообразных гуманитарных, социально-экономических и внутриполитических вопросов, связанных с беженцами, власти РА должны были учитывать также весьма существенные национально-политические особенности западно-армянских беженцев.

Нашедшие пристанище в Республике Армения западно-армянские беженцы представляли собой специфическую этносоциальную общность со своим особым западно-армянским фрагментарным самосознанием, укладом общественной жизни и обычаями. Часть спасшихся от осуществленного младотурками в годы Первой мировой войны геноцида, западно-армянских беженцев нашла пристанище на юге царской России: на Северном и Южном Кавказе, в том числе в Восточной Армении. В военно-политическом плане западно-армянские беженцы были достаточ-

но организованы. После Февральской революции 1917 г. благодаря демократизации общественно-политической жизни в России западно-армянские беженцы организовали и провели в мае 1917 г. в Ереване свой Первый съезд, сформировали свои отдельные от восточных армян национально-политические руководящие органы. Одновременно в Закавказье действовали отдельные западно-армянские политические партии и общественно-политические объединения или выражающие их интересы отдельно действующие подразделения общенациональных партий. Довольно активно действовали многочисленные земляческие союзы, выражающие интересы армянского населения отдельных регионов и территорий Западной Армении. Имелись, разумеется, и западно-армянские национально-политические лидеры, которые играли руководящую роль в общественно-политической жизни западно-армянских беженцев. В политико-административном центре Закавказья Тифлисе, затем в Ереване – столице вновь образованной республики Армения – издавались западно-армянские газеты: «Ашхатанк» (орган дашнакской партии), «Ван-Тосп» (орган партии рамкаваров). В апреле 1917 г. по инициативе национального героя Андраника (А. Озаян) и его сподвижников специально для освещения проблем и вопросов социально-экономической и общественно-политической жизни западно-армянских беженцев начала издаваться внепартийная газета «Айастан» («Армения») [5, с. 228].

Западно-армянские беженцы имели подчеркнуто отличные от восточных армян и неоднократно озвученные западно-армянскими общественно-политическими организациями и их лидерами национально-политические цели и идеалы: вернуться на свою родину – Западную Армению и в свободной и независимой стране самостоятельно распоряжаться собственной судьбой. Благодаря проводимой на отвоеванных у Османской Турции территориях Западной Армении политике Временного правительства России более 140 тысяч западно-армянских беженцев летом и осенью 1917 г. возвратились на родину и принялись за восстановление опустошенной страны [6, с. 28–29]. В течение нескольких месяцев в Западной Армении были открыты пункты питания, начальные школы и медицинские

учреждения, созданы органы местного самоуправления. Для обеспечения безопасности переселенцев также были сформированы отряды народной милиции.

В условиях развала Кавказского фронта после большевистского переворота в конце октября 1917 г. командованием Кавказской армии из западных армян была сформирована дивизия под командованием Андраника, получившего звание генерала. Во время турецкого вторжения в феврале – мае 1918 г. в Западную, затем в Восточную Армению западные армяне силой оружия смогли решить задачу сохранения остатков западно-армянского народа, обеспечив организованное отступление большинства из них в Восточную Армению, Грузию и Северный Кавказ. Меньшая их часть ушла в Персию, надеясь на помощь английских вооруженных сил. В конце мая 1918 г. против вторгшихся в Восточную Армению турецких войск вооруженные отряды западных армян вместе с восточно-армянскими вооруженными формированиями приняли участие в героических сражениях с вторгшимися уже в Восточную Армению турецкими войсками в Сардарапате, Апаране и Каракилисе, внося таким образом свой весомый вклад в дело образования первой Республики Армения.

Пройдя через горнило таких тяжких, трагических исторических событий и проявив неслыханную жизнестойкость, непреклонную волю и героическое упорство, западно-армянские беженцы помимо своей воли очутились во вновь образованной на части территории бывшей Ереванской губернии Республике Армения. Отношение большинства западно-армянских беженцев ко вновь образованной первой Республике Армения было более чем сдержанным и холодным, если не сказать безразличным и отстраненным. Республика Армения западными армянами рассматривалась всего лишь как «Ара-ратская» или «Ереванская» республика. Для них настоящей, подлинной Арменией являлась их родина – находящаяся под властью Османской Турции западная часть исторической Армении [1, с. 501]. Великий армянский писатель Ованес Туманян отмечал, что и восточные армяне тоже Арменией называли Турецкую (Западную) Армению [17, с. 396]. Как писал один из национально-политических лидеров западно-армянских беженцев,

видный деятель правящей дашнакской партии, член сформированного центральным Армянским национальным советом первого парламента республики Армения – Совета Армении М. Тер-Минасян (Рубен), «для Национального совета и земляческих союзов турецких армян нынешняя Армения являлась только лишь чуждой „Ара-ратской республикой“» [5, с. 151].

В то же время часть западно-армянских беженцев во главе с генералом Андраником вообще не признали вновь образованную «Ереванскую армянскую республику». Они проявили враждебное отношение к властям республики, считая, что последняя создана благодаря их соглашательской политике и подписанию с ненавистной для западных армян Османской Турцией Батумского договора от 4 июня 1918 г. [3]. Согласно батумским договоренностям Республика Армения в мирное время могла иметь вооруженные силы только в составе одной дивизии. Поэтому отряд под командованием генерала Андраника «как воинская часть турецких армян» «по требованию турецких военных властей» подлежала разоружению [5, с. 296–297]. В сложившихся обстоятельствах генерал Андраник, официально заявив о непризнании Батумского договора, со своей западно-армянской воинской частью в сопровождении тысяч западно-армянских беженцев прошел через территории, не подконтрольные властям республики Армения, в Персию, чтобы соединиться с англичанами и продолжить борьбу с турками. Однако после провала попытки выхода к английским войскам он возвратился обратно в Нахиджеванский район. Отсюда он 14 июля 1918 г. послал руководителю советской власти в Баку С. Шаумяну телеграмму, в которой «объявил себя неотъемлемой частью Российской Республики» и объявил: «Я со своим отрядом с сегодняшнего дня нахожусь в распоряжении и подчинении Центрального Российского правительства» [5, с. 292].

Западно-армянские беженцы, как отмечал С. Врацян, в целом неуютно чувствовали себя во вновь образованной Республике Армения [6, с. 269]. Оставшаяся в границах вновь образованной Республики Армения большая часть западно-армянских беженцев в повседневной жизни держалась изолированно, стараясь быть в стороне от

правительственных учреждений и государственных чиновников. Ярким примером этого была жизнь сасунцев, которые жили уединенной общиной. Они не позволяли никому вмешиваться в свои внутренние дела, так же как и сами не вмешивались в чужие дела. Сасунцы не считали для себя обязательным какое-либо правительственное распоряжение, если оно не поступало от имени их вождя Рубена паши [3, с. 70].

«В первый период существования Республики Армения западное армянство держалось обособленно от государственной жизни», – свидетельствовал С. Врацян [6, с. 269]. Со стороны западно-армянских беженцев проявлялось определенное недоверие по отношению к правительству республики и осуществляемым им политическим шагам и организационным мероприятиям. Это недоверчивое отношение иногда перерастало в антагонизм, в некоторых случаях даже с враждебными проявлениями. Вновь сформированное первое правительство Республики Армения действовало на основе законодательства Российской империи и Временного правительства России, а подавляющее большинство как министерских, так и местных чиновников вело делопроизводство на русском языке, что не могло обеспечить широкого поля деятельности для не владеющих русским языком и не знакомых с российскими законами западных армян. В результате лишь единицы из числа западно-армянской интеллигенции работали в правительственных учреждениях. В свою очередь западно-армянская молодежь в подавляющем большинстве своем избегала как участия в правительственных начинаниях, так и призыва в регулярную армию Республики Армения [12, с. 150–151].

Недоверие и отчужденность, приводящие к антагонизму и враждебности, проявлялись и в повседневных взаимоотношениях между западно-армянскими беженцами и местным восточно-армянским населением. Особенно такие отношения каждодневно проявлялись на бытовом уровне. Западно-армянские беженцы для местного населения являлись пришлыми «гахтаканами» (мигрантами). Такое обращение со стороны восточно-армянских соседей и домохозяек воспринималось западно-армянскими беженцами как оскорбление [1, с. 377]. Насильственно выселенные с родных мест и нашедшие пристанище

в Республике Армения десятки тысяч западно-армянских беженцев, особенно в местах их большого скопления, становились тяжелым бременем для местного восточно-армянского населения. О таком отношении местного населения Сюника к обездоленным и голодным западно-армянским беженцам писал Андраник [5, с. 314–315]. «Надо отметить, что российско-армянская масса считала турецких армян пришлыми, мигрантами, – писал Рубен, – они считали, что эта масса, около 200 000, являлась только гостем в своей стране. В некоторых местах турецкие армяне считались бременем для них. Эта психология не оставалась незамеченной со стороны турецких армян, самолюбие которых оскорблялось таким отношением» [14, с. 149–150].

Кроме повседневной жизни, антогонизм и недоверие между западно-армянскими беженцами и восточно-армянским населением существовал и на уровне фрагментарного сознания, отражаясь на их общественно-политических взаимоотношениях. Западно-армянские беженцы большей частью были из вилайетов Вана и Битлиса; их национально-политические лидеры считали, что нынешняя свобода и независимость приобретены в первую очередь ценой жизни и крови самих западных армян. Они с завистью смотрели на восточно-армянских жителей республики, среди которых идеи свободы и независимости еще не укрепились. В самом деле, среди значительной части восточных армян существование независимой Армении было непонятным явлением, а независимость являлась бессодержательным словом. Один из современников Г. Чалхушян справедливо отмечал, что в первые месяцы существования республики никто в Армении не верил, что независимость постоянна и долговечна, и существование последнего казалось вопросом времени [11, л. 26].

Даже в Совете Армении звучали выступления против независимости и требования «восстановить единство с Россией» [10, л. 80]. Однако, несмотря на такое отношение к независимости, восточные армяне свободно и безопасно жили в своих родных очагах, а западно-армянских беженцев они считали «гахтаканами» [14, с. 150]. Естественно, что большая часть западных армян и их лидеров считали такое положение дел более

чем несправедливым. В результате, по свидетельству М. Тер-Минасяна, «турецкие и российские армяне чувствовали к друг другу отчужденность, которая во многих местах и случаях приводила к неуместным и прискорбным событиям» [Там же]. Все это создавало благоприятную почву для недоверия и антагонизма между двумя частями армянского народа, являлось основой для проявления в общественно-политической жизни республики Армения такого типично армянского явления, как фрагментаризм.

Большинство нашедших пристанище в первой Республике Армения западных армян во второй раз стали беженцами, покинув в феврале – мае 1918 г. свою родину – Западную Армению. В этот раз они покидали свою страну более или менее организованно, в сопровождении вооруженных отрядов, предавая все, что было возможным огню и разрушению. Значительная часть этих западно-армянских беженцев была вооружена и состояла в отдельных западно-армянских нерегулярных вооруженных группах. Наличие в первой республике состоящих из западно-армянских беженцев вооруженных групп являлось важным фактором внутривнутриполитической жизни страны. Под влиянием отдельных обстоятельств они могли стать мощным средством как для дестабилизации внутривнутриполитической ситуации в республике, так и в деле обеспечения ее военно-политической стабильности. Характерно, что некоторые западноармянские национально-политические лидеры, являющиеся руководящими деятелями республики, в лице министра внутренних дел в первом правительстве А. Манукяна и члена Совета Армении М. Тер-Минасяна использовали западно-армянские вооруженные группы для разрешения стоящих перед республикой отдельных военно-политических задач.

Одновременно эта вооруженная масса западно-армянских беженцев, не полагаясь на вновь сформированные государственные органы республики, стремилась самостоятельно решать не терпящие отлагательства вопросы обеспечения жизнедеятельности своих родных и близких. Задача добывания продуктов питания, и в первую очередь хлеба насущного, вынуждала западно-армянских беженцев искать их в тех районах, которые не пострадали в результате турецкого втор-

жения. В основном мишенью западноармянских беженцев становились мусульманские поселения, которые не подвергались набегам и разграблению со стороны турецких войск. Эти действия вооруженных западноармянских беженцев во многих случаях были противоправными и имели насильственный характер. Об одном таком характерном случае действия вооруженных сасунцев даже упоминалось с трибуны армянского парламента [9, л. 91]. Конечно же для большей части руководителей национальных властей «Арагатского армянства» и местного армянского населения было бы предпочтительнее иметь терпеливо ждущих перед питательными пунктами покорных западно-армянских беженцев, чем та вооруженная масса, которая необузданна и силой оружия обеспечивает свое существование [15, с. 176].

В создавшихся тяжелейших социально-экономических условиях для спасения жизней своих родных и близких, по сути сохранения остатков армянского народа, восточно-армянские и западно-армянские беженцы видели выход в возвращении их к родным очагам в своих поселениях. Это непреклонное стремление у них сохранялось как до образования республики Армения, так и весь период ее существования. Стремление возвратиться на родину с особой силой проявлялось у западно-армянских беженцев. О намерении и стремлении возвратиться на родину их национально-политические лидеры не только громогласно заявили на первом съезде западных армян, но и осуществили репатриацию в 1917 г. Об этом они неоднократно заявляли и после образования Республики Армения. На втором съезде западных армян в Ереване в феврале 1919 г. репатриация в Западную Армению была объявлена приоритетной и первоочередной национально-политической целью [8, с. 4, 12]. Фактически такое непреклонное стремление западно-армянских беженцев возвратиться к родным очагам проявлялось не только во внутривнутриполитической жизни республики, но привело к тому, что вопрос их репатриации стал одним из основных внешнеполитических задач первой Республики Армения. Поэтому закономерно, что задача возвращения беженцев к родным очагам уже была закреплена во внешнеполитической части программного заявления первого пра-

вительства Республики Армения в августе 1918 г. [13, с. 11].

Таким образом, перед властями вновь образованной первой Республики Армения со всей остротой стояла проблема западно-армянских беженцев. В деле разрешения этой проблемы властями республики должны были учитываться как чисто беженские социально-экономические и внутривластные, так и ее фрагментарные национально-политические аспекты. Вместе с решением беженских вопросов властям республики необходимо было предпринять соответствующие шаги для преодоления взаимного недоверия

и отчужденности в общественном сознании западно-армянской и восточно-армянской частей населения республики. Такие взаимоотношения между ними негативно отражались на государственной и общественно-политической жизни Республики Армения. Чтобы вовлечь западных армян в дело создания независимого национального государства, необходимо было предпринять определенные меры для преодоления фрагментарности, адаптации и интегрирования западно-армянских беженцев в общественно-политическую жизнь Республики Армения.

Литература

1. URL: www.tass.ru/opinions/top-officials/235624?pag=2 (Дата обращения: 15.02.2015).
2. URL: www.dindiaspora.am/res/Hashvetvutyunner/2014/hashvetvutyun_2014.pdf (Дата обращения: 15.02.2015).
3. Айреник. 1924. № 8.
4. Ашхатанк. 1919. 22 января.
5. Вестник архивов Армении (Банбер Айастани Архивнери). 1991. № 1(89)–2(90).
6. Вратян С. Республика Армения. Ереван: Армения, 1993. (На армянском языке).
7. Занг. 1918. 7 августа.
8. Краткое извещение о втором съезде западных армян и отчет организационного комитета. Тифлис: [б. и.], 1919 (На армянском языке).
9. Национальный архив Армении (далее – НАА) Ф.198. Оп. 1. Д. 15.
10. НАА. Ф.200. Оп.1. Д.7.
11. НАА. Ф.4033. Оп.6. Д. 293.
12. Правительственный вестник. 1918. 15 октября.
13. Протоколы заседаний парламента Республики Армения. Ереван: Национальный Архив Армении, 2010 (На армянском языке).
14. Рубен. Воспоминания одного армянского революционера. Т. 7. Ереван: Адана, 1990 (На армянском языке).
15. Сасуни К. Турецкая Армения под русским господством, (1914–1918). Бостон: [б. и.], 1927 (На армянском языке).
16. Туманян М. Дипломатическая история республики Армения 1918–1920 гг. Ереван: [б. и.], 2012.
17. Челепян А. Генерал Андраник и армянское революционное движение. Ереван: [б. и.], 1990 (На армянском языке).

References

1. URL: www.tass.ru/opinions/top-officials/235624?pag=2 (Accessed: 15.02.2015).
2. URL: www.dindiaspora.am/res/Hashvetvutyunner/2014/hashvetvutyun_2014.pdf (Accessed: 15.02.2015).
3. Airenik. 1924. No. 8.
4. Ashkhatank. 1919. 22 January.
5. Vestnik arkhivov Armenii (Banber Aiastani Arkhivneri). 1991. No. 1(89)–2(90).
6. Vratsyan S. Respublika Armeniya (The Republic of Armenia). Erevan: Armeniya, 1993 (In Armenian).
7. Zang. 1918. 7 August.
8. Kratkoe izveshchenie o vtorom s'ezde zapadnykh armyan i otchet organizatsionnogo komiteta (A brief notice of the Second Congress of Western Armenians and the report of the Organizing Committee). Tiflis: [b. i.], 1919 (In Armenian).
9. National Archives of Armenia (NAA). F.198. Op.1. D.15.
10. NAA. F.200. Op.1. D.7.
11. NAA. F.4033. Op.6. D. 293.
12. Pravitel'stvennyi vestnik. 1918. 15 October.
13. Protokoly zasedanii parlamenta Respubliki Armeniya (Republic of Armenia Parliament Minutes of meetings). Erevan: National Archives of Armenia, 2010 (In Armenian).
14. Ruben. Vospominaniya odnogo armyanskogo revolyutsionera (Memories of the Armenian revolutionary). T.7. Erevan: Adana, 1990 (In Armenian).

15. Sasuni K. Turetskaya Armeniya pod russkim gospodstvom, (1914–1918) (Turkish Armenia under Russian domination (1914–1918). Boston: [b. i.], 1927 (In Armenian).
16. Tumanyan M. Diplomaticheskaya istoriya Respubliki Armeniya 1918–1920 (Diplomatic History of the Republic of Armenia 1918–1920). Erevan: [b.i.], 2012.
17. Chelepyan A. General Andranik i armyanskoe revolyutsionnoe dvizhenie (General Andranik and the Armenian revolutionary movement). Erevan: [b.i.], 1990. (In Armenian).

УДК 94

А. О. Багдасарян

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОРГАНОВ ПО ЗАЩИТЕ НАСЕЛЕНИЯ ОТ ВОЗДУШНОГО НАПАДЕНИЯ И ХИМИЧЕСКОГО ОРУЖИЯ В ПЕРВУЮ МИРОВУЮ ВОЙНУ

Защита населения от опасностей, возникающих в военное время, является одной из основных функций государства. Впервые в России с проблемами защиты населения от воздушных налетов и химического оружия столкнулись в годы Первой мировой войны.

Именно тогда органы государственной власти приступили к разработке мероприятий по защите населения.

Ключевые слова: государственные органы, защита населения, военный округ, авиация, химическое оружие.

A. O. Bagdasaryan

THE ACTIVITIES OF GOVERNMENT AUTHORITIES FOR PROTECTION OF THE POPULATION FROM AIR ATTACK AND CHEMICAL WEAPONS IN FIRST WORLD WAR

The protection of population from danger of the war is one of the main functions of government. In Russia it faced with problems of protecting population from air attacks and chemical weapons in First World War for the first time. It was that time when government

authorities began to elaborate the population protection measures.

Key words: government authorities, protection of population, military district, aviation, chemical weapons.

Для человечества на протяжении всей его истории большую угрозу представляют не только природные и техногенные риски, но опасности, возникающие в ходе войн. Причём угроза для жизни и здоровья мирного населения, не способного, как правило, защитить себя, всегда намного выше, чем для вооружённых воинов. Поэтому защита гражданского населения в ходе военных событий была во все времена и остаётся одной из самых важных задач. Наиболее актуальной эта проблема стала в первой половине XX в., когда в результате научно-технического прогресса появились более разрушительные средства вооруженной борьбы, позволявшие не только уничтожать объекты на

большом удалении от линии фронта, но и массово истреблять людей. Эти обстоятельства потребовали от руководства всех стран приступить к разработке и реализации системы мероприятий по защите населения и объектов тыла от обычных средств и оружия массового поражения как одной из приоритетных задач государства по обеспечению безопасности страны.

Необходимость защиты мирного населения от опасностей военных действий была осознана в России ещё в ходе Первой мировой войны. Однако на государственном уровне внимание вопросам безопасности населения тыла и народного хозяйства от воздушного нападения противника и хими-

ческого оружия стало уделяться после Гражданской войны, в 20-е годы прошлого века [28, с. 4]. 4 октября 1932 г. в связи с необходимостью создания централизованной системы защиты городского населения от нападения с воздуха Совет народных комиссаров СССР утвердил «Положение о противовоздушной обороне Союза Советских Социалистических Республик», согласно которому была официально учреждена Местная противовоздушная оборона (МПВО) [36, с. 253].

Она представляла собой систему государственных мероприятий по защите населения, городов и объектов народного хозяйства от средств нападения с воздуха и ликвидаций последствий нападения. МПВО включала в себя маскировку, воздушное наблюдение и разведку, инженерные сооружения, противохимическую и медико-санитарную защиту и охрану порядка. [31, л. 1, 3]. Эти мероприятия осуществлялись местными органами власти и руководителями предприятий под руководством военных органов управления.

Известно, что в ряде стран, включая и Россию, защита населения городов и промышленных предприятий имела место уже в годы Первой мировой войны, где впервые были применены стратегические бомбардировки и химическое оружие. Однако, несмотря на возросший интерес среди историков к событиям этого периода, вопросы организации защиты населения от воздушного нападения и химического оружия до сих пор изучены слабо.

Первая мировая война показала, что сила военных машин и масштабы разрушений вышли за рамки традиционных войн [30, с. 173]. С первых месяцев войны воюющие стороны стали активно применять дирижабли и аэропланы не только с целью ведения разведки, но и бомбометания по тыловым городам противника, что приводило к гибели среди мирного населения. Уже в первый год войны воздушным бомбардировкам практически ежедневно подвергались такие города, как Кельцы, Пултуск, Млава, Ломжи, Прасныш, Лодзь, населенные пункты Блонского уезда и др. [1, с. 149].

Поэтому перед государственными органами управления встала принципиально новая задача – защита населения прифронтовых городов от воздушных бомбардировок.

Во время войны 50 губерний России были переведены на военное положение,

а остальные – на чрезвычайное. Данные области передавались в ведение военного командования [3, с. 62].

Так, в соответствии с Положением о полевом управлении войск в военное время все местности и все гражданское управление на театре военных действий с момента объявления мобилизации подчинялись главным начальникам военных округов [5, с. 84]. Таким образом, на военно-окружную администрацию также возлагалось общее руководство «гражданской частью» [25, с. 112].

Военные власти наделялись полномочиями в области охраны государственного порядка, регулирования выезда и въезда в губернии, ввоза и вывоза продовольствия и средств, необходимых для ведения войны. Также именно они стояли у истоков разработки мероприятий по защите населения от воздушного нападения.

В первые дни войны были образованы два новых военных округа, получивших особый статус «округов на театре военных действий»: Двинский и Минский. Всего на театре военных действий находилось шесть военных округов: Двинский, Минский, Киевский, Одесский, Петроградский и после вступления в войну Турции Кавказский [3, с. 212].

Однако в каждом военном округе организация деятельности военно-окружной администрации по защите населения от воздушного нападения осуществлялась по-разному.

Одними из первых, кто начал проводить мероприятия по защите населения городов от воздушного нападения, были органы военного управления Двинского и Минского военных округов, города и крупные административные и промышленные центры которых непосредственно оказались в зоне боевых действий.

Исходя из того, что органы власти и военного командования впервые столкнулись с угрозой бомбардировок городов и применением химического оружия, выполнение мероприятий по защите населения проводилось несистемно, и на различных уровнях военного командования отвечали за их реализацию различные должностные лица. При этом определение компетенции должностных лиц (командующие армии или флота, командиры соединений, в чьем районе располагались населенные пункты, начальники военных округов, коменданты гарнизонов и крепостей)

зависело от специфики города, населённого пункта (город-крепость, морской порт, центр промышленного производства) и близости его расположения к линии фронта.

Например, в Варшаве вопросы защиты населения находились в ведении органов полиции, градоначальства и коменданта гарнизона города. Одним из первых мероприятий, проведённых данными должностными лицами, была организация светомаскировки. В январе 1915 г. Варшавский обер-полицмейстер генерал-майор П. П. Мейер довел до населения требования, запрещающие наружное освещение, и обязанности по занавешиванию окон во всех помещениях в ночное время [5]. Для закрепления действий по светомаскировке в городе стали проводиться тренировки. Одновременно с этим отрабатывались и вопросы оповещения жителей города [24].

Проведенные мероприятия быстро дали положительный результат. Так, во время очередного ночного налета немецкого авиационного отряда на Варшаву 12 марта (27 февраля) полиция в течение нескольких минут обеспечила своевременную полную светомаскировку города. В результате этого разрушений и жертв среди жителей не было [26].

Одновременно с варшавским градоначальством вопросами защиты жителей польской столицы стало заниматься и командование гарнизона г. Варшавы. В марте 1915 г. начальник гарнизона Варшавы генерал-лейтенант А. Ф. Турбин довел до сведения горожан правила поведения при воздушном нападении противника и условный сигнал оповещения (три холостых выстрела) [29].

Со всеми требованиями и рекомендациями по действиям населения при бомбардировках противника граждан знакомили с помощью объявлений, листовок и газет.

Аналогично стали организовываться мероприятия по защите населения и в других городах Двинского и Минского военных округов.

В Гродно 3 мая (20 апреля) 1915 г. комендантом Гродненской крепости генералом от инфантерии М. И. Кайгородовым также были обнародованы меры предосторожности и порядок оповещения при налете вражеских авиационных отрядов [39, с. 133]. Через несколько дней, 8 мая, он издал приказ, обязывающий всех жителей города, а также правительственные и общественные учреждения завешивать окна в 23.00 [18].

В Бресте комендант крепости определил способы оповещения населения (набатом) и действия населения при его получении [6, с. 85].

В городах, где располагалось командование фронтов, армий и округов, вопросами защиты населения занимались штабы указанных соединений. Например, в Двинске для снижения эффективности ночных налетов немцев начальник штаба округа установил с 21.30 по петроградскому времени полное прекращение электрического освещения зданий, промышленных предприятий и городских улиц. Кроме того, для защиты мирного населения от воздушных налетов противника в городе стали применяться специальные убежища и укрытия [19, с. 25].

Иная картина сложилась на Балтийском побережье. Особенностью этого региона было то, что система военного и гражданского управления осложнялась административным положением прибалтийских губерний в системе государственного управления. Так, Эстляндская и Лифляндская губернии, кроме Риги и Рижского уезда, входили в состав Петроградского военного округа, во главе гражданского управления которыми стоял комендант Морской крепости имени императора Петра Великого адмирал А. М. Герасимов. Между тем Рига с уездом и Курляндской губернией были включены в район Двинского военного округа. Такая ситуация вызывала неразбериху в системе управления гражданской частью в Прибалтике. Поэтому Верховный главнокомандующий Великий князь Николай Николаевич решил объединить гражданское управление всего края, за исключением Ревеля как морской крепости в руках одного лица, сохранив подчинение территории в военном отношении военным округам [34, с. 206]. В итоге осенью 1914 г. была введена должность помощника главного начальника Двинского военного округа, на которую был назначен генерал-лейтенант П. Г. Курлов. Его канцелярия была сформирована в Риге [32, с. 3]. Именно в руках П. Г. Курлова до конца 1915 г. и были сосредоточены вопросы организации мероприятий по защите населения Прибалтики.

Еще одной особенностью прибалтийских городов было то, что для них, кроме воздушных бомбардировок, существовала угроза обстрела со стороны моря. Поэтому в сентя-

бре 1914 г. командование 6-й армии довело до рижан требования светомаскировки [4]. Аналогичные мероприятия были разработаны и доведены до жителей Либавы либавским полицмейстером 15 (2) ноября 1914 г. [12]. В январе 1915 г. этими вопросами непосредственно стала заниматься военная администрация города [13].

Разработка и реализация указанных мероприятий осуществлялась на основании постановлений помощника главного начальника Двинского военного округа. Доведение этих требований возлагалось на губернаторов Лифляндской, Эстляндской и Курляндской губерний [23].

Подобные меры принимал и комендант Морской крепости имени Петра Великого вице-адмирал А. М. Герасимов. Во вверенном ему районе находились такие важные центры, как Ревель, Гапсаль, Або и Балтийский порт [1, с. 76–78]. В июле 1915 г. им был определен порядок и организации, осуществляющие оповещение населения о воздушном нападении и обстреле со стороны моря, средства и сигнал оповещения [24].

Для неукоснительного выполнения своих требований военное командование всех уровней в полной мере использовало имеющиеся у них полномочия. За их нарушения виновные подвергались административному штрафу или заключению в тюрьму [35].

Вместе с тем как в Минском, так и в Двинском военных округах данные мероприятия не носили системного характера. Задача по их выполнению была возложена на различные органы военного командования, зачастую не взаимодействовавшие между собой. Иногда гражданская администрация вынуждена была самостоятельно проявлять инициативу, не дожидаясь действий от должностных лиц гарнизонов, округов или штабов армий.

Особенно это касалось вопросов защиты населения от химического оружия. 31 (18) мая 1915 г. немцы провели первую газобаллонную атаку на русском фронте [4, с. 41]. По сообщению главноуполномоченного Красног Креста северо-западного района, случаи применения немцами бомб с удушливыми газами были в районе всех армий фронта [38]. При этом создавалась реальная угроза гибели мирного населения от химического оружия. Например, в Риго-Шавельском районе боевых действий 8 июня (26 мая) 1915 г.

немцы обстреляли снарядами с газами деревни [37].

Учитывая этот фактор, многие городские власти в прифронтовых районах вынуждены были предпринять меры по защите населения от химического оружия. В Белостоке городская санитарная комиссия 2 августа (20 июля) 1915 г. довела до жителей города рекомендации по защите от удушливых газов. Специальные брошюры были распространены ей на фабриках и заводах [12].

Наиболее стройную систему по защите населения от химического оружия и воздушного нападения приобрели мероприятия, выполняемые в Петроградском и Одесском военных округах.

В Петроградском военном округе выполнение этих требований стало осуществляться силами 6-й армии. В первую очередь командование армии наладило работу с губернскими и городскими властями по наблюдению за аэропланами и оповещению населения.

В конце сентября 1914 г. начальник штаба 6-й армии генерал-лейтенант князь П. Н. Енгальчев направил Псковскому губернатору Н. Н. Медему запрос о разработке мер организации наблюдения за летательными аппаратами, а также рекомендовал в этих целях приобрести для правоохранительных структур оптику и астрономические инструменты. Среди различных вариантов были и предложения по привлечению к наблюдению и оповещению пожарных, полицейских и ночных сторожей [43, с. 219–220].

11 октября (28 сентября) по согласованию с генералом Енгальчевым Петроградский губернатор предписал чинам полиции установить при содействии местного населения наблюдение за летательными аппаратами [34, л. 22]. При этом организация воздушного наблюдения на дальних подступах к Петрограду (до 200–300 км) находилась в ведении Министерства внутренних дел, которое имело сеть своих постов преимущественно на железнодорожных станциях, оборудованных телеграфными и телефонными средствами связи [38].

Привлечение местного населения к наблюдению за аэропланами приобрело формы натуральной повинности и привлекло внимание Государственной Думы. 31 (18) августа 1915 г. член Государственной Думы от Санкт-Петербургской губернии И. Т. Евсе-

ев обратился к главнокомандующему 6-й армией с просьбой отменить это решение, которое было удовлетворено [33, л. 19–20].

В середине сентября 1914 г. над территорией Финляндии стали появляться германские дирижабли, что вынудило военное командование России срочно создавать воздушную оборону Петрограда, в рамках которой начали реализовываться мероприятия по защите населения от воздушного нападения [18]. Решение этой задачи было поручено генерал-майору Г. В. Бурману, в прошлом инженеру, занимающемуся техническими новинками для армии [16]. Весной 1915 г. он приступил к разработке мер по оповещению полиции и населения Петрограда в случае появления немецких аэропланов и дирижаблей [35, л. 17об.].

8 мая (25 апреля) 1915 г. приказом главнокомандующего 6-й армией генерал Г. В. Бурман был назначен начальником воздушной обороны; введены должности его помощников и заместителей, сформирован штаб воздушной обороны во главе с капитаном Бениксоном [32, л. 27].

Таким образом, был образован орган, которому для решения вопросов защиты Петрограда от воздушного нападения в оперативном отношении подчинялись армейские подразделения, петроградская крепостная артиллерия, а также городские органы власти. Сам генерал Бурман был наделен правами командира дивизии с подчинением командующему армией.

12 мая (29 апреля) 1915 г. была введена Инструкция для действия частей, назначенных для борьбы с воздушным противником. Она обязывала столичного градоначальника осуществлять посредством полиции оповещение населения с предупреждением укрываться в подъездах и воротах и не выходить на улицы. Предписывала также направлять пожарные команды без вызова на место, куда будет брошена бомба. За доведение сигнала тревоги и ее отбоя отвечал начальник воздушной обороны округа [31, л. 44–45].

Кроме того, по его указанию осуществлялось централизованное тушение уличного освещения Царского села и Петрограда, а также внутри административных и жилых зданий [Там же]. В этих целях был разработан специальный сигнал, который направлялся дежурным наблюдательного поста те-

леграммой по адресу: «Петроград – Воздух». В ней указывался тип летательного аппарата и направление его движения [534, л. 46]. При передаче сигнала по телефону все электрические станции прекращали свою работу. При этом уличное освещение отключалось через 15 минут, а внутреннее – через 30–40 минут по получении приказа. Одновременно останавливалось трамвайное движение и работа заводов, которые могли демаскировать клубами выпускаемого пара свое местонахождение [40, с. 131]. Оповещение населения в Царском Селе осуществлялось с помощью электрических сирен «условным предупредительным сигналом». Освещение города при этом дважды прекращалось на 1 минуту каждый раз, с короткими перерывами между ними, после чего оно «прекращалось совершенно на все время тревоги» [41, с. 151].

В 1916 г. данные мероприятия получили дальнейшее развитие. В частности, Штаб Петроградского военного округа поддержал идею ограничения трамвайного движения внутри города в период налетов на столицу цеппелинов. Одновременно с этим были рассмотрены такие вопросы первоочередной важности, как: своевременное оповещение населения о появлении воздушного противника «особыми сигналами посредством сирен», соблюдение светомаскировки в темное время суток, наличие дежурных смен частей войск и полиции, готовность пожарных и санитарных команд к ликвидации последствий бомбардировок, оказание необходимой медицинской помощи и т. д.

Для решения указанных задач генерал-майором Г. В. Бурманом были предложены следующие меры: разделить Петроград на районы между дислоцировавшимися там частями войск и резервом полиции, формируя из них дежурные команды для ликвидации последствий воздушных налетов противника; распределить весь автомобильный парк столицы по районам для содействия войскам и оказания помощи раненым; назначить на каждый район города соответствующее количество врачей, фельдшеров и санитаров из числа военных и частных лечебных учреждений. Все эти предложения были одобрены в штабе округа [39].

Необходимость выполнения данных мер имела под собой веские основания. Германское командование, помня об эффективно-

сти налетов на Лондон, стремилось деморализовать население и войска интенсивными бомбардировками. Тем самым оно хотело разрушить тыл русской армии – это была стратегическая и вполне выполнимая задача. Для ее осуществления было выделено несколько дирижаблей. С конца декабря 1916 г. по март 1917 г. немцы трижды предпринимали попытки совершить налеты на Петроград. Но в результате плохих метеоусловий все они потерпели неудачу [22, с. 185–187].

Взятие германской армией Риги в ходе проведения Рижской операции в сентябре 1917 г. вызвало реальные опасения среди военного командования, Временного Правительства и горожан о возможном проведении немцами воздушных налетов на Петроград.

Поэтому 2 октября (19 сентября) 1917 г. городской управой было опубликовано объявление с доведением порядка проведения светомаскировки и правил поведения горожан при налетах авиации [32].

Несмотря на то, что главнокомандующий Северным фронтом генерал от инфантерии В. А. Черемисов исключал возможность воздушного нападения немецких аэропланов и дирижаблей [46], начальник штаба Петроградского военного округа 3 октября (20 сентября) довел способы оповещения и рекомендации населению в случае воздушной атаки [13].

Для подготовки к отражению налета в городе были расставлены сирены и проведены тренировки по оповещению и светомаскировке. Результат проверки показал, что существующая организация светомаскировки поставлена неудовлетворительно, что и констатировал начальник штаба воздушной обороны штабс-капитан П. Д. Вотинцев. Было принято решение осуществлять её путем прекращения работы электрических станций. Также он предлагал для оповещения населения активно привлекать домовые комитеты и дворников [25].

Не остались в стороне от этой работы и городские органы власти и представители Всероссийского союза городов. 27 (14) октября 1917 г. городской врачебно-санитарный совет обсудил вопрос об организации первой помощи пострадавшим при воздушных налетах на Петроград. Совет принял решение привлечь для этого силы имеющихся в городе врачебных учреждений при содействии Всероссийского союза городов [33].

Можно сказать, что в период Первой мировой войны в правовом поле практически только начинали оформляться некоторые гуманистические принципы в применении к такому явлению, как война.

Литература

1. Багдасарян А. О. 1914 год. Новые методы ведения войны: мирное население как объект военных действий // Первая мировая война: взгляд спустя столетие. 1914 год: от мира к войне: доклады и выступления участников III Международной научно-практической конференции. М.: МНЭПУ, 2015. С. 144–152.
2. Бакин А. Н., Рогожкин Ю. А., Горошинкин М. В. «С моим противоголом не бойтесь. Он спасет вас от любых газов». К 100-летию создания первого русского противогола // Военно-исторический журнал. 2015. № 12. С. 41–45.
3. Безугольный А. Ю., Ковалевский Н. Ф., Ковалев Е. В. История военно-окружной системы в России. 1862–1918. М.: Центрполиграф, 2012. 502 с.
4. Беларусь в годы Первой мировой войны (1914–1918): сборник документов / сост. В. В. Врублевский. Минск: Беларусь, 2014. 356 с.
5. Варшавский дневник. 1915. 14 (27) янв. №14.
6. Виленский курьер – Наша копейка. 1914. 18 сентября. № 1863.
7. Виленский курьер – наша копейка. 1915. 28 апреля. № 2081.
8. Виленский курьер – наша копейка. 1915. 20 июля. № 2164.
9. В ожидании воздушных налетов // Петроградский листок. 1917. 20 сентября. № 226.
10. Голотюк В. Организатор воздушной обороны Петрограда // Военно-промышленный курьер. Общероссийская еженедельная газета. 2005. 16 ноября. № 43 (110).
11. Голотюк В., Лашков А. Россия – родина истребительной авиации // Вестник воздушного флота. 2001. № 3.
12. Дирижабли на войне. М.: АСТ, 2000. 496 с.
13. Дневник // Ревельский вестник. 1915. 21 апреля. № 751.
14. Дневник // Ревельский вестник. 1915. 13 июля. № 816.
15. Еще о налете немцев // Петроградский листок. 1917. 28 сентября. № 233.
16. К налету цеппелинов // Петроградский листок. 1917. 19 сентября. № 225.

17. К налету цеппелинов // Петроградский листок. 1917. 15 октября. № 248.
18. Курлов П. Г. Гибель императорской России. М.: Современник, 1992. 255 с.
19. Лашков А. Ю. Двинский эксперимент противовоздушной обороны // Военно-исторический журнал. 2009. № 7. С. 21–25.
20. Лашков А. Ю. Организация Петроградского района противовоздушной обороны 1914–1918 гг. // Военно-исторический журнал. 2010. № 3. С. 3–8.
21. Лашков А. Ю. Организация Петроградского района противовоздушной обороны 1914–1917 гг. // Военно-исторический журнал. 2010. № 4. С. 9–14.
22. Либавская мысль: политическая и литературная газета. 1914. 2 (15) ноября. № 29.
23. Либавская мысль: политическая и литературная газета. 1915. 16 (29) января. № 12.
24. Либавская мысль: политическая и литературная газета. 1915. 5 февраля (23 января). № 18.
25. Михайлов А. А. Псков в годы Первой мировой войны. 1914–1915 гг. Псков: Дом печати, 2012. 344 с.
26. Немцы над Варшавой // Варшавская мысль. 1915. 15 (28) февраля. № 46.
27. Опасность Петрограду не грозит // Петроградский листок. 1917. 20 сентября. № 226.
28. От МПВО к гражданской защите. Исторический очерк / под ред. С. К. Шойгу. М.: УРСС, 1998. 336 с.
29. От начальника гарнизона г. Варшавы // Варшавский дневник. 1915. № 50. С. 1.
30. Померанц Г. Вкус к жестокости // Родина. 1993. № 8–9. С. 172–175.
31. Российский государственный военный архив. Ф. 37878. Оп. 1. Описание фонда.
32. Российский государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА) Ф. 1932. Описание фонда.
33. РГВИА Ф. 2126. Оп. 1. Д. 234.
34. РГВИА. Ф. 2126 Оп. 1. Д. 235.
35. Рижская мысль. 1915. 10 (23) апреля. № 2312.
36. Советская военная энциклопедия: в 8 т. Т. 5: Линия адаптивной радиосвязи – Объектовая ПВО / под ред. А. А. Гречко: М.: Воениздат, 1978. 688 с.
37. Удушливые газы // Виленский вестник. 1915. 5 июня. № 3651.
38. Удушливые газы // Рижская мысль. 1915. 18 (31) мая. № 2342.
39. Черепица В. Н. Город-крепость Гродно в годы Первой мировой войны: мероприятия гражданских и военных властей по обеспечению обороноспособности и жизнедеятельности: монография. Гродно: ГрГУ, 2006. 356 с.
40. 100 лет Военно-воздушным силам России (1912–2012 годы): в 2 т. Т. 2 / под общ. ред. В. Н. Бондарева. М.: Русские витязи, 2012. 792 с.
41. 100-летие противовоздушной обороны России, 1914 – 2014. В 2 т. Т. 1. М.: Русские витязи, 2014. 360 с.

References

1. Bagdasaryan A. O. 1914 god. Novye metody vedeniya voyny: mirnoe naselenie kak ob'ekt voennykh deistvii (1914. New methods of warfare: the civilian population as the object of military operations) // Pervaya mirovaya voyna: vzglyad spustya stoletie. 1914 god: ot mira k voine: doklady i vystupleniya uchastnikov III Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (The First World War: A look a century later. 1914: from peace to war: the reports and speeches of the participants of the III International scientific and practical conference). М.: ИИЕПУ Publ., 2015. P. 144–152.
2. Bakin A. N., Rogozhkin Yu. A., Goroshinkin M. V. «S moim protivogazom ne boites'. On spaset vas ot lyubykh gazov». K 100-letiyu sozdaniya pervogo russkogo protivogaza («With my gas mask do not be afraid. He will save you from any gas»). On the 100th anniversary of the first Russian gas mask // Voennno-istoricheskii zhurnal. 2015. No. 2. P. 41–45.
3. Bezugol'nyi A. Yu., Kovalevskii N. F., Kovalev E. V. Istoriya voenno-okruzhnoi sistemy v Rossii. 1862–1918 (The history of the military district in Russia. 1862–1918). М.: Tsentrpoligraf, 2012. 502 p.
4. Belarus' v gody Pervoi mirovoi voyny (1914–1918): sbornik dokumentov (Belarus in the First World War (1914–1918): a collection of documents) / ed. by V.V. Vrublevskii. Minsk: Belarus', 2014. 356 p.
5. Varshavskii dnevnik. 1915. No. 14.
6. Vilenskii kur'er – Nasha kopeika. 1914. No 1863.
7. Vilenskii kur'er – nasha kopeika. 1915. No. 2081.
8. Vilenskii kur'er – nasha kopeika. 1915. No. 2164.
9. V ozhidanii vozdushnykh naletov (In anticipation of air raids) // Petrogradskii listok. 1917. No. 226.
10. Golotyuk V. Organizator vozdushnoi oborony Petrograda (The organizer of the air defense of Petrograd) // Voennno-promyshlennyy kur'er. Obshcherossiiskaya ezhenedel'naya gazeta. 2005. No. 43 (110).
11. Golotyuk V., Lashkov A. Rossiya – rodina istrebitel'noi aviatsii (Russia-Homeland Fighter) // Vestnik vozdushnogo flota. 2001. No. 3.
12. Dirizhabli na voine (Airships in the war) Mn.: Kharvest; М.: АСТ, 2000. 496 p. (In Russian).
13. Dnevnik (A diary) // Revel'skii vestnik. 1915. No. 751.

14. Dnevnik (A diary) // Revel'skii vestnik. 1915. No. 816.
15. Eshche o nalete nemtsev (More about the raid the Germans) // Petrogradskii listok. 1917. No. 233.
16. K naletu tseppelinov (To fly zeppelins) // Petrogradskii listok. 1917. No. 225.
17. K naletu tseppelinov (To fly zeppelins) // Petrogradskii listok. 1917. No. 248.
18. Kurlov P. G. Gibel' imperatorskoi Rossii (Death of imperial Russia) M.: Sovremennik, 1992. 255 p.
19. Lashkov A. Yu. Dvinskii eksperiment protivovozdushnoi oborony (Dvina Experiment air defense) // Voenno-istoricheskii zhurnal. 2009. No. 7. P. 21–25.
20. Lashkov A. Yu. Organizatsiya Petrogradskogo raiona protivovozdushnoi oborony 1914 – 1918 gg. (The organization of the Petrograd District Air Defence 1914 – 1918) // Voenno-istoricheskii zhurnal. 2010. No. 3. P. 3–8.
21. Lashkov A. Yu. Organizatsiya Petrogradskogo raiona protivovozdushnoi oborony 1914–1917 gg. (The organization of the Petrograd District Air Defence 1914–1917) // Voenno-istoricheskii zhurnal. 2010. No. 4. P. 9–14.
22. Libavskaya mysl'. Politicheskaya i literaturnaya gazeta. 1914. No. 29.
23. Libavskaya mysl'. Politicheskaya i literaturnaya gazeta. 1915. No. 12.
24. Libavskaya mysl'. Politicheskaya i literaturnaya gazeta. 1915. No. 18.
25. Mikhailov A. A. Pskov v gody Pervoi mirovoi voiny. 1914–1915 (Pskov during the First World War. 1914–1915) Pskov: Dom pechati, 2012. 344 p.
26. Nemtsy nad Varshavoi (Germans over Warsaw) // Varshavskaya mysl'. 1915. No. 46.
27. Opasnost' Petrogradu ne grozit (The danger does not threaten Petrograd) // Petrogradskii listok. 1917. No. 226.
28. Ot MPVO k grazhdanskoi zashchite. Istoricheskii ocherk (From local air defense to civil protection. Historical Review) / ed. by S. K. Shoigu. M.: URSS, 1998. 336 p.
29. Ot nachal'nika garnizona g. Varshavy (From the garrison of Warsaw) // Varshavskii dnevnik. 1915. No. 50. P.1.
30. Pomerants G. Vkus k zhestokosti (The taste for cruelty) // Rodina. 1993. No. 8–9. P. 172–175.
31. Russian State Military Archive (RGVA). F. 37878. Op. 1. Opisanie fonda.
32. Russian State Military and Historical Archive (RGVIA). F. 1932.
33. RGVIA. F. 2126. Op. 1. D. 234.
34. RGVIA. F. 2126. Op. 1. D. 235.
35. Rizhskaya mysl'. 1915. No. 2312.
36. Sovetskaya voennaya entsiklopediya (Soviet Military Encyclopedia): 6 t. T. 5: Liniya adaptivnoi radiosvyazi – Ob'ektovaya PVO / ed. by A. A. Grechko. M.: Voenizdat, 1978. 688 p.
37. Udushlivye gazy (Asphyxiating gases) // Vilenskii vestnik. 1915. No. 3651.
38. Udushlivye gazy (Asphyxiating gases) // Rizhskaya mysl'. 1915. No. 2342.
39. Cherepitsa V. N. Gorod-krepost' Grodno v gody Pervoi mirovoi voiny: meropriyatiya grazhdanskikh i voennykh vlastei po obespecheniyu oboronosposobnosti i zhiznedeystel'nosti: monografiya (The walled city of Grodno during the First World War: the event of civil and military authorities to ensure the defense capability and functioning). Grodno: GrSU Publ., 2006. 356 p.
40. 100 let Voenno-vozdushnym silam Rossii (1912–2012 gody) (100 years of the Air Force Russia (1912–2012) / ed. by V. N. Bondareva. Vol. 2. M.: Russkie Vityazi, 2012. 792 p.
41. 100-letie protivovozdushnoi oborony Rossii. 1914–2014 (The 100-th anniversary of Russian air defense. 1914–2014). T. 1. M.: Russkie vityazi, 2014. 360 p.

УДК 94(47).07

А. Ф. Байтерякова, С. И. Маловичко

**ТРАНСФОРМАЦИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИСТОРИИ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII – ПЕРВОЙ ТРЕТИ XIX ВЕКА**

В статье раскрывается проблема трансформации практики конструирования прошлого нации-государства во второй половине XVIII – первой трети XIX вв. Компаративный анализ текстов «больших нарративов» о национальном прошлом XVIII в. и национально-государственных нарративов XIX в. позволил выявить основные черты, демонстрирующие отличие способов историописания о нации-государстве, к ним относятся:

читательская аудитория, профессионализация историографии, особое внимание к «своему» нации-государству, становление «европейского канона» и др.

Ключевые слова: источниковедение историографии, национальная история, «большой нарратив», национально-государственный нарратив.

А. F. Bayteryakova, S. I. Malovichko

**TRANSFORMATION OF NATIONAL HISTORY IN THE SECOND HALF
OF XVIII-th – THE FIRST THIRD OF THE XIX-th CENTURY**

The paper studies the problem of the transformation of construction practice as regards the past of the nation-state in the second half of 18th – the first third of the 19th century. Comparative analysis of «grand narrative» texts on national past of the 18th century and the national-state narratives of the 19th century revealed the main lines showing the difference

in historical description of the nation-state. The latter include readership, professionalizing of historiography, special focus on one's «own» nation-state, development of «the European canon», etc.

Key words: source study of historiography, national history, «grand narrative», national-state narrative.

В докладе на V Международном конгрессе исторических наук, который собрался после 10-летнего перерыва (планировавшийся V Международный конгресс исторических наук в Санкт-Петербурге не смог состояться из-за начавшейся войны в Европе) в 1923 г. в Брюсселе, известный бельгийский историк А. Пиренн коснулся проблемы национальной истории и вынужден был признаться: «Поражаешься, когда наблюдаешь, до какой степени национальное прошлое захватывает внимание исследователей во всех странах». Это не является злом, – продолжил историк, – но «зло заключается в духе односторонности, с которой присматриваются к такому [национальному] прошлому». Какими бы блестящими не были национальные истории, в них нет беспристрастности, и это фатально, заключил Пиренн [31, р. 12–13].

Воздействие национальной истории на националистические настроения европей-

ских обществ историки стали отмечать еще в разгар Первой мировой войны [35, р. 236], но актуализировали историографический фактор, влиявший на складывание европейского национализма ученые, работавшие в рамках формирующейся с середины XX в. в социальных науках проблемной области *nationalism studies*. Анализ работ историков, позволил Х. Кону в 1944 г. увидеть разницу в историях российских историописателей М. М. Щербатова и М. Н. Карамзина, а также отметить, что труд последнего явился примером перехода к «бездушному национализму» [25, s. 309–554]. На связь европейской историографии, конструировавшей историческую память своих народов с национализмом, указали и иные исследователи, работающие в проблемной области *nationalism studies* [см., напр.: 16].

В историографии проблема «национальной истории» была актуализирована в конце

XX в. С одной стороны, это произошло под влиянием изучения феномена исторической памяти и «мемориального бума», начавшегося после публикации результатов исследований группы французских историков во главе с П. Нора [15]. С другой стороны, интерес к этой проблеме был вызван влиянием эпохи «после крушения Берлинской стены» и наметившейся «второй жизни» (казалось бы, уже умиравшей) национальной истории [23, р. 3]. По мнению современных историков, национальная история все еще имеет большую привлекательность среди историков-описателей, не отягощающих себя нормами научной истории [20, р. 3].

Заданный *nationalism studies* тон изучения национальной истории в контексте национализма или национализма в историописании повлиял на историков, которые плодотворно исследуют практику национального историописания как практику национализма или национализмов (появилось понятие «*historiographic nationalism*» [21, р. 34]). Однако такая исследовательская практика, к сожалению, пока оставляет в стороне сугубо историографическую проблему – анализ самой национальной истории как структуры, представленной далеко не однозначными видами историописания.

В данной статье мы обратим внимание на трансформацию лишь одного вида национальной истории второй половины XVIII – первой трети XIX века («большой нарратив» / национально-государственный нарратив). Под трансформацией мы понимаем не простое обновление или постепенное изменение, а преобразование структуры, способа историописания и целевой направленности национальной истории. Указанные в названии статьи хронологические рамки выбраны не случайно. Именно со второй половины XVIII в. актуализировалась практика создания многотомных произведений – «больших нарративов», посвященных национальному прошлому, а с начала XIX в., на наш взгляд, появляется новый вид национального историописания – национально-государственный нарратив (характеристику последнего недавно постарался дать один из авторов данной статьи [7]).

Наше исследование выполнено в предметном поле источниковедения историографии, которое востребует метод источникове-

дения для изучения истории исторического знания в междисциплинарном пространстве интеллектуальной истории. Историографическими источниками в нашей работе выступили, в первую очередь, российские, французские и британские «большие нарративы» XVIII в. и национально-государственные нарративы первой трети XIX в. В работе использован подход компаративной историографии [27, р. 25–39], который позволил: 1) создать меняющийся «нормативный» контекст исторической культуры Европы второй половины XVIII – первой трети XIX в., 2) сравнить модели конструирования национального прошлого в многотомных исторических произведениях эпохи позднего Просвещения и эпохи романтизма.

Нарратив о национальном прошлом в историографии уже не первое столетие называют «национальной историей» [8, с. 3], но при проведении компаративного историографического анализа оказывается, что такое понятие не обладает признаком строгости. «Национальной историей» называют не только исторические сочинения XIX–XX вв., а также работы европейских историков XVIII в. о национальном прошлом [7, р. 83–119] (при этом отмечая, что национальная история, повествующая об особой роли своего государства и народа, появляется только на рубеже XVIII–XIX вв. [24, р. 1]), но и практики обращения к прошлому в совершенно иных, восточных, традициях историописания, например, XIII–XVI вв. [см., напр.: 28, р. 29, 35].

Практика употребления в исторической науке понятия «национальная история» по отношению к восточным традициям историописания совершенно не согласуется с выводами историков о том, что расцвет национальной истории происходит в европейской модели историописания XIX в. и такая форма конструирования прошлого будет лишь потом копироваться у европейцев [36, р. 75].

Не все историки согласны с расширительным толкованием понятия «национальная история» применительно к XVIII и XIX вв., а значит – с отсутствием строгости в его использовании. Л. П. Репина проекты о национальном прошлом XVIII в. назвала «государственно-историческими» [10, с. 77], а А. Лиакос дал им название «преднациональной истории», указав, что они отличались от национальной истории XIX–XX вв.

любительским характером [26, р. 316]. Мы считаем, что названная Лиакосом черта важна, но недостаточна для признания разницы в историописании о национальном прошлом в XVIII и XIX вв. Учитывая приведенные выше обстоятельства, многотомные произведения XVIII в. о национальном прошлом (отличающиеся от национально-государственных нарративов XIX в.) будем называть «большими нарративами».

Как известно, в основе современного понимания истории лежит европейская модель исторического знания, которая возникла на традициях иудео-христианского представления о прошлом. Светские черты, отличные от хронографической (летописной) формы, история приобретает в Италии в период Ренессанса. Новые методы историописания, по замечанию редакторов третьего тома «Оксфордской истории историописания», распространились сначала на запад – во Францию, Испанию и Великобританию, затем в XVI в. на север – в Скандинавию и немецкие земли, а через некоторое время и на восток Европы – в Московское государство [32, р. 12]. По мнению историков, в Позднее Средневековье и в Раннее Новое время наиболее яркие политические и даже национальные черты в историописании стали проявляться в монархиях Западной и Северной Европы, особенно в Англии, Испании, Франции и России [Там же].

В XVIII в. практика обращения интеллектуалов к национальному прошлому, в целом, стала практикой секуляризованного историописания. Сущностной стороной процесса институционализации европейской историографии с эпохи Просвещения стала антропоцентричность, – ее объектом, выступил человек, а бог перестал быть актором истории. В российской историографии первой половины XVIII в. подтверждение этому процессу находим в «большом нарративе» В. Н. Татищева, где указаны отдельно разные виды историй: «история сакральная или святая» и «гражданская» (которую «более обыкли именовать светская») [13, кн. 1, с. I–II]. В британской историографии, по мнению В. В. Высоковой, заслуга Д. Юма заключалась «в создании светского нарратива и опускании антикварных “занудностей”» [2, с. 32]. Окончательно «светскую» историю от «сакральной» (в формулировках Татищева)

освободила стадияльная социальная теория развития человечества, выработанная шотландскими философами и историописателями. Эта теория позиционировалась как универсальная. Один из ее теоретиков А. Фергюсон в 1767 г. так и указывал: «стадии истории всех наций» [14, с. 130]. Таким образом, в период Просвещения светская история «становилась все более несовместимой с библейским рассказом» [32, р. 15].

Стадияльная теория довольно быстро распространяется в европейской исторической культуре второй половины XVIII в. В «Истории российской с древнейших времен» М. М. Щербатов уже в 1770 г. высказывает мысль о развитии человечества через универсальные формы быта – «степени» (кочевой, потом оседлый) [17, с. II]. Обращение авторов XVIII в. к национальному прошлому в немалой степени обуславливалось интересом не только к «своему», но и к общему. Историописатели старались рассмотреть то, как общие нормы и универсальные ценности претворяются в истории их народа или государства. Не случайно У. Робертсон, начиная свою многотомную «Историю Шотландии», обратил внимание на весь «грубый и невежественный» в прошлом север Европы, а затем описывал деятельность не только «своих», но и континентальных монархов [33, р. 1, 76–83], а Щербатов в начале своего многотомного труда написал: «...Я пишу в такое время, когда Россия просвещением своим равняется со всеми другими европейскими государствами» [17, с. XV].

Позиционируемый в «больших нарративах» второй половины XVIII в. универсализм опыта прошлого современные исследователи иногда объясняют «космополитическим подходом к вопросам национальной истории» [30, р. 12]. В исторической культуре эпохи Просвещения универсализм был связан еще и с уверенностью в неизменности природы человека. Например, Екатерина II в многотомных «Записках касательно российской истории», указывала: «...род человеческий везде... имел страсти, желания, намерения и к достижению употреблял нередко одинакие способы» [4, ч. 1, с. I–II]. Природа человека, по мнению историописателей, не зависела от времени и культуры, в которой этот человек жил. Поэтому И. П. Елагин (в задуманном многотомном, но незакончен-

ном) труде по истории России писал: «Известно мне, что сердце человеческое всегда одинаково, и то же ныне, каково было от самых веков начала. Я ведаю, что те же добродетели и те же пороки и страсти присущи и ныне в Петербурге и в Москве, какие в Афинах и Риме существовали <...>. Иоанн в Москве таков же тиран, каков Нерон был в Риме. Каков там возмутитель Катилина и мятежны трибуны; таков и у нас Хованской и головы стрелецкие. Как безрассудна и буйственна необузданная чернь в ветхой Италии, так равно и в Руси возмущенный народ слеп и кровожадуш» [5, с. XXXVII–XXXVIII].

По мнению современных историков С. Бергера и Х. Конрада, для рассмотрения вопроса об изменении национальной истории XVIII–XIX вв. можно воспользоваться гипотезой Ф. Артога о смене режимов историчности [22, р. 5]. Действительно, по мнению Артога, такая смена происходит на рубеже XVIII–XIX в. [1, с. 14–15]. Если обратиться к историческому произведению Щербатова, то можно заметить, что историописатель всецело зависит от «старого режима историчности», традиционных временных «рамки», а саму модель историописания берет у британца Д. Юма, отмечая, что история – это «великая цепь событий», в которую скрупулезно вставляются случившиеся во времени явления («коснуться каждого звена оныя») [17, с. XV]. У Н. М. Карамзина, писавшего многотомный национальный нарратив в начале XIX в., мы находим иное. Автор «Истории государства Российского» уже пробует сопротивляться «старому режиму историчности» XVIII в., он замечает, что сведения исторических источников историк обязан «соединить в систему», смотреть «на свойство и связь деяний», т. к. он не летописец, обращающий внимание только на время [6, т. 1, с. XX, XXI]. Изучение микроструктуры трудов Щербатова и Карамзина позволило И. Е. Рудковской заключить, что в «Истории государства Российского» явно заметен отход от погодного восприятия событий [11, с. 104–111].

В «режиме историчности», в котором работали историописатели XVIII в., доминирует представление о возможности получения из знания о прошлом поучительных примеров для настоящего, как писала Екатерина II, история «учит добро творить и от дурного остерегаться» [4, ч. 1, с. 1]. По мнению Ар-

тога, в «новом режиме историчности» начинает доминировать категория будущего, а «поучительные» примеры уступают место уникальным событиям» [1, с. 14–15]. Такая категория присутствует уже в «Истории государства Российского» Карамзина, который писал: «Новая эпоха наступила. Будущее известно единому богу; но мы, судя по вероятностям разума, ожидаем...» [6, т. 1, с. VI–VII]. Карамзин еще видит в истории «в некотором смысле... зеркало бытия» [6, т. 1, с. IX], но через 14 лет в многотомной «Истории русского народа» Н. А. Полевой прямо свяжет идею истории с прогрессом, указав, что с «идеей земного совершенствования мы перенесли свой идеал Прошедшего в Будущее», что «уроки Истории заключаются не в частных событиях... но в общности, целостности Истории» [9, т. 1, с. XIX].

Важно отметить, что с конца XVIII в. «большие нарративы» о национальном прошлом начинают терять заданный Просвещением универсализм и конструируют героизированную историю лишь «своего» народа. По наблюдению И. Е. Рудковской, если для микроструктуры труда Щербатова были характерны многочисленные рубрики, относящиеся к сфере международных отношений, что соответствовало традиции позднего Просвещения, то «визитной карточкой» микроструктуры труда Карамзина стали рубрики об отличительных свойствах отечественных героев его «Истории»...» [11, с. 104–112].

Конечно, историописатели XVIII в. никогда не теряли из вида свой народ. В. Н. Татищев даже выразился о российской истории как о «своей собственной истории» [13, кн. 1, с. V], а Д. Юм при случае старался усилить величие Англии, говоря, что «в Англии появились гораздо более значительные таланты» или, что она «может похвастаться тем, что именно в ней появился...» и т. д. [18, т. 2, с. 731–732]. С конца XVIII – начала XIX в. ситуация стала меняться. Новый подход продемонстрировала многотомная «История Швейцарской конфедерации» И. Мюллера [29]. На модель истории Мюллера в начале XIX в. обратили внимание европейские историки, приступившие к конструированию своих историй наций-государств. Это видно по реакции С. Н. Глинки, который в «Русской истории» в 14 частях (первое издание в 10 ч. в 1817–1818 гг.), сослался на слова Мюлле-

ра: ограничиваюсь только «своей» историей, и подчеркнул: «Ограничиваюсь историей русских» [3, ч. 1, с. 24–25]. В это же время Н. М. Карамзин в «Истории государства Российского» критикует Юма за то, что тот «излишне чуждался Англии» [6, т. 1, с. XX] (т. е. у британца отсутствовало присущее произведению Мюллера свойство ограничиваться «своим»).

Замечания Глинки и Карамзина продемонстрировали рефлексию об одной из важнейших черт новой модели национальной истории – она должна *актуализировать* «свое» (выделено авт.). Однако, если «Русская история» Глинки отличалась от исторических произведений XVIII в. лишь национализмом и уступала в научности даже «Истории» Щербатова, то модель конструирования национального прошлого, позиционируемая в «Истории» Карамзина уже вплотную приблизилась к «новому режиму историчности» (по Артогу) XIX в. Не случайно, современный исследователь Э. Д. Смит выделил Мюллера и Карамзина в ряду еще нескольких европейских историков первой половины XIX в., которые, по его мнению, заложили «моральный и интеллектуальный фундамент для зарождающегося национализма в своих странах» [12, с. 236].

По замечанию М. Баар, «История государства Российского» оказала большое влияние на практику конструирования национальных историй чехом Ф. Палацким, поляком И. Лелевелем, литовцем С. Даукантасом, румыном М. Когэлничану [19, р. 124–128]. В исторической культуре первой половины XIX в. рассказ о прошлом лишь одного «своего» коллективного героя – нации-государства становится присущим такому виду национальной истории как национально-государственный нарратив. В отличие от научных работ по вопросам национальной истории (монографии, диссертации, статьи и др.) социально ориентированный тип историописания, свойственный национально-государственному нарративу позволял конструировать актуальную национально-государственную идентичность. Кроме «Истории» Карамзина, приведенной выше, укажем в качестве примера на тридцатидвухтомную «Историю французов», в которой Ж. Ш. Л. С. де Сисмонди (игнорируя потрясения, вызванные Французской революцией) указывал на первенство Франции

среди других стран Европы в умении создавать «жизнеспособные институты власти» [34, р. I, XVII].

В отличие от исследовательских работ национально-государственный нарратив *предназначался для широкой читательской аудитории* (выделено авт.). Историки – авторы таких исторических произведений – нечасто, но рефлексировали о предназначенности своих произведений. В «Истории государства Российского» Н. М. Карамзин, отметил, что не только правители, но «и простой гражданин должен читать историю» [6, т. 1, с. IX], а через несколько лет де Сисмонди в «Истории французов» указал, что историю Франции «полезно знать всем» [34, р. I].

Националистическая реакция эпохи романтизма на универсализм, присущий предшествующей эпохе, содействовала актуализации поиска историками национальных корней и особых свойств своих народов, но в то же время способствовала созданию определенного европоцентристского образца, который А. Лиакос называет «*европейским канон*» (выделено авт.). По мнению историка, этот «канон» представлен определенными правилами рефлексии о Европе (присущие как западноевропейскому, так и восточноевропейскому историописанию) и общим набором объясняющих концептов, например: «европеизация», «отставание», «задержка», «наверстывание», «антистернизация» и др. (чаще всего их использовали историки Испании, Центральной Европы (Германия), а также Восточной Европы (Россия) и Балкан). Даже желание некоторых немецких или российских историков отделить «свое» прошлое от «Запада» оказывалось не оригинальным, а зависимым от «канона» [26, р. 317–334]. Национально-государственный нарратив Карамзина уже имеет некоторый набор черт присущих «европейскому канону». Историк отмечает, что язык славянский родственен другим европейским языкам [6, т. 1, с. 123–124], что христианство всем европейцам «предвещало науки и просвещение», явилось шагом к гражданственности [6, т. 1, с. 129] и т. д. Кроме того, Карамзин нашел причину и виновника «отставания» России от ведущих держав: «... Россия, терзаемая монголами, напрягала силы свои единственно для того, чтобы не исчезнуть: нам было не до просвещения!» [6, т. 5, с. 569].

Таким образом, на рубеже XVIII–XIX в. в структуре национальной истории происходит трансформация многотомного «большого нарратива», повествующего о прошлом нации-государства, этот вид историописания приобретает черты национально-государственного нарратива, который получает свою наибольшую популярность в классической модели европейской исторической науки. Любительский интерес к национальной истории сменяется профессиональным историописанием. Если «большой нарратив» адресовался просвещенному кругу читателей,

то национально-государственный нарратив предназначается всем. На смену истории «примеров» и универсализму, присущему Просвещению приходит особый интерпретационный способ отбора государствообразующих «событий», которые ориентированы в настоящее и будущее. Эпоха романтизма способствует актуализации в истории «своего» народа и его героев. В национально-государственном нарративе уже в первой трети XIX в. появляются черты «европейского канона», который будет влиять на конструирование прошлого нации-государства.

Литература

1. Артог Ф. Мировое время, история и написание истории (World time, history and writing of history) // Крыніцзнайства і спеціальні гістарычныя дысцыпліны: навук. зб. Вып. 3 / рэдкал.: У. Н. Сідарцоў і інш. Мінск: БДУ, 2007. С. 13–23.
2. Высокова В. В. Национальная история в британской традиции историописания эпохи Просвещения: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Екатеринбург: УФУ, 2015. 46 с.
3. [Глинка С. Н.] Русская история, сочиненная Сергеем Глинкою: в 14 ч. М.: Университетская типография, 1823.
4. [Екатерина II] Записки касательно российской истории: в 6 ч. СПб., 1787–1794.
5. [Елагин И. П.] Опыт повествования о России: сочинение Ивана Елагина, начатое на 65-м году от его рождения, лета от Р. Х. 1790, двора его императорского величества обер-гофмейстера. М.: Университетская типография, 1803. Кн. I–III. 532 с.
6. Карамзин Н. М. История государства Российского: в 12 т. СПб.: Типография Н. Греча, 1818–1829.
7. Маловичко С. И. Национально-государственный нарратив в системе национальной истории долгого девятнадцатого века // Диалог со временем: альманах интеллектуальной истории. 2016. Вып. 54. С. 83–119.
8. [Платонов С. Ф.] Лекции по русской истории, профессора Платонова: Читанные в 1898–99 учебн. году на Высших женских курсах, в Императорской С.-Петербургском университете и в Военно-юридической академии: в III вып. СПб.: Столичная скоропечатня, 1899.
9. [Полевой Н. А.] История русского народа / сочинение Николая Полевого: в 6 т. М.: Типография А. Семена, 1829–1833.
10. Репина Л. П. «Национальные истории» и концепции «истории как науки»: проблема совместимости // Национальный / социальный характер: археология идей и современное наследство. М.: ИВИ РАН, 2010. С. 77–78.
11. Рудковская И. Е. Микроструктура трудов М. М. Щербатова и Н. М. Карамзина как маркер традиции позднего Просвещения // Диалог со временем: альманах интеллектуальной истории. 2013. Вып. 43. С. 90–114.
12. Смит Э. Д. Национализм и историки // Нации и национализм / Б. Андерсон, О. Бауэр, М. Хрох и др. / пер. с англ. и нем. Л. Е. Переяславцевой, М. С. Панина, М. Б. Гнедовского. М.: Праксис, 2002. С. 236–263.
13. [Татищев В. Н.] История Российская с древнейших времен, неусыпными трудами через тридцать лет собранная и описанная покойным тайным советником и астраханским губернатором Василием Никитичем Татищевым: в 4 кн. М.: Императорский Московский университет, 1768–1784.
14. Фергюсон А. Опыт истории гражданского общества / пер. с англ. М.: РОССПЭН, 2000. 392 с.
15. Франция-память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок. СПб.: СПбГУ, 1999. 328 с.
16. Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 года / пер. с англ. А. А. Васильева. СПб.: Алетей, 1998. 306 с.
17. [Щербатов М. М.] История российская с древнейших времен / сочинена князем Михайлом Щербатовым: в VII т. [12 ч.]. Т. I. СПб.: При Императорской Академии наук, 1770. 399 с.
18. Юм Д. История Англии (извлечения) // Юм Д. Сочинения: в 2 т. / пер. с англ. [Философ. наследие]. М.: Мысль, 1996.
19. Baár M. Historians and Nationalism: East-Central Europe in the Nineteenth Century. N. Y.: Oxford University Press, 2010. 335 p.
20. Berger S. National Historiographies in Transnational Perspective: Europe in the Nineteenth and Twentieth Centuries // Storia della Storiografia. 2006. Num. 50 (2). P. 3–26.
21. Berger S. The Invention of National Traditions in European Romanticism // The Oxford History of Historical Writing: in 5 vol. Vol. 4: 1800–1945 / ed. by S. Macintyre, J. Maiguashca, A. Pók. N. Y.: Oxford University Press, 2011. P. 19–40.

22. Berger S., Conrad Ch. *The Past as History: National Identity and Historical Consciousness in Modern Europe* (Series Writing the Nation). N. Y.: Palgrave Macmillan, 2014. 592 p.
23. Berger S., Donovan M., Passmore K. *Apologias for the Nation-State in Western Europe since 1800 // Writing national histories: Western Europe since 1800 / ed. by S. Berger, M. Donovan, K. Passmore. L.: Routledge, 1999. P. 3–14.*
24. Carvalho S., Gemenne Fr. *Introduction // Nations and their Histories: Constructions and Representations. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2009. P. 1–3.*
25. Kohn H. *Die Idee des Nationalismus: Ursprung und Geschichte bis zur Französischen Revolution. Hamburg: S. Fisher, 1962. 546 s.*
26. Liakos A. *The Canon of European History and the Conceptual Framework of National Historiographies // Transnational Challenges to National History Writing // ed. by M. Middell, L. Roura. N. Y.: Palgrave Macmillan, 2013. P. 315–342.*
27. Lorenz C. *Comparative Historiography: Problems and Perspectives // History and Theory. 1999. Vol. 38. No. 1. P. 25–39.*
28. Mittag A. *Chinese Official Historical Writing under the Ming and Qing // The Oxford History of Historical Writing: in 5 vols. Vol. 3: 1400–1800 / ed. by J. Rabasa, M. Sato, E. Tortarolo, D. Woolf. N. Y.: Oxford University Press, 2012. P. 24–59.*
29. Müller J., von. *Geschichte der Schweizerischen Eidgenossenschaft: in 5 Bde. Leipzig, 1786–1808.*
30. O'Brien K. *Narratives of Enlightenment: Cosmopolitan History from Voltaire to Gibbon. Cambridge: Cambridge University Press, 1997. 264 p.*
31. Pirenne H. *De la méthode comparative en histoire: Discours prononcé à la Séance d'Ouverture du Ve Congrès International des Sciences Historiques, le 9 avril 1923. Bruxelles: M. Weissenbruch, 1923. 14 p.*
32. Rabasa J., Sato M., Tortarolo E., Woolf D. *Editors' Introduction // The Oxford History of Historical Writing: in 5 vols. Vol.3: 1400–1800 / ed. by J. Rabasa, M. Sato, E. Tortarolo, D. Woolf. N.Y.: Oxford University Press, 2012. P. 1–23.*
33. Robertson W. *History of Scotland during the reigns of Queen Mary and of King James VI // The Works of William Robertson: in 10 vol. L.: T. Tegg, 1826. Vol. 1. 409 p.*
34. [Sismondi J. C. L. S.] *Histoire des français: dans XXXI t. Paris: Treuttel et Würtz, 1821. T. I. 504 p.*
35. Stephens H. M. *Nationality and History // The American Historical Review. 1916. Vol. 21. No. 2. P. 225–236.*
36. Woolf D. *Of Nations, Nationalism, and National Identity: Reflections on the Historiographic Organization of the Past // The Many Faces of Clio Cross-cultural Approaches to Historiography / ed. by Q.E. Wang, Fr. Fillafer. N. Y.: Berghahn Books, 2006. P. 71–103.*

References

1. Artog F. *Mirovoe vremya, istoriya i napisanie istorii* (World time, history and writing of history) // *Kry'nicaznaŭstva i specy'yal'ny'ya gistory'chny'ya dy'scy'pliny': navuk. zb. (A source study and special historical disciplines: collection of scientific articles). Vol. 3 / ed. by: U. N. Sidarchoŭ and ect. Minsk: BDU, 2007. P. 13–23.*
2. Vy'sokova V. V. *Nacional'naya istoriya v britanskoj tradicii istoriopisaniya e'pohi Prosveshheniya* (National history in British history writing of Age of Enlightenment): avtoref. Dis. ... d-ra ist. nauk. Ekaterinburg: UFU, 2015. 46 p.
3. [Glinka S. N.] *Ruskaya istoriya, sochinennaya Sergeem Glinkoyu* (Russian history constructed by Sergey Glinka): 14 parts: University printing office, 1823.
4. [Ekaterina II] *Zapiski kasatel'no rossijskoj istorii* (Notes about Russian history): 6 parts. SPb., 1787–1794.
5. [Elagin I. P.] *Opy't povestvovaniya o Rossii: Ivana Elagina, nachatoe na 65-m godu ot ego rozhdeniya, leta ot R.Ch. 1790, dvora ego imperatorskogo velichestva ober-gofmejstera* (Experience of narrative of Russia: Ivan Elagin essay begun in the 65th year of his life, in summer of AD 1790, the court of His Imperial Majesty the chief steward). M.: University printing office, 1803. Vol. I–III. 532 p.
6. Karamzin N. M. *Istoriya gosudarstva rossijskogo* (Russian state history): 12 part. SPb.: N. Grech printing office, 1818–1829.
7. Malovichko S. I. *Nacional'no-gosudarstvenny'j narrativ v sisteme nacional'nogo istorii dolgogo Devyatnadcatogo veka* (National and state narrative in system of national history in a long nineteenth century) // *Dialog so vremenem. 2016. No. 54. P. 83–119.*
8. [Platonov S.F.] *Lekcii po russkoj istorii, professora Platonova: Chitanny'e v 1898–99 uchebn. godu na Vy'sshih zhenskikh kursah, v Imperatorskoj S.-Peterburgskom universitete i v Voenno-yuridicheskoy akademii* (Lectures on Russian History by professor Platonov: read in 1898–99 academic year at the University for women, the Imperial St. Petersburg University and the Military and Law academy): III volumes. SPb.: Stolichnaya skoropechatnya, 1899.
9. [Polevoj N. A.] *Istoriya russkogo naroda / sochinenie Nikolaya Polevogo* (Russian people history / Nikolay Polevoy essay): six volumes. M.: A. Semen printing office, 1829–1833.

10. Repina L. P. «Nacional'ny'e istorii» i koncepcii «istorii kak nauki»: problema sovместimosti («National History» and conception of «history as a science»: the issue of compatibility) // Nacional'ny'j / social'ny'j harakter: arheologiya idej i sovremennoe nasledstvo (National / social nature: archeology of ideas and contemporary inheritance). M.: WHI RAS, 2010. P. 77–78.
11. Rudkovskaya I. E. Mikrostruktura trudov M. M. Shcherbatova i N. M. Karamzina kak marker tradicii pozdnego Prosveshheniya (Microstructure M. M. Shcherbatov and N. M. Karamzin writings as a marker of tradition of the late Enlightenment) // Dialog so vremenem. 2013. No. 43. S. 90–114.
12. Smit E'. D. Nacionalizm i istoriki (Ethnicism and historians) // Nacii i nacionalizm (Nations and ethnicism) / B. Anderson, O. Baue'r, M. Hrox and colleagues / translated by L. E. Pereyaslavcevoj, M. S. Panina, M. B. Gnedovskogo. M.: Praxis, 2002. P. 236–263.
13. [Tatishhev V. N.] Istoriya Rossijskaya s drevnejshih vremen, neusy'pny'mi trudami cherez tridcat' let sobrannaya i opisannaya pokojny'm tajny'm sovetnikom i astrahanskim gubernatorom Vasiliem Nikitichem Tatishhevy'm (Russian history from earlier days, collected and described by the late Privy Councillor and Astrakhan governor Vasily Nikitich Tatishchev during thirty years): 4 volumes. M.: Moscow University printing office, 1768–1784.
14. Fergyson A. Opy't istorii grazhdanskogo obshhestva (Exprience of civil society history). M.: ROSSPE'N, 2000. 392 p.
15. Franciya-pamyat' (France-memory) / P. Nora, M. Ozuf, Zh. de Pyuimezh, M. Vinok. SPb.: S.-Peterburg university publ., 1999. 328 p.
16. Xobsbaum E'. Nacii i nacionalizm posle 1780 goda (Nations and ehnicism after 1780) / translated from English by A. A. Vasil'ev. SPb.: Aletejya, 1998. 306 p.
17. [Shherbatov M. M.] Istoriya rossijskaya s drevnejshih vremen / sochinena knyazem Mixajlom Shherbatovy'm (Russian history from earlier days / composed by duke M. Sherbatov): VII volumes [12 parts]. Vol. I. SPb.: Imperial Academy of Sciences, 1770. 399 p.
18. Yum D. Istoriya Anglii (izvlecheniya) (English history (extracts) // Yum D. Sochineniya (Writings): 2 volumes. M.: My'sl', 1996.
19. Baár M. Historians and Nationalism: East-Central Europe in the Nineteenth Century. N. Y.: Oxford University Press, 2010. 335 p.
20. Berger S. National Historiographies in Transnational Perspective: Europe in the Nineteenth and Twentieth Centuries // Storia della Storiografia. 2006. Num. 50 (2). P. 3–26.
21. Berger S. The Invention of National Traditions in European Romanticism // The Oxford History of Historical Writing: in 5 vol. Vol. 4: 1800–1945 / ed. by S. Macintyre, J. Maiguashca, A. Pók. N. Y.: Oxford University Press, 2011. P. 19–40.
22. Berger S., Conrad Ch. The Past as History: National Identity and Historical Consciousness in Modern Europe (Series Writing the Nation). N. Y.: Palgrave Macmillan, 2014. 592 p.
23. Berger S., Donovan M., Passmore K. Apologias for the Nation-State in Western Europe since 1800 // Writing national histories: Western Europe since 1800 / ed. by S. Berger, M. Donovan, K. Passmore. L.: Routledge, 1999. P. 3–14.
24. Carvalho S., Gemenne Fr. Introduction // Nations and their Histories: Constructions and Representations / ed. by S. Carvalho, F. Gemenne. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2009. P. 1–3.
25. Kohn H. Die Idee des Nationalismus: Ursprung und Geschichte bis zur Französichen Revolution. Hamburg: S. Fisher, 1962. 546 s.
26. Liakos A. The Canon of European History and the Conceptual Framework of National Historiographies // Transnational Challenges to National History Writing // ed. by M. Middell, L. Roura. N. Y.: Palgrave Macmillan, 2013. P. 315–342.
27. Lorenz C. Comparative Historiography: Problems and Perspectives // History and Theory. 1999. Vol. 38. No. 1. P. 25–39.
28. Mittag A. Chinese Official Historical Writing under the Ming and Qing // The Oxford History of Historical Writing: in 5 vols. Vol. 3: 1400–1800 / ed. by J. Rabasa, M. Sato, E. Tortarolo, D. Woolf. N.Y.: Oxford University Press, 2012. P. 24–59.
29. Müller J., von. Geschichte der Schweizerischen Eidgenossenschaft: in 5 Bde. Leipzig, 1786–1808.
30. O'Brien K. Narratives of Enlightenment: Cosmopolitan History from Voltaire to Gibbon. Cambridge: Cambridge University Press, 1997. 264 p.
31. Pirenne H. De la méthode comparative en histoire: Discours prononcé à la Séance d'Ouverture du Ve Congrès International des Sciences Historiques, le 9 avril 1923. Bruxelles: M. Weissenbruch, 1923. 14 p.
32. Rabasa J., Sato M., Tortarolo E., Woolf D. Editors' Introduction // The Oxford History of Historical Writing: in 5 vols. Vol.3: 1400–1800 / ed. by J. Rabasa, M. Sato, E. Tortarolo, D. Woolf. N. Y.: Oxford University Press, 2012. P. 1–23.
33. Robertson W. History of Scotland during the reigns of Queen Mary and of King James VI // The Works of William Robertson: in 10 vol. L.: T. Tegg, 1826. Vol. 1. 409 p.

34. [Sismondi J.C.L.S.] Histoire des français: dans XXXI t. / par J. C. L. Simonde de Sismondi. Paris: Treuttel et Würtz, 1821. Т. I. 504 p.
35. Stephens H. M. Nationality and History // The American Historical Review. 1916. Vol. 21. No. 2. P. 225–236.
36. Woolf D. Of Nations, Nationalism, and National Identity: Reflections on the Historiographic Organization of the Past // The Many Faces of Clio Cross-cultural Approaches to Historiography / ed. by Q.E. Wang, Fr. Fillafer. N. Y.: Berghahn Books, 2006. P. 71–103.

УДК 94(470.6).084.3/5

З. А. Бондарь

ПРОДОВОЛЬСТВЕННЫЙ КРИЗИС НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ В СЕРЕДИНЕ 1930 ГОДА И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА ВЗАИМООТНОШЕНИЯ КРЕСТЬЯНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ С ВЛАСТЬЮ

В статье раскрываются основные причины кризиса в сфере продовольственного снабжения населения Северного Кавказа летом 1930 г. Показывается их влияние на формирование в регионе советских аграрных отношений. Автор делает вывод о том, что продовольственные затруднения в Се-

веро-Кавказском крае начались задолго до возникновения голода 1932–1933 гг.

Ключевые слова: трудности продовольственного снабжения, система распределения, нормы выработки, аграрные отношения, крестьянские волнения, миграция сельского населения.

Z. A. Bondar

FOOD CRISIS IN THE NORTH CAUCASUS IN THE MIDDLE OF 1930 AND ITS IMPACT ON RELATIONS BETWEEN AUTHORITIES AND PEASANT POPULATION

The article studies the main causes of food supply crisis as regards the population of the North Caucasus in the summer of 1930. It shows their influence on the formation of Soviet agrarian relations in the region. The author concludes that food supply challenges in the

North Caucasus region began long before the famine of 1932–1933.

Key words: food supply challenges, distribution system, production quotas, agrarian relations, peasant disturbances, rural population migration.

Процесс коллективизации сельского хозяйства на Северном Кавказе в начале 1930-х гг. осложнялся не только заданными темпами колхозного строительства, но и ужесточением политики хлебозаготовок, в результате которой в регионе наметился продовольственный кризис. Как следствие, возникла необходимость принятия дополнительных мер борьбы с укрывательством и спекуляцией сельскохозяйственной продукцией. Одна из этих мер заключалась в установлении для коллективных хозяйств усредненных норм поставок хлеба государству, которые корректировались в зависимости от величины и качества собранного урожая.

При этом для заготовительных органов были установлены минимальные размеры изъятия продовольственного зерна, равные третьей части общественных зерновых запасов [2, л. 5]. Государство оставляло колхозам и совхозам столько хлеба, сколько им требовалось для организации будущего сева и удовлетворения потребностей колхозников и рабочих. Такой подход исключал возможность формирования резервных накопительных фондов, что, в свою очередь, отнюдь не способствовало повышению уровня жизни сельского населения.

Первые признаки продовольственного кризиса дали знать о себе уже летом 1930 г.,

что грозило срывом планов сплошной коллективизации. В целом ряде районов Кубани, Дона и Ставрополья сначала были отмечены случаи перебоев с продовольственным обеспечением станиц и сел, затем появились данные о заболеваниях людей, связанных с недоеданием и истощением. В это же время появились и первые жертвы. Сельские жители стали в экстренном порядке запасаться продовольствием, прежде всего, со своих приусадебных участков. Колхозники резали домашнюю скотину, часть мяса солили и вялили, топили жир и сало, остальное меняли на муку и другие продовольственные товары первой необходимости. Кроме того, в село вернулось такое понятие, как «отход». Не надеясь на улучшение ситуации в аграрной сфере, колхозники уходили в города, нанимались на работу на промышленные и транспортные предприятия. Однако и эта мера не всегда помогала. Нехватка продовольствия вызвала рост цен на продуктовом рынке, что повлекло за собой инфляцию. Деньги быстро обесценивались, натуральный обмен для многих был невозможен из-за отсутствия запасов. Положение дел на селе усугублялось неутешительными прогнозами на будущий урожай. В такой обстановке у людей оставался единственный выход – апеллировать к власти за помощью. Но у государства не было для этого достаточных ресурсов. Начались крестьянские волнения, обусловленные безысходностью и недовольством аграрной политикой. В целом ряде округов и районов Северо-Кавказского края эти волнения приняли угрожающий характер [5, с. 387–394].

По данным правоохранительных органов, только в первой половине июня 1930 г. на территории Северного Кавказа были зафиксированы несколько десятков массовых выступлений, в ходе которых люди требовали принятия срочных мер по стабилизации продовольственного обеспечения. Протестующих нередко поддерживали представители местных властных структур, они же пытались организовать фонды продовольственной поддержки самых бедных слоев населения. Однако в то время нужду испытывали практически все слои сельского населения, вследствие чего эта инициатива не нашла понимания в обществе. От нее пришлось отказаться. Этнические диаспоры края обращались к за-

рубежным национальным организациям, рассчитывая на их помощь [Там же].

В партийные и советские инстанции ежедневно поступали жалобы и просьбы сельского населения, содержание которых свидетельствовало о тяжелой участи колхозников, несправедливых решениях местного руководства и т. п. В селах и станицах проводились сходы, на которых решались злободневные вопросы, связанные с дальнейшим ходом колхозного строительства. Рассчитывая на понимание со стороны вышестоящего начальства, на этих сходах крестьяне принимали соответствующие резолюции, которые затем направляли в окружные и краевые советы. Однако нередко именно посланники сельских сообществ воспринимались в качестве главных возмутителей порядка. Партийно-советский актив открыто обвинял их в подстрекательстве и попытках срыва планов колхозного строительства. Органы власти на местах ориентировались исключительно на указания центрального руководства и не учитывали пожеланий и рекомендаций простых колхозников, которые порой содержали достаточно обоснованные и полезные в сложившейся ситуации предложения. Тем самым власти не только не учитывали опыт аграрного развития региона, но и осложняли отношения с сельским населением [9, с. 497].

Симптомы продовольственного кризиса в первую очередь пагубно отразились на производственной деятельности коллективных хозяйств. Многие из них не смогли подготовиться к уборочной страде. В большинстве хозяйств нарушился ритм и координация работы отдельных звеньев. Не был завершен ремонт аграрной техники, в результате чего полевые бригады вышли в поля с опозданием, не располагая достаточной тягловой силой и специализированными машинами. Как следствие нерасторопности колхозных руководителей, в Ставропольском округе и соседних районах Кубани возникла угроза утраты основной части фуражной соломы. Наблюдая за неумелыми действиями колхозных специалистов, колхозники расширили перечень требований к власти, настаивая на роспуске коллективных хозяйств и на возврате к индивидуальному производству.

Тем временем частники, сохранившиеся на селе, стремились не упустить шанс воспользоваться возникшими трудностями, они

стали объединять усилия для захвата части колхозных угодий. Колхозное крестьянство, в свою очередь, встало на защиту коллективизированных земель. На Кубани и Ставрополье не обошлось без физических столкновений, что явно указывало на наметившийся раскол сельского сообщества. Меры, принимавшиеся со стороны краевой и окружной властей, были явно недостаточными для стабилизации положения в региональной сельскохозяйственной отрасли. Более того, некоторые из этих мер напрямую способствовали эскалации напряженности. Речь идет прежде всего о решении по уменьшению наделов для единоличников, которые в ответ высказывали угрозы уничтожения урожая. В то же время и колхозники выступали против выделения единоличникам плодородных участков, специально затягивали полевые работы, дабы исключить обрабатываемые ими поля из земельных фондов, подлежащих перераспределению [9, с. 497].

Тем не менее вопреки сложной общественно-политической ситуации в регионе процесс коллективизации набирал обороты. По состоянию на середину 1930 г. плановые показатели по созданию новых коллективных хозяйств на Северном Кавказе были перевыполнены. Партийно-советское руководство края делало все возможное для того, чтобы его отчет о достижениях в сфере реализации государственной сельскохозяйственной политики на предстоящем партийном форуме выглядел достойно. Да и результаты были впечатляющими. С момента объявления сплошной коллективизации к лету 1930 г. в коллективные хозяйства края было вовлечено около 4,5 тысяч индивидуальных крестьянских хозяйств. Северо-Кавказский край являлся безусловным лидером колхозного строительства по сравнению с другими регионами страны: на этот период времени соответствующий показатель превысил 55 % отметку. Достаточно отметить, что отставание других районов сплошной коллективизации (Нижнее Поволжье, Центрально-Черноземная зона, Украина) находилось в диапазоне от 15 до 20, а в некоторых случаях и до 40 % [6, с. 3].

Количественные показатели колхозного строительства далеко не всегда соответствовали качеству работы коллективных хозяйств, однако за неполный год в колхо-

зах Северного Кавказа значительно расширилась производственная база не только в полеводстве, но и в животноводстве, только общественное стадо рабочих пород скота выросло почти до четырех миллионов голов. Что касается посевных сельскохозяйственных угодий, то их совокупная площадь увеличилась более чем на 60 %, что также на 10–20 % превышало показатели других регионов. При этом они позволяли засеивать и выращивать как яровые, так и озимые сорта пшеницы [3, л. 1–29].

В рассматриваемый период Северо-Кавказский край отличался от других аграрных регионов не только темпами колхозного строительства, но и созданием крупных коллективных хозяйств. В среднем в рамках одного колхоза объединялись более двухсот крестьянских хозяйств соответственно, и их техническая оснащенность требовала к себе повышенного внимания. Однако в этом направлении не все обстояло благополучно, примерно 25 % вновь созданных колхозов были обеспечены услугами машинно-тракторных станций. В технически оснащенных хозяйствах находилось примерно 20 % плодородной пашни и такое же количество сельского трудового ресурса [Там же].

Специалисты обоснованно считали, что при таких показателях и в таком состоянии сельскохозяйственная отрасль Северного Кавказа располагала возможностями не только производить продукцию для собственного населения, но и поставлять ее в другие области страны. В то же время на практике картина была совершенно иная, и это не могло не беспокоить тружеников села: состояние дел с продовольствием вызывало у них справедливое возмущение. По территории Северного Кавказа быстро распространялся голод, который охватывал в первую очередь бедные слои населения. Люди в буквальном смысле переходили на подножный корм, стали употреблять в пищу съедобные травы, корни. Значительно участились случаи распространения инфекционных заболеваний. В Виноделенском, Дивенском и ряде других районов Ставрополья продолжались крестьянские волнения. Люди еще настойчивее требовали от местных советов и колхозного руководства выдачи продовольствия.

Аналогичная ситуация имела место и в прикубанских районах, а также на Черномор-

ском побережье. Здесь как следствие голода появились первые жертвы. По вполне понятным соображениям сельскохозяйственные работы практически прекратились. На Дону участились случаи смерти людей по причине употребления в пищу мяса диких животных и грызунов. Совхозные кадровые и сезонные рабочие, находившиеся на государственном содержании, также почувствовали ухудшение продовольственного снабжения. Часть из них, не имевшая подсобных хозяйств, вынуждена была начать забастовку. Для выживания крестьяне стали резать молочных коров, чего ранее не позволяли себе ни при каких обстоятельствах. Разраставшийся продовольственный кризис вызвал волну межрегиональной миграции сельского населения, которое вновь снималось с насиженных мест в поисках лучшей жизни [9, с. 530].

Основная причина миграционной активности заключалась в том, что крестьяне не видели перспектив повышения уровня жизни в условиях коллективного хозяйствования. Численность населения некоторых населенных пунктов Ставропольского округа сократилась в среднем на 15–20 %, причем среди мест выселения значились и достаточно благополучные в экономическом отношении села, такие как Александровское, Арзгирское, Благодарное и другие. На Кубани переселенческие настроения охватили главным образом казачью часть сельского населения. В станичные советы поступало от 50 до 200 заявлений с просьбой дать разрешение на выезд за пределы края. Хотелось бы заметить, что в рассматриваемом ракурсе казачья среда является своеобразным индикатором экономического состояния населения. Два десятилетия ранее казаки и не помышляли бы о каких-либо переездах, поскольку их хозяйственная состоятельность обеспечивала им беспроblemное существование на донских, кубанских и ставропольских землях.

За десять лет советской власти ситуация сильно изменилась, войсковые земли подлежали обобществлению и включению в колхозные посевные фонды. Потеря средств производства и экономической самостоятельности вынуждала казаков нарушать традиции предков, менять устоявшийся образ жизни. Советские законы уравнивали всех сельских жителей в правах, а точнее в

бесправии на благополучную и обеспеченную жизнь. Нужда гнала людей за сотни, а порой и тысячи километров от родных мест. Многие переселенцы даже не представляли протяженности и пункта конечного назначения своего маршрута, поэтому еще одной формой протеста против правительственной аграрной политики стал полный отказ от занятий сельским хозяйством. Только по Ставропольскому и Сальскому округам Северо-Кавказского края более 15 тысяч казаков и крестьян в июне 1930 г. меняли свой социальный статус. В дальнейшем этот процесс только набирал обороты. В результате к 1937 г. численность сельских жителей на Северном Кавказе сократилась почти на четверть [7, с. 96–98]. Волна недовольства аграрной политикой охватила не только крепких и зажиточных хозяев, в акции протеста были вовлечены многие середняки и бедняки, считавшиеся опорой власти. Внимание их представителей концентрировалось в основном на неразвитой системе торговли и недостатках в работе предприятий сельской потребительской кооперации. Интерес представляет то обстоятельство, что на Северном Кавказе народный протест был поддержан отдельными представителями местной советской и партийной власти, которые почувствовали разочарование в аграрной политике государства, но оказались беспомощными и неподготовленными к тому, чтобы повлиять на возникшую ситуацию и исправить её [9, с. 531].

Не менее активно против государственного засилья в аграрной сфере и несправедливого распределения доходов в коллективных хозяйствах выступили крестьяне национальных регионов Северного Кавказа. Горцев не устраивала также установленная система натурального обмена основных продуктов питания на промышленные и некоторые другие товары повышенного спроса. По их мнению, эта система делала бедных еще беднее, а богатым давала возможность преумножать свое состояние. Созданная в горских аулах сеть предприятий потребительской кооперации оказалась в руках влиятельных семейных кланов, которые подчинили их деятельность своим интересам. Искусственное создание дефицита и другие махинации, не говоря уже о явных нарушениях в распределении товаров, ста-

ло обычной практикой повседневной жизни этнических меньшинств.

Особо острая ситуация в рассматриваемом направлении сложилась в Ингушетии, Чечне и Кабардино-Балкарии. Настроения местных жителей соответствовали общим тенденциям роста негативных проявлений среди жителей соседних славянских регионов. В национальных образованиях резко сократилось поголовье скота, на митингах и собраниях крестьян экономические трудности непременно связывались с политической коллективизацией и коммунистическим диктатом. Протестное движение превратилось в антиколхозную акцию, ее участники требовали роспуска коллективных хозяйств и возврата крестьянских паев. Активное участие в акциях протеста приняли участие даже члены хозяйств низменных территорий, которые работали относительно стабильно и не вызывали особых беспокойств у власти. Например, в Урус-Мартановском и некоторых других округах возмущенные крестьяне фактически захватили местные советы и приступили к ликвидации коллективных хозяйств. Вполне естественно, что в такой обстановке полностью была нарушена система распределения и обеспечения горных районов Северного Кавказа продовольствием и промышленными товарами через торговую сеть. Сразу же начали расти цены, прежде всего на сельскохозяйственную продукцию: они увеличились в 3–5 раз. Расширился перечень дефицитных товаров, что повлекло за собой спекуляцию [4, л. 5–15]. Разрастающийся кризис оказал еще большее влияние на протестную активность горского крестьянства.

Сбой системы распределения и возникновение продовольственного дефицита породили слухи о неспособности власти управлять страной и скорой смене режима. Эти слухи обусловили возникновение панических настроений, стихийные процессы народного бунтарства охватили целые районы и округа. Волнения перекинулись на территорию Дагестана и другие регионы Северного Кавказа, в которых остро ощущалась нехватка продуктов питания [Там же].

В условиях обострения обстановки правительство пошло на сохранение величины сельскохозяйственного налога для индивидуальных хозяйств на уровне 1929 г. и пре-

доставление дополнительных льгот членам сельскохозяйственных кооперативов. Однако этих мер было явно недостаточно. Куда более значимым был фактический отказ власти от 3 % обложения индивидуальных хозяйств, установленного для кулаков. Правда, этот отказ был облачен в весьма осторожные формулировки, которые оставляли возможность местным властям применения данного налогового положения в особых случаях [1, л. 151].

Кроме того, для стабилизации положения в районах сплошной коллективизации правительство приняло решение о 50 %-ном снижении норм государственных поставок для слабых и вновь образованных коллективных хозяйств, производственный процесс которых находился в стадии формирования [8, ст. 389]. В своей совокупности правительственные решения положительно отразились на динамике развития аграрной отрасли в Северо-Кавказском регионе, но снять напряженность в сфере отношений между крестьянством и государством они не смогли. К тому же и эти решения на местах далеко не всегда выполнялись в русле государственной политики. Нередко их смысл подменялся особыми обстоятельствами.

Проведенный анализ показал, что реформы в сельском хозяйстве Северного Кавказа в 1930 г. проводились в контексте реализации политической линии партии большевиков. Партийные решения и директивы подменили собой экономически обоснованную стратегию аграрного развития страны в целом и основных зернопроизводящих регионов в частности. Административное давление на частных производителей и еще неокрепшие коллективные хозяйства, жесткие методы проведения заготовительной компании повлекли за собой зарождение тенденций продовольственного кризиса, охватившего практически все регионы сплошной коллективизации. Осознавая пагубность реформ для собственного благополучия и не находя поддержки и понимания во властных инстанциях, крестьяне решились на конфликт с государством, требуя предоставления им продекларированных ранее прав на свободный труд и пользование его результатами.

Крестьянское возмущение не ограничивалось пассивным протестом, порой оно принимало агрессивные формы, превращалось

в открытое противостояние власти. В этом противостоянии принимали также участие бедные и средние слои крестьянства, которые, как и их зажиточные односельчане, не понимали государственных принципов построения новых аграрных отношений. Что касается восприятия крестьянского протеста со стороны власти, то она видела в акциях неповиновения исключительно политические мотивы, что не позволяло ей правильно оценить возникшие продовольственные трудности и принять адекватные меры по их устранению.

Волнения крестьян на Северном Кавказе не имели организационного характера, они

не были частью единого движения, а возникали стихийно по мере осложнения экономического состояния сельского населения. Но мотивы их возникновения были одинаковыми на всей территории Северного Кавказа. Простые люди первыми обратили внимание на признаки продовольственного кризиса, однако импульсы народного единства не были восприняты властью. Ее интересы в то время были далеки от потребностей общества, что и привело к углублению кризисных тенденций и возникновению голода не только на Северном Кавказе, но и в других аграрных регионах страны.

Литература

1. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 5446. Оп. 1. Д. 55.
2. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 17. Оп. 3. Д. 788.
3. Российский государственный архив экономики (далее – РГАЭ). Ф. 7446. Оп. 1. Д. 142.
4. РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 37. Д. 132.
5. Документы свидетельствуют: из истории деревни накануне и в ходе коллективизации. 1927–1932 гг. / под ред. В. П. Данилова, Н. А. Ивницкого. М.: Изд-во политической литературы, 1989. 528 с.
6. Колхозы накануне XVI съезда ВКП(б). Предварительные итоги. М.: Планхозиздат, 1930. 90 с.
7. Осадченко Е. В., Руднева С. Е. Голод на Кубани. 1932–1933 гг. // Успехи современного естествознания. 2012. № 1. С. 96–98.
8. Собрание законов и распоряжений Рабоче-крестьянского правительства СССР. Отдел 1. № 36 от 31 июля 1930 г. М.: Управление Делами СНК и СТО СССР, 1930. 416 с.
9. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939. Документы и материалы: в 5 т. Т. 2: Ноябрь 1929 – декабрь 1930 / под ред. В. Данилова и др. М.: РОССПЭН, 2000. 927 с.

References

1. State archive of the Russian Federation (GARF). F. 5446. Op. 1. D. 55.
2. Russian state archive of social and political history (RGASPI). F. 17. Op. 3. D. 788.
3. Russian state archive of economy (RGAE). F. 7446. Op. 1. D. 142.
4. RGAE. F. 7486. Op. 37. D. 132.
5. Dokumenty svidetel'stvuyut: iz istorii derevni nakanune i v khode kollektivizatsii. 1927–1932 gg. (Documents show: from the history of the village on the eve of and during the collectivization) / ed. by V. P. Danilova, N. A. Ivnit'skogo. M.: Publishing House of Political Literature, 1989. 528 p.
6. Kolkhozy nakanune XVI s"ezda VKP (b). Predvaritel'nye itogi (Collective farms eve XVI conference of the CPSU (b). Preliminary results). M.: Plankhozizdat, 1930. 90 p.
7. Osadchenko E. V., Rudneva S. E. Golod na Kubani. 1932–1933 gg. (Famine in the Kuban. 1932–1933) // Uspekhi sovremennogo estestvoznaniya. 2012. No 1. P. 96–98.
8. Sobranie zakonov i rasporyazhenii Raboche-krest'yanskogo pravitel'stva SSSR (Collection of laws and regulations of the Workers 'and Peasants' Government of USSR). Department 1. No. 36. M.: Administrative Department of the CPC and the Labor and Defense Council of the USSR, 1930. 416 p.
9. Tragediya sovetskoi derevni. Kollektivizatsiya i raskulachivanie. 1927–1939 (The tragedy of the Soviet village. Collectivization and dispossession. 1927–1939). Dokumenty i materialy. T. 2. / ed. by V. Danilova i dr. M.: ROSSPEN, 2000. 927 p.

УДК 9.93.93/94

М. Н. Бродникова

**К ВОПРОСУ О МЕТОДАХ РАБОТЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПОЛИЦИИ
РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ С СЕКРЕТНОЙ АГЕНТУРОЙ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА**

В статье раскрываются отдельные аспекты деятельности политической полиции Российской империи с секретной агентурой в начале XX в.: способы вербовки и правила ведения секретной агентуры, состав и содержание работы секретной агентуры. Рассматриваются требования, предъявляемые к руководителям органов политической полиции по организации работы с секретной агентурой, объемы финансирования региональных ведомств политического сыска.

Анализируются причины непродуктивной розыскной работы ведомств политической полиции в начале XX в. и мероприятия Департамента полиции по повышению уровня работы с секретной агентурой.

Ключевые слова: внутренняя агентура; секретная агентура; вспомогательные сотрудники; внутреннее наблюдение; Департамент полиции; Особый отдел; политическая полиция; губернские жандармские управления; охранные отделения.

M. N. Brodnikova

**ON WORKING METHODS OF POLITICAL POLICE OF THE RUSSIAN EMPIRE
WITH SECRET AGENTS AT THE BEGINNING OF THE XX CENTURY**

The article describes some aspects of the activities of the political police in the Russian Empire with secret agents in the twentieth century: ways of recruitment and rules for managing secret agents, composition and maintenance of secret agents. The article discusses the requirements for the heads of political police regarding the organization of work with secret agents, the amount of financing of regional political investigation

agencies. The causes of inefficient investigative work of political police agencies in the early XX century and activities of the Police department to enhance the work with secret agents are analyzed.

Key words: internal agents; secret agents; assisting staff; internal monitoring; Police department; Special department; political police, provincial gendarme administration; Security department.

Основным методом в работе российской политической полиции в начале XX в. стало использование «секретной агентуры», которая подразделялась на «вспомогательных сотрудников» и «агентов внутреннего наблюдения». Вспомогательные сотрудники являлись осведомителями, которые не принадлежали к среде неблагонадежных. Они лишь пассивно наблюдали и затем докладывали начальству о своих наблюдениях. «Агенты внутреннего наблюдения» были секретными сотрудниками, внедренными в революционную организацию для того, чтобы информировать полицию, выявлять, а также способствовать аресту членов организации, участвовать в организации выступлений, приводивших к разгрому или ослаблению

организации [13, с. 5–7]. В условиях массового создания тайных законспирированных революционных групп и общественных организаций агенты «внутреннего наблюдения» являлись для политической полиции наиболее ценными источниками информации. В связи с этим в начале XX в. Департамент полиции уделял особое внимание поиску, использованию и обеспечению безопасности работы секретной агентуры. Для формирования эффективной агентурной сети и грамотных действий агентов «внутреннего наблюдения» на всей территории империи руководство Департамента полиции систематически рассылало местным охранным структурам циркуляры и инструкции [2, л. 99]. В циркулярах центральное ведомство

госбезопасности настоятельно требовало от начальников ГЖУ и охранных отделений вербовки как можно большего количества агентов во всех общественных организациях и предписывало руководителям розыска использовать всех, желающих сотрудничать, а также детально рассматривать всю полученную от них информацию [9, с. 607]. В инструкции по ведению внутреннего наблюдения отмечалось, что по возможности необходимо использовать в агентурных целях любого человека, проявляющего способности к агентурной деятельности. Заведующий розыском должен использовать любую ситуацию: жалобу, заявление, расследование, для расширения числа секретных сотрудников [9, с. 608–609]. Таким образом, вербовка и ведение тайных осведомителей были одними из основных обязанностей начальников охранных отделений и ГЖУ.

Необходимо отметить, что процесс «заагентурирования» был достаточно сложным. Работа с людьми включала ряд взаимосвязанных аспектов: изучение и оценку людей, установление психологических контактов с ними, оказание на них влияния. Это требовало от сотрудника ведомства особых качеств и способностей. В первую очередь офицер, ведущий следствие, должен был быть хорошим психологом, умеющим ориентироваться в сложных психологических процессах, происходящих в сознании агента. Знание психологических закономерностей и применение в процессе оперативно-розыскной деятельности определенных психологических методов позволяло ему регулировать и строить взаимоотношения с заинтересованными людьми, глубже понимать мотивы их поступков, правильно оценивать их, использовать результаты в практической оперативно-розыскной деятельности. Данные качества каждый занимавшийся розыском офицер или чиновник должен был методично и целенаправленно воспитывать и развивать в себе. Кроме того, от сотрудников, работающих с агентурой, требовалось знание истории революционного движения, содержания программ революционных партий и их литературы [11, с. 63–64]. Предъявляя столь высокие требования к своему кадровому составу, руководство Департамента уделяло все больше внимания повышению профессионализма и образовательного уровня сво-

их сотрудников. С этой целью центральный штаб политического сыска систематически рассылал начальникам охранных отделений и ГЖУ перехваченную нелегальную литературу и составлял исторические обзоры о деятельности различных антиправительственных организаций. Особенно активно эта практика стала применяться после революционных событий 1905 г. [7, л. 1, 13].

Что касается способов вербовки агенты, арсенал их был достаточно разнообразен. Иногда потенциальных агентов под благовидным предлогом приглашали к жандармским офицерам и проводили с ними доверительную беседу. В некоторых случаях человека, планируемого к использованию в качестве сотрудника, задерживали на улице и доставляли для собеседования заведующему розыском. В основном этот способ применялся, когда имелись достаточные улики для задержания этого лица в случае его отказа от предложения сотрудничать [18, с. 45]. Для склонения арестованных к откровенным показаниям, а также для приобретения среди них секретных информаторов практиковался способ «подсаживания» в камеры к арестованным своих людей [19]. Чаще всего жандармы вербовали лиц из революционной среды, «сломавшихся» на допросах и дававших откровенные показания. Следует отметить, что добровольно на сотрудничество с охранкой шли крайне редко. Вербовка агентов происходила под сильным психологическим, а иногда физическим давлением. Вербовщики играли на человеческих слабостях: страхе, корысти, зависти, мести [20, с. 43].

Методы вербовки тайных агентов и их ведения были в тончайших деталях разработаны руководством Департамента полиции [13, с. 4]. В инструкции по организации внутреннего наблюдения давался целый ряд психологических указаний и практических советов офицерам, ведущим следствие. Так, по мнению составителей инструкции, залог успеха вербовки секретного информатора заключался в мягкости, осторожности, осмотрительности, убедительности, проникновенности, умении быстро и точно определить характер собеседника и одновременно подметить его слабые стороны, расположить к себе человека и подчинить затем его своему влиянию [11, с. 63–64]. Относительно того,

как эти умения применялись на практике, очень показателен отрывок из предсмертного письма корректора газеты «Речь» Н. П. Балашова, фамилия которого входила в списки провокаторов, опубликованных после революции. Вот как он описывал свою встречу с сотрудником охраны: «Он все уговаривал, советовал, а иногда с зловещим огоньком в глазах грозил мне, сводя все к одному, что я должен работать в охране. „Никаких обязанностей, никаких инструкций мы вам не даем – вы скажете нам только то, что захотите сказать. А впрочем, быть может, вам лучше предварительно годика на два проехаться в Нарым?“ Я помню, что я не выдержал этой паучьей пытки, его движения и увертки загипнотизировали меня, и я совершенно потерял волю, потерял способность владеть мыслями. В голове был какой-то кошмар. Помню, что он сказал: „Ну, успокойтесь, успокойтесь, подумайте. А кстати, не знаете ли вы вот такого-то? Ну, а вот такого-то не видели никогда?“. Он приводит ряд имен, указывает рост, приметы. Помню, что в заключение он мне все повторял, когда я уходил: „Ну, подумайте, подумайте. А, впрочем, вы уже наш сотрудник“. Когда прошел „гипноз“, то я уже одумался и опять оставил все по-прежнему: то есть я молчал и ждал, ждал чего-то, что опять вот-вот надвинется на меня и сделает меня безвольным и бессильным» [10, с. 17–18].

Тех, кто соглашался вести двойную игру, обычно освобождали якобы за отсутствием улик, как правило, в группе арестованных, чтобы не возникло никаких подозрений у членов той революционной группы, в которую он входил [15, с. 15–23]. Иногда для будущих информаторов устраивали побег. Для этого кандидатов в сотрудники переводили в больницу, где без особых затруднений устраивали побег [10, с. 21]. После вербовки офицеры охраны рассматривали способности предполагаемого сотрудника и проверяли агента с помощью наблюдения или перекрестной агентуры. Отмечалось, что к предоставляемой новым агентом информации, необходимо относиться очень осторожно и тщательным образом проверять все поступающие от него сведения. В инструкции уточнялось, что пока лицо окончательно не склонилось к сотрудничеству, не следует знакомить его с приемами агентурной рабо-

ты [9, с. 610–614]. Агент, начавший сотрудничество с полицией, ставился на учет в Департаменте полиции. На каждого секретного информатора заводилась особая тетрадь, куда вносились все полученные от него сведения. В конце тетради в алфавитном порядке шли фамилии лиц, о которых агент упоминал. Затем все данные обобщались и фамилии заносились в отдельные списки. Уже к 1902 г. Особый отдел располагал именной картотекой, включавшей 65 тыс. учетных карточек и около 200 тыс. фотографий. На основе изученного материала можно сделать вывод о том, что круг лиц, тайно сотрудничавших с политической полицией, был достаточно разнообразен. Среди них были врачи, инженеры, общественные деятели, литераторы, журналисты, студенты, рабочие, военные и представители других социальных групп [12, с. 420]. Что касается количества секретных агентов, этот вопрос до сих пор вызывает разногласия среди исследователей. Так, по подсчетам Ч. Рууда, на территории всей страны действовало от 1 500 до 2 000 секретных агентов [16, с. 104]. В свою очередь, П. П. Заварзин отмечает, что «чистых» секретных сотрудников, работающих в партийных организациях без учета вспомогательных агентов, было не менее 520 человек [12, с. 506]. Как правило, наиболее многочисленная сеть внутренней агентуры действовала в столицах. В Петербурге, как отмечал начальник Петербургской охраны Герасимов, в 1909 г. действовало около 200 секретных сотрудников. В своем докладе С. Е. Виссарионов указывал численность секретной агентуры в Москве в 1912 г. числом 159 агентов. Что касается численности секретных сотрудников в других городах империи, то она распределялась неравномерно и зависела в основном от политической ситуации в регионе и усердия руководства [14, с. 205]. В среднем же в городах империи количество агентов внутреннего наблюдения варьировалось от 2 до 30 сотрудников. Всего же, по данным З. И. Перегудовой, в картотеке Особого отдела за весь период существования Департамента полиции (1880–1917 гг.) было зафиксировано около 10 тыс. секретных сотрудников [14, с. 235].

Несмотря на то что состав агентуры был достаточно многочисленным, значительная часть агентов являлась вспомогательными

сотрудниками, т. е. предоставляла информацию, лишь косвенно соприкасаясь с революционной средой, и только четвертая часть действовала непосредственно в революционных организациях. Заведующий розыском, ведя активную работу по предупреждению политических преступлений, в то же время должен был заботиться об обеспечении безопасности секретного сотрудника. Так как сохранение доверия к нему в рядах революционных организаций являлось важнейшим условием успешности и продолжительности агентурной работы [8, с. 133–144]. Предписывалось, что никто, кроме заведующего розыском и чиновника, который может его заменить, не должен знать в лицо секретного сотрудника. Его фамилия была также известна только заведующему розыском. Остальные чины, имеющие дело со сведениями секретного агента, лишь в некоторых случаях могли быть ознакомлены с его псевдонимом или номером, под которым он числился. Эти же требования относились и к предоставляемой сотрудником информации. Каждое агентурное донесение, даже маловажное, должно было храниться в тайне. Кроме того, письма и записки заведующего агентурой к сотруднику должны были носить конспиративный характер, написаны измененным почерком с условной подписью. Предусматривался даже внешний вид конвертов и бумаги, на которой начальник писал пригласительные письма секретным сотрудникам. Деловую часть письма рекомендовалось воспроизводить химическими чернилами, в качестве которых обычно использовались насыщенный раствор обыкновенной свинцовой примочки, щавелевая кислота или лимон. Такие чернила проявлялись нагреванием или смачиванием в 5 %-ном растворе хлористого железа [10, с. 23]. Следует отметить, что наиболее ценные секретные сотрудники довольно редко сами предоставляли в органы сыска написанные доклады. Обычно жандармский офицер или сотрудник охранного отделения при встрече записывал на специальном бланке все показания агента. В заголовке указывались кличка и общественно-политическая сфера, которая освещалась в донесении, на полях сотрудники политической полиции делали пометки о том, какие мероприятия необходимо предпринять и в какой срок. Один

экземпляр агентурной записки приобщался к делу, где хранились материалы по той или иной организации или политической партии. Второй экземпляр передавался в личное дело секретного сотрудника [17, с. 88–89].

Для сохранения тайных информаторов инструкция по ведению секретной агентуры запрещала жандармским офицерам встречаться с секретными сотрудниками на частных квартирах или в помещениях управлений и требовала содержания для этой цели специальных, конспиративных квартир [13, с. 10]. Съем и устройство явочных квартир также были подробно расписаны в инструкции. Как правило, квартиры нанимались в различных частях города и часто менялись.

На секретные расходы Департаментом полиции начальникам жандармских управлений, охранных отделений и розыскных пунктов выделялись определенные денежные средства для развития эффективной агентурной сети на всей территории империи [Там же]. Суммы зависели от города. По данным П. Павлова, в 1914 г. минимальной суммой выдаваемой на секретные расходы ГЖУ было 360 руб. в Олонецком жандармском управлении в г. Петрозаводске, максимальной – 80 700 руб. в Петербурге. От 4 до 5 тыс. руб. тратило Эриванское жандармское управление, 6–7 тыс. руб. – Бакинское, Кубанское и Терское, 13–14 тыс. руб. – Тифлисское. ЖПУжд на секретную агентуру выделялось ежегодно каждому по 1 200 руб. Общая сумма расходов на секретную агентуру и содержание конспиративных квартир в 1914 г. составила 556 148 рублей. Расходы Департамента полиции на агентуру, награды секретным сотрудникам, экстренные командировки составляли 40–50 тыс. руб. Как отмечает П. Павлов, всего на секретные расходы в 1914 г. было израсходовано около 600 тыс. руб. [13, с. 11–13]. Таким образом, руководство департамента полиции не жалело средств для поддержания своей секретной агентуры. Из выделяемых Департаментом полиции секретных сумм каждому сотруднику за предоставляемую информацию выплачивалось жалование, размер которого зависел от значения сообщения. Лица, освещавшие центральные комитеты, боевые группы, получали большее содержание, а те, кто давал информацию на периферии или отрывочные сведения – гораз-

до меньшее. Содержание выплачивалось ежемесячно, независимо от того, имелись ли у сотрудника за данный период времени сведения или нет. Если результат работы давал серьезные результаты, как, например, обнаружение тайных типографий, фабрик разрывных снарядов, боевых дружин, предупреждение важного заговора, сотруднику по указанию Департамента полиции выдавалось особое вознаграждение [3, л. 280–280об.]. Самое большое ежемесячное содержание за всю историю агентурной службы – 3,5 тыс. франков – получала агент М. А. Загорская, освещавшая деятельность эсеров за границей [19, с. 10]. Жалованье Е. Ф. Азефа, который получал на первых порах 50 руб., достигло затем 1 000 рублей. Р. В. Малиновский в конце своей провокаторской карьеры получал 700 рублей [21, с. 56, 57, 98]. В среднем же плата за агентурную работу колебалась от 25 до 150 руб. в месяц [16, с. 102]. Агент не являлся государственным служащим, и поэтому Департамент полиции не нес никакой ответственности за его материальное обеспечение в случае провала.

Несмотря на проводимые мероприятия по расширению агентурной сети, документы Департамента полиции свидетельствуют о проблемах приобретения агентуры, особенно в провинции [20, с. 29]. Часто начальники местных губернских жандармских управлений пренебрегали работой с секретной агентурой, уделяя больше внимания производству дознаний и переписке. У одних офицеров не было желания, у других – достаточного опыта [20, с. 45]. Это подтверждают документы с результатами инспектирования Департаментом полиции охранных отделений и ГЖУ. Так, в отчете в 1907–1908 гг. ротмистр Васильев писал о безынициативности руководителей политического сыска и их непрофессионализме. Иногда жандармские офицеры не могли даже предоставить сведения о количестве секретных сотрудников их отделений и управлений. В циркулярах руководства констатировалось, что начальники отделений относились к приобретению агентуры формально, стараясь держать 1–2 сотрудника для отчетности [1, л. 32–33]. Слабее всего была агентурная сеть в жандармских управлениях железных дорог. Наиболее эффективно она действовала в районных охранных отделениях и охранных

отделениях. Многие руководители охранных ведомств отмечали, что в значительной степени это было обусловлено кадровым составом данных учреждений. Возглавляли ГЖУ и ЖПУЖд заслуженные офицеры, полковники и подполковники корпуса жандармов – люди военные, у которых сохранялись господствовавшие в обществе представления непорядочности и аморальности сотрудничества с агентами-предателями и провокаторами. В свою очередь, недавно созданные РОО и охранные отделения комплектовались молодыми энергичными специалистами, жаждавшими сделать хорошую карьеру и не стесняемые никакими моральными рамками в выборе средств и способов для достижения поставленных целей [16, с. 102].

Руководство Департамента полиции ужесточало контроль над качеством агентурной работы местных охранных структур. Для наблюдения за работой руководителей политического сыска и контроля над ними в 1907 г. был издан особый циркуляр, в котором предписывалось раз в три месяца предоставлять в Особый отдел Департамента сведения об агентуре [4]. В циркуляре от 16 июня 1912 г. отмечалось, что если в каких-либо жандармских отделениях не будет агентуры или агентура окажется неудовлетворительной, то Департамент полиции будет обращаться к министру внутренних дел о несоответствии таких начальников отделений занимаемым должностям [5, л. 8]. В июле 1908 г. директор Департамента М. И. Трусевич предписывал увеличить численность осведомителей. Начальник Особого отдела С. Е. Виссарионов расширил сферу деятельности своей агентуры, распространив ее на местные государственные учреждения, магазины и склады, где революционеры могли приобрести оружие. В июне того же года С. П. Белецкий требовал, чтобы в каждом рабочем союзе состоял секретный агент. К сентябрю этот приказ был распространен на все учебные заведения, в следующем месяце – на все оппозиционные и революционно настроенные слои крестьян, рабочих, солдат [11, с. 68]. В 1910 г. в Особом отделе была организована секретная агентурная часть, которая специально занималась работой с секретной агентурой [14, с. 207]. Однако, как отмечает З. И. Перегудова, проводимые в 1907–1910 гг. мероприятия Департамента полиции

по повышению уровня работы с секретной агентурой, а именно увеличение финансирования и повышения требовательности к руководителям политического сыска, улучшили положение лишь на определенный срок [14, с. 205].

В октябре 1911 г. под руководством С. Е. Виссарионова, вице-директора Департамента, была проведена ревизия розыскных органов. В отчете о результатах этой проверки С. Е. Виссарионов отмечал, что розыскная работа переживает трудный период, и определял ряд причин, тормозящих ее развитие. Он детально остановился на кадровом составе сотрудников ведомств политической полиции. Среди причин непродуктивной розыскной работы он отмечал случаи разоблачения секретных сотрудников по вине служащих ведомств политической полиции, а вследствие чего недоверие к розыскным органам, неуверенность в тех лицах, которым секретные агенты представляли информацию [5, л. 4].

В конце ноября 1912 г. в Петербурге состоялся съезд руководителей политического сыска. На проведенном совещании особое внимание было уделено совершенствованию приемов розыска. Было высказано много замечаний о несоответствии некоторых приемов работы сотрудников, изменившимся «формам проявления революционного движения». По результатам съезда было принято решение усовершенствовать име-

ющиеся инструкции и циркуляры [6, л. 1–2]. Под руководством вице-директора Департамента С. Е. Виссарионова была создана группа по рассмотрению накопившихся вопросов в целях переработки и усовершенствования имеющихся нормативных документов. Однако уже в январе 1913 г. в связи со сменой руководства работа группы была приостановлена. Товарищем министра внутренних дел был назначен В. Ф. Джунковский, деятельность которого повлекла дальнейшее ослабление агентурной работы. Исходя из своих представлений об этике розыскной работы, В. Ф. Джунковский настаивал на ликвидации секретной агентуры в средних учебных заведениях и в армии [21, с. 149]. Проведенная реорганизация значительно ослабила ведомства государственной безопасности империи.

Таким образом, внутреннее наблюдение, наряду с перлюстрацией и филерским наблюдением являлось основным методом деятельности политической полиции в начале XX в. Внедрение информаторов в состав организаций и вербовка лиц, близко контактирующих с ними, позволяли сотрудникам охранных ведомств систематически получать подробные сведения о составе, внутренней структуре и планах оппозиционного лагеря. Это давало возможность контролировать деятельность революционных групп и своевременно предотвращать их акции.

Литература

1. Государственный Архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 102. Оп. 1898. Д. 5.
2. ГАРФ. Ф. 102. Оп. 1906. Д. 32.
3. ГАРФ. Ф. 102. Оп. 1908. Д. 12.
4. ГАРФ. Ф. 102. Оп. 260. Д. 29.
5. ГАРФ. Ф. 102. Оп. 314. Д. 440.
6. ГАРФ. Ф. 102. Оп. 314. Д. 366.
7. Государственный архив Ставропольского края. Ф. 1036. Оп. 1. Д. 11.
8. Жаров С. Н. Методы прикрытия внутренней агентуры корпуса жандармов Российской империи // Проблемы человека в историческом процессе. Ученые записки. Челябинск: ЮУрГУ, 1999. С. 133–144.
9. Инструкция по организации и ведению внутреннего наблюдения // Жандармы России / сост. В. С. Измозик. СПб.: Нева: М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. 640 с.
10. Ирецкий В. Н. Охранка: Страницы русской истории. Пг.: [б. и.], 1918. 28 с.
11. Кравцев И. Н. Тайные службы империи. М.: РАГС, 1999. 192 с.
12. «Охранка»: Воспоминания руководителей охранных отделений. Т. I. М.: Новое литературное обозрение, 2004. 512 с.
13. Павлов П. Агенты, жандармы, палачи. Пг.: Былое, 1922. 77 с.
14. Перегудова З. И. Политический сыск России (1880–1917). М.: РОСПЭН, 2000. 431 с.
15. Розенталь И. Провокатор. Роман Малиновский: судьба и время. М.: РОССПЭН, 1996. 258 с.
16. Рууд Ч. А., Степанов С. А. Фонтанка, 16: Политический сыск при царях. М.: Мысль, 1993. 432 с.
17. Рябинцев Р. В. Становление и развитие системы органов политического сыска в Костромской губернии в 1880–1914 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Кострома: КГУ, 2004.

18. Сизиков М. И., Борисов А. В., Скрипилев А. Е. История полиции России (1718–1917 гг.). Вып. 2. Полиция Российской империи XIX – начала XX вв. М.: Профессиональное образование, 1992. 56 с.
19. Степанов С. А. Проблема двойных агентов в системе политического розыска начала XX вв. // Исторические чтения на Лубянке, 1998 г.: Формирование и деятельность спецслужб российской империи. М.: Федеральная служба безопасности РФ, 2003. С. 69–83.
20. Шинджихашвили Д. И. Сыскная полиция царской России в период империализма. Омск: ОБШМ МВД СССР, 1973. 67 с.
21. Щеголев П. Е. Охранники и авантюристы. М.: Изд-во политкаторжан, 1930. 159 с.

References

1. State archive of Russian Federation (GARF). F. 102. Op. 1898. D. 5.
2. GARF. F. 102. Op. 1906. D. 32.
3. GARF. F. 102. Op. 1908. D. 12.
4. GARF. F. 102. Op. 260. D. 29.
5. GARF. F. 102. Op. 314. D. 440.
6. GARF. F. 102. Op. 314. D. 366.
7. State archive of Stavropol territory. F. 1036. Op. 1. D. 11.
8. Zharov S. N. Metody prikrytiya vnutrennei agentury korpusa zhandarmov Rossiiskoi imperii (Methods of convoy of inner gendarmierie agents in Russian Empire) // Problemy cheloveka v istoricheskom protsesse. Uchenye zapiski. (Human Problems in the historical process. The researchers note). Chelyabinsk: YuUrSU Publ., 1999. P. 133–144.
9. Instruksiya po organizatsii i vedeniyu vnutrennego nablyudeniya (Instructions for the organization and conduct of indoor viewing) // Zhandarmy Rossii (Russian gendarmes) / ed. by V. S. Izmozik. SPb.: Neva: M.: OLMA-PRESS, 2002. 640 p.
10. Iretskii V.N. Okhranka: Stranitsy russkoi istorii. («Okhranka»: pages of Russian history). Pg.: [b. i.], 1918. 28 p.
11. Kravtsev I. N. Tainye sluzhby imperii. (The secret service of the Empire). M.: RASS, 1999. 192 p.
12. «Okhranka»: Vospominaniya rukovoditelei okhrannykh otdelenii. («Okhranka»: Memories of chiefs of security branch). T. I. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2004. 512 p.
13. Pavlov P. Agenty, zhandarmy, palachi. (The agents, gendarmes, executioners). Pg.: Byloe, 1922. 77 p.
14. Peregudova Z.I. Politicheskii sysk Rossii (1880–1917). (Political investigation in Russia (1880–1917)). M.: ROSSPEN, 2000. 431 p.
15. Rozental' I. Provokator. Roman Malinovskii: sud'ba i vremya. (Agent provocateur. Roman Malinovsky: destiny and time). M.: ROSSPEN, 1996. 258 p.
16. Ruud Ch. A., Stepanov S. A. Fontanka, 16: Politicheskii sysk pri tsaryakh. (Fontanka, 16: Political investigation in czarist days). M.: Mysl', 1993. 432 p.
17. Ryabintsev R. V. Stanovlenie i razvitie sistemy organov politicheskogo syska v Kostromskoi gubernii v 1880–1914 gg. (Formation and development of system of political investigation in Kostroma province in 1880–1914): dis. ... kand. ist. nauk. Kostroma: KSU, 2004.
18. Sizikov M. I., Borisov A. V., Skripilev A. E. Istoriya politicii Rossii (1718–1917 gg.). Vol. 2. Politsiya Rossiiskoi imperii XIX – nachala XX vv. (History Russian police. Vol. 2. Police of Rissiam Empire in XIX – of the beginning XX). M.: Professional'noe obrazovanie, 1992. 56 p.
19. Stepanov S. A. Problema dvoynykh agentov v sisteme politicheskogo rozyska nachala XX vv. (The problem of double agents in political investigation in the early XX centuries) // Istoricheskie chteniya na Lubyanka, 1998 g.: Formirovanie i deyatel'nost' spetssluzhb rossiiskoi imperii. (Historical reading at the Lubyanka, 1998: formation and activity of special services of Russian Empire). M.: Russian Federal Security Service, 2003. P. 69–83.
20. Shindzhikashvili D.I. Sysknaya politiya tsarskoi Rossii v period imperializma. (Detective Police of Tsarist Russia in imperialistic period). Омск: OHSM MIA USSR, 1973. 67 p.
21. Shchegolev P. E. Okhranniki i avantyuristy. (The guards and the adventurers). M.: Political Prisoners Publisher, 1930. 159 p.

УДК 94. 397.4

Е. В. Вдовченков

СОЦИУМ ТАНАИТОВ (САРМАТЫ-ПЕРЕСЕЛЕНЦЫ В ТАНАИСЕ II–III вв. н. э.)

Статья посвящена рассмотрению общины танаитов в Танаисе II–III вв., сформированной из сарматов, поселенных в Танаисе для военной службы. Анализируется культурная

трансформация сарматов в Танаисе, этнический состав танаитов, их элита.

Ключевые слова: Танаис, танаиты, сарматы, сарматизация, тамги.

E. V. Vdovchenkov

TANAIT SOCIETY (SARMAT SETTLERS IN TANAIS, II–III CENTURIES AD)

The article studies Tanait society in Tanais II–III centuries AD. Tanaites consisted of Sarmatians settled in Tanais for military service. The article analyzes the cultural transformation

of Sarmats in Tanais, the ethnic composition of Tanait society and their elite.

Key words: Tanais, Tanaites, Sarmatians, sarmatization, tamgas.

В Танаисе, по данным эпиграфики II–III вв. н. э., нам известна община танаитов. Впервые упоминание архонта танаитов встречается в надписи 188 г. (КБН, 1242). Там же упоминается эллинарх. Таким образом, мы видим разделённую систему управления, что свидетельствует о существовании двух общин – танаитов и эллинов. Танаиты, согласно данным ономастики, – иранцы, и их появление связано с сарматизацией Танаиса. О переселении сарматов говорят и другие свидетельства: данные физической антропологии, погребальный обряд, некоторые элементы погребального инвентаря и материальной культуры населения Танаиса, традиция деформации черепа, использование сарматских тамг в городе [2].

Задача данной статьи – анализ общины танаитов как отдельной социальной группы и ее особенностей. Проникновение сарматов в состав античного пограничного города связано с разгромом Танаиса середины II в. н. э. После этого состав населения заметно изменился. Однако иранцы были в городе и до этого момента. С. Ю. Внуков предположил, что общину танаитов сформировали: а) сарматы, проживавшие в городе еще до его разгрома, б) выходцы из эллинизированной племенной верхушки среднесарматского населения Подонья, лишившейся своих коче-

вий в связи с приходом в регион носителей позднесарматской культуры, в) представители собственно позднесарматской волны кочевников [5]. В любом случае во второй половине II в. произошло включение варварского массива в состав Танаиса, которое изменило социальный и культурный облик города.

Бесспорно, что мигранты, оказавшиеся в Танаисе, претерпели существенную культурную и социальную трансформацию. Античная цивилизация оказывала на варварскую периферию сильное воздействие, которое проявлялось в экономических отношениях, культурном влиянии, изменении политической организации. Трансформации у кочевников, оседающих в античном городе, оказались значительными.

Попав в город, кочевники вынуждены были встраиваться в новую систему социальных отношений и хозяйствования. Закономерно, что прямых соответствий между культурой сарматов и комплексами Танаиса мы не увидим – активное усвоение оседающими кочевниками новых элементов культуры неизбежно. Материальный мир оседлого населения, тем более города, несоизмеримо богаче материального мира кочевников. Культура переселенцев не может быть точной копией культуры места исходного района миграции также потому, что происходит

воздействие эффекта усреднения, миграционной трансформации и неидентичности состава [10]. От прежней жизни у мигрантов остаются только наиболее значимые предметы, символы, связывающие настоящее людей с их прошлым.

В глаза бросается смешанный характер погребального обряда на некрополе Танаиса. В комплексах с деформированными черепами наблюдается восточная ориентировка, типичная для Боспора. В погребениях с сарматскими чертами попадают «оболы Харона» (в виде обрывков золотой фольги, оттисков монет), погребальные венки. Совершенно естественно пришлым населением усваивается керамический комплекс, характерный для местного населения Танаиса, а также стеклянная посуда, традиция использования монет и т. п. Сразу после переселения началась эллинизация пришлых иранцев – усваивался греческий язык, детям давались новые имена. Греческие имена танаитов хорошо известны [15, с. 266]. В надписи о строительстве Деметрий сын Аполлония называет себя танаитом (КБН, 1249).

Взаимодействие культур – всегда встречающее движение, и культура греков менялась под воздействием переселенцев. Так, есть точка зрения о процессах сарматизации греческого языка – иранское влияние на греческий язык приводило к его искажению даже в официальном языке надписей [12, с. 255]. «Ошибки» в надписях настолько типичны и своеобразны, что К. М. Колобова увидела в них не только слабое знание греческой речи, но и результат влияния сарматского языка [11]. Боспорское население использовало комплекс вооружения сарматов, заимствовало их материальную культуру и традиции.

Название «танаиты» хорошо известно в античной традиции. Анализ сообщений о танаитах в античной традиции показывает, что они известны в I–IV вв. Танаитов упоминают Плиний Старший (VI, 22); Птолемей (III, 5, 24); Аммиан Марцеллин (XXXI, 3), а также боспорские надписи (КБН, 39, 40). Эти сообщения говорят нам о танаитах как конкретном этносе (или этносах) [2]. Вполне вероятно, что танаитами могли называться разные группировки. С. А. Яценко предполагает, что этот этноним был производным от названия реки Танаис [14, с. 296].

Были ли танаиты Танаиса этносом? Этот вопрос очень сложен. Община танаитов

складывалась на разных этапах из нескольких группировок сарматов. Жизнь в пределах крепостных стен и объединяла, и разделяла. С момента включения в состав горожан образ жизни вчерашних кочевников менялся с катастрофической скоростью, оставляя от прежнего только предания и определённые традиции. Но при этом вхождение в экономическое, культурное и политическое пространство не обязательно означает стирание этнических границ, тем более что они были подкреплены политическими практиками.

Само понятие «танаиты» могло эволюционировать. Возможно, танаитами называли не только осевших сарматов. «Прописку» среди танаитов могли получить и кочевники, связанные с Танаисом союзническими отношениями, и, соответственно, упоминаться в материалах надписей, участвовать в жизни города, при этом, однако, сохраняя свой традиционный образ жизни.

Можем ли мы предполагать сохранение племенной клановой структуры у пришлых номадов? С. Ю. Внуков заметил одну важную особенность танаитов – неоднородность их общины [5, с. 168]. Эта неоднородность может проистекать от того, что проникновение сарматов в город было поэтапным и уровень аккультурации был разным. Другой, еще более важный момент – вхождение в состав Танаиса разных сарматских общин, только объединённых именем танаиты. Обычно в надписи упоминается только один эллинарх и один архонт танаитов, но в надписи КБН № 1245 упоминаются сразу четыре архонта. Не исключена возможность того, что несколько административных должностей обозначают необходимость руководить несколькими подразделениями танаитов, и свой архонт мог быть у каждой группировки.

В этом плане перспективным источником по социальной истории Нижнего Подонья являются *тамги*. Тамги – знаки клана – встречаются на разных предметах из Танаиса, и это показывает нам, насколько значимой была родовая принадлежность в городской жизни. Тамги Танаиса – это не только яркий признак присутствия сарматов в городе. Это важный источник по социальной и политической истории. Особо следует отметить так называемые «энциклопедии тамг» – скопления тамг на плитах и других предметах.

Новый язык описания социальной реальности – тамги – оказался чрезвычайно удо-

бен и востребован номадами Европы. Уже в первых веках нашей эры тамги получили довольно широкое распространение. Использование их как социального маркера становится актуальным в новых условиях – в среднесарматское время, с рубежа эр, происходит очевидное усложнение социальной структуры сарматского общества и развитие социальной стратификации. В новых социальных условиях актуализировалось значение тамг как значимого маркера, позволяющего отличить одни кланы и группировки от других.

Тамги Танаиса можно разделить на три группы: знаки городского населения, сарматов по происхождению; «знаки союзников», т. е. тех групп номадов, которые участвовали в составлении «энциклопедий тамг»; так называемые царские тамги – знаки боспорских царей. Как определить знаки именно жителей Танаиса? Это, конечно, находки на отдельных предметах с городища и некрополя, которые дают более адекватное представление о культуре и происхождении сарматской общины города, нежели «энциклопедии».

Проблема этнокультурной принадлежности новой группы населения Танаиса, появившейся здесь в середине II в. н. э., довольно сложна. По материалам девяти плит «энциклопедий тамг» С. А. Яценко приходит к выводу, что большая часть знаков относится к типам, имевшим основное хождение в степной зоне в I–II вв. н. э. [16, с. 73–74]. *Но встречаются и знаки, характерные для II–III вв., т. е. для позднесарматского периода.* Тамги на плитах и на предметах с городища и некрополя позволяют, на наш взгляд, сделать вывод о том, что в Танаисе были выходцы как из средне-, так и из позднесарматской среды.

Культура вчерашних кочевников в Танаисе стремительно менялась. Это хорошо прослеживается по археологическим данным. Но использование тамг свидетельствует о том, что они оставались важнейшим способом репрезентации коллективной идентичности, связанного с ней собственного статуса, символом участия в политических акциях, а также знаком собственности.

Этнический состав Танаиса мог быть не только двухчастным (эллыны – танаиты). Существует версия о присутствии гунно-болгаров в степях Европы со II в. н. э. и их именах.

В. П. Яйленко выделяет 17 гунно-болгарских имен в надписях Танаиса II–III вв. [13]. Если он прав, то эти данные показывают нам этническое разнообразие среди пришлого населения Танаиса. Но важно отметить доминирование иранцев в городе. За последние 60 лет существования города (конец II в. – первая половина III в.) упоминаются 395 полных имен, и греческие имена и отчества носили чуть более 100 человек [9, с. 288].

Появление танаитов следует, видимо, связать с политикой усиления военного потенциала Танаиса, проводимой Боспором после военного разгрома в середине II в. н. э. По нашему мнению, танаиты – это группировка, набираемая из местных, преимущественно ираноязычных племен для несения военной службы. Это были преимущественно вытесненные в середине II в. из степной зоны носители среднесарматской культуры, хотя в состав Танаиса были включены и носители позднесарматской культуры.

Известной особенностью Танаиса II–III вв. является значительная роль частных союзов. Вопрос о значении фиасов до сих пор является дискуссионным. Из всех версий о предназначении союзов наиболее вероятной нам представляется версия о военном значении этих объединений [4, с. 387–388]. В фиасы входило все взрослое гражданское население города: по расчетам Д. Б. Шелова, в них состояли все свободные мужчины Танаиса – 250–300 человек (из 1500–2000 человек) [12, с. 277–278].

Наличие общины танаитов и вовлекающих в свой состав всех жителей Танаиса религиозных объединений с военной функцией позволяет нам связать эти два факта. Союзы – это форма военной организации и прежнего населения, и нового. При этом роль танаитов в военно-политической сфере могла быть более значимой – не только в связи с их военными навыками, но и в силу их связей с сарматским миром.

Существуют две гипотезы об истоках танаисских союзов. Ю. Б. Устинова и Н. В. Завойкина считают наиболее вероятной связь союзов (по крайней мере их части – в Танаисе существовало несколько типов союзов) с институтом возрастных классов. Гипотеза Ю. Б. Устиновой предполагает возникновение фиасов из иранских мужских союзов,

сильно эллинизированных [1, р. 280–282]. По мнению Н. В. Завойкиной, в основе возрастных союзов Танаиса доминировало греческое начало [8, с. 303–305].

Объем проделанной Н. В. Завойкиной работы и изданная ею монография [9] склоняют к ее точке зрения. Все же система союзов была вписана в боспорский социально-политический контекст. По нашему убеждению, общества Танаиса играли в первую очередь военную роль и были той системой, в рамках которой проходила военная подготовка жителей Танаиса. Они способствовали инкорпорации новых жителей в военную систему Боспора. Следует отметить также факт, что в фиасах участвовали как эллины, так и танаиты, что способствовало вхождению переселенцев в состав городской общины. Но предполагаемое нами наличие аналогичных институтов у сарматов [3] позволяет выдвинуть предположение, что это обстоятельство облегчало вхождение сарматов в подобные союзы.

При анализе материала из Танаиса создается впечатление, что переселенцы по-разному встраивались в жизнь античного города. Род занятий бывших кочевников в городе – военная служба, торговля, может быть, скотоводство и ремесло. Одни перешли к полной оседлости, занялись торговлей. Другая часть была больше связана с кочевым образом жизни, специализируясь на военном деле.

Часть сарматов в Танаисе занималась торговлей. Так, усадьба 2 раскопа IV Танаиса принадлежала выходцу из степей [7, с. 443]. Об этом говорит иранское имя владельца усадьбы, известное по дипинти на амфорах. Владелец усадьбы был вовлечен, видимо, в торговые контакты. Интересно сохранение старых связей и предпочтений жителей усадьбы, поскольку в поместье встречена кавказская керамика, привезенная из городищ Предкавказья. Любопытно, что в помещениях города накануне катастрофы III в. из неантичной керамики преобладала сероглиняная керамика из Предкавказья [6, с. 121–122]. Эта же керамика из Предкавказья фиксируется в курганах степной зоны Подонья.

С. А. Яценко, опираясь на данные скифо-сарматского словаря В. И. Аббаева, считает, что анализ танаисской ономастики позволяет узнать профессии или социальный статус сарматов Нижнего Дона. О занятиях сарматов, по его мнению, говорят имена «строитель», «кожевник», «медовар» [15, с. 54–55].

Анализируя общину танаитов, нужно уделить внимание их элите. При переселении сарматов в Танаис она сохраняла свое привилегированное положение, с другой стороны, приспосабливалась к новым обстоятельствам.

У сарматов элита фиксируется как археологически (маркерами высокого статуса в сарматских погребениях выступают богатый набор инвентаря, престижные предметы, костюм, оружие, территориальные и погребальные отличия), так и по данным античных авторов, фиксирующих наличие царей и знати (возможно, сарматы в их отношении использовали слово «ардары») [17]. Служилой знати у сарматов практически не было – для этого в сарматских политиях не хватало ресурсов. Знать была в первую очередь связана с родовой организацией, а не с царями и царской властью. Дружины были довольно редки – в большинстве случаев для сарматов дружина была избыточна, поскольку традиционная форма военной организации оказывалась вполне эффективной.

Экономическая элита, т. е. группы, отличающиеся богатством, сформированным за счет экстенсивного кочевого скотоводства, торговли, экзополитарной деятельности, конечно, у сарматов присутствовали (и были представлены как аристократией, так и разбогатевшими соплеменниками). Однако следует помнить о нестабильном характере экстенсивного кочевого скотоводства и сильной зависимости от природных условий. Это обстоятельство не позволяло сохранять значительные богатства. Часть ресурсов регулярно уходила также на устройство погребений, что также препятствовало их накоплению.

При переселении сарматов в Танаис элита переселенцев претерпевала серьезные изменения. В первую очередь это, конечно, утрата ими политической самостоятельности и подчинение боспорскому царю, а также встраивание в боспорскую политическую систему. Фактически это означает формирование из сарматской элиты служилой знати. Эта элита, включившись в жизнь Боспора, играла важную роль в жизни Танаиса и Боспора. Здесь были востребованы их статус и контакты со степной средой и возможности политического урегулирования взаимодействия Боспора с кочевым миром.

В Танаисе расширялись возможности для экономической деятельности сарматов, в первую очередь торговли, чему свидетель-

ство – уже упомянутая усадьба 2 раскопа IV. Что касается культовой деятельности, то она реализовывалась здесь в контексте политической и социальной жизни – видимо, посредством деятельности союзов. Поэтому отдельно выделять тех, кто специализировался на культовой сфере, нет возможности.

Переселение кочевников в город, их быстрая эволюция показывает нам высокую

адаптивность номадов, способность быстро встраиваться в новые изменившиеся условия существования, усваивать новые практики и приспосабливать к боспорским реалиям свои. Анализ социального состава населения Танаиса помогает понять политические и культурные процессы на Боспоре.

Литература

1. Ustinova Yu. B. The Supreme Gods of the Bosporian Kingdom. Celestial Aphrodite and the Most High God. Leiden; Boston; Koln: Brill, 1999. 341 p.
2. Вдовченков Е. В. Кем были танаиты (к вопросу об этнической принадлежности нового населения Танаиса II–III вв. н. э.) // Вестник Танаиса. Выпуск 3. Х. Недвиговка Мясликовского района Ростовской области: Танаис, 2012. С. 163–171.
3. Вдовченков Е. В. Проблема существования мужских союзов у сарматов // Ранние формы потестарных систем. СПб.: МАЭ РАН, 2013. С. 182–201.
4. Вдовченков Е. В. Религиозные практики сармато-боспорского пограничья (на примере культа Бога Высочайшего) // Цивилизация и варварство: пограничье как феномен, состояние и культурно-историческое пространство. М.: Аквилон, 2015. Вып. IV. С. 385–396.
5. Внуков С. Ю. Время и политические последствия появления племен позднесарматской культуры в Причерноморье // Вестник древней истории. 2007. № 4. С. 163–177.
6. Гугуев Ю. К. Центральнокавказская керамика в Танаисе во II – первой половине III в. н. э. // Вестник Танаиса. Вып. 1. Ростов/Д.: Гефест, 1994. С. 114–139.
7. Гугуев Ю. К., Ильяшенко С. М., Казакова Л. М. О возможности этнической и социальной идентификации владельца усадьбы середины III в. н. э. в Танаисе // Северный Кавказ и мир кочевников в раннем железном веке: сборник памяти М. П. Абрамовой. М.: Институт археологии РАН; Таус, 2007. С. 432–457.
8. Завойкина Н. В. Частные сообщества Танаиса (104–244 гг. н. э.) // Проблемы истории, филологии, культуры. 2007. № 17. С. 299–315.
9. Завойкина Н. В. Боспорские фиасы: между полисом и монархией. М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2013. 288 с.
10. Клейн Л. С. Миграция: археологические признаки // Stratum plus. 1999. № 1. С. 52–71.
11. Колобова К. М. К вопросу о сарматском языке // Из истории докапиталистических формаций. Известия Государственной Академии истории материальной культуры. 1933. Вып. 100. С. 416–436.
12. Шелов Д. Б. Танаис и Нижний Дон в первые века нашей эры. М.: [б. и.], 1972. 350 с.
13. Яйленко В. П. Гунно-болгары II–V вв. н. э. на Боспоре по данным эпиграфики и антропоники // Древности Боспора. 2002. Вып. 5. С. 303–333.
14. Яценко С. А. Алания I–II вв. н. э. как кочевая империя // Монгольская империя и кочевой мир. Книга 3 / отв. ред. Б. В. Базаров, Н. Н. Крадин, Т. Д. Скрынникова. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2009. С. 281–310.
15. Яценко С. А. Имена аланов из Танаисов второй половины II – первой половины III в. н. э. как исторический источник // Донская археология. 1998. № 1. С. 54–55.
16. Яценко С. А. Знаки-тамги ираноязычных народов древности и раннего Средневековья. М.: Восточная литература, 2001. 190 с.
17. Яценко С. А. Группы элиты у сарматов // Элита в истории древних и средневековых народов Евразии / отв. ред. П. К. Дашковский. Барнаул: АГУ, 2015. С. 86–98.

References

1. Ustinova Yu. B. The Supreme Gods of the Bosporian Kingdom. Celestial Aphrodite and the Most High God. Leiden; Boston; Koln: Brill, 1999. 341 p.
2. Vdovchenkov E. V. Kem byli tanaity (k voprosu ob etnicheskoj prinaldezhnosti novogo naseleniya Tanaisa II–III v. n. e.) (Who were tanaity (to a question on ethnicity new population Tanais II–III c. AD) // Vestnik Tanaisa. Vol. 3. Nedvigovka Myasnikovskogo raiona Rostovskoi oblasti (Nedvigovka of Myasnikovsky district of Rostov region). 2012. P. 163–171.
3. Vdovchenkov E. V. Problema sushchestvovaniya muzhskikh soyuzov u sarmatov (The problem of the existence of Sarmatian male unions) // Rannie formy potestarnykh system (Early forms of Potestarian systems). SPb.: MAE RAS, 2013. P. 182–201.

4. Vdovchenkov E. V. Religioznye praktiki sarmato-bosporskogo pogranič'ya (na primere kul'ta Boga Vysochaishego) (Religious practice of Sarmatian and Bosphorus frontier (the example of the Most High God cult) // *Tsivilizatsiya i varvarstvo: pogranič'e kak fenomen, sostoyanie i kul'turno-istoricheskoe prostranstvo* (Civilization and Barbarism: borderlands as a phenomenon, state and cultural and historical space). M.: Akvilon, 2015. Vol. IV. P. 385–396.
5. Vnukov S. Yu. Vremya i politicheskie posledstviya poyavleniya plemen pozdnesarmatskoi kul'tury v Prichernomor'e (Time and political implications of the emergence of the Late Sarmatian tribes culture in the Black Sea) // *Vestnik drevnei istorii*. 2007. No. 4. P. 163–177.
6. Guguev Yu. K. Tsentral'nokavkazskaya keramika v Tanais vo II – pervoi polovine III v. n. e. (Central Caucasian ceramics in Tanais in II – in the first half of III c. AD) // *Vestnik Tanaisa* (Bulletin of the Tanais). Vol. 1. Rostov-on-Don: Gefest, 1994. P. 114–139.
7. Guguev Yu. K., Il'yashenko S. M., Kazakova L. M. O vozmozhnosti etnicheskoi i sotsial'noi identifikatsii vladel'tsa usad'by serediny III v. n. e. v Tanais (On the possibility of ethnic and social identity of the owner of the estate in the middle of the III. AD in Tanais) // *Severnyi Kavkaz i mir kochevnikov v rannem zheleznom veke: sbornik pamyati M. P. Abramovoi* (The North Caucasus and the world of the nomads in the Early Iron Age. Collection of memory M. P. Abramova). M.: Institute of Archeology of RAS; Taus, 2007. P. 432–457.
8. Zavoikina N. V. Chastnye soobshchestva Tanaisa (104–244 gg. n. e.) (Private community Tanais (104–244 years AD) // *Problemy istorii, filologii, kul'tury*. 2007. No. 17. P. 299–315.
9. Zavoikina N. V. Bosporskie fiasy: mezhdru polisom i monarkhie (Bosphorus fias: between policy and the monarchy). M.: Universitet Dmitriya Pozharskogo, 2013. 288 p.
10. Klein L. S. Migratsiya: arkheologicheskie priznaki (Migration: the archaeological features) // *Stratum plus*. 1999. No. 1. P. 52–71.
11. Kolobova K. M. K voprosu o sarmatskom yazyke (On the question of a Sarmatian language) // *Iz istorii dokapitalisticheskikh formatsii. Izvestiya Gosudarstvennoi Akademii Istorii Material'noi Kul'tury*. 1933. No. 100. P. 416–436.
12. Shelov D. B. Tanais i Nizhnii Don v pervye veka nashei ery (Tanais and Lower Don in the first century AD). M.: [b.i.], 1972. 350 p.
13. Yailenko V. P. Gunno-bolgary II–V vv. n. e. na Bospore po dannym epigrafiki i antroponimiki (Hun-Bulgarians II–V centuries AD on. the Bosphorus according epigraphy and anthroponimics) // *Drevnosti Bospora*. 2002. Vol. 5. P. 303–333.
14. Yatsenko S. A. Alaniya I–II vv. n. e. kak kochevaya imperiya (Alanya I–II cent. AD a nomadic empire) // *Mongol'skaya imperiya i kochevoi mir* (Mongol Empire and nomadic world). Kniga 3 / ed. by B. V. Bazarov, N. N. Kradin, T. D. Skrynnikova. Ulan-Ude: Publishing House BSC SB RAS, 2009. P. 281–310.
15. Yatsenko S. A. Imena alanov iz Tanaisov vtoroi poloviny II – pervoi poloviny III v. n. e. kak istoricheskii istochnik (The names of the Alans Tanais in the second half of II – in the first half of III cent. AD as a historical source) // *Donskaya arkheologiya*. 1998. No. 1. P. 54–55.
16. Yatsenko S. A. Znaki-tamgi iranoyazychnykh narodov drevnosti i rannego srednevekov'ya (Signs of tamgas of Iranian peoples of antiquity and the early Middle Ages). M: Vostochnaya literatura, 2001. 190 p.
17. Yatsenko S. A. Gruppy elity u sarmatov (Sarmatian Elite Group) // *Elita v istorii drevnikh i srednevekovykh narodov Evrazii* (The elite in the history of ancient and medieval peoples of Eurasia) / ed. by P. K. Dashkovskii. Barnaul: ASU Publ., 2015. P. 86–98.

УДК 94 (470+571) «18»

Ю. Ю. Гранкин

ПРАКТИКА ФОРМИРОВАНИЯ РОССИЙСКИХ МИРОВОЗЗРЕНЧЕНСКИХ ОСНОВ У НАСЕЛЕНИЯ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В НАЧАЛЕ XIX СТОЛЕТИЯ

В статье проведен анализ элементов управления, внедряемых на территории Северного Кавказа в начале XIX в. и направленных на формирование у местного населения российского самосознания. В таком качестве выступили структуры судебной системы. Они выполняли посреднические функции, помогая наладить мирное взаимо-

действие местных обществ с российскими административными институтами, а также содействовать вхождению кавказцев в правовое пространство империи.

Ключевые слова: администрация, мировоззрение, цивилизаторская практика, судебная система, чиновники, регион, империя.

U. U. Grankin

THE PRACTICE OF FORMING THE RUSSIAN WORLD VIEW BASIS OF THE NORTHERN CAUCASUS POPULATION IN THE XIX CENTURY

The article analyzes management elements which were introduced on the territory of the North Caucasus in the beginning of the XIX century in order to form the Russian self-consciousness at local population. The structures of judicial system served the purpose. They acquired mediator functions, established

peaceful interaction of the local societies with Russian administrative institutes and promoted the inclusion of Caucasians in the legal area of the Empire.

Key words: administration, world view, civilized practice, judicial system, bureaucrats, region, empire.

В XIX в. в качестве одного из эффективных методов создания принципиально иного жизненного уклада, а также формирования имперского мировоззрения у народов, населявших Северный Кавказ, выступила система специальных политических и судебно-административных мероприятий. По сути, демонтируя привычный образ жизни горцев, царская администрация должна была предложить более удобные, выгодные для автохтонов условия, благодаря чему процесс инкорпорации переживался бы ими не так болезненно [10, с. 85].

Поиск решения этой проблемы был достаточно трудным, так как административные новшества слишком медленно вытесняли из сознания местного населения архаичные ценности, а представители российской государственной власти с долей скепсиса воспринимали традиционные порядки инокультурной для них среды горцев.

Цивилизаторская практика в управлении новыми территориями была поступательной,

гибкой и зависела от специфики конкретной обстановки в Северо-Кавказском регионе. Модернизация административных структур и введение единых для всех правовых норм, актуальных для жизни в империи, нередко вызывали отторжение у кавказских обществ, выливавшееся в вооруженное противодействие российскому обновленчеству. Таким образом, в непростых условиях военного времени администрации приходилось находить баланс между силовыми и дипломатическими методами разрешения ситуации, причём первые чаще всего доминировали [11, с. 260].

Положение усугубляли и различия в этнокультурном плане между русским и горским населением. Так, для местных северокавказских обществ была в новинку та централизованная система администрирования, которую пытались здесь создать российские власти. Данные попытки воспринимались большей частью кавказских жителей негативно, в том числе из-за их инокультурного происхождения [6, с. 486].

На рубеже XVIII–XIX вв. административное управление на Кавказе принял на себя институт приставства. Учрежденное ведомство обладало достаточно широкими властными полномочиями, курировало проведение всех значимых мероприятий, было ответственно за организацию мирной жизни горцев и кочевников, принявших российское подданство. Внутренние дела местных обществ касались в основном разрешения судебно-правовых вопросов, бытовых споров. Часто российская администрация не имела возможности напрямую вмешиваться в региональные конфликты, поэтому данные сферы гражданского управления следовало держать под контролем приставов [13, с. 146].

Главным приставом, основной обязанностью которого была посредническая деятельность между северокавказскими обществами и властями, стал коллежский советник К. С. Макаров, подчинявшийся непосредственно российской Коллегии иностранных дел [1, с. 730]. Особая инструкция («наставление») предписывала чиновнику оповестить местных правителей подчиненных ему народов о том, что теперь их дела находятся на «попечении» кавказской администрации. Пристав своей деятельностью должен был оправдать высокое доверие монарха, расположить к себе жителей региона и побудить их изменить свой образ жизни, чтобы «добрыми с их стороны поступками <...> свое состояние привести в лучшее положение» [1, с. 727].

Такой подход был оправдан региональной спецификой территории, на которой проживали горские и кочевые народы. Для того чтобы осуществить поэтапный переход от косвенного управления северокавказскими обществами к их постепенной интеграции в состав Российского государства, следовало провести предварительную колоссальную работу, требующую внимательности и полного включения в местную этнокультурную среду. Кроме этого, правительственная политика в регионе должна была учитывать внешние риски, какими, например, являлись интересы пограничных государств, пытавшихся распространить своё влияние среди кавказского населения.

Одними лишь силовыми методами разрешить многие сложные вопросы, требующие специализации, было невозможно, ведь в

ведомстве военных было фактическое обеспечение безопасности на указанной территории, а в решении дипломатических дилемм требовались порой совершенно иные, более тонкие методы.

Тем не менее военная поддержка для пристава в отдельных случаях была необходима (разбор дел о грабежах российских купцов, набегах на поселения и прочих «хищничествах»). Когда «кредит доверия» местным владельцам исчерпывался и удерживать их от «гнусных поступков» и покровительства преступным соплеменникам было невозможно, тогда следовало подключать военного губернатора для приведения кавказцев в повиновение и «принятия нужных мер к пресечению и к доставлению удовлетворения» [1, с. 730].

Первоначально основу деятельности пристава как раз и составлял политический и военный контроль: регулирование отношений, налаживание административных связей с местным населением и поиск «баланса» в конфликтных ситуациях, возникавших между политико-юридической системой империи и традиционным образом жизни народов Кавказа.

Несмотря на то что административная деятельность пристава была подчинена вполне определенным законодательным правилам, т. е. была регламентированной и предсказуемой, весьма существенные различия русских и кавказцев в этнокультурном плане предоставляли К. С. Макарову возможности для ситуативных «маневров». Однако существование твердых правовых основ в его работе демонстрировало понятные перспективы для горцев, находящихся по разные стороны закона.

На начальном этапе учреждение приставств воспринималось местным населением неоднозначно, однако дальнейшее последовательное соблюдение администрацией выбранного курса позволило приобщить народы Кавказа к политико-административным и судебно-правовым порядкам Российской империи. Это стало важным шагом в реализации правительственной политики России на Кавказе, способствовало формированию новой идентичности у местного населения, основанной на осознании себя как соотечественников — подданных многонародного государства.

Логичным является вывод Г. Г. Лисицыной о том, что на начальном этапе для российской администрации важно было не столько установить систему управления Кавказом, сколько последовательно осуществить специальные меры, позволяющие «контролировать управление на присоединенных территориях» [12, с. 203]. Поспешность и напор могли вызвать лишь еще более резкое отторжение со стороны кавказцев – новых граждан империи, поэтому важно было следовать этапам реализации намеченной программы.

Посредническая миссия пристава К. С. Макарова заключалась не только в разрешении вопросов местного населения в регионе. Также он содействовал организации визитов представителей управленческой верхушки кавказских обществ в столицу империи, если в этом была надобность. Кроме того, в его полномочия входили подбор кандидатур на замещение должностей частных приставов, последующее их утверждение в Коллегии иностранных дел. Так в регионе выстраивались элементы гражданского управления – второй ветви власти, что военное ведомство сочло излишним в сложных условиях нарастающей конфронтации на Кавказской кордонной линии [9, с. 85]. В результате пристав был включен в институт военных властей, а его полномочия по части независимого управления местными народами существенно сокращены.

В соответствии с императорским указом на имя инспектора Кавказской линии и Астраханского Военного губернатора князя П. Д. Цицианова от 26 сентября 1802 г. для восстановления «доверенности» новых подданных империи и оперативного разрешения возникающих в регионе происшествий ему в подчинение переходили «приставы, при разных кочующих и других народах находящиеся и от Коллегии иностранных дел зависящие» [2, с. 9].

По мнению чиновников российской администрации, адаптация горцев и кочевников к условиям имперского подданства должна была проходить в условиях равенства перед законом всех граждан, независимо от этнической, культурной религиозной принадлежности каждого. Лишь так можно было сплавить воедино представителей разных этносов и конфессий, гарантируя им не только равные права и возможности, но и формируя единое российское мировоззрение.

Как выяснилось впоследствии, проведенная реорганизация стала верным шагом. Так, например, были выявлены факты злоупотребления со стороны приставов административными полномочиями. От ногайцев и абазин из Бештовского пристава поступила жалоба на Г. С. Корнилова, в которой чиновник обвинялся в предвзятости, издоимстве, а также в незаконном принуждении их к выполнению работ. В 1803 г. главнокомандующий на Кавказе П. Д. Цицианов в обращении к императору Александру I просил о смене пристава Корнилова на ногайского князя генерал-майора Султана Менгли-Гирея, который как военный переходил в подчинение командующему на Кавказской линии [13, с. 129].

Этот факт служит иллюстрацией конкуренции, существовавшей на Кавказе между Коллегией иностранных дел и военными структурами. Следует отметить, что общее дело от этой конфронтации лишь выигрывало, так как соперничающие организации отслеживали проводимую служебную работу и не позволяли друг другу выполнять ее некачественно.

Приведенный пример назначения представителя ногайской знати на должность начальника был проявлением «политического такта» [4, с. 45] со стороны царской администрации. Местные жители имели перед глазами позитивный образец того, как выходец из их среды успешно инкорпорировался в военные структуры империи. Кроме того, ногайского пристава предполагалось использовать в качестве «проводника» в российский мир: например, для привлечения «бештовских татар» к службе в армии [2, с. 986].

Влияние военных на систему административно-правового регулирования на Кавказе объясняется неустойчивой ситуацией в регионе и постоянной необходимостью военного вмешательства.

В 1804 г. произошел мятеж в Кабарде, который был вызван недовольством местной знати строительством Кисловодского укрепления, препятствовавшего свободно сообщению кабардинцев с закубанцами. В подчинении у кабардинской элиты были также и горские народы (часть вайнахов, осетины, карачаевцы, балкарцы), поэтому она была не готова к утрате своего влияния в регионе. Тем не менее в разбирательствах с подобными претензиями российская сто-

рона предпочитала не ввязываться. Однако администрация активно работала с жалобами конкретного характера, принимая во внимание их правовой аспект. Старшины кабардинского народа заявляли о несправедливостях, которые совершают по отношению к жителям чиновники приставств и казаки на постах. Так, чиновники требуют мзду за свои услуги, бездействуют в случае бегства крестьян и работников от кабардинских владельцев, сверх меры берут пошлины рабочим скотом; казаки же не гнушаются обижать пастухов, а «ниже р. Малки грабят и убивают их» [7, с. 23]. Меры по пресечению противозаконных действий были приняты незамедлительно.

Помимо этого, кавказские власти приняли решение об отслеживании ситуации в Кабарде и оказании поддержки верным российской администрации представителям местной знати. При молчаливом потворстве частных начальников владельцы из числа элиты Малой Кабарды притеснялись князьями Большой Кабарды. Многие из упомянутых малокабардинских феодалов были пророссийски настроены, следовательно, обладали идентичностью граждан империи, однако по факту они «в награду за их преданность России, были в презрении у своих единоверцев, слабы, неуважаемы в народе и в загоне у русских чиновников» [Там же]. Те же князья, кто не скупился на взятки, принимали участие в набегах и грабеже населения при этом, «по ходатайству приставов, получали еще жалованье от нашего правительства» [Там же].

Кавказская администрация пришла к выводу, что подобная рассогласованность в действиях местных чиновников и неисполнение правовых норм только усугубляют непростую ситуацию на Линии и усложняет налаживание межкультурной коммуникации русских и горцев.

Для того чтобы наладить координацию и субординацию в административных структурах, в мае 1805 г. П. Д. Цицианов отдал распоряжение генерал-лейтенанту Г. И. Глазенапу не принимать обращения от горцев, касающиеся полномочий постановленного над ними пристава Кабардинского народа генерал-майора И. П. Дельпоццо. В то же время при необходимости военные начальники могли объединять свои усилия при выполнении просьб местного населения [2, с. 964].

Только так можно было обозначить единые и понятные для обеих сторон административно-правовые условия, в рамках которых организуется взаимодействие властей с местными жителями. Результатом этих усилий становилось формирование российского мировоззрения у кавказцев, приобретавших к имперскому порядку, основой которого было верховенство закона. Причем соблюдение правовых норм возводилось в абсолют, а работа ведомств была стабильной независимо от позиции конкретного местного начальника. Таким образом, правосознание кавказского населения должно было измениться в соответствии с действующим законодательством Российской империи.

Тем не менее в среде кавказцев особым почтением пользовались высокопоставленные военные чиновники, олицетворяющие мужество и силу, что стало использовать администрация в своей практике установления конструктивного межкультурного диалога с местным населением. Учитывая такие особенности менталитета горцев, с 1805 г. П. Д. Цицианов стал рекомендовать к назначению на административные должности военных, имеющих звание не ниже генерал-майора, а сама должность пристава была переименована – теперь имперскую власть на Кавказе представляли начальники [13, с. 131].

Кроме этого, сближению народов и мирному урегулированию многих вопросов способствовало то обстоятельство, что на российской службе состояли представители горской знати. Так местное население ощущало себя неотъемлемой частью имперского пространства. Наибольших успехов выходцы с Кавказа добивались на службе в вооруженных силах империи. Это объясняется тем, что военное дело было для них традиционным занятием.

Можно наблюдать, что административные усилия российских властей были направлены на постепенное встраивание горцев в правовое поле России с учетом их традиций и этнопсихологии. Однако воздействовать на местных владельцев порой приходилось в грубой манере, так как они адекватно воспринимали лишь язык силы.

Например, главнокомандующий на Кавказе П. Д. Цицианов стал активно использовать «восточный стиль» в своей деловой переписке с представителями элит Восточ-

ного Кавказа, руководствуясь подтвержденным опытом наблюдением, что «азиатские народы мягкость и уступчивость принимают за слабость и нерешительность». Такие методы влияния, как взимание дани, также указывали дагестанской знати, что их территория находилась под покровительством Российской империи [5, с. 33].

Проявляя последовательность, жесткость и бескомпромиссность в деле налаживания административно-правового порядка в Кавказской области, российское правительство действовало в рамках традиционных для местного населения представлений о сильной власти. Именно поэтому созданные системы управления были нечуждыми для новых подданных и воспринимались как «свои».

Законодательный процесс для присоединяемого региона происходил не настолько быстро, чтобы учитывать все особенности социальной обстановки в динамике, поэтому зачастую приставам приходилось обращаться к «импровизации». Конечно, их действия опирались на букву закона, но в тех вопросах, которые требовали конкретики, приставы могли принимать решение в соответствии ситуативными условиями. Таким образом, достаточно много факторов смыкалось на личности чиновника, являющегося посредником между местным населением и административными структурами империи. Соответственно кавказцам было небезразлично, кто будет вникать в их проблемы,

и желательно, чтобы это были люди, хорошо знакомые с их трудностями и особенностями их образа жизни [8, с. 15].

Так, например, в 1807 г. чеченские старшины просили назначить в должности пристава полковника А. И. Ахвердова на территории их «мирных аулов» (Большой Атаге Брагунского Кучук-бея, в малой Атаге – Аксаевского Хасай-Мусу и в сел. Гехи – Бамата Девлет-Гиреева). Об этом писал главнокомандующий войсками на Кавказе генерал И. В. Гудович в отношении на имя графа М. П. Румянцева. По заявлению обращавшихся, «они обязаны будут отвечать за всякую случившуюся шалость подведомственной каждому из них деревни». Граф Гудович дал согласие, признав их просьбу «сколько основательно, столько же и полезно» [3, с. 675–676].

Подобная сознательность указывает на то, что чеченцы – авторы обращения из новопокоренных аулов были людьми, обладавшими чертами русского мировоззрения, однако сохранившими также идентичность кавказцев. Тем не менее их менталитет претерпевал трансформации, утрачивая архаичные качества (враждебность, неприимчивость, ограниченный круг интересов и занятий и т. д.). Данные наблюдения дают возможность говорить о формировании нового типа жителя Кавказа, соотносящего себя с подданством Российской империи.

Литература

1. Акты, собранные Кавказскою археографическою комиссиею. Тифлис: Типография Главного Управления Наместника Кавказского, 1866. Т. I. 816 с.
2. Акты, собранные Кавказскою археографическою комиссиею. Тифлис: Типография Главного Управления Наместника Кавказского, 1868. Т. II. 1238 с.
3. Акты, собранные Кавказскою археографическою комиссиею. Тифлис: Типография Главного Управления Наместника Кавказского, 1869. Т. III. 760 с.
4. Бентковский И. В. Историко-статистическое обозрение инородцев-магометан, кочующих в Ставропольской губернии. Ногайцы. Ч. 1. Ставрополь: Типография Губернского правления, 1888. 145 с.
5. Виноградов Б. В. Специфика российской политики на Северном Кавказе в 1783–1816 гг.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Армавир: АГПУ, 2006. 50 с.
6. Гудаков В. В. Северо-Западный Кавказ в системе межэтнических отношений с древнейших времен до 60-х годов XIX века. СПб.: СПбГУ, 2007. 565 с.
7. Дубровин Н. Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. Т. III. СПб.: Типография Скороходова, 1886. 550 с.
8. Дударев С. Л., Клычников Ю. Ю. Города как пространство социокультурной адаптации населения Северного Кавказа в процессе осуществления российского модернизационного проекта. Пятигорск: ПГЛУ, 2014. 73 с.
9. Клычников Ю. Ю. Деятельность А. П. Ермолова на Северном Кавказе (1816–1827). Ессентуки: АГПИ, 1999. 135 с.
10. Клычников Ю. Ю. Российская государственность и северокавказская архаика: В поисках преодоления противоречий (XVIII – начало XXI вв.). Исторические очерки. М.: ЛЕНАНД, 2015. 368 с.

11. Клычников Ю. Ю., Лазарян С. С. Мозаика северокавказской жизни: события и процессы XIX – начала XX веков. Пятигорск: ПГЛУ, 2012. 330 с.
12. Лисицына Г. Г. «Гражданское управление краем, самое трудное...» // Кавказ и Российская империя: проекты, идеи, иллюзии и реальность. Начало XIX – начало XX вв. СПб.: Звезда, 2005. С. 203–236.
13. Малахова Г. Н. Становление и развитие российского государственного управления на Северном Кавказе в конце XVIII – XIX вв. Ростов-н/Д.: СКАГС, 2001. 392 с.

References

1. Akty, sobrannye Kavkazskoyu arkheograficheskoyu komissieyu (Acts collected Caucasian Archeological Commission). Tiflis: Printing office of General Directorate of the governor of the Caucasus, 1866. T. I. 816 p.
2. Akty, sobrannye Kavkazskoyu arkheograficheskoyu komissieyu (Acts collected Caucasian Archeological Commission). Tiflis: Printing office of General Directorate of the governor of the Caucasus, 1868. T. II. 1238 p.
3. Akty, sobrannye Kavkazskoyu arkheograficheskoyu komissieyu (Acts collected Caucasian Archeological Commission). Tiflis: Printing office of General Directorate of the governor of the Caucasus, 1869. T. III. 760 p.
4. Bentkovskii I. V. Istoriko-statisticheskoe obozrenie inorodtsev-magometan, kochuyushchikh v Stavropol'skoi gubernii. Nogai (Historical and Statistical Review of Mohammedans, wandering in the Stavropol province. Nogai). Ch. 1. Stavropol': Printing office of provincial government, 1888. 145 p.
5. Vinogradov B. V. Spetsifika rossiiskoi politiki na Severnom Kavkaze v 1783–1816 gg. (The specifics of the Russian policy in the North Caucasus in 1783–1816): avtoref. dis. ... doktora ist. nauk. Armavir: APSU Publ., 2006. 50 p.
6. Gudakov V. V. Severo-Zapadnyi Kavkaz v sisteme mezhetnicheskikh otnoshenii s drevneishikh vremen do 60-kh godov XIX veka (Northwest Caucasus in the system of inter-ethnic relations from ancient times until the 60-th of the XIX century). SPb.: SpSU Publ., 2007. 565 p.
7. Dubrovin N. F. Istoriya voyny i vladychestva russkikh na Kavkaze (The history of war and domination Russian Caucasus). T. III. SPb.: Skorokhodov Printing, 1886. 550 p.
8. Dudarev S. L., Klychnikov Yu. Yu. Goroda kak prostranstvo sotsiokul'turnoi adaptatsii naseleniya Severnogo Kavkaza v protsesse osushchestvleniya rossiiskogo modernizatsionnogo proekta (Cities as a space of social and cultural adaptation of the population of the North Caucasus in the process of Russia's modernization project). Pyatigorsk: PSLU Publ., 2014. 73 p.
9. Klychnikov Yu. Yu. Deyatel'nost' A. P. Ermolova na Severnom Kavkaze (1816–1827) (Yermolov in the North Caucasus (1816–1827). Essentuki: ASPI Publ., 1999. 135 p.
10. Klychnikov Yu. Yu. Rossiiskaya gosudarstvennost' i severokavkazskaya arkhika: V poiskakh preodoleniya protivorechii (XVIII – nachalo XXI vv.) Istoricheskie ocherki. (Russian statehood and the North Caucasian archaic: In search of overcoming contradictions (XVIII – beginning of XXI centuries.). Historical essays). M.: LENAND, 2015. 368 p.
11. Klychnikov Yu. Yu., Lazaryan S. S. Mozaika severokavkazskoi zhizni: sobytiya i protsessy XIX – nachala XX vv. (Mosaic North Caucasian life events and processes XIX – early XX centuries). Pyatigorsk: PSLU Publ., 2012. 330 p.
12. Lisitsyna G. G. «Grazhdanskoe upravlenie kraem, самое трудное...» («Civil edge control, the hardest ...») // Кавказ и Российская империя: проекты, идеи, иллюзии и реальность. Начало XIX – начало XX вв. (The Caucasus and the Russian Empire: projects, ideas, illusion and reality. Beginning XIX – early XX centuries). SPb.: Zvezda, 2005. P. 203–236.
13. Malakhova G. N. Stanovlenie i razvitie rossiiskogo gosudarstvennogo upravleniya na Severnom Kavkaze v kontse XVIII – XIX vv. (Formation and development of the Russian state administration in the North Caucasus at the end of XVIII – XIX centuries). Rostov-on-Don: NCAPC Publ., 2001. 392 p.

УДК 94(4)

С. Л. Дударев, В. А. Захаров, И. А. Королева

КОЛОНИЯ КАРРАС И СУДЬБА М. Ю. ЛЕРМОНТОВА

В статье на фоне истории известной колонии Каррас, являвшейся поселением шотландских миссионеров, а затем немецких гернгутеров, распространявших среди горцев Северного Кавказа протестантизм с согласия российского правительства, рассматривается трагический финал жизни ве-

ликого русского поэта М. Ю. Лермонтова, некоторое время проведшего в Каррасе перед своей гибелью.

Ключевые слова: протестантизм, переселенцы-лютеране, гернгутеры, миссионеры, Каррас, Шотландка, горцы, кафе Рошке, дуэль М. Ю. Лермонтова.

S. L. Dudarev, V. A. Zakharov, I. A. Koroleva

KARRAS COLONY AND M.Y. LERMONTOV'S DESTINY

The article examines the tragic finis of the great Russian poet M. Y. Lermontov, who spent some time in Karras before his death, as well as the history of the famous Karras colony which used to be a settlement first for Scottish missionaries, then for German gerngutters, who, with the consent of the Russian

government, distributed Protestantism among the mountaineers of the North Caucasus.

Key words: Protestantism, Lutheran immigrants, gerngutters, missionaries, Karras, Shotlandka, mountaineers, Roshke cafe, M. Y. Lermontov's duel.

Тема немецких переселенцев-лютеран интересна не только тем, что освещает влияние этой этнической группы на население Северного Кавказа (как русское, так и автохтонное) в плане экономического и культурного развития. Судьбы переселенцев порой удивительным образом переплетались с жизненным путем признанных российских гениев, имена которых знает каждый культурный человек. В данной статье авторы рассказывают о том, как судьба великого русского поэта М. Ю. Лермонтова оказалась связанной с известной колонией Каррас, переселенцы из которой потом основали множество дочерних поселений на Северном Кавказе [10]. Здесь поэт провел последние часы своей жизни, сохраненные в памяти не только его современников, но и нескольких поколений одной немецкой семьи.

Коснемся вначале кратко истории колонии Каррас. В 1802 г. шотландские миссионеры, члены Эдинбургского Библейского общества с разрешения российских властей поселились недалеко от Горячеводска (с 1830 г. – Пятигорск) в ауле Каррас с целью распространения протестантизма среди горцев

Кавказа. Академик Ю. Клапрот в двухтомном труде, изданном впервые в Халле и Берлине в 1812 г., писал, что абассинское (абазинское) село, по имени которого было названо английское (sic!) миссионерское поселение, ныне сожжено дотла из-за чумы [11, с. 147]. Горцы переселились в другие места. В поэме «Аул Бастунджи» (1833–1834) Лермонтов писал:

*Между Машуком и Бешту, назад
Тому лет тридцать, был аул, горами
Закрыт от бурь и вольностью богат.
Его уж нет...*

Аул Каррас исчез, но его имя сохранилось за небольшим населенным пунктом Шотландка. Так он и носил два названия [5, с. 170–174; 16, с. 167–169; 15, с. 200–211; 6]. Главным священником в Каррасе был Генри Брантон, занимавшийся ранее миссионерской деятельностью в Африке (Сьерра-Леоне). Миссионеры переводили Библию на «татарский» язык, т. е. местные тюркские (особенно, нужно полагать, ногайское) наречия, а также занимались обращением местного населения в христианство «в соответствии с догматами английской (точнее, англикан-

ской. – Авт.)¹ церкви». Для этого миссионеры усердно изучали «татарский язык» (скорее всего, ногайский), чему способствовало то, что слугами у них были «местные татары» и это позволяло постоянно практиковаться в разговорной речи. Примечательно то, что Г. Брантон уделял наибольшее внимание письменному языку, используемому местными тюрками. Ю. Клапрот говорит об арабо-татарских религиозных текстах, изданных миссионерами, и приводит их заглавия, дублированные арабской графикой (Большой катехизис, Краткий катехизис, четыре Евангелия (от Матфея, Марка, Луки, Иоанна и др.). Для ведения своей издательской деятельности у миссионеров была хорошая, как бы сейчас сказали, полиграфическая база – полная типография с «великолепным печатным станком, который вместе с бумагой для трех тысяч экземпляров Нового Завета был отправлен сюда из Лондона», два комплекта шрифта и пр. Качество изданной литературы, по словам Ю. Клапрота, соперничало по красоте с первоклассными изданиями в Европе [11, с. 148–149]. Миссионеры имели право покупать рабов (с перспективой их будущего освобождения) и обучать их заповедям христианства. Ученый, описывая деятельность миссионеров, одновременно высказал сомнения в конечных результатах их деятельности с богослужебной стороны («крайне затруднительно склонить азиатов принять веру, не сопровождаемую внешними обрядами») и опасения за их судьбу (охрана колонии была, скорее, символической и составляла всего шесть казаков). И прогноз Клапрота сбился, хотя и не по названным им причинам. В 1809 г. в Каррас прибыли первые поселенцы из Поволжья (Сарепта), которые довольно скоро вытеснили шотландцев. Это были т. н. гернгутеры, протестантская секта последователей т. н. Чешских братьев, распространившаяся из саксонского города Гернгут в XVII–XIX вв. в ряде стран Европы и Америки [1]. К 1821 г. миссионерская деятельность шотландцев прекратилась.

Колония развивалась быстро, но не без существенных затруднений. Как отмечает Ю. Клапрот, первоначально здесь прожива-

ло 17 семей, а затем число их сократилось до 8. В качестве причины автор называет «вредность климата», но были и другие, о которых пишет он же. Поселение миссионеров подвергалось нападениям соседних ногайцев и абазин [11, с. 147]. В последующее время прослеживается такая динамика населения Карраса. Если в 1813 г. здесь насчитывалось 166 жителей, в том числе 26 британцев, 17 обращенных в христианство горцев и 123 немца, то в 1826 г. кроме шотландцев и крещенных горцев, на различных правах проживало 125 человек немцев². В 1856 г. жителей было всего 307 [3].

К 30-м гг. XIX века в колонии жило уже больше половины немецких переселенцев. Нас интересует история одного из них, Иоганна Рошке. По найденным Е. Ю. Васильевой документам, Виктор Иоганн Рошке, 1786 г. р., прибыл в Россию в ремесле повара по паспорту графа Румянцева от 12.VII.1810 г. Из

² Вот список немцев, проживавших в Каррасе в 1826 г.: 1) Альтерготт (Altergott) Иоганн-Михель (1785 г.р.) с женой и 8 детьми; 2) Брам (Bramm) Дитрих (1743 г.р.); 3) Брам (Bramm) Иоганн-Конрад (1786 г.р.) с женой и 3 детьми; 4) Брам (Bramm) Яков (1790 г.р.) с женой и 3 детьми; 5) Вебер (Weber) Петер (1776? г.р.) с женой и 5 детьми; 6) Гейнеман (Heineman?) Иоганнес (1771 г.р.) с женой и 4 детьми; 7) Гольмгрен (Holmgren) Иоганн-Георг (1799 г.р.) с женой и сыном; 8) Гольмгрен (Holmgren) Фридрих (1807 г.р.) с матерью, братом и сестрой; 9) Кам (Kam) Леонард (1778 г.р.) с женой и дочерью; 10) Конради (Conradi) Христиан (1768 г.р.) с женой и дочерью; 11) Конради (Conradi) Генрих-Мельхиор (1796 г.р.) с женой и 5 детьми; 12) Либих (Liebich) Иоганн-Людвиг (1774 г.р.) с женой и 7 детьми; 13) Либих (Liebich) Иоганнес (1781 г.р.) без семьи; 14) Обершнейдер (Oberschneider?) Фридрих (1790 г.р.) с женой и 6 детьми; 15) Рошке (Roschka) Иоганн-Готлиб (1786 г.р.) с женой и 5 детьми; 16) Швагерус (Schwagerus?) Яков (1755 г.р.) с женой; 17) Швагерус (Schwagerus?) Иоганн-Яков (1782 г.р.) с женой и 2 детьми; 18) Швагерус (Schwagerus?) Готлиб (1786 г.р.) с женой и 4 детьми; 19) Швагерус (Schwagerus?) Иоганн-Филипп (1789 г.р.) с женой и 5 детьми; 20) Швагерус (Schwagerus?) Генрих (1800 г.р.) с женой и 2 дочерьми; 21) Швагерус (Schwagerus?) Иоганн-Петр (1803 г.р.) с женой и дочерью; 22) Швагерус (Schwagerus?) Иоганн-Георг (1785 г.р.) с женой и 2 детьми; 23) Шнейдемиллер (Schneidemiller?) Иоганн-Якоб (1801 г.р.) пасынок Брама, с матерью, женой и дочерью; 24) Цвигнер (Zwiegnier?) Карл (1784 г.р.) с женой и падчерицей; 25) Энгельгардт (Engelhardt) Иоганн (1771 г.р.) с женой и 2 детьми [9].

¹ Здесь у Клапрота, по-видимому, неточность. Шотландцы были приверженцами кальвинизма, а не англиканизма.

Сарепты Евангелического братства общества по паспорту от 24 июня 1813 г. за № 67 Рошке прибыл в колонию Каррас в 1818 г.¹ [4]. Его семья состояла из жены и пятерых детей. В Каррасе Рошке стал старшиной немецких колонистов и благодаря умению готовить устроил небольшую кофейню, которая, благодаря его кулинарному мастерству вскоре завоевала славу во всех окрестных населенных пунктах. Потребность в ней оказалась велика особенно в весенне-осеннее время, когда в соседние с Каррасом Горячеводск, Железноводск и др. наезжало на лечение так называемое «водяное общество». В кофейне Рошке бывали Пушкин, Глинка, Толстой, Белинский, но в первую очередь нас интересует Лермонтов.

И вот здесь настала пора перейти к той части нашей статьи, которая касается судьбы М. Ю. Лермонтова. В современной научной литературе, а также в воспоминаниях современников М. Ю. Лермонтова об Иоганне Рошке нет ни слова, но существуют указания на то, что небольшая ресторация в «Шотландке» принадлежала мадам Рошке, а конкретно, «услужливой немке Анне Ивановне Рошке» [12]. Скорее всего, глава семейства занимался приготовлением блюд, а его супруга с дочерьми занимались обслуживанием гостей, которые были здесь постоянно. В 1841 г. здесь часто бывал Лермонтов и его друзья. Н. П. Раевский, бывший участником многочисленных офицерских увеселений на Водах, вспоминал: «Часто устраивались у нас кавалькады, и генеральша Катерина Ивановна <Мерлини> почти всегда езжала с нами верхом по-мужски, на казацкой лошади... Обыкновенно мы езжали в Шотландку, немецкую колонию в 7 верстах от Пятигорска, по дороге в Железноводск.

¹ Не исключено, что выходцы из Сарепты не только занимались курортным делом, но и лингвистическими изысканиями. И. Г. Георги, описывая население Балкарии, излагал оригинальную версию о том, что жителей Чехемского (Чегемского) уезда называли обычно чехами (?), что, по словам ученого, было опровергнуто исследованиями Сарептского братского общества и академика Гюльденшtedта [11, с. 173; 12, с. 232]. Весьма возможно, что Сарептское общество в данном случае олицетворяли выходцы из его среды, жившие в Каррасе, который ближе всего из других немецких колоний Северного Кавказа находился к территории указанного уезда.

Там нас с распростертыми объятиями встречала немка Анна Ивановна, у которой было нечто вроде ресторана и у которой милых² и бутерброды, наравне с двумя миленькими прислужницами Милле и Гретхен, составляли погильель для l'armie russe³» [8, с. 243].

Есть указания на то, что в злополучный день дуэли, т. е. 15 июля 1841 г., М. Ю. Лермонтов посетил кафе у Рошке и сделал это в последний раз в своей жизни. Однако вопрос был в том, в какое время дня это случилось. Сведения об этом событии у ряда имеющих свидетелей неясны. С одной стороны, как рассказывал Филиппову через много лет К. И. Карпов, Мартынов якобы хотел примириться с Лермонтовым в кафе у Рошке: «...подкатали к крыльцу беговые дрожки и с них сошли Мартынов вдвоем с Дороховым, — рассказывал Карпов. — Они направились в комнату для посетителей свидеться с Лермонтовым, который в этот момент любезничал с фрау Элизабет», но вместо этого стал требовать удовлетворения [8, с. 309–310].

С другой стороны, как отмечает В. А. Захаров, опираясь на свидетельства А. И. Арнольди и Э. А. Шан-Гирея, участники дуэли, порознь направляясь к месту будущей гибели М. Ю. Лермонтова, т. е. на дуэль, попали в сильную бурю, какой не помнили и старожилы, и для того, чтобы переждать ее, заехали в Шотландку на обед к Рошке. Именно в этот момент, возможно, случилась упомянутая выше встреча Лермонтова и Мартынова, которая не привела к примирению, а, напротив, еще больше подтолкнула к дуэли.

Существует одно любопытное свидетельство о пребывании поэта в день дуэли в кофейне у Рошке. Оно принадлежит Евграфу Чалову, бывшему крепостному родственника Лермонтова А. А. Хастатова. В 1881 г. Чалов дал показания комиссии по установлению места дуэли Лермонтова, которые были записаны в протоколе. В частности, он показал, что в день дуэли «два офицера, кажется Столыпин и князь Васильчиков, наняли у него, Чалого, двух верховых лошадей для поездки в колонию Каррас (она же Шотландка), а Чалов сам поехал сопровождать их. В колонии Каррас офицеры эти вошли в дом колониста Рошке, где встретили Лермонтова и еще одного или двух офицеров;

² Молоко. — нем.

³ Русской армии. — франц.

и после некоторого пребывания в доме Рошке, все вместе поехали из колонии по дороге в Пятигорск» [17, с. 216–262].

Определиться с тем, когда же все-таки М. Ю. Лермонтов посетил кафе у Рошке, помогают свидетельства родственницы поэта, Екатерины Быховец. Она в сопровождении своей тетки Обыденной, а также М. В. Дмитриевского, А. П. Бенкендорфа и Л. С. Пушкина, брата другого великого поэта России, отправились в Железноводск, по пути в который они останавливались пить кофе у Рошке, а затем продолжили свой путь и прибыли в пункт назначения, где и встретились с Лермонтовым. Там Е. Быховец и поэт какое-то время гуляли вместе, после чего расстались [9, с. 161]. Ключевым моментом в свидетельстве Е. Быховец о свидании с Лермонтовым являются следующие слова: «Уезжавши, он целует несколько раз мою руку и говорит (по-французски): „Кузина, душенька, счастливей этого часа не будет больше в моей жизни“. Я еще над ним смеялась. Так мы и отпра-

вились. Это было в пять часов. А в восемь пришли сказать, что он убит» [9, с. 157–175].

Таким образом, визит М. Ю. Лермонтовым в кафе Рошке имел место ближе к вечеру, как бы сейчас сказали, после 17.00. В первой половине дня этого случиться не могло.

В любом случае, Каррас стал последним местом, которое посетил поэт. На здании той самой ресторации Рошке висит мемориальная табличка о том, что в ней останавливался на отдых М. Ю. Лермонтов.

Во время Великой Отечественной войны немцев из этой колонии переселили на Урал по приказу Сталина, опасаясь предательства с их стороны, но, несмотря на это, потомки Иоганна Рошке сохранили предание о связи их семьи с судьбой М. Ю. Лермонтова. В дальнейшем все вещи, вывезенные с собой с Кавказа и являвшиеся, возможно, немymi свидетелями той встречи, Рошке передали на хранение одному из музеев на Алтае [14].

Литература

1. URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/es/15352/гернгутеры> (Дата обращения: 22.03.2015).
2. URL: <http://forum.wolgadeutsche.ru/viewtopic.php?t=375> (Дата обращения: 22.03.2015).
3. Апухтин И. Колония Каррас. Пятигорск: [б. и.], 1903.
4. Васильева Е. Ю. Протестанты на Кавказе в XIX в.: дис. ... канд. ист. наук. Владикавказ: СОГУ, 2002. 156 с.
5. Вейденбаум Е. К истории Шотландской колонии около Пятигорска // Известия Кавказского отдела императорского русского географического общества. 1881. Т. 6. № 1. С. 170–174.
6. Георги И. Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов, их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упразднений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей // Кавказ: европейские дневники XIII–XVIII веков / сост. В. Аталиков. Вып. III. Нальчик: Изд-во М. и В. Котляровых, 2010. С. 170–179.
7. Гюльденштедт И. А. Путешествие по России и Кавказским горам // Кавказ: европейские дневники XIII–XVIII веков / сост. В. Аталиков. Вып. III. Нальчик: Изд-во М. и В. Котляровых, 2010. С. 228–247.
8. Захаров В. А. Дуэль и смерть поручика Лермонтова. Последний год поэта. СПб.: Вита Нова, 2014. 592 с.
9. Захаров В. А. Письмо Катеньки Быховец // «Как сладкую песню Отчизны моей, Люблю я Кавказ». Ставрополь: [б. и.], 2014. С. 157–175.
10. История немцев в России. Информационный портал URL: <http://www.rusdeutsch.ru/?hist=1&hmenu0=3&hmenu01=19> (Дата обращения: 28.02.2015).
11. Клапрот Ю. Описание поездок по Кавказу и Грузии в 1807 и 1808 годах по приказанию русского правительства Юлиусом фон Клапротом, придворным советником Его Величества императора России, членом Академии Санкт-Петербурга и т. д. Нальчик: Эль-Фа, 2008. 326 с.
12. Краснокутская Л. И. Иноземцево (колония Каррас) URL: <http://www.kmvline.ru/toponimika/karr.php> (Дата обращения: 22.03.2015).
13. Краснокутская Л. И. История Шотландской миссии на Северном Кавказе, 1802–1835 годы: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Пятигорск: ПГТУ, 2000. 208 с.
14. Муравлев А. Палас из колонии Каррас URL: <http://www.ap.altaregion.ru/229-06/8.html> (Дата обращения: 22.03.2015).
15. Симанская В. Я. Шотландка – селение Каррас (Лермонтовские места Пятигорья) // Михаил Юрьевич Лермонтов: сб. статей и материалов. Ставрополь: Книжное издательство, 1960. С. 200–211.
16. Фракман Р. О. О так называемой Шотландской колонии (Каррас) // Известия Кавказского отдела императорского русского географического общества. 1881. Т. 6. № 1. С. 167–169.
17. Чалов Е., Чухнин И. Показания, данные 11 сентября 1881 года в Комиссию по определению места дуэли // Русская старина. 1882. Т. 33. Кн. 1.

References

1. URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/es/15352/gerngutery> (Accessed: 22.03.2015).
2. URL: <http://forum.wolgadeutsche.ru/viewtopic.php?t=375> (Accessed: 22.03.2015).
3. Apukhtin I. Koloniya Karras (Colony Karras). Pyatigorsk: [b. i.], 1903.
4. Vasil'eva E. Yu. Protestanty na Kavkaze v XIX v. (Protestants in the Caucasus in XIX): diss. ... kand. ist. nauk. Vladikavkaz: NOSU Publ., 2002. 156 p.
5. Veidenbaum E. K istorii Shotlandskoi kolonii okolo Pyatigorska (On the history of the Scottish colony near Pyatigorsk) // Izvestiya Kavkazskogo otdela imperatorskogo russkogo geograficheskogo obshchestva. 1881. Vol. 6. No. 1. P. 170–174.
6. Georgi I. G. Opisanie vseh obitayushchikh v Rossiiskom gosudarstve narodov, ikh zHITEISKIKH obryadov, obyknovenii, odezhd, zhilishch, uprazhnenii, zabav, veroispovedanii i drugikh dostopamyatnostei (A description of all people, their everyday rites, usages, clothing, housing, suppression, fun, faith and other memorability) // Kavkaz: evropeiskie dnevniki XIII–XVIII vekov (Caucasus: European diaries XIII–XVIII centuries) / ed. by V. Atalikov. Vol. III. Nal'chik: M. and V. Kotlyarov's publishing house, 2010. P. 170–179.
7. Gyl'denshtedt I. A. Puteshestvie po Rossii i Kavkazskim goram (Trip through Russia and the Caucasus Mountains) // Kavkaz: evropeiskie dnevniki XIII–XVIII vekov (Caucasus: European diaries XIII–XVIII centuries) / ed. by V. Atalikov. Vol. III. Nal'chik: M. and V. Kotlyarov's publishing house, 2010. P. 228–247.
8. Zakharov V. A. Duel' i smert' poruchika Lermontova. Poslednii god poeta (Duel and death of Lieutenant Lermontov. Last year of the poet's life). SPb.: Vita Nova, 2014. 592 p.
9. Zakharov V. A. Pis'mo Katen'ki Bykhovets (Katya Bykhovets letter) // «Kak sladkuyu pesnyu Otchizny moei, Lyublyu ya Kavkaz» («I love the Caucasus as the sweet song of my Motherland»). Stavropol', 2014. P. 157–175.
10. Istoriya nemtsev v Rossii (History of the Germans in Russia). Informatsionnyi portal URL: <http://www.rusdeutsch.ru/?hist=1&hmenu0=3&hmenu01=19> (Accessed: 28.02.2015).
11. Klaprot Yu. Opisanie poezdok po Kavkazu i Gruzii v 1807 i 1808 godakh po prikazaniyu russkogo pravitel'stva Yuliusom fon Klaprotom, pridvornym sovetnikom Ego Velichestva imperatora Rossii, chlenom Akademii Sankt-Peterburga i t. d. (Description of trips of Julius von Klaproth, court advisor to His Majesty the Emperor of Russia, member of St. Petersburg Academy, etc. in the Caucasus and Georgia in 1807 and 1808 on the Russian government orders). Nal'chik: El'-Fa, 2008. 326 p.
12. Krasnokutskaya L. I. Inozemtsevo (koloniya Karras) (Inozemtsevo (colony Karras) URL: <http://www.kmvline.ru/toponimika/karr.php> (Accessed: 22.03.2015).
13. Krasnokutskaya L. I. Istoriya Shotlandskoi missii na Severnom Kavkaze, 1802–1835 gody (History of Scottish mission in the North Caucasus, 1802 – 1835): avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. Pyatigorsk: PSTU, 2000. 208 p.
14. Muravlev A. Palas iz kolonii Karras (Palace from Karras colony) URL: <http://www.ap.altairegion.ru/229-06/8.html> (Accessed: 22.03.2015).
15. Simanskaya V. Ya. Shotlandka – selenie Karras (Lermontovskie mesta Pyatigor'ya) (Shotlandka – village Karras (Lermontov places in Pyatigorsk) // Mikhail Yur'evich Lermontov. Sb. statei i materialov (M. Y. Lermontov. Collection of articles and materials). Stavropol': Knizhnoe izdatel'stvo, 1960. P. 200–211.
16. Frakman R. O. O tak nazyvaemoi Shotlandskoi kolonii (Karras) (On the so-called Scottish colony (Karras) // Izvestiya Kavkazskogo otdela imperatorskogo russkogo geograficheskogo obshchestva. 1881. Vol. 6. No. 1. P. 167–169.
17. Chalov E., Chukhnin I. Pokazaniya, dannye 11 sentyabrya 1881 goda v Komissiyu po opredeleniyu mesta dueli (Indications that were taken by the Commission to determine the place of duel 11 September 1881) // Russkaya starina. 1882. Vol. 33. Part 1.

УДК 63.4

В. Р. Истягин

К ВОПРОСУ О ПРИЧИНАХ И ОСНОВНЫХ НАПРАВЛЕНИЯХ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ В КОНЦЕ 1920 – НАЧАЛЕ 1930-х гг. (НА ПРИМЕРЕ РУССКИХ ОБЛАСТЕЙ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА)

В предлагаемом исследовании рассматривается сложный комплекс разнообразных проблем, связанных с системной характеристикой одного из региональных вариантов переселенческой политики, осуществлявшейся советским руководством на рубеже 20–30-х гг. XX столетия. Указанные процессы рассматриваются как составная часть радикальной модернизации сельскохозяйственного производства, изменившей сложившуюся систему экономических и социальных

отношений. Привлеченные неопубликованные источники позволяют сформировать адекватное представление о реальном характере и объективной динамике организованных миграционных процессов, развивавшихся в рамках правительственного курса на сплошную коллективизацию.

Ключевые слова: коллективизация, переселение, сельское хозяйство, регион, партия, правительство.

V. R. Istiagin

ON REASONS AND MAIN DIRECTIONS OF STATE MIGRATION POLICY IN THE END 1920 – BEGINNING 1930s (BY THE EXAMPLE OF RUSSIAN NORTH CAUCASUS REGIONS)

The article studies a complex set of different problems related to the systemic characteristic of regional migration policy undertaken by the Soviet leadership at the turn of the 20s – 30s XX century. These processes are considered to be a part of drastic modernization of agricultural production which changed the existing system of economic and social relations. The reference

to unpublished sources can form an adequate idea of the real nature and the objective dynamics of organized migration processes which developed within the framework of the government's policy into total collectivization.

Key words: collectivization, resettlement, agriculture, region, party, government.

Организацией переселения населения в период коллективизации занимался созданный в 1925 г. Всесоюзный переселенческий комитет при СНК СССР (ВПК), в компетенцию которого входили разработка и принятие нормативно-правовой базы, определение контингентов переселяемых, районы «выхода» и территории вселения переселенцев и кочевого населения, организация вербовки потенциальных сельхозпереселенцев и утверждение ежегодных планов железнодорожных перевозок, планы вселения и материального устройства вселяемых [3, л. 22–23]. В своей непосредственной деятельности Всесоюзный переселенческий

комитет при СНК СССР тесно сотрудничал с ЦИК СССР, СНК СССР, общесоюзными наркоматами, партийным руководством союзных республик, краев и областей, краевыми и областными исполнительными комитетами Советов, штабом РККА и полномочными представительствами ОГПУ регионов. Непосредственно на местах при краевых и областных Советах как высших органах местной исполнительной власти работали соответствующие Переселенческие комитеты, являвшиеся полномочными региональными представительствами Всесоюзного переселенческого комитета.

Так приемом, размещением и хозяйственным обустройством переселенцев в русских регионах Северного Кавказа занимался Переселенческий комитет при президиуме Азово-Черноморского краевого исполнительного комитета Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (Крайпереселенком). На местах работали районные переселенческие комитеты во главе с уполномоченными Крайпереселенкома. Также ответственность за устройство переселенцев возлагалась и на председателей местных колхозов, директоров МТС, председателей сельских советов и секретарей сельских райкомов партии.

В советской историографии причины массового переселения связывались с экономическими, демографическими и социально-политическими факторами. Так, Н. И. Платунов увязывал причины переселения с нехваткой механизаторских кадров в кубанские колхозы и МТС и сокращением численности сельского населения за годы первой пятилетки ввиду его оттока в города. Имелись в станицах свободные дома классовых врагов: выселенных кулаков, бежавших за границу помещиков и белоказачков. В этих условиях усилилась антисоветская активность и влияние на трудящееся казачество кубанских станиц «кулачества и различных религиозных сект». Особое красноармейское переселение, то есть переселение в станицы и сёла демобилизованных из армии красноармейцев, в этой связи было призвано решить проблему восполнения механизаторских кадров, укрепить партийно-комсомольский актив колхозов и пресечь саботаж «прокулачки настроенных элементов» [9, с. 208]. О причинах сокращения численности в начале 1930-х гг. населения кубанских и донских станиц в советской исторической науке писать было не принято, да и опасно.

Ситуация в историографии с определением реальных причин переселенческой политики изменилась в 1990–2000-е гг., когда исследовательский интерес сосредоточился на ранее замалчиваемых темах: голод 1932–1933 гг., обстоятельства, масштабы и последствия раскулачивания крестьянско-казачьей массы, репрессивная политика советской власти в деревне и т. д. В начале 1990-х гг. были опубликованы основанные на изучении рассекреченных архивных доку-

ментов работы Е. Н. Осколкова о хлебозаготовках и голоде 1932–1933 гг. и о кампании по депортации населения «чернодосочных» станиц [4, с. 47–51; 7; 8, с. 3–23]. В этой связи стали понятны причины резкого сокращения численности населения и появления множества пустующих домов в кубанских станицах. Переселение на Кубань должно было восполнить значительные потери населения в результате массовой депортации казачьего населения «чернодосочных» станиц в декабре 1932 – январе 1933 гг. и сильнейшего голода 1932–1933 гг. Переселенцам предстояло организовать сельскохозяйственное производство в рамках колхозно-совхозной системы в крупнейшем зерновом районе. По подсчетам Е. Н. Осколкова, к середине января 1933 г. в ходе хлебозаготовок из станиц Полтавской, Медведовской и Урупской в северные районы было выслано 45,6 тысяч человек, еще 6 тысяч человек были высланы из станицы Уманской. Из станиц Ново-Рождественской, Платнировской, Бейсугской и Пластуновской были высланы не менее 10 тысяч жителей. Из кубанских «чернодосочных» станиц по далеко не полным данным было выслано по меньшей мере 61,6 тысяч человек [8, с. 18].

Станицы и сёла Северо-Кавказского края и особенно кубанские станицы опустели и в результате политики «раскулачивания», проводимой властью на основании решения ЦК ВКП(б) от 30 января и совместного постановления ЦИК и СНК СССР от 1 февраля 1930 г. «О мероприятиях по ускорению социалистического переустройства сельского хозяйства в районах сплошной коллективизации и по борьбе с кулачеством». В 1931 г. по Северо-Кавказскому краю было выселено 120 356 человек (20 809 семей) [2, с. 50]. По данным ОГПУ за 1930–1931 гг. было арестовано и выслано из Северо-Кавказского края 179 000 кулаков и середняков [16, с. 60]. Более 20 000 кулацких хозяйств расселили в пределах края [1, с. 25].

Серьезно опустошил кубанские станицы массовый голод 1932–1933 гг. Е. Н. Осколков установил, что с июля 1932 г. и до конца 1933 г., т. е. в период массового голода, избыточная смертность в Северо-Кавказском крае составила более 350 000 человек. «Можно предположить, – заключил Е. Н. Осколков, – что большинство из них скончались от голода или связанных с ним болезней» [8, с. 3].

С его позицией солидарен В. В. Кондрашин, оценивший общие людские потери от голода, репрессий и депортации населения «чернодосочных» станиц только в результате одной хлебозаготовительной кампании 1932 г. в 620 000 человек [6, с. 191]. Н. А. Ивницкий считает, что зимой 1932–1933 гг. из 75 районов края голодало население 48 зерновых. В их числе были 20 кубанских, 14 донских, 13 ставропольских и один адыгейский район. Он привел данные Е. Н. Осколкова о значительной смертности населения Северного Кавказа в 1932 и 1933 гг., однако признал: «...к сожалению, мы не располагаем прямыми сведениями о числе умерших от голода в 1932–1933 гг.» [5, с. 212–213]. Но на основании анализа косвенных свидетельств о массовых фактах голодных смертей он установил, что «от голода в Северо-Кавказском крае погибли около одного миллиона человек» [5, с. 224].

Таким образом, в начале 1930-х гг. на территории Северо-Кавказского края произошли значительные демографические потери, явившиеся результатом осуществления политики власти по преобразованию сельскохозяйственного производства южно-российской деревни на коллективистской основе. Единственным выходом из надвигавшегося хозяйственного кризиса стало массовое заселение опустевших станиц и хуторов населением из других регионов.

Современный географ и историк П. М. Полян отметил, что переселение осуществлялось на территории, особенно пострадавшие от голода 1932–1933 гг. и раскулачивания, где попросту не хватало рабочих рук. К таким регионам относились Украина, Северный Кавказ, главным образом Кубань, и Поволжье. Естественный прирост населения в этих регионах был «феноменально отрицательным» среди городского и сельского населения, а недород населения по Северному Кавказу составил 278 000 человек [10, с. 79]. А. П. Скорик и В. А. Бондарев также отмечали, что переселенцы направлялись на Кубань «для оптимизации хозяйственной и социальной жизни» и восполнения рабочих рук вместо депортированного населения «чернодосочных» станиц [13, с. 10–13] и бежавших от голодной смерти и репрессий кубанских хлеборобов [12, с. 63]. О переселении красноармейцев в 1930-е гг. на Кубань

как о компенсационных миграциях пишет В. Н. Ракачев [11, с. 60–64].

Таким образом, государственная переселенческая политика в русскоязычных районах Северного Кавказа была призвана компенсировать значительные потери сельского населения и обеспечить развитие сельского хозяйства в этом важном аграрном регионе страны, а значит, бесперебойные поставки продовольствия из коллективизированной деревни Юга России.

Задачи и направления переселенческой политики в начале 1930-х гг. были разработаны в принятом в 1933 г. совместном постановлении ЦИК и СНК СССР о переселении, гласившем, что переселение является основным мероприятием по развитию производительных сил малозаселенных плодородных районов, повышению материального и культурного уровня трудящихся и превращению их в «сознательных и активных строителей зажиточной жизни и бесклассового общества» [3, л. 22]. Массовое переселение было призвано способствовать развитию промышленности, организационно-хозяйственному укреплению созданных колхозов и хозяйственному освоению окраин страны. В соответствии с поставленными задачами были определены конкретные направления переселенческой политики:

- 1) промышленное переселение, заключающееся в обеспечении рабочей силой промышленных, транспортных, сельскохозяйственных государственных предприятий и строительных объектов;

- 2) промысловое переселение, задача которого состояла в развитии промыслов по добыче и обработке сырья, организации промыслово-кооперативных артелей с целью обеспечения культурно-бытовых и хозяйственных нужд;

- 3) сельскохозяйственное переселение, в результате которого предстояло освоить малозаселенные плодородные территории для развития на них колхозного производства с использованием естественных и климатических условий;

- 4) перевод кочевых народов на оседлое хозяйство с учетом их производственных и бытовых навыков и повышения «культурного, бытового и материального уровня кочевых народностей» [Там же].

Таким образом, осуществлявшаяся государственная переселенческая политика

должна была решить важнейшие экономические задачи: обеспечить кадрами развернувшееся в стране масштабное индустриальное строительство, привлечь рабочие руки на стройки «первенцев пятилеток»; наладить регулярное снабжение сырьем перерабатывающую промышленность; провести хозяйственное освоение окраин страны и наладить сельскохозяйственное колхозное производство. Наряду с практическими задачами, обусловленными осуществлением индустриализации и коллективизации, переселенческая политика решала также проблему национального и хозяйственного устройства кочевых народов. Таковы были официально декларируемые цели и направления переселенческой политики.

Высшее руководство страны не скрывало, что на смену выселяемым «саботажникам» хлебозаготовок должны прийти лояльные власти колхозники, каковыми предстояло стать переселенцам-красноармейцам. К середине 1930-х гг. власть уже получила определенный опыт создания красноармейских колхозов, в частности, такие колхозы существовали на Дальнем Востоке. Подобные колхозы начали создаваться и в Северо-Кавказском крае задолго до раскулачивания и массового голода. Переселение демобилизованных красноармейцев и их семей из северных областей страны и Белоруссии на Кубань осуществлялось с середины 1920-х гг., что было вызвано необходимостью создания коллективных форм хозяйствования, так как коренное казачье население отнюдь не стремилось вливаться в колхозное строительство. Так, в 1929 г. был издан ряд постановлений ВЦИК и СНК РСФСР о льготах лицам рядового и начальствующего состава РККА, переселяющимся в Северо-Кавказский край. В частности, в циркуляре «О содействии демобилизованным красноармейцам» отмечалось: «...ввиду происходящей демобилизации Красной Армии и Народный комиссариат социального обеспечения, и Центральный комитет крестьян общественной взаимопомощи предлагает демобилизованным оказывать правовую материальную и трудовую помощь в первую очередь» [15]. Массовый опустошительный голод, бегство крестьян из голодавшей деревни, раскулачивание и выселение кулаков, повлекшие за собой значительную убыль населения, а так-

же очевидная слабость созданных колхозов и совхозов в деле выполнения показателей сбора по хлебозаготовкам предопределили необходимость еще большего вовлечения армии в сельскохозяйственное производство.

14 декабря 1932 г. вышло постановление Политбюро ЦК ВКП (б) и СНК СССР «О хлебозаготовках на Украине, Северном Кавказе и в Западной области», в котором предлагалось в целях «разгрома сопротивления хлебозаготовкам кулацких элементов... выселить в кратчайший срок в северные области СССР из станицы Полтавской Северного Кавказа как наиболее контрреволюционной, всех жителей, за исключением действительно преданных советской власти и не замешанных в саботаже хлебозаготовок колхозников и единоличников, и заселить эту станицу добросовестными колхозниками – красноармейцами, работающими в условиях малоземелья и на неудобных землях в других краях, передав им все земли в озимые посевы, строения, инвентарь и скот выселяемых». Ответственность за проведение этого решения была возложена на Ягоду, Гамарника, Шеболдаева и Евдокимова [17, с. 697]. Очевидно, в дальнейшем это постановление решено было применить к другим «чернодосочным» станицам и также заселить их красноармейцами.

Так, в 1933 г., по данным Политуправления РККА, в пограничных районах СССР имелось 113 красноармейских колхозов, из них 13 (523 семьи) – в Северо-Кавказском крае. Наряду с созданием колхозов армия участвовала в оказании шефской помощи колхозам и совхозам, и проделанные войсковыми частями объемы работ были внушительны. На расширенном заседании РВС СССР в ноябре 1933 г. помощник командующего войсками СКВО В. М. Примаков сообщил, что если в 1932 г. войска округа на совхозных полях выработали 1 300 тысяч трудодней, то в 1933 г. они выработали уже 2 520 тысяч трудодней [14, с. 242–243]. Коснувшись вопроса о начавшемся заселении кубанских станиц, он отметил необходимость заселения и Дона, где в ряде станиц, в частности в Гундоровской, Калитвенской, Усть-Белокалитвенской, имелись по 150–200 пустующих усадеб, имеющих до 70 % исправных и годных для жилья домов. В. М. Примаков полагал, что «заселение Дона, способного

вместить десятки тысяч красноармейских семей, сразу облегчит работу войск округа, потому что изменится лицо Донской и Кубанской станицы, и в условиях классовой борьбы, которая там проходит с большим напряжением, мы будем иметь огромную поддержку многих тысяч красноармейских семейств». Этот вопрос докладчик считал актуальным и полагал нужным «поставить его со всей силой» для рассмотрения в срочном порядке [14, с. 244]. Впрочем, массового вселения красноармейцев в донские станицы не проводилось, но командование СКВО и руководство РККА вполне разделяло идею заселения опустевших казачьих станиц демобилизованными красноармейцами.

Начало массовому заселению в кубанские станицы положило постановление СНК СССР от 28 августа 1933 г. о переселении на Северный Кавказ 14 тысяч семей демобилизованных красноармейцев [15]. Переселялись красноармейцы в одиночку и с семьями.

Переселение носило организованный плановый характер, все его этапы: от вербовки добровольцев и порядка перемещения по железной дороге до приема и размещения в конечных пунктах – регламентировались постановлениями Всесоюзного переселенческого комитета и инструкциями Крайпереселенкома. Механизм вербовки потенциальных переселенцев и порядок организации переселения был подробно прописан в разработанной Крайпереселенкомом в 1933 г. «Инструкции по вербовке колхозников в качестве переселенцев на Северный Кавказ». Так, вербовщикам предписывалось производить агитацию исключительно среди колхозников и членов сельскохозяйственных коммун. Вербовщикам надлежало «хорошо [и] толково» разъяснить потенциальным переселенцам причины переселения на Северный Кавказ: наличие больших земельных площадей, значительная обеспеченность земель трудоспособных колхозников, исключительное плодородие местных почв и т. д. Вербовщики должны были предоставить вербуемым общую информацию о той местности, куда они их зазывали, о географических и климатических условиях, о состоянии и урожайности почв, культивируемых культурах и применяемым для уборки сельскохозяйственного инвентаря, его наличию в колхозах. Инструкция предписыва-

ла вербовщикам сообщать потенциальным переселенцам, что на новом месте для них «подготовлены дома, приведены в порядок дворы, обеспечены водой, при домах имеется усадебная площадь для индивидуального пользования. Дома передаются бесплатно в постоянное пользование на правах собственности». Исходя из необходимости скорейшего вовлечения переселенцев в работу инструкция подчеркивала, что отправка завербованных должна осуществляться железнодорожным транспортом с таким расчетом, чтобы переселенцы сразу по прибытии могли включиться в выполнение весенних посевных работ с начала компании [3, л. 17]. Инструкция требовала, чтобы с убывающими семьями переселенцев колхоз производил полный расчет за исключением неделимого капитала и выдавал из обобщественного стада «скот продуктивный и рабочий». Переселенцы также забирали с собой свое личное имущество и домашний инвентарь. В случае же переселения на новое место всего колхоза, переселенцам следовало забрать с собой все имущество за исключением непригодного и неприменимого на территории Северного Кавказа. Завербованные колхозники со своим имуществом доставлялись до железнодорожной станции за счет средств покидаемого ими колхоза. По железной дороге в вагонах-теплушках они следовали бесплатно. В этом же эшелоне перевозились бесплатно имущество, продовольствие, скот и фураж, причем фуражом переселенцы обеспечивались в пунктах «выхода». По прибытии в села и станицы переселенцев следовало распределить по колхозам и сформировать из них самостоятельные бригады в составе 50–60 трудоспособных человек или влить их в уже существовавшие бригады. В зависимости от количества сформированных бригад могли быть организованы самостоятельные колхозы из переселенцев.

Переселенческие бригады и колхозы обслуживались МТС и политотделами. Для своевременного информирования Крайпереселенкома вербовщики должны были каждые пять дней направлять «письменно спешной почтой» сообщения о количестве завербованных и наличии перевозимого ими имущества. Следовало обязательно указывать количество завербованных целыми колхозами, группами и отдельными семей-

ствами. По мере формирования эшелона вербовщик телеграфом сообщал о времени и станции отправления, а начальнику эшелона не позднее чем за сутки до прибытия на станцию Батайск, – сборный путь эшелонов с переселенцами, – надлежало телеграфировать о времени прибытия [3, л. 18–19]. Таков был порядок организуемого переселения. Призывая к переселению, вербовщики старались «показать товар лицом» и в соответствии с требованиями инструкции подчеркивали выгоды от переселения. При этом не упоминали о совсем недавно перенесенном жителями кубанских станиц сильнейшем голоде, о недовольстве местного населения, о сложностях в организации коллективного хозяйствования и недостаточном снабжении населения. Показательно в этой связи содержащееся в инструкции примечание: «...вербовщик должен разъяснить об организованном выезде, и чтобы выезжающие брали с собой семена и в особенности картофель» [3, л. 19]. Прямо об имевшихся трудностях не упоминалось: у вербуемых должно было сложиться впечатление о кубанских станицах как об исключительно богатом и благодатном крае.

В обнаруженном автором архивном документе содержится красноречивое свидетельство ожиданий краевой власти от прибывших переселенцев. На состоявшемся в феврале 1934 г. краевом партийном совещании представителей переселенческих красноармейских колхозов и бригад по вопросу подготовки к весеннему севу и организационно-хозяйственному укреплению переселенческих колхозов была принята резолюция, определившая направления их деятельности. Согласно ей, переселившиеся в колхозы края демобилизованные красноармейцы были обязаны сохранить и внедрить в колхозное производство «славные красноармейские традиции – стальную дисциплину и высокую организованность». Красноармейские колхозы и бригады должны были являться «образцом и показателем» для остальных хозяйств в деле организационно-хозяйственного укрепления колхозов, повышения производительности труда и укрепления «высокой трудовой дисциплины» [3, л. 10]. В этой связи колхозников-переселенцев призывали заблаговременно подготовиться к сверххранному севу и наглядно продемонстрировать свое преимущество в деле борьбы за качество сева, обработки полей и

добиться урожайности зерновых культур не менее 12 центнеров с гектара и кукурузы не менее 20 центнеров с гектара. Красноармейские колхозы и бригады обязали развивать борьбу за полную выработку норм сельскохозяйственных работ, стопроцентный выход трудоспособных колхозников на работу и обеспечение в течение 1934 г. выработки каждым колхозников в среднем 300 трудодней. Более того, красноармейские колхозы и бригады в целом и каждый переселенец должны были «широко развернуть соцсоревнование и ударничество» в деле проведения весеннего сева и втянуть в соцсоревнование старые колхозные колхозы и бригады [3, л. 11–14]. Руководство края вместо высланных «саботажников» надеялось получить в лице переселенцев безупречных работников, которые смогли бы организовать эффективное сельскохозяйственное производство не только в своих хозяйствах, но и вовлечь в работу другие колхозы.

Таким образом, осуществлявшаяся властью в середине 1930-х гг. переселенческая политика преследовала ряд тесно переплетенных между собой целей. Социально-демографические: вместо высланных кулаков, депортированных жителей «чернодосочных» станиц и умерших от голода жителей восполнить значительные демографические потери населения. Переселение на Кубань молодых красноармейцев с семьями должно было привести к изменению социального состава населения: вместо казаков-кулаков и саботажников кубанские станицы населялись верными власти красноармейцами-переселенцами из бедноты, выходцами из других регионов страны. Социально-экономические: переселение имело сельскохозяйственный характер – новые жители должны были добросовестно работать в колхозах, совхозах, МТС, поднимать сельское хозяйство, производить нужный государству хлеб, завершать сплошную коллективизацию. Социально-политические: переселение было призвано укрепить в политическом плане колхозно-совхозную систему, так как переселенцы, среди которых было достаточно коммунистов и комсомольцев, рассматривались как надежная опора советской власти в казачьих станицах. Переселение вело к слову «кулацкого саботажа» и должно было устранить социальную напряженность между казачеством и крестьянством и властью.

Литература

1. Бондарев В. А., Левакин А. С. «Раскулачивание» как ведущее направление репрессивной политики советского государства в деревне в 1930-х гг. (на материалах Юга России) // Былые годы. 2012. № 4 (26). С. 24–30.
2. Бугай Н. Ф. Л. Берия – И. Сталину: «После Ваших указаний проведено...». М.: Гриф и К, 2012. 510 с.
3. Государственный архив Ростовской области. Ф. Р-2608. Оп. 1. Д. 4.
4. Доклад Е. Н. Осколкова о голоде 1932–1933 гг. за «круглым столом» на тему «Коллективизация: истоки, сущность, последствия» // История СССР. 1989. № 3. С. 47–51.
5. Ивницкий Н. А. Голод 1932–1933 годов в СССР: Украина, Казахстан, Северный Кавказ, Поволжье, Центрально-Черноземная область, Западная Сибирь, Урал. М.: Собрание, 2009. 145 с.
6. Кондрашин В. В. Голод 1932–1933 годов: трагедия российской деревни. М.: РОСПЭН, 2008. 519 с.
7. Осколков Е. Н. Голод 1932/1933. Хлебозаготовки и голод 1932/1933 года в Северо-Кавказском крае. Ростов-н/Д: РГУ, 1991.
8. Осколков Е. Н. Трагедия «чернодосочных» станиц: документы и факты // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 1993. № 1–2. С. 3–23.
9. Платунов Н. И. Переселенческая политика Советского государства и ее осуществление в СССР (1917 – июнь 1941 гг.). Томск: ТГУ, 1976. 383 с.
10. Полян П. Не по своей воле... История и география принудительных миграций в СССР. М.: ОГИ-Мемориал, 2001. 328 с.
11. Ракачев В. Н. Компенсационные миграции 1930-х гг. на Кубани и Ставрополье // Историческая и социально-образовательная мысль. 2012. № 2. С. 60–64.
12. Скорик А. П. Депортация населения «чернодосочных» станиц как антиказацкая акция: причины и последствия // Историческая память населения Юга России о голоде 1932–1933 гг.: материалы научно-практической конференции / под ред. Н. И. Бондаря, О. В. Матвеева. Краснодар: Традиция, 2009. С. 57–66.
13. Скорик А. П., Бондарев В. А. Государственное регулирование «перегибов» коллективизации: казаки и красноармейцы-переселенцы на Кубани (1930-е годы) // Казачество Юга России в процессах становления и развития российской государственности: тезисы региональной научно-практической конференции, г. Урюпинск, 26–29 апреля 2007 г. Волгоград: ВолГУ, 2007. С. 10–13.
14. Тархова Н. С. Красная Армия и сталинская коллективизация. 1928–1933 гг. М.: РОСПЭН, 2010. 375 с.
15. Федина И. М. Красноармейцы-переселенцы как культуртрегеры в кубанских станицах 1930-х годов URL: <http://www.slavakubani.ru/content/detail.php?ID=1135> (Дата обращения: 29.12.2014).
16. Хунагов А. С. «Выселить без права возвращения...». Депортация народов Юга России. 20–50-е годы (на материалах Краснодарского и Ставропольского краев). Майкоп: Меоты, 1999. 170 с.
17. ЦК РКП(б) – ВКП(б) и национальный вопрос. Книга 1. 1918–1933 гг. М.: РОСПЭН, 2005. 702 с.

References

1. Bondarev V. A., Levakin A. S. «Raskulachivanie» kak vedushchee napravlenie repressivnoi politiki sovetskogo gosudarstva v derevne v 1930 gg. (na materialakh Yuga Rossii) («Dekulakization» as the main direction of Soviet repressive policies in the village in the 1930s. (a case study of South Russia) // Bylye gody. 2012. No. 4 (26). P. 24–30.
2. Bugai N. F. L. Beriia – I. Stalinu: «Posle Vashikh ukazanii provedeno...». (From Beriia to I. Stalin: «Following your instructions carried out ...»). M.: Grif i K, 2012. 510 p.
3. State archive of Rostov region. F. R-2608. Op. 1. D. 4.
4. Doklad E. N. Oskolkova o golode 1932–1933 gg. za «kruglym stolom» na temu «Kollektivizatsiya: istoki, sushchnost', posledstviya» (E. Oskolkov's report about the famine of 1932–1933 on the «roundtable discussion» on a topic «Collectivization: the origins, contents, consequences») // Istoriya SSSR. 1989. No. 3. P. 47–51.
5. Ivnikskii N. A. Golod 1932–1933 godov v SSSR: Ukraina, Kazakhstan, Severnyi Kavkaz, Povolzh'e, Tsentral'no-Chernozemnaya oblast', Zapadnaya Sibir', Ural. (Famine in 1932–1933 in the Soviet Union: Ukraine, Kazakhstan, the North Caucasus, the Volga region, Central Black Earth region, Western Siberia, the Urals). M.: Sbranie, 2009. 145 p.
6. Kondrashin V. V. Golod 1932–1933 godov: tragediya rossiiskoi derevni. (Famine in 1932–1933: the tragedy of the Russian village). M.: ROSPEN, 2008. 519 p.
7. Oskolkov E. N. Golod 1932/1933. Khlebozagotovki i golod 1932/1933 goda v Severo-Kavkazskom krae. (Famine 1932/1933. Grain reserves and famine years 1932/1933 in the North Caucasus). Rostov-on-Don: RSU Publ., 1991.
8. Oskolkov E. N. Tragediya «chernodosochnykh» stanits: dokumenty i fakty (The tragedy «chernodosochnykh» Cossak villages: documents and facts) // Izvestiya vuzov. Severo-Kavkazskii region. Obshchestvennye nauki. 1993. No. 1–2. P. 3–23.
9. Platonov N. I. Pereselencheskaya politika Sovetskogo gosudarstva i ee osushchestvlenie v SSSR (1917 – iyun' 1941 gg.). (Soviet immigration policy and its implementation in the USSR (1917 – June 1941). Tomsk: TSU Publ., 1976. 383 p.

10. Polyan P. Ne po svoei vole... Istoriya i geografiya prinuditel'nykh migratsii v SSSR. (Against one's own free will... History and geography of forced migrations in the USSR). M.: OGI-Memorial, 2001. 328 p.
11. Rakachev V. N. Kompensatsionnye migratsii 1930-kh gg. na Kubani i Stavropol'e (Compensatory migration of 1930 in Kuban and Stavropol) // Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl'. 2012. No. 2. P. 60–64.
12. Skorik A. P. Deportatsiya naseleniya «chernodosochnykh» stanits kak antikazach'ya aktsiya: prichiny i posledstviya (The deportation of the population «chernodosochnykh» Cossack villages as action against Cossaks: causes and consequences) // Istoricheskaya pamyat' naseleniya Yuga Rossii o golode 1932–1933 g. Materialy nauchno-prakticheskoi konferentsii (Population of the South Russia historical memory of the famine of 1932–1933. Materials of the scientific conference) / ed. by N. I. Bondarya, O. V. Matveeva. Krasnodar: Traditsiya, 2009. P. 57–66.
13. Skorik A. P., Bondarev V. A. Gosudarstvennoe regulirovanie «peregibov» kollektivizatsii: kazaki i krasnoarmeitsy-pereselentsy na Kubani (1930-e gody) (State regulation of the «excesses» of collectivization: Cossacks and Red Army Men-settlers in the Kuban (1930) // Kazachestvo Yuga Rossii v protsessakh stanovleniya i razvitiya rossiiskoi gosudarstvennosti: tezisy regional'noi nauchno-prakticheskoi konferentsii, g. Uryupinsk, 26–29 aprelya 2007 g. (Cossacks of South Russia in the process of establishment and development of Russian stateness: the theses of the regional scientific conference (Uryupinsk, 26–29 april 2007). Volgograd: VoISU Publ., 2007. P. 10–13.
14. Tarkhova N. S. Krasnaya armiya i stalinskaya kollektivizatsiya. 1928–1933 gg. (The Red Army and Stalin's collectivization. 1928–1933). M.: ROSEN, 2010. 375 p.
15. Fedina I. M. Krasnoarmeitsy-pereselentsy kak kul'turtregery v kubanskikh stanitsakh 1930-kh godov (Red Army Men-settlers as persons with civilizing mission in the Kuban Cossack villages in 1930-th) URL: <http://www.slavakubani.ru/content/detail.php?ID=1135> (Accessed: 29.12.2014).
16. Khunagov A. S. «Vyselit' bez prava vozvrashcheniya...». Deportatsiya narodov Yuga Rossii. 20–50-e gody (na materialakh Krasnodarskogo i Stavropol'skogo kraev). («Evict, without the right of return ...». The deportation of the peoples of the South Russia. 20–50-th (a case study of Krasnodar and Stavropol Territories). Maikop: Meoty, 1999. 170 p.
17. TsK RKP(b) – VKP(b) i natsional'nyi vopros. (RCP (b) – VKP (b) and the National Question). Vol. 1. 1918–1933 gg. M.: ROSEN, 2005. 702 p.

УДК 94(3)

С. С. Казаров

РОДНИК-ИСТОЧНИК ИЗ ДОДОНЫ

Статья посвящена той роли, которую играл родник-источник в символике Додонского оракула. Автор анализирует весь комплекс имеющихся источников, – нарративные, литературные и археологические, –

свидетельствующие о связях источника со святилищем, но и в широком контексте – роль воды в древнегреческой мантике.

Ключевые слова: родник, Додона, оракул, святилище, символ.

S. S. Kazarov

DODON'S SPRING-SOURCE

The article investigates the role played by a spring in the symbolism of Dodonean oracle. The author analyzes a complex of sources, both narrative and archeological ones, revealing the connection between the spring and the

sanctuary and in the wide context – the role of water in ancient Greek divination.

Key words: spring, Dodona, oracle, sanctuary, symbol.

Известная нам символика Додонского оракула весьма разнообразна: это священный дуб, голуби, медные котлы и, наконец, бьющий из-под корней священного дуба источник с ледяной водой. Не случайно известный русский антиковед В. В. Латышев назвал Додонское святилище оракулом символов или знаков [11, с. 178]. Из всех упомянутых выше символов (и одновременно – средств и методов прорицания) наименее всего исследован упомянутый родник-источник.

Примечательно, что об этом символе Додоны упоминают исключительно поздние, а точнее, римские авторы [4, s. 320]. Древнегреческие авторы, которые, впрочем, скупы и на упоминания других средств прорицания в Додоне, об упомянутом роднике-источнике практически не упоминают. То же касается и современных исследователей: практически во всех работах по истории Додонского оракула авторы в лучшем случае ограничиваются лишь кратким упоминанием родника-источника, самой фиксации его наличия, без всяких попыток интерпретации сохранившихся свидетельств [1, р. 59; 7, р. 139]. Некоторые исследователи, не отрицая связь оракула с водной стихией, при этом игнорируют сведения древних авторов о Додонском роднике-источнике [3, р. 183].

Для того чтобы приблизиться к разрешению данного вопроса, нам представляется наиболее рациональным выстроить свидетельство римских авторов в хронологической последовательности и попытаться провести их сравнительный анализ. В этом случае самым ранним из них окажется отрывок из известной поэмы Лукреция «О природе вещей» (I в. до н. э.).

Также холодный еще существует родник, над которым Пакля, занявшись огнем, разгорается пламенем сразу; Факел таким же путем зажигается там и по волнам, Ярко пылая, плывет, уносимый порывами ветра. Frigidus est etiam fons, supra quem sita saepe stuppa iacit flammam concepto protinus igni, taedaque consimili ratione accensa per undas conlucet, quo cumque natans impellitur auris. (Lucret. VI. 880).

Но те немногочисленные современные исследователи, упоминающие додонский родник, ссылаются в основном на пассаж Плиния Старшего (I в. н. э.), который писал о том, что в Додоне есть источник Зевса с холодной водой, в который погруженные факелы гаснут, а потухшие при приближении загораются; в полдень, когда солнце высоко в зените, вода практически переставала течь, в то время как в полночь, когда солнце скрывалось, он становился стремительным («In Dodone Jovis fons cum sit gelidus et immersas faces instinguat, si extinctae admoveantur,

accendit; idem meridie semper deficit, qua de causa vocant; mox increscens ad medium noctis exuberat, an eo rursus sensim deficit» (Plin. Nat. hist. II. 228) [6, p. 7].

Аналогичные сведения мы находим у римского географа Помпония Мелы (I в. н. э.), который сообщает нам о том, что в Эпире находились храм Юпитера Додонского и источник, который считался священным и, хотя вода в нем была холодной и погруженные в неё факелы гасли, однако стоило только приблизиться к нему с незажженным факелом, последний загорался даже на большом расстоянии от воды (Pomp. Mela II. 3.37).

В более расширенном варианте подобную информацию приводит римский автор Гай Юлий Солин (III в. н. э.) Он сообщает о том, что в Молоссии, где находится храм додонского Зевса, располагается гора Томар, вокруг которой бьют сотни родников. В Эпире же есть священный источник с самой холодной водой, который обладал свойством при погружении в него гасить все горящее и одновременно на расстоянии воспламенять при приближении различные предметы (*In eo apud Molossis, ubi Dodonaei Jovis templum, Tomarus mons erat, circa radices nobilis centum, fontibus, ut Theopompo placet. In Epiro fons est sacer, frigidus ultra omnes aquas, ut spectatae diversitatis nam si ardentem in eum mergas facem, exstinguit; si procul ac sine igne admoveas suoapte ingenio inflammat (Solin. VII. 2).*

Весьма важен пассаж из комментариев к «Энеиде» Вергилия римского грамматика Мавра Сервия Гонората (конец IV в.), который сообщает нам о том, что около храма рос огромный дуб, из под корней которого струился источник, по журчащим звукам которого вдохновленные жрецы передавали предсказания богов, и это журчанье интерпретировала старуха по имени Пелиада и передавала людям (*Circa templum quercus immanis fuisse dicitur, ex cuius radicibus fons manabat, qui suo murmure sacerdotes instinctu deorum diversis oracula reddebat, quae murmura anus Pelias nomine interpretata hominibus disserebat (Servius. Comment. in Verg. Aen. I. 1.).*

Современные исследователи переводят слова *anus* как старуха [5, p. 66]. Но уж очень велик соблазн перевести это слово в наиболее употребляемом нами значении.

Логическая цепочка в принципе может быть примерно такова: отверстие (заднепроходное) – дыра – родник, из которого и бьёт вода. К тому же имя Пелиада производно от древнегреческого πῆλιξ, что означает дикий голубь. Однако против подобной интерпретации можно выдвинуть два сильных аргумента: во-первых, имя Пелиада стало собирательным для всех жриц Додонского оракула. Во-вторых, могло ли нечто неодушевленное с тем же названием передавать людям волю богов? Думается, все-таки едва ли.

Августин (конец IV – начало V в.) сообщает нам о том, в Эпире есть «другого рода источник, в котором, как и во всех других, тухнут горящие факелы, но не как в других – потухшие зажигаются (*...In Epiro alium fontem, in quo faces, ut in ceteris extinguuntur accensae, sed, non ut in ceteris, accenduntur extinctae – Aug. XXI. 5).*

Таким образом, все цитируемые авторы упоминают находящийся в Додоне чудесный источник, который, во-первых, тушит горящие факелы, – в чем нет ничего удивительного, и, во-вторых, обладает свойством зажигать потухшие факелы на расстоянии, что, в свою очередь, является чудом и не может не вызывать у нас обоснованного скепсиса. Но, видимо, именно это известие вызвало наибольший интерес у римских авторов. И лишь один-единственный автор Сервий помимо всего прочего связывает наличие родника-источника с процедурой прорицания. Но и здесь некоторые исследователи весьма осторожны: по мнению Джонстона, зная о том, что жрицы слушали и толковали звуки (тот же шелест листьев), могло привести того же Сервия к идее, что в Додоне пифия также слушала журчание источника, нежели купалась в нем или пила из него воду, как это имело место в тех же Дельфах [5, p. 66].

При этом возникает вполне естественный в этой ситуации вопрос: откуда черпали свои сведения о додонском роднике-источнике римские авторы? А именно: лежал ли в их основе какой-либо древнегреческий автор, или же это плод их собственной информации или даже фантазии? Единственную путеводную нить на этот счет мы находим у Солина, который прямо указывает на первоисточник, из которого, скорее всего, черпали свои сведения все римские авторы. Это, без сомнения, Феопомп, к которому и восходит вся

эта информация (...ut Theopompo placet – Solinus VII. 2).

Насколько достоверным при описании данных событий может считаться этот автор IV в. до н. э., судить довольно сложно. Скорее всего, упоминание этих событий могло иметь место в его «Истории Филиппа II Македонского», когда события истории Македонии были тесно связаны с событиями эпирской истории. До нас дошел ещё один пассаж из работы Феопомпа, когда на его данные о количестве племен, населявших Эпир, ссылается Страбон (Fgr Hist 115 F 382), хотя при этом сам Страбон приводит несколько иное число (Strab. VII. 7. 5). Но при этом нельзя не отметить одну важную деталь: судя по сохранившимся фрагментам биографии Феопомпа, он не посещал территорию Эпира, поэтому к его данным относительно додонского родника можно относиться с большой долей скепсиса.

Могут ли в попытке обнаружения додонского источника нам помочь данные археологии? Греческий археолог С. Дакарис, досконально, буквально метр за метром исследовавший святилище Додоны, не обнаружил ничего подобного, хотя бы в малейшей степени напоминающего родник-источник [2]. Более категоричен Джонсон, который прямо заявляет, что никаких следов упоминаемого родника до сих пор не обнаружено [5, р. 66; 8, р. 67]. Все это также побуждает нас весьма осторожно относиться к рассказам о додонском роднике. К тому же наш скепсис усиливается ещё и потому, что никаких артефактов, хоть как-то символизирующих додонский родник-источник, обнаружить на территории святилища не удалось. Если на территории святилища в разное время обнаруживались фигурки и изображения Зевса, голубей, дуба или венков из него, треножников, медных котлов, то хоть что-то напоминающее родник-источник обнаружено не было.

Но в этом случае возникает вопрос об истоках происхождения данного симво-

ла и одновременно средства прорицания. В этой связи необходимо указать на ту особую роль, которую играла вода в этом районе Эпира, являвшегося и поныне являющегося районом проливных дождей и ливней, во время которых бурные водные потоки стекали с близлежащих гор. Некоторые современные исследователи, отмечая в целом особое значение воды в Додоне как таковой, связывают её с присущей додонскому Зевсу эпиклезы – Naioi, что большинством исследователей трактуется, как «водный» [8, р. 68; 10, с. 324–325].

Существует предположение, что воду из этого священного источника пила пифия (возможно, упоминаемая Сервием старуха Пелиада) накануне процедуры прорицания, а уже затем и вдохновленная её, озвучивала волю богов [9, р. 97]. Подобная процедура, как известно, имела место в Дельфах, и, возможно, здесь имеет место некое заимствование не древними, а уже современными авторами.

Интересную параллель со ссылкой на Плутарха приводит немецкий ученый XIX века Ю. Махник: у германцев т. н. «священные жены» (или просто женщины), наблюдая за водоворотами в реках и прислушиваясь к шуму потоков, предсказывали возможное развитие событий (Plut. Caes. XIX) [6, р. 8].

Таким образом, подводя итоги вышесказанному, отметим, что сведения римских авторов о додонском роднике-источнике восходят к одному, во всяком случае известному нам автору – Феопомпу. Хотя некоторые современные ученые, подобно французскому историку Г. Роше, сомневаются в значимости подобного символа Додоны, можно все-таки предположить, что если таковым он и являлся, то лишь весьма короткое время. Родник-источник, по нашему мнению, являлся хоть и незримым для нас, но все-таки символом Додонского оракула, память о котором донесли римские авторы, придав ему некоторые чудотворные и удивительные качества.

Литература

1. Curnov T. The oracles of the Ancient World. London: Dukworht Publishing, 2003. 283 p.
2. Dakaris S. Dodona. Athens: Ministry of Culture, Archaeological Receipts Fund, 1996. 38 p.
3. Gartziou-Tatti A. L'oracle de Dodone. Mythe et ritual // Kernos. 1990. P. 175–184.
4. Franke P. R. Die Antiken Munzen vor Epeiros. Wiesbaden: Steiner, 1961. 306 s.
5. Johnston S. I. Ancient Greek Divination. Oxford: Blackwell Publishing, 2008. 205 p.
6. Machnig J. De oraculo Dodonaeo capita quinque. Breslay, 1885. 39 p.

7. Nicol D. M. The oracle of Dodona // Greece and Rome. 1958. Vol. 5. P. 128–143.
8. Parke H. W. The Oracle of Zeus. Dodona, Olympia, Ammon. Camnridge: Harvard University Press, 1967. 294 p.
9. Raschet G. L`sanctuaire de Dodone origine et moyens de divination // Bulletin de `Assosiation Guillaume Bude. 1962. P. 86–99.
10. Казаров С. С. Зевс NAIOL: попытки реконструкции // Древности. Харьковский историко-археологический ежегодник. 2003. Вып. 12. P. 324–327.
11. Латышев В. В. Очерк греческих древностей. Ч. I. СПб: Типография В. Безобразова и К, 1988. 355 с.

References

1. Curnov T. The oracles of the Ancient World. London: Dukworht Publishing, 2003. 283 p.
2. Dakaris S. Dodona. Athens: Ministry of Culture, Archaeological Receipts Fund. 1996. 38 p.
3. Gartziou-Tatti A. L`oracle de Dodone. Mythe et ritual // Kernos. 1990. P. 175–184.
4. Franke P. R. Die Antiken Munzen vor Epeiros. Wiesbaden: Steiner, 1961. 306 s.
5. Johnston S. I. Ancient Greek Divination. Oxford: Blackwell Publishing. 2008. 205 p.
6. Machnig J. De oraculo Dodonaeo capita quinque. Breslay, 1885. 39 p.
7. Nicol D. M. The oracle of Dodona // Greece and Rome. 1958. Vol. 5. P. 128–143.
8. Parke H. W. The Oracle of Zeus. Dodona, Olympia, Ammon. Camnridge: Harvard University Press, 1967. 294 p.
9. Raschet G. L`sanctuaire de Dodone origine et moyens de divination // Bulletin de `Assosiation Guillaume Bude. 1962. P. 86–99.
10. Kazarov S. S. Zevs NAIOL: popytki rekonstruktsii (Zeus NOI: attempts reconstruction) // Drevnosti. Khar'kovskii istoriko-arkheologicheskii ezhegodnik. 2003. No.12. P. 324–327.
11. Latyshev V. V. Ocherk grecheskikh drevnostei (Outline of Greek antiquities). Part. I. SPb.: V. Bezobrazov and Co printing, 1988. 355 p.

УДК 94(470.63).084.8:378

А. В. Карташев

**РАБОТА ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ НА СТАВРОПОЛЬЕ
В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ**

В статье анализируются данные о работе вузов на территории Ставропольского края к началу войны (1941), показывается изменение их сети в связи с прибытием в регион по эвакуации вузов из Ленинграда, Днепропетровска и других городов СССР (1941–1942), приводятся сведения о деятельности вузов в период оккупации (август 1942 – январь 1943), описываются события, связанные с восстановлением системы высшего образования в крае в 1943–1945 гг.

Ключевые слова: Ворошиловский (Ставропольский) педагогический институт, Ворошиловский (Ставропольский) медицинский институт, филиал Ленинградского медицинского института, Днепропетровский медицинский институт, Днепропетровский фармацевтический институт, Пятигорский педагогический институт.

A. V. Kartashev

**THE WORK OF HIGHER EDUCATION INSTITUTIONS
IN THE STAVROPOL REGION DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR**

The article analyzes the data on the work of universities on the territory of the Stavropol region at the beginning of the war (1941), shows the change of their network due to evacuation of the universities of Leningrad, Dnepropetrovsk and other cities of the USSR (1941–1942) in the region, provides information on the activities of universities during the Nazi occupation (August 1942 – February 1943), describes the events

associated with the restoration of the higher education system in the region in 1943–1945.

Key words: Voroshilovsk (Stavropol) pedagogical Institute, Voroshilovsk (Stavropol) medical Institute, a branch of the Leningrad medical Institute, Dnepropetrovsk medical Institute, Dnepropetrovsk pharmaceutical Institute, Pyatigorsk pedagogical Institute.

С момента начала Великой Отечественной войны прошло 75 лет. Однако не все ее наследие изучено современниками. Одним из малоизвестных вопросов остается работа высших учебных заведений Ставрополья в 1941–1945 гг. Исследуя проблему становления и развития высшего образования в регионе, ставропольские историки показали истоки зарождения и последующие этапы создания вузов Ставропольского края [8]. Однако история высшего образования на Ставрополье в военные годы авторами мало рассматривалась и в отдельный раздел не выделялась. В контексте исследуемой темы выделяется докторская диссертация В. М. Кононенко, где автор приводит интересный материал о работе вузов многих субъектов Юга России [10]. Однако за разрозненными фактами не

видны общие тенденции изменения сети вузов в период войны. Судьбы Ставропольского и Кисловодского медицинских институтов подробно рассматривались нами ранее [17]. Для восполнения оставшегося пробела проведем более детальный анализ работы и других вузов на территории края.

Клету 1941 гг. в г. Ворошиловске (Ставрополе) функционировали: Ворошиловский государственный педагогический и учительский институт (образован в 1930 г.), Ворошиловский зооветеринарный (образован в 1930 г.), Ворошиловский государственный медицинский (образован в 1938 г.). Кроме того, на территории Орджоникидзевского края действовали Пятигорский и Карачаево-Черкесский педагогические институты.

Ворошиловский педагогический институт, подчинявшийся Народному Комиссариату просвещения РСФСР, в который с 1940 г. вошел Ворошиловский учительский институт, представлял собой комплексный вуз, состоявший из двух институтов с единым руководством и тремя общими факультетами – русского языка и литературы, физико-математическим и естественным (в учительском институте – естественно-географическим). В пединститут принимались лица с законченным средним образованием, а в учительский и на курсы иностранных языков – с образованием 9 классов. В отличие от других специальностей, обучение на курсах иностранных языков было бесплатным. Срок обучения в учительском институте и на курсах иностранных языков составлял два года, в педагогическом – четыре, с первых дней войны он сократился до трех лет. На учительские курсы иностранных языков набор производился на отделения английского, французского и немецкого языков. Студенты вуза пользовались общежитием [4, л. 1].

После слияния с учительским институтом в 1939 г. Пятигорский государственный педагогический институт стал именоваться педагогическим и учительским. В нем были созданы факультеты: исторический, языка и литературы и физико-математический. При физико-математическом и историческом факультетах действовали вечерние отделения. Оба института готовили учителей высшей квалификации: пединститут – для полных средних школ и техникумов, а учительский – для неполных средних школ, по специальностям соответствующих факультетов. Срок обучения на 1942 / 1943 учебный год составлял 3 и 2 года соответственно. Летом 1942 г. в оба института без экзаменов зачислялись лица, окончившие средние школы в 1941 и 1942 гг. Окончившие 9 классов или 2 курса техникума с отличными и хорошими оценками, принимались без испытаний в учительский институт. Лица, окончившие школы ранее 1941 г., подвергались вступительным экзаменам [13]. В октябре 1941 г. в руководстве вузом произошли изменения вместо В. Т. Чеканова, назначенного секретарем Орджоникидзевского краевого исполкома, директором института стал Григорий Петрович Булатов, руководивший вузом до прихода в город немцев.

С 1941 / 1942 учебного года Ворошиловский зооветеринарный институт с двумя факультетами – зоотехническим и ветеринарным – был реорганизован в Северо-Кавказский сельскохозяйственный институт Народного Комиссариата зерновых и животноводческих совхозов СССР. По обстоятельствам военного времени ветеринарный факультет был закрыт, а вместо него с начала 1941 / 1942 учебного года был открыт агрономический. В 1942 г. вуз стал именоваться Ворошиловским сельскохозяйственным институтом. При институте имелась своя столовая и общежитие, где студенты и абитуриенты обеспечивались постельными принадлежностями. О плате за обучение в объявлениях о приеме в вуз ничего не сообщалось [2, л. 1].

В Ставропольском медицинском институте летом 1941 г. завершался третий учебный год. На единственном лечебном факультете обучалось более 500 студентов. Институт находился в стадии становления, создавались новые кафедры для старших курсов, имели место проблемы с учебными площадями, квартирами для преподавателей и общежитиями для студентов. Срок обучения, составлявший пять лет, с началом войны был сокращен до трех с половиной. К началу Великой Отечественной войны директором института был кандидат медицинских наук П. В. Полосин.

В результате захвата западной части Советского Союза с территории Украины и других регионов на Ставрополье хлынул поток беженцев. В музее истории Ставропольского медицинского университета хранятся зачетные книжки студентов Львовского, Винницкого, Одесского, 1-го Киевского, Харьковского, Крымского, 1-го Ленинградского, Смоленского и других медицинских институтов. Приказами по Ворошиловскому мединституту ежедневно на работу принимались преподаватели и иные сотрудники, прибывавшие из других городов.

В августе 1941 г. на основании телеграфного распоряжения от 21 августа 1941 г. НКЗ СССР и Председателя ВКВШ при СНК СССР в Ворошиловск эвакуировался Днепропетровский мединститут, который с началом учебного года слился с Ворошиловским мединститутом. С этого момента стали функционировать все курсы и кафедры института.

При этом П. В. Полосин сохранил за собой пост директора, а М. М. Тростанецкий из Днепропетровска занял должность его заместителя [9].

В то же время в г. Пятигорск был эвакуирован Днепропетровский фармацевтический институт (ДФИ) со значительной частью своей материальной базы. В его составе находилось около 100 сотрудников во главе с директором института, профессором М. Б. Волынской. В условиях эвакуации она смогла сделать все необходимое для сохранения научных и учебных традиций своего вуза. В Пятигорске коллектив института организовал учебный процесс и в сентябре 1941 г. провел набор студентов на 1-й курс. В конце апреля 1942 г. коллектив ДФИ пополнился представителями Ленинградского фармацевтического и Второго Ленинградского медицинского институтов [16].

Решением эвакуационной комиссии Ленинградского городского совета депутатов трудящихся от 3 марта 1942 г. в г. Кисловодск был эвакуирован Ленинградский ветеринарный институт. Но когда к Кисловодску подошли немцы, было принято решение об эвакуации института в г. Пржевальск (Киргизская ССР). По воспоминаниям сотрудников института, при выходе из Кисловодска все личные вещи сотрудников были брошены. До станции Прохладная люди добирались 4 дня. Там они погрузились на открытые платформы последнего поезда, шедшего из Баку. Больше недели под палящими лучами солнца без продуктов питания совершали свой мучительный путь сотрудники этого вуза по железной дороге [14].

2 мая 1942 г. в Кисловодск прибыл эшелон с преподавателями и студентами 1-го Ленинградского медицинского института (ЛМИ). В их числе были 12 профессоров и других преподавателей, а также 320 студентов. Эшелон с эвакуированными возглавлял заместитель директора 1-го ЛМИ профессор Н. И. Озерский. Здесь, в Кисловодске, на крупнейшей в стране курортно-госпитальной базе было решено открыть филиал 1-го ЛМИ и возобновить занятия. К прибывшим из Ленинграда присоединились преподаватели и студенты других мединститутов (из Ростова-на-Дону, Симферополя, Краснодара, Одессы и др.). Начались лекции и занятия на старших курсах, был объявлен прием на первый курс – подано 300 заявлений. С первых дней нахождения в

эвакуации ученые этого прославленного вуза стали ведущими специалистами местных госпиталей и эвакупункта [18].

Также на Кавминводы был эвакуирован Ленинградский текстильный институт имени С. М. Кирова. Для сбора сведений о сотрудниках и студентах дирекция института опубликовала 1 июля 1942 г. в газете «Орджоникидзевская правда» объявление, в котором просила направить данные по адресу: город Минеральные Воды, ул. Железнодорожная, дом 13. Но наладить свою работу институт на новом месте не успел.

12 марта 1942 г. со станции Жихарево из-под Ленинграда выехал первый, основной эшелон Ленинградского политехнического института. Конечным пунктом эвакуации был город Тбилиси. Выезжать должны были тремя эшелонами в течение марта – апреля и остановиться для отдыха в Пятигорске. Исполнение обязанностей директора эвакуируемой части было возложено на и. о. заместителя директора Б. Е. Воробьева. 5 апреля эшелон прибыл в Пятигорск. На следующий день, 6 апреля, Б. Е. Воробьев объявил приказом № 1-П о своем вступлении в исполнение обязанностей директора. В Пятигорске решили задержаться, чтобы измученные блокадной зимой люди могли хоть немного отдохнуть и окрепнуть. 13 мая 1942 г. профессор Воробьев убыл в командировку в г. Тбилиси и больше в институт не вернулся. 25 мая он был арестован по обвинению в принадлежности к антисоветской организации и пособничестве немецким захватчикам. Воробьев вместе с другими заключенными был этапирован из края и в пути следования умер. В 1957 г. дело в отношении Б. Е. Воробьева было прекращено. К августу 1942 г. филиал Ленинградского политехнического института продолжал находиться в Пятигорске. В Ташкенте развернул свою деятельность другой филиал вуза, а в самом Ленинграде сохранялся костяк коллектива во главе с директором института, лаборатории и цеха которого работали на оборону города [11].

Дальнейшая судьба вузов региона была тесным образом связана с изменением военной обстановки. В связи с приближением линии фронта студенты все чаще стали оставлять учебу для перевода в вузы Закавказья, Средней Азии, Урала и Сибири.

Увольнялись из вузов и сотрудники. Но те, кто был мобилизован для работы в госпиталях, позволить себе этого не могли.

Эвакуация вузов Орджоникидзевого края была сорвана в результате несвоевременной подачи железнодорожных эшелонов. По воспоминаниям В. С. Игропуло, сына заведующего кафедрой физики Ворошиловского сельхозинститута, преподаватели этого вуза со своими семьями четверо суток находились на вокзале в ожидании эвакуопоезда. Но он так и не был подан, и с началом оккупации люди вернулись по своим домам. Также в оккупации оказались сотрудники и студенты Ворошиловского пединститута [7].

Преподаватели Ворошиловского медицинского института успели отъехать от станции не более пяти километров. Поезд, который был подан для погрузки в день начала оккупации города, был остановлен на пути следования ударом немецкой авиации. Покинуть Ворошиловск удалось немногим.

С 3 августа 1942 г. в оккупированном городе оказалась значительная часть сотрудников и материальная база всех трех институтов. Гитлеровское командование назначило новое руководство, однако к обучению студентов приступил только сельскохозяйственный институт. Директором института был назначен профессор А. Ф. Флоренс. В штат сотрудников входили: заместитель директора, деканы факультетов, заведующие кафедрами, доценты, ассистенты, старшие лаборанты, лаборанты, старшие препараторы, младшие препараторы, работники административно-хозяйственной части [3, л. 53–54].

Анатолий Пильщиков, сын секретаря парткома мединститута, как и некоторые другие юноши города, во избежание мобилизации на работу в Германию, стал студентом сельхозинститута, чем обеспечил себе неприкосновенность. Впоследствии он окончил Ставропольский мединститут и стал в нем доцентом кафедры оперативной хирургии и топографической анатомии.

Несмотря на то что Ворошиловский медицинский институт к занятиям в период оккупации так и не приступил, назначенный немцами директор профессор А. Н. Полонский занимался административно-кадровой работой, лично возглавлял медико-аналитическую лабораторию, созданную на базе вуза, и руководил деятельностью инвентаризационной комиссии института.

7–9 августа 1942 г. были захвачены города Кавказских Минеральных Вод. Из Кисловодска смогли эвакуироваться лишь те сотрудники и студенты филиала 1-го ЛМИ, кто смог идти пешком. Значительная часть коллектива осталась в Кисловодске. Как полагают исследователи, продолжение работы Кисловодского филиала 1-го ЛМИ в условиях оккупации было инициативой коллектива вуза. Переговоры с неким «отделом просвещения» немецкой администрации вел этнический немец В. А. Шаак – профессор, заведующий кафедрой хирургии. Немцы согласились с решением коллектива и назначили его директором мединститута. На вакантные должности преподавателей были назначены специалисты других вузов и практикующие врачи. Общее число преподавателей филиала составило 47 человек, в том числе: докторов наук – 16; кандидатов наук – 12 [6]. «Благодаря Шааку мы выжили, не попав в первые же эшелоны, отправлявшиеся в Германию», – вспоминала В. А. Цвиленева, работавшая ассистентом на кафедре общей биологии. В условиях оккупации мединститут объявил прием студентов и с октября 1942 г. начались занятия [12].

К моменту оккупации Пятигорска немецко-фашистскими войсками часть студентов и сотрудников фармацевтического института была эвакуирована в район Баку и далее в Среднюю Азию, другой поток направился по Военно-Грузинской дороге в Грузию. Согласно решению СНК СССР от 15.08.1942 г. Ленинградский и Днепропетровский фармацевтический институты были объединены под руководством директора М. Б. Волынской и направлены по маршруту: Тбилиси – Баку – Красноводск – Ташкент – Семипалатинск. Уполномоченным по сохранению институтского имущества в г. Пятигорске был назначен профессор Н. В. Вавилов.

В течение пятимесячной оккупации оставшийся контингент преподавателей и студентов всевозможными путями пытался выжить и сохранить материальную базу учебного заведения. Немецким оккупационным командованием перед студентами и преподавателями было поставлено условие: готовить кадры и продолжать учебу или быть отправленными в Германию. На конец августа 1942 г. зарегистрировалось 150 студентов, изъявивших желание продолжать обучение

в вузе. Оккупационная газета «Пятигорское эхо» проинформировала горожан о том, что научно-преподавательский персонал еврейского происхождения без всякого ущерба отстранен от работы, а кафедры заняты русскими профессорами. Новый учебный год планировалось начать по расписанию – с 1 сентября. После долгих подготовительных мероприятий в институте начались занятия.

Сотрудники и студенты Ленинградского политехнического института, которые не успели уехать или уйти пешком из Пятигорска, также остались на оккупированной территории, среди них и был и директор В. Г. Подпоркин. После освобождения Пятигорска в январе 1943 г. политехники из Ленинграда продолжили свой путь и к маю прибыли в Ташкент. Здесь их встречали те, кому удалось уйти из Пятигорска и добраться до Ташкента через Красноводск в августе прошлого года.

Отступая с территории Ставрополя, оккупанты взрывали и сжигали жизненно важные объекты городов, административные здания и большие жилые дома. Гитлеровцы, захватившие Ставрополь, устроили в здании педагогического института свой военный госпиталь, уничтожив оборудование кабинетов и лабораторий, частично вырубив вузовский ботанический сад. А при отступлении из Ставрополя гитлеровцы частично повредили здание, пытаясь его взорвать. Общий ущерб, нанесенный пединституту, был оценен в 3 059 260 рублей.

Серьезно пострадал главный корпус Ставропольского сельскохозяйственного института – целыми остались только стены. Кроме того, были сожжены общежития, разрушены электростанция, баня, прачечная, студенческая столовая, пасека учебно-опытного хозяйства, разграблены овцеводческая и свиноводческая фермы. Было безвозвратно потеряно большое количество учебно-наглядных пособий, книг, инвентаря и оборудования кафедр.

Значительный материальный ущерб нанесли немецко-фашистские захватчики Ставропольскому медицинскому институту. Учебного оборудования и аппаратуры было уничтожено на сумму 279 300 руб. Одних микроскопов было похищено 223 на сумму 234 824 рублей. Хозяйственного инвентаря и оборудования было уничтожено на сумму 1 890 025 рублей. Личного имущества научных работников было похищено на сумму

1 231 680 рублей. Сильно пострадала клиническая база института. Городская больница, являющаяся базой клинических кафедр, подверглась разграблению. Акушерско-гинекологический корпус был взорван и разрушен почти полностью. Общий ущерб вузу составил 3 401 100 рублей [5, л. 17–20].

В январе 1943 г. Ставрополье было полностью освобождено от гитлеровцев. 12 января 1943 г. Орджоникидзевский край был переименован в Ставропольский, а его административному центру вернули исконное название Ставрополь. Соответствующие наименования получили педагогический, сельскохозяйственный и медицинский институты. Работа всех вузов была восстановлена, о чем известила население края газета «Ставропольская правда». Ставропольский сельскохозяйственный институт возобновил занятия с 25 января. С 10 марта начались занятия со студентами первого курса дополнительного набора, проведенного в первые дни после оккупации.

Ставропольский педагогический и учительский институт приступил к занятиям с 5 февраля, объявив дополнительный прием на старшие курсы всех факультетов и на заочные отделения. В институте была нехватка педагогических кадров, в связи с чем приглашались на работу преподаватели по основам марксизма-ленинизма, диалектическому материализму, политэкономии, истории, психологии, педагогике, литературе, английскому языку и математике. Также с 25 января Карачаево-Черкесский педагогический и учительский институт предложил своим студентам, заочникам и экстернам, а также желающим вновь поступить на первый и старшие курсы зарегистрироваться, прислав заявление с указанием адреса, факультета и курса.

Приказом Краевого отдела здравоохранения от 28.01.1943 г. было утверждено временное руководство Ставропольского медицинского института. С 10 февраля 1943 г. начались занятия на младших курсах, 6 марта приступили к занятиям студенты четвертого курса. 24 марта 1943 г. из г. Ферганы вернулся директор института П. В. Полосин и несколько сотрудников института, которые работали в эвакуации в 4-м Московском медицинском институте. Также из других мест возвращались преподаватели вуза, которым удалось выбраться пешком из оккупированного Ставрополя. В марте – апреле 1944 г. Днепропе-

тровский мединститут во главе с профессором М. М. Тростанецким эвакуировался на Украину.

11 января 1943 г. Пятигорск был освобожден от немецких войск, а уже 27 января профессор Н. В. Вавилов получил предписание Пятигорского городского совета восстановить работу фармацевтического института. 8 февраля начались занятия на старших курсах, а 10 февраля – на первом курсе. К занятиям приступили 350 студентов под руководством 50 преподавателей. Приказом по НКЗ СССР от 22 марта 1943 г. № 137 Н. В. Вавилов был назначен и. о. директора фармацевтического института, а 27 марта на базе эвакуированных фармацевтических вузов г. Днепрпетровска и Ленинграда распоряжением СНК СССР был организован Пятигорский фармацевтический институт (ПФИ).

В марте 1943 г. начались занятия и в Пятигорском педагогическом институте. В апреле 1943 г. он пополнился студентами и профессорско-преподавательским персоналом Ленинградского педагогического института имени А. И. Герцена. В 1944 г. в связи с депортацией народа Карачая и упразднением карачаевской автономии Карачаевский пединститут был ликвидирован, часть его преподавателей и студентов влились в Пятигорский пединститут.

А 9 августа 1943 г. Пятигорский педагогический институт объявил набор в аспирантуру по двум специальностям: история и литература с двумя формами обучения – очная и заочная. Также были открыты новые факультеты: естественно-географический (октябрь 1943 г.) и иностранных языков (август 1944 г.) с отделениями английского, немецкого и французского языков.

С августа 1943 г. Пятигорский педагогический институт возглавлял Р. Г. Саренц. Под его руководством было восстановлено здание на углу проспектов Кирова и Калинина, построены актовый и спортивный залы. Ему удалось значительно расширить аудиторный фонд института, построить помещения для библиотеки, открыть и оборудовать кинозал. Были построены новые учебные аудитории и лаборатории, первое общежитие [15].

С 21 января 1943 г. продолжил свою работу в Кисловодске филиал 1-го ЛМИ под руководством нового директора Ш. Д. Галустяна, профессор Шаак перед угрозой репрессий

со стороны советской власти был вынужден уйти вместе с отступающими немецкими войсками. 20 февраля «Ставропольская правда» объявила, что в Кисловодске начались занятия в 1-м ЛМИ. Филиал провел выпуск 29 молодых врачей, окончивших пятый курс. В I семестре 1943 / 1944 учебного года, кроме зачисленных на первый курс, занимались и студенты II семестра, не окончившие первый курс и имевшие вынужденный перерыв в учебе в связи с оккупацией. В октябре 1943 г. филиал 1-го ЛМИ принял в свой состав преподавателей и студентов Ленинградского педиатрического института, вернувшихся из Барнаульской эвакуации.

26 апреля 1944 г. приказом НКЗ СССР филиал 1-го ЛМИ был переименован в Кисловодский медицинский институт, которому суждено было просуществовать до конца августа 1945 г., а уже в начале сентября в соответствии с приказом № 427/699 от 31 августа 1945 г. институт был переведен в Кишинев. Но до этого, 14 августа, состоялся выпуск студентов Кисловодского медицинского института, в числе которого была Анна Мазурова, впоследствии долгие годы работавшая доцентом в Ставропольском мединституте.

По мнению профессора Л. В. Чекурина, причиной расформирования Кисловодского медицинского института и перевода его сотрудников в Кишинев, а не домой в Ленинград, стало то обстоятельство, что они, попав на пять месяцев в оккупацию, продолжали работать при немцах, в то время как героический Ленинград продолжал сражаться, находясь в блокаде [1].

В развитии системы высшего образования на Ставрополье в годы Великой Отечественной войны произошло одно весьма немаловажное, но не совсем характерное для того периода событие. 1 февраля 1944 г. распоряжением СНК СССР был создан Буденновский сельскохозяйственный институт – второй на территории края. В 1944 г. на его агрономический факультет было принято 120 студентов. В 1945 г. в вузе было 15 научных работников, включая двух профессоров, докторов наук и трех доцентов. Наряду с острой нехваткой научно-педагогических кадров институт испытывал ограниченность в помещениях и специальном оборудовании. И не случайно, что в 1947 г. этот вуз был объединен со Ставропольским сельскохо-

зайственным институтом и прекратил свое существование [8, с. 54].

Таким образом, сеть высших учебных заведений на Ставрополье в годы Великой Отечественной войны развивалась по законам военного времени. Существовавшие в крае до войны вузы пополнялись представителями других институтов страны, прибывавшими в результате вынужденной эвакуации. На территории края продолжили свою работу вузы, эвакуированные из Днепропе-

тровска и Ленинграда. На несколько лет они стали составной частью системы высшего образования на Ставрополье. В результате несостоявшейся эвакуации с территории Орджоникидзевского края практически все институты оказались в оккупированной зоне и понесли значительный материальный ущерб. Временное пребывание в городах края именитых вузов страны благотворно сказалось на дальнейшем развитии местных институтов.

Литература

1. Амбарцумян А. А. Ленинград – Кисловодск – Кишинев: эпизод из жизни Кисловодского медицинского института // Медицина и курорты Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны: сборник материалов межрегиональной научно-практической конференции / гл. ред. А. В. Карташев. Ставрополь: СтГМУ, 2015. С. 199–204.
2. Государственный архив Ставропольского края (далее – ГАСК). Ф. р-1034. Оп. 1. Д. 32.
3. ГАСК. Ф. р-1047. Оп. 1. Д. 1.
4. ГАСК. Ф. р-1872. Оп. 1. Д. 271.
5. ГАСК. Ф. р-2431. Оп. 3. Д. 858.
6. Зимин И. В. Разные дни войны... Профессор В. А. Шаак: Ленинград – Кисловодск – Берлин – Ленинград // Женский медицинский институт – 1 Ленинградский институт им. акад. И. П. Павлова в годы Первой и Второй мировых войн: сборник статей / под ред. В. П. Бякиной, И. В. Зимина. СПб.: СПбГМУ, 2015. С. 49–61.
7. Игопуло В. С. Вспоминая войну: интервью с сыном первого заведующего кафедрой физики Ставропольского мединститута доцента С. И. Игопуло // Мир Кавказу: общая Память – общая Судьба: материалы научно-практической конференции СтГМА. Ставрополь: СтГМА, 2011. С. 137–141.
8. Калинин С. Б. Высшая школа Ставрополья (1912–2012 гг.) / С. Б. Калинин, Е. А. Степкина, К. А. Ушмаева, С. В. Януш / под ред. А. А. Анисеева. Ставрополь: СГУ, 2012. 236 с.
9. Карташев А. В., Пахомов В. Н. Ставропольский медицинский институт в годы войны // На рубежах Кавказа: сборник докладов, выступлений, научных статей по материалам научно-практических конференций СтГМА, посвященных 65-й годовщине Победы в Великой Отечественной войне / под общ. ред. В. Н. Муравьевой. Ставрополь: СтГМА, 2010. С. 43–53.
10. Кононенко В. М. Развитие высшего образования на Юге России: 20–90-е годы XX века: дис. ... д-ра ист. наук. Ставрополь: СГУ, 2006. 619 с.
11. Меренищев Н. В. ЛПИ в эвакуации (март 1942 – август 1944) // Научно-технические ведомости СПбГТУ. 1997. № 4 (10). С. 128–130.
12. Многие знали, но не выдали. Варвара Цвиленева (Россия) URL: http://www.yadvashem.org/yv/ru/righteous/stories_tsvileneva.asp. (Дата обращения: 23.03.2016).
13. Орджоникидзевская правда. 1941, 1942.
14. Орёл О. В. Ленинградский ветеринарный институт в годы войны URL: http://nstar-spb.ru/higher_school/print/article/leningradskiy-veterinarnyy-institut-v-gody-voyny/ (Дата обращения: 23.03.2016).
15. Пятигорский государственный лингвистический университет. История университета. Официальный сайт ПГЛУ URL: <http://pglu.ru/sveden/history.php>. (Дата обращения: 23.03.2016).
16. Пятигорский медико-фармацевтический институт. Официальный сайт. Краткая история вуза URL: www.pmedpharm.ru/sveden/history. (Дата обращения: 23.03.2016).
17. Спевак Р. С., Карташев А. В. Работа медицинских вузов на Северном Кавказе в годы Великой Отечественной войны // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2015. № 3. С. 63–68.
18. Судавцов Н. Д. Кавказские Минеральные Воды – крупнейшая госпитальная база Великой Отечественной войны // Ставрополье: правда военных лет. Великая Отечественная в документах и исследованиях. Ставрополь: СГУ, 2005. С. 573–587.

References

1. Ambartsumyan A. A. Leningrad – Kislovodsk – Kishinev: epizod iz zhizni Kislovodskogo meditsinskogo instituta (Leningrad – Kislovodsk – Chisinau: episode of Kislovodsk Medical Institute life) // Meditsina i kurorty Severnogo Kavkaza v gody Velikoi Otechestvennoi voiny: sbornik materialov mezhregional'noi nauchno-prakticheskoi konferentsii (Medical industry and health resorts of the North Caucasus during the Great Patriotic War: collection of materials interregional scientific conference) / ed. by A. V. Kartashev. Stavropol': StSMU Publ., 2015. P. 199–204.

2. Stavropol stste archive (GASK). F. r-1034. Op. 1. D. 32.
3. GASK. F. r-1047. Op. 1. D. 1.
4. GASK. F. r-1872. Op. 1. D. 271.
5. GASK. F. r-2431. Op. 3. D. 858.
6. Zimin I. V. Raznye dni voyny... Professor V. A. Shaak: Leningrad – Kislovodsk – Berlin – Leningrad (Different days of the war... Professor V. A. Shaak: Leningrad – Kislovodsk – Berlin – Leningrad) // Zhenskii meditsinskii institut – I Leningradskii institut im. akad. I. P. Pavlova v gody Pervoi i Vtoroi mirovykh voyn: sbornik statei (Female Medical Institute – I Leningrad Institute n. a. I. P. Pavlova during the First and Second World Wars: a collection of articles) / ed. by V. P. Byakina, I. V. Zimin. SPb.: SPbSMU Publ., 2015. P. 49–61.
7. Igropulo V. S. Vspominaya voynu: interv'y u s synom pervogo zaveduyushchego kafedroi fiziki Stavropol'skogo medinstituta dotsenta S. I. Igropulo (Memories of the war: an interview with the son of the first head of chair of physics of the Stavropol Medical Institute associate professor S. I. Igropulo) // Mir Kavkazu: obshchaya Pamyat' – obshchaya Sud'ba: materialy nauchno-prakticheskoi konferentsii StGMA. (Peace to the Caucasus: a common memory – a common destiny: materials of scientific conference StSMA). Stavropol': StSMA Publ., 2011. P. 137–141.
8. Kalinchenko S. B. Vysshaya shkola Stavropol'ya (1912–2012 gg.) (Higher School of Stavropol (1912–2012) / S. B. Kalinchenko, E. A. Stepkina, K. A. Ushmaeva, S. V. Yanush / ed. by A. A. Anikeev. Stavropol': SSU, 2012. 236 p.
9. Kartashev A. V., Pakhomov V. N. Stavropol'skii meditsinskii institut v gody voyny (Stavropol Medical Institute during World War II) // Na rubezhakh Kavkaza: sbornik dokladov, vystuplenii, nauchnykh statei po materialam nauchno-prakticheskikh konferentsii StGMA, posvyashchennykh 65-i godovshchine Pobedy v Velikoi Otechestvennoi voine (On the borders of the Caucasus: a collection of reports, speeches, scientific articles of scientific conference than was dedicated to the 65th anniversary of Victory in Great Patriotic War) / ed. by V. N. Murav'eva. Stavropol': StSMA, 2010. P. 43–53.
10. Kononenko V. M. Razvitie vysshego obrazovaniya na Yuge Rossii: 20 – 90-e gody XX veka (The development of higher education in the South Russia: 20 – 90th of the twentieth century): dis. ... doktora ist. nauk. Stavropol': SSU Publ., 2006. 619 p.
11. Merenishchev N. V. LPI v evakuatsii (mart 1942 – avgust 1944) (LPI in the evacuation (March 1942 – August 1944) // Nauchno-tekhnicheskie vedomosti. 1997. No. 4 (10). P. 128–130.
12. Mnogie znali, no ne vydali. Varvara Tsvileneva (Rossiya) (Many a man knew, but didn't betray. Barbara Tsvileneva (Russia) URL: <http://www.yadvashem.org/yv/ru/righteous/stories/tsvileneva.asp>. (Accessed: 23.03.2016).
13. Ordzhonikidzevskaya pravda. 1941, 1942.
14. Orel O. V. Leningradskii veterinarnyi institut v gody voyny (Leningrad Veterinary Institute during World War II) URL: http://nstar-spb.ru/higher_school/print/article/leningradskiy-veterinarnyy-institut-v-gody-voyny/ (Accessed: 23.03.2016).
15. Pyatigorskii gosudarstvennyi lingvisticheskii universitet. Istoriya universiteta. Ofitsial'nyi sait PGLU (Pyatigorsk State Linguistic University. History of University. Official site PSLU) URL: <http://pglu.ru/sveden/history.php>. (Accessed: 23.03.2016).
16. Pyatigorskii mediko-farmatsevticheskii institut. Ofitsial'nyi sait. Kratkaya istoriya vuza (Pyatigorsk Medical and Pharmaceutical Institute. Official site. A brief history of the university) URL: www.pmedpharm.ru/sveden/history. (Accessed: 23.03.2016).
17. Spevak R. S., Kartashev A. V. Rabota meditsinskikh vuzov na Severnom Kavkaze v gody Velikoi Otechestvennoi voyny (Medical universities in the North Caucasus during the Great Patriotic War) // Gumanitarnye i sotsial'no-ekonomicheskie nauki. 2015. No. 3. P. 63–68.
18. Sudavtsov N. D. Kavkazskie Mineral'nye Vody – krupneishaya gospital'naya baza Velikoi Otechestvennoi voyny (Caucasian Spas – the biggest hospital base of the Great Patriotic War) // Stavropol'e: pravda voennykh let. Velikaya Otechestvennaya v dokumentakh i issledovaniyakh. (Stavropol: the truth of the war years. The Great Patriotic War in the documents and researches). Stavropol': SSU, 2005. P. 573–587.

УДК 94(4)

И. А. Краснова, Л. Н. Величко

**ДИПЛОМАТИЧЕСКИЕ МИССИИ ФЛОРЕНТИЙСКИХ ГРАЖДАН
В XIII–XV вв.: ОЦЕНКИ И ОСОБЕННОСТИ ВОСПРИЯТИЯ**

В статье раскрываются особенности организации дипломатических миссий в XV в. одним из наиболее динамически развивающихся городов-государств Тосканы – Флоренции. Поведенческие практики и ритуальные жесты флорентийских дипломатов раскрываются через личные восприятия их

миссий, по данным хроникального нарратива и жизнеописаний.

Ключевые слова: история дипломатии, флорентийская коммуна, дипломатические миссии Средневековья, дипломатические практики, биографический нарратив.

I. A. Krasnova, L. N. Velichko

**DIPLOMATIC MISSIONS OF THE FLORENTINE CITIZENS
IN THE XIII–XV CENTURIES: VIEWS AND PERCEPTION FEATURES**

The article studies the peculiarities of organizing diplomatic missions in the Middle Ages by one of the most dynamically developing city-states of Tuscany – Florence. Behavioral practices and ritual gestures of Florentine diplomats are revealed through personal

perception of their missions as presented in the chronicle narrative and the biographies.

Key words: the history of diplomacy, the Florentine municipality, diplomatic missions of the Middle Ages, diplomatic practice, biographical narrative.

Флоренция в указанный период, как, пожалуй, и всякий город-коммуна в Италии, не являлась бюрократическим государством и не обладала аппаратом профессиональных управленцев, в том числе и специальным профессиональным дипломатическим корпусом, также не существовало и постоянной аккредитации полномочных представителей в каких-либо государствах или при дворах князей церкви и феодальных властителей.

Лицо, посылаемое с внешнеполитической миссией, называли «оратором», поскольку красноречие считалось главным качеством полномочного представителя республики. Дипломатические поручения возлагались на граждан республики, выезжающих в филиалы своих семейных компаний, рассеянных по разным странам Европы и за ее пределами, поэтому почти всегда они совмещались с торгово-банковскими функциями. Сам характер деятельности купцов и деловых людей, связанный с постоянными переездами из одной страны в другую, способствовал исполнению дипломатических миссий, поручаемых не только собственной коммуной, но

также императорами, королями и феодальными властителями из других стран. Руководство денежными и товарными потоками, конторами и торговыми факториями предполагало довольно высокую степень образованности, компетентности в разного рода делах, а также значительный уровень социальной и культурной коммуникативности, выражаемый способностью к установлению контактов, диалогу и достижению обоюдовыгодных компромиссов.

В Синьории – своего рода правительстве Флорентийской республики – первая канцелярская реформа была проведена в 1431 г. канцлером Леонардо Бруни и нотариусом Филиппо Перуцци. Она предписывала определенные способы хранения в канцелярии Синьории содержащих регистрацию дипломатических комиссий книг и отправленных и полученных послами писем. До этой реформы подобная документация часто хранилась дома у тех, кто выступал на внешнеполитическом поприще, а отчеты об исполнении миссий попадали в такой своеобразный источник, как семейные книги [32, 1883 с., XI;

1883 s., XII; 1884 s., XIII; 1884 s., XIV]. Занимая в них немало страниц, они становились неотъемлемым «органом» «политического тела семьи» [31, p. 799–800]. Эта культурная практика являлась показателем высокой оценки дипломатической деятельности, составлявшей предмет законной гордости как самого флорентийского «оратора», так и его потомков, поэтому частные регистры имеют абсолютную документальную ценность. Она возрастает для современных исследователей особенно в том случае, если есть возможность сравнения и верификации. В частности, сопоставление регистров Микеле Каstellани с записями его современника Ринальдо дельи Альбицци позволяет убедиться в их высокой степени точности и информативности, насыщенности персональными замечаниями [15, p. 63–64; 16, t. I–III].

У большинства граждан, постоянно выполняющих миссии коммуны, оценки и восприятия дипломатической работы подразделялись на два полярных регистра. Негативные высказывания отражали риск и опасность для жизни, которые часто сопровождали многодневные и требующие напряженного труда усилия, а также заключали lamentации по поводу того, что миссии занимают много времени и отвлекают от занятий торговлей, банком, наживой и основной профессиональной деятельностью.

В частности, дипломатической службе посвятил немало страниц своей «Домашей хроники» судья и купец Донато Веллутти (1314–1370) [38; 26, p. 150; 2, c. 312–313]. Внешнеполитическая деятельность занимала половину его жизни – с начала 40-х гг. до 1363 г. Коммуна использовала его образовательный потенциал, поскольку этот купец и предприниматель окончил факультет гражданского права в Болонском университете и, вступив в цех судей и нотариусов, исполнял соответствующие функции во Флоренции.

40–50-е гг. XIV в. в Тоскане отличались внешнеполитической напряженностью из-за противоречий между гвельфскими и гибеллинскими городами. Миссии, с которыми коммуна отправляла Донато Веллутти в Сиену и Ареццо, требовали «продвижения с большим риском по земле, захваченной синьорами Пьетрамала и другими гибеллинами». В гибеллинском Ареццо пришлось жить «почти в заключении более месяца без

возможности выйти за ворота, а враги подбирались с оружием к стенам нашего дома» [38, p. 170–171]. Затем последовали поручения в Перудже, Болонье, Лукке, Пизе, Ферраре, Посольство в Пизу чуть не окончилось трагически из-за вмешательства в качестве посредников в спор между двумя селениями по поводу плотины на Арно, потому что при попытке примирить враждующие стороны флорентийским послам пришлось противостоять вооруженной толпе. «Мы оказались в смертельной опасности, несколько копий и шпиг уперлись нам в грудь и другие места, а я вовсе не был вооружен, поэтому готовился к смерти, и лишь по воле Господа удалось избежать опасности», – замечал по этому поводу Донато Веллутти [38, p. 185]. При осуществлении этой миротворческой практики Донато простудился и тяжело заболел, поэтому случился краткий перерыв в его служебной деятельности. Но вскоре он был направлен в Пистойю, где пыталась произвести переворот и прийти к власти враждебная Флоренции фамилия Панчатики, проводившая промиланскую политику. Это поручение оказалось настолько тревожным и хлопотливым, что «мы [послы коммуны Флоренции] забывали о еде и питье до самого вечера, находясь на ногах вплоть до вечернего колокола и поднимаясь с утре-ним. Нам все время грозило осуждение, мы слышали в спину от людей порицания, нас обвиняли в предательстве» [38, p. 206–207]. После «столь трудного посольства, не имея и месяца передышки», Донато отправился в Сиену для заключения и ратификации договора относительно порта Таламоне, которым пользовалась Флоренция, когда из-за очередного обострения отношений с Пизой прекращался доступ к Porto Pisano, что оказалось столь же обременительным заданием, хотя и успешно завершенным [38, p. 219–220]. За 15 лет непрерывной дипломатической деятельности пришлось заплатить здоровьем, убытками в деле наживы, обидами и унижениями, даже риском для жизни: «Я посвящал этим делам великое старание и работу мысли... справляясь с ними с честью, несмотря на тяжкие труды и невыносимые обиды». Усилия, как сетовал сам автор, оставались без должного вознаграждения: «Я не получал от миссий никаких благ ни для своей души, ни для тела» [38,

р. 207]. Разумеется, повествование о собственной карьере – саморепрезентация, что особенно демонстрирует последняя сентенция Донато Веллутти. Следуя тексту «Домашней хроники», выясняется, что всех жалобах на многотрудную и сопряженную с риском для жизни дипломатическую службу Донато Веллутти только один раз отказался от поручения коммуны в связи с особыми обстоятельствами, окончательно отойдя от внешнеполитической деятельности только в 1363 г. из-за возраста и болезней. То же самое можно сказать о других гражданах. Самым выдающимся дипломатом считался Ринальдо дельи Альбицци, соперник Козимо Медичи Старшего, который до своего изгнания в 1434 г. исполнил для республики 56 миссий [16, vol. I–III].

Семейные книги имели вполне определенного адресата – сыновей, внуков и представителей последующих поколений, и автор, как правило, стремился представить себя перед потомками в наиболее выгодном свете, повествуя о главной гражданской добродетели – служении своей коммуне.

Еще один дипломат, Бонаккорсо ди Нери Питти (1354–1430) активно стремился войти в состав правящей элиты в 1378–1428 гг. Он находился на постоянной дипломатической службе, которую сочетал с участием в войнах и дуэлях, с торговлей шерстью, вином, лошадьми, шафраном и другими товарами, а также с азартными карточными играми [4, с. 566–567]. В 1396 г., будучи по своим торговым делам во Франции, он в то же время выполнял поручение коммуны по созданию лиги против миланского герцога Джан Галеаццо Висконти, стараясь при этом противостоять интригам герцога Орлеанского, противника антимиланской политики Франции. В 1400 г. его послали к только что избранному императору Рупрехту Баварскому (1400–1410) с целью добиться союза между Флоренцией и императором против Джан Галеаццо Висконти. Но эта миссия, согласно описанию самого Бонаккорсо, была очень опасной, поскольку он боялся козней миланского герцога, пыток и казни. Некий сиенец секретно поведал ему о том, что Джан Галеаццо якобы оценил голову флорентийца в 4 000 золотых дукатов [6, с. 94–96; 30, t. I–II, р. 844–851]. В сложной ситуации войны между Флоренцией и Миланом любой посол

коммуны подвергался риску, но сведения о тайном заговоре миланского правителя против его персоны, по всей видимости, есть сильное преувеличение дерзкого, крайне амбициозного и склонного к комплексу собственного величия Бонаккорсо ди Нери Питти. Таким образом, к дискурсам об опасностях при исполнении дипломатических поручений следует относиться с некоторой осторожностью, учитывая обязательный элемент преувеличения степени риска.

Однако распространяющийся со второй половины XIV–XV вв. другой вид источников – биографии выдающихся граждан Флоренции – в некоторой мере подтверждает жалобы исполнителей миссий.

Крупный политический деятель Флоренции Аньоло Аччайуоли сделал карьеру главным образом на дипломатическом поприще, где достиг таких успехов, что выдающийся биограф Веспасиано да Бистиччи (1421–1498) счел нужным включить его жизнеописание в свой сборник. В тексте биографии Аньоло Аччайуоли центральным являлся драматический эпизод, имевший место в ходе флорентийского посольства к королю Франции Карлу VII (1452). Послы, возглавляемые мессером Аньоло, устремились вдогонку за двором французского короля, но заблудилось в Савойском лесу «во время сильного мороза и чудовищного снегопада». По сведениям Бистиччи, «не зная, что предпринять, послы, закутавшись, взобрались верхом на коней, привязав их к деревьям, и стали ждать смерти, притом каждый вверял себя Богу, отрешившись от всякой надежды» [7, t. IV, р. 341–352]. Но, «как угодно было Господу, который не покидает тех, кто верит в Него», некий слуга вызвался пойти пешком поискать какого-нибудь селения или хижины, и на расстоянии 4 миль нашел деревню. В 4 часа ночи он привел крестьян в числе 6–8 человек с зажженными факелами, которые и спасли замерзающее флорентийское посольство [7, t. IV, р. 348].

Судя по жизнеописаниям, дипломатическая деятельность была сопряжена с риском также и потому, что часто ставила флорентийцев, которые ею занимались, в центр внутрикоммунальных интриг, что испытал на себе Бонаккорсо Питти, который «проговаривался» об этом в своей хронике. Прибыв после исполнения сложной дипломатической

миссии при французском королевском дворе в 1396 г., он сообщал: «Прежде чем предстать перед нашими синьорами, я дал знать о данном мне поручении некоторым мудрым и имеющим вес членам коллегий, а затем уже явился и доложил о своем посольстве» [6, с. 70]. Совет с некоторыми влиятельными и именитыми гражданами, пред тем как дать официальный отчет о своей деятельности, представлялся Бонаккорсо необходимой мерой предосторожности, учитывая высокую степень политизированности флорентийского общества и, как следствие, его разделенность на политические фракции.

Веспасиано да Бистиччи повествовал о том, как успешно действующий на дипломатическом поприще в конце 30-х – 40-е гг. флорентиец Бернардо Джуни, посланный к папскому двору и успешно начавший выполнять поручение, был внезапно отозван из Рима вместе с другим послом: «Они впали в глубокое расстройство, понимая, что эти распоряжения исходят от их недругов во Флоренции (членов Синьории, которые были противниками союза коммуны с понтификом)». Послам было предъявлено обвинение в государственной измене, в котором их деятельность в Риме истолковывалась самым превратным образом, а некоторые члены Синьории платили деньги, чтобы слух об их предательстве распространился по городу. Началось судебное расследование, в ходе которого с большим трудом им удалось доказать свою невиновность [8, t. IV, p. 327–328], но успешно начатая политическая карьера Бернардо Джуни была прервана [8, t. IV, p. 329]. С деятельностью флорентийского оратора были часто связаны подозрения в заговорах против своего отечества и шпионаже, источником которых являлось внутреннее противостояние политических фракций.

Насколько оправданными являлись жалобы на скудость доходов от выполнения дипломатических поручений коммуны? Судя по ситуации, вырисовывающейся из коммунальных документов, послов часто обвиняли в том, что они ради заботы о получении дополнительного жалованья склонны были искусственно затягивать исполнение миссии. Их также часто упрекали и в том, что, желая сэкономить в свой карман командировочные средства, выданные на представительство,

послы вели столь скудное существование, что позорили тем самым свое государство. Но можно утверждать, что в большинстве случаев действительно ораторы коммуны не получали жалованья, полностью компенсирующего убытки, доставляемые временным отходом от купеческой, судебной-нотариальной или предпринимательской деятельности. Дипломаты, имеющие титул рыцаря или доктора, получали по 5 флоринов в день, но должны были на эти деньги содержать 10 лошадей. Усилия тех, кто не являлся таковыми, оплачивались четырьмя флоринами в день, но их обязывали содержать 6 лошадей. Если посольство носило торжественный характер, то на представительство выделялось не более 100 флоринов, которыми оплачивался церемониальный въезд, игра на флейтах и барабанах, а также атрибуты декора. Послы должны были на собственное жалованье оплачивать работу курьеров, посылаемых во Флоренцию, и делать подарки тем лицам, которые оказывали им честь [21, vol. I., p. 490–491]. Вышеизложенная картина вполне укладывалась в основной контекст вознаграждений за исполнение коммунальных должностей в период со второй половины XIII в. до середины XV в. Плата, получаемая официальными лицами из казны республики, отличалась умеренностью, а ее размеры тяготели к покрытию повседневных расходов функционеров во время срока их поста. В таком случае встает вопрос о том, что же компенсировало посланникам коммуны недостаток доходов от дипломатической службы и прямые убытки от потери времени для деятельности, непосредственно приносящей прибыль?

Представляется, что для ответа на этот вопрос было бы целесообразно обратиться к иной шкале ценностей, присущей сфере особых культурно-этических качеств и политических заслуг. Ее ключевыми понятиями будут являться «почет» (*rispetto*), доблесть (*virtu*), «величие» (*grandezza*), содержащие коннотации, складывающиеся внутри городского республиканского социума. Достижения на дипломатическом поприще высоко оценивались в обществе, принося высокую репутацию (*fama*) и повышая социально-политический престиж, предоставляя послу возможность остаться на страницах исторических хроник и в памяти потомков.

Обратимся к «Домашней хронике» Донато Веллутти, в которой транслируется, какое удовлетворение приносила ее автору «честь», оказываемая ему как полномочному представителю своего могущественного города-государства. Именно занятия дипломатией позволяли ему испытать чувство собственного достоинства при исполнении почетных миссий. Веллутти выражал эти настроения, описывая прием, оказанный флорентийским послом в 1345 г. синьором Лукки Мастино делла Скала: «Он принял нас в своем палаццо, и нас сопровождало туда множество всадников, могущественных и благородных людей. И утро и вечер проходили превосходнейшим образом: было много вина и льда, чтобы остудить вино, а свечей и сладостей – без счета. На стол, за которым сидели наши послы, ставили приборов в два раза больше, чем на другие» [38, р. 179–182]. В следующем 1346 г. состоялись переговоры с Пизой, от которых «я получил столько удовольствия, потому что имелось прекрасное содержание и от Коммуны, и от палаты Мерканция (Донато одновременно выполнял поручения флорентийского торгового трибунала в Пизе). Кроме того, нам оказали честь и гостеприимство гвельфские фамилии Пизы: в доме одной из них мы проживали на всем готовом, имея там хлеб, вино, мясо, зерно, зелень, овощи и все, что бы мы ни пожелали» [38, р. 182–183].

Но дипломатическая деятельность не только возбуждала законную гордость и тешила тщеславие, доставляемая ею «честь» могла обернуться некоторыми материальными выгодами. Донато Веллутти, как было сказано, жаловался: «...постоянное исполнение поручений за пределами моего города приносило огромный убыток моему карману и отвлекало меня от занятий моей профессией, принося мне много разорения» [38, р. 190]. Но, с другой стороны: «почести Коммуны были полезны мне, поскольку именно по этой причине я стал „Мудрым“ и почти все время пребывал в синдиках (советниках. – И. К.) у Барди, Перуцци, Аччайуоли, Бонаккорси и многих других. И они хорошо платили мне за это, а кроме того, „Мудрые“ получали тогда много хорошо оплачиваемых должностей в Коммуне. Таким образом, вред и разорение, которые терпело мое основное дело, возмещались мне, но не компенсиро-

валось уклонение от него из-за занятий политикой» [38, р. 190; 22, t. II, р. 111]. Донато не мог скрыть своего удовлетворения, за которое он благодарил Бога, поскольку пожизненное звание «Мудрого» избавляло его от беспрестанных тревог, которыми были снedaемы флорентийские граждане по поводу включения в списки для избрания и жеребьевки, предоставляющих доступ к должностям, обсуждения кандидатур в Синьории и возможных отводов, бьющих по честлюбию и репутации.

В первую очередь дипломатом позиционировал себя выдающийся флорентиец Микеле Каstellани в своих записках, озаглавленных «Воспоминания о делах Коммуны» (*Ricordanze di chose di Chomune*) и содержащих копии дипломатических посланий и других документов, выполненные, очевидно, писцом-секретарем. Он упоминал о посольствах, в которых ему довелось участвовать вместе с другими именитыми гражданами: к синьорам Форли, в Мантую и Рим к папе Мартину V (1419, 1421), в Неаполь к королеве Джованне II, к королю Альфонсо Арагонскому. Последнюю миссию в Болонье Микеле Каstellани исполнял в 1424 г., за 5 месяцев до своей кончины [15, р. 59–60].

Несмотря на все сложности и опасности, какие дипломатическая служба доставляла Бонаккорсо Питти, она наполняла его гордостью и тщеславием, позволяя на равных разговаривать с иностранными правителями, обманывать их в интригах, демонстрировать им собственное превосходство, быть причастным к самым важным событиям европейского масштаба [6, с. 73–74]. Бонаккорсо испытывал особый психологический комфорт, когда властители и монархи испытывали в нем потребность. Это наполняло его чувством собственной значимости: «Через некоторое время королева послала за мной и поручила мне, чтобы я воздействовал на Флорентийскую Коммуну, а та бы отправила своих послов к королю Франции для заключения лиги против герцога Миланского (Филиппо Мария Висконти)» [6, с. 69–70]. Питти сосредоточен на блеске и великолепии своих миссий, которые полностью позволяли ему реализовать комплекс тщеславия и собственного превосходства. Пребывая при дворе императора Рупрехта Баварского, он с упоением описывал оказываемую фло-

рентийским послам честь: благосклонность Его величества, прекрасный дом, отведенный им под резиденцию, роскошные обеды. Но в центре повествования находились его персональные заслуги: он приписывал себе спасение императора от возможного покушения, пребывание на равных в кругу самых знатных вельмож, что позволяло Питти чувствовать себя главной пружиной важнейших дел европейской политики. Гордость и преувеличенное самомнение сквозят в описании его попыток покровительствовать императору Рупрехту, предостерегая его против злодейств герцога Миланского: «И впредь он остерегался... и, между прочим, из-за подозрения, которое я внушил ему...» [6, с. 86–88]. Полностью себе Питти приписывал заслугу разоблачения миланского шпиона, которым являлся придворный медик императора. Поиски необходимых для сбора войска сумм Питти представлял как дело спасения императорской чести, о котором венценосец просил его «чуть ли не со слезами на глазах» [6, с. 89]. Передавая речи монарха, к нему обращенные, Б. Питти пересыпал их оборотами: «Ты мне окажешь большую услугу...», «Проси у меня что хочешь... и будет тебе сделано» [6, с. 89–92]. Здесь очень ярко выражен любимый Питти контекст, сопровождающий его общение с монархами: их зависимость от него, нужда в его услугах, уме, образованности и бдительности. Этот контекст определял постоянно употребляемое местоимение «Я», посредством которого себе одному он приписывал все заслуги посольства, игнорируя вклад других посланников коммуны.

Сравнивая нарративы, в которых сами горожане свидетельствуют о своей дипломатической службе, необходимо выделить две особенности. Во-первых, истинная цель миссий, в чем бы она ни заключалась, не то чтобы не отражается в описаниях, но уходит на второй план. Посланники коммуны в автобиографических фрагментах склонны представлять свою деятельность как процесс, доставляющий удовлетворение оказываемыми почестями и общением на равных с сильными мира сего, или чреватый риском и опасностями для жизни. Часто из таких текстов остается неясным конкретный результат их миссии, которая в большей части случаев оказывалась промежуточной, явля-

ясь лишь одним из этапов в длинной серии переговоров и соглашений, на разных фазах передаваемых другим лицам. В 1381 г. Маркьонне ди Коппо Стефани был послан с важной миссией к императору Священной Римской империи, что свидетельствовало о высоком доверии коммуны. Пребывание флорентийских послов при дворе императора продолжалось около 5 месяцев, но соглашение не было достигнуто, поскольку, как утверждал Стефани, послы не имели полномочий распоряжаться деньгами из-за начавшихся во Флоренции политических распрей, и Коммуна не могла передать императору сумму в 30 000 флоринов [18, t. XXX., rubr. 895, p. 389–390]. Затем посольство было отправлено уже в другом составе.

В жизнеописаниях замечательных людей Флоренции прежде всего прославлялись ораторы, большая часть текстов биографий выдающихся граждан была посвящена рассказам о блестящих посольствах к великим мира сего и передаче речей, которые произносились перед папами, императорами, королями и могущественными властителями. Авторами таких жизнеописаний часто являлись потомки, желавшие увековечить славную память о предках [9, p. 315–319].

Своих предков – талантливых дипломатов – прославлял Лоренцо ди Филиппо Строцци, составивший книгу их биографий в 30–40-е гг. XVI в. В этом ряду он поместил Паццино ди мессер Франческо Строцци, известного своими миссиями при папском дворе Григория XI и произведенного понтификом в сенаторы с помещением герба Строцци в Палаццо Капитолия [36, p. 16]. Отмечались дипломатические способности выдающегося горожанина Палла ди Ноффри Строцци, высланного навсегда из Флоренции Козимо Медичи Старшим в 1434 г. Лоренцо Строцци описывал его посольства к королю Неаполя Владиславу, произведшему этого представителя дома Строцци в рыцари (1420), его миссии при папах Мартине V и Евгении IV [36, p. 26–27; p. 45–46]. Биограф фиксировал перипетии дипломатической службы Палла ди мессер Палла Строцци, который в 1424 г. был произведен в рыцари королем Альфонсо Арагонским, но был вынужден некоторое время провести в тюремном заточении в Милане из-за интриг герцога Савойского [36, p. 44–45]. Другого члена своей фамилии –

Нанни (Джованни) Строцци за ведение сложных переговоров с Филиппо Мария Висконти, Лоренцо Строцци оценивал как человека, «ревностно заботящегося о благе и чести отечества, подобного духом римскому изгнаннику Камиллу» [30, р. 53–54], несмотря на неуспех его миссии [37, t. III, р. 156–157].

Члены семейства Сальвиати в своих мемуарах по праву гордились выдающимся дипломатом Якопо Сальвиати, который с 1399 по 1411 г. фигурировал в 16 посольствах. Его посольства далеко не всегда достигали цели, но таланты Якопо на этом поприще в глазах представителей его дома оставались неоспоримыми: они подчеркивали, что его не лишили доверия даже тогда, когда он подверг резкой критике и предлагал отменить позорный с точки зрения истинного гвельфа мир с королем Владиславом (1410) [24, р. 39–40].

Но жизнеописания выдающихся сограждан выходили не только из-под пера родственников и потомков. Со второй половины XIV в. горожане Флоренции стремились воздать честь достойным с их точки зрения соотечественникам. Так, например, Лука делла Роббиа, по всей вероятности, известный скульптор первой четверти XV в. составил жизнеописание своего современника, именитого и уважаемого гражданина Бартоломео Валори, прославляя его дипломатические заслуги в отношениях с королем Владиславом Неаполитанским, папским двором и миланским герцогом. При Неаполитанском дворе, где Бартоломео долго служил, по приказу королевы он был объявлен «дворянином трона», получив древний и самый почетный титул среди апулийской знати. Он был связан дружескими узами с Бальдассаре Косса, который, «став папой, очень ценил нашего мессера Валори и советовался с ним во всех важных случаях» [29, р. 244–245; р. 260–263].

Уже упоминаемый биограф Веспасиано да Бистиччи полагал, что именно в дипломатической сфере проявились самые замечательные качества Аньоло Пандольфини [3, с. 469–470], по достоинству оцененные многими монархами, которые «хорошо знали мессера Аньоло и очень ему доверяли» [12, р. 534]. Он же прославлял братьев Пьеро и Донато Аччайуоли, которые в глазах биографа являлись в первую очередь «достойными дипломатами»: он особенно восхищался

миссией Пьеро Аччайуоли в Риме у папы Пия II, где он «добился у понтифика всего, что нужно было Флорентийской республике». Биограф отмечал «исключительное красноречие» Донато Аччайуоли при исполнении дипломатических поручений Козимо Медичи в Милане: «Он прекрасно дискутировал, имея за плечами едва 24 года, сочетая с душевной твердостью телесную красоту и грациозность манер» [40, р. 336]. Биограф считал великой заслугой самого Козимо Медичи Старшего его службу республике в качестве посла во многих местах, «чем он снискал величайшую честь для нашего города» [11, р. 267–268; р. 292; 27, р. 54]. Особому вниманию, которого удостаивались талантливые ораторы, не приходится удивляться, поскольку изощренная дипломатия для небольшого города-государства являлась основным способом ведения внешней политики.

Рассматриваемые нарративы, несомненно, отражают основные составляющие «этноса» образцового посла; качества, подлежащие наиболее высокой оценке, которые отнюдь не сводились только к достижению цели исполняемых миссий и их успешности. В этом отношении весьма показателен один эпизод политической практики послов, вызвавший значительный резонанс в коммунальном обществе Флоренции.

В 1375–1378 гг. Флоренция, известная своей твердой и постоянной гвельфской позицией, вела с папским престолом войну, воспринимаемую большинством граждан коммуны как своего рода парадокс, «выверт» реальности [33]. В 1376 г. вследствие продовольственного кризиса, вызванного предыдущим недородом и распадом антипапской лиги тосканских городов, которую Флоренция ранее удалось создать, Синьория приняла решение начать мирные переговоры с понтификом. К папскому двору было отправлено посольство в составе именитых и авторитетных граждан Донато Барбадори и Гвидо дель Антелла, которые должны были склонить Григория XI к заключению мира, если не на почетных, то хотя бы на приемлемых для коммуны условиях.

Послам пришлось отвечать на вполне обоснованное обвинение понтифика в том, что гвельфская республика восстала на своего естественного союзника – папский престол. Отстаивая позиции своего города,

флорентийские посланцы прибегли к софистическому казусу, заявляя, что Флоренция в первую очередь является «подданной Священной Римской империи» и поэтому не может признать юрисдикцию Папской курии, граждане – «миряне», и «посему подчинены императорской власти». Высказывание отличалось не только дерзкой наглостью, но также и нелепостью, учитывая демонстрируемые республикой последовательные хотя бы на словах антигибеллинские позиции, но также традиционно-формальный характер признания имперских прерогатив, который выражался лишь в определенных суммах, которыми Флоренция выкупала покой и безопасность с появлением в Италии очередного главы Священной Римской империи. Потрясенный Григорий XI употребил в ответ «сильные выражения», называя аргументы послов «фривольными и глупыми», а флорентинцев – «нечестивыми сынами погибели», «врагами Матери Церкви и христианской республики». Не возражая папе, Донато Барбадори, который и произносил вышеприведенную речь, предпринял символический жест: пал на колени, читая псалмы и призывая Христа и апостолов в свидетели невиновности Флоренции. Д. С. Петерсон весьма остроумно характеризовал это высказывание Барбадори, как «новый флорентийский гибелинизм» [33, р. 191–192]. Миссия, естественно, завершилась полным провалом, и перспектива заключения мира отдалилась для изнемогающей от тягот войны Флоренции в неопределенное будущее.

Отклики соотечественников, в этом случае хронистов и анонимных авторов дневников, содержали оценки, выражающие решительное одобрение послов за смелость и стойкость, проявленные перед папским двором. Удивление вызывает тот факт, что современники не обращали внимания на то, что миссия Барбадори и дель Антелла не достигла успеха. Один из анонимов с удовлетворением констатировал официальную позицию флорентийского правительства: «Сегодня, 22 и 23 октября 1377 г., победило при голосовании в Совете Народа и в Совете Коммуны решение о том, что мессеру Донато Барбадори будут даны определенные отличия: 50 флоринов золотом и право носить оружие в течение всей жизни [22, р. 341]. Другой соотечественник – хронист

Маркьонне ди Коппо Стефани ди Бонайути – представлял Барбадори своего рода эпическим героем: «Мессер Донато – человек свободный, очень мудрый и полезный Коммуне... Был гражданином честным и отважным, и в каждом посольстве вершил для Коммуны большие дела у великих синьоров и тиранов. Отстаивая Коммуну в процессе, возбужденном против нее папой Григорием XI, он ораторствовал возвышенно и непринужденно. Известно, что он доставил папе немало неприятностей, не называя его «Святым Отцом», но обращаясь к нему «мессер» и крича: «Берегитесь, как бы ваши близкие и клиенты не начали бы склонять вас к несправедливым сентенциям... и, ради Бога, не изрекайте таких несправедливых заявлений, как те, что вы уже изrekli!». И проделал он это столь бесстрашно и свободно, что все присутствующие удивились, а папа был поражен этими словами и тем, что мессер Донато столь дерзок. Он же заявлял, что на смерть пойти готов, но не смолчит, когда выносятся несправедливое решение против Коммуны Флоренции... он оправдывал Коммуну и осуждал Папу за его жестокий и противный совести суд» [18, t. XXX, rubr. 827, p. 352; rubr. 836, p. 360]. И в этом случае Стефани оценивал не результаты дипломатической работы посла, но его храбрость и патриотизм в словесной битве с папой, не проявляя ни малейшего интереса к нелепой и извращенной парадоксальности сути его аргументов.

Именно за заслуги в дипломатической деятельности Донато Барбадори, казненный в декабре 1379 г. как участник заговора архигвельфов против режима младших цехов, стал воплощать образ «жертвы тирании» в глазах неизвестного автора «Первой хроники Анонима», который являлся политическим противником режима младших цехов 1378–1382 гг., осудившего Донато на смерть [19, р. 89]. Но и хронист Стефани явно выразил такую же позицию в аннотации, представляющей «плач» по поводу казни Донато Барбадори, несмотря на то что тот состоял в стане его политических врагов – архигвельфов. Маркьонне Стефани считал смертный приговор Барбадори «несправедливостью» [35, rubr. 827, p. 352; rubr. 836, p. 360; 14, р. 117–118], хотя этот хронист разделял ответственность за произошедшее, поскольку входил в состав избранных на ноябрь – де-

кабрь 1379 г. приоров, которые занимались расследованием заговора и утвердили приговор о смертной казни [33, rubr. 823, p. 348].

В оценках авторов хроник и жизнеописаний также отмечаются высказывания, содержащие подобные ментальные стереотипы, в которых воплощался комплекс превосходства граждан флорентийской коммуны перед венценосными особами и могущественными феодальными властителями.

Хронист Маттео Виллани, подробно описывая приход в Италию императора Карла IV в 1354 г., одобрял настойчивое и решительное поведение флорентийских послов на заключительных этапах переговоров, правда, отмечая при этом, что они «были все-таки несколько бесцеремонными». Ведя затянувшиеся переговоры «поздней ночью», флорентийские посланники изводили монарха, требуя письменных клятв по каждому принятому пункту договора. Они «постоянно держали его под подозрением», заставляя волноваться, и, наконец, «ожесточившийся император швырнул жезл, который он держал, на землю, и со злобным видом поклялся громким голосом, приводя множество формул, что еще до того как он выйдет из этой комнаты, своими силами с помощью синьоров Милана и других гибеллинов Италии он разрушит Флоренцию; кричал, что слишком велика гордость коммуны, желающей превзойти Империю. Послы, видя его столь взволнованным... решили пойти на покой, поскольку час был неподобающе поздним» [20, libro IV., cap. 72.]. Утром Карл IV одумался, вспомнив про обещанные коммуной 100 000 золотых флоринов, которые могли уплыть у него из рук, если договор не будет заключен, поэтому «послал за ними и, употребив множество мудрых слов относительно докучливого ночного обсуждения, демонстрируя великую любовь к коммуне Флоренции, щедро соглашался на то, что требовали послы...» [20, libro IV., cap. 72; cap. 83].

В жизнеописаниях выдающихся дипломатов иногда поражает воинствующая дерзость, с какой послы флорентийской республики выражали достоинство и силу своего маленького города-государства перед королевскими особами. В начале XV в. Бартоломео Валори отказал Владиславу Неаполитанскому в заключении лиги с Флоренцией. В ответ на угрозы короля захватить город, он

гордо ответил, «не помедлив и не выказав страха перед королем»: «Коммуна Флоренция побеждала во всех войнах, которые она вела, она найдет силы и теперь защитит свою святую свободу от многих императоров и тиранов...». Владислав в возмущении впал в ярость и начал кричать, что Флоренция не найдет наемных отрядов, поскольку он купил всех кондотьеров. На что мессер Валори самоуверенно заявил: «Горожане атакуют короля своими собственными силами, если он вздумает пойти на них» [29, p. 254–255]. Это заявление выглядело столь нелепым и безрассудным, что биограф вынужден был привести пространные толкования, объясняя, что имел в виду флорентийский посол: «Коммуна Флоренция столь могущественна, а горожане столь рассудительны и доблестны, что переплатят наемным войскам своими деньгами, неустанно заботясь об общем благе». Обычай городских ополчений к этому времени давно ушел в прошлое, и Лука делла Роббиа даже предположить не мог, что флорентийцы сами возьмут оружие в руки [29, p. 271–272]. Здесь снова постулируется исследуемый стереотип оценки, когда внимание автора уделяется эпизоду, никак не способствовавшему успеху миссии Бартоломео Валори. За явно демонстрируемым комплексом превосходства стояло осознание могущества и богатства их республики, которое становилось средством воздействия при столкновении с монархами и властителями.

Примерами таких же героев наполнены записи Джованни Кавальканти. Он повествовал о выходе из очень знатного флорентийского рода Пино делла Тоза (ум. ок. 1337), «человеке очень маленького роста, но смелом и великом духом». Синьору Вероны Мастино делла Скала, к которому он был отправлен с дипломатической миссией (возможно, 1335 г.), он «показался ничтожным внешне», и тот не задумался о том, «что столь достойная республика, как Флоренция, не могла отправить ничтожного человека в посольство такой важности, если бы не была уверена в величии его доблести». В ответ на унижения и оскорбления мессер Пино достойно ответил синьору и вернулся во Флоренцию, убедив, по мнению автора, Синьорию «в необходимости сокрушить синьоров дома делла Скала» [14, p. 194–195; 1, c. 350–351; 1, c. 434–435]. Он пока-

зывал жесты, демонстрирующие гордость и достоинство посла Гвидо дель Паладжо (ум. в 1399), «именитого гражданина не очень высокого происхождения, но украшенного блестящими доблестями» [14, р. 198–199; 13, р. 118–119].

Веспасиано да Бистиччи, характеризуя деяния Аньоло Пандольфини на дипломатическом поприще, в частности, его миссию при дворе правителя Милана Франческо Сфорца, считал главным достоинством флорентийского посланника бесстрашие при высказывании своего мнения, даже если оно расходилось с желанием самого герцога и единодушными решениями его советников: «Стоял мессер Аньоло твердо, подтверждал свое мнение многими доводами; ...он понимал, что действует во благо короля Фердинанда и для общего блага своего города» [12, р. 296].

Таким образом, биографы и хронисты стремились транслировать в качестве высокой оценки посла те высказывания и вербальные формулы, в которых выражался своего рода «кураж», часто доходящий до безрассудной дерзости с риском полного провала важной внешнеполитической миссии. Демонстрация бесстрашия и уверенности в силе и могуществе своего государства, проявляемая в формах, зачастую граничащих с наглостью, оттесняла на второй план достижение конкретной цели переговоров.

Важной составляющей этоса образцового дипломата, хотя и меньше отразившейся на страницах указанных источников, являлись жесты демонстрации неподкупности и бескорыстия. В середине XV в. историк Джованни Кавальканти прославлял «выдающегося флорентийского рыцаря Манно Донати» как образец бескорыстия и чести, не только за его непоколебимую верность синьору Падуи, который призвал его на службу [14, р. 210–211]. Кавальканти утверждал, что даже на своей гробнице в Падуе флорентиец Манно был изображен с лопнувшим мешком под ногами, и с каждой стороны высыпались золотые флорины [14, р. 211; 39, t. 2. VII. 72; XI. 97; 13, р. 156], имея в виду следующий эпизод. Когда синьор Падуи дал ему военные и дипломатические поручения к своим союзникам, веронским Делла Скала, синьор Вероны Мاستино делла Скала, «будучи господином сознательным и благодарным», захотел презентовать мессеру Манно сумку

с огромным количеством флоринов. «Наш рыцарь поблагодарил его словами, полными признательности, и сказал: „Синьор, я не хочу задеть твою честь, хотя меня поражает, что ты пытаешься поступить во вред мне, а равно против величия и достоинства моего синьора, который послал меня в помощь тебе. Он таков, что в состоянии заплатить мне сполна без тебя и твоих денег“» [14, р. 210–211]. Хронист восхищался тем, что в одной короткой фразе флорентийский рыцарь ловко совместил два принципа – верности и бескорыстия. Подобный жест Веспасиано да Бистиччи приписывал Аньоло Аччайуоли, заявляя, что «мессер Аньоло дорожил репутацией человека набожного и бескорыстного, и сохранял верность своим принципам. Когда король Карл VII пожелал ему подарить «великолепный столовый золотой сервиз огромной стоимости, согласился принять только два золотых бокала, остальное отклонил... каковые два бокала видели потом в Милане у герцога Франческо [Сфорца], которому он их подарил» [7, р. 354].

Дипломатическая служба позволяла флорентийским посланникам устанавливать прочные связи с суверенами различного ранга – от королей и императоров до мелких феодальных властителей. «Дружба» флорентийцев, многие из которых были незнатного происхождения, с сильными мира сего оставалась важной составляющей этоса образцового дипломата, но встречала двойственные оценки в высказываниях современников и соотечественников [5, с. 360–380]. Показательным примером в этом отношении являются высказывания, сосредоточившиеся вокруг фигуры выдающегося дипломата Пьеро Пацци, решающим этапом в карьере которого стало участие в посольстве к французскому королю Людовику XI в 1461 г. Об этой миссии сохранился подробный отчет секретаря посольства, подтверждающий сведения Веспасиано да Бистиччи, в котором указано, что король Франции по достоинству оценил прекрасные и убедительные речи мессера Пьеро и в торжественно обстановке почтил его производством в рыцари [25, р. 7–47]: за Пьеро де Пацци послали высокопоставленных лиц, король изволил посвятить его в рыцари в своих покоях [25, р. 26–27; 10, р. 366]. Судя по жизнеописанию Пьеро де Пацци, после этого его неудержимо притягивали королевские дворы. Бистич-

чи писал, что «он имел великую дружбу герцогом Джованни Анжуйским», сын которого гостил у Пьеро де Пацци в доме и крестил его ребенка, тогда как Джованни Анжуйский «нашел в лице мессера Пьеро „ловкого придворного, ибо тот обладал изысканнейшими манерами“, позволявшими ему находиться среди первых лиц герцога [10, р.369 – 371].

Прочные личные связи флорентийских граждан с монархами постоянно использовались в интересах республики и оказывались очень полезными во внешней политике. Но вокруг самих посредников, в данном случае Пьеро Пацци, складывалась атмосфера подозрительности и недоверия. Сограждан, сознание которых было пронизано ценностями республиканского социума, настаивали на аристократических замашках дипломатов, которыми Пьеро де Пацци изумил родной город, вернувшись из Франции [17, I. 3; 34, р. 110–118], ведя образ жизни знатного синьора, приглашая к обеду по 8–10 человек представителей лучших семей города, по два раза в день меняя богатейшие одежды, как и все его домочадцы и свита. «Он как бы породнился со всей Флоренцией», – замечал биограф. При этом Веспасиано де Бистиччи осуждал излишнюю помпезность, нерациональную расточительность и тщеславие Пьеро де Пацци, хотя и восхищался величием (*grandezza*) своего согражданина [10, р.364 – 371]. Эта двойственность восприятия была свойственна сознанию других горожан. В частности, в одном из писем вдова Алессандра Мачинги деи Строцци описывала в письме к своему сыну торжественное возвращение посольства Пьеро Пацци. Ее рассказ исполнен не столько восхищением роскошью и аристократическими претензиями мессера Пьеро, сколько насмешками и некоторым сарказмом в его адрес, а об одном из людей его свиты она насмешливо замечала, что «от гордости он раздувался как пузырь», когда его за успешное выполнение миссии Синьория посвящала в рыцари [28, р. 259–260].

Можно утверждать, что город-государство влиял на создание новых идентичностей, особенно заметных при столкновении с монархами, папским двором, феодальными сюзеренами и могущественными властителями за его пределами, перед лицом которых граждане Флоренции, будь то гранды или попопаны, ощущали себя неким целым,

единым «мы» в противостоянии или диалоге с чуждыми, а иногда и явно враждебными «они». В этих случаях «республиканский дух» в связи с позицией «флорентинизма» часто давал о себе знать комплексом превосходства над сильными мира сего, не напрасно в городе на Арно очень ценились как выдающиеся качества флорентийских послов особая дерзость духа, своеобразный кураж перед властителями, не позволяющий спасовать даже перед самыми могущественными королями, императорами и самим главой христианского мира. В этом случае граждане Флоренции утверждали себя в качестве неотъемлемой части и полномочных представителей флорентийского сообщества и государства, что вовсе не исключало желания получить из рук этого короля или императора рыцарские шпоры, гербы и другие почести и знаки отличия.

Специфика представленных дискурсов, представляющих саморепрезентации своей деятельности и идеальные образы жизнеописаний, не позволяет использовать их как источник точных и достоверных фактов. Объектом исследования в данном случае выступали устойчивые вербальные модели, отражающие социально-культурные и ментальные установки, посредством которых рефлексировались и оценивались внешнеполитические отношения, устанавливаемые с коронованными владыками, римским понтификом и феодальными синьорами. Постулируемый этический комплекс определял поведенческие практики и ритуальные жесты: воинствующее отстаивание могущества и достоинства маленького города-государства даже вопреки успеху миссии, что служило средством внушения уважения к свободной коммуне с республиканскими формами правления. Доблесть посла измерялась его красноречием в демонстрации отважной до безрассудства и нелепости дерзости; его неподкупность и бескорыстие в ритуализированных жестах отказа от вознаграждения и подарков. Менее однозначно оценивалось «величие» послов, проявляющееся в близости и личной дружбе с венценосными персонами – качество, с одной стороны, полезное и необходимое для ведения внешней политики, с другой – настороженно воспринимаемое в социуме с относительно широкими традициями народовластия и выборного коллегиального управления.

Литература

1. Виллани Дж. Новая хроника или история Флоренции / пер., статья и прим. М. А. Юсима. М.: Наука, 1997. 579 с.
2. Краснова И. А. Веллутти // Культура Возрождения. Энциклопедия. Т. I. М.: РОССПЕН, 2007. 863 с.
3. Краснова И. А. Пандольфини // Культура Возрождения. Энциклопедия. Т. II. Кн. 1. М.: РОССПЕН, 2011. 662 с.
4. Краснова И. А. Питти // Культура Возрождения. Энциклопедия. Т. II. Кн. 1. М.: РОССПЕН, 2011. 662 с.
5. Краснова И. А. Флорентийцы у монарших престолов и «неблагодарное отечество» // Власть, индивид, общество в средневековой Европе / отв. ред. Н. А. Хачатурян. М.: Наука, 2008. 598 с.
6. Питти Б. Хроника / пер. с ит. З. В. Гуковской. Статьи и прим. М. А. Гуковского, В. И. Рутенбурга. Л.: Наука, 1972. 248 с.
7. Bisticci V. Commentario della vita di messer Agnolo Acciaiuoli // Archivio Storico Italiano. T. IV. Firenze, 1843.
8. Bisticci V. Commentario della vita di messer Bernardo Giugni // Archivio Storico Italiano. T. IV. Firenze, 1843.
9. Bisticci V. Commentario della vita di messer Lorenzo Ridolfi // Archivio storico italiano. T. IV. Firenze, 1843.
10. Bisticci V. Commentario della vita di messer Piero de' Pazzi // Archivio storico italiano. T. IV. Firenze, 1843.
11. Bisticci V. Vita di Cosimo di Giovanni dei Medici // Bisticci V. Vite degli uomini illustri del secolo XV. Firenze, 1859.
12. Bisticci V. Vita di Agnolo Pandolfini // Bisticci V. Vite degli uomini illustri del secolo XV. Firenze, 1859.
13. Brucker G. Florentine Politics and Society 1343–1378. Princeton, 1962.
14. Cavalcanti G. Trattato politico-morale // Grendler M. The «Trattato politico-morale» of Giovanni Cavalcanti. Geneve, 1973.
15. Ciappelli G. Una famiglia e le sue ricordanze. I Castellani di Firenze nel Tre-Quattrocento. Firenze, 1995.
16. Comissioni di Rinaldo degli Albizzi per il commune di Firenze. T. I–III. Firenze, 1867–1873.
17. Compagni D. Cronica di Dino Compagni delle cose occorrenti ne' tempi suoi. A cura di F. Martini. I. 3. Milano, 1913.
18. Cronaca fiorentina di Marchionne di Coppo Stefani. A cura di N. Rodolico // Rerum italicarum scriptores. Città di Castello, 1903–1913.
19. Cronaca prima d'Anonimo // Il Tumulto dei Ciompi. Cronache e memorie. Ed. G. Scaramella // Rerum Italicarum Scriptores. Firenze, 1903–1913.
20. Cronica di Matteo Villani // Croniche storiche di Giovanni, Matteo e Filippo Villani. Milano, 1846.
21. Della Berardenga C. U. Gli Acciaiuoli di Firenze nella luce dei loro tempi (1160–1834). Firenze, 1962.
22. Diario d'anonimo fiorentino dall'anno 1358 al 1389 // Cronache dei secoli XIII e XIV. Firenze, 1876.
23. Guidi G. Il governo della città-Repubblica di Firenze del primo quattrocento. T. I–III. Firenze, 1981.
24. Hurtubis P. Une famille-témoine. Les Salviati. Città di Vaticano, 1985.
25. Il viaggio ambasciatori fiorentini al re di Francia nel MCCCLXI descritto da Giovanni di Francesco di Neri Cecchi, loro cancelliere // Estrazione dall'Archivio storico italiano. Seria III. T. I. Parte 1. Firenze, 1865.
26. Irace E. Dai ricordi ai memoriali: I libri di famiglia in Umbria tra medioevo ed età moderna // Mordenti R. I libri di famiglia in Italia. II. Geografia e storia. Roma, 2001.
27. Kent D. Dinamica del potere e patronato nella Firenze di Cosimo de' Medici // I ceti dirigenti nella Toscana del Quattrocento. Firenze, 1987.
28. Lettera in Napoli 17/XII 1463 / Macinghi Strozzi A. Lettere. Firenze, 1877.
29. Luca della Robbia. Vita di messer di Bartolommeo di Niccolo di Taldo di Valore Rustichelli // Archivio Storico Italiano. T. IV. Firenze, 1843.
30. Monti A. Les chroniques Florentines de la premiere revolté populaire à la fin de la Commune (1345–1434). T. I–II. Lille, 1983.
31. Mordenti R. Les livres de famille en Italie // Annales. Histoire, Sciences, Sociales. Paris, 2004. № 4.
32. Palla di Nofri Strozzi. Diario // Archivio Storico italiano. Firenze. 1883. XI; 1883, XII; 1884, XIII; 1884, XIV.
33. Peterson D. S. The War of the Eight saints in Florentine Memory and Oblivion // Society and Individual in Renaissance Florence / ed. by W. J. Connell. Berkeley, Los Angeles, London. 2002.
34. Salvemini G. La dignità cavalleresca nel Comune di Firenze e altri scritti. A cura di E. Sestan. Milano, 1972.
35. Stefani M. Cronaca. rubr. 827. P. 352; rubr. 836. p. 360. Cavalcanti G. Trattato politico-morale // Grendler M. The «Trattato politico-morale» of Giovanni Cavalcanti. Geneve, 1973.
36. Strozzi L. Le vite degli uomini illustri della casa Strozzi. A cura di De Salvatore Landi. Firenze, 1892.
37. Strozzi Palla di Nofri. Diario // Archivio Storico Italiano. T. XIII. Firenze, 1884.
38. Velluti D. La cronica domestica scritta tra il 1376 e il 1370. A cura di I. Del Lungo e C. Volpi. Firenze, 1914.
39. Villani M. Cronica di Matteo Villani. Firenze, 1826.
40. Vita di Donato de Acciaiuoli // Bisticci V. Vite degli uomini illustri del secolo XV. Bisticci V. Vite degli uomini illustri del secolo XV. Firenze, 1859.

References

1. Villani Dzh. Novaya khronika ili istoriya Florentsii. Per., stat'ya i prim. M. A. Yusima. (The new chronicle or history of Florence) / trans., article and comment. M. A. Yushima. M.: Nauka, 1997. 579 p.
2. Krasnova I. A. Velluti // Kultura Vozrozhdeniya. Entsiklopediya. T. I. (Krasnova I. A. Velluti // Culture of the Renaissance. Encyclopedia). M.: ROSSPEN, 2007. 863 p.

3. Krasnova I. A. Pandolfini // *Kultura Vozrozhdeniya. Entsiklopediya*. Vol. II. Bk. 1. (Pandolfini // *Culture of the Renaissance. Encyclopedia*). M.: ROSSPEN, 2011. 662 p.
4. Krasnova I. A. Pitti // *Kultur Vozrozhdeniya. Entsiklopediya*. Vol. II. Bk. 1. (Culture of the Renaissance. Encyclopedia). M.: ROSSPEN, 2011. 662 p.
5. Krasnova I. A. Florentiitsy u monarshikh prestolov i «neblagodarnoe otechestvo» (Florentines at the royal thrones and «ungrateful fatherland») // *Vlast', individ, obshchestvo v srednevekovoi Evrope* (Power, the individual and society in medieval Europe) / ed. by N. A. Khachatryan. M.: Nauka, 2008. 598 p.
6. Pitti B. *Khronika* (Chronicle) / trans. by Z. V. Gukovskoi. Notes by M. A. Gukovskogo, V. I. Rutenburga. L.: Nauka, 1972. 248 p.
7. Bisticci V. *Commentario della vita di messer Agnolo Acciaiuoli* (The Commentary of the life of messer Agnolo Acciaiuoli) // *Archivio Storico Italiano*. T. IV. Florence, 1843.
8. Bisticci V. *Commentario della vita di messer Bernardo Giugni* (The Commentary of the life of messer Bernardo Giugni) // *Archivio Storico Italiano*. T. IV. Firenze, 1843.
9. Bisticci V. *Commentario della vita di messer Lorenzo Ridolfi* (The Commentary of the life of messer Lorenzo Ridolfi) // *Archivio storico italiano*. T. IV. Firenze, 1843.
10. Bisticci V. *Commentario della vita di messer Piero de' Pazzi* (The Commentary from the life of messer Piero de' Pazzi) // *Archivio storico italiano*. T. IV. Firenze, 1843 (In Italian).
11. Bisticci V. *Vita di Cosimo di Giovanni dei Medici* (The Life of Cosimo di Giovanni of the Medici) // Bisticci V. *Vite degli uomini illustri del secolo XV*. (Lives of the illustrious men of the XV century). Firenze, 1859.
12. Bisticci V. *Vita di Agnolo Pandolfini* (The Life of Agnolo Pandolfini) // Bisticci V. *Vite degli uomini illustri del secolo XV* (Lives of the illustrious men of the XV century). Firenze, 1859.
13. Brucker G. *Florentine Politics and Society 1343–1378*. Princeton, 1962.
14. Cavalcanti G. *Trattato politico-morale* // Grendler M. The «Trattato politico-morale» of Giovanni Cavalcanti. Geneve, 1973.
15. Ciappelli G. *Una famiglia e le sue ricordanze. I Castellani di Firenze nel Tre-Quattrocento*. (Ciappelli G. A family and its memories. The Castellani family in Florence, in the Three and four hundred). Firenze, 1995.
16. *Comissioni di Rinaldo degli Albizzi per il commune di Firenze*. Vol. I–III. (Commissions of Rinaldo degli Albizzi to the commune of Florence). Firenze, 1867–1873.
17. Compagni D. *Cronica di Dino Compagni delle cose occorrenti ne' tempi suoi*. A cura di F. Martini. I. 3. (Companions D. Chronic Dino Companions of the things required during his times. A cura di F. Martini). Milano, 1913.
18. *Cronaca fiorentina di Marchionne di Coppo Stefani*. A cura di N. Rodolico (The Cronaca fiorentina di Marchionne di Coppo Stefani. Edited by N. Rodolico) // *Rerum italicarum scriptores*. Città di Castello, 1903–1913.
19. *Cronaca prima d'Anonimo* (Chronicle before the Anonymous) // *Il Tumulto dei Ciompi. Cronache e memorie* (The revolt of the Ciompi. The chronicles and memoirs) / ed. G. Scaramella // *Rerum Italicarum Scriptores*. Firenze, 1903–1913.
20. *Cronica di Matteo Villani* (Chronic of Matteo Villani) // *Croniche storiche di Giovanni, Matteo e Filippo Villani* (Chronic historic of Giovanni, Matteo and Filippo Villani). Milano, 1846.
21. Della Berardenga C. U. *Gli Acciaiuoli di Firenze nella luce dei loro tempi (1160–1834)* (The Acciaiuoli in Florence in the light of their times (1160-1834). Firenze, 1962.
22. *Diario d'anonimo fiorentino dall'anno 1358 al 1389* (Personal journal d'anonimo fiorentino, from the year 1358 to the year 1389) // *Cronache dei secoli XIII e XIV*. (The Chronicles of the XIII and XIV centuries). Firenze, 1876.
23. Guidi G. *Il governo della città-Repubblica di Firenze del primo quattrocento* (Guidi G. The government of the city-Republic of Florence of the early fifteenth century). Vol. I–III. Firenze, 1981.
24. Hurtubis P. *Une famille-témoine. Les Salviati* (A family-testifies. The Salviati). Città di Vaticano, 1985.
25. *Il viaggio ambasciatori fiorentini al re di Francia nel MCCCCLXI descritto da Giovanni di Francesco di Neri Cecchi, loro cancelliere* (The travel ambassadors the florentines to the king of France in the MCCCCLXI described by Giovanni Francesco di Neri Cecchi, their chancellor) // *Estrazione dall'Archivio storico italiano* (Extraction from the historical Archive of the Italian). Series III. Vol. I. Part 1. Firenze. 1865.
26. Irace E. *Dai ricordi ai memoriali: I libri di famiglia in Umbria tra medioevo ed età moderna* (From memories to memorial: The family books in Umbria, between the middle ages and the modern age) // Mordenti R. *I libri di famiglia in Italia*. II. Geografia e storia (Mordenti A. family books in Italy. II. Geography and history). Roma, 2001.
27. Kent D. *Dinamica del potere e patronato nella Firenze di Cosimo de' Medici* (Dynamics of power and patronage in the Florence of Cosimo de' Medici) // *I ceti dirigenti nella Toscana del Quattrocento* (Those in positions of leadership in the Tuscany of the Fifteenth century). Firenze, 1987. .
28. *Lettera in Napoli 17/XII 1463* / Macinghi Strozzi A. *Lettere*. (Letter in Naples, 17/XII 1463 / Macinghi Strozzi, A. Letters). Firenze, 1877.
29. Luca della Robbia. *Vita di messer di Bartolommeo di Niccolo di Taldo di Valore Rustichelli* (Luca della Robbia. Life of sir of Bartolommeo di Niccolo di Taldo Value Rustichelli) // *Archivio Storico Italiano*. Vol. IV. Firenze, 1843.
30. Monti A. *Les chroniques Florentines de la premiere revolté populaire à la fin de la Commune (1345–1434)* (The chronicles of Florence of the first rebellious popular at the end of the Common (1345–1434). Vol. I–II. Lille, 1983.
31. Mordenti R. *Les livres de famille en Italie* (Family books in Italy) // *Annales. Histoire, Sciences, Sociales*. Paris, 2004. No. 4.

32. Palla di Nofri Strozzi. Diario (Pall Nofri Strozzi. Diary) // Archivio Storico italiano. Firenze, 1883, XI; 1883, XII; 1884, XIII; 1884, XIV.
33. Peterson D. S. The War of the Eight saints in Florentine Memory and Oblivion // Society and Individual in Renaissance Florence /ed. by W.J. Connell. Berkeley, Los Angeles, London. 2002.
34. Salvemini G. La dignità cavalleresca nel Comune di Firenze e altri scritti (The dignity cavalleresca in the Municipality of Florence and other writings) / ed. by E. Sestan. Milano, 1972.
35. Stefani M. Cronaca fiorentina di Marchionne di Coppo Stefani (The Cronaca fiorentina di Marchionne di Coppo Stefani) // Rerum Italicarum scriptores. (Rerum Italicarum, the divine) / ed. by N. Rodolico. Vol. XXX. Città di Castello, 1903.
36. Strozzi L. Le vite degli uomini illustri della casa Strozzi. The lives of the illustrious men of the house of Strozzi / ed. by De Salvatore Landi. Firenze, 1892.
37. Strozzi Palla di Nofri. Diario (Pall Nofri. Diary) // Archivio Storico Italiano. Vol. XIII. Firenze, 1884.
38. Velluti D. La cronica domestica scritta tra il 1376 e il 1370 (The chronic home written between 1376 and 1370) / ed. by I. Del Lungo and C. Volpi. Firenze, 1914.
39. Villani M. Cronica di Matteo Villani. (VillChronic di Matteo Villani). Firenze, 1826.
40. Vita di Donato de Acciaiuoli (Life of Donato de Acciaiuoli) // Bisticci V. Vite degli uomini illustri del secolo XV. (Lives of the illustrious men of the XV century) Bisticci V. Vite degli uomini illustri del secolo XV (Lives of the illustrious men of the XV century). Firenze, 1859.

УДК 902/904

Т. Г. Кривцова, Л. П. Ермоленко

ИСТОРИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ ПАМЯТНИКОВ БРОНЗОВОГО ВЕКА А. Л. НЕЧИТАЙЛО

В статье рассматриваются вопросы археологического изучения памятников эпохи бронзы А. Л. Нечитайло и ее вклад в исследование памятников майкопской, северокавказской, предкавказской культурно-

исторических общностей и культур Степной Украины.

Ключевые слова: А. Л. Нечитайло, археологические памятники, Верхнее Прикубанье, Предкавказье, Северный Кавказ.

T. G. Krivtsova, L. P. Ermolenko

THE HISTORY OF THE ARCHAEOLOGICAL RESEARCH OF THE BRONZE AGE SITES BY A. L. NECHITAILO

The article discusses the research of archaeological study of the Bronze Age sites by A. L. Nechitailo and her contribution to the research of the monuments of Maikop, North Caucasus and Ciscaucasian cultural and

historical communities and cultures of the Ukrainian Steppe.

Key words: A. L. Nechitailo, archaeological sites, Upper Kuban, Ciscaucasia, North Caucasus.

Появление историографических публикаций в научной литературе, а также проведение научных конференций, посвященных наследию ученых-археологов, закономерно, так как на Ставрополье складывается хорошая традиция изучать творческий путь ученых, жизнь которых неразрывно связана с историей края. В этом всегда видна преемственность и преумножение научного насле-

дия, созданного трудами предшественников, в частности историка-археолога Аннеты Леонидовны Нечитайло. Свою научную деятельность А. Л. Нечитайло (1935–2008 гг.) начала в Ставропольском крае, где в середине XX столетия в ходе активного строительства и хозяйственной деятельности было найдено огромное количество погребений и поселений, относящихся к III–I тыс.

до н. э. Спасение памятников эпохи бронзы для археологической науки стало первостепенной задачей ученых. В этот период были организованы научно-исследовательские и спасательные археологические экспедиции. В 50–60-е гг. XX столетия Анетта Леонидовна руководила рядом таких экспедиций как научный сотрудник Ставропольского краеведческого музея. В 1963 г. ею были проведены раскопки на месте строительства Большого Ставропольского канала, на территории колхоза «Кубанский» в поселке Усть-Джегута (ныне г. Усть-Джегута, Республика Карачаево-Черкесия), где строителями случайно были вскрыты курганы (всего в итоге их оказалось 49). Материалы экспедиции археологами были датированы IV–III тыс. до н. э. Большинство погребений этого памятника относилось ко II тыс. до н. э., к эпохе развитой бронзы, и принадлежало в основном к северокавказской культуре, какакомбной культурной общности. Здесь же были обнаружены 15 курганов майкопской культуры, датируемые III тыс. до н. э. Анетта Леонидовна условно подразделила их на две большие группы [5, с. 135]. Согласно ее выводам, изложенным в совместной статье с Р. М. Мунчаевым «Комплексы майкопской культуры в Усть-Джегутинском могильнике», керамика могильника близка по форме к поздним памятникам майкопской культуры. Кроме того, исходя из погребального инвентаря, курганы второй группы ею были определены как занимающие промежуточное положение между ранними и поздними памятниками данной культуры [5, с. 150]. Значение данного могильника для археологической науки огромно, оно определяется не только тем, что на одном памятнике было открыто несколько комплексов, относящихся к разным периодам майкопской культуры, но и тем, что могильник содержит важные данные, касающиеся проблем генезиса самой культуры в целом.

В 1966 г. А. Л. Нечитайло были проведены спасательные работы у станицы Суворовской. Согласно планам строительства оросительно-обводнительной системы в колхозе «Гигант», сносу подлежали 17 курганов, которые и были ею раскопаны [8, с. 4]. Материалы раскопок крупного курганного могильника, относящегося к культуре эпохи средней бронзы легли в основу монографии «Суворовский курганный могильник» [8].

А. Л. Нечитайло возникновение этого памятника отнесла к началу II тыс. до н. э. и связала с племенами автохтонной северокавказской культуры верхнекубанского варианта. Ученному также удалось выделить группу могил раннего этапа северокавказской культуры, которая отличается вытянутостью костяков. Согласно данным Анетты Леонидовны, в Суворовских курганах находилось 51 погребение верхнекубанского варианта предкавказской культуры. Кроме того, она установила, что для данной группы характерен и свой обряд захоронения, а именно: вытянутое на спине обращенное на юг труположение и погребальный инвентарь в могиле. Появление самих же памятников предкавказской культуры на данной территории, по мнению археолога, связано с продвижением племен с территории Восточного Маньча. Таким образом, А. Л. Нечитайло пришла к выводу о сосуществовании двух самостоятельных групп памятников северокавказской и предкавказской культур. Их взаимодействие, а не смешение было отмечено А. Л. Нечитайло в материалах погребальных памятников и нашло соответствующее освещение в монографии [8, с. 82–83].

В 1969 г. Анетта Леонидовна переехала на Украину, где поступила в аспирантуру Института археологии АН УССР по специальности «Первобытная археология». В 1973 г. она защитила кандидатскую диссертацию на тему «Верхнее Прикубанье в эпоху Средней Бронзы», а затем написала монографию «Верхнее Прикубанье в Бронзовом веке» [6, с. 151]. В основу исследования Анеттой Леонидовной были положены материалы, обнаруженные ею в ходе многолетних археологических раскопок, в результате которых были получены данные, характеризующие погребальный обряд и сами культуры племен эпохи бронзы Верхнего Прикубанья [6, с. 5]. Большинство памятников, упоминаемых в этой работе, были впервые введены в научный оборот. Кроме того, в работе значительное место было отведено вопросам периодизации и хронологии культур эпохи бронзы.

Наиболее древними курганами на территории Верхнего Прикубанья являются памятники майкопской культуры. К 1978 г. А. Л. Нечитайло удалось исследовать близ станицы Усть-Джегутинской 26 курганов, содержащих майкопские погребения. Во всех случаях они были основными, что дало возможность го-

ворить о целом могильном комплексе. Частично материалы о данном памятнике были изложены и опубликованы в совместной с Р. М. Мунчаевым статье А. Л. Нечитайло, упомянутой выше, однако в своей работе Анетта Леонидовна изложила материал с существенными дополнениями, что позволило выделить раннюю и более позднюю группу погребений майкопской культуры.

Относительно других культур бронзового века А. Л. Нечитайло выделяет самый большой пласт погребений Верхнего Прикубанья – северокавказский. Общее количество памятников, по ее данным, составляет 220 единиц. Сегодня эта цифра заметно выросла – одной только группы вытянутых погребений в Прикубанье насчитывается более 150 единиц, кроме того, А. Н. Гей выделил особую Новотиторовскую культуру, доминирующую в данном регионе [1].

Однако следует отметить, что до исследований, проведенных А. Л. Нечитайло, северокавказская культура Верхнего Прикубанья была известна лишь по случайным находкам. Накопленный археологический материал позволил ей уточнить ряд вопросов, в том числе проблему погребального обряда и периодизацию самих памятников данной культуры.

Несомненно, помимо памятников периода ранней бронзы, территория Верхнего Прикубанья богата археологическим материалом периода средней (развитой) бронзы. Достаточно подробно в своем исследовании Анетта Леонидовна останавливается и на памятниках Предкавказской (катакомбной) культурно-исторической общности. В одном из могильников Верхнего Прикубанья, а именно в Холоднородниковском, таких погребений оказалось восемь [6, с. 107]. Кроме того, А. Л. Нечитайло подтверждала сложившееся в последние годы в археологии мнение о том, что маркером этой культуры является своеобразный погребальный обряд: вытянутое на спине и имеющее южную ориентацию трупоположение, а также существование обычая сопровождать умершего особой ритуальной посудой, преимущественно курильницами; в погребении курильница могла быть как одна, так и несколько. Разумеется, о функциональном назначении подобного предмета ведутся оживленные споры. Одни ученые полагают, что этот предмет имел некий вативный смысл, другие, в том числе и Анетта Леонидовна, считают, что курильницы служили

человеку для совершения некоего обряда. Так как большинство курильниц, найденных ею в могильниках Верхнего Прикубанья, содержали древесный уголь, то это дало возможность археологу предположить, что сами эти сосуды вносились в катакомбы в горячем виде, а в имевшееся боковое отверстие помещали различные травы [6, с. 117]. В некоторых погребениях курильницы замещали жаровнями. Первую классификацию предкавказских курильниц дала А. А. Иерусалимская [2, с. 45], разделив их на три формы. С этими выводами была не согласна А. Л. Нечитайло, которая считала, что на основании лишь типологического анализа не совсем верно строить ряд той или иной керамики, тем более ритуальной, и выделила четыре типа, явно отличающиеся от типов курильниц, предложенных ранее [6, с. 126].

Интересен также и современный взгляд на эту проблему. Н. В. Панасюк на основе морфологических и орнаментальных признаков была предложена классификация, в которой было выделено 12 типов курильниц с подтипами [9, с. 7]. Опираясь на материалы, собранные в результате раскопок на территории Верхнего Прикубанья, А. Л. Нечитайло выделила особую локальную группу памятников верхнекубанского варианта предкавказской культуры [6, с. 132]. Данные выводы Анетты Леонидовны подтверждаются и современными исследованиями проведенными А. А. Клещенко [3] и Н. В. Панасюк [4]. Кроме того, А. А. Клещенко выделяет особый вариант культуры этого региона – суроворовскую культуру [3].

На протяжении почти 35 лет А. Л. Нечитайло работала над темой «Связи населения степной Украины и Северного Кавказа». За это время было ею выпущено свыше 50 научных статей и монография «Связи населения Степной Украины и Северного Кавказа в эпоху бронзы» [7, с. 116]. Несомненным результатом ее научных изысканий по данной проблематике стала докторская диссертация, защищенная в 1994 г. в Киеве. В основу своего исследования А. Л. Нечитайло положила материалы о находках из погребальных и поселенческих памятников не только Северного Кавказа, но и Степной Украины. Большинство материалов было опубликовано впервые, что позволило уточнить ряд спорных вопросов, показать связь памятников новоданиловского типа с памятниками

Предкавказья эпохи энеолита и значимость этих связей для каждого из регионов. В своем исследовании Анетта Леонидовна подчеркивает, что при сходной деятельности на ранних этапах бронзового века представители каждой из этих областей сами создавали потребности в контактах. Налаживание прочных меновых отношений с районами месторождений металлов приводило к быстрому развитию этих регионов, что, в свою очередь, вело к дальнейшей дифференциации хозяйства и способствовало интенсификации взаимных контактов [7, с. 19].

Кроме того, в этой работе впервые раскрываются особенности определенного сходства культур, существовавших на территории Причерноморья в эпоху бронзы. Это единство можно рассматривать на примере суворовской, предкавказской и новоданиловской группы памятников. Все это, несомненно, давало возможность для развития культурных связей, как в рамках самих племен, так и между населением Кавказа и Балкан. Помимо этого, в работе были приведены факты, свидетельствующие о контактах племен Кавказа и Украины посредством обмена керамикой, которая сама по себе является массовым материалом. Она также была связана с традициями племен, создавших ее. Начиная еще с эпохи ранней бронзы керамика становится предметом «импорта» в районы Степной Украины. В своем исследовании А. Л. Нечитайло сравнивает несколько памятников, в том числе и Михайловское поселение Херсонской области, где было найдены сосуды, которые по форме, составу самой глины, проработке деталей соответствуют ранней майкопской керамике [7, с. 23].

На сегодняшний день еще не написано исследования, которое могло бы опровергнуть выводы Анетты Леонидовны, содержащиеся в работе «Связи населения Степной Украины и Северного Кавказа в эпоху бронзы». В ней она рассматривала контакты населения в динамике, деля их на три этапа.

Для самого раннего были характерны связи, основанные на обмене. Как полагала А. Л. Нечитайло, для осуществления контактов необходимы были условия, которые сложились в IV тыс. до н. э., когда происходило освоение степей и формировались скотоводческие племена. За счет того что скотоводческие племена постоянно нуждались в новых землях, все это в конечном итоге по-

зволило сформировать культурные и экономические связи степных племен Украины с кавказскими племенами [7, с. 103].

Затем наступил следующий период, характеризующийся сложными двусторонними связями. Все это определяется предметами не только проникающих на территорию Украины с Кавказа, но и появлением степных элементов в майкопской среде. К ним относятся прежде всего традиции, выраженные в погребальном обряде и веревочной орнаментации кавказской керамики. Особое значение приобретает то обстоятельство, что на территории степной Украины появилось подражание кавказским «импортным» изделиям, а это, несомненно, служит показателем стабильности этих связей.

В период средней бронзы наступил третий этап развития контактов этих регионов. Технологии, которые осваивают племена степной Украины, имели высокий уровень. Примерами могут служить колонтаевские топоры, обладающие существенными отличиями, но выполненные по типу кавказских [7, с. 104]. Таким образом, можно сказать о том, что А. Л. Нечитайло в своем исследовании рассматривала не только сами связи между степной Украиной и Кавказом, но и наблюдала изменения, происходившие в динамике этих взаимоотношений и способствующие взаимному обогащению культур этих двух регионов.

Обобщая вышеизложенное, необходимо отметить огромный вклад доктора исторических наук, старшего научного сотрудника Института археологии РАН А. Л. Нечитайло в изучение памятников майкопской, северокавказской, предкавказской культурно-исторических общностей и культур Степной Украины. Анетта Леонидовна не просто систематизировала археологические находки, определив их принадлежность к той или иной эпохе, а коснулась проблем генезиса самих культур на разных территориях Северного Кавказа и Степной Украины. А. Л. Нечитайло сложилась не только как выдающийся ученый, труженик науки, оставивший яркий след в истории науки и культуры края, но и как замечательная личность, мудрый наставник и педагог с огромной эрудицией. Ее работы не утратили своей актуальности, научного значения и сегодня, они долгое время останутся ценным источником по археологии Северного Кавказа эпохи бронзы.

Литература

1. Гей А. Н. Новотиторовская культура. М.: Старый сад, 2000. 224 с.
2. Иерусалимская А. А. Курильницы бронзового века из предкавказских степей в собрании Эрмитажа // Сообщения Государственного Эрмитажа. Выпуск 12. 1957. С. 45–47.
3. Клещенко А. А. Суворовская катакомбная культура: предварительная характеристика // Краткие сообщения Института археологии. Выпуск 228. 2013. С. 171–190.
4. Клещенко А. А., Панасюк Н. В. Катакомбные памятники предгорной зоны Северного Кавказа // Древние культуры кавказского Причерноморья, их взаимодействие с культурами соседних регионов. Сохранение культурного наследия. Сухум: [б. и.], 2006. С. 189–192.
5. Мунчаев Р. М., Нечитайло А. Л. Комплексы майкопской культуры в Усть-Джегутинском могильнике // Советская археология. 1966. № 3. С. 133–152.
6. Нечитайло А. Л. Верхнее Прикубанье в Бронзовом веке. Киев: Наукова Думка, 1978. 152 с.
7. Нечитайло А. Л. Связи населения степной Украины и Северного Кавказа в эпоху бронзы. Киев: Наукова Думка, 1991. 115 с.
8. Нечитайло А. Л. Суворовский курганный могильник. Киев: Наукова Думка, 1979. 174 с.
9. Панасюк Н. А. Курильницы катакомбных культур Предкавказья: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.: Институт археологии РАН, 2015. 25 с.

References

1. Gei A. N. Novotitorovskaya kul'tura (Novotitorovskaya culture). M.: Staryi sad, 2000. 224 p.
2. Ierusalimskaya A. A. Kuril'nitsy bronzovogo veka iz predkavkazskikh stepei v sobranii Ermitazha (Cassolettes from Ciscaucasian steppes of the Bronze Age in the Hermitage collection) // Soobshcheniya Gosudarstvennogo Ermitazha. 1957. No. 12. P. 45–47.
3. Kleshchenko A. A. Suvorovskaya katakombnaya kul'tura: predvaritel'naya kharakteristika (Suvorov Catacomb culture: preliminary characterization) // Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii. 2013. No. 228. P. 171–190.
4. Kleshchenko A. A., Panasyuk N. V. Katakombnye pamyatniki predgornoi zony Severnogo Kavkaza (Catacomb monuments of the North Caucasus foothill zone) // Drevnie kul'tury kavkazskogo Prichernomor'ya, ikh vzaimodeistvie s kul'turami sosednikh regionov. Sokhranenie kul'turnogo naslediya (The ancient culture of the Caucasian Black Sea coast, their interaction with the neighboring regions cultures. Collection of cultural heritage). Sukhum: [b. i.], 2006. P. 189–192.
5. Munchaev R. M., Nechitailo A. L. Kompleksy maikopskoi kul'tury v Ust'-Dzhegutinskom mogil'nike (Complexes of the Maikop culture in Ust-Dzhegutinsk cemetery) // Sovetskaya arkheologiya. 1966. No. 3. P. 133–152.
6. Nechitailo A. L. Verkhnee Prikuban'e v Bronzovom veke (Upper Kuban region in the Bronze Age). Kiev: Naukova Dumka, 1978. 152 p.
7. Nechitailo A. L. Svyazi naseleniya stepnoi Ukrainy i Severnogo Kavkaza v epokhu bronzy (Contacts of population of steppe Ukraine and the North Caucasus in the Bronze Age). Kiev: Naukova Dumka, 1991. 115 p.
8. Nechitailo A. L. Suvorovskii kurgannyi mogil'nik (Suvorov burial mound). Kiev: Naukova Dumka, 1979. 174 p.
9. Panasyuk N. A. Kuril'nitsy katakombnykh kul'tur Predkavkaz'ya (Cassolettes of Ciscaucasia catacomb cultures): avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. M.: IARAS, 2015. 25 p.

УДК 93

С. Н. Ляпустин

**ОБ ИСТОРИИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ТАМОЖЕННЫХ ОРГАНОВ
С ПОЛИЦИЕЙ В БОРЬБЕ С КОНТРАБАНДОЙ
НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ РОССИИ**

В статье рассматриваются вопросы истории взаимодействия таможенных органов и полиции в борьбе с контрабандой. Особое внимание уделяется практике привлечения полиции к совместной работе на таможенной границе и в составе таможенных надзоров в приграничных городах Дальневосточной Республики. В статье затронуты вопросы взаимодействия, в том числе с использованием возможностей агентурного аппарата, в борь-

бе с контрабандой биоресурсов. Автор опирается на документы, находящиеся в Государственном архиве Российской Федерации, Российском государственном историческом архиве Дальнего Востока.

Ключевые слова: история Дальнего Востока, таможенные учреждения, полиция, взаимодействие, Гражданская война, борьба с контрабандой, Дальневосточная Республика.

S. N. Lyapustin

**ON THE HISTORY OF CUSTOMS AGENCIES AND POLICE INTERACTION
IN TACKLING SMUGGLING IN THE FAR EAST OF RUSSIA**

The article discusses the history of interaction between customs authorities and the police in tackling smuggling. Special attention is paid to the practice of bringing police to work together at the customs border and the customs supervision in border cities of the Far Eastern Republic. The article touches upon the issues of interaction including using the capabilities of

the intelligence apparatus in the fight against biological resources smuggling. The author refers to the documents in the State archive of the Russian Federation and the Russian state historical archive of the Far East.

Key words: history of Far East customs office, police, collaboration, civil war, smuggling, the Far Eastern Republic.

Исследования, проводимые в последние годы историками различных силовых ведомств, в том числе и Министерства внутренних дел, свидетельствуют о тесном взаимодействии различных подразделений таможен и полиции (милиции) в борьбе с контрабандой на Дальнем Востоке, зародившемся ещё в начале XX века. Так, например, в совместном труде историков таможенных органов, полиции и пограничной службы ФСБ «Дальневосточная контрабанда как историческое явление» [6, с. 257–279], профессор Н. А. Шабельникова подробно описывает как в 20-е гг. прошлого столетия дальневосточная милиция осуществляла дознание и оказывала содействие таможенным учреждениям в борьбе с контрабандой, в том числе с контрабандой биоресурсов. Вместе с тем специальных исследований вопросов

взаимодействия таможни и полиции в первой четверти XX века в борьбе с контрабандой не проводилось. Автор в данной статье предпринимает попытку раскрыть особенности взаимодействия таможни и полиции после 1917 г., впервые вводит в научный оборот сведения об участии полицейских в борьбе с контрабандой в составе таможенных надзоров на российско-китайской границе, раскрывает порядок взаимодействия таможни и полиции в ходе привлечения к ответственности лиц виновных в контрабанде.

В годы Гражданской войны и иностранной интервенции на Дальнем Востоке обстановка на российско-китайской границе и тихоокеанском побережье была очень сложной. Документы Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ), Российского государственного исторического

архива Дальнего Востока (РГИА ДВ), других архивов свидетельствуют, что на тех участках границы, где сохранялись таможенные учреждения борьба с контрабандой, и в первую очередь вывозной, независимо от существовавшей власти, не прекращалась. Существенной проблемой для таможенных учреждений того времени была малочисленность, в связи с чем таможня нередко обращалась за содействием к милиции.

Автору посчастливилось ознакомиться с документами, отложившимися в ГАРФ Фонде Р-4531 «Управление Владивостокской городской милиции», позволяющими установить алгоритм взаимодействия таможни и милиции при задержании контрабандистов. Из переписки контролера Владивостокской таможни с начальником портовой части Владивостокской городской милиции в 1918–1919 гг. следует, что при выявлении и пресечении контрабанды Владивостокская таможня при содействии Владивостокской городской милиции привлекала виновных к ответственности, для чего задержанное таможней за контрабанду виновное лицо препровождалось в милицию. Виновное лицо при сопровождении таможенника доставлялось и передавалось в отделение портовой милиции на основании письменного отношения. Виновный в контрабанде содержался под стражей в доме арестов до распоряжения мирового судьи. О задержании и помещении под стражу начальник милиции (помощником) издавал постановление, о чем сообщалось виновному в контрабанде и уведомлялся прокурор по г. Владивостоку. После взыскания указанной таможней суммы и уплаты контрабандной пени виновный освобождался. Непосредственно взыскивал и вносил контрабандную пеню во Владивостокскую таможню представитель милиции. Для представления материалов в суд таможня запрашивала у милиции опись имущества с указанием его оценочной стоимости, которой будет обеспечено денежное взыскание, причитающееся с обвиняемого. В ответ управление милиции давало предписание начальнику участка исполнить запрос Владивостокской таможни в течение суток [1; 2, л. 53; 3, л. 16, л. 133].

Компенсируя свою малочисленность, таможенные учреждения нередко в те годы выполняли таможенные задачи во взаимодействии полицией (милицией). В качестве

примера, можно привести донесение Уполномоченного Временного правительства Дальнего Востока Приморской областной земской управы по Ольгинскому уезду А. Палажия, в котором сообщалось, что 23 ноября 1920 г. досмотр парохода «Тунгус» проводился силами двух таможенных досмотрщиков Князева и Кривчук и начальника местной участковой милиции Иванова с двумя милиционерами Корсиковым и Михалевичем. Попытка уполномоченного вмешаться в процесс досмотра и заявить о своих полномочиях на досматриваемом судне едва не закончилась перестрелкой между таможенниками, поддерживаемыми милиционерами с одной стороны и уполномоченным Временного правительства с другой стороны [4, л. 8].

Практика привлечения представителей милиции к решению задач таможенного дела осуществлялась и в последующие годы. В 1923 г. с целью усиления борьбы с контрабандой, в связи с малочисленностью вызванной ограниченным штатом, Управляющий Благовещенской таможней обращался к Начальнику управления рабоче-крестьянской милицией об откомандировании в городскую таможню надзор сотрудников милиции для участия в работе надзора [10, л. 123].

В начале 20-х годов в приграничных городах Дальневосточной Республики (ДВР) были созданы таможенные надзоры по борьбе с контрабандой. Руководство указанными таможенными надзорами возлагалось на представителей таможенных учреждений. На внутреннем рынке решение задач по борьбе с контрабандой в приграничных городах возлагалось на городские таможенные надзоры по борьбе с контрабандой, с привлечением органов Главного политического управления (ГПУ) и милиции для оказания помощи таможенным учреждениям. Городские таможенные надзоры по борьбе с контрабандой были созданы в г. Чите, Зее, Верхнеудинске, Благовещенске, Хабаровске, Владивостоке. В отдельных случаях создавались таможенные надзоры в приграничных поселках.

Особую озабоченность у региональных властей и таможенных учреждений вызывало состояние дел на российско-китайской границе. Контрабандный вывоз пушнины, леса, рыбы и других ценных биоресурсов на данном направлении принял массовый

характер. В те годы успешность борьбы с контрабандой нередко зависела от проводимых совместных мероприятий таможенными учреждениями и подразделениями милиции.

Нельзя сказать, что при взаимодействии все было благополучно и взаимодействующие стороны понимали друг друга с полуслова. Так, например, в 1922 г. таможенные органы столкнулись с непростой ситуацией, вызванной превышением своих полномочий сотрудниками милиции. Сохранившиеся документы показывают, что в феврале – марте 1922 г. районные и городские органы милиции Дальневосточной Республики активно стали задерживать на внутреннем рынке товары по подозрению их в контрабандном происхождении. Основанием для усиления активности послужили распоряжения, поступавшие в районные и городские органы милиции непосредственно от Главного Инспектора милиции ДВР. В письме министра финансов и зав. Управлением таможенных сборов на имя министра МВД указывалось, что «подобное распоряжение, фактически изъеющее дела о контрабанде из ведения таможенных и судебных учреждений, является превышением власти и не может быть терпимым» [11, л. 31об.]. Как следует из переписки Министерства финансов и МВД ДВР, нарушения милицией процессуальных действий при задержании контрабандных товаров носили не единичный характер, что послужило основанием для многочисленных жалоб населения в Министерство финансов и даже Министерство иностранных дел. В частности, нередко при проведении облав на рынках с целью выявления контрабандного товара сотрудниками милиции при задержании не оформлялись протоколы, а если и оформлялись, то с грубыми нарушениями, не опрашивались свидетели и т. д. и т. п., что являлось с точки зрения таможенных руководителей совершенно недопустимым [11, л. 13].

Обращаясь к министру Внутренних дел, министр финансов ДВР и заведующий управлением таможенных сборов требовали разъяснить сотрудникам милиции (речь шла о Верхнеудинской милиции. – Прим. авт.) законный порядок задержания контрабанды и производства об этом дел, а также принять меры к устранению подобных нарушений в будущем» [11, л. 15об.]. В то же время необходимо заметить, что периодически возникавшие проблемы в вопросах выявления и

пресечения контрабанды между таможней и милицией, как правило, решались в рабочем порядке положительно.

При выявлении контрабанды особо ценных биоресурсов таможенные учреждения и милиция активно применяла возможности агентурного аппарата. Вместе с тем в отечественной историографии принято считать, что в 20-е г. XX столетия субъектами оперативно-разыскной деятельности были органы ВЧК-ГПУ при Народном комиссариате внутренних дел РСФСР – ОГПУ при Совете Народных Комиссаров СССР и оперативно-разыскные подразделения рабоче-крестьянской милиции НКВД и нигде не упоминается, что субъектами оперативно-разыскной деятельности (ОРД) также являлись учреждения Таможенного управления Народного комиссариата внешней торговли (НКВТ). Кстати, в 2012 г. в Российской таможенной академии был подготовлен и издан учебник «Основы оперативно-разыскной деятельности», в котором констатируется, что с начала 1919 г. по 1994 г. ОРД в таможенной сфере осуществляли только органы безопасности и пограничные войска. Авторы учебника указывают, что особенностью борьбы с контрабандой являлось то, что к использованию агентов прибегали офицеры Пограничной таможенной стражи (в последующем – Отдельного корпуса пограничной стражи, пограничных войск), но не собственно сотрудники таможенных органов, вплоть до 1994 г. [8, с. 8.].

Документы, хранящиеся в отечественных государственных архивах, свидетельствуют о том, что таможенными органами возможности агентурного аппарата в борьбе с контрабандой использовались после революции 1917 г. вплоть до 1927 г. 4 мая 1923 г. в Москве прошло заседание Центральной комиссии по борьбе с контрабандой, на котором присутствовали представители НКВТ, ГПУ, Народного комиссариата финансов (НКФ) и таможенного управления. Органы безопасности предоставлял И. С. Уншлихт, заместитель председателя ВЧК-ГПУ, представителем таможенных структур был А. И. Потяев, начальник Главного таможенного управления с 1922 по 1927 гг. Он же руководил Центральной комиссией по борьбе с контрабандой. Сохранился протокол этого заседания.

Материалы протокола хранятся в Российском государственном архиве экономики

(РГАЭ) «Протоколы заседаний Центральной комиссии по борьбе с контрабандой (май 1923 – июль 1923)». Есть необходимость привести текст этого протокола: «Слушали: О сокращении оперативных функций таможенного управления и запрещении таможенному ведомству секретной агентуры. Постановили: Признать необходимым сосредоточение агентуры по борьбе с контрабандой в органах ГПУ. Однако в данный момент признать несвоевременным запрещение пользоваться таможенным учреждениям секретной агентурой, за исключением закордонной, которой категорически воспретить. В пределах семиверстной полосы (за исключением территории таможенных учреждений) борьбу с контрабандой ведут органы ГПУ, и таможенные учреждения могут оперировать только по соглашению с органами ГПУ» [7, л. 1].

Данный текст протокола заседания Центральной комиссии по борьбе с контрабандой от 4 мая 1923 г. свидетельствует: во-первых, таможенные учреждения в период с 1917 по 1923 гг. обладали собственным зарубежным и внутренним агентурным аппаратом; во-вторых, запрещение пользоваться таможенным учреждениям собственной «секретной агентурой», за исключением зарубежной, признавалось несвоевременным и, следовательно, запрета на его использование таможням в 20-е гг. не было; в-третьих, решением Центральной комиссии по борьбе с контрабандой таможенным учреждениям было разрешено применять возможности агентурного аппарата в зоне деятельности таможни, в пределах же семиверстной полосы таможенным учреждениям разрешалось вести агентурную работу – «оперировать» – только по соглашению с органами ГПУ.

Необходимо заметить, что документы, хранящиеся в дальневосточных архивах, свидетельствуют о применении в борьбе с контрабандой в ходе реализации как информации, поступающей от агентурного аппарата таможенных учреждений, так и оперативных материалов о готовящихся случаях контрабанды, поступающих от агентурного аппарата милиции и органов ОГПУ. В Государственном архиве Хабаровского края (ГАХК) хранится Протокол заседания Дальневосточной Краевой Комиссии по борьбе с контрабандой от 13 декабря 1926 г.

№ 15, на котором председательствующим был начальник Дальневосточного таможенного округа А. К. Флегонтов. В протоколе отмечается что, в ходе заслушивания вопроса «О борьбе с контрабандной утечкой пушнины» члены Комиссии постановили: с целью прекращения контрабанды пушнины необходимо провести ряд мероприятий, в том числе таможенным ведомствам, милиции и органам ОГПУ, «усилить наблюдение за недопущением контрабандного вывоза пушнины за границу, причем при наличии агентурных данных о заготовках частными заготовителями пушнины с намерением контрабандного её вывоза за границу, в целях предотвращения этого, при наличии обоснованного агентурными данными подозрения о совершающемся покушении на контрабанду, дела о таких задержаниях срочно направлять в таможни по принадлежности для привлечения ответственности за контрабанду» [7, л. 19].

Необходимо отметить, что опыт взаимодействия таможенных органов и полиции в 20-е гг. прошлого столетия не только на Дальнем Востоке, но и в целом по России, заслуживает отдельного изучения.

В настоящее время во исполнение Федерального Закона «О полиции» полиция при осуществлении своей деятельности взаимодействует с другими правоохранительными органами, государственными и муниципальными органами, общественными объединениями, организациями и гражданами. Аналогичные задачи стоят и перед Федеральной таможенной службой России. Особого внимания заслуживает совместная работа по выявлению и пресечению контрабанды стратегически важных ресурсов фауны и флоры, ответственность за которую предусмотрена ст. 226.1 УК РФ.

Целями взаимодействия территориальных органов ФТС России и МВД России в области сохранения биоресурсов на трансграничном направлении являются: борьба с контрабандным вывозом отечественных биоресурсов, относящихся к категории стратегически важных сырьевых товаров; сохранение редких и исчезающих видов диких животных и растений в Российской Федерации и Евразийском экономическом союзе; охрана окружающей природной среды; соблюдение международных обязательств, принятых на себя российской стороной в отношении международной

торговли видами дикой фауны и флоры, находящимися на грани исчезновения.

Применяются самые разнообразные формы реализации различных видов взаимодействия на данном направлении. Среди них наиболее распространенными являются: осуществление рабочих встреч с целью выработки совместной стратегии и тактики в деле выявления и пресечения незаконного оборота объектов дикой фауны и флоры; обмен оперативной и долгосрочной информацией, представляющей взаимный интерес в установленном порядке; совместная разработка и проведение совместных оперативных мероприятий по пресечению незаконного оборота объектов дикой фауны и флоры; создание и работа совместных координационных советов; совместный анализ и профилактическая деятельность по выявлению и пресечению незаконного оборота объектов дикой фауны и флоры.

За последние пять лет представителями МВД и ФТС ежегодно проводились различные совместные оперативно-профилактические мероприятия, в которых принимали активное участие иные правоохранительные и природоохранные органы. В 2010 г. при координирующей роли ГУ МВД РФ по Дальневосточному федеральному округу во взаимодействии с органами ФСБ России, пограничной и таможенной службами на территории Хабаровского, Приморского и Камчатского краев, на территории Сахалинской области проводилась крупномасштабная межведомственная оперативно-профилактическая операция «Барьер». Ежегодно на Дальнем Востоке проводится оперативно-профилактическая

операция «Путина», «Путина-осетр». В ходе проведения ежегодной спецоперации «Путина-осетр» сотрудники оперативно-разыскного отдела Хабаровской таможни совместно с сотрудниками полиции Хабаровского края, сотрудниками регионального управления ФСБ, пограничниками пресекают незаконный оборот ценных биоресурсов. Главная цель этих операций – противодействие посягательствам на объекты рыбного промысла, выявление преступлений и правонарушений, совершаемых в сфере оборота водных биоресурсов. Ежегодно на Дальнем Востоке проводится совместная оперативно-профилактическая операция «Восток». С 2013 г. по линии Интрепола проводится спецоперация «Paws» – «Лапы» в этом году в данной операции принимают участие и таможенные органы [7, с. 28–34].

Важность работы на данном направлении подтверждают результаты совместной работы таможенных органов и полиции в Приморском крае. В августе 2012 г. в ходе совместной операции ОБООВК ДВОТ И УБЭП УМВД по Приморскому краю в г. Арсеньеве были выявлены и задержаны подготовленные к контрабандному вывозу 8 шкур тигра, 8 желчных пузырей медведя, несколько десятков шкур различных животных и 230 экземпляров корня женьшеня.

Таким образом, исторический опыт взаимодействия таможни и полиции показывает, что перспективность и эффективность работы по борьбе с контрабандой биоресурсов несомненно зависит и от успешного взаимодействия ФТС России и МВД России.

Литература

1. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 4531. Оп. 1. Д. 83.
2. ГАРФ. Ф. 4531. Оп. 1. Д. 84.
3. ГАРФ. Ф. 4531. Оп. 1. Д. 216.
4. ГАРФ. Ф. Р-3751. Оп. 1. Д. 1.
5. Государственный архив Хабаровского края. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 65.
6. Дальневосточная контрабанда как историческое явление / Н. А. Беляева, С. Н. Ляпустин, А. В. Попенко и др. Владивосток: РИО ВФ РТА, 2010. 293 с.
7. Ляпустин С. Н. Фоменко П. В. Незаконный оборот объектов фауны и флоры и борьба с браконьерством и контрабандой на Дальнем Востоке России (2009 – 2014 гг.). Владивосток: Апельсин, 2015. 94 с.
8. Основы оперативно-розыскной деятельности / под ред. А. Ю. Шумилова, Н. Е. Симонова М.: Российская таможенная академия, 2012. 240 с.
9. Российский государственный архив экономики. Ф. 413 Оп. 11 Д. 210.
10. Российский государственный исторический архив Дальнего Востока (далее – РГИА ДВ). Ф. Р-1842. Оп. 1. Д. 1.
11. РГИА ДВ. Ф. Р-1639. Оп. 1. Д. 60.

References

1. State archive of Russian Federation (GARF). F. 4531. Op. 1. D. 83.
2. GARF. F. 4531. Op. 1. D. 84.
3. GARF. F. 4531. Op. 1. D. 216.
4. GARF. F. R -751. Op. 1. D. 1.
5. State Archive of Khabarovsk Territory. F. P-2. Op. 1. D. 65.
6. Dal'nevostochnaya kontrabanda kak istoricheskoe yavlenie (Far Eastern smuggling as a historical phenomenon) / N. A. Belyaeva, S. N. Lyapustin, A. V. Popenko. Vladivostok: RIO VF RTA, 2010. 293 p.
7. Lyapustin S. N., Fomenko P. V. Nezakonnyi oborot ob»ektov fauny i flory i bor'ba s brakon'erstvom i kontrabandoi na Dal'nem Vostoke Rossii (2009–2014 gg.) (Illegal circulation of objects of fauna and flora and the fight against poaching and smuggling in the Far East of Russia (2009–2014). Vladivostok: Apel'sin, 2015. 94 p.
8. Osnovy operativno-rozysknoi deyatel'nosti (Basics of special investigative techniques activity) / ed. by A. Yu Shumilova, N. E. Simonova. M.: Russian Customs Academy, 2012. 240 p.
9. Russian State Archive of Economy (RGAE). F. 413 Op. 11. D. 210.
10. Russian State Historical Archive of the Far East (RGIA DV). F. R-1842. Op. 1. D. 1.
11. RGIA DV. F. R-1639. Op. 1. D. 60.

УДК 94 (470.6)

А. А. Панарин

**ХАРАКТЕР И ОСОБЕННОСТИ СБЫТО-СНАБЖЕНЧЕСКОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОТРЕБИТЕЛЬСКОЙ КООПЕРАЦИИ
НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ В КОНЦЕ 1920-х гг.**

В статье рассматривается сбыто-снабженческая деятельность потребительской кооперации на территории Северо-Кавказского края в 1928–1929 гг. Отмечаются нарушения принципов кооперативной работы, связанные с усилением администрирования партийно-государственных органов. Дается

характеристика методам хлебозаготовок, особенностям снабжения товарами широкого потребления населения городов и сельской местности.

Ключевые слова: потребительская кооперация, сбыто-снабженческая деятельность, хлебозаготовки, Северный Кавказ.

А. А. Panarin

**NATURE AND CHARACTERISTICS OF SALE-SUPPLY ACTIVITIES
OF CONSUMER COOPERATIVES IN THE NORTH CAUCASUS
AT THE END OF THE 1920s**

The article describes the sale-supply cooperative consumer activities on the territory of the North Caucasus Krai in 1928–1929. The violations of the principles of cooperative work associated with strengthening of the party-state administration bodies are revealed. The

methods for grain procurement, peculiarities of consumer goods supply for the population of cities and rural areas are outlined.

Key words: consumer cooperatives, sale-supply activities, grain reserves, the North Caucasus.

Начавшаяся в конце 1920-х гг. политика форсирования темпов социалистического строительства, сопровождающаяся нарастанием администрирования по отношению к общественным организациям и населению,

непосредственно отразилась на характере торговой деятельности потребительской кооперации. Относительная самостоятельность потребительских обществ сменилась полной их подчиненностью воле партий-

но-государственных органов, направляющих работу кооперации в русле задач обеспечения хлебозаготовок, строительства колхозов и осуществления классового подхода в распределении товаров. Северный Кавказ являлся одним из регионов, где данные процессы развивались наиболее активно, ввиду его ведущей роли при проведении социалистического переустройства сельского хозяйства.

В условиях политики «чрезвычайных мер» при проведении хлебозаготовок местные власти допускали откровенный произвол по отношению не только к зажиточным крестьянам, но и к середнякам. Так, в обзоре комиссии по делам частной амнистии при ВЦИК приводились примеры злоупотреблений властью в Донском округе. В частности, речь шла о двух крестьянках-середнячках, которые вдвоем управлялись с хозяйством семьи из восьми человек. Имея в своем распоряжении 650 пудов хлеба, крестьянки добровольно сдали в потребительское общество 250 пудов. Несмотря на это, они были осуждены к одному месяцу лишения свободы каждая с конфискацией не только хлеба, но и практически всех средств производства [12, с. 314–315].

Нетипичным для кооперации методом проведения заготовок стало принудительное изъятие у крестьян денег в целях подталкивания к сдаче хлеба по установленным государством ценам. В связи с этим 12 января 1928 г. бюро Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) дало указание органам управления кооперации продавать сельхозмашины и орудия только тем крестьянам, которые выполнили план по заготовкам. Была также утверждена разверстка выигрышного займа по округам и распространение облигаций пайщиками каких-либо видов кооперации [13, л.10]. 16 января тройка крайкома дополнила эти меры запрещением продажи промтоваров крестьянам, не предъявившим сдаточных квитанций, и авансированием хлебом под последующие поставки сельхозмашин [13, л. 29–30].

Установление жесткого руководства и контроля со стороны партийно-государственных органов, приказы о выполнении плана любой ценой поставили кооперацию в сложные условия. По многочисленным сообщениям, отмечалась атмосфера растерянности и пессимизма у многих кооперативных работников.

В частности, уполномоченный Северо-Кавказского крайкома ВКП(б), посетивший в январе 1928 г. Курганский, Петропавловский и Ванновский районы Армавирского округа, указал, что большая часть кооператоров способна торговать, но серьезно повлиять на пайщиков в данный момент не может и находится в состоянии неуверенности в выполнении норм заготовок [13, л. 36].

По сведениям А. В. Баранова, работники кооперации оказались среди тех, кто наиболее активно противодействовал произволу в ходе заготовок. Основными формами протеста являлись отказ участвовать в заготовках и репрессиях, предложения повысить закупочные цены и сузить полномочия «троек», защита прав кооперации, выступление против раскулачивания. В ходе преследования за эти действия в январе – феврале 1928 г. 631 ответственный работник был привлечен к суду, 2 796 чел. лишились должности или получили взыскания [1, с. 202].

Явным нарушением кооперативных принципов со стороны большевистской партии стало игнорирование интересов членов кооперации, поголовный подход к крестьянству при проведении заготовок. В циркулярной телеграмме ЦК ВКП(б) об организации обмена промтоваров на хлеб от 14 января 1928 г. отмечалось, что преимущественный отпуск промтоваров крестьянам, продающим хлеб, должен производиться независимо от того, состоят ли они пайщиками каких-либо видов кооперации или нет [12, с. 148]. Поставив достижение планов заготовок первостепенной задачей, руководство ВКП(б) пошло даже на определенное нарушение собственных классовых принципов. Так, значительное недовольство бедноты вызывали случаи, когда кооперативные организации отпускали товары только сдатчикам хлеба и ограничивали отпуск товаров за деньги. В ряде мест представители бедноты ставили вопрос о выходе из кооперации и требовали возвращения паевых взносов [11, с. 667].

Одним из последствий преимущественного использования сельхозпродукции для увеличения экспорта и нужд промышленности явилось сокращение продовольственного снабжения населения. Парадоксальность ситуации заключалась в том, что это прежде всего коснулось сельского населения. Лишившись источников внутреннего потре-

бления в условиях максимального изъятия государством хлебных излишков, уничтожения частного производства и торговли хлебопродуктами, крестьянство стало испытывать серьезные проблемы в вопросах продовольственного обеспечения. Вместе с тем большевистское руководство уделяло повышенное внимание снабжению городов, в особенности рабочего населения.

О сравнительно благополучном продовольственном положении города по отношению к деревне свидетельствует немало примеров. Так, один из кубанских хлеборобов, касаясь этого вопроса на II Всесоюзном съезде колхозников, с горечью заметил, что «в станицах не хватает хлеба с примесью, а в городах белого хлеба, сколько требуется, получают без всякой примеси...» [7, л. 102]. На Батайском районном сельхозсовещании хлеборобов в июле 1928 г. отмечалось, что «крестьянам приходится стоять в очереди за хлебом по полдня, при этом хлеб кукурузный и плохого качества». В выступлениях делегатов звучали упреки в адрес власти, которая обещала после проведения заготовок обеспечить деревню мукой и печеным хлебом, но обманула и уделяет внимание только городам [15, л. 4–5].

В такой ситуации многие крестьяне стали приобретать необходимые продовольственные товары в городских магазинах. Несмотря на увеличение производства хлеба и других видов продовольствия, городская розничная торговля не справлялась с удовлетворением возросшего потребительского спроса. Это, в свою очередь, породило недовольство рабочих и служащих, вынужденных простаивать часами в очередях. В связи с этим на протяжении 1928 г. во многих городах Северного Кавказа распоряжением местных властей стала вводиться карточная система распределения продуктов. О сложившейся продовольственной ситуации красноречиво свидетельствует председатель организационно-планового бюро Госплана РСФСР П. Парфенов в докладной записке, направленной в ЦК ВКП(б) в конце ноября 1928 г. Он пишет: «Всюду введена карточная система на хлеб. В некоторых городах (Темрюк, Краснодар) в очередь за хлебом встают с вечера. Остро стоит вопрос и в кубанских станицах... Всюду очень много мешочников, особенно из Украины. Вокруг многих станиц

(Егорлыцкая, Мечетинская) располагаются целые таборы таких беженцев» [14, л. 25].

Подобная ситуация складывалась и в других регионах страны. При решении продовольственной проблемы руководство большевистской партии прежде всего стремилось не допустить дальнейшего недовольства рабочих как главной своей опоры. В связи с этим полютбюро ЦК ВКП (б) 14 февраля 1929 г. одобрил предложения Наркомторга о введении карточной системы на хлеб для трудового населения городов [10, с. 415]. Вскоре карточная система стала распространяться и на другие продукты питания, а также дефицитные промышленные товары. Крестьяне по-прежнему имели возможность приобретать продукты в городских магазинах, но по более высокой цене.

Аппарат потребительской кооперации использовался для распределения товаров первой необходимости среди рабочих коллективов и населения городов. При этом для ударников производства создавались преимущества в снабжении. В то же время возможности потребительской кооперации по приоритетному снабжению своих членов были резко ограничены. Так, согласно постановлению Наркомторга от 21 декабря 1927 г., потребительские общества должны были производить отпуск дефицитных товаров не только своим пайщикам, но также членам сельскохозяйственных, машинных товариществ, кредитных и других кооперативных организаций.

При подготовке к сплошной коллективизации сельского хозяйства партийно-государственные органы предписывали кооперации при распределении товаров уделять колхозам первостепенное внимание. Например, в постановлении бюро Армавирского окружного ВКП(б) в июле 1929 г. кооперативным организациям было дано указание о необходимости отбора товаров для коммун и сельскохозяйственных артелей вне всякой очереди через кооперативные распределители. Колхозы этих двух видов прикреплялись для обслуживания к соответствующим обществам потребителей [4, с. 51].

Наряду с распределением государственных фондов потребительская кооперация продолжала играть большую роль в розничном товарообороте, который сосуществовал с карточной системой в городах и преобладал в сельской местности. В условиях осу-

ществления индустриализации, требующей значительных капиталовложений, большевистская партия использовала потребительскую кооперацию в качестве основного звена в товаропроводящей цепи. Одной из главных задач, поставленных перед ней, являлось вытеснение частной торговли из сферы розничного товарооборота.

Решению этой задачи способствовало увеличение оптовых операций потребительской кооперации, основанных на практике заключения генеральных договоров с промышленными предприятиями. В отличие от предшествующего периода потребительские общества чаще всего устанавливали прямые контакты с предприятиями или центральными базами синдикатов. Этот порядок приводил к ликвидации промежуточных звеньев и соответствующим образом способствовал снижению наценок на товар. Так, если в первом квартале 1925/26 г. наценки в потребительских обществах Кубанского округа составили 20,8 %, первом квартале 1926/27 г. – 15 %, то за весь 1927/28 г. – 11,2–11,4 % [2, л. 6].

В целом за 1927/28 г. потребительская кооперация Кубанского округа добилась увеличения числа распределителей, приближения товаров к потребителю, роста оборотов, усиления охвата покупательных фондов. Так, за 1926–1928 гг. число торговых точек увеличилось с 241 до 357, продажа товаров с 25,9 до 42 млн руб. [2, л. 4]. Вместе с тем в целом по Северо-Кавказскому краю развитие торговой деятельности потребительской кооперации происходило более быстрыми темпами, чем на Кубани. Увеличение торговых точек за 1927/28 г. составило в среднем по краю 65 %, в то время как на Кубани только 24 %, на 10 тыс. населения приходилось 4,5 торговых лавки, на Кубани почти наполовину меньше [2, л. 5].

Основными объектами обслуживания потребительской кооперации являлись сельские населенные пункты. В 1928 г. по сравнению с предыдущим годом потребительская кооперация края увеличила свои обороты на селе с 191 до 255 млн руб. По продаже товаров они выросли со 156 до 208 млн руб., по заготовкам – с 35 до 47 млн руб. [17, с. 169]. Кооперация превосходила государственную и частную торговлю в продаже таких важных для крестьянства товаров, как мануфактура, сахар, соль, металлические изделия, керо-

син и других. Кроме того, потребительская кооперация при проведении культурно-просветительской работы занималась распространением книжной продукции. Например, в ходе борьбы с алкоголизмом в марте 1929 г. в Кореновском и Краснодарском районах Кубанского округа в местных ЕПО была запрещена торговля вином и взамен ее была организована продажа книг [5, с. 110].

Значительно укрепились позиции потребительской кооперации в национальных районах. Розничный товароборот кооперативной торговли повысился здесь с 9 600 тыс. руб. в 1924/25 г. до 42 588 тыс. руб. в 1928/29 г. Соответствующим образом увеличился ее удельный вес, который составлял в Адыгее – 89,9 %, в то время как у частной торговли – 5,5 %, в Кабардино-Балкарии соответственно – 96,6 и 3,4 %, Карачае – 81,1 и 8,2 %, Черкесии – 94,4 и 5,6 %, Осетии – 91,5 и 6,2 % [3, с. 185].

Со стороны кооперации проводилась работа по расширению потребительского спроса коренного населения национальных районов. Например, в 1928/29 г. развернулось движение под лозунгом «Пальто – горянке». Эта кампания имела целью изжить в массе горского населения вековой предрассудок о запрете женщине носить теплое пальто. На покупку теплой одежды кооперативы выделили 130 тыс. руб. Было распределено 10 322 пальто. Причем женскому активу, а также батрачкам и беднячкам предоставлялась возможность приобрести пальто на льготных условиях, в кредит [6, с. 161].

Вместе с тем в работе потребительской кооперации было немало недостатков, связанных с ограниченностью ассортимента товаров, слабой подготовкой торговых работников, злоупотреблениями руководителей потребительских обществ. В феврале 1929 г. в Майкопском Армавирском, Кубанском и других округах Северо-Кавказского края были отмечены случаи продажи промтоваров целевого назначения родственникам и знакомым. Например, в станице Псебайской Майкопского округа, правление ЕПО отпустило мануфактуру секретарю нарсуда и близким знакомым, отправив в свои отдаленные отделения незначительную ее часть [12, с. 551]. Такие действия потребительских обществ вызывали массовое недовольство крестьян и казаков, причем из числа не только зажиточных, но и середняков.

Как уже отмечалось, потребительская кооперация продолжала играть большую роль в городском торговом обороте. Наряду с введением нормированного снабжения продовольствием потребительские общества осуществляли закупку и продажу сельскохозяйственных и промышленных товаров для рабочих коллективов и населения городов. Продолжали действовать и принадлежащие потребкооперации предприятия по переработке сельхозпродукции, производству товаров различного назначения.

В 1928–1929 гг. наилучшие показатели по рабоче-городской потребительской кооперации Дона и Северного Кавказа имели Краснодарский и Таганрогский центральные рабочие кооперативы, у которых продажа товаров по себестоимости составляла более 16 млн руб. [8, л. 1]. Больших успехов добился также Новороссийский ЦРК, сумевший не только увеличить свой товарооборот, но и обеспечить развитие общественного питания. В этих целях кооператив уделял внимание развитию пригородных хозяйств, строительству фабрики-кухни, хлебозавода. К осени 1929 г. количество потребляемых рабочими блюд увеличилось по сравнению с июлем этого года с 956 до 1 869 тыс. [13, л. 1–2].

На фоне относительно благополучной экономической ситуации в городах, сельские районы края осенью 1928 г. вновь испытали потрясения в ходе проведения новой кампании хлебозаготовок. По сравнению с прошлым годом к ноябрю 1928 г. выполнение плана снизилось с 72,8 % до 45,7 % [10, с. 476]. Основные причины слабого темпа заготовок оставались прежними и заключались в сохранении резкого разрыва рыночных и заготовительных цен, продолжающемся кризисе промтоваров и их нерациональном распределении, ошибках в организации заготовительной деятельности.

Подобная ситуация была связана и с нехваткой промтоваров, необходимых для обмена. В ряде районов Майкопского, Кубанского, Армавирского, Шахтинско-Донецкого и других округов острый недостаток промтоваров задерживал реализацию хлеба крестьянами. Например, в Кубанском округе завезенные промтовары лишь на 35–40 % удовлетворяли потребности населения [11, с. 771]. Вместе с тем явная недостаточность мер по стабилизации товарооборота между

городом и деревней привела к дальнейшему ухудшению ситуации. К началу января 1929 г. план заготовок был выполнен лишь на 70 % [9, л. 3].

По линии кооперации к невыполняющим задания по заготовкам применялись меры кооперативного бойкота, прекращение отпусков товаров на продолжительные сроки, исключение из состава пайщиков, вплоть до привлечения к суду. В ситуации выполнения планов заготовок любой ценой кооперативные организации были вынуждены вновь применять не свойственные им методы. Так, в ряде округов края в феврале 1929 г. были отмечены случаи незаконного повышения цен на промтовары и отказа работников низовой кооперативной сети от их продажи крестьянам, сдавшим свои излишки другим заготовителям. Нередкими были случаи прямого обмана заготовителями крестьян. Например, в станице Усть-Лабинской Кубанского округа, местные ЕПО и сельхозтоварищество создали специальную агентуру, которую рассылали по дорогам. Агенты уговаривали крестьян, везущих хлеб, сдавать его под выдаваемые путевки, обещая затем отпустить дефицитные товары. Однако товары в магазинах ЕПО часто отсутствовали, и крестьяне, сдавшие хлеб, оставались обманутыми [12, с. 556].

Под лозунгом борьбы со спекуляцией были сведены на нет возможности продажи хлеба на рынке. Система заготовок стала действовать так, что крестьяне могли реализовать свой хлеб только через государственных и кооперативных заготовителей по низким установленным ценам, причем поступление хлеба последним в значительной мере обеспечивалось применением административных методов. В этих условиях потребительская кооперация превращалась в технический аппарат для выполнения государственных заданий по заготовкам.

Таким образом, в конце 1920-х гг. в результате резкого усиления администрирования по отношению к крестьянству кооперация фактически утратила самостоятельную роль в проведении сбыто-снабженческих операций. Были серьезно нарушены принципы свободного товарооборота между городом и деревней, взят курс на длительное использование неэквивалентного обмена товаров промышленности и сельского хозяйства.

Литература

1. Баранов А. В. Многоукладное общество Северного Кавказа в условиях новой экономической политики. Краснодар: КубГУ, 1999. 346 с.
2. Государственный архив Краснодарского края. Ф. Р-263. Оп. 1. Д. 447.
3. Контрольные цифры народного хозяйства Северо-Кавказского края на 1929/30 г. Ростов-н/Д.: Ростовстат, 1930. 206 с.
4. Коллективизация и развитие сельского хозяйства на Кубани (1927–1941 гг.): сборник документов и материалов. Краснодар: Краснодарское книжное издательство, 1981. Т. 2. 207 с.
5. Культурное строительство на Кубани (1918–1941 гг.): сборник документов. Краснодар: Краснодарское книжное издательство, 1978. 191 с.
6. Овчинникова М. И. Советское крестьянство Северного Кавказа (1921–1929). Ростов-н/Д.: РГУ, 1972. 200 с.
7. Российский государственный архив экономики (далее – РГАЭ). Ф. 484. Оп. 5. Д. 6.
8. РГАЭ. Ф. 7446. Оп. 1. Д. 751.
9. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 17. Оп. 69. Д. 696.
10. Россия неповская / под ред. А. Н. Яковлева. М.: РОССПЭН, 2002. 446 с.
11. Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. 1918–1939. Документы и материалы: в 4 т. Т. 2. 1923–1929. М.: РОССПЭН, 2000. 1168 с.
12. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы: в 5 т. Т. 1. (май 1927 – ноябрь 1929). М.: РОССПЭН, 1999. 880 с.
13. Центр документации новейшей истории Ростовской области (далее – ЦДНИРО). Ф. 7. Оп. 1. Д. 756.
14. ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 797.
15. ЦДНИРО. Ф. 11. Оп. 1а. Д. 30.
16. Центр документации новейшей истории Краснодарского края. Ф. 9. Оп. 1. Д. 937.
17. Чернопицкий П. Г. Деревня Северокавказского края в 1921–1929 гг. Ростов-н/Д.: РГУ, 1987. 232 с.

References

1. Baranov A. V. Mnogoukladnoe obshchestvo Severnogo Kavkaza v usloviyakh novoi ekonomicheskoi politiki (Plural society of the North Caucasus in the context of new economic policy). Krasnodar: KubSU, 1999. 346 p.
2. State archive Krasnodar territory. F. R-263. Op.1. D.447.
3. Kontrol'nye tsifry narodnogo khozyaistva Severo-Kavkazskogo kraya na 1929/30 g. (Key figures of the North-Caucasian economy in the 1929–30th). Rostov-on-Don: Rostovstat, 1930. 206 p.
4. Kollektivizatsiya i razvitie sel'skogo khozyaistva na Kubani (1927–1941 gg.): sbornik dokumentov i materialov (The collectivization and the development of agriculture in the Kuban (1927–1941 gg.): collection of documents and materials). Krasnodar: Krasnodar Book Publisher, 1981. T. 2. 207 p.
5. Kul'turnoe stroitel'stvo na Kubani (1918–1941 gg.): sbornik dokumentov. (Cultural construction in the Kuban (1918–1941): collection of documents). Krasnodar: Krasnodar Book Publisher, 1978. 191 p.
6. Ovchinnikova M. I. Sovetskoe krest'yanstvo Severnogo Kavkaza (1921–1929) (The Soviet peasantry of the North Caucasus (1921–1929). Rostov-on-Don: RSU, 1972. 200 p.
7. Russian state archive of economy (RGAE). F. 484. Op. 5. D. 6.
8. RGAE. F. 7446. Op. 1. D. 751.
9. Russian state archive of social and political history. F.17. Op. 69. D. 696.
10. Rossiya nepovskaya (Russia in NEP) / ed. by A. N. Yakovleva. M.: ROSSPEN, 2002. 446 p.
11. Sovetskaya derevnya glazami VChK-OGPU-NKVD. 1918–1939. Doku-menty i materialy (Soviet village through the eyes of the Cheka-OGPU-NKVD. 1918–1939. Documents and materials). T. 2. 1923–1929. M.: ROSSPEN, 2000. 1168 p.
12. Tragediya sovetskoi derevni. Kollektivizatsiya i raskulachivanie. Dokumenty i materialy (The tragedy of the Soviet village. Collectivization and dekulakisation. Documents and materials). T. 1. (May 1927 – November 1929). M.: ROSSPEN, 1999. 880 p.
13. Documentation centre of modern history of the Rostov region. (TsDNIRO). F. 7. Op. 1. D. 756.
14. TsDNIRO. F. 7. Op. 1. D. 797.
15. TsDNIRO. F. 11. Op. 1a. D. 30.
16. Documentation centre of modern history of Krasnodar territory. F. 9. Op. 1. D. 937.
17. Chernopitskii P. G. Derevnya Severo-Kavkazskogo kraya v 1921–1929 gg. (North Caucasian village in 1921–1929). Rostov-on-Don: RSU, 1987. 232 p.

УДК 94 (470.6)

Е. В. Панарина

ОРГАНИЗАЦИЯ НАЧАЛЬНОГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ НА ДОНУ И СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

В статье рассматривается процесс подготовки рабочих кадров в учреждениях начального профессионального образования на территории Дона и Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны. Раскрываются основные проблемы организации профессионального обучения и принимаемые по их решению меры. Дается оценка результатов

деятельности школ фабрично-заводского обучения, ремесленных и железнодорожных училищ по подготовке рабочих кадров.

Ключевые слова: начальное профессиональное образование, рабочие кадры, Великая Отечественная война, Дон, Северный Кавказ.

E. V. Panarina

ORGANIZATION OF VOCATIONAL TRAINING IN THE DON AND NORTH CAUCASUS AREAS DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

The article describes the process of training in vocational institutions on the territory of the Don and North Caucasus during the Great Patriotic war. It reveals the major challenges in training and the measures to manage them. The article discusses the results of activity of factory

training schools, craft and railway schools in training skilled workers.

Key words: vocational education, working staff, the Great Patriotic war, the Don, the North Caucasus.

В условиях Великой Отечественной войны большую роль играло начальное профессиональное образование. От степени удовлетворения потребностей различных отраслей хозяйства в квалифицированных специалистах, уровня их подготовки зависел успех в решении важнейшей задачи военного времени – достижения экономического превосходства над противником. Решение этой задачи происходило в условиях острого дефицита кадров, связанного с призывом в армию многих рабочих, колхозников, инженерно-технических работников.

Подготовка рабочих кадров для различных отраслей экономики осуществлялась на основе сложившейся в довоенное время системы начального профессионального образования. В октябре 1940 г. была сформирована структура государственных трудовых резервов, в состав которой входили школы фабрично-заводского обучения (ФЗО), железнодорожные и ремесленные училища. Непосредственно перед войной советское

правительство приняло дополнительные меры по расширению системы начального профессионального обучения и увеличению контингента учащихся.

С началом войны правительство и местные органы стремились к сохранению сложившейся организации начального профессионального образования. В связи с массовым призывом в армию работников производственной сферы в решении проблемы трудовых ресурсов стала преобладать практика принудительного привлечения (мобилизации) молодежи к обучению различным рабочим профессиям. Она заключалась в обязательном выполнении местными органами разверстки правительства в отношении определенного количества юношей и девушек, посылаемых в те или иные учреждения начального профессионального образования. В то же время школы ФЗО и училища продолжали принимать молодежь и на добровольной основе.

Ограниченность времени и возможностей выбора зачастую приводила к различного

рода нарушениям существующих требований к призывникам. Так, в июле 1941 г. Ростовский облисполком отметил неудовлетворительное выполнение контрольных цифр приема в школы ФЗО. В составе присланных из районов юношей и девушек не соответствовали требованиям 325 человек, в том числе 21 был болен, 68 не достигли необходимого возраста, 73 оказались без документов, а 124 без обмундирования, которым их должны были обеспечить местные органы [3, л. 67].

В связи с этим план мобилизации молодежи в школы ФЗО к назначенному сроку был сорван. К августу 1941 г. вместо предполагаемых 2 455 человек в Ростовской области было призвано только 966 человек. Решалась задача по выполнению контрольных заданий и качественного отбора призывной молодежи как путем административного давления на райисполкомы, так и путем организации массово-разъяснительной работы на предприятиях, учреждениях, среди родителей о необходимости ускоренной подготовки кадров рабочих [18, л. 1об.]. Подобная ситуация складывалась и в различных районах Северного Кавказа.

В дальнейшем мобилизация молодежи в учреждения начального профессионального образования приобрела перманентный характер. Подготовка рабочих кадров осуществлялась по мере комплектования учебных групп в любое время года. Например, в школах ФЗО Майкопа, Новороссийска, Нефтегорска, Армавира и Краснодара в феврале 1942 г. приступили к занятиям 2,5 тыс. юношей и девушек, призванных из различных районов Краснодарского края [1]. Школы ФЗО были созданы также в ряде районных центров. В Кущевском районе в одну из таких школ было принято 20 человек с образованием 6–9 классов неполной средней школы [2].

Обучение в учреждениях начального профессионального образования в годы войны осуществлялось в ускоренном режиме и имело практико ориентированный характер. Основное внимание на занятиях уделялось приобретению учащимися практических навыков будущей профессии, а производственная практика по сути совпадала с началом трудовой деятельности. Например, в ходе практики на шахте «Северная» Кара-чаевской автономной области учащиеся Микоян-Шахарской школы ФЗО в ноябре – де-

кабре 1941 г. сумели выработать 2 тыс. тонн угля. Вскоре после этого в школе состоялся выпуск в составе 421 молодого горняка [6].

Учитывая острую нехватку квалифицированных рабочих, местные органы зачастую принимали решение о досрочном выпуске учащихся и немедленном их направлении на места работы. Так, в октябре 1941 г. Краснодарский крайком ВКП(б) объявил о досрочном выпуске 1 тыс. учащихся ремесленных и железнодорожных училищ набора 1940 г. Молодые рабочие направлялись на предприятия, выполняющие оборонные заказы. Спустя месяц аналогичное постановление было принято в отношении выпуска учащихся всех школ ФЗО края [7, с. 105]. Реализацию этого постановления обеспечивали 9 ремесленных и 3 железнодорожных училища, 7 школ ФЗО, выпустившие во втором полугодии 1941 г. более 8 тыс. человек, из которых 5 тыс. остались работать на предприятиях края [12, с. 27]. Такие же оперативные меры увеличения численности квалифицированных кадров были приняты в других районах Северо-Кавказского региона.

В условиях тяжелых испытаний начального периода войны организация процесса обучения в учреждениях начального профессионального образования происходила со значительными трудностями. К их числу прежде всего относилась нерешенность многих материально-бытовых проблем, которые особенно проявляли себя в зимнее время года. Например, в Орджоникидзевском крае зимой 1941–1942 гг. обучение в большинстве школ ФЗО и ремесленных училищах осуществлялось в холодных помещениях, что приводило к частым заболеваниям среди учащихся. Общежития и столовые находились в антисанитарном состоянии, учащиеся проживали скученно, при отсутствии нормальных бытовых условий [11, л. 100].

Наступление немецко-фашистских войск летом 1942 г. на Юге России внесло дезорганизацию в деятельность учреждений начального профессионального образования. Большинство из них было эвакуировано в другие области страны. Проводимая в это время мобилизация молодежи на учебу, предусматривала посылку юношей и девушек в отдаленные от боевых действий районы. Так, в конце июля 1942 г. Краснодарский крайком ВКП(б), выполняя постановление

ГКО, обязал исполкомы в пятидневный срок мобилизовать всю пригодную для профессионального обучения сельскую и городскую молодежь в возрасте 14–18 лет и направить ее в сопровождении специальных уполномоченных в Махачкалу, для последующего обучения в школах ФЗО, ремесленных и железнодорожных училищах Дагестанской АССР нормальных бытовых условий [10, л. 89].

Длительная оккупация большей части Дона и Северного Кавказа привела к полному упадку материально-технической базы системы начального профессионального образования. Большинство зданий школ ФЗО и училищ было разрушено, оборудование разграблено оккупантами и растаскано по домам местными жителями. Ограниченность выделяемых материальных и финансовых средств не позволяла в короткий срок завершить восстановительные работы. В Ростове-на-Дону спустя год после окончания оккупации из 20 школ ФЗО и училищ ремонтно-строительные работы были закончены только в 3 школах. В большинстве других школ ремонт проходил крайне медленно, в классных комнатах и общежитиях отсутствовал необходимый инвентарь нормальных бытовых условий [16, л. 144].

Организация процесса обучения затруднялась нехваткой преподавательских кадров. На смену квалифицированным преподавателям, ушедшим в действующую армию, пришли ветераны производства и демобилизованные войны, не имевшие необходимого образования и навыков педагогической работы. Отсутствие этих данных в определенной степени компенсировалось с их стороны большим практическим опытом.

Несмотря на столь тяжелую ситуацию, вскоре после освобождения на территории региона была возобновлена практика мобилизации молодежи для обучения рабочим профессиям. Общее руководство и координацию действий местных органов осуществляло правительство СССР и РСФСР. Так, в соответствии с постановлением СНК СССР от 4 ноября 1943 г. в целях обеспечения кадрами массовой квалификации экономики Кабардино-Балкарской АССР в Нальчике была организована школа ФЗО с контингентом учащихся 200 человек. В школу призывались юноши в возрасте от 15 до 17 лет и девушки в возрасте от 16 до 18 лет. В первую

очередь мобилизации подлежала неработающая и неучащаяся молодежь. При этом было установлено, что из всего количества подлежащих мобилизации должно быть не менее 75 % из числа молодежи местных национальностей. Для организованного проведения призыва были созданы призывные комиссии в составе председателя райисполкома, представителя профсоюзной организации и секретаря райкома ВЛКСМ. На местные органы возлагалась ответственность за своевременное прибытие мобилизованной молодежи к месту учебы, а также за обеспечение призывников одеждой и продуктами питания на время следования в пути нормальных бытовых условий [9, л. 47–48].

Характер мобилизации молодежи на учебу в школы ФЗО и училища предусматривал взаимодействие между администрацией учебных заведений и местными органами по вопросам выполнения плана приема. В случае неприбытия на место учебы необходимого количества призывников директора школ ФЗО и училищ сообщали об этом райисполкомам. Такой запрос, в частности, поступил в июне 1943 г. из Хадыженской школы ФЗО руководству Гиагинского района. В запросе указывалось, что вместо 30 призывников по разнарядке из района прибыло только 16. Дирекция школы потребовала от райисполкома добиться прибытия остальных 14 призывников, обеспечив их полностью одеждой и обувью [8, л. 88].

Реализация плана мобилизации молодежи на учебу в школы ФЗО и училища предусматривала подготовку рабочих кадров с учетом многопрофильного характера экономики Северо-Кавказского региона. Городская молодежь в основном должна была овладеть профессиональными навыками в сфере промышленности и строительства. Так, в июле 1943 г. в Ростове-на-Дону был осуществлен призыв молодежи в ремесленные училища и железнодорожные училища города в количестве 781 человек [15, л. 78об.]. Большое значение придавалось также мобилизации юношей и девушек в школы ФЗО по подготовке рабочих промышленности стройматериалов, коммунального хозяйства и строительства [16, л. 110].

В то же время сельская молодежь, как правило, направлялась на обучение профессиям, необходимым в аграрном секторе

экономики. Так, в октябре 1943 г. в Краснодарском крае были открыты 3 межрайонные школы по подготовке ветеринаров и фельдшеров и 4 школы по подготовке техников животноводства с общим контингентом учащихся 950 человек [7, с. 479]. В Ростовской области в октябре 1944 г. был осуществлен набор в школы младших ветфельдшеров, техников-животноводов и ветеринаров в количестве 1 250 человек. Принимались юноши и девушки в возрасте от 16 лет с образованием в объеме 7 классов, в отдельных случаях не ниже 4 классов [14, л. 17].

Следует отметить, что ввиду ограниченных возможностей учреждений начального профессионального образования в первые годы после оккупации многие молодые люди получали профессиональные навыки непосредственно на предприятиях или в ходе обучения на краткосрочных курсах. Так, в Краснодарском крае с февраля по декабрь 1943 г. было подготовлено около 40 тыс. специалистов рабочих профессий. Значительную часть новых кадров составили женщины и молодежь. Их доля среди специалистов была велика не только в промышленности и сельском хозяйстве, но и на транспорте. Они составляли до 45 % общего количества работников Северо-Кавказской железной дороги [5, с. 174].

В конце войны сеть учреждений начального профессионального образования была в основном восстановлена. В 1945 г. в СССР действовало более 2 400 училищ и школ с контингентом учащихся, превышавшим полмиллиона человек [13, с. 586]. Несмотря на недостаточный уровень материально-технического обеспечения и трудности организа-

ционного характера, в школах ФЗО, железнодорожных и ремесленных училищах удалось наладить учебно-воспитательный процесс, обеспечить проведение производственной практики. В результате промышленное производство и сельское хозяйство получили приток столь необходимых рабочих кадров. Всего за годы войны в ремесленных и железнодорожных училищах, школах ФЗО страны было подготовлено до 2,5 млн молодых рабочих [13, с. 586].

На Дону и Северном Кавказе десятки тысяч юношей и девушек в результате обучения получили профессиональные знания и навыки работы, пополнив ряды трудовых коллективов. Например, в Краснодарском крае за годы войны свыше ста тысяч юношей и девушек приобрели производственную квалификацию [4, с. 23]. Высокие результаты в сфере начальной профессиональной подготовки были достигнуты в других областях и республиках региона.

Таким образом, в условиях военного времени подготовка рабочих кадров из числа молодежи сыграла важнейшую роль в развитии экономики Дона и Северного Кавказа. Несмотря на серьезные проблемы материального и кадрового обеспечения учебного процесса, учреждения начального профессионального образования сумели обеспечить регулярный выпуск молодых рабочих, пополняющих трудовые коллективы промышленных предприятий, колхозов и совхозов Дона и Северного Кавказа. Своим трудом они внесли существенный вклад в производство продукции гражданского и оборонного назначения, способствуя достижению победы.

Литература

1. Большевик. 1942. 8 февраля.
2. Большевик. 1942. 22 января.
3. Государственный архив Ростовской области. Ф. Р-3737. Оп. 2. Д. 326.
4. Иванов Г. П. В годы суровых испытаний. Краснодар: Краснодарское книжное издательство, 1967. 302 с.
5. История Кубани с древнейших времен до конца XX века: в 2 ч. Ч. 2: С 1917 года до конца XX века. Краснодар: Перспективы образования, 2011. 272 с.
6. Красный Карачай. 1942. 11 января.
7. Кубань в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг. Хроника событий. Кн. 2. Ч. 1. 1943 г. Краснодар: Советская Кубань, 2003. 896 с.
8. Национальный архив Республики Адыгея. Ф. Р-1092. Оп. 1. Д. 4.
9. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 43. Д. 482.
10. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 43. Д. 970.
11. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 43. Д. 1734.
12. Селюнин В. А. Юг России в войне. 1941–1945 гг. Ростов-н/Д.: Изд-во Ростовского университета, 1995. 387 с.

13. Советский Союз в годы Великой Отечественной войны. 2-е изд., испр. и доп. / отв. ред. А. М. Самсонов. М.: Наука, 1985. 711 с.
14. Центр документации новейшей истории Ростовской области (ЦДНИРО). Ф. 9. Оп. 1. Д. 524.
15. ЦДНИРО. Ф. 13. Оп. 4. Д. 22.
16. ЦДНИРО. Ф. 13. Оп. 4. Д. 68.
17. ЦДНИРО. Ф. 13. Оп. 4. Д. 72.
18. ЦДНИРО. Ф. 13. Оп. 2. Д. 777.

References

1. Bol'shevik. 1942. 8 February.
2. Bol'shevik. 1942. 22 January.
3. State archive of Rostov region. F. R-3737. Op. 2. D. 326.
4. Ivanov G. P. V gody surovyykh ispytaniy. (During the years of severe trials). Krasnodar: Krasnodar Book Publisher, 1967. 302 p.
5. Istoriya Kubani s drevneishikh vremen do kontsa XX veka. Part. 2. S 1917 goda do kontsa XX veka (Kuban history from ancient times to the end of the XX century. Part 2. From 1917 until the end of the XX century). Krasnodar: Perspektivy obrazovaniya, 2011. 272 p.
6. Krasnyi Karachai. 1942. 11 January.
7. Kuban' v gody Velikoi Otechestvennoi voyny. 1941–1945 gg. Khronika sobytii. Vol. 2. Part.1. 1943 g. (Kuban in the Great Patriotic War. Of 1941–1945. Chronicle of events. Kn. 2. Part 1. 1943). Krasnodar: Sovetskaya Kuban', 2003. 896 p.
8. National archive of Republic Adygeya. F. R-1092. Op. 1. D. 4.
9. Russian state archive of social and political history (RGASPI). F. 17. Op. 43. D. 482.
10. RGASPI. F. 17. Op. 43. D. 970.
11. RGASPI. F. 17. Op. 43. D. 1734.
12. Selyunin V. A. Yug Rossii v voine. 1941–1945 gg. (South of Russia in the war (1941 – 1945). Rostov-on-Don: RSU Publ., 1995. 387 p.
13. Sovetskii Soyuz v gody Velikoi Otechestvennoi voyny (Soviet Union in the Great Patriotic War) / ed. by A. M. Samsonov. M.: Nauka, 1985. 711 p.
14. Documentation centre of modern history of the Rostov region. (TsDNIRO). F. 9. Op. 1. D. 524.
15. TsDNIRO. F. 13. Op. 4. D. 22.
16. TsDNIRO. F. 13. Op. 4. D. 68.
17. TsDNIRO. F. 13. Op. 4. D. 72.
18. TsDNIRO. F. 13. Op. 2. D. 777.

УДК 94 334.7

А. К. Печалов, Л. В. Печалова

**ВКЛАД КООПЕРАТОРОВ СТАВРОПОЛЬЯ В РАЗВИТИЕ
ЖИЛИЩНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА РЕГИОНА В 1950-е гг.**

Статья посвящена проблеме, которая практически не описывается в научной литературе. В ней анализируется деятельность системы промысловой кооперации Ставропольского края по развитию жилищной отрасли, обеспечению жителей региона жи-

лём. Статья основана на широком спектре источников и литературы.

Ключевые слова: промысловая кооперация, кооператоры, артели, жилищное строительство, строительные материалы, Россия, Ставропольский край.

А. К. Pechalov, L. V. Pechalova

**CONTRIBUTION OF STAVROPOL COOPERATORS TO HOUSING
CONSTRUCTION IN THE REGION IN 1950s**

The article is devoted to the problem which is not poorly highlighted in the scientific literature. The activity of producer's cooperatives in the sphere of housing construction in the Stavropol region as well as providing the population with dwellings is analyzed. The study refers to various sources and materials.

Key words: producer's cooperatives, workman's cooperative association, cooperators, housing construction, construction materials, Russia, Stavropol Krai.

В истории России незаслуженно мало внимания уделяется развитию кооперативного движения. По-прежнему остаются недостаточно изученными страницы истории промысловой кооперации, которая возникала ещё до революции 1917 г., активно функционировала в годы советской власти и прекратила своё существование в 1960 г. по инициативе политиков. Это была роковая ошибка органов власти, которая лишила общество дополнительного источника решения социально-экономических проблем. Одной из них была проблема жилья. В послевоенный период она стояла наиболее остро. По данным Чрезвычайной Государственной Комиссии СССР по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков, за период Великой Отечественной войны в стране было разрушено и сожжено 1 710 городов, более 70 тысяч сел и деревень, в результате чего около 25 млн советских людей остались без крова. Полностью или частично в селах и станицах Ставропольского края было разрушено 3 712 жилых домов колхозников, что составляло 1/3 жилого фонда местных советов. Кроме того, частич-

но или полностью оккупанты разрушили 943 школы, 194 больницы и амбулатории. В г. Георгиевск захватчики полностью уничтожили 140 домов и частично – 72 [8, с. 430].

Значительно пострадал жилищный фонд в сельской местности. По далеко не полным данным только в районных центрах разрушению подверглись около 80 тыс. кв. м жилой площади, тысячи советских людей остались без крова. Для восстановления разрушенных домов необходимы были большие людские и материальные ресурсы.

На Ставрополье, как и на всех освобождённых территориях, восстановительные работы начались сразу же после изгнания немецко-фашистских захватчиков. Остро ощущался недостаток строительных материалов. Свой вклад в решение этой проблемы внесла кооперация Ставрополья.

Восстановление деятельности артелей началось сразу же после освобождения Ставропольского края от немецко-фашистских оккупантов в январе 1943 г.

Промысловая кооперация активно изготавливала строительные материалы, участвовала в ремонте и строительстве жилых домов и

таких объектов как: мастерские, заводы, комбинаты бытового обслуживания, парикмахерские, клубы, детские учреждения и т. д.

Благодаря самоотверженному труду работников промысловой кооперации, артели ежегодно увеличивали производство черепицы, кирпича и алебаstra. Из перечисленных материалов наиболее востребованным по-прежнему оставался кирпич. Нарращиванию объёмов выпуска этой продукции мешало недостаточное количество площадей для просушки кирпича-сырца.

При строительстве дополнительных сушильных сараев кооператоры решили выполнить работы своими силами и в свободное от работы время. На строительство было выделено несколько миллионов рублей. Работа шла быстрыми темпами. Сушильные сараи были построены в артелях: «Объединенный труд» – с. Дивное, «Победа» – ст. Незлобная, «Путь к коммунизму» – с. Ипатово, «Керамик» – ст. Григорополисская, «Стройматериалы» – ст. Кума, «Днепрогэс» – ст. Александрийская, «Жаркий труд» – с. Донское, им. Чкалова – ст. Суворовская и т. д. [1, л. 186].

В целях улучшения руководства, укрепления строительной базы и расширения производства стройматериалов было создано Строительно-монтажное управление (СМУ) крайпромсовета.

В послевоенный период проблемы коммунальных квартир, подвалов, ветхого жилья значительно усугубились. Высокий уровень урбанизации, возросший образовательный и культурный уровень обусловили рост потребностей населения в решении жилищного вопроса. Становилось очевидным, что социальная напряжённость в обществе нарастает.

В 1950-е гг. руководство КПСС во главе с Н. С. Хрущёвым провозгласило курс на строительство коммунизма. Населению было обещано повышение жизненного уровня, предоставление каждой семье отдельной квартиры со всеми удобствами. Государство взяло курс на массовое строительство недорогого, экономичного жилья. В Постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР «Об устранении излишеств в проектировании и строительстве» № 1871 от 4 ноября 1955 г. предписывалось разработать к 1 ноября 1956 г. типовые проекты жилых домов, которые должны строиться «без архитектур-

ных излишеств» и с 1957 г. вести строительство только по этим проектам.

В Постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О развитии жилищного строительства в СССР» № 931 от 31 июля 1957 г. подчёркивалось, что дальнейшее развитие жилищного строительства, имевшего всенародное значение, являлось одной из важнейших задач всего народа. Предлагалось разработать новые типовые проекты жилых домов, приступить к созданию домостроительных комбинатов. Советский народ, разгромив фашистских захватчиков, провел в послевоенные годы огромную созидательную работу по восстановлению и дальнейшему развитию народного хозяйства СССР. Велась самоотверженная работа по ликвидации тяжелых последствий войны. Только за период 1946–1956 гг. в городах и рабочих поселках были построены и восстановлены жилые дома общей площадью около 300 млн кв. м, что более чем в 1,5 раза превышало весь городской жилищный фонд дореволюционной России. Широко развернулось жилищное строительство и на селе. Для колхозников и сельской интеллигенции строилось около 5,7 млн жилых домов [6].

Однако этого было недостаточно. Возникла необходимость активизации деятельности по решению этой сложнейшей задачи, что потребовало усилий всего народа.

Местные органы власти неоднократно обсуждали вопрос о мобилизации имеющихся в крае ресурсов. Так, бюро Ставропольского крайкома КПСС постановило выполнить план жилищного строительства и ввести в эксплуатацию жилые площади, как за счет централизованных государственных средств, так и за счет максимальной мобилизации внутренних ресурсов.

Крайком КПСС обязал крайисполком, краевой финансовый отдел, руководителей хозяйствующих организаций и предприятий направлять 5 % отчислений от накоплений промысловых кооперативов, отчислений от накоплений местной промышленности, а также сверхплановых накоплений краевых управлений промышленно-продовольственными товарами и легкой промышленности на жилищное строительство.

В условиях, когда шёл процесс ликвидации промысловой кооперации, кооператоры продолжали делать всё возможное для обе-

спечения своих работников жильём. Если в довоенный период и в годы Великой Отечественной войны эта проблема решалась за счёт подселения в семьи, оказания материальной помощи в оплате жилья и т. д. [9], то теперь настало время, когда промышленная кооперация поставила задачу выделения средств на строительство новых жилых домов для кооператоров. Наибольшая активизация строительства наблюдалась с середины 1950-х гг. Это было обусловлено восстановлением производственных мощностей и укреплением материально-технической базы промышленной кооперации Ставрополя и Карачаево-Черкесии.

С 1955 г. началось систематическое финансирование строительства жилья, что позволило достигнуть в этом определённых успехов. Например, в г. Ставрополе по ул. Московской для работников артели им. Кирова 13 ноября 1956 г. был сдан в эксплуатацию четырёхквартирный дом, жилая площадь которого составила 145,9 кв. м. 1 июня 1957 г. было завершено строительство двух восьмиквартирных жилых домов в 163 квартале г. Ставрополя для артелей «Текстилькомбинат» и «Прогресс». В этом же квартале было возведено ещё одно двухэтажное здание восьмиквартирного дома, жилая площадь которого составила 235 кв. м [2, л. 54]. В домах такого типа имелись газовые колонки, электрическое освещение, водопровод, канализация, теплоизоляция.

В среднем строительство такого дома в ценах 1955 г. обходилось кооператорам в 506 тыс. руб. Работы осуществлялись СМУ крайпромсовета [3]. Дома строили по несколько лет, это было связано с рядом трудностей, в первую очередь с отсутствием достаточного количества строительных машин.

Работник строительной отрасли Д. Христофорандо в своих воспоминаниях писал: «... Мы работали под открытым небом, наша производительность труда составляла 111,2 %. Тогда я был в Москве на совещании строителей и видел, как там строят и чем строят, то был очень удивлён. Там огромная механизация, не только «Пионеры» (подъёмные краны), но и много бульдозеров, экскаваторов и т. д. В связи с тем что строительные работы полностью механизированы, в Москве строят быстро, а мы – по три года. А в это время кооператоры ютятся по несколько семей в

одной квартире, испытывая острую нужду в жилье...» [3, л. 63].

Несмотря на имеющиеся трудности, кооператоры делали всё возможное, чтобы средства, отпускаемые на строительство жилья, быстрее осваивались. Например, в 1956 г. при плане освоения 6 млн 500 тыс. руб. было освоено на 1 млн сверх плана.

На основании Постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О развитии жилищного строительства в СССР» № 931 от 31 июля 1957 г. кооператоры получили право строить жилые помещения с трудовым участием рабочих. В течение короткого времени с помощью артельщиков были построены дома в городах Ставрополе, Черкесске, Пятигорске, Кисловодске и др.

В 1950-е гг. в разработке проектов на территории Ставропольского края активное участие приняло Министерство коммунального хозяйства РСФСР. Одними из первых к нему обратились кооператоры г. Черкесска с просьбой разработать такие проекты жилых домов, чтобы на первом этаже находились или магазин, или мастерская. Эта задача была решена достаточно успешно. Уже в 1957 г. в Черкесске было сдано в эксплуатацию несколько таких домов. По имеющимся в архиве данным, первым построенным по такому проекту стал семиквартирный дом для кооператоров артели «Химпром» по ул. Ленина. На первом этаже была расположена просторная мастерская. Строительство домов по таким проектам стало характерным не только для Черкесска, но и многих городов Ставропольского края.

В 1950-е гг. произошли территориальные изменения. Так, в 1957 г. была восстановлена национальная автономия балкарцев, ингушей, чеченцев, карачаевцев и калмыков, насильственно депортированных в 1943 г.

12 января 1957 г. в составе Ставропольского края были образованы Калмыцкая и Карачаево-Черкесская автономные области [7, с. 562].

Возвращение карачаевского и калмыцкого народов на свою историческую Родину имело важное политическое значение. Кооператоры Ставрополя приняли активное участие в сложном процессе по созданию условий для размещения и трудоустройства карачаевцев и калмыков в местах их компактного проживания.

В соответствии с решениями XX съезда КПСС, Верховный Совет СССР на шестой сессии в феврале 1957 г. утвердил Указ Президиума Верховного Совета Союза ССР от 9 января 1957 г. «Об образовании Калмыцкой автономной области в составе РСФСР». Калмыцкая автономная область создавалась на основе прежней территории в составе Ставропольского края. Область восстанавливалась в измененном составе (10 сельских районов – Западный, Яшалтинский, Приютненский, Сарпинский, Приозерный, Целинный, Каспийский, Яшкульский, Юстинский, Черноземельный) с центром в городе Элисте. Общая площадь равнялась 75,9 тыс. кв. км. Население (по переписи 1959 г.) составило 184,9 тыс. человек [4, л. 5].

Возвращение калмыцкого населения на родную землю было связано с необходимостью решения сложных вопросов их расселения и трудоустройства. Большую помощь переселенцам в адаптации оказало советское правительство и население Ставропольского края, Сталинградской, Астраханской и Ростовской областей. В течение 1957 г. правительство РСФСР оказало Калмыкии всю необходимую помощь в налаживании государственной и хозяйственной жизни.

ЦК КПСС, Совет Министров СССР и РСФСР приняли ряд чрезвычайно важных постановлений по подъему экономики и культуры области. Калмыкии отпускались значительные средства на развитие промышленности, сельского хозяйства, строительство культурно-бытовых помещений и жилых домов. Так, только в 1957 г. на капитальное строительство в г. Элиста и в районах области были выделены 73 млн руб., 40 тыс. кубометров леса, детали сборных домов, строительные материалы, разнообразная техника.

Свой вклад в оказание помощи остро нуждающимся семьям переселенцев, инвалидам войны и труда внесли кооператоры. Они

не только выделили денежные средства на выдачу единовременных пособий, но и оказали помощь в строительстве нового жилья и ремонте старого фонда.

В этот период начался процесс передачи части предприятий промысловой кооперации из системы Ставропольского крайпромпсовета в ведение Уполномоченного Роспромсовета Калмыцкой АССР. Передача производилась в соответствии с Постановлением совета промысловой кооперации РСФСР от 26 ноября 1958 г. № 337 «О развитии промысловой кооперации Калмыцкой АССР» [5, с. 102].

Все переданные Калмыкии ставропольские артели, в том числе промысловые, способствовали укреплению её местной промышленности, так как были рентабельными и имели крепкую материально-техническую базу.

Учитывая, что процесс становления автономии калмыцкого народа в основном завершился, Президиум Верховного Совета СССР 29 июля 1958 г. принял решение о преобразовании автономной области в Калмыцкую автономную республику.

Исследование показало, что в сложнейшие послевоенные годы работники промысловой кооперации Ставрополя и Карачаево-Черкесии внесли свой вклад в решение проблем восстановления и развития жилищного строительства региона, обеспечение населения товарами и услугами. Наибольших успехов в данном направлении промысловики добились к середине 1950-х гг. Немаловажную роль сыграли кооператоры Ставрополя и в создании условий для размещения и трудоустройства карачаевцев и калмыков, вернувшихся на свои исконные территории. Таким образом, деятельность промысловой кооперации способствовала решению важных социально-экономических проблем многонационального региона, снижению в нём уровня социальной напряжённости.

Литература

1. Государственный архив Ставропольского края (далее – ГАСК). Ф. 2775. Оп. 3. Д. 752.
2. ГАСК. Ф. 2775. Оп. 3. Д. 752.
3. ГАСК. Ф. 2775. Оп. 3. Д. 278.
4. ГАСК. Ф. 2775. Оп. 3. Д. 728.
5. Очерки истории Калмыцкой АССР. Эпоха социализма. М.: Наука, 1970. 102 с.
6. Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О развитии жилищного строительства в СССР» № 931 от 31 июля 1957 г. // Библиотека нормативно-правовых актов Союза Советских Социалистических Республик. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_5213.htm (Дата обращения: 22.02.2016).

7. Промышленность Ставропольского края в архивных документах (1945–1991 гг.). Ставрополь: Кавказская здравница, 2007. 562 с.
8. Сборник сообщений Чрезвычайной Государственной Комиссии о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков. М.: Госполитиздат, 1945. 430 с.
9. Ставропольская правда. 1957. 14 августа.

References

1. Stavropol State Archive (GASK). F. 2775. Op. 3. D. 752.
2. GASK. F. 2775. Op. 3. D. 752.
3. GASK. F. 2775. Op. 3. D. 278.
4. GASK. F. 2775. Op. 3. D. 728.
5. Ocherki istorii Kalmytskoi ASSR. Epokha sotsializma (Essays on the History of the Kalmyk ASSR. The era of socialism). M.: Nauka, 1970. 102 p.
6. Postanovlenie TsK KPSS i Soveta Ministrov SSSR «O razvitii zhilishchnogo stroitel'stva v SSSR» No. 931. 1957. 31 July (Resolution of the CC CPSU and Council of Ministers of the USSR «On the development of housing construction in the USSR» No. 931, July 31, 1957) URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_5213.htm (Accessed: 22.02.2016).
7. Promyshlennost' Stavropol'skogo kraia v arkhivnykh dokumentakh (1945–1991 gg.) (Stavropol Industry in the archival documents). Stavropol': Kavkazskaya zdavnitsa, 2007. 562 p.
8. Sbornik soobshchenii Chrezvychainoi Gosudarstvennoi Komissii o zlodeyaniyakh nemetsko-fashistskikh zakhvatnikov (Collection of reports of the Extraordinary State Commission on atrocities of the German fascist invaders). M.: Gospolitizdat, 1945. 430 p.
9. Stavropol'skaya pravda. 1957. 14 August.

УДК 903

Д. В. Пикалов, О. Н. Пикалова

ГРЕХ И ТАБУ В АРХАИЧНЫХ КУЛЬТУРАХ

В статье анализируются причины жестокого противостояния мировоззрений оседлого и кочевого населения. Одним из элементов этого мировоззренческого конфликта является табу на занятие земледелием, характерное для ряда архаических культур Древ-

него Востока и Мезоамерики. Анализируются причины его возникновения, особенности и социальные функции.

Ключевые слова: мифологические мышление, миф, конфликт идентичностей.

D. V. Pikalov, O. N. Pikalova

SIN AND TABOO IN ARCHAIC CULTURES

The article studies the reasons of dreadful confrontation between belief systems of domiciled and nomadic population. One of the elements of this ideological opposition is taboo on agriculture, which is typical of some archaic

cultures in Ancient Near East and Mesoamerica. The reasons for its origin, peculiarities and social functions are discussed.

Key words: mythological thinking, myth, conflict of identities.

В одной из своих статей, мы касались легенды о Каине и Авеле, отмечая, что она одна из самых загадочных и алогичных в Ветхом Завете [16, с. 148–153]. Брат убивает брата без каких-либо веских причин, и это приводит к тому, что последующим ин-

терпретаторам Ветхого Завета, приходится самим додумывать мотив «зависти». Мы же пытались показать, что в основе этой легенды лежит глубинное противостояние кочевого и земледельческого мировоззрения. И если в своих ритуалах и обрядах кочев-

ники воспроизводили мифологический сюжет об убийстве земледельцем скотовода, то оборотной стороной этих ритуалов, становится утверждение обратных социально-культурных норм, того самого хищнического поведения кочевников по отношению к земледельцам, которое повсеместно фиксируется в истории. Кочевники – иудеи, скифы, сарматы, гунны, арабы, монголы – воспринимали земледельческое население как добычу. А мотивы греховности и изгнания Богом земледельца – это способ дистанцирования от земледельца и, самое главное, обоснования своего агрессивного поведения по отношению к нему у кочевника.

Однако представление о греховности земледелия и многочисленных табу, связанных с обработкой земли, существуют не только в антагонистических земледельцам культурах кочевников, но, что парадоксально, и в самих земледельческих культурах. Но для начала вернемся опять к легенде о Каине и Авеле.

Начнём мы с предположения о том, что за недобрые дела совершает Каин и что за грех лежит у его дверей. Каин – земледelec, его брат Авель – скотовод. Тут еще нужно отметить, что имя Авеля значит «пастух», то Каина – «кузнец». Их конфликт отражает двусмысленное положение кузнеца в некоторых пастушеских обществах, где он может почитаться или презираться, но неизменно вызывает страх. Кузнечное ремесло считалось умением, связанным со сверхъестественными силами, колдовством. Библейское предание о кузнеце Каине отражает и реальную историческую ситуацию, с которой столкнулись древние иудеи, придя в Ханаан. Как отмечают археологи, ханаане и филистимляне ушли далеко вперед в деле металлургии и металлообработки, нежели кочевники-иудеи. Даже ритуальные статуэтки, находимые в древнеиудейских поселениях, выполнены в хананейской традиции, а оружие имеет явное филистимское происхождение. Первая книга Царств (19–21) Ветхого Завета сохранила предание о том, что филистимляне запрещали иудеям иметь собственных кузнецов: «Кузнецов не было во всей земле Израильской; ибо Филистимляне опасались, чтобы Евреи не сделали меча или копья. И должны были ходить все Израильтяне к Филистимлянам оттачивать свои сошники, и свои заступы, и свои топо-

ры, и свои кирки, когда делается щербина на острие у сошников, и у заступов, и у вил, и у топоров, или нужно рожон поправить» [5, с. 86]. И как предполагают учёные, дело, очевидно, не только в запретах, но и в первую очередь в контрасте между развитием металлургии двух народов. Железо, как отмечает один из крупнейших специалистов по истории Ближнего Востока Н. Я. Мерперт, входило в обиход израильтян очень медленно [14, с. 266].

Именно здесь и кроется ответ на поставленный вопрос. Труд Авеля естественен, он подчиняется законам природы, установленным, как считали создатели Ветхого Завета, Богом. Сами-то иудеи в период формирования Ветхого Завета были кочевниками-скотоводами. Каин кузнец и земледelec, его опасность для кочевника связана именно с его маргинальностью. Как отмечает А. Ван Геннеп, опасность заключается в переходном состоянии, в маргинальности [6, с. 134]. Тот, кто находится в этом состоянии, представляет опасность для себя и для окружающих. В таком же положении находятся участники инициатических ритуалов в архаических обществах [7, с. 147].

Тут ещё стоит упомянуть о характерном для архаических культур, и в частности для древнеиудейской, запретов на осквернение [5, с. 115]. Авель как пастух, в отличие от Каина-кузнеца, колдуна и земледельца, имеет контакт с «чистыми» с точки зрения Ветхого Завета (Левит 12:11–15) животными: овцами, козами, крупным рогатым скотом. Контакт с этими животными не требовал очищения перед тем, как войти в Храм [7, с. 89]. Если учитывать тот факт, что древние иудеи были изначально кочевниками, а лишь позже перешли к земледелию, то можно предположить, что в их кочевой среде существовали определённые запреты на занятие земледелием, какие мы видим у других народов [27, с. 318]. Мы не можем это утверждать, но в книге Левит (12:41–42), нечистыми называются все животные, ползающие по земле – змеи, черви, ящерицы и т. д. [5, с. 128].

Ещё в XIX веке в ряде кочевых культур этнографами фиксируются запреты на занятие земледелием. М. Элиаде рассказывает о вожде племени уанапум по имени Смохалла, который отказывался обрабатывать землю. Вождь Смохалла утверждал, что ранить,

резать, разрывать, царапать «нашу общую мать», производя на ней сельскохозяйственные работы, есть великий грех. Он добавлял: «Вы требуете от меня, чтобы я обрабатывал землю? Но могу ли я взять нож и вонзить его в чрево своей матери? Ведь если я так поступлю, она никогда не примет в себя вновь моё мёртвое тело. Вы требуете от меня, чтобы я взрыхлял почву и вытаскивал камни? Но могу ли я уродовать тело матери, добираясь до самых костей? Ведь если я так поступлю, я более не смогу войти в него, чтобы возродиться вновь. Вы требуете от меня, чтобы я косил траву, заготавливал сено, продавал его и обогащался подобно белому человеку? Но осмелюсь ли я повредить причёску моей матери?» [27, с. 318–319].

И здесь мы также видим следы конфликта идентичности, порождённые неолитической революцией. Табу на земледелие, фиксируемое у охотников и собирателей, вряд ли могло возникнуть, не будь рядом земледельцев, с их более чем «странным» занятием.

Но дело не столько в табу, сколько в отсутствии культурной парадигмы земледелия в среде охотников и собирателей. Как отмечает В. Р. Кабо: «охотники-бороро относились к посевам соседей-земледельцев, как и к другим дарам природы: при любой возможности они вырывали корни молодой маниоки, пекли их и ели» [10]. Именно отсутствие культурной парадигмы и не позволяло ряду племён охотников и собирателей осуществить переход к земледелию в XIX в., как бы в этом им ни помогали белые колонисты. В одних случаях охотники и собиратели сразу же съедали розданные им для посева семена, а в других – вырывали из земли ещё незрелые молодые растения, показавшиеся на обработанных белыми специалистами полях, и тут же на месте употребляли их в пищу.

В XIX в. правительство Бразилии избрало для такого эксперимента племя собирателей и охотников бороро. Они получили пахотную землю и семена, поля были обработаны для них специалистами, присланными правительством. Племя получило съестные припасы в количестве достаточном, чтобы прожить до времени уборки урожая. Но едва только бороро получили железные топоры, они сразу начали валить деревья пики, на которые раньше они были вынуждены взбираться, чтобы достать их плоды. Властям

приходилось охранять днём и ночью плантации сахарного тростника, чтобы спасти их от полного уничтожения, а плантации маниоки полностью погибли, так как женщины, привыкшие выкапывать дикие корни, бежали на поля со своими палками-копалками и извлекали из земли ещё не созревшие клубни [12, с. 11–12].

Миссионер, пытавшийся приобщить африканское племя охотников и собирателей васекеле одновременно к христианству и земледелию, был поднят туземцами на смех, и все его предложения отвергались такого рода аргументами: «Разве обезьяны голодают? Мы знаем и леса, и реки и ручьи. Бог желает, чтобы мы свободно кочевали, и нет его воли на то, чтобы мы взяли за мытыгу» [12, с. 12].

Коренные жители острова Лусон отказывались учиться искусству земледелия, потому что «они не желали оставаться на одном и том же месте» [Там же]. Даже те племена, которых уговорили посадить несколько видов овощей, по большей части покинули район посадки ещё до наступления времени жатвы. Вполне возможно, что тут роль сыграли и грубые административные методы, обычно применяемых колониальными властями и миссионерами, что могло даже привести к жёсткому табу на земледелие, которое отмечает М. Элиаде у индейцев Северной Америки.

Но, кроме того, следует отметить и психологические факторы. «Пигмеи и земледельцы относились друг к другу с некоторым презрением, считая противоположную сторону людьми второго сорта или даже животными», – отмечает М. В. Козловская [11]. Банту иногда брали в жены женщин из лесного племени пигмеев, обратных же браков никогда не заключалось. Бушмены категорично не желали принять образ жизни не только земледельцев, но и скотоводов, говоря, что «лучше одна корова в желудке, чем десять в загоне» [Там же]. Австралийские аборигены полуострова Кейп-Йорк и обитатели островов Торрессового пролива контактировали с земледельцами-папуасами и знали принципы выращивания растений, но сами земледелием не занимались [24, с. 40].

Ю. Липс в своем труде «Происхождение вещей» приводит историю о пигмеях Бельгийского Конго, записанную патером Шебе-

ста. Несмотря на то что племена пигмеев постоянно общаются с сельскохозяйственными негритянскими племенами, они никогда не пытались перенять образ жизни своих соседей. Наоборот, пигмеи гордятся своим свободным образом жизни. В их мифах рассказывается, что пигмеи имеют право собирать бананы на плантациях негров, потому что негры узнали о бананах только благодаря пигмеям [12, с. 12–13].

Только под воздействием кризисных факторов, а не экономической эффективности часть племен охотников и собирателей в XVIII–XIX вв. постепенно переходили к земледелию. В конце XIX в. племена бакайри еще помнили, что их деды «ничего не знали о маисе и маниоке». И только острый продовольственный кризис заставил бакайри, как и байнингов, перенять у соседей простейшие приемы земледелия. В настоящее время охота является для них второстепенной, подсобной отраслью хозяйства [10]. В последние годы выяснилось, что многие бушмены, бродячие охотники и собиратели Ботсваны владеют навыками земледелия, но занимаются этим только в дождливые годы, так как в периоды засух не могут собрать урожай. На острове Муралуг в начале XIX в. лишь несколько мужчин в социально-престижных целях выращивали завезенный с Новой Гвинеи ямс, который не играл никакой существенной роли в пищевом рационе. Но когда в 1848–1849 гг. резко упал улов черепах и наблюдался неурожай дикого ямса, местные обитатели повсюду начали сажать дикий ямс [24, с. 40].

Нами ранее было высказано предположение, о том, что первые земледельцы – это «парии», изгнанные с охотничьих угодий более сильными соседями [16, с. 148–153]. В условиях постоянно растущего давления первобытных охотников и собирателей на окружающую их природную среду часть из них, обитавшая в маргинальных природно-климатических зонах, была вынуждена обратиться к земледелию, которое первоначально могло обеспечить лишь полуголодное существование. Земледелие предположительно возникает в условиях продовольственного кризиса, оседлых племен охотников и собирателей, представителей так называемой поздненатуфийской культуры, когда в некоторых местах могли начаться небольшие посадки растений.

Слова индейского пророка Смохаллы о том, что «ранить, резать, разрывать, царапать «нашу общую мать», производя на ней сельскохозяйственные работы, есть великий грех», как ни парадоксально, находят параллели в воззрениях земледельческих народов. В. Н. Топоров приводит пример русского духовного стиха, в котором говорится, что, когда впервые стали пахать землю, она кричала от боли и борозды от плуга наполнялись кровью. Тогда Бог и сказал земле, чтобы она не плакала и не пускала крови, что будет отныне кормить людей – «но ты же и съешь их всех» [20, с. 277]. Учитывая, что русские духовные стихи содержат достаточно архаичный дохристианский пласт верований, вышеприведенный стих вполне соответствует широко распространенным у некоторых народов представлениям [26, с. 235].

Стоит указать и на другой аспект. Убийство Авелем животных для пропитания ничем не отличается от аналогичных действий животных-хищников или охотников. У многих примитивных народов доныне жизнь охотника пользуется большим престижем, нежели жизнь оседлого земледельца. Характерный пример: колумбийские десана называют себя охотниками, хотя 75 % своего питания они добывают рыболовством и садоводством. Но в их представлениях лишь жизнь охотника – это настоящая жизнь [25, с. 50]. Первобытные племена представляли себе загробный мир как страну богатых охотничьих угодий. В. М. Массон утверждает, что охота давала жителям древнейшего в Средней Азии поселения земледельцев Джейтуна (V тыс. до н. э.) только 25 % мясной пищи, остальную же поставляли домашние животные [13, с. 121]. В то же время примечательно, что на одном из джейтунских поселений – Песседжик-депе обнаружена настенная роспись, изображающая охоту. Видимо, охотничьи образы в представлениях земледельцев продолжали играть важную сакральную роль.

В книге «Экономика каменного века» М. Салинз сформулировал парадоксальный вывод: ранние земледельцы трудились больше, но имели уровень жизни ниже, чем первобытные охотники и собиратели [17, с. 19–53]. Известные в истории раннеземледельческие народы работали, как правило, гораздо больше времени, чем тратили на добывание пищи дожившие до XX в. перво-

бытные охотники и собиратели. По мнению М. Салинза, средств, имеющихся в распоряжении первобытного доземледельческого общества, было вполне достаточно для удовлетворения всех его потребностей [17, с. 23–25]. Представление о голодной жизни отсталых народов также оказалось очень сильно преувеличенным – у земледельцев голодовки носили более тяжёлый и регулярный характер. Дело в том, что при присваивающем хозяйстве люди забирали у природы далеко не все, что она могла им дать. Причина тому – не мнимая лень отсталых народов, а специфика их образа жизни, не придающая значения накоплению материального богатства, которое к тому же часто и невозможно накапливать из-за отсутствия технологий длительного хранения пищи. Наряду с этим имеется достаточно много фактов о том, что древние земледельцы кардинально меняли ландшафт, вырубая в местах своего поселения деревья и истощая почву. Пример культуры анасази, достигшей своего расцвета на юго-западе США в IX–XII в. как нельзя лучше об этом говорит. В конце концов, вырубив все деревья в округе, что привело к катастрофической эрозии почвы и исчезновении грунтовых вод, племена культуры анасази были вынуждены мигрировать в другие районы. Возникает парадоксальный вывод, который называют «парадоксом Салинза»: в ходе неолитической революции совершенствование аграрного производства ведёт к ухудшению уровня жизни.

В настоящее время обстоятельному научному анализу были подвергнуты останки только ранних земледельцев Америки. Ученые обнаружили убедительные свидетельства неправильного питания ранних земледельцев Америки: следы повышенного потребления углеводов и пониженного – протеинов и некоторых весьма важных аминокислот, что указывает на маисовую диету. Исследования археологов показывают, что продолжительность жизни первых земледельцев была ниже, чем у окружавших их охотников и собирателей. Анализ костных останков показывает, что питание земледельцев было значительно скуднее, чем у охотников и собирателей, земледельцы чаще болели, вследствие как скудности питания, так и большой плотности населения, да и сами кости земледельцев значительно

меньше, так как изменился характер физической нагрузки. Скелеты ранних земледельцев Мезоамерики несут вдвое больше следов воспаления костей – периостита и остеомиелита, чем костные останки охотников и собирателей того времени [19, с. 58–59]. Использование каменных зернотёрок приводило к тому, что песчинки камня попадали в муку и хлеб, и со временем стирали зубную эмаль. Поэтому зубы ранних земледельцев более изношены. Данные археологии показывают, что детская смертность в Иерихоне была предельно высокой, средний возраст его обитателей – 20 лет, до 40–45 лет редко кто доживал. Людей старше в Иерихоне, очевидно, вообще не было.

Как отмечает В. А. Шнирельман, в Леванте в мезолите и раннем неолите упадок охоты при отсутствии домашнего скота создавал серьёзную проблему, связанную с белковым голоданием [23, с. 51]. А обнаруженный археологами высокий процент наследственной патологии у обитателей пещеры Хайоним в Леванте, возможно, говорит о близкородственных отношениях общинников. Это может говорить либо о малочисленности и замкнутости раннеземледельческих общин, либо о табуировании брачных отношений между охотниками и земледельцами, как это происходит между современными пигмеями и банту.

Удивительно, но даже у ряда племён, перешедших к скотоводству, существуют пищевые табу на поедание одомашненных животных. М. Дуглас приводит данные о племени леле, в котором чистым и безопасным считается мясо дичи, добытое на охоте. Мясо кур и коз, которых разводят леле, в пищу практически не употребляются. Кур считают неподходящими для употребления только женщинами, коз же вообще не едят, а разводят для обмена с другими племенами [7, с. 245]. Все это указывает, что недостатка в пище, полученной с помощью охоты, леле не испытывают. Скорее наоборот, раз у них остаются ещё силы и время ухаживать за одомашненными животными, которых они не употребляют в пищу.

В. А. Шнирельман отмечает, что в отличие от охотников и собирателей ранние земледельцы питались менее разнообразно. В рационе древних земледельцев преобладали углеводы, и они испытывали постоянное белковое голодание, избежать которого

можно было, только регулярно занимаясь охотой и рыболовством. Но заниматься и развивать земледелие, оставаясь охотниками и рыболовами – невозможно [24, с. 39]. У земледельцев мясная пища приобретала особую притягательность. Именно поэтому мясо и его добыча со временем получили особый социально-престижный смысл [24, с. 9].

Тот же феномен отмечен историками значительно позже у казаков: отдельные казаки и целые их объединения носили характер «добычников», хлебопашцев презирали и держались от них особняком. О них говорили: «Жён не держат, землю не пашут, питаются от скотоводства, звериной ловли и рыбного промысла, а в старину больше в добычах, от соседственных народов получаемых, упражнялись» [9]. А. Чапыгин описывает сходные представления у донских казаков: «С Дона... У нас хлеба не пашут, рыбу ловят, зверя бьют и ясырь [пленника] берут, торгуют людьми да на Волгу из Паншина гулять ездят... тем живут!». А само прозвище мужик (пахарь) считалось у казаков оскорблением [9]. Как отмечают исследователи, до конца XVII в. донские казаки не только не занимались земледелием, но даже сурово пресекали подобные попытки.

М. Элиаде отмечает: «Через несколько тысячелетий после победы земледельческой экономики мировоззрение первобытных охотников снова скажется в истории. Вторжения и завоевания индоевропейцев и тюрко-монголов будут предприняты исключительно под знаком охотника, «хищника». Члены индоевропейских военных союзов и кочующие всадники Центральной Азии вели себя в отношении оседлого населения, на которое они нападали, как хищники, – преследуя, душа и пожирая степных травоядных или домашний скот. Многочисленные индоевропейские и тюрко-монгольские племена носили эпонимы хищных зверей (прежде всего, волка) и вели своё происхождение от териоморфного мифического предка. Воинские инициации индоевропейцев предполагали ритуальное превращение в волка: парадигматический воин усваивал поведение хищника. Ко всему прочему, преследование и убийство дикого животного становится мифологической моделью покорения территории и основания государства. У ассирийцев, иранцев и тюрко-монголов способы охоты и

войны сходны до неразличимости. Повсюду в евразийском мире, от появления ассирийцев до начала нового времени, охота служит для суверенов и военной аристократии как школой и испытательным полем, так и любимым спортом...» [25, с. 50–51]. Охота – удел благородных сословий, от египетских фараонов до аристократов Европы, важная часть их великосветской жизни, в средневековой Англии она являлась основным развлечением короля и нормандской аристократии в периоды между военными походами и заботами по управлению страной.

Многие сотни тысяч лет, прожитые человеком в мистическом союзе с животным миром, оставили в нашем сознании неизгладимые следы. Более того, оргиастические ритуалы способны реактуализировать религиозное поведение древнейших людей – поедание жертвы в сыром виде, как это происходило в Древней Греции, среди поклонявшихся Дионису, или – уже в XX веке – у марокканских айссава [25, с. 51].

Действия земледельца странны и даже противоестественны с точки зрения мировосприятия охотника. Он оскверняет и ранит землю, вскапывая её, он «хоронит» зерно и ждёт пока оно «воскреснет», он уничтожает зерно, превращая его в муку и хлеб. Сохранились многочисленные свидетельства об использовании хлеба в космогонических (новогонных) ритуалах земледельческих народов, а высокое количество различных предписаний и табу, сопровождающих процесс выпечки и потребления хлеба в культурах мира, позволяет выделить его как один из главных сакральных символов земледельческих цивилизаций. К примеру, у славян не разрешалось, чтобы хлеб пекла «нечистая» женщина – во время месячных, после полового акта, после родов; нельзя было печь хлеб в великие праздники, в воскресенье, а иногда и в другие дни. Хлеб кладут в печь в молчании и пока он в печи, не разговаривают громко и не шумят, не бранятся, не метут пол и т. д. Пока хлеб в печи, никто не должен выходить из дома [18, с. 385].

Не поэтому ли труд земледельца, как и он сам, презирались во все времена. Вот, что пишет Пьер Монтэ в своей книге «Египет Рамзесов»: «Писец относился с презрением к любому, занимавшемуся физической работой, но ниже всех он ставил земле-

дельца. На своей работе земледельцы изнашивались так же быстро, как их орудия. Их били и нещадно эксплуатировали хозяева и сборщики налогов, их обкрадывали соседи и грабили мародёры, их подводила погода, разоряли саранча и грызуны, на них ополчались все враги рода человеческого – такова была доля земледельца. Жену его могли бросить в тюрьму, детей забрать за долги. Земледелец являл собой законченный образ несчастного человека...» [15, с. 103]. Презрение к земледельцу мы видим и в другом древнеегипетском тексте «Поучение Ахтоя, сына Дуауфа. [4, с. 87–88]. Спустя несколько тысяч лет отношение к земледельцам не изменилось: «Угрюмые животные, самцы и самки рассеяны по стране; грязные и мертвенно бледные, испалённые солнцем, прикованные к земле, которую они роют и перелопачивают с неукротимым упорством; они даже владеют своего рода даром членораздельной речи, и когда выпрямляются, то на них можно заметить человеческие лица, и они действительно люди. Ночью они возвращаются в свои логова, где они живут на чёрном хлебе, воде и кореньях», – пишет в XVII века Жан де Лабрюйер о французских крестьянах своего времени [2, с. 57–60].

Адам и Ева, как повествует ветхозаветный текст (Бытие 3:23), пребывая в райских садах Эдема, жили естественной жизнью собирателей, и лишь изгнанные оттуда стали земледельцами: «И выслап его (Адама) Господь Бог из сада Эдемского, чтобы возделывать землю, из которой он взят» (авт.) [5, с. 26]. Земледельческий труд Ветхий Завет однозначно трактует как элемент наказания за первородный грех. Антиномия «земледелец – пастух» в культурах Древнего Востока также проявляется лингвистически. Библейский райский сад Эдем на иврите сблизается с вокабулой *e'den* – «наслаждение» и предположительно восходит к шумерскому слову *«edin»* – «равнина», «непаханая земля». Так что для кочевника-иудея именно перепаханная земля ассоциировалась со скверной, грехом и нарушением табу.

Эдем древних кочевников – это нетронутые плугом плодородные равнины. Древнеиудейские кочевники страстно желали навсегда обосноваться на плодородных равнинах Ханаана. Но мечтали они о землях, «текущих млеком и медом», а не о землях,

изобилующих урожаями злаковых, подобных тем, какие представляли себе в загробной жизни древние египтяне. Государства древнего Ближнего Востока были земледельческими, но ценности их совершенно противоположны ценностям кочевого племени, а в особенности – их крайнего типа – кочевников пустыни. «Уважение оседлых земледельцев к безличной власти и зависимость, принуждение, налагаемое организованным государством, означают для кочевника непереносимую нехватку личной свободы. Вечная забота земледельца обо всем, что связано с явлением произрастания, и его полная зависимость от этих явлений представляются кочевнику формой рабства. Более того, для него пустыня чиста, а картина жизни, которая в то же время есть картина гниения, отвратительна» [22, с. 291]. Люди, не носившие меча и питавшиеся тем, что росло из земли, а не мясом, были в глазах кочевников вроде скота. Гнать в нужное место толпу крестьян было для кочевников-монголов так же естественно, как гнать стадо коров, и обозначалось в их языке теми же терминами. [21, с. 92]. В работе Д. Уззерфорда много раз указывается, что для монголов Чингисхана был неприемлем сам уклад жизни земледельцев. При захвате Северного Китая воины Чингисхана не только планомерно разрушали и сжигали города и вырезали население, но также затрачивали много времени и труда на уничтожение ирригационных систем [21, с. 119]. Кочевники Чингисхана «приходили не для того, чтобы завоевывать и управлять, а для того, чтобы убивать, разрушать и грабить», – отмечает Уильям Дюрант в своей многотомной «Истории цивилизации» [1, с. 340]. Монголы «не только сравнивали с землей города и разрушали замки, но также вырубали виноградники, сжигали сады, вытапывали поля» [21, с. 148].

Здесь мы вплотную подошли к осознанию важнейшей пропасти, отделявшей кочевника-охотника от оседлого земледельца. Разница в их трудовых занятиях была лишь внешним, сразу бросающимся в глаза, но совсем не существенным отличием. Глубинная же социально-психологическая несовместимость и конфликт идентичности состояли совсем в другом.

Земледелец жил в государстве, каждый член которого как бы отказался от есте-

ственного права человека на самозащиту и передоверил её кому-то другому: солдату, полицейскому, судье, стражнику, королю, тюремщику, палачу. Освобождённый от задач гражданского и военного управления, земледелец мог все свои силы и время отдавать полезному труду. Совсем другое дело – кочевник или охотник. Внутри племенной структуры он сохраняет за собой все права и обязанности самозащиты себя, своей семьи, своего рода-племени. Эта ключевая разница и составляла главное препятствие для перехода кочевых народов в стадию оседлого земледелия. Кочевник мог научиться у земледельца приёмам вспашки и орошения земли, мог заставить себя попотеть на уборке урожая и постройке дома, на заготовке сена для скота. Но он не мог и не хотел

расстаться со своими священными правами, которые давала ему принадлежность к племени, со своим обширным «социальным Я-могу» [8, с. 162–163]. «Земледелец, при всём его богатстве, выглядел в глазах кочевника бесправным бедолагой, утратившим понятие о чести, потому что он отказался от права защищать свою честь и свободу с оружием в руках. Это откровенное презрение, которое нищий и отсталый кочевник выказывал преуспевающему земледельцу, было отмечено тысячу раз в воспоминаниях и путевых заметках. Гордость бедуина, монгола, индейца, черкеса вошла в поговорки, заставляла цивилизованный мир проявлять почтительную опасливость по отношению к охотникам и кочевникам» [8, с. 163].

Литература

1. Durant Will. The Age of Faith. New York: Simon and Schuster. 1950. 256 p.
2. Stannard D. E. American Holocaust: Columbus and the Conquest of the New World. Oxford University Press, 1992. 113 p.
3. The Dialogue Concerning the Exchequer. circa 1180. [Electronic resource]. URL: <http://avalon.law.yale.edu/medieval/excheq.asp> (Accessed: 27.12.2015).
4. Берлев О. Д. Древнейшее описание социальной организации Египта – Проблемы социальных отношений и форм зависимости на древнем Востоке. М.: Наука, 1984. 354 с.
5. Библия. М.: ББИ, 2014. 1346 с.
6. Ван Геннеп А. Обряды перехода. М.: Восточная литература, 1999. 200 с.
7. Дуглас М. Чистота и опасность. Анализ представлений об осквернении и табу. М.: Какон-Пресс-Ц, 2000. 289 с.
8. Ефимов И. Грядущий Атила. М.: Азбука-классика, 2008. 368 с.
9. Запорожское казачество: историческая справка. URL: http://evenings.rpg.by/inf_hist.htm (Дата обращения: 27.12.2015).
10. Кабо В. Р. Первобытная доземледельческая община. URL: http://aboriginals.narod.ru/primitive_preagricultural_community.htm (Дата обращения: 27.12.2015).
11. Козловская М. В. Пищевые новации производящего хозяйства. URL: http://imp.rudn.ru/psychology/anthropology/ch9_5.html (Дата обращения: 27.12.2015).
12. Липс Ю. Происхождение вещей. Очерки первобытной культуры. М.: Иностранная литература, 1995. 189 с.
13. Массон В. М. Поселение Джейтун. Проблема становления производящей экономики. М.: Наука, 1971. 93 с.
14. Мерперт Н. Я. Очерки археологии библейских стран. М.: ББИ, 2000. 217 с.
15. Монтэ П. Египет Рамзесов. Повседневная жизнь египтян во времена великих фараонов. М.: Наука, 1989. 176 с.
16. Пикалов Д. В. Мифы о противостоянии земледельца и пастуха в древневосточных культурах // Вестник Северо-Кавказского федерального университета. 2014. № 1(40). С. 148–153.
17. Салинз М. Экономика каменного века. Москва: ОГИ, 1999. 159 с.
18. Славянская мифология. М.: Просвещение, 1995. 207 с.
19. Строители погребальных холмов и обитатели пещер. М.: Терра, 1997. 168 с.
20. Топоров В. Н. К реконструкции образа Земли-Матери // Балто-славянские исследования 1998–1999. М.: Индрик, 2000. 400 с.
21. Уэзерфорд Д. Чингисхан. М.: АСТ, 2005. 486 с.
22. Франкфорт Г., Франкфорт Г. А., Уилсон Дж., Якобсен Т. В преддверии философии. Духовные искания древнего человека. СПб.: Амфора, 2001. 134 с.
23. Шнирельман В. А. Возникновение производящего хозяйства. М.: Наука, 1989. 115 с.
24. Шнирельман В. А. Что такое неолитическая революция? // Знание – сила. 1988. № 10. С. 52–58.

25. Элиаде М. История веры и религиозных идей. Т. I. М.: Академический проспект, 2008. 622 с.
26. Элиаде М. Очерки сравнительного религиоведения. М.: Ладомир, 1999. 488 с.
27. Элиаде М. Священное и мирское. М.: Ладомир, 2000. 117 с.

References

1. Durant Will. The Age of Faith. New York: Simon and Schuster. 1950. 256 p.
2. Stannard D. E. American Holocaust: Columbus and the Conquest of the New World. Oxford University Press, 1992. 113 p.
3. The Dialogue Concerning the Exchequer. circa 1180. URL: <http://avalon.law.yale.edu/medieval/excheq.asp> (Accessed: 27.12.2015).
4. Berlev O. D. Drevneishee opisanie sotsial'noi organizatsii Egipta – Problemy sotsial'nykh otnoshenii i form zavisimosti na drevnem Vostoke (The Ancient description of the social organization of Egypt – Problems of social relations and forms depending on the ancient East). М.: Nauka, 1984. 354 p.
5. Bibliya (Bible). М.: BBI Publ., 2014. 1346 p.
6. Van Gennep A. Obryady perekhoda (Rites of passage). М.: Vostochnaya literatura, 1999. 200 p.
7. Duglas M. Chistota i opasnost'. Analiz predstavlenii ob oskvernenii i tabu (Purity and Danger. Analysis of concept of the desecration and taboos). М.: Kakon-press-ts, 2000. 289 p.
8. Efimov I. Gryadushchii Attila (Upcoming Attila). М.: Azbuka-klassika, 2008. 368 p.
9. Zaporozhskoe kazachestvo: istoricheskaya spravka (Cossacks of Zaporozhye: historical note). URL: http://evenings.rpg.by/inf_hist.htm (Accessed: 27.12.2015).
10. Kabo V. R. Pervobytnaya dozemledel'cheskaya obshchina (Primitive preagricultural commune). URL: http://aboriginals.narod.ru/primitive_preagricultural_community.htm (Accessed: 27.12.2015).
11. Kozlovskaya M. V. Pishchevye novatsii proizvodnyashchego khozyaistva (Food Innovations productive economy). URL: http://imp.rudn.ru/psychology/anthropology/ch9_5.html (Accessed: 27.12.2015).
12. Lips Yu. Proiskhozhdenie veshchei. Ocherki pervobytnoi kul'tury (The origin of things. Analytical review of primitive culture). М.: Inostrannaya literatura, 1995. 189 p.
13. Masson V. M. Poselenie Dzheitun. Problema stanovleniya proizvodnyashchei ekonomiki (Settlement Jeitun. The issue of formation of productive economy). М.: Nauka, 1971. 93 p.
14. Merpert N. Ya. Ocherki arkheologii bibleiskikh stran (Essays on archeology of Biblical countries). М.: BBI Publ., 2000. 217 p.
15. Monte P. Egipt Ramzesov. Povsednevnyaya zhizn' egiptyan vo vremena velikikh faraonov (Ramesses Egypt. The daily life of Egyptians in the days of the great pharaohs). М.: Nauka, 1989. 176 p.
16. Pikalov D. V. Mify o protivostoyanii zemledel'tsa i pastukha v drevnevostochnykh kul'turakh (Myth about the confrontation of a farmer and a shepherd in ancient cultures) // Vestnik Severo-Kavkazskogo federal'nogo universiteta. 2014. No. 1 (40). P. 148–153.
17. Salinz M. Ekonomika kamennogo veka. (Economic of Stone Age). М.: OGI, 1999. 159 p.
18. Slavyanskaya mifologiya (Slavic mythology). М.: Prosveshchenie, 1995. 207 p.
19. Stroiteli pogrebal'nykh kholmov i obitateli peshcher (Builders burial hills and inhabitant of caves). М.: Terra, 1997. 168 p.
20. Toporov V. N. K rekonstruktsii obraza Zemli-Materi (On the question of reconstruction of the image of Mother Earth) // Balto-slavyanskije issledovaniya 1998 – 1999. (Balto-Slavic studies 1998–1999). М.: Indrik, 2000. 400 p.
21. Uezerford D. Chingiskhan. М.: ACT, 2005. 486 p.
22. Frankfort G., Frankfort G. A., Uilson Dzh., Yakobsen T. V preddverii filosofii. Dukhovnye iskaniya drevnego cheloveka (In advance of philosophy. The spiritual quest of ancient man). SPb.: Amfora, 2001. 134 p.
23. Shnirel'man V. A. Vozniknovenie proizvodnyashchego khozyaistva (The origin of the productive economy). М.: Nauka, 1989. 115 p.
24. Shnirel'man V. A. Chto takoe neoliticheskaya revolyutsiya? (What is the Neolithic Revolution?) // Znanie – sila. 1988. No. 10. P. 52–58.
25. Eliade M. Istoriya very i religioznykh idei. (The history of faith and religious ideas). Vol. I. М.: Akademicheskii prospekt, 2008. 622 p.
26. Eliade M. Ocherki sravnitel'nogo religiovedeniya (Essays on comparative religion). М.: Ladomir, 1999. 488 p.
27. Eliade M. Svyashchennoe i mirskoe (Sacred and secular). М.: Ladomir, 2000. 117 p.

УДК 94(37).08

С. А. Сахаров

MAGISTER OFFICIORUM И «ГОСУДАРСТВЕННАЯ ТАЙНАЯ ПОЛИЦИЯ» ПОЗДНЕЙ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ

В статье на основе данных «Кодекса Феодосия» и других источников рассматриваются полномочия *magister officiorum* как руководителя позднеримской секретной службы, фактически выполнявшей функции государственной тайной полиции. Магистр, согласно данным позднеримского императорского законодательства, непосредственно отвечал за формирование названного ведомства, ведение реестра службы и текущее управление ею. Подчиненное магистру ведомство

состояло из специальных государственных агентов, упоминаемых в «Кодексе Феодосия» как *agentes in rebus*. Агенты осуществляли государственный контроль и надзор в позднеримских провинциях, обеспечивая тем самым безопасность и спокойствие в империи.

Ключевые слова: Поздняя Римская империя, доминат, государственная администрация Поздней Римской империи, «Кодекс Феодосия», *magister officiorum*, *agentes in rebus*.

S. A. Sakharov

MAGISTER OFFICIORUM AND THE «STATE SECRET POLICE» IN THE LATE ROMAN EMPIRE

With the reference to «Theodosian Code» and other sources the article studies the powers of the *magister officiorum* as the head of the late Roman secret service, which in fact carried out functions of the state secret police. According to the late Roman Imperial legislation the Master was directly responsible for the formation of these departments, maintaining the register of the service and the current management. The office under the Master consisted of

special government agents referred to in the «Theodosian Code» as *agentes in rebus*. The agents carried out state control and supervision in late Roman provinces, thereby ensuring the safety and order in the Empire.

Key words: Late Roman Empire, Dominate, the State Administration of the Late Roman Empire, «Theodosian Code», *magister officiorum*, *agentes in rebus*.

Поздняя Римская империя, как известно, была централизованным, бюрократизированным государством. В этом государстве, по крайней мере формально, все рычаги власти и влияния концентрировались в руках «божественного» правителя [4, р. 18] – императора, что послужило причиной поиска в политической системе домината черт восточной деспотии [15, р. 227] или же абсолютной монархии [4, р. 18; 5, р. 449].

Формирование системы домината стало следствием кризиса III века и масштабных социально-политических реформ Диоклетиана и Константина. Эти реформы открыли путь к становлению позднеримской государственно-политической системы, в которой подданные, как отмечает А. Камерон, нахо-

дились под постоянным правительственным контролем во всех аспектах государственного управления [6, р. 39]. Подобное государство неизбежно сталкивалось с потребностью содержать огромный аппарат «профессиональной бюрократии» [15, р. 227] и штат дворцовых чиновников, лично преданных своему императору и составляющих особую «императорскую канцелярию». Названная канцелярия состояла из чиновников, неподвластных гражданской администрации и отвечавших только перед своим непосредственным «господином». Эти императорские служащие, со времен Константина игравшие значимую роль в вопросах осуществления административно-государственного контроля [8, р. 203], о которых идет речь в девятом

титуле первой книги «Кодекса Феодосия», известны под названием *agentes in rebus*. Сам же упомянутый титул непосредственно посвящен должностным обязанностям руководителя этой личной императорской канцелярии – *magister officiorum* [23, с. 211; 21, с. 78], управляющего двором и всеми дворцовыми службами [22, с. 41].

Императорские конституции в «Кодексе Феодосия», регулировавшие особенности компетенции *magister officiorum*, довольно немногочисленны и в основном датируются второй половиной IV столетия. Следует также отметить, что все они указывают на непосредственную подконтрольность магистру тех самых *agentes in rebus* [4, р. 32], которые, как следует из источника, и составляли его ведомство, отвечающее за «секретные» дела своего «божественного» господина [12, р. 51]. С их помощью верховная власть осуществляла постоянный контроль над провинциями [10, s. 234]. Хотя, надо признать, эти агенты, обладая огромной властью, сами довольно часто становились возмутителями спокойствия [14, р. XXI]. В подчинении *magister officiorum* находились также секретари – *notarii* [13, р. 372], которые, очевидно, играли свою собственную роль в политической жизни Поздней империи (например, Прокопий, попытавшийся узурпировать власть в восточной столице после смерти императора Юлиана, до того служил в качестве «трибуна и нотариуса» (*Amm. Marc. XXVI. 6. 1*) [11, р. 70]. В совокупности *agentes in rebus* и *notarii* выполняли функции своеобразных информаторов, тайных агентов или же тайной полиции [5, р. 447], осуществлявшей неустанный контроль за служащими [7, р. 29], «инспектировали» провинциальные администрации [10, s. 234].

Сама же канцелярия состояла из целого ряда служб или отделов, в которые поступали жалобы, письма, разнообразные документы, адресованные императору. Одна из таких служб занималась расследованием судебных споров, подлежащих высшему императорскому суду [10, s. 29]. Эти отделы возглавляли специальные должностные лица, находящиеся в подчинении *magister officiorum* [22, с. 41] – *magister memoriae*, *magister libellorum* и *magister epistularum* [13, р. 371]. Под начальством *magister officiorum* находилась личная охрана императора [22, с. 41] и дворцовая стража [4, с. 25].

Какие же функции императорский закон вменял в обязанности *magister officiorum*? Важнейшей задачей названного чиновника, судя по данным «Кодекса Феодосия», было обеспечение штата «секретной» службы людьми соответствующего происхождения, обладающими необходимыми личными качествами. Уже в 359 г. Констанций и Юлиан издают распоряжение, в соответствии с которым магистр был обязан следить за тем, чтобы «всякий человек, имеющий недостойное происхождение и дурную репутацию», стремившийся попасть в число *agentes in rebus* и добившийся своего, был немедленно удален из этого ведомства (*CTh 1. 9. 1*). Причем строгость и принципиальность императоров в этом вопросе такова, что ставит в прямую зависимость от успешности выполнения магистром названной функции саму возможность последнего «наслаждаться привилегиями», которые прежде были ему предоставлены (*CTh 1. 9. 1*).

В отмеченном распоряжении мы отчетливо видим, что больше всего заботило императоров. Это непременная обязанность руководителя канцелярии исключить саму возможность проникновения в нее любых элементов, способных представлять даже самую гипотетическую угрозу власти. К таким «элементам» Констанций и Юлиан относили не только тех, кто запятнал себя недостойными поступками, но и тех, кто «запятнан» «дурным» происхождением. Это как раз и свидетельствует об элитарности римского государства, освященной божественным императорским законом [4, р. 18]. Характерно в данном отношении замечание Валентиниана, Феодосия и Аркадия о том, что само «ожидание» людьми низкого происхождения каких-либо почетных должностей являлось «несправедливостью» (*CTh 1. 9. 2*). Единственным источником продвижения по карьерной лестнице в ведомстве *magister officiorum*, следуя букве и духу императорского закона, должны были быть трудолюбие и честность, засвидетельствованные многолетней службой (*CTh 1. 9. 1*).

Однако сами магистры не всегда соответствовали названным требованиям. Так, например, по свидетельству Аммиана Марцеллина, Лев, бывший нотариус, ставший впоследствии *magister officiorum*, до этого «на своей родине в Паннонии занимался

грабежом могил» (Amm. Marc. XXVIII.1.12). Описывая тонкости борьбы за власть между Константином и Лицинием, Зосим, например, не забывает упомянуть о Мартиниане, назначенном Лицинием *magister officiorum* по причине его исключительной преданности узурпатору (Zos. II. 25). Мартиниан, как свидетельствует Зосим, не только был назначен Лицинием *magister officiorum*, но некоторое время спустя вообще был провозглашен «соправителем» узурпатора, ибо последний рассматривал его в сложившейся ситуации в качестве надежного союзника и опоры (Zos. II. 25). На фоне сказанного требование императоров исключить из числа служащих высших ведомств людей, достигших каких-либо должностей посредством «покровительства», выглядит весьма странно (CTh 1. 9. 1).

Особый статус ведомства *agentes in rebus* подчеркнут порядком назначения его сотрудников. Констанций и Юлиан обязывают *magister officiorum* представить достойного претендента для назначения непосредственно императору (CTh 1. 9. 1). Это означает, что ведомство *magister officiorum*, как и сам магистр, находилось в постоянном взаимодействии с императорским двором. Вместе с тем *magister officiorum* был наделен особым правом рекомендации должностного лица для назначения на более высокие ступени службы. Это следует из эдикта Валентиниана, Феодосия и Аркадия, в соответствии с которым ни один чиновник не может обращаться с прошением о повышении, за исключением случаев, когда подобное прошение подкреплено «представлением» *magister officiorum* (CTh 1. 9. 2). Следует отметить, что подобная обязанность могла создавать проблемы для двора, так как превращала магистра в фигуру, от которой зависели карьеры многих людей. Последнее обстоятельство не могло не способствовать усилению личного влияния сановника, который становился адресатом различных «просьб» о содействии в продвижении по служебной лестнице. Последние могли подкрепляться и соответствующим материальным содержанием (например, взятками), которые так часто упоминаются императорскими конституциями как неоспоримое зло.

В полной мере компетенция *magister officiorum* как руководителя императорской

канцелярии оформлялась распоряжением Аркадия, Гонория и Феодосия от 1 августа 405 г. Последним августы вверяли магистру Эмилиану ведение специального реестра ведомства *agentes in rebus*, в соответствии с которым «энергичный» должен быть предпочтителен «ленивому», «присутствующий» – «отсутствующему» и т. д. (CTh 1. 9. 3). В духе прежних предписаний Аркадий, Гонорий и Феодосий отмечают, что только добросовестная служба наряду с милостью императора могут быть источником карьерного роста (CTh 1. 9. 3). Это вполне объяснимо, если учесть, что и *magister officiorum*, и *agentes in rebus* ведали вопросами особой государственной важности, имеющими принципиальное значение для государственной безопасности.

В данном контексте интересен описанный Аммианом Марцеллином случай, который наглядно показывает значение и роль императорских агентов: «На пирушке у Африкана, правителя Второй Паннии и Сирии, некоторые гости... не стеснялись поносить правительство за большие притеснения..., другие утверждали... близость государственного переворота. Присутствовавший там императорский агент Гауденций... донес обо всем этом Руфину, начальнику канцелярии префекта претория. Немедленно поспешил он в резиденцию императора и... так его распалил, что... было решено привлечь к суду Африкана и всех участников той роковой пирушки» (Amm. Marc. XV. 3. 7–9).

Приведенный пример показывает, что ведомство *agentes in rebus* в Поздней Римской империи фактически становится «глазами и ушами» императора [5, p. 447] и центрального правительства [10, s. 234].

Говоря же о полномочиях самого *magister officiorum*, не следует пренебрегать указанием позднеимперского историка Зосима на то, что этот чиновник отвечал помимо всего прочего и за обеспечение личной безопасности правителя, будучи командиром дворцовой гвардии (Zos. II. 25), или, как пишет Зосим, «командующим сил двора» (Zos. II. 43). Магистр лично принимал участие в битвах и даже мог погибнуть, защищая своего господина. Так, например, в сражении, где был смертельно ранен Юлиан, погиб и *magister officiorum* Анатолий (Zos. III. 29; Amm. Marc. XXV. 3. 14). Аналогичные сведения мы нахо-

дим и у Аммиана Марцеллина, который упоминает подчиненные магистру дворцовые схолы, протекторов-доместиков, скутариев и гентилов (Amm. Marc. XIV. 7. 9–17), а также кандидатов.

В целом *magister officiorum* являлся одной из центральных фигур позднеимперской государственной центральной администрации. В ведении этого высокопоставленного чиновника находился штат государственных тайных агентов, назначением которых, согласно данным позднеимперского законодательства, было обеспечение государственной безопасности и спокойствия верховной власти. Названные агенты выполняли роль информаторов позднеимперского правительства, осуществляли государственный контроль и надзор от имени и

в интересах центральной власти непосредственно в провинциях. По сути дела, можно говорить о том, что ведомство *agentes in rebus* представляло прообраз специальных служб, обеспечивающих государственную безопасность, существующих в современных государствах.

В названном контексте значение *magister officiorum* как должностного лица чрезвычайно возрастает, поскольку он, возглавляя ведомство *agentes in rebus*, фактически превращался в руководителя системы органов государственной безопасности – государственной тайной полиции Поздней Римской империи. Следовательно, именно от *magister officiorum* в значительной степени зависели мир и спокойствие в империи, безопасность государства и его правителей.

Литература

1. Ammiani Marcellini *Rerum gestarum libri qui supersunt* / rec. F. Eyssenhardt. Berolini, 1871.
2. Ammianus Marcellinus. *Römische Geschichte*. Lateinisch und Deutsch und mit einem Kommentar versehen von W. Seyfarth. Bd. 1–4. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1968–1971.
3. Ammien Marcellin. *Histoire*. Vol. 1–4 / trad. G. Sabbah, E. Galletier, J. Fontaine. Paris: Les Belles Lettres, 1968–1977.
4. Boak A. E. R. *The Master of the Offices in the Later Roman and Byzantine Empires*. New York; London: The MacMillan Company, 1919. 160 p.
5. Boak E. R., Hudson R. *A history of Rome. To 565 AD*. New York: The MacMillan Company, 1943. 552 p.
6. Cameron A. *The Later Roman Empire. AD 284–430*. Cambridge: Harvard University Press, 1993. 256 p.
7. Chastagnol A. *Le Bas-Empire*. Paris: Colin, 1997. 285 p.
8. Chastagnol A. *L'évolution politique, sociale et économique du monde romain de Diocletien à Julien: La mise en place du régime du Bas-Empire (284–363)*. Paris: SEDES, 1982. 394 p.
9. *Codex Theodosianus: Cum constitutionibus Sirmondianis et leges novellae ad Theodosianum pertinentes* / ed. T. Mommsen and P. M. Meyer. Berlin. 1905.
10. Demandt A. *Die Spätantike Römische Geschichte von Diocletian bis Justinian, 284–565 n. Chr.* München: Beck, 1989. 612 s.
11. Lenski N. *Failure of Empire. Valens and the Roman State in the Fourth Century A. D.* Berkeley: University of California Press, 2002. 454 p.
12. MacMullen R. *Soldier and civilian in the later Roman Empire*. Cambridge: Harvard University Press, 1963. 217 p.
13. Potter D. S. *The Roman Empire at Bay, AD 180–395*. London; New York: Routledge, 2004. 762 p.
14. *The Theodosian Code and Novels and sirmondian constitutions / a translation with commentary, glossary, and bibliography by C. Pharr in collaboration with T. S. Davidson and M. B. Pharr*. New Jersey: The Lawbook Exchange, 2001. 643 p.
15. *World Eras*. In 9 Vols. Vol 3. *Roman Republic and Empire, 264 BC – 476 CE* / ed J. T. Kirby. Detroit: Gale Group, 2001. 453 p.
16. Zosimus, *comitis et exadvocati fisci. Historia nova* / ed. L. Mendelssohn. Leipzig, 1887.
17. Zosimus. *Historia Nova. The Decline of Rome* / translated by J. J. Buchanan and H. T. Davis. San-Antonio: Trinity University Press, 1967. 274 p.
18. Zosimus. *New History / a translation with Commentary by R. T. Ridley*. Canberra: Australian Association for Byzantine Studies, 1982. 263 p.
19. Аммиан Марцеллин. *История* / пер. с лат. Ю. А. Кулаковского, А. И. Сонни. Вып. 1–3. Киев, 1906–1908.
20. Зосим. *Новая история* / пер., коммент. Н. Н. Болгова. Белгород: БелГУ, 2010. 342 с.
21. Князький И. О. *Император Диоклетиан и конец античного мира (Государственные и правовые реформы начала домината)*. М: Московский общественный научный фонд, 1999. 206 с.
22. Кулаковский Ю. А. *История Византии: в 3 т. Т. 1*. СПб.: Алетейя, 1996. 445 с.
23. Покровский И. А. *История Римского права*. СПб.: Летний сад, 1999. 531 с.

References

1. Ammiani Marcellini Rerum gestarum libri qui supersunt / rec. F. Eyssenhardt. Berolini, 1871.
2. Ammianus Marcellinus. Römische Geschichte. Lateinisch und Deutsch und mit einem Kommentar versehen von W. Seyfarth. Bd. 1–4. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1968–1971.
3. Ammien Marcellin. Histoire. Vol. 1–4 / trad. G. Sabbah, E. Galletier, J. Fontaine. Paris: Les Belles Lettres, 1968–1977.
4. Boak A. E. R. The Master of the Offices in the Later Roman and Byzantine Empires. New York, London: The MacMillan Company, 1919. 160 p.
5. Boak E. R., Hudson R. A history of Rome. To 565 AD. New York: The MacMillan Company, 1943. 552 p.
6. Cameron A. The Later Roman Empire. AD 284–430. Cambridge: Harvard University Press, 1993. 256 p.
7. Chastagnol A. Le Bas-Empire. Paris: Colin, 1997. 285 p.
8. Chastagnol A. L'évolution politique, sociale et économique du monde romain de Diocletien à Julien: La mise en place du régime du Bas-Empire (284–363). Paris: SEDES, 1982. 394 p.
9. Codex Theodosianus: Cum constitutionibus Sirmondianis et leges novellae ad Theodosianum pertinentes / ed. T. Mommsen and P. M. Meyer. Berlin. 1905.
10. Demandt A. Die Spätantike Römische Geschichte von Diocletian bis Justinian, 284–565 n. Chr. München, Beck, 1989. 612 s.
11. Lenski N. Failure of Empire. Valens and the Roman State in the Fourth Century A. D. Berkeley: University of California Press, 2002. 454 p.
12. MacMullen R. Soldier and civilian in the later Roman Empire. Cambridge: Harvard University Press, 1963. 217 p.
13. Potter D. S. The Roman Empire at Bay, AD 180–395. London; New York: Routledge, 2004. 762 p.
14. The Theodosian Code and Novels and sirmondian constitutions / a translation with commentary, glossary, and bibliography by C. Pharr in collaboration with T. S. Davidson and M. B. Pharr. New Jersey: The Lawbook Exchange, 2001. 643 p.
15. World Eras. In 9 Vols. Vol 3. Roman Republic and Empire, 264 BC – 476 CE / ed J. T. Kirby. Detroit: Gale Group, 2001. 453 p.
16. Zosimus, comitis et exadvocati fisci. Historia nova / ed. L. Mendelssohn. Leipzig, 1887.
17. Zosimus. Historia Nova. The Decline of Rome / the translation is by J. J. Buchanan and H. T. Davis. San-Antonio: Trinity University Press, 1967. 274 p.
18. Zosimus. New History / a translation with Commentary by R. T. Ridley. Canberra: Australian Association for Byzantine Studies, 1982. 263 p.
19. Ammian Martsellin. Istoriya (History) / the translation is by Yu. A. Kulakovskogo, A. I. Sonni. 1906–1908. Vol. 1–3.
20. Zosim. Novaya istoriya (New history) / the translation and comments are by N. N. Bolgova. Belgorod: BelSU Publ., 2010. 342 p.
21. Knyaz'kii I. O. Imperator Diokletian i konets antichnogo mira (Gosudarstvennye i pravovye reforma nachala dominata) (The emperor Diocletian and the end of the ancient world (state and legal reforms of the early Dominate). M: Moskow social scientific fund, 1999. 206 p.
22. Kulakovskii Yu. A. Istoriya Vizantii (History of Byzantium). T. 1. SPb.: Aleteiya, 1996. 445 p.
23. Pokrovskii I. A. Istoriya Rimskogo prava (The history of Roman law). SPb.: Letnii sad, 1999. 531 p.

УДК 93

Е. Н. Стрекалова

**ВЛИЯНИЕ ЭПОХИ «ВЕЛИКОГО ПЕРЕЛОМА» НА ПОВСЕДНЕВНОСТЬ
ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В 1930-е гг.**

Статья посвящена анализу повседневной жизни отечественной провинциальной интеллигенции 1930-х гг. по материалам Ставрополья и Северного Кавказа. Рассматривается влияние сталинской эпохи «великого перелома» на повседневную жизнь интеллигенции. Рассматриваются процессы влияния мобилизационной экономики и репрессивной

политики эпохи первых пятилеток. Показаны причины взаимодействия и конфронтации власти и интеллигенции.

Ключевые слова: интеллигенция, инженеры и техники, повседневность, сталинская эпоха, модернизация, мобилизация, репрессии.

E. N. Strekalova

**INFLUENCE OF «GREAT CRISIS» EPOCH ON EVERYDAY LIFE
OF INTELLIGENTSIA IN THE NORTH CAUCASUS IN 1930s**

The article studies daily life of provincial intelligentsia in 1930s with the reference to Stavropol and North Caucasus areas. The influence of Stalin epoch of «Great crisis» on daily life of intelligentsia is analyzed. The impact of mobilization economy and repressive policy

during the first five-year plans are examined. The reasons for interaction and confrontation of authority and intelligentsia are shown.

Key words: intelligentsia, engineers and technicians, everyday life, Stalin epoch, modernization, mobilization, repressions.

Проблематика повседневной жизни в современной отечественной и мировой историографии, бесспорно, относится к числу наиболее востребованных [24]. Одновременно с этим не иссякает интерес историков к сталинской эпохе, что усиливает актуальность представленной темы. Повседневный мир советского человека в условиях мобилизационной экономики «большого скачка» первых пятилеток становился предметом изучения в общероссийском контексте, однако на региональном уровне отражен незначительно [16, с. 28]. В предлагаемой работе остановимся на выявлении специфики повседневности интеллигенции Северного Кавказа в контексте «великого перелома» 1930-х гг. Примечательно, что процессы советской модернизации сделали наиболее востребованной, актуальной для промышленного развития техническую интеллигенцию, которой и посвящена статья.

В теоретическом плане наиболее распространенное понимание повседневности как предмета исследования включает сферу че-

ловеческой обыденности в ее историко-культурных, политико-событийных, этнических и конфессиональных контекстах [17, с. 16]. Для нас же при рассмотрении трагичной с внутриполитической точки зрения эпохи 1930-х гг., важно представление о повседневности как некой «социологии социальной экзистенции». В центре которой, по мнению социологов, «человеческое действие в коллективных контактах», ограниченное потенциалом участников и средой жизни [35, с. 5–13].

Мобилизационная экономика первых пятилеток и влияние политического фактора, усиление командно-административной системы и репрессий, формировали условия «социальной экзистенции». Первое дело о вредителях в промышленности в 1928 г. в г. Шахты, получившее одноименное название, способствовало нагнетанию истерии вокруг технической интеллигенции [15, с. 95–97]. Впоследствии во множестве газетных статей о промышленности в 1930-е гг. звучал риторический вопрос: «Нет ли здесь вредительства?». В разгар террора 1936–

38 гг. краевое периодическое издание «Северокавказский большевик» сообщая о любой аварийной ситуации на производстве из номера в номер прямо или косвенно намекало на «засоренность враждебными элементами, троцкистскими предателями, саботажниками» предприятий в лице инженеров и техников [29, с. 2].

«Страна полна шпионов, диверсантов и вредителей» писала «Орджоникидзевская правда». Автор статьи утверждал, что хотя подготовлены новые кадры из рабочих и крестьян, вооруженные знаниями техники, многие оказались не способны вовремя распознать врага и «сорвать с него маску» [21, с. 1]. Любые технические неполадки, неизбежные при темпах 1930-х гг., пресса – по заданию власти – называла вредительством. Конъюнктуру враждебности сразу почувствовали рабочие. Они прибавили голоса к хору осуждающих «бракоделов» из инженеров и технарей. 11 апреля 1937 г. в «Орджоникидзевской правде» была опубликована заметка рабочего. Более вероятно, как представляется, материал подавался от имени рабочего, который возмущается нарастанием числа аварий и «технических неполадок». Организатор аварий – «классовый враг», заявлялось в статье, и он не найден [22, с. 2].

В целом «удобное» перенесение вины за любые технические аварии, за низкие темпы, срывы пятилетних планов на технических специалистов, позволяло воздействовать запугиванием и страхом на сомневающихся в возможности взятых темпов индустриального рывка. Следовательно, «чрезвычайщина» в темпах на производстве и репрессивная политика во многом определяли повседневность технической интеллигенции 1930-х гг.

Промышленность на Северном Кавказе в годы первых пятилеток остро нуждалась в технических специалистах. От них зависело строительство, введение в строй новых мощностей и освоение новой техники. Переброски и неожиданные назначения, мобилизации, долгосрочные командировки инженеров и техников становились привычным, обыденным явлением. Директивными, административными методами специалисты перебрасывались на более значимый на этот период, по мнению властей, участок производств.

На Северном Кавказе приоритетными областями развития в годы первых пятилеток

стали нефтяная промышленность и цветная металлургия. Кроме того, ряд важнейших отраслей промышленности в перспективе ближайших 5–10 лет должны были получить широкое развитие: энергетика, цементная, химическая, лесная, текстильная, консервная, кукурузоперерабатывающая. Преимущественно аграрный Северо-Кавказский регион планировалось преобразовать в аграрно-промышленный [23, с. 3–28]. Однако предприятия перерабатывающей, пищевой, швейной, шерстеобрабатывающей промышленности не считались первостепенными. Именно с них и перебрасывались технические специалисты.

В связи с этим инженер, мобилизованный на предприятия тяжелой или добывающей промышленности (Грознефть, Садонские рудники в Северной Осетии), в трехдневный срок должен был переехать на указанное новое место работы. Мнение и желание самих специалистов на предмет полезности их работы в данной области, соответствие квалификации и просто личные обстоятельства не учитывались. Наказание в случае неповиновения носило достаточно строгие в финансовом и административном плане меры: штраф в 100 руб. и увольнение с запретом работать по специальности. При мобилизации за пределы края техническим специалистам обеспечивался бесплатный проезд и провоз 40 кг багажа [27, л. 97, 120].

Лишение возможности заниматься профессиональной деятельностью и удар по материальному положению становились реальными рычагами управления технической интеллигенцией. Положительная роль административных, командных мер наркоматов и партийных органов в обеспечении производства квалифицированными кадрами отмечалась многими руководителями предприятий. Государство «затыкало» производственные интеллектуальные дыры, преследуя прагматическую цель – обеспечить индустрию высококвалифицированным техническим сопровождением.

Особую актуальность для региона имела разведка промышленного залегания руд металлов на Северном Кавказе. Для геологических исследований привлекалось значительное количество крупных специалистов-геологов из центра страны. Необходимость новых разведок особо ощущалась

в «Грознефти», цветной металлургии Северной Осетии. Наиболее обеспеченное техническими кадрами производство в регионе «Грознефть» просило прислать на помощь бригаду геологов [4, л. 62–63]. Здесь работали специалисты Всесоюзного технического треста, Всесоюзного нефтяного НИИ, Геологического треста Новочеркасска. В целом на разведке месторождений Кавказских гор общая численность геологов возросла с 1933 по 1938 гг. с 70 до 350 человек [20, с. 100; 25, л. 3–4].

В годы первых пятилеток получить технические специальности стремились многие представители народов Северного Кавказа. Их тернистый путь был приблизительно одинаков. Плохое знание русского языка и низкий уровень общего образования преодолевался на одном из рабфаков страны. Это мог быть общегорский рабфак в Ростове-на-Дону, как в случае с осетином А. В. Калоевым, впоследствии ставшим конструктором, причастным к разработке танка Т-34 [31, л. 3]. Рабочие факультеты существовали при всех центральных вузах, студенты северокавказских национальностей зачастую учились там по два года, подтягиваясь по общетеоретическому уровню к студентам технических вузов. Молодые люди попадали в вузы тоже приблизительно одинаково: по разнарядке комсомольских и партийных организаций, выдвигавших активных молодых рабочих и крестьян для заполнения заранее «забронированных» мест для каждой республики [26, л. 1].

Окончив обучение, многие не рвались в свои горские регионы, и это прослеживается по целому ряду документов. Образование становилось «социальным лифтом», и многие, воспользовавшись им, оставались в центре страны. Так, осетин А. В. Калоев, впоследствии доктор технических наук, профессор, после завершения учебы в Московском автотракторном институте продолжил учебу в Академии механизации и моторизации РККА. Отлично завершив учебу, он был направлен конструктором на опытный танковый завод им. Кирова в Ленинграде. Именно там Александр Владимирович Калоев и стал участником разработки самого знаменитого танка Великой Отечественной войны. Приведенный пример, конечно, исключение. А. В. Калоев после войны, которую он закончил в Берлине, стал главным инженером бро-

нетанкового завода в Минске благодаря незаурядному техническому таланту [33, л. 36–41].

Однако в целом при распределении молодых специалистов 1931 г. отмечалось общее явление – уклоняемость от назначения на периферию. Так, представитель Дагестана в Наркомземе в 1932 г. искал бывшего студента-лезгина А. А. Рагимова, окончившего Московский институт инженеров водного хозяйства и мелиорации и не вернувшегося в республику на работу. Разбирательство сопровождалось обращением к Учраспределительному отделу Наркомпроса о направлении всех прошедших обучение студентов северокавказских национальностей в распоряжение местных Наркомпросов и через них – на региональные предприятия [2, л. 14; 3, л. 182].

Студенты технических вузов страны 1930-х гг. значительно уступали в знаниях старым специалистам царского времени и характеризовались так: «не умеют читать техническую литературу», у них «отсутствует техническое воображение, нет опыта». На это жаловались в ДонГЭС, Донполиграф, писала газета «Молот» в Ростове-на-Дону, при этом они претенциозны и требуют высоких должностей [19, с. 3].

Курьезный случай на маслодельно-сыроваренном заводе «Балтик» подтверждает сложности с техническими знаниями. Неопытный мастер сломал оборудование, закупленное в Швейцарии, и не смог разобраться в новейших станках. Усилия руководства завода по поиску инженера, знающего это производство на Северном Кавказе закончились впустую. Кроме того, оказалось, что в СССР производства подобного типа на Урале и Украине опирались на знания и опыт специалистов-иностранцев. В связи с чем в Северо-Кавказский крайком ВКП (б) поступило обращение с просьбой посодействовать приглашению специалиста из Швейцарии [34, л. 8–9].

Повседневность 1930-х гг. в профессиональной деятельности технических специалистов маркирует и развернувшееся стахановское движение. Оно связано в первую очередь непосредственно с рабочими. Парадоксально, но руководство страны особую роль в развитии активности стахановского движения на предприятиях отводило техническим кадрам. Стахановское движение как нельзя лучше отвечало главной цели

экономики 1930-х гг. – осуществить форсированный промышленный рывок. Инженеры должны были изучить опыт стахановских методов труда и содействовать дальнейшему их внедрению на всем производстве. Иначе говоря, благодаря изучению стахановской работы конкретного рабочего инженеры должны были содействовать превращению всех рабочих в стахановцев.

Абсурдность такого подхода сегодня очевидна, но не для советской власти того времени. На предприятиях организовывался широкий обмен опытом в виде стахановских семинаров, производственных совещаний, обучения рабочих стахановским методам. Выявился еще метод «добровольного» шефства над конкретными рабочими на пути «их возрастания в стахановцев» [10, л. 115]. Инженеры и техники, помимо своего обязательного труда на производстве, весьма широко привлекались к обучению потенциальных стахановцев.

Достижения особо неординарных стахановцев, выдающиеся примеры массового трудового «берсеркерства», способы их работы требовали иногда мобилизации всех технических сил предприятий. В частности, на заводе «Электроцинк» в Северной Осетии в механическом цехе к ноябрю 1935 г. насчитывалось 13 стахановцев. Каждый из них выполнял норму выработки на 200 %, а некоторые – более 300 %. Для изучения методов их работы к каждому из них прикрепили по одному техническому специалисту [14, с. 84].

На инженеров возлагалась ответственность за выработку трудовых норм в зависимости от производства, его целей и поставленных задач и, что самое важное, за выполнение этих норм рабочими на предприятиях. Как констатировалось на Северо-Кавказском краевом совещании работников лесной промышленности в 1935 г., «каждый стахановский метод» должен стать достоянием всей промышленности. Специалисты на предприятиях должны были выявлять, что «каждому конкретному рабочему мешает стать стахановцем». Иначе говоря, обеспечить переход от единичных рекордов к постоянной работе на основе стахановских методов [6, л. 56; 11, л. 21].

Очевидно, что инженеры были не в состоянии распространить на всю промышленность стахановские нормы. Многие

специалисты сомневались в реализации даже самого подхода – распространение сверхнорм на все предприятие, на всех работающих. От скорости выполнения к тому же страдало качество. Отечественные и западные исследователи считают, что от форсирования экономики стахановскими методами произошел рост незавершенности производства, диспропорции между различными отраслями, дестабилизация бюджета [13, с. 105].

Тем не менее власть, окрыленная эйфорией от стахановских рекордов, с подозрением восприняла пробуксовку распространения этих методов на всю промышленность. Так, газета «Северо-Кавказский большевик» 22 марта 1937 г. с осуждением и все с тем же указанным выше вопросом о вредительстве сообщала, что на фабрике «III Интернационал» в Махачкале после выработки технологом новых производственных норм число стахановцев снизилось с 472 до 119 человек [30, с. 2]. В конечном итоге нереализованный «стахановский рывок» стал одной из причин репрессий против технической интеллигенции в 1936–38 гг. В 1937 г. Северо-Кавказский краевой комитет ВКП (б) в резолюции по стахановскому движению обязывал обкомы и райкомы «увеличить большевистскую бдительность, критику и самокритику против технической косности и обломовщины». Резолюция призывала ограждать «честных и преданных» инженеров от необоснованных обвинений за малейшую ошибку [10, л. 115]. Тем не менее обвинения обернулись сотнями поломанных жизней.

Кроме «стахановского фактора», на повседневность интеллигенции в производстве повлияло движение рационализаторства. Оно, наряду с изобретательством среди рабочих, рассматривалось в качестве важного механизма повышения эффективности производства. Рационализаторское творчество до 1930-х гг. носило единичный характер и приобрело массовость с принятием курса на форсированную индустриализацию. Принцип рационализации и экономии в хозяйственном строительстве составной частью входил в первый пятилетний план. Административными методами технари привлекались к рационализаторским организациям на производстве. Инженеры обосновывали техническое направление изобретательства

в конкретном промышленном секторе, проводили консультации с рабочими, создавали планы изобретательства, вычисляли возможную экономию и объясняли причины невыполнения планов внедрения новаторских предложений [33, л. 36–41; 34, л. 32].

Часто необразованные рабочие обвиняли инженеров в непонимании их идей. В 1934 г. в Новороссийске на общем собрании рационализаторов, стахановцев и партийных органов слесарь мясокомбината заявил, что инженер не принял ни одной его инициативы. Возмущался по поводу молчания Москвы на его отправленное на экспертизу в центр изобретение. Подобное случалось, очевидно, довольно часто. В одном из выступлений народный комиссар тяжелой промышленности Г. К. Орджоникидзе отметил, что хороший рационализатор должен быть хорошим техником. Если он не знает техники, не постиг ее, то он будет «простым болтуном» [8, л. 5–6]. Несмотря на это, инженеры и техники должны были содействовать широкому вовлечению рабочих в рационализацию, соцсоревнование, поддерживать изобретательство и всякого рода технические новации, исходящие от них. В конце 1930-х гг., в период «большого террора», отсутствие рационализаторства на предприятиях, жалобы рабочих на отсутствие поддержки изобретательству, становились поводом для подозрений во вредительстве [1, с. 3; 15, с. 3].

В связи с этим инженеры постоянно находились под подозрением, что «затирание» изобретений, «прорыв» в рационализации происходит по их вине. Часть изобретательских предложений рабочих после проработ-

ки их инженерами из-за непригодности или дороговизны испытаний, отклонялась. Это нередко приводило к недовольству рабочих. Как справедливо заметил директор геолого-разведочной станции Краснодарского края в 1938 г., изобретательство – это прекрасно. Основная беда – наш изобретатель «плохо грамотен». Рабочие не учитывали отсталость материально-технической базы, не хотели признать собственный невысокий общекультурный уровень, и уровень технических знаний в частности. Имели место обвинения технической интеллигенции в присвоении изобретений, в «техническом консерватизме», «преклонении перед западными образцами, вредительстве» [9, л. 1–8; 12, с. 3].

В связи с этим усилилась текучесть кадров технической интеллигенции. Отвечать за просчеты, технические ошибки, к которым не имели отношения, инженеры не хотели. Более того, громкие процессы над технической интеллигенцией с конца 1920-х и в 1930-е гг. – «Шахтинское дело», «Дело Промпартии», «Нефтяное дело» и др. – крайне пагубно сказались на положении специалистов в сфере труда и на результатах самого производства. Перенесение вины за аварии, срывы пятилетних планов, стахановского движения и рационализации на технических специалистов позволяло воздействовать «фактором страха» на сомневающихся в возможности сверхтемпов индустриального рывка. «Чрезвычайщина» в темпах на производстве, политика запугивания и репрессий во многом определяли повседневность технической интеллигенции 1930-х гг.

Литература

1. Власть Советов. 1930. № 116.
2. ГАРФ. Ф. Р-5515. Оп. 15. Д. 379.
3. Государственный архив Ростовской области (далее – ГАРО) Ф. А-296. Оп. 1. Д. 441.
4. ГАРО. Ф. Р-3555. Оп. 1. Д. 34.
5. ГАРО. Ф. Р-3555. Оп. 1. Д. 33.
6. ГАРО. Ф. Р-1469. Оп. 1. Д. 9.
7. ГАРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 221.
8. Государственный архив Краснодарского края (далее – ГАКК). Ф. Р-343. Оп. 1. Д. 3.
9. ГАКК. Ф. Р-343. Оп. 1. Д. 12.
10. Государственный архив новейшей истории Ставропольского края (далее – ГАНИСК). Ф. 1. Оп. 1. Д. 232.
11. ГАНИСК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 683.
12. Грозненский рабочий. 1932. 18 января.
13. Девис Р., Хлевнюк О. В. Вторая пятилетка: механизм смены экономической политики // Отечественная история. 1994. № 3. С. 92–108.
14. Из истории завода «Электроцинк»: документы и материалы. Орджоникидзе: ИП, 1980. 234 с.

15. Кислицин С. А. Шахтинское дело. Начало сталинских репрессий против научно-технической интеллигенции в СССР. Ростов-н/Д.: Логос, 1993. 109 с.
16. Лебина Н. Б. Повседневная жизнь советского города: Нормы и аномалии 1920–1930-х годов. СПб.: Летний сад, 1999. 320 с.
17. Лелеко В. Д. Пространство повседневности в европейской культуре. СПб.: СПб ГУКИ, 2002. 320 с.
18. Молот. 1928. 18 мая.
19. Молот. 1929. 2 августа.
20. Новое в геологии края // Социалистическое строительство Северокавказского края. 1935. № 4. С. 98–112.
21. Орджоникидзевская правда. 1937. 2 апреля. № 75.
22. Орджоникидзевская правда. 1937. 11 апреля. № 83.
23. Перспективы развития Северо-Кавказского края во второй пятилетке. М.: Севкавплан, 1932. 171 с.
24. Повседневный мир советского человека в 1920–1940-х гг. Ростов-н/Д.: Южный научный центр РАН, 2009. 384 с.
25. Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 85. Д. 190.
26. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 29. Д. 595.
27. Российский Государственный архив экономики. Ф. 7734. Оп. 2. Д. 101.
28. Советская повседневность и массовое сознание: 1939–1945 гг. / сост. А. Я. Лившин, И. Б. Орлов. М.: РОССПЕН, 2003. 470 с.
29. Северокавказский большевик. 1937. 22 марта. № 66.
30. Северокавказский большевик. 1937. 9 февраля. № 32.
31. Центральный Государственный архив республики Северная Осетия-Алания (далее – ЦГА РСО-А) Ф. 930. Д. 1.
33. ЦГА РСО-А. Ф. Р 81. Оп.1. Д. 104.
34. Центр документации новейшей истории Ростовской области. Ф. 7. Оп. 1. Д. 319.
35. Штомпка П. В фокусе внимания повседневная жизнь: новый поворот в социологии // Социологические исследования. 2009. № 8. С. 5–13.

References

1. Vlast' Sovetov. 1930. №116.
2. State archive of Russian Federation. F. R-5515. Op. 15. D. 379.
3. State archive of Rostov territory (GARO) F. A-296. Op. 1. D. 441.
4. GARO. F. R-3555. Op. 1. D. 34.
5. GARO. F. R-3555. Op. 1. D. 34. D. 33.
6. GARO. F. R-1469. Op. 1. D. 9.
7. GARO. F. 7. Op. 1. D. 221.
8. State archive of Krasnodar territory (GAKK). F. R-343. Op. 1. D. 3.
9. GAKK. F. R-343. Op. 1. D. 12.
10. State Archive of Contemporary History of the Stavropol Territory (GANISK). F. 1. Op. 1. D. 232.
11. GANISK. F. 1. Op. 1. D. 683.
12. Groznenskii rabochii. 1932. 18 January.
13. Devis R., Khlevnyuk O. V. Vtoraya pyatiletka: mekhanizm smeny ekonomicheskoi politiki (Second Five-Year Plan: the mechanism of change of economic policy) // Otechestvennaya istoriya. 1994. No. 3. P. 92–108.
14. Iz istorii zavoda «Elektrotsink» (From the history of the plant «Electrozink»). Dokumenty i materialy (Documents). Ordzhonikidze: IR, 1980. 234 p.
15. Kislitsin S. A. Shakhtinskoe delo. Nachalo stalinskikh repressii protiv nauchno-tekhnicheskoi intelligentsii v SSSRb (Shakhty affair. Start of Stalinist repression against the scientific and technical intellectuals in the Soviet Union). Rostov-on-Don: Logos, 1993. 109 p.
16. Lebina N. B. Povsednevnyaya zhizn' sovetskogo goroda: Normy i anomalii 1920–1930 godov (The daily life of the Soviet city: Norms and anomalies 1920–1930 years). SPb.: Letnii sad, 1999. 320 p.
17. Leleko V.D. Prostranstvo povsednevnosti v evropeiskoi kul'ture (The space of everyday life in European culture). SPb.: SPb SIC, 2002. 320 s.
18. Molot. 1928. 18 May.
19. Molot. 1929. 2 August.
20. Novoe v geologii kraia. // Sotsialisticheskoe stroitel'stvo Severokavkazskogo kraia. 1935. No. 4. P. 98–112.
21. Ordzhonikidzevskaya pravda. 1937. No. 75.
22. Ordzhonikidzevskaya pravda. 1937. No. 83.
23. Perspektivy razvitiya Severo-Kavkazskogo kraia vo vtoroi pyatiletke (Prospects for development of the North Caucasus region in the second Five-Year Plan). M.: Sevkaavplan, 1932. 171 p.

24. Povsednevnyi mir sovetskogo cheloveka v 1920–1940-kh gg. (The everyday world of Soviet man in the 1920–1940). Rostov-n/D.: South scientific centre of RAS, 2009. 384 p.
25. Russian state archive of Socio-Political history (RGASPI). F. 17. Op. 85. D. 190.
26. RGASPI. F. 17. Op. 29. D. 595.
27. Russian state archive of economy. F. 7734, Op. 2. D. 101.
28. Sovetskaya povsednevnost' i massovoe soznanie: 1939–1945 gg. (Soviet everyday life and mass consciousness: 1939–1945) /ed. by A. Ya. Livshin, I. B. Orlov. M.: ROSSPEN, 2003. 470 p.
29. Severokavkazskii bol'shevik. 1937. No. 66.
30. Severokavkazskii bol'shevik. No. 32. 9 February.
31. Central state archive of the Republic of North Ossetia-Alania (TsGA RSO-A) F. 930. D. 1.
33. TsGA RSO-A. F. R-81. Op. 1. D. 104.
34. Documentation Centre modern history of the Rostov territory. F. 7. Op. 1. D. 319.
35. Shtompka P. V fokuse vnimaniya povsednevnaia zhizn': novyi povorot v sotsiologii (The focus of daily life: a new twist in sociology) // Sotsiologicheskie issledovaniia. 2009. No. 8. P. 5–13.

УДК 070:947.083(497.17)

Н. М. Тихонова

ЖУРНАЛ «РУССКАЯ МЫСЛЬ» О СИТУАЦИИ НА БАЛКАНСКОМ ПОЛУОСТРОВЕ В НАЧАЛЕ 1903 г.

В статье рассматривается отношение ведущего либерального журнала г. Москвы «Русская мысль» к ситуации на Балканском полуострове в первой половине 1903 г. Журнал полагал, что совместные действия России и Австро-Венгрии смогут остановить разрастание конфликта в Македонии и в

других регионах полуострова, а также улучшить положение славянского населения в Османской империи.

Ключевые слова: Балканский полуостров, Македония, реформы, Болгария, Сербия, восстание.

N. M. Tikhonova

THE POSITION OF «RUSSKAYA MYSL» MAGAZINE ON THE SITUATION ON THE BALKAN PENINSULA IN THE BEGINNING OF 1903

The article studies the position of the leading liberal Moscow magazine «Russkaya mysl» on the situation on the Balkan Peninsula in the first half of 1903. The magazine took the position that cooperative actions of Russia and Austria-Hungary could stop the escalation of

the conflict in Macedonia and in other regions of the peninsula and also improve the conditions of Slavic population in the Ottoman Empire.

Key words: the Balkan Peninsula, Macedonia, reforms, Bulgaria, Serbia, rebellion.

К началу XX в. российская журналистика добилась значительных успехов. Ответственность требовала новых изданий и расширения проблематики, поднимаемой на страницах газет и альманахов. Журнал «Русская мысль» по праву принадлежал к числу наиболее уважаемых и популярных изданий России. Он начал издаваться в 1880 г. в Москве, его издателем-редактором долгое время являлся В. М. Лавров (умер в 1906 г.).

В 1886 г. после смерти редактора С. А. Юрьева журнал отказывается от славянофильских заигрываний, переходя на позиции либеральной, прогрессивной журналистики. Данный курс полностью поддерживал новый редактор В. А. Гольцев. Журнал сыграл важную роль в создании партии конституционных демократов, со временем став рупором правого крыла партии кадетов. Журнал был закрыт большевиками в 1918 г. После этого

эмигрантские круги пытались издавать журнал за пределами России. Журнал проявлял большой интерес к международным делам, выражая свою позицию по ключевым проблемам развития зарубежных государств и международных отношений на страницах рубрики «Иностранное обозрение». Особое внимание журнал уделял событиям, развивавшимся на Балканском полуострове.

1903 г. в истории Балканского полуострова занимал важное место, он стал рубежом, положившим начало новому этапу Балканского кризиса, закончившемуся выстрелами в Сараево в 1914 г. Россия в конце XIX – начале XX вв. стремилась сохранить на полуострове статус-кво в союзе с другими европейскими державами. В Санкт-Петербурге понимали, что любая дестабилизация ситуации в Османской империи может привести к непредсказуемым событиям [14, с. 395]. В России стремились избегать внешнеполитических осложнений, ориентируясь на решении внутренних проблем. К тому же внимание Санкт-Петербурга в это время было приковано к Дальнему Востоку. В 1897 г. Россия и Австро-Венгрия заключили специальное соглашение о сохранении статус-кво на полуострове. В декабре 1902 г. министр иностранных дел В. Н. Ламздорф посетил Австро-Венгрию, где Вена и Санкт-Петербург выработали совместный план реформ в Македонии и в начале февраля 1903 г. передали его Порте [12, с. 216].

Однако события на Балканах развивались стремительно, ставя дипломатов в сложное положение. В 1902 г. в ряде районов Македонии вспыхивает антиосманское восстание [17]. События в Македонии вызвали живой отклик в Болгарии, где набирали силу антиосманские настроения. В 1903 г. в Хорватии пал режим бана К. Куэн-Хедервали, что открывало дорогу для распространения югославянских настроений в Австро-Венгрии и за ее пределами. В июне 1903 г. в Сербии произошел переворот, завершившийся свержением династии Обереновичей, сохранявших тесные отношения с Австро-Венгрией и приходом к власти Петра Карагеоргиевича, которого подозревали в русофильстве [16, с. 307].

Балканские события нашли отражение на страницах журнала. Оценивая политические итоги 1902 г. «Русская мысль» проявляла осторожный оптимизм. Журнал решительно

осудил сербские погромы в Хорватии, отмечая большой резонанс данных событий в Австро-Венгрии и за ее пределами. Эти погромы болезненно воспринимались в Сербии, где, по мнению издания, обострилась борьба между австрофильскими и русофильскими силами. События в Македонии, будоражившие общественность России, пока не выходили за рамки действий дипломатии. Издание отмечало миролюбивые высказывания ряда болгарских политиков, призывавших снизить накал революционной борьбы в Македонии, чтобы дать Великим державам шанс мирно добиться от Османской империи проведения реформ в провинции [3, с. 209]. Интерес «Русской мысли» к Болгарии не был случайным. Журналисты издания понимали, что решение македонского кризиса во многом зависело от позиции Софии, проявлявшей живой интерес к македонским делам. Современники событий и многие исследователи в наши дни полагают, что за македонским восстанием 1902 г. стояла Болгария, добивавшаяся автономии для Македонии, скорее всего, по образцу «Восточной Румелии» [1, с. 146].

«Русская мысль» полагала, что реформы в Македонии будут долгими и сложными. В этой ситуации от славян требовались выдержка и спокойствие, особенно со стороны болгар и Болгарии, где македонские проблемы воспринимались особенно болезненно. Смерть Петко Каравелова, одного из лидеров либеральной партии, пришлось, на взгляд «Русской мысли», весьма нехоту. Журнал высоко оценивал политические заслуги П. Каравелова. Он называл болгарского политика видным общественно-политическим деятелем всего Балканского полуострова, сторонником развития Болгарии на принципах конституционализма и демократии [4, с. 210]. Его мудрость и талант могли провести Болгарию по «тонкому лезвию» в дни македонского кризиса.

О возможности компромисса по македонскому вопросу, по мнению журнала, свидетельствовали заявления представителей болгарской оппозиции. Они не призывали к присоединению Македонии к Болгарии. Одни из них призывали к реализации статьи 23 Берлинского трактата, другие к расширению прав Македонии, с назначением генерал-губернатором христианина, возможно, подданного любой европейской страны.

Все они были едины в одном, что Македонию нельзя было делить по этническому признаку между соседними государствами без учета воли жителей данной провинции. Болгарские политики вне зависимости от их политической ориентации подчеркивали, что на Болгарию выпали основные беды от данного восстания: поток беженцев, рост нестабильности в приграничных районах и т. д. [7, с. 226]. Они требовали помощи со стороны великих держав.

Залогом стабильности на Балканском полуострове для «Русской мысли» являлся австро-русский союз. Координация действий на полуострове Вены и Санкт-Петербурга позволяло сохранить статус-кво и избежать нового вооруженного конфликта [3, с. 209]. «Русская мысль» принадлежала к числу немногих периодических изданий, поддерживавших сближение России и Австро-Венгрии на Балканах. Подтверждение своей позиции журнал искал в высказываниях ведущих газет Австро-Венгрии. Старочешская газета «Politik» считала сближение России и Австро-Венгрии главным политическим событием 1902 г., имевшим для империи Габсбургов большее значение в сравнении даже с Тройственным союзом, хотя чешская газета и признавала наличие в Вене и Будапеште кругов, полагавших, что союз с Россией позволит Австро-Венгрии мирно выйти к Салоникам [3, с. 210].

В феврале 1903 г. журнал проводит анализ статей европейской прессы по поводу развития ситуации в Македонии. «Русская мысль» вслед за рядом германских газет признавала завершение периода стабильности на полуострове после окончания русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Брожение в Османской империи вызывало «зловещее опасение» за будущее народов Балканского полуострова. Ситуацию усугубляла Порта, раздававшая обещания проведения реформ, но ничего не делавшая на практике [4, с. 207].

Журнал полностью соглашался с мнением французской газеты «Temps», что в сложившейся ситуации самым оптимальным вариантом стало бы назначение на должность губернатора Македонии грека-христианина Вогоридеса (Алеко-паша), хорошо себя зарекомендовавшего на посту губернатора Восточной Румелии. Однако «Русская мысль», как и большинство французских газет, сомневалось в реализации данного пла-

на, поскольку все назначения в Стамбуле производились не с позиции политической целесообразности, а в результате дворцовых интриг, расстановки сил в серале, личной выгоды. К тому же «Русская мысль» опасалась проведения Стамбулом политики по расколу коалиции европейских стран, требовавших проведения реформ в Македонии. Порта для этого могла назначить в качестве губернатора Македонии одного из германских генералов, находившихся на военной службе в османской армии, тем самым заручившись поддержкой Германии [4, с. 208].

«Русская мысль» внимательно отслеживала позицию прессы Австро-Венгрии по македонскому вопросу. Внимание журнала привлекла статья в одном из ведущих либеральных изданий Австрии «Neue Freie Presse», критиковавшая план реформ в Македонии. Из неё не было понятно, какое количество жандармов-христан и жандармов-мусульман будет размещено в Македонии. Тем более, по мнению австрийского издания, в условиях, когда жандармы месяцами не получали жалование, они могли стать военизированными бандами. Не было понятно, как будет формироваться «Полевая стража», определявшая налог-десятины и ставшая инструментом грабежа местного населения. Австрийское издание и «Русская мысль» полагали, что в мусульманских селениях данная стража должна была формироваться из мусульман, а в христианских селениях из христиан [Там же].

Журнал отмечал две трудности в проведении реформ в Македонии: сложная этническая карта провинции и соперничество ведущих держав между собой. «Русская мысль» в целом считала достоверной статистику, приведенную германской газетой «Kölnische Zeitung». Согласно представленным данным, в Македонии проживали 1 млн 321 тыс. мусульман (турок, болгар-мусульман и албанцев), 1 млн 38 тыс. болгар-христан, 429 тыс. греков, сербов и румын и 80 тыс. евреев [Там же].

Конфликты между ведущими европейскими державами проявлялись параллельно с развитием македонского кризиса. Великобритания сразу объявила протест в связи с желанием России провести через черноморские проливы военные суда. Однако данный протест не поддержали Германия и

Франция. В этой связи в России интересовались позицией Австро-Венгрии. По мнению «*Newe Freie Presse*», империю Габсбургов мало волновали склоки вокруг черноморских проливов, так как она ориентировалась на укрепление собственных позиций на Адриатике, в Боснии и Герцеговине и возможно в Албании. Поэтому «*Русская мысль*», как и большинство европейских изданий, ожидала провала британского демарша [4, с. 209].

В этом же номере журнала публикуется письмо графини Евгении Капнист, активно сотрудничавшей с журналом в 1903–1904 гг., прекрасно разбиравшейся во всех тонкостях балканских дел. Поводом для появления данного письма стали два обстоятельства. Первое – это подчеркивание официальными властями России и периодическими изданиями, вне зависимости от их политической направленности, славянского характера Македонии и забвение исторических судеб и чаяний греческой части населения Македонии, в том числе греков, проживавших в Северном Эпире и Старой Сербии (Косово. – *Прим. авт.*), ставших объектом террора со стороны албанских банд [9, с. 156].

Е. Капнист критически относилась к требованиям болгар о даровании Македонии автономии в рамках «исторических границ», так как болгары выступали против раздела Македонии по этническому принципу. Болгары мечтали о получении автономии по «критскому варианту», когда на Крите в 1898 г. после очередного восстания было создано «Критское государство», сохранявшее номинальные связи с Османской империей, а по сути, полностью от него отделившееся. В 1908 г. оно де-факто вошло в состав Греции. Следовательно, в будущем можно было допустить вариант присоединения «автономной Македонии» к Болгарии, как это уже произошло с «Восточной Румелией». На взгляд Е. Капнист, Османская империя никогда не согласится пойти на такие действия в отношении Македонии [Там же]. И в этом ее полностью поддержат Германия, Великобритания и Австро-Венгрия. В решении македонского вопроса Е. Капнист призывала не забывать о правах греков и сербов и не только на территории Македонии. Она призывала поднять проблему соблюдения прав греков и сербов в Северном Эпире и в Косово [Там же].

В своем письме Е. Капнист дает интересный исторический очерк, посвященный Македонии, сопровождаемый существенными этнографическими вставками, показывающими, как на протяжении веков менялся этнический состав населения Македонии. В результате этого Е. Капнист приходила к выводу, расходившемуся с мнением большинства российских изданий, политиков и общественных деятелей: «Исторические права на Македонию никоим образом не принадлежат болгарам. На них могут ссылаться греки, а затем сербы» [9, с. 158].

Анализируя различные европейские карты и данные этнографов, Е. Капнист опровергала притязания болгар на всю Македонию. Примечательно, что Е. Капнист при анализе этнического состава населения отдельных вилайетов нигде не употребляла этноним «македонцы». В России, как и в других государствах, население Македонии делилось на болгар, сербов, греков, турок, румын и евреев. В начале XX в. значительная часть населения Македонии вообще затруднялась при определении своей этнической принадлежности. Только некоторые представители интеллигенции и предпринимателей идентифицировали себя в качестве «славяно-македонцев» [17, с. 318–319].

Е. Капнист была уверена, что греки не относились так несправедливо к болгарам, как это утверждалось в России под воздействием болгарской пропаганды [9, с. 159]. По ее мнению, Болгария, сознательно искажала этническую карту Македонии, отрицая существование значительного сербского и греческого меньшинства в провинции, выдавая за болгарские поселения сербские и болгарские населенные пункты. Болгарская церковь распространяла свое влияние в охридской (сербской) епархии, которая никогда не была болгарской. Болгарская церковь, болгарские школы, поддерживаемые из Болгарии, стали инструментом ассимиляции греческого и сербского населения провинции. В то время как Греция и греки никогда не выдвигали претензий на Северную Македонию, заселенную славянами [9, с. 160].

Ситуацию могла разрешить османская статистика, но она, по мнению Е. Капнист, не выдерживала никакой критики, так как турки сознательно завышали численность мусульманского, и в частности турецкого, населения в регионе [9, с. 161].

Е. Капнист отмечала, что не соответствуют действительности все заявления о нежелании греков бороться за автономию Македонии. Греки были против автономии единой Македонии, что означало переход провинции под полный контроль болгар. Греческий проект предполагал присоединение к Македонии Косово и Северного Эпира с разделом данной территории на три губернаторства: Косовское со столицей в Скопье, Охридское и Салоникское. Греки претендовали только на Салоникское губернаторство. Е. Капнист полагала, что греки имели право на автономию не меньше болгар с выделением греческого сектора в Македонии [9, с. 162]. «Притязания болгар на южную Македонию, в которой огромное большинство православного населения состоит из не славян, могли быть опровергнуты значительным числом греческих и валахских школ в сравнении с болгарскими», — отмечала Е. Капнист [9, с. 163].

Греки и сербы Македонии, как Сербия и Греция, выступали решительно против болгарской экспансии в Македонии. Не случайно, Е. Капнист обратила внимание на то, что в революционном движении в Македонии принимали участие только болгары и, более того, некоторые сербские и греческие селения пострадали от действий революционеров.

Весной 1903 г. «Русская мысль» выражала осторожный оптимизм и уверенность в реализации проекта реформ на практике и в наступлении затишья в Македонии в случае проведения реформ. Возможность успеха реформ журнал видел в их умеренности, их компромиссном характере. Они не затрагивали суверенитета Османской империи, не предполагая кардинального изменения политической системы в Македонии. Реформы имели локальный масштаб, они были нацелены на ограждение христианского населения от произвола местных властей [5, с. 249]. Успех реформ подкреплялся единством действий великих держав. В сравнении с февралем журнал не акцентировал внимания на разногласиях между основными игроками на мировой арене по македонскому вопросу. По мнению издания, заявления России о том, что она не собирается воевать из-за Македонии, укрепили единство великих держав и остудили сербских и болгарских националистов [5, с. 249].

Во время македонского кризиса в России и за ее пределами обратили внимание на возвращение Франции на Балканы после поражения во франко-прусской войне. «Русская мысль» солидаризировалась в данном отношении с австрийской «*Neue Freie Presse*». Венское издание констатировало активность французского консула в Салониках, который первым уведомил свое правительство об обострении ситуации в Македонии, в то время как остальная часть дипломатического корпуса первоначально не придавала особого значения первым проявлениям дестабилизации ситуации в этой османской провинции [5, с. 249]. Французский парламент и общественность бурно протестовали против действий Порты. Активность Франции, с точки зрения австрийской газеты, объяснялась не только желанием принести македонцам свободу и автономию, но и желанием Франции укрепить собственные позиции на Балканском полуострове, с чем полностью была согласна редакция журнала.

В оценке ситуации в Македонии, и политики Франции в данном регионе «Русская мысль» вступила в жаркую полемику с «Московскими ведомостями». Следует подчеркнуть, что консервативно-правящая элита России очень осторожно отнеслась к самому началу к событиям в Македонии, призывая к совместным действиям с другими великими державами и обращая внимание на факты улучшения положения христианского населения в провинции [15, с. 73]. Она призывала не сгущать краски при описании положения христиан в Македонии и не поддаваться на проiski недругов России.

Большим специалистом в области славянской филологии и истории был действительный член Санкт-Петербургской академии наук, профессор Венского университета И. В. Ягич. Поэтому его мнение по македонскому вопросу не могло не заинтересовать «Русскую мысль». В Вене И. В. Ягич опубликовал статью, переданную в сокращенном варианте московским журналом. Он приветствовал восстание в Македонии, не сомневался в нежелании Порты проводить реформы в восставшей провинции и в ее попытках с помощью армии и арнаутов подавить славянское движение в Македонии [13].

В последующие месяцы интерес «Русской мысли» к событиям на Балканском полуострове

строве не снижался. В апреле 1903 г. издание отреагировало на смерть российского консула в г. Митровице Г. С. Щербинина, раненного турецким солдатом 18 марта 1903 г. во время беспорядков в городе, организованных албанцами: «Сердечно жаль молодого талантливого, энергичного и знающего консула» [6, с. 200]. Г. С. Щербинин приступил к исполнению должностных обязанностей в январе 1903 г., пробыв на своей должности всего 10 недель. Он предпринял усилия по защите интересов сербского населения региона [1, с. 146]. Данные события обратили внимание издания на природу мусульманского фанатизма, который мог взорвать ситуацию на Балканах, если Порты не последует советам России и Австро-Венгрии.

В мае 1903 г. из Македонии приходили неутешительные новости. Провинцию захлестнули беспорядки и боевые столкновения македонцев-болгар с турецкими войсками и арнаутами. Турецкая армия демонстрировала жестокость в борьбе с повстанцами. Порты обвинила Болгарию в поощрении революционных беспорядков в Македонии. Этот шаг журнал называл дерзостью (!) [7, с. 225]. В ответ София обвинила Порту в полной бездеятельности и нежелании проводить реформы в Македонии. Нота Болгарии получила полное одобрение издания.

В конце апреля 1903 г. в «Биржевых ведомостях» появилась примечательная статья о позиции Болгарии в македонском кризисе, поддержанная «Русской мыслью» [10]. Согласно данной точке зрения, премьер-министр Болгарии С. П. Данев являлся реалистом, понимающим, что страна не сможет в одиночку решить македонский вопрос, даже добиться для нее автономии. Поэтому С. П. Данев поддерживал реализацию на практике статьи 23 Берлинского трактата, требовавшей проведения в Македонии ряда реформ мирным путем [7, с. 225].

«Биржевые новости» и «Русская мысль» отмечали отсутствие прогресса в реформах в Македонии весной 1903 г. Генеральный инспектор Македонии Х. Хильми-паша без согласования с Портой не мог сместить ни одного чиновника, преобразования сельской жандармерии забуксовали, контингент иностранных офицеров для нее не был сформирован, налоговая реформа была только в проектах [Там же]. Следовательно, практи-

чески ни один пункт австро-русского плана реформ в Македонии не был выполнен на практике.

Шеф-редактор «Биржевых новостей» встретился с королем Сербии Александром Обреновичем. Эта встреча вызвала большой интерес у «Русской мысли». Король призвал Россию равномерно защищать интересы Сербии и Болгарии на Балканах, чтобы не допустить новой междоусобицы между южными славянами. Он благодарил Россию за содействие официальному признанию наличия сербского населения в Македонии и назначению сербских епископов в районы, где доминировали сербы. Данные события приостановили болгарскую экспансию в Македонии, которая опиралась на решения Сан-Стефанского договора. Болгарская экспансия вызывала большую тревогу у короля и правящих кругов в Белграде. В то же время Александр сомневался в желании Порты проводить реформы в Македонии, она стремилась только к силовым действиям, о чем свидетельствовал и рост численности турецких войск у границ с Сербией [7, с. 226]. Такой же позиции придерживались премьер-министр и министр иностранных дел Сербии, хотя они и признавали особую роль Болгарии и болгар в национальном возрождении славян Македонии и в защите их прав.

Июньский номер «Русской мысли» за 1903 г. обращал внимание читателей на переворот, произошедший в Белграде 11 июня (29 мая по ст. стилю) 1903 г., в результате которого были убиты король Александр, королева Драга, два брата короля и ряд политиков. «Русская мысль» отмечала первые заявления нового короля Петра Карагеоргиевича о желании развивать сотрудничество с Россией при сохранении нормальных отношений с Австро-Венгрией, соблюдении конституции 1888 г., основных прав граждан и т. д. [8, с. 251]. Журнал подчеркивал, что, несмотря на осуждение переворота и кровавого убийства монарха, европейские державы не применили реальные санкции к Сербии. На этот шаг не решилась даже империя Габсбургов. В Австрии премьер-министр призвал к миролюбию и добрососедству, в Венгрии руководители правительства и парламента сожалели о гибели «настоящего друга» Венгрии, но при этом никто из них не высказался за разрыв связей с Белградом [8, с. 252].

Следует подчеркнуть, что действительно первоначально в Европе сдержанно отнеслись к приходу к власти Петра Карагеоргиевича, требуя от него наказания виновных в жестоких убийствах, совершенных во время переворота, но со временем, когда стало ясно, что убийцы Александра не только не понесли наказания, но и сохранили свои должности, реакция изменилась. Многие государства отзывали своих послов, а империя Габсбургов объявила Сербии экономическую войну [11]. Переворот в Белграде оказал существенное влияние на последующее развитие македонского кризиса. Если король Александр стремился держаться в стороне от македонского кризиса, то пришедшие к власти политические силы в Сербии были не прочь использовать его в собственных

целях. В Белграде росла популярность идеи объединения всех сербов, в том числе Македонии, вокруг Сербии. Белград постепенно втягивался в число активных участников конфликта в Македонии [2]. Журналисты издания настороженно отнеслись к новому правительству Сербии. «Русская мысль» в июне 1903 г. опасалась, как бы переворот в будущем не привел сербский народ к новым бедам [7, с. 252].

2 августа 1903 г. в Ильин день в Македонии, главным образом в населенных болгарами районах вспыхнуло мощное восстание, жестоко подавленное турецкими войсками во второй половине сентября 1903 г. Это событие стало началом нового витка развития Балканского кризиса.

Литература

1. Асланова С. Н. К вопросу об убийстве российского консула в Митровице Г.С.Щербинина (по материалам турецких архивов) // Теория и практика общественного развития. 2015. № 11. С. 145–147.
2. Вишняков Я. В. Македонское движение и переворот в Сербии 29 мая 1903 г. // Новая и новейшая история. 2011. № 6. С. 80–91.
3. Иностранное обозрение // Русская мысль. 1903. Январь. С. 204–201.
4. Иностранное обозрение // Русская мысль. 1903. Февраль. С. 207–210.
5. Иностранное обозрение // Русская мысль. 1903. Март. С. 249–255.
6. Иностранное обозрение // Русская мысль. 1903. Апрель. С. 196–200.
7. Иностранное обозрение // Русская мысль. 1903. Май. С. 225–230.
8. Иностранное обозрение // Русская мысль. 1903. Июнь. С. 244–252.
9. Капнист Е. По македонскому вопросу. (Письмо в редакцию) // Русская мысль. 1903. Февраль. С. 156–163.
10. К восточному вопросу // Биржевые ведомости. 25 апреля 1903.
11. Курчатова О. М. Переворот в Сербии 29 мая 1903 г. как объект внешней политики и общественного мнения России: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Саратов: СГУ, 2008. 25 с.
12. Очерки истории министерства иностранных дел России. Т. 3: Биографии министров иностранных дел. 1802–2002 гг. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. 432 с.
13. Птицын А. Н. Хорватские профессора российских дипломатов в университетах в 70–80-е гг. XIX в. // Гуманитарные и юридические исследования. 2016. № 1. С. 105–110.
14. Рыбаченок И. С. Политика России на Балканах на рубеже XIX–XX веков: цели, задачи и методы // Труды Института российской истории РАН / отв. ред. А. Н. Сахаров. Вып. 9. М.; Тула: Гриф и К, 2010. С. 393–424.
15. Сквозников А. Н. Македонский вопрос в начале XX века и российская общественность (Macedonian question at the beginning of the XX century and the Russian society) // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2009. Т. 11. № 2. С. 70–76.
16. Чиркович С. М. История сербов. М.: Весь мир, 2009. 409 с.
17. Ямбаев И. М. Македония в 1878–1912 гг. // В «пороховом» погребе Европы. 1878–1914 гг. М.: Индрик, 2003. С. 297–322.

References

1. Aslanova S. N. K voprosu ob ubiistve rossiiskogo konsula v Mitrovitse G. S. Shcherbinina (po materialam turetskikh arkhivov) (Revisiting the murder of the Russian consul in Mitrovica G.S. Scherbinina (a case study of Turkish archives) // Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya. 2015. No. 11. P. 145–147.
2. Vishnyakov Ya. V. Makedonskoe dvizhenie i perevorot v Serbii 29 maya 1903 g. (Macedonian movement and the coup in 29 May 1903 in Serbia) // Novaya i noveishaya istoriya. 2011. No. 6. P. 80–91.
3. Inostrannoe obozrenie (Foreign review) // Russkaya mysl'. 1903. January. P. 204–201.
4. Inostrannoe obozrenie (Foreign review) // Russkaya mysl'. 1903. February. P. 207–210.
5. Inostrannoe obozrenie (Foreign review) // Russkaya mysl'. 1903. March. P. 249–255.

6. Inostrannoe obozrenie (Foreign review) // Russkaya mysl'. 1903. April. P. 196–200.
7. Inostrannoe obozrenie (Foreign review) // Russkaya mysl'. 1903. May. P. 225–230.
8. Inostrannoe obozrenie (Foreign review) // Russkaya mysl'. 1903. June. P. 244–252.
9. Kapnist E. Po makedonskomu voprosu (Pis'mo v redaktsiyu) (On the Macedonian question (letter to the editor) // Russkaya mysl'. 1903. February. P. 156–163.
10. K vostochnomu voprosu (On Eastern question) // Birzhevye vedomosti. 1903. 25 April.
11. Kurchatova O. M. Perevorot v Serbii 29 maya 1903 g. kak ob'ekt vneshnei politiki i obshchestvennogo mneniya Rossii (The coup in 29 May 1903 in Serbia as the object of the foreign policy of Russia and public opinion): avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. Saratov: SSU, 2008. 25 p.
12. Ocherki istorii ministerstva inostrannykh del Rossii. T. 3. Biografii ministrov inostrannykh del. 1802–2002 gg. (Essays on the History of the Russian Ministry of Foreign Affairs. V. 3. Biographies of foreign ministers). M.: OLMA-PRESS, 2002. 432 p.
13. Ptitsyn A. N. Khorvatskie professora rossiiskikh diplomatov v universitetakh v 70–80-e gg. XIX v. (Croatian professor of Russian diplomats in universities in 70–80th XIX century) // Gumanitarnye i yuridicheskie issledovaniya. 2016. No. 1.
14. Rybachenok I.S. Politika Rossii na Balkanakh na rubezhe XIX – XX vekov: tseli, zadachi i metody (Russian Policy in the Balkans at the turn of XIX–XX centuries: the goals, objectives and methods) // Trudy Instituta rossiiskoi istorii RAN / ed. by A. N. Sakharov. Vol. 9. M.; Tula: Grif i K, 2010. P. 393–424.
15. Skvoznikov A. N. Makedonskii vopros v nachale XX veka i rossiiskaya obshchestvennost' // Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi akademii nauk. 2009. T. 11. No. 2. P. 70–76.
16. Chirkovich S.M. Istoriya serbov (History of the Serbs). M.: Ves' mir, 2009. 409 p.
17. Yambaev I. M. Makedoniya v 1878–1912 gg. (Macedonia in 1878–1912) // V «porokhovom» pogrebe Evropy. 1878–1914 gg. M.: Indrik, 2003. P. 297–322.

УДК 94(497.224)

Н. А. Трапш

**«АБХАЗИЯ ... БЫЛА ПОЛНА ИНТРИГ»: ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ
АБХАЗИИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX СТОЛЕТИЯ
В «ВОСПОМИНАНИЯХ» Г. И. ФИЛИПСОНА**

В предлагаемой статье рассматривается оригинальная концепция политической истории Абхазии первой половины XIX столетия, реконструированная посредством качественного анализа известного нарративного источника – «Воспоминаний» Г. И. Филипсона. Автор подробно анализирует значимые оценочные суждения российского генерала, посвященные абхазским политическим деятелям, социальным процессам в рассматри-

ваемом регионе и специфическим особенностям взаимодействия местных обществ с царской администрацией. Особое внимание уделяется персональным характеристикам владетельных князей, личностные качества которых оказывали непосредственное воздействие на реальный характер и объективную динамику имперской инкорпорации.

Ключевые слова: инкорпорация, власть, племя, война, владетель.

N. A. Trapsh

**«ABKHAZIA ... WAS FULL OF INTRIGUES»: THE POLITICAL HISTORY
OF ABKHAZIA IN THE FIRST HALF OF XIX CENTURY
IN «MEMORIES» G. I. PHILIPSON**

This article examines the original concept of the political history of Abkhazia in the first half of the XIX century which was reconstructed by means of qualitative analysis of a well-known narrative source – «Memories» by G. I. Philipson. The author minutely analyzes relevant evaluative conclusions by the Russian general which refer to Abkhaz politicians, social processes in the region, and the specific

characteristics of interaction between local communities and the tsar administration. Particular attention is paid to the personal characteristics of the ruling princes, personal qualities which had a direct impact on the real nature and objective dynamics of imperial incorporation.

Key words: incorporation, power, tribe, war, ruler.

Абхазская история первой половины XIX века является традиционным объектом исследовательских дискуссий, затрагивающих широкий спектр разнообразных проблем, среди которых необходимо выделить: имманентные особенности последовательного включения избранного региона в российское имперское пространство, специфическую систему социальных отношений внутри местных локальных сообществ и меняющиеся приоритеты политического взаимодействия с сопредельными горскими социумами Западного Кавказа и недавно утратившими независимость грузинскими областями. Существующие концепции основываются на комплексе исторических фактов, реконстру-

ированном из ограниченного спектра документальных и нарративных источников, введенных в научный оборот за прошедшие полтора столетия. В контексте указанного обстоятельства значительный интерес представляет специальный анализ отдельных фрагментов рассматриваемой источниковой базы, основанный на современных методологических разработках и направленный на системный поиск новых интерпретаций конкретных событий и явлений, относящихся к избранному периоду.

Незавершенные «Воспоминания» российского военачальника и государственного деятеля Г. И. Филипсона, посвященные различным аспектам имперской инкорпорации

Западного Кавказа в первой половине XIX столетия, постоянно привлекают значительное внимание современных исследователей [1, 4, 5, 7, 8]. Подобный интерес определяется как обстоятельной характеристикой предшествующих и синхронных событий и явлений, предложенной квалифицированным автором, так и относительной беспристрастностью профессионального военного, офицера, избегающего конъюнктурных и политизированных оценок. Однако применительно к абхазской истории «Воспоминания» Г. И. Филипсона традиционно использовали в качестве нарративного источника дополняющего или иллюстративного характера, не предпринимая особых усилий для системной реконструкции оригинальной авторской концепции, сформулированной одним из наиболее успешных имперских администраторов на Кавказе в XIX столетии.

Реальная значимость избранного нарративного источника для системной реконструкции абхазской истории первой половины XIX столетия определяется двумя существенными обстоятельствами, имеющими объективный характер. С одной стороны, Г. И. Филипсон являлся непосредственным участником описываемых событий, присутствуя на Западном Кавказе в течение двух разделённых хронологических периодов (с 1835 г. по 1849 г. и с 1855 г. по 1861 г.). Одновременно он был преимущественно штабным офицером, не стремившимся к непосредственным контактам с собственными солдатами, не говоря уже о местных жителях [6]. Вследствие указанного обстоятельства привлеченная информация, характеризующая региональный исторический процесс, в отдельных случаях носит вторичный характер, сохраняющий оценочные суждения исходных источников. С другой стороны, Г. И. Филипсон критически относился к собственным размышлениям, не претендующим на всеобъемлющее и точное отражение избранной эпохи. Указанный подход нашел отчетливое выражение в одной из первых фраз рассматриваемых «Воспоминаний»: «Я плохо верю беспристрастию автобиографий. Руссо не щадил себя в своих Confessions; но я уверен, что он сказал о себе дурного или слишком мало, или слишком много: есть и такие странности в природе человека. Знаю наперед, что и в моем рассказе будет немало

недомолвок. Общий итог жизни будет подведен не нами...» [2, с. 73].

Комплексная характеристика абхазской истории первой половины XIX столетия, предложенная Г. И. Филипсоном, в значительной степени детерминировалась общим авторским представлением о местных жителях, имеющем ярко выраженный негативный характер. Российский генерал полагал, что «... Абхазцы вероломнее и беднее своих соседей. Последнее, вероятно, происходило от их особенной склонности к воровству; немудрено, что владельцы и многочисленная аристократия имели вредное влияние на народное благосостояние. Мы считали Абхазию покорною, но это было не совсем верно. Правда, что в этом крае не составлялось партий, против которых войска должны бы были действовать оружием, но разбои и убийство были очень часты...» [3, с. 304–305]. Главным фактором, влияющим на внутреннюю ситуацию в Абхазском княжестве, Г. И. Филипсон считал местных владельцев, которым он посвятил пространные фрагменты собственного повествования. Значительный интерес представляет предложенная российским генералом обобщенная характеристика владетельской фамилии, содержащая яркие оценочные суждения. Российский генерал полагал, что «...владетельная фамилия в Абхазии была из рода князей Чечь, которых Грузины, а за ними и мы, называли Шервашидзе. Вероятно, возвышение этого рода произошло вследствие случайных переворотов в крае, потому что некоторые княжеские фамилии в Абхазии считали себя старше родом князей Чечь... власть владельцев зависела исключительно от их собственного характера. В конце прошлого и в начале нынешнего столетия владетелем Абхазии был князь Келембей, человек предприимчивый, храбрый и умный. Он распространил свое влияние к Северу на горские племена до Геленджика... и отнял одну провинцию у своего исконного врага Мингрельского Дадьяна. Сын его Сафар-бей покорился России и получил от государя грамоту с золотою печатью на титул владетеля Абхазии и светлости. В сущности, эта грамота была мертвою буквой: Сафар-бей не наследовал ума и характера своего отца. Он был изменнически умерщвлен своим братом, оставив сына Михаила... ребенком.

Вообще в фамилии Шервашидзе отцеубийства, братоубийства ядом и кинжалом составляют события обыкновенные. Последний владетель из этой фамилии Абхазских Борджиа, Михаил, отравил своего брата Дмитрия, владельца одного из трех округов Абхазии: это был один из последних его подвигов» [3, с. 208]. Как представляется, Г. И. Филипсон не следовал устоявшейся имперской историописательной парадигме и предлагал реалистичные портреты Келешбей и Сефербея Чачба, лишенные искусственно добавленных позитивных или негативных особенностей. Одновременно российский генерал существенно преувеличивал объективные противоречия внутри владетельского семейства, предстающего в гротескном образе перманентной клановой борьбы, лишенной моральных ограничений и искренних родственных чувств.

Наибольшее внимание Г. И. Филипсон уделяет последнему абхазскому владетелю Михаилу Чачба, с которым он был лично знаком и контактировал по служебным вопросам. По образной характеристике российского генерала, владетельный князь был «довольно красивый мужчина, лет около тридцати, высокого роста, но с фальшивым выражением глаз» [3, с. 307]. Г. И. Филипсон подробно описывает политическую биографию Михаила Чачба, акцентируя особое внимание на неизменной зависимости абхазского владетеля от российской поддержки. Одновременно он отмечает, что реальное усиление владетельской власти не встречало однозначной поддержки в местном обществе. По образному замечанию российского генерала, «Раевский нашел нужным поднять в этом крае значение и власть владетеля. Это очень не понравилось многим лицам, находившим поддержку в местном начальстве и в Тифлисе. Абхазия, классическая страна вероломства и предательства, была полна интриг, в которых не последнюю роль играл сам владетель» [3, с. 308]. Реальным средством для внутренней стабилизации в Абхазии Г. И. Филипсон считал последовательное установление прочных связей с влиятельными местными деятелями, контролировавшими определенные районы или локальные сообщества. В контексте указанного подхода он обращал особое внимание на политические действия

Н. Н. Муравьева, который, командуя одним из отделений Черноморской береговой линии, стремился к синхронному налаживанию устойчивых отношений и с Михаилом Чачба, и с влиятельным представителем местного дворянства Кацем Маргания. Российский генерал отмечал, что «...в Абхазии Муравьев начал с того, что сблизился с двумя главными лицами: владетелем и Кацо-Маргани. Первому он оказывал особенное уважение: когда у того родился первый сын, приказал сделать в Бомборах 101 пушечный выстрел. В сущности он заставлял владетеля делать все по его указанию. Труднее было сблизиться с Кацом, горцем умным, хитрым и имевшим огромную значимость в Абхазии. Кацу было уже за 60 лет; хотя он сохранил бодрость и прежнюю энергию, но поддался кошачьим ласкам своего начальника и сделался его усердным агентом» [3, с. 310]. Как представляется, Г. И. Филипсон справедливо отмечает характерную черту имперской политики в рассматриваемом регионе, связанную с последовательным формированием различных групп политического влияния, однозначно ориентированных на практическую реализацию российских целей.

Отдельного внимания заслуживает предложенная российским генералом лаконичная характеристика сложного комплекса исторических событий, связанных с формальным включением Абхазского княжества в состав Российской империи. Г. И. Филипсон отмечал, что «... в 1808 г. Абхазия приняла подданство России; Сухуми в 1809 г. был бомбардирован Русским фрегатом „Воин“, и гарнизон сдался. Но долгое время еще край оставался в прежнем, враждебном к нам, положении. Этому много способствовали кровавые междоусобия в семействе владетеля, равно как и близость непокорных горских племен, с которыми Абхазцы, из боязни и по врожденному вероломству, сохраняли дружественные связи» [3, с. 305]. Очевидные несоответствия в приведенной хронологии не скрывают главной авторской мысли, согласно которой распространенное представление о добровольном вхождении Абхазии в имперское пространство не соответствует реальной действительности, связано с враждебным отношением и вооруженным сопротивлением местного населения. Подобный подход контрастирует с

традиционными представлениями официальной отечественной историографии XIX столетия, сформировавшей привлекательный образ Сефербея Чачба, осуществившего при всенародной поддержке единственный правильный выбор в пользу российского подданства.

Реалистичная оценка инкорпорационных процессов, предложенная Г. И. Филипсоном, не влияла на негативное отношение к сопротивляющимся горским сообществам, отчетливо проявляющееся в рассматриваемом источнике. Российский генерал отмечал, что «...в вершинах Бзыба и Кодора жили общества Абхазского племени Псху и Цебельда, не зависящие от владетеля. Это были притоны сброда разных беглецов и негодяев, особливо Псху. В обоих обществах были князья Маршани, считавшие себя родом старше владетеля... они подняли всю Цебельду и начали свою разбойническую войну против Абхазии и, следовательно, против нас» [3, с. 301]. В данном случае Г. И. Филипсон придерживается традиционного подхода, согласно которому вооруженное сопротивление имперской экспансии является тождественным преступной деятельности, а потому требует самых жестких ответных мер. Применительно к избранной проблематике следует выделить также и то существенное обстоятельство, что российский генерал подробно описывает одну из Цебельдинских экспедиций, акцентируя особое внимание на объективных трудностях, связанных с быстрым перемещением армейских подразделений по гористому бездорожью. По справедливому замечанию Г. И. Филипсона, «...в крае вообще нет даже сносных колесных дорог. Туземные двухколесные арбы, запрягаемые быками или буйволами, проходят по таким местам, которые для наших четырехколесных экипажей и для непривычных лошадей недоступны» [3, с. 316].

Необходимо выделить также реалистичные рассуждения российского генерала о Самурзаканской области, территориальная принадлежность которой является исторически дискуссионным вопросом. Согласно пространному замечанию Г. И. Филипсона, «...собственно Абхазия состоит из трех округов: Бзыбского, Абхазского и Абжуааского. Между последним и Мингрелией находится округ Самурзакань – спорный между владе-

телями Мингрелии и Абхазии. Нет сомнения, что он должен бы принадлежать Абхазии, так как его жители Абхазского племени, ничего общего не имеющего с Мингрельским. Но этот округ не раз переходил из рук в руки в продолжение вековой вражды соседей» [2, с. 208]. Российский генерал подробно рассматривает длительную борьбу абхазских владетелей с мегрельскими соседями, указывая на важную роль России в окончательном разрешении указанного конфликта. Следует заметить, что подобная однозначная оценка также не является традиционным элементом имперской историографической традиции, ориентированной на всемерную поддержку грузинских княжеств, активно поддерживавших имперскую экспансию.

Определенное внимание Г. И. Филипсон уделяет местной торговле, которую он считает единственной значимой отраслью региональной экономики. По образной характеристике русского генерала, «...армянские торгаши продавали водку, чихирь, табак и другие подобные товары, необходимые для солдат. Тут же можно было купить турецкий ситец английского изделия, несмотря на то что тут же были и карантин, и таможенная застава... главные притоны контрабанды были в Келасурах, в 6 верстах к югу от Сухума и в Очемчирах. ...в первом эта торговля процветала под покровительством владетеля Абхазского округа князя Дмитрия, а второй принадлежал в собственности самому владетелю Абхазии. Эта торговля приносила им значительный доход и служила яблоком раздора между ними» [3, с. 323]. Контрабандные операции действительно являлись важной статьей владетельских доходов, но, как представляется, Г. И. Филипсон гиперболизировал реальные масштабы указанной деятельности, которая в рассматриваемый период жестко пресекалась российскими патрульными кораблями.

В целом необходимо признать, что военно-этнографический нарратив российского генерала содержит разнообразную информацию, позволяющую реконструировать значимые явления политической истории Абхазии первой половины XIX столетия. В отдельных случаях оценочные суждения Г. И. Филипсона существенно расходятся с системными трендами российской историографической традиции, сформировавшейся

в рассматриваемый период и характеризующей имманентные особенности имперской инкорпорации Западного Кавказа. Однако реалистичные размышления нередко дополняются сомнительными фактами, отражающими эмоциональное восприятие синхронных событий и гиперболизирующими негативные особенности социально-экономического и

политического развития региональных горских сообществ. В интегрированном варианте нарративная историописательная концепция Г. И. Филиппсона, характеризующая абхазскую историю первой половины XIX столетия, носит синкретический характер и представляет значительный интерес для современных исследователей.

Литература

1. Вакулов В. Е. Военная и политическая деятельность Н. Н. Муравьева-Амурского: дис. ... канд. ист. наук. М.: Военный университет, 2002. 248 с.
2. Воспоминания Григория Ивановича Филиппсона // Русский архив. 1883. Т. 52. С. 122–127.
3. Воспоминания Григория Ивановича Филиппсона // Русский архив. 1883. Т. 6. С. 242–274.
4. Дубровин А. В. Кавказская война: изменение ментальности российских офицеров (60-е гг. XVIII – 60-е гг. XIX вв.): дис. ... канд. ист. наук. Майкоп: АдГУ, 2013. 280 с.
5. Лапин В. В. Армия России на Кавказе: Приватизация войны // Независимый филологический журнал. 1998. № 93. С. 2–6.
6. Ольшевский М. Я. Кавказ с 1841 по 1866 год. СПб.: Звезда, 2003. 724 с.
7. Хафизова М. Г. Этносоциальная организация и политическая история убыхов в источниках и историографии // Известия Алтайского государственного университета. 2007. № 4. С. 53–58.
8. Юрченко И. Ю. Казаки в отражении русской военной мемуаристики, дневниках и письмах офицеров периода Большой Кавказской войны XIX века // Историческая и социально-образовательная мысль. 2012. № 4. С. 60–64.

References

1. Vakulov V. E. Voennaya i politicheskaya deyatelnost' N.N. Murav'eva-Amurskogo (Military and political activity of N. N. Muraviev-Amurskii): dis. ... kand. ist. nauk. M.: Military University, 2002. 248 p.
2. Vospominaniya Grigoriya Ivanovicha Filipsona (Grigory Ivanovich Philipson's memories) // Russkii arkhiv. 1883. T. 52. P. 122–127.
3. Vospominaniya Grigoriya Ivanovicha Filipsona (Grigory Ivanovich Philipson's memories) // Russkii arkhiv. 1883. T. 6. P. 242–274.
4. Dubrovin A. V. Kavkazskaya voyna: izmenenie mental'nosti rossiiskikh ofitserov (60-e gg. XVIII – 60-e gg. XIX vv.) (Caucasian war: a change of mentality of the Russian army officers (60th XVIII – 60th of XIX centuries): dis. ... kand. ist. nauk. Maikop: AdGU, 2013. 280 p.
5. Lapin V. V. Armiya Rossii na Kavkaze: Privatizatsiya voyny (Russian Army in Caucasus: Privatisation of war) // Nezavisimyi filologicheskii zhurnal. 1998. № 93. P. 2–6.
6. Ol'shevskii M. Ya. Kavkaz s 1841 po 1866 god (Caucasus from 1841 to 1866). SPb.: Zvezda, 2003. 724 p.
7. Khafizova M. G. Etnosotsial'naya organizatsiya i politicheskaya istoriya ubykhov v istochnikakh i istoriografii (Ethnic and social organization and political history of Ubykhs in sources and historiography) // Izvestiya Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta. 2007. No. 4. P. 53–58.
8. Yurchenko I. Yu. Kazaki v otrazhenii russkoi voennoi memuaristiki, dnevnikakh i pis'makh ofitserov perioda Bol'shoi Kavkazskoi voyny XIX veka (Cossacks in Russian military memoirs, officers diaries and letters of the Great Caucasian War of the XIX century) // Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl'. 2012. No. 4. P. 60–64.

УДК 94(54)''1947''

Л. А. Черешнева

ГОСУДАРСТВЕННОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО ИНДИИ И ПАКИСТАНА В ПЕРВЫЕ ГОДЫ НЕЗАВИСИМОСТИ: ИСТОРИОГРАФИЯ ПРОБЛЕМЫ

В статье дана краткая характеристика российской и зарубежной историографии истории государственного строительства Индии и Пакистана в первые годы их независимости.

Ключевые слова: Индия, Пакистан, независимость, государственное строительство, российская историография, зарубежная историография.

L. A. Chereshneva

STATE-BUILDING OF INDIA AND PAKISTAN IN THE FIRST YEARS OF INDEPENDENCE: HISTORIOGRAPHY OF THE PROBLEM

The article outlines brief characteristics of Russian and foreign historiography of the state-building history of India and Pakistan in the first years of their independence.

Key words: India, Pakistan, independence, state-building, Russian historiography, foreign historiography.

14–15 августа 2017 г. Индия и Пакистан отмечают 70-летие своей независимости от Британии. Провозглашение Индийского Союза и Пакистана открыло перспективы их свободного развития, при всем том 1947 год стал трагедией для целого поколения индийцев, в межобщинной резне унес около полумиллиона жизней. Государственное строительство в обеих частях прежде единой колонизальной Индии во всей сложности проблем и взаимных претензий представляет большой научный и общественный интерес в XXI веке, отмеченном всплеском национализма и этнорелигиозного сепаратизма. Задача автора статьи – дать краткий анализ историографии вопроса.

В отечественной исторической литературе нет проведенного на новейших методологических основах фундаментального специального исследования проблемы борьбы политических сил Индии в первые годы ее независимости после раздела 1947 г., в сопоставлении с Пакистаном. Во многом это объясняется сложностями изучения предмета в советское время, вызванными его противоречивым характером. В советскую эпоху длительное время национальная

буржуазия – лидер антиимпериалистического движения в странах Востока – расценивалась партийным руководством СССР как деструктивная сила, враг мировой социалистической революции. С другой стороны, индийский национализм, активизировавшийся во время Второй мировой войны, был по существу направлен против военного партнера Советского Союза по Антигитлеровской коалиции. Историки на длительный период стали заложниками столкновения идеологических догм, и для создания непредвзятого исторического труда по интересующей нас проблеме требовалось их преодоление. К примеру, монографии А. М. Дьякова [7, 8] содержат конъюнктурные оценки ведущих политических лидеров Индии и Пакистана, что приводит к одностороннему пониманию всей деятельности ведущих политических сил колониальной Индии – Индийского национального конгресса (ИНК) и Всеиндийской мусульманской лиги (МЛ), а после раздела Индии – ИНК и МЛП – Мусульманской лиги Пакистана.

Нельзя не считаться и с тем, что важнейшие документы и материалы должны были миновать свой срок нахождения под грифом секретности и поступить в научный оборот.

В современных исследованиях, свободных от идеологических шор, представлены общие закономерности становления суверенных Индии и Пакистана, их внутри- и внешнеполитических курсов, в том числе индо-пакистанских отношений. Огромный вклад в реконструкцию истории Индии и Пакистана первых лет независимости внесли Л. Б. Алаев [1], В. Я. Белокреницкий [2, 3], Ю. В. Ганковский [4, 5], В. Н. Москаленко [6], Ю. П. Насенко [9], Ф. Н. Юрлов [11, 12], Е. С. Юрлова [13], Т. Л. Шаумян [10] и многие другие.

Л. Б. Алаев замечает, что «колониальный режим настолько явственно осознавался как всеобщий враг подавляющим большинством активного населения, что процессы общендийской идентификации получили преобладание над частными самоопределениями. После 1947 г. различия культур, конфессий, народов, каст стали все более проявляться и вызывать иногда прямые, в том числе вооруженные, столкновения». Политические дивиденды Мусульманской лиги от создания «государства чистых» Алаев именует «яркой иллюстрацией того, что обычно не удается найти „третий путь“, а ее попытка „сочетать мобилизацию масс на основе конфессионального единства с либеральными, демократическими лозунгами и целями“ привела к победе «клерикальной составляющей этого неестественного единства» [1, с. 12].

Ф. Н. Юрлов и Е. С. Юрлова показывают процесс подготовки и осуществления раздела колониальной Индии, характеризуя мотивы и тактику ведущих политических сил. Авторы рассматривают планы раздела Бенгалии и Панджаба, образование Индии и Пакистана, яркие персоналии эпохи [11, с. 538–584; 13, с. 271–276, 286–302]. Первый том новейшего исследования Ф. Н. Юрловым истории династии Неру увидел свет в 2015 г. Автор показал всю многосложность личности Неру-младшего и его роль как государственного деятеля в становлении и развитии независимости Индии. Исследование особенно выигрывает от того, что портрет Джавахарлала Неру вписан в династическую историю, и читатель может видеть преемственность и новаторскую самобытность первого премьер-министра Индии как националиста, патриота [12, с. 272–305].

Ю. В. Ганковский дал анализ особенностей социально-экономического развития

Пакистана, причин и развития национального движения бенгальцев и народов Западного Пакистана, охарактеризовал экономические аспекты проблемы перемещения населения [5, с. 28–90, 97, 106–113; 6, с. 4]. В. Я. Белокреницкий отмечает позицию британских правящих кругов накануне решающего раунда переговоров с индийскими политиками: «Выражая на заключительном этапе колониального господства либеральный подход к Индии, признающий ее органическое единство и стремление к независимости, лейбористы были предрасположены к тому, чтобы передать власть партии большинства, т. е. Конгрессу, при условии, что последний обеспечит соблюдение прав и интересов меньшинств, в первую очередь крупной и самостоятельной мусульманской общины» [3, с. 42]. Автор анализирует причины раздела Индии и утверждает, что «возникновение... Пакистана не было случайностью... объяснялось сочетанием многоплановых политических причин. Среди них большое значение имели и факторы субъективные, связанные... с фигурой и личностью Джинны» [3, с. 56]. В. Я. Белокреницкий и В. Н. Москаленко в своем обобщающем труде, исследуя историю Исламской Республики Пакистан за 60 лет существования страны, рассмотрели предпосылки и непосредственные причины возникновения этого государства по конфессиональному признаку, «драму „бракоразводного процесса“» [4, с. 24–92].

Значительный пласт новейших работ, имеющих отношение к интересующему нас предмету, создан сотрудниками Центра индийских исследований ИВ РАН. Его руководитель Т. Л. Шаумян с объективистско-критических позиций исследовала историю индо-пакистанского конфликта из-за Кашмира [12, с. 61–72]. Ю. П. Насенко изучил и с классовых позиций проанализировал роль Джавахарлала Неру в становлении внешней политики Индии, ее взаимоотношений с Пакистаном, Британским Содружеством наций, СССР и другими странами [11].

Зарубежная литература, касающаяся проблемы становления независимых Индии и Пакистана, обширна и многообразна. Значительный вклад в изучение проблемы внесли индийцы В. К. Бава [17], Х. Рой [24], Ч. Саидулу [25], Дж. Сингх [27], М. Г. Читтара [18]; пакистанцы (в том числе с другим

гражданством) Ш. Амин [16], М. Р. Казими [21], Х. Малик [22], А. Назим [23] и многие другие индоведы и пакистановеды разных стран.

Известный в научных и дипломатических кругах исследователь Дж. Сингх в своей фундаментальной монографии рассуждает о причинах раздела Британской Индии, о самом начале индийской и пакистанской независимости. Автор расценивает эти процессы как драму и прямое ее следствие, потому постоянно задается вопросом об ответственности за 1947 год и предлагает читателю настоящее досье из документов эпохи [27, р. 526–586]. Дж. Н. Диксит, уроженец Мадраса, исследует внешнюю политику независимой Индии, в 1 и 3 главах своего труда характеризует вполне объективно становление самостоятельной внешней политики Индии при первом премьер-министре Дж. Неру [20, р. 28–50]. Х. Рой анализирует проблему разделенных народов и конкретно беженцев и переселенцев из Индии в Пакистан и обратно в 1947–1948 гг. [24, р. 45–65, 78–143].

М. Г. Читткара, исследовавший кашмирский кризис, занимает классическую антиколониальную, антиимпериалистическую позицию, считая его результатом британской политики «Разделяй и властвуй». Именно британцы, по его мнению, играли на межконфессиональных различиях индийцев, чтобы, в конечном итоге, ослабить Индию в своих собственных интересах [18, р. 150–163]. В. К. Бава, доктор наук из Хайдарабада, в своей книге прослеживает историю правления последнего низама Мир Османа Али Хана, хвалит его, считая, что об индийских князьях нужно писать не только как о восточных деспотах или эксплуататорах простых людей, но как о персоналиях, с их слабостями и ошибками, составляющими часть истории индийского субконтинента [17, р. IX]. Исследовательница из Университета Османия Ч. Саидулу, с использованием формационного подхода и «классовой» терминологии, в диссертации о крестьянской борьбе в Налгонде (Хайдарабад) показывает примеры протестных движений против правительства Джавахарлала Неру в 1947–1951 гг. и приходит к выводу о «революционной борьбе» народных масс против «феодалов» независимой Индии [25, р. 25–54].

Пакистанские историки, например, уроженец Бомбея М. Р. Казими, который после

раздела Индии 1947 г. оказался в Пакистане, ученую степень получил в Карачи, изучил деятельность Лиаката Али Хана, первого пакистанского премьер-министра. Для нашей работы особый интерес представляют 2 и 3 главы монографии Казими, в которых автор характеризует усилия Лиаката в экономической и политической сферах [21, р. 220–244, 289–332].

К. Б. Сайид, авторитетный в востоковедении канадский профессор, проанализировал сильные и слабые стороны мусульманского сепаратизма, высшим достижением которого явилось создание отдельного исламского государства. Не желая, по его словам, вставать ни на чью сторону, автор привел развернутую характеристику Джинны в промусульманской тональности и предложил тезис: в основе своей политическая система созданного Джинной Пакистана была копией системы вице-королевства в Британской Индии [26, р. 282–300, 308–316]. Профессор Университета Каид-и-Азама А. Назим показал роль военной бюрократии в Пакистане в первые десятилетия его существования [23, р. 31–75]. Ш. Амин с объективных позиций исследовал внешнюю Пакистана, его взаимоотношения с великими державами [16, р. 25–45, 100–167].

Среди американских историков выделяется Хафиз Малик, профессор из Пенсильвании, – специалист в области международных, советско-пакистанских, отношений 1947–1992 гг. [22]. Профессор Калифорнского университета С. Уолперт, один из выдающихся экспертов по истории Южной Азии, написал наиболее полную биографическую работу о Мохаммеде Али Джинне. Опираясь на широкий пласт разнообразных документов, включая записи бесед с главными действующими лицами событий 40-х гг. в Индии, Уолперт не избежал известного «промусульманского» крена в оценках личности своего героя [28, р. 306–390].

Британец Б. Закариа, лектор из Шеффилда, представил свое исследование Дж. Неру [29]. Известный специалист по истории Британского Содружества, Дж. Дарвин характеризует послевоенную трансформацию Британской колониальной империи [19]. Дж. Зубржицки, исследователь и именитый журналист из Сиднея, около тридцати лет работал Индии, изучал документы и

представил свой взгляд на историю последнего низама Хайдарабада Мир Османа Али Хана [30, р. IX–X, 176–199].

Таким образом, исследовательская литература разных стран и лет способствует реконструкции истории раздела и первых лет независимости Индии и Пакистана. Авторы исследований анализируют то, как, следуя за своими политическими лидерами народы новообразовавшихся государств начали экспериментировать в выборе путей и моделей дальнейшего развития – федерации-унитарности, социализма-капитализма, наднацио-

нальности-этнорегионализма, выстраивать систему взаимоотношений на международной арене. Накопленный историками России и зарубежных стран значительный опыт изучения данной проблематики служит теоретическим фундаментом для более детального исследования интересующей нас темы в современных условиях, когда появился обширный пласт документов и материалов, прежде носивших гриф «секретно» и есть возможность системной работы с ними в отечественных и зарубежных архивах и хранилищах информации.

Литература

1. Алаев Л. Б. Индийские идентификации в условиях модернизации // Вехи минувшего. Ученые записки исторического факультета Липецкого государственного педагогического института. Липецк: ЛГПИ, 1999. Вып. 1. С. 11–42.
2. Белокреницкий В. Я. Предпосылки, причины и процесс образования Пакистана // Пакистан в современном мире / под ред. В. И. Сотникова, Шах Наваза. М.: Научная книга, 2005. С. 6–60.
3. Белокреницкий В. Я., Москаленко В. Н. История Пакистана. XX век. М.: ИВ РАН: Крафт+, 2008. 576 с.
4. Ганковский Ю. В. Национальный вопрос и национальные движения в Пакистане. М.: Наука, 1967. 270 с.
5. Ганковский Ю. В. Штрихи истории // Азия и Африка сегодня. 1997. № 8. С. 3–5.
6. Ганковский Ю. В., Москаленко В. Н. Три конституции Пакистана. М.: Наука, 1975. 125 с.
7. Дьяков А. М. Национальный вопрос в современной Индии. М.: ИВЛ, 1963. 196 с.
8. Дьяков А. М. Индия ввремя и после Второй мировой войны (1939–1949). М.: АН СССР, 1952. 263 с.
9. Насенко Ю. П. Джавахарлал Неру и внешняя политика Индии. М.: Наука, 1975. 384 с.
10. Шаумян Т. Л. Спор вокруг Кашмира: истоки конфликта // Индия. Достижения и проблемы: материалы научной конференции. М.: ИВИ РАН, 2002. С. 61–76.
11. Юрлов Ф. Н. Индия // История Востока: в 6 т. Т. 6 / отв. ред. В. Я. Белокреницкий, В. В. Наумкин. М.: Восточная литература, 2008. С. 538–584.
12. Юрлов Ф. Н. От восхода до заката. Династия Неру-Ганди. Книга 1. Мотилал и Джавахарлал Неру. М.: ИВ РАН, 2015. 520 с.
13. Юрлов Ф. Н., Юрлова Е. С. История Индии. XX век. М.: ИВИ РАН, 2010. 920 с.
14. Amin Sh. Pakistan's Foreign Policy. A Reappraisal. Oxford: Oxford University Press, 2000. 327 p.
15. Bawa V. K. The Last Nizam. The Life and Times of Mir Osman Ali Khan. New Delhi: Viking, 1992. 404 p.
16. Chittkara M. G. Kashmir Crisis. New Delhi: APH Publishing Corporation, 2003. 186 p.
17. Darwin J. Britain and Decolonization: The Retreat from Empire in the Post War World. New York: St. Martin's Press, 1988. 383 p.
18. Dixit J. N. India's Foreign Policy 1947–2003. New Delhi: Thompson Press, Picus Books, 2003. 527 p.
19. Kazimi M. R. Liaquat Ali Khan. His Life and Work. Karachi: Oxford University Press, 2003. 354 p.
20. Malik H. Soviet-Pakistan Relations and the Post-War Dynamics, 1947–92. Houndmills: McMillan Press, 1994. 383 p.
21. Nazeem A. Pak-Soviet Relations, 1947–1965. Lahore: Progressive Publishers, 1989. 239 p.
22. Roy H. Partitioned Lives. Migrants, Refugees, Citizens in India and Pakistan. New Delhi: Oxford University Press, 2012. 254 p.
23. Saidulu Ch. Peasant Struggle in Nalgonda District: A Case of Study of Suryapet Taluq 1900–1951. Hyderabad: Osmania University, 2011. 240 p.
24. Sayeed K. B. Pakistan. The Formative Phase 1857–1948. London: Oxford University Press, 1968. 341 p.
25. Singh J. Jinnah. India – Partition – Independence. New Delhi: Rupa and Co, 2009. 669 p.
26. Wolpert S. Jinnah of Pakistan. New York: Oxford University Press, 1984. 421 p.
27. Zachariah B. Nehru. London: Routledge, 2004. 299 p.
28. Zubrzycki J. The Last Nizam. The Rise and Fall of India's Greatest Princely States. London: Picador, 2006. 382 p.

References

1. Alaev L. B. Indiiskie identifikatsii v usloviyakh modernizatsii (Indian identification in the conditions of modernization) // Vekhi minuvshogo. Uchenye zapiski istoricheskogo fakul'teta Lipetskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta (Marked of the past. Proceeding of the Faculty of History of Lipetsk State Pedagogical Institute). Lipetsk: LSPI, 1999. Vol. 1. P. 11–42.

2. Belokrenitskii V. Ya. Predposylki, prichiny i protsess obrazovaniya Pakistana (Backgrounds and reasons for formation of Pakistan) // Pakistan v sovremennom mire (Pakistan in contemporary world) / ed. by V. I. Sotnikov, Shakh Navaz. M.: Nauchnaya kniga, 2005. P. 6–60.
3. Belokrenitskii V. Ya., Moskalenko, V. N. Istoriya Pakistana. XX vek (Pakistan history. XX century). M.: OI RAS: Kraft+, 2008. 576 p.
4. Gankovskii Yu. V. Natsional'nyi vopros i natsional'nye dvizheniya v Pakistane (The national question and the national movements in Pakistan). M.: Nauka, 1967. 270 p.
5. Gankovskii Yu. V. Shtrikhi istorii (Touch of history) // Aziya i Afrika segodnya. 1997. No. 8. P. 3–5.
6. Gankovskii Yu. V., Moskalenko, V. N. Tri konstitutsii Pakistana (Three Pakistan constitution). M.: Nauka, 1975. 125 p.
7. D'yakov A. M. Natsional'nyi vopros v sovremennoi Indii (National question in contemporary India). M.: IVL, 1963. 196 s.
8. D'yakov A. M. Indiya vo vremya i posle Vtoroi mirovoi voyny (1939–1949) (India during and after II World War (1939–1949)). M.: SA USSR, 1952. 263 p.
9. Nasenko Yu. P. Dzhavaharlal Neru i vneshnyaya politika Indii (Jawaharlal Nehru and India's foreign policy). M.: Nauka, 1975. 384 p.
10. Shaumyan T. L. Spor vokrug Kashmira: istoki konflikta (The dispute over Kashmir: conflict origins) // Indiya. Dostizheniya i problemy. Materialy nauchnoi konferentsii (India. Achievements and challenges. Materials of scientific conference). M.: IWH RAS, 2002. P. 61–76.
11. Yurlov F. N. Indiya (India) // Istoriya Vostoka (Oriental history). Vol. 6 / ed. by V. Ya. Belokrenitskii, V. V. Naumkin. M.: Vostochnaya literatura, 2008. P. 538–584.
12. Yurlov F. N. Ot voskhoda do zakata. Dinastiya Neru-Gandi (From sunrise to sunset. Nehru Gandhi dynasty). Part 1. Motilal i Dzhavaharlal Neru (Motilal and Jawaharlal Nehru). M.: IWH RAS, 2015. 520 p.
13. Yurlov F. N., Yurlova E. S. Istoriya Indii. XX vek (History of India. XX century). M.: IWH RAS, 2010. 920 p.
14. Amin Sh. Pakistan's Foreign Policy. A Reappraisal. Oxford: Oxford University Press, 2000. 327 p.
15. Bawa V. K. The Last Nizam. The Life and Times of Mir Osman Ali Khan. New Delhi: Viking, 1992. 404 p.
16. Chittkara M. G. Kashmir Crisis. New Delhi: APH Publishing Corporation, 2003. 186 p.
17. Darwin J. Britain and Decolonization: The Retreat from Empire in the Post War World. New York: St. Martin's Press, 1988. 383 p.
18. Dixit J. N. India's Foreign Policy 1947–2003. New Delhi: Thompson Press, Picus Books, 2003. 527 p.
19. Kazimi M. R. Liaquat Ali Khan. His Life and Work. Karachi: Oxford University Press, 2003. 354 p.
20. Malik H. Soviet-Pakistan Relations and the Post-War Dynamics, 1947–92. Houndmills: Macmillan Press, 1994. 383 p.
21. Nazeem A. Pak-Soviet Relations, 1947–1965. Lahore: Progressive Publishers, 1989. 239 p.
22. Roy H. Partitioned Lives. Migrants, Refugees, Citizens in India and Pakistan. New Delhi: Oxford University Press, 2012. 254 p.
23. Saidulu Ch. Peasant Struggle in Nalgonda District: A Case of Study of Suryapet Taluq 1900–1951. Hyderabad: Osmania University, 2011. 240 p.
24. Sayeed K. B. Pakistan. The Formative Phase 1857–1948. London: Oxford University Press, 1968. 341 p.
25. Singh J. Jinnah. India – Partition – Independence. New Delhi: Rupa and Co, 2009. 669 p.
26. Wolpert S. Jinnah of Pakistan. New York: Oxford University Press, 1984. 421 p.
27. Zachariah B. Nehru. London: Routledge, 2004. 299 p.
28. Zubrzycki J. The Last Nizam. The Rise and Fall of India's Greatest Princely States. London: Picador, 2006. 382 p.

УДК 82(091):94(477.75)

М. Е. Шалак

ВОЙНА И ВОИНСКИЕ ТРАДИЦИИ КРЫМСКИХ ТАТАР В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ИНОСТРАНЦЕВ В КОНЦЕ XVI – НАЧАЛЕ XVII вв.

Известия иностранцев, посетивших Русское государство в конце XVI – начале XVII вв., привлекают исследователей своими оценками и трактовками событий отечественной истории, часто сильно расходящимися с аналогичными данными из русских источников. Большой интерес представляет анализ сообщений, посвященных соседям Московского царства – крымским татарам, с

которыми русскому государству приходилось вести практически не прекращающиеся войны. Данные об этих войнах и об отношении к войне крымских татар мы находим в произведениях таких известных иностранцев, как Дж. Флетчер, Ж. Маржарет, И. Масса и др.

Ключевые слова: военное дело, произведения иностранцев о Московском государстве, крымские татары.

М. Е. Shalak

WAR AND MILITARY TRADITIONS OF CRIMEAN TATARS IN THE WORKS OF FOREIGNERS IN LATE XVI – EARLY XVII CENTURIES

News of foreigners who visited the Russian State in XVI – XVII centuries attracted explorers due to their evaluations and interpretations of Russian history events, often considerably different from similar data in Russian sources. The analysis of reflections related to the neighbors of Moscow tsardom – Crimean Tatars, is of great interest as the Russian

State had to wage continuous wars with them. Information about those wars, and the attitude of Crimean Tatars to them we find in the works of such famous foreigners like G. Fletcher, J. Margeret, I. Massa etc.

Key words: military work, works of foreigners about Moscow tsardom, Crimean Tatars.

Известия иностранцев, посетивших Русское государство в конце XVI – начале XVII вв., продолжают привлекать исследователей своими оценками и трактовками событий отечественной истории, зачастую очень сильно расходящимися с аналогичными данными, содержащимися в русских источниках. Еще В. О. Ключевский обратил внимание на то, что иностранные известия могут быть очень важным материалом для изучения прошедшей жизни народа [2, с. 7]. Будничная жизнь, повседневность, на которые не обращали внимания русские современники, привыкшие к ним, останавливали на себе внимание чужестранца. В этом плане весьма интересно проанализировать данные о военном деле крымских татар, которые мы находим в произведениях таких известных иностранцев, побывавших в России в обо-

значенный период, как Джайлс Флетчер, Жак Маржарет, Исаак Масса [3, 4, 7].

Примечателен тот факт, что сами эти иностранцы никогда в Крымском ханстве не были и получали свои данные о жизни, нравах и обычаях крымских татар от русских информаторов или в процессе непосредственного знакомства с представителями татарских посольств в Москве. Мало знакомые как с русской историей, так и с татарской, чуждые и русским, и тем более, крымским татарам по понятиям и привычкам, иностранцы не могли дать верного объяснения многих явлений татарской жизни, зачастую не могли даже беспристрастно оценить их. Но описать их, показать наиболее заметные черты, высказать непосредственное впечатление, произведенное на непривыкшего к ним человека, они могли лучше и полнее, нежели русские

современники Смутного времени, которые уже достаточно пригляделись к своим татарским соседям и смотрели на них со своей условной точки зрения. В этой связи изучение сведений о воинских традициях крымских татар, содержащихся в произведениях иностранцев о Московском царстве конца XVI – начала XVII вв., представляется актуальным исследованием.

Что касается историографии, то хотелось бы отметить статью С. А. Ищенко, в которой автор дает характеристику военного дела татар, роли войны в жизни Крымского ханства на основе анализа записок иностранных путешественников и дипломатов XVI–XVIII вв. [1]. Несмотря на то что автор охватывает очень большой временной промежуток и привлекает в качестве источников значительное количество произведений иностранных авторов, все же он не касается трудов иностранцев, посетивших Россию накануне (Дж. Флетчер), либо во время Смуты (Ж. Маржарет, И. Масса). Также следует упомянуть статью В. В. Пенского, где исследователь анализирует особенности развития военного дела Крымского ханства в конце XV – начале XVII вв. с привлечением большого количества письменных источников [5]. Так, автор ставит под сомнение сообщения Дж. Флетчера о том, что во время большого похода Крымский хан мог выставить 100 000 или даже 200 000 воинов. Сопоставив ряд более объективных свидетельств, В. В. Пенской приходит к выводу, что 40–60 тыс. человек – это тот верхний предел численности крымского войска, который мог быть достигнут только при максимальном напряжении всех сил ханства [5, с. 59]. Автор справедливо отмечает, что все упомянутые нами современники подчеркивали чрезвычайную легкость вооружения рядового татарского воина и вместе с тем стремление знатных и богатых воинов следовать турецкой традиции в использовании доспехов [5, с. 60].

Из последних работ, посвященных изучению военного дела крымских татар, следует отметить статью Э. И. Сейдалиева [6]. Этот исследователь справедливо замечает, что источники по истории военного дела крымских татар в целом до сих пор недостаточно систематизированы и введены в научный оборот [6, с. 166]. Так, Э. И. Сейдалиев дает краткую характеристику использованных им

западноевропейских письменных источников XVI–XVII вв., в которых так или иначе отражены способы ведения войны и военное дело крымских татар. Тем не менее автор не затрагивает свидетельства тех иностранцев, которые посетили Московское государство накануне и во время Смуты, и которые являются объектом изучения в представленной статье.

Собственно, переходя к изучению обозначенных нарративных источников, следует сказать, что большое внимание иностранцы уделяли походам крымских татар в пределы Московского государства, причем наряду с общеизвестными походами они упоминали и такие, о которых ничего не сообщают русские источники. В качестве примера можно привести сообщение Исаака Массы о набеге крымских татар, в результате которого всё население Москвы, вместе с царем Иваном Грозным, вынужденно было бежать, оставив столицу. Царь со своей семьей укрылся на Белоозере, где и утонул его первенец, царевич Дмитрий [4, с. 21]. Голландец не датирует этот поход, но из русских документов известно, что погиб Дмитрий Иванович 4 июня 1553 г. Однако русские источники, ни о каком походе крымских татар в 1553 г. не упоминают.

Все без исключения иностранцы пишут о походе Девлет Гирея 1571 г. Джайлс Флетчер, посетивший Москву в 1588 г., ещё видел следы страшного пожара, устроенного крымцами, в особенности на южной стороне города, которая даже спустя 17 лет оставалась всё ещё не заселенной. Англичанин сообщил весьма интересную подробность: возвратившись из похода, крымский хан прислал Ивану Грозному нож, чтобы тот зарезал себя после такого поражения [7, с. 551].

По сообщениям иностранцев, набеги на Россию татары совершали каждый год, а иногда и дважды, проникая очень далеко во внутренние её области. Как правило, набег совершался около Троицына дня, но чаще во время жатвы. Когда в поход идет сам крымский хан, то он ведет огромное войско в 100 000 или даже в 200 000 человек. Если же это кратковременный набег, то участвует в нем гораздо меньшее число воинов и охватывает он приграничные территории. Татары захватывают все, что только попадает им на пути. Порой они ограничиваются только угоном гарнизонных лошадей, но если не встречают сопротивления, то разоряют все

окрестности. По этой причине русские в приграничных городах держат мало скота, за исключением свиней, которых татары не трогают ни при каких обстоятельствах будучи мусульманами [7, с. 554].

Называют иностранцы и место обычной переправы крымских татар через Оку – это район Серпухова [3, с. 126]. Каждую весну русские дозорные выжигают степь, чтобы татары во время предполагаемого набега не имели бы пастбищ для своих лошадей. Сами русские, по сообщениям западноевропейцев, редко выступают в поход против татар раньше, чем в степи появится молодая трава. Интересно сообщение Жака Маржарета об обычае татар во время похода передвигаться исключительно по дорогам, считая, что, идя по траве, лошади сильнее устают. Благодаря этому русские дозорные легко вычисляют татар по поднятой ими на горизонте пыли [3, с. 148].

В связи с крымскими татарами писали иностранцы и о казаках, которые проживали в татарских степях вдоль Волги, Дона, Днепра и других рек, и которые, по мнению европейских публицистов, наносили крымцам гораздо больший урон, чем всё русское войско. Именно казаки первыми – обычно в начале Великого поста – приводили из Крыма пленников, от которых узнавали замыслы неприятеля. Эти казаки с древности, по словам иностранцев, вооружались как татары, то есть не носили никакого оборонительного оружия, кроме кривой сабли [3, с. 152, 169].

Много интересных свидетельств посвящено военному ремеслу крымских татар и способам ведения ими войны. Практически все современники отмечали, что татары очень хорошо стреляли в седле из лука как вперед, так и назад. Как профессиональный военный Ж. Маржарет подчеркивал, что, отступая, они стреляли на скаку гораздо лучше и точнее, чем в иных обстоятельствах [3, с. 148]. Это мастерство у них развивалось благодаря тому, что стрельбу из лука татары считали своим главным занятием, к которой приучали детей с малых лет, не давая им есть, пока те не попадут в цель, намеченную на обрубке дерева. По сообщениям иностранцев, выступая в поход, татары не брали с собою ни пушек, ни другого огнестрельного оружия, а все вооружение их состояло из кривой сабли, похожей на турецкую, лука и колчана со

стрелами. Некоторые из крымских воинов имели на вооружении ещё и пики, с точки зрения западноевропейцев, походившие больше на рогатины для охоты на медведя.

Как отмечали иностранные авторы, простые татарские воины не имели доспехов, а одевались в одежды, сшитые из черных бараньих шкур, которые днем надевали шерстью наружу, а ночью вовнутрь, и такие же шапки. Мурзы, или дворяне, напротив, в вооружении и одежде подражали турецким воинам. Согласно Маржарету, крымские татары вели войны следующим способом: во время набега они разделялись на несколько отрядов и, стараясь отвлечь силы русских на одном или двух приграничных направлениях, основной удар наносили на оставшееся незащищенное место. Причем проделывали они этот маневр с такой быстротой, что русские не успевали вовремя среагировать [3, с. 148]. На войну все татары выходили конными, будучи от природы отличными наездниками. По меткому замечанию Маржарета, кони у татар были очень хорошие, в то время как сами наездники выглядели довольно невзрачно, по меркам француза, одеваясь по обычаю в овчины [3, с. 127]. При переправе через реку татары ставили вместе 3–4 лошади, к хвостам их привязывали длинные бревна, на которых и переправлялись [7, с. 552–553]. И. Масса же пишет, что они связывали вместе за хвосты и поводья двух лошадей, сами становились сверху и так переправлялись через реки [4, с. 39].

В рукопашном бою, по замечанию иностранцев, крымские татары сражались лучше русских. Это обстоятельство они объясняли, с одной стороны, врожденной свирепостью татар, а с другой, тем, что они не знали никаких других занятий, кроме непрерывных войн, отчего становились ещё храбрее и кровожаднее. Несмотря на свой варварский, по европейским меркам, быт, они представлялись хитрее, чем это можно было себе предположить. Как отмечали в своих известиях иностранцы, татары – враги легкие и проворные, делая постоянные набеги и грабя своих соседей, стали очень сметливы и изобретательны на всякие военные хитрости. При осаде городов они всегда вступали в переговоры, убеждая противника сдаться, делая заманчивые предложения, но, захватив город, своих обещаний не сдерживали,

так как считали, что честно поступать нужно только по отношению к единоверцам. Татары не любили вступать в лобовое вооруженное столкновение, предпочитая заманивать противника в засаду, притворно отступая после первой стычки. Но русские выучили эту их тактику и поэтому во время войны действовали с ними всегда осторожно. Если же татары уступали противнику численностью, то тогда они сажали на своих свободных лошадей чучела, чтобы тем самым ввести врага в заблуждение [7, с. 554].

На врага татары нападали с криком «Олла Билла», что Флетчер переводит как «Бог в помощь» [Там же]. Смерть они презирали и готовы были умереть, нежели сдаться. Если, будучи разбиты, они уже не имели возможности оказывать сопротивление, то от отчаяния и злости грызли свое оружие. Флетчер отмечал храбрость татар, доходящую до отчаяния, сравнивая их с русскими и турецким воинами. В частности, он писал, что: «солдат Русский, если он начал уже отступать, то все спасение свое полагает в скором бегстве, а если взят неприятелем, то не защищается и не умоляет о жизни, будучи уверен, что должен умереть. Турок же обыкновенно, как скоро потеряет надежду спастись бегством, начинает умолять о жизни, бросает оружие, протягивает обе руки и поднимает их вверх, как бы позволяя связать себя, надеясь, что его оставят в живых, если он согласится быть рабом неприятеля» [Там же]. По твердому убеждению иностранцев, сотня крымских татар всегда обратит в бегство двести русских воинов. Так, только заняв оборону на берегу реки или в лесу, русские стрельцы более способны напугать крымцев, чем нанести им реальный урон. Поэтому татары уходят в свои степи, никогда не неся больших потерь, если только им не перекроют проход через лес или реку, но это случается не часто.

Главную добычу крымских татар составляли пленные, в особенности дети, которых они продавали туркам и другим своим соседям. Для этой цели они брали в походы большие корзины, схожие с хлебными, в которых возили захваченных детей, а также привязывали к седлу толстую и длинную веревку. Если же пленник заболел по дороге, то его немилосердно убивали как ненужную обузу, разбивая о землю или дерево. Для охраны пленных татары выделяли специальные отряды.

Чтобы сохранять во время набега большую мобильность, крымцы не отягощали себя никакой поклажей. Каждый воин имел одну или две сменные лошади, очень хорошо обученные. Во время похода, крымские воины наскоку перепрыгивали с одной лошади на другую, бегущую рядом, что позволяло передвигаться без лишних остановок. Из еды в поход татары брали с собой только немного сушеного на солнце мяса, очень мелко нарезанного. Если же погибала лошадь, то они, отрезав от неё кусок мяса, клали его себе под седло и так ездили некоторое время, пока мясо не сопреет и не станет мягким, после чего употребляли его в пищу [4, с. 39]. Флетчер упоминал о таком древнем обычае кочевников утолять жажду во время набега, которые практиковали и современные ему крымские татары, – пить теплую кровь лошади, надрезав ей вену [7, с. 556].

Писали иностранцы и о том, что русские государи иногда пользовались услугами наемной крымскотатарской конницы, применяя её в войнах с поляками и шведами. Так, по сообщению Флетчера, Василий III, в качестве платы крымским наемникам за участие в походе против Литвы, отдал им всех захваченных во время войны пленников [7, с. 547].

По мнению западноевропейских публицистов, главным поводом к непрерывной вражде русских с крымцами являлись пограничные территории, которые татары считали своими, а владела ими Россия. Так, согласно иностранцам, татары утверждали, что, кроме Астрахани и Казани, вся территория от их границ на север и запад до Москвы, выключая и её саму, должна принадлежать им [7, с. 551–552]. Интересно описание обряда, который якобы совершали русские государи в знак признания своей зависимости от крымского хана. Причем Флетчер уточняет, что о существовании этого обряда ему рассказали сами русские. Он заключался в том, русский государь должен был кормить овсом из своей шапки коня, на котором восседал крымский хан, причем происходить это действие должно было обязательно в Московском Кремле. Согласно Флетчеру, этот унижительный обряд совершали все русские государи вплоть до Василия III, который отказался от него после своей победы над Крымом. Этому сообщению нет никаких подтверждений в других источниках, поэтому его можно смело

признать за выдумку англичанина. В пользу надуманности данного обряда можно привести и совершенно ошибочное мнение Флетчера, что победу над крымским ханом Василием III одержал с помощью некой хитрости своего боярина Ивана Дмитриевича Бельского. На самом же деле князь Иван Дмитриевич Бельский был боярином сына Василия III, Ивана Грозного. Тем не менее Флетчер утверждал, что описанный унижительный обряд был впоследствии заменен на выплату дани мехами, от которой отказался уже Иван Грозный [7, с. 552]. О вассальной зависимости московских государей от крымских ханов пишет и Маржарет. Как знак выражения этой зависимости он упоминает некий жезл, который русские государи получили от крымского хана и якобы именно этим жезлом Иван Грозный убил своего сына [3, с. 123].

По представлениям иностранцев, крымские татары жили в Северном Причерноморье всегда. В своих записках они ссылались на то, что ещё греки и римляне называли их скифами-номадами или скифами-пастухами. Кроме того, Флетчер приводил ряд доказательств происхождения от крымских татар даже турок. Из-за отождествления крымских татар со скифами многие события скифской истории и их тактика ведения войны переносились иностранцами на крымцев. В частности, Флетчер писал, что в древности в их страну вторгались Кир II и Дарий Великий, причем с восточной и юго-восточной стороны. По твердому убеждению иностранцев, из тех, кто когда-либо вторглся

на территорию Крымского ханства, никто не имел успеха, так как татары, отступая, заманивали неприятеля в глубь страны и, когда в войске противника наступал недостаток в жизненных припасах (что не удивительно в стране, где ничего нельзя достать), преграждали ему все пути к отступлению. Тут мы видим явное перенесение сюжета о войне персидского царя Дария со скифами на татарскую основу. Однако писали иностранцы не только о войнах древности, почерпнутых ими у древнегреческих историков. Можно обнаружить в их произведениях явно выдуманные сюжеты. Так, Флетчер писал, что судьбу войска Дария повторил в крымских степях Тамерлан, которого татары едва не захватили в плен и который смог спастись от них только бегством к Дону, потеряв множество людей [7, с. 557].

Таким образом, можно отметить, что западноевропейские современники Смутного времени в России в начале XVII в. в своих записках о Московии оставили очень интересные свидетельства о жизни и традициях крымских татар. В первую очередь их интересовало военное дело и способы ведения войны в Крымском ханстве. Многие сведения авторы почерпнули у своих предшественников, многое просто выдумали, но всё же их оценки представляют особый интерес для дальнейшего исследования образа крымских татар в общественном сознании Западной Европы в эпоху раннего Нового времени.

Литература

1. Ищенко С. А. Война и военное дело у крымских татар XVI–XVIII вв. (по запискам иностранных путешественников и дипломатов) // Северное Причерноморье и Поволжье во взаимоотношениях востока и запада в XII–XVI вв. Ростов-н/Д.: Ростовский университет, 1989. С. 136–145.
2. Ключевский В. О. Сказания иностранцев о Московском государстве. М.: Прометей, 1991. 333 с.
3. Маржарет Ж. Состояние Российской империи // Ж. Маржарет в документах и исследованиях: Тексты, комментарии, статьи. М.: Языки славянских культур, 2007. 552 с.
4. Масса И. Краткое известие о Московии начала в начале XVII века. М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1936. URL: <http://www.vostlit.info/Texts/rus11/Massa/frametext1.htm> (Дата обращения: 10.12.2015).
5. Пенской В. В. Военный потенциал Крымского ханства в конце XV – начале XVII в. // Восток (Oriens). 2010. № 2. С. 56–66.
6. Сейдалиев Э. И. Военное дело кочевников Северного Причерноморья в IX–XIII вв. и Крымского ханства: сравнительный анализ на основании письменных источников // Золотоордынская цивилизация. 2015. № 8. С. 166–190.
7. Флетчер Дж. О государстве Русском // Накануне Смуты. М.: Молодая гвардия, 1990. 621 с.

References

1. Ishchenko S. A. Voina i voennoe delo u krymskikh tatar XVI–XVIII vv. (Po zapiskam inostrannykh puteshestvennikov i diplomatov) (War and military affairs of Crimean Tatars XVI–XVIII centuries (On notes of foreign travelers and diplomats) // Severnoe Prichernomor'e i Povolzh'e vo vzaimootnosheniyakh vostoka i zapada v XII–XVI vv. (Northern Black Sea and the Volga region in the relationship of east and west in the XII–XVI centuries). Rostov-on-Don: Rostov University, 1989. P. 136–145.
2. Klyuchevskii V. O. Skazaniya inostrantsev o Moskovskom gosudarstve (Narrative of the foreigners on the Moscow State). M.: Prometei, 1991. 333 p.
3. Marzharet Zh. Sostoyanie Rossiiskoi imperii. Zh. Marzharet v dokumentakh i issledovaniyakh: Teksty, kommentarii, stat'i (Status of the Russian Empire. Jacques Margeret: documents and studies: texts, comments, articles. M.: Yazyki slavyanskikh kul'tur, 2007. 552 p.
4. Massa I. Kratkoe izvestie o Moskovii nachala v nachale XVII veka (Short notes about Moskovia of beginning XVII century). URL: <http://www.vostlit.info/Texts/rus11/Massa/frameset1.htm> (Accessed: 10.12.2015).
5. Penskoii V. V. Voennyy potentsial Krymskogo khanstva v kontse XV – nachale XVII v. (The military potential of the Crimean Khanate in the late XV – of the beginning XVII) // Vostok (Oriens). 2010. No. 2. P. 56–66.
6. Seidaliev E. I. Voennoe delo kochevnikov Severnogo Prichernomor'ya v IX–XIII vv. i Krymskogo khanstva: sravnitel'nyi analiz na osnovanii pis'mennykh istochnikov (Military affairs of nomads of Northern Black Sea Coast in IX–XIII centuries and the Crimean Khanate: a comparative analysis on the basis of written sources) // Zolotoordynskaya tsivilizatsiya (Golden Horde civilization). 2015. No. 8. P. 166–190.
7. Fletcher Dzh. O gosudarstve Russkom (On the Russian State) // Nakanune Smuty (On the eve of the Time of Troubles). M.: Molodaya gvardiya, 1990. 621 p.

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 343.1

О. А. Анопко

ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ТАЙНЫ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

В статье рассматриваются актуальные вопросы определенной гарантии поведения участников предварительного расследования и проблематика, касающаяся обеспечения тайны предварительного расследования. Исследуемая проблема обеспечения надлежащей защиты информации на предварительном следствии в органах внутренних дел и прокуратуры является весьма актуальной и

злободневной, требующей к себе пристального внимания и дальнейшей разработки со стороны как ученых, так и практиков, осуществляющих борьбу с преступностью.

Ключевые слова: тайна следствия, расследование, правоохранительные органы, правосудие, судебное разбирательство, разглашение, безопасность, судопроизводство, уголовный процесс.

О. А. Onopko

PROBLEMS OF SECRECY PRESERVATION IN PRELIMINARY INVESTIGATION CRIMINAL PROCEDURE

The article studies different issues concerning certain guarantee of behavior as regards participants of the preliminary investigation and issues related to ensuring the secrecy of the preliminary investigation. The problem of ensuring adequate protection of the information in the preliminary investigation in the police and the prosecution is highly

relevant and topical, requires close attention and further development, both by scientists and practitioners involved in the fight against crime.

Key words: secrecy of investigation, investigation, law enforcement, justice, trial, disclosure, security, judiciary, criminal procedure.

Преступность в Российской Федерации за последнее десятилетие существенно изменилась. Происходит постепенное укрепление групповой и организованной преступности, возрастает уровень противодействия, оказываемое криминальными структурами органам, осуществляющим расследование. Наибольший интерес для указанных структур составляют сведения, являющиеся тайной предварительного расследования. Попытки преступников завладеть такой информацией становятся все более настойчивыми и активными. Особенно в последнее время получили распространение случаи так называемых «вербовочных подходов» представителей криминальных структур к сотрудникам правоохранительных органов: следователям, оперативным работникам и др.

Проблематика, касающаяся обеспечения тайны предварительного расследования, изучена недостаточно. В первую очередь об этом говорит отсутствие законодательного закрепления понятия «тайна», что приводит к различной интерпретации термина и варьирование его значения в зависимости от целей заинтересованных лиц [3]. Нет достаточной проработанности данной проблемы и в теории. Во всех монографических работах, где затрагивались те или иные аспекты тайны предварительного расследования, сама тайна не выделялась в качестве самостоятельного объекта исследования. В большинстве случаев последняя рассматривалась прежде всего как один из видов тайн, с необходимостью соблюдения которых сталкиваются работники правоохранительных орга-

нов и суда. Различные аспекты обеспечения тайны предварительного расследования исследовались в работах И. В. Смольковой, И. Л. Петрухина, А. А. Фатьянова и некоторых других авторов.

Современный этап развития российского общества характеризуется возрастающей ролью информационной сферы, определяемой как совокупность информации, субъектов, осуществляющих ее сбор, формирование, хранение и использование, а также как система регулирования возникающих при этом общественных отношений. Обеспечение правовой защиты интересов личности, общества, государства в информационной сфере становится одним из приоритетов национальной политики Российской Федерации.

Интересы правосудия при расследовании и судебном разбирательстве уголовных дел требуют сохранения в тайне определенной конфиденциальной информации, полученной в ходе расследования.

Определенной гарантией правильного поведения участников предварительного расследования выступает ст. 161 УПК РФ, озаглавленная законодателем «Недопустимость разглашения данных предварительного расследования», помещенная в главу 21 «Общие условия предварительного расследования», и ст. 310 УК РФ, которая предусматривает уголовную ответственность за нарушение указанного поведения и разглашения данных предварительного расследования [4]. Однако правовое содержание ст. 161 УПК РФ предусматривает лишь то обстоятельство, что данные предварительного расследования могут быть преданы гласности только с разрешения следователя.

Тайна следствия – это, по сути, всего лишь право следователя сообщать исключительно то, что он считает возможным и предупреждать участников процесса о недопустимости разглашения этих сведений. Какого-либо перечня таких сведений или дополнительных механизмов их защиты от иных лиц (не участников процесса) закон не содержит.

В соответствии со ст. 161 УПК РФ следователь вправе отобрать у участника процесса подписку о неразглашении данных предварительного расследования. Нарушение подписки карается привлечением к уголовной ответственности по ст. 310 УК РФ.

Отсюда следует, что, подписав такой документ, участник уголовного процесса теоретически лишается права вообще кому-либо сообщить о том, что он участвовал в проведении следственных действий. То есть, дав подписку о неразглашении данных предварительного расследования, участник процесса фактически в последующем не сможет реализовать свое право на сбор доказательств, а также на защиту иными средствами и способами, не запрещенными законом.

Однако указанные нормы нельзя считать надлежащим образом работающими, так как за несколько последних лет в России были зафиксированы чуть более 20 случаев разглашений данных предварительного расследования. Причем это объясняется тем, что изучение диспозиции ст. 161 УПК РФ не позволяет однозначно ответить на ряд важных вопросов.

Кроме того, в настоящий момент времени УПК РФ предусмотрено предупреждение о неразглашении данных предварительного расследования всех – защитника, свидетеля, эксперта, и т.д., но никак не предполагает этих действий в отношении подозреваемого и обвиняемого.

В связи с тем что профессиональная деятельность сотрудников органов предварительного следствия является деятельностью информационной, решение указанной задачи зависит от результатов проведения наиболее важных следственных и иных процессуальных действий, направленных на получение доказательственной информации и обеспечения ее защиты.

На основании вышеизложенного представляется, что исследуемая проблема обеспечения надлежащей защиты информации на предварительном следствии в органах внутренних дел и прокуратуре является весьма актуальной и злободневной, требующей к себе пристального внимания и дальнейшей разработки со стороны как ученых, так и практиков, осуществляющих борьбу с преступностью.

Недопустимость разглашения данных предварительного расследования обеспечивает быстрое и полное раскрытие преступлений; эффективную защиту от подозрения и обвинения; соблюдение охраняемых законом тайн; честь, достоинство и деловую репутацию обвиняемого, подозреваемого,

а также обеспечивает безопасность участников уголовного процесса.

Защита прав и обеспечение безопасности граждан, вовлеченных в орбиту уголовного судопроизводства, а также эффективность и объективность расследования предполагает принятие различных мер, к которым следует отнести и необходимость сохранения в тайне информации, полученной в ходе предварительного расследования, обеспечение недопустимости ее разглашения.

Например, какие основания позволяют следователю, дознавателю принять решение о неразглашении данных предварительного расследования; должно ли данное решение в обязательном порядке распространяться на всех участников уголовного судопроизводства, либо предупреждены могут быть только отдельные участники процесса; возможно ли предупреждать о недопустимости разглашения данных следствия иных лиц, не являющихся участниками уголовного судопроизводства, но которым в силу определенных обстоятельств стали известны данные следствия [2].

Анализируя диспозицию ст. 161 УПК РФ, нельзя сделать однозначный вывод, что требование о неразглашении данных предварительного расследования, в частности подписка о неразглашении, должно применяться во всех случаях и по всем уголовным делам. Данное решение принимает должностное лицо по своему усмотрению. Как правило, должностные лица, следователи, дознаватели, начальники органа дознания, руководители следственного органа начинают применять данное средство обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства, если появляется информация о наличии заинтересованных лиц в определенном решении по конкретному уголовному делу, которые уже совершают либо готовятся совершить определенные действия в ущерб интересам следствия. Но эта информация может появиться не с первого дня расследования. Однако к этому времени участники процесса – как представители заинтересованных сторон, так и просто причастные к расследуемым событиям (знакомые, родственники потерпевшего, заявитель, родственники и близкие люди обвиняемого, подозреваемого, свидетели, понятые) – по недомыслию, незнанию ситуации, доверчи-

вости и прочим причинам могут распространить те сведения о той части расследования и его результатах, которые стали им известны. Своевременно не предупрежденные в соответствии с законом участники процесса невольно могут и создают ситуацию, исправить которую бывает невозможно, и тем самым ставят под угрозу безопасность иных участников процесса, а в некоторых случаях и перспективу уголовного дела. Данное обстоятельство диктует, на наш взгляд, целесообразность информирования участников процесса, которым стали известны обстоятельства уголовного дела, о недопустимости их разглашения непосредственно в момент, когда указанные данные предварительного расследования стали им известны [1].

Рассуждая о том, следует ли решение о недопустимости разглашения данных предварительного расследования распространять в обязательном порядке на всех участников уголовного судопроизводства либо предупреждаться могут только отдельные участники процесса, мы приходим к выводу, что всех участников процесса невозможно предупредить о недопустимости разглашения сведений, полученных в ходе предварительного расследования. Определенная категория лиц, например представляющая сторону защиты, априори не может входить в число лиц, с которых может быть получена подписка о предупреждении об уголовной ответственности в соответствии со ст. 310 УК РФ. Это также подозреваемый и обвиняемый по уголовному делу. Данные лица вправе защищать себя любыми средствами и способами, и какие-либо ограничения в этом плане не могут быть оправданы и рассматриваться ни как эффективные для хода расследования, ни как целесообразные. Поэтому распространение сведений, сообщение о любых данных, известных им о ходе процесса, кому-либо может рассматриваться только как способ защиты от обвинения и никак более.

Анализируя некоторые проблемы, относящиеся к недопустимости разглашения данных предварительного расследования как способу обеспечения безопасности граждан, следует остановиться на вопросе, какой объем информации по уголовному делу может находиться под запретом разглашения. Могут ли это быть только конкретные данные

любого уголовного дела, либо любые сведения, ставшие известными участнику процесса? Как нам представляется, абсолютно вся информация, относящаяся к расследованию уголовного дела и полученная в рамках предварительного расследования, не может представлять тайну следствия. Например, факт проведения обыска в квартире (доме) подозреваемого, обвиняемого, как правило, сразу становится известен жителям подъезда жилого дома, либо соседних домов. К такой информации, на наш взгляд, следует отнести: любые сведения о лицах, втянутых в орбиту расследования уголовного дела, их местожительстве, родственниках; виды доказательств, полученных в ходе предварительного расследования должностными лицами правоохранительных органов как непосредственно, так и в результате отдельных

поручений, а также их содержание; место и время проведения следственных действий и данные о том, какие именно следственные действия собираются проводить следователь, дознаватель. Применительно к тактике следственного действия не должны разглашаться сведения о тактических решениях, тактических приемах и тактических комбинациях [3]. Однако любые меры, предпринимаемые для ограничения разглашения данных предварительного расследования, не могут никаким образом ограничивать возможность реализации прав участников уголовного судопроизводства. И поэтому любой участник процесса в случае дачи им подписки о неразглашении данных предварительного расследования вправе потребовать от следователя конкретизации той информации, которую он не вправе разглашать.

Литература

1. Darovskikh S. M. Procedural Aspects of Inadmissibility of Disclosure of Information of Preliminary Investigation Problemy prava (Issues of Law) founders journal. 2015. No. 2(50). P. 143–147.
2. Белкин А. Р. УПК РФ: конструктивная критика и возможные улучшения. Часть VIII. Предварительное расследование. М.: МГУПИ, 2014. 419 с.
3. Новикова М. А. Расследование разглашения данных предварительного расследования и сведений о мерах безопасности, применяемых в отношении участников уголовного судопроизводства: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М.: Академия управления, 2009. 26 с.
4. Смирнов А. В., Калиновский К. Б. Комментарий к УПК РФ. 5-е изд., перераб. и доп. / под ред. А. В. Смирнова. М.: Проспект, 2009. 480 с.

References

1. Darovskikh S. M. Procedural Aspects of Inadmissibility of Disclosure of Information of Preliminary Investigation Problemy prava (Issues of Law) founders journal. 2015. No. 2(50). P. 143–147.
2. Belkin A. R. UPK RF: konstruktivnaya kritika i vozmozhnye uluchsheniya (CPC RF: usefull criticism and importance of improvements). Part VIII. Predvaritel'noe rassledovanie (Introductory investigation). M.: MSUIEIS, 2014. 419 p.
3. Novikova M. A. Rassledovanie razglasheniya dannyykh predvaritel'nogo rassledovaniya i svedenii o merakh bezopasnosti, primenyaemykh v otnoshenii uchastnikov ugovnogo sudoproizvodstva (Investigation of the disclosure of preliminary investigation datas and information on the security measures applicable to participants in criminal proceedings): avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. M.: Administration Academy, 2009. 26 p.
4. Smirnov A. V., Kalinovskii K. B. Kommentarii k UPK RF (Comments for CPC RF) / ed. by A. V. Smirnov. M.: Prospekt, 2009. 480 p.

УДК 34:002

З. Т. Золоева, Б. Г. Койбаев

**ВНЕДРЕНИЕ ЭЛЕКТРОННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА В РЕСПУБЛИКЕ
СЕВЕРНАЯ ОСЕТИЯ-АЛАНИЯ (ПРАВОВОЙ АСПЕКТ)**

В статье анализируется федеральное и региональное законодательство, а также концептуальные документы, регулирующие вопросы функционирования электронного правительства в субъектах РФ. В рамках исследования предпринята попытка выявления существующих проблем и направлений со-

вершенствования законодательства Республики Северная Осетия-Алания в рассматриваемой сфере.

Ключевые слова: информационное право, информационное общество, информатизация, информатизация регионов, электронное правительство региона.

Z. T. Zoloeva, B. G. Koybaev

**THE INTRODUCTION OF E-GOVERNMENT IN THE REPUBLIC
OF NORTH OSSETIA-ALANIA (LEGAL ASPECT)**

The article analyzes the Federal and regional legislation, as well as conceptual documents regulating the functioning of e-government in the Russian Federation regions. The study attempts to identify the existing problems and ways to tune the legislation of the Republic

of North Ossetia – Alania in the field under consideration.

Key words: information law, information society, informatization, informatization of regions, regional e-government.

Современный уровень развития общества ставит перед государствами задачу модернизации государственного управления. Данный процесс, как известно, сопровождается использованием новых информационных технологий в деятельности органов государственной власти и получил название электронного правительства.

Электронное правительство – «это форма организации и деятельности органов государственной власти, обеспечивающая за счет широкого применения информационно-коммуникационных технологий качественно новый уровень взаимодействия и исполнения их функциональных обязанностей, оперативности и удобства получения организациями, гражданами и иными физическими лицам государственных услуг и информации о деятельности государственных органов» [1, с. 14].

Действуя в русле общемировых тенденций, Россия также приступила к формированию электронного правительства. Общегосударственная политика в сфере информатизации и формирования электронного правительства основывается на

ряду концептуальных документов: Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации, Стратегии развития отрасли информационных технологий в Российской Федерации на 2014–2020 гг. и на перспективу до 2025 г., Концепции региональной информатизации.

Следует отметить, что процесс внедрения электронного правительства происходит в рамках перехода России к информационному обществу [4, с. 163]. В связи с чем следует особо отметить важность Стратегии развития информационного общества, в тексте которой основной акцент делается на понятии «информационное общество» как на определенной цели, которая достигается на основе использования информационных технологий. Организационно структурной формой этих процессов и становится электронное правительство и его усилия по созданию адекватной инфраструктуры электронных форм деятельности реальных субъектов в современном обществе [1, с. 14].

В Стратегии развития отрасли информационных технологий в Российской Федерации на 2014–2020 гг. отмечается, что «за

последние годы в России были развиты различные аспекты создания электронного правительства. Дальнейшая информатизация важнейших отраслей экономики и реализация государственных проектов по их переводу в область современного применения информационных технологий стимулируют создание новых и развитие существующих направлений бизнеса, что может привести к формированию прорывных технологий в рамках отраслевых решений» [11].

В декабре 2014 г. был принят еще один важный для исследуемого вопроса документ – Концепция региональной информатизации. В тексте Концепции закреплено, что основными целями региональной информатизации являются: «повышение качества жизни граждан за счет использования информационных и телекоммуникационных технологий; выравнивание уровня развития информационного общества в субъектах Российской Федерации; формирование эффективной системы государственного управления на основе использования информационных и телекоммуникационных технологий» [12].

Анализируя приведенные документы, можно сделать вывод о достаточно высоком внимании государства к вопросам формирования и развития электронного правительства и наличии необходимых концептуальных основ которые в целях своей эффективной реализации должны получить дальнейшее развитие в нормативных актах.

С целью развития информационного общества и электронного правительства была разработана федеральная Государственная программа Российской Федерации «Информационное общество (2011–2020 гг.)». Реализация данной программы, по нашему мнению, позволит осуществить полный переход на предоставление государственных и муниципальных услуг в электронном виде и как следствие – переход к электронному правительству.

Как отмечается в тексте Программы, «государственная политика субъектов Российской Федерации (в сфере реализации Программы) должна быть направлена на достижение цели по повышению качества жизни граждан на основе использования информационных и телекоммуникационных технологий, путем реализации следующих приоритетов:

- создание условий для развития отрасли информационных технологий, включая поддержку информатизации важнейших отраслей экономики и реализацию государственных проектов по их переводу в область современного применения информационных технологий;

- развитие региональной информатизации, в том числе развитие сервисов электронного правительства, переход к оказанию государственных и муниципальных услуг в электронном виде, расширение использования информационно-телекоммуникационных технологий для предоставления государственных и муниципальных услуг бюджетными учреждениями;

- содействие расширению доступа населения к медиасреде, поддержка развития региональных средств массовой информации» [10].

В рамках программы «Информационное общество (2011–2020 гг.)» предусмотрена реализация 4 подпрограмм. Для данного исследования интерес представляет подпрограмма «Информационное государство», которая включает в себя мероприятие под названием «Развитие электронного правительства», преследующего цель обеспечения преимущественно межведомственного и внутриведомственного электронного документооборота. В качестве мероприятий подпрограммы выделена поддержка региональных проектов в сфере информационных технологий и даже предусмотрена возможность софинансирования.

Практически все регионы приступили сегодня к разработке и реализации собственных программ развития информационного общества, основной целью которых является формирование эффективной системы предоставления государственных услуг на основе использования информационных технологий. Решение этой задачи позволит объединить в единую структуру разрозненные ныне информационные ресурсы и системы различных министерств и ведомств, повысить качество управления и доступность власти для населения, а в конечном итоге – существенно сократить разрыв в социально-экономическом и информационном развитии регионов.

Так, в Республике Северная Осетия-Алания завершила действие Республиканская

целевая программа «Развитие информационного общества в РСО-Алания на 2012–2014 гг.». Программа должна была решить следующие задачи: «развить аппаратную и программно-технологическую инфраструктуру органов исполнительной власти РСО-Алания и органов местного самоуправления РСО-Алания для обеспечения функционирования электронного правительства; создать программно-технологической инфраструктуру для предоставления государственных и муниципальных услуг в электронном виде, в том числе по принципу «одного окна» на базе многофункциональных центров; повысить качество и сократить сроки оказания государственных и муниципальных услуг по запросам граждан и организаций; создать систему электронного документооборота; создать пункты приема заявлений и пунктов выдачи универсальных электронных карт (далее – УЭК) населению; организации выпуска и выдачи УЭК населению; внедрению и развитию информационной системы «Народный контроль» [8].

К сожалению, не все поставленные Программой задачи были решены. Так, в рамках программы был лишь организован электронный документооборот и созданы пункты приема заявлений и пункты выдачи универсальных электронных карт населению. В связи с чем ей на смену пришла очередная Государственная программа «Развитие информационного общества в Республике Северная Осетия-Алания на 2014–2016 гг.» [9], в тексте которой дублируются задачи предыдущего документа.

Подобные программы реализуются и в других регионах России: в Республике Татарстан – долгосрочная целевая программа «Развитие и использование информационных и коммуникационных технологий»; в Ханты-Мансийском автономном округе – целевая программа «Информационное общество – Югра на 2011–2015 гг.». В Новгородской области реализуется сразу две программы: «Совершенствование системы государственного управления и государственная поддержка развития местного самоуправления в Новгородской области на 2014–2016 гг.» и «Развитие информационного общества и формирование электронного правительства в Новгородской области на 2014–2020 гг.» и т. д. Кроме того, в регионах

реализуется ряд ведомственных программ, связанных с информатизацией сферы здравоохранения, архивного дела и т. д.

Следует отметить, что формирование электронного правительства на региональном уровне в Российской Федерации сталкивается с рядом серьезных проблем технологического, организационного, нормативного и финансового характера [7, с. 103].

Так, в рейтинге субъектов РФ по уровню внедрения электронного правительства по состоянию на 1 октября 2013 г. Республика Северная Осетия-Алания занимает 74 место из 83, а в Северо-Кавказском федеральном округе республика занимает 4 место из 7. Лидирующие позиции в данном направлении принадлежат Нижегородской области, г. Москве, г. Санкт-Петербургу, Республике Татарстан, Самарской области, завершают список Чеченская Республика, Республика Ингушетия, Карачаево-Черкесская Республика [13].

По нашему мнению, основной проблемой, подлежащей решению для обеспечения развития электронного правительства в регионах, в том числе и в Республике Северная Осетия-Алания, является формирование эффективной и своевременной нормативно-правовой базы в сфере информатизации.

В рамках реализации концептуальных положений по формированию информационного общества в регионах России в Республике Северная Осетия-Алания был образован Комитет связи и массовых коммуникаций, который является органом исполнительной власти, осуществляющим на территории Республики Северная Осетия-Алания разработку и проведение государственной политики в сфере связи, информационных технологий, массовых коммуникаций и средств массовой информации, в том числе электронных, включая развитие сети Интернет, развитие телерадиовещания и новых технологий в этих областях.

Комитет руководствуется в своей деятельности федеральным законодательством, Конституцией Российской Федерации, федеральными конституционными законами, Федеральными Законами: «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ; «О персональных данных» от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ; «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных

органов и органов местного самоуправления» от 9 февраля 2009 г. №8-ФЗ; «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» от 27 июля 2010 г. и др.

В Республике Северная Осетия-Алания созданы правовые основы для формирования электронного правительства. Они заложены в следующих нормативных актах: Распоряжении Правительства РСО-Алания «О введении в эксплуатацию официального Интернет-портала РСО-Алания» от 29.03.2007 г. № 60-р; Постановлении Правительства РСО-Алания «О создании в РСО-Алания единой государственной телекоммуникационной системы для информационно-справочной поддержки граждан и организаций» от 24.11.2009 г. № 326 и т. д.

Важнейшим нормативным актом Республики в сфере информатизации является Указ Главы РСО-Алания «О мерах по развитию информационного общества в РСО-Алания» от 19.01.2010 г. № 10. В соответствии с Указом в Республике был образован Совет по развитию информационного общества и фактически были созданы правовые основы для формирования в РСО-Алания инфраструктуры электронного правительства. Во исполнение данного указа Постановлением Правительства РСО-Алания от 16.02.2010 г. № 36 была утверждена Концепция развития информационного общества в РСО-Алания на период 2010–2015 гг.

Концепция установила следующие цели развития информационного общества в РСО-Алания: «обеспечение потребностей граждан и организаций в доступе к информации и информационном взаимодействии; опережающее развитие отрасли информационных технологий и связи при устойчиво высоких темпах роста экономики РСО-Алания в целом; повышение эффективности и качества государственного управления, формирование системы предоставления государственных услуг на основе использования информационных технологий («электронного правительства») РСО-Алания [6].

В соответствии с Федеральным законом от 9 февраля 2009 г. № 8-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления», в целях достижения открытости и доступности информации о деятельности государственных органов и

органов местного самоуправления, обеспечения прав граждан и организаций на доступ к информации о деятельности органов исполнительной власти и органов местного самоуправления Республики Северная Осетия-Алания, размещаемой в сети Интернет, был издан Указ Главы РСО-Алания «Об обеспечении доступа к информации о деятельности органов исполнительной власти и органов местного самоуправления РСО-Алания, размещаемой в сети Интернет» от 27.08.2010 г. № 115.

По нашему мнению, принятие данного Указа послужило отправной точкой для формирования в РСО-Алания информационного общества, так как он сопутствует достижению открытости и доступности информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления, обеспечению прав граждан и организаций на доступ к информации о деятельности органов исполнительной власти и органов местного самоуправления Республики Северная Осетия-Алания

Дальнейшее развитие информационного законодательства РСО-Алания связано с принятием Постановления Правительства РСО-Алания «Об обеспечении доступа к информации о деятельности органов исполнительной власти РСО-Алания» от 12 ноября 2010 г. № 309, которое установило порядок организации доступа к информации о деятельности Правительства Республики Северная Осетия-Алания и органов исполнительной власти Республики Северная Осетия-Алания; перечни информации о деятельности Правительства Республики Северная Осетия-Алания и органов исполнительной власти Республики Северная Осетия-Алания, размещаемой в сети Интернет, требования к технологическим, программным и лингвистическим средствам обеспечения пользования официальными сайтами органов исполнительной власти Республики Северная Осетия-Алания.

Преследуя цель формирования электронного правительства и облегчения взаимодействия между органами власти, в Республике начиная с 2011 г. был принят ряд актов, направленных на внедрение электронного документооборота: Распоряжение Правительства РСО-Алания «О республиканской системе межведомственного электронного

взаимодействия» от 14 марта 2011 г. № 60-р; Распоряжение Правительства РСО-Алания «Об утверждении плана мероприятий по внедрению системы электронного документооборота на 2012 г.» от 20.07.2012 г. № 179-р; Постановление Правительства РСО-Алания «Об организации деятельности по подключению к региональной системе межведомственного электронного взаимодействия и разработке электронных сервисов» от 3 августа 2012 г. № 272; Постановление Правительства РСО-Алания «Об утверждении положения и проведении мониторинга» от 17 августа 2012 г. № 278, Распоряжение Правительства РСО-Алания «Об утверждении плана мероприятий по внедрению системы электронного документооборота на 2013 г.» от 1 марта 2013 г. № 58-р.

Еще одним направлением развития информационного законодательства, непосредственно направленного на формирование в РСО-Алания электронного правительства, является нормативное закрепление процесса оказания государственных услуг в электронном виде, в этой связи были приняты Постановление Правительства РСО-Алания «О внедрении пилотного проекта по выполнению работ в целях предоставления органами исполнительной власти РСО-Алания социально значимых государственных (муниципальных) услуг в электронном виде» от 19 августа 2011 № 226; Постановление Правительства РСО-Алания «О порядке определения размера платы за оказание услуг, которые являются необходимыми и обязательными для предоставления государственных услуг органами исполнительной власти РСО-Алания» от 29.12.2011 г. № 376; Постановление Правительства РСО-Алания «Об утверждении Порядка запроса документов и информации, необходимых для предоставления государственных услуг» от 29.12.2011 г. № 377; Постановление Правительства РСО-Алания «О порядке формирования и ведения Реестра государственных услуг Республики Северная Осетия-Алания» от 29.12.2011 г. № 375; Постановление Правительства РСО-Алания «Об утверждении положения и проведении мониторинга качества предоставления государственных услуг в Республике Северная Осетия-Алания» от 17 августа 2012 г. № 278 [5, с. 64].

В рамках данного исследования интерес представляет реализация в РСО-Алания про-

ектов, связанных с внедрением универсальной электронной карты, которая, как известно, призвана облегчить для граждан процесс получения государственных услуг. В этой связи были приняты Распоряжение Правительства РСО-Алания «О создании межведомственной рабочей группы по реализации проекта «Единая универсальная электронная карта жителя РСО-Алания» от 22.07.2010 г. № 173-р; Распоряжение Правительства РСО-Алания «Об организации деятельности по выпуску, выдаче и обслуживанию универсальных электронных карт» от 1 марта 2011 г. № 49-р; Распоряжение Правительства РСО-Алания «Об утверждении Плана внедрения универсальных карт на территории РСО-Алания» от 20.07.2012 г. № 178-р.

Анализ данных нормативных актов позволяет сделать вывод о том, что они достаточно подробно «регламентируют вопросы внедрения технологии электронного правительства в Республике, а также развивают федеральное законодательство об обеспечении доступа к информации» [3, с. 100] о деятельности органов исполнительной власти. Однако следует отметить, что преобладание подзаконных актов в системе информационного законодательства РСО-Алания, по нашему мнению, не всегда позволяет эффективно решать проблемы информатизации.

Как известно, эффективность общегосударственной политики в сфере информатизации во многом зависит от того, как она реализуется в регионах. Так, во многих регионах России приняты соответствующие законы. Например, Закон Ханты-Мансийского автономного округа «Об информационных ресурсах Ханты-Мансийского автономного округа – Югры» от 18.03.1998 г. № 18-оз, Закон Орловской области «Об информатизации и информационных ресурсах Орловской области» от 13.05.2008 г. № 774-оз, Закон Нижегородской области «Об информатизации и информационных ресурсах Нижегородской области» от 12.2005 г. № 674.

По нашему мнению, целесообразным будет принятие для развития федерального законодательства в РСО-Алания ряда законов. Например, Закон «Об обеспечении доступа к информации о деятельности органов государственной власти и местного самоуправления Республики Северная Осетия-Алания», Закон «Об информационных ресурсах РСО-Алания» [2, с. 142].

Анализ приведенных данных, позволяет сделать вывод о том, что в республике созданы необходимые правовые основы для формирования и развития электронного правительства. Однако внедрение информационно-коммуникационных технологий в деятельность органов государственной власти на практике сталкивается с рядом проблем, в том числе и правового характера. Кроме того, характерной чертой развития процесса информатизации в РСО-Алания, выступает незавершенность предыдущих программ и переход к новым, что ведет к насаиванию проблем.

Рассуждая о вопросах совершенствования правовых основ формирования и развития электронного правительства в субъектах РФ, следует отметить необходимость, закрепления на законодательном уровне всех субъектов федерации вопросов информа-

тизации, формирования информационных ресурсов и создания единого информационного пространства региона. Кроме того, видится необходимым дальнейшее продолжение административной реформы с целью совершенствования структуры деятельности органов исполнительной власти и архитектуры электронного правительства.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что процесс развития электронного правительства в РСО-Алания находится на начальном этапе. Однако он характеризуется постепенным проникновением информационных технологий во все сферы общественной жизни. Дальнейшие перспективы развития электронного правительства связаны с углублением процесса информатизации в РСО-Алания и дальнейшим совершенствованием законодательства региона.

Литература

1. Бачило И. Л. «Электронное правительство» и инновации в области государственных функций и государственных услуг // Инновационные ресурсы России. 2010. № 1. С. 13–17.
2. Золоева З. Т. Правовые аспекты государственной политики в сфере информатизации регионов // Вестник Северо-Осетинского государственного университета имени Коста Левановича Хетагурова. 2014. № 1. С. 142.
3. Золоева З. Т. Правовые аспекты создания единого информационного пространства Российской Федерации // Гуманитарные и юридические исследования. 2014. № 3. С. 100.
4. Золоева З. Т., Койбаев Б. Г. Правовые аспекты обеспечения информационной безопасности в Республике Северная Осетия-Алания // Вестник Северо-Осетинского государственного университета имени Коста Левановича Хетагурова. 2015. № 4. С. 163.
5. Койбаев Б. Г., Золоева З. Т. Правовая политика Республики Северная Осетия-Алания в сфере информатизации // Гуманитарные и юридические исследования. 2015. № 2. С. 64.
6. Концепция развития информационного общества в РСО-Алания на период 2010–2015 годы. Утверждена Постановлением Правительства РСО-Алания от 16.02.2010 г. № 36 URL: http://komsit-rso.ru/iNdex.php?option=com_rokdown&loads&view=file&Itemid=16&id=19:-----19-01-2010 (Дата обращения: 04.03.2016).
7. Магдилова Л. В. Правовые основы формирования и развития электронного правительства: региональный аспект // Вестник Дагестанского государственного университета. 2012. № 2. С. 103–106.
8. О республиканской программе «Развитие информационного общества в Республики Северная Осетия-Алания на 2012–2014 годы»: Постановление Правительства Республики Северная Осетия-Алания от 20 июля 2012 года № 246. URL: <http://docs.cNtd.ru/documeNt/473302143> (Дата обращения: 04.03.2016).
9. О государственной программе Республики Северная Осетия-Алания «Развитие информационного общества в Республике Северная Осетия-Алания» на 2014–2016 годы: Постановление Правительства РСО-Алания от 15.11.2013 № 411. URL: <http://www.rso-a.ru/files/NAPA/red5/2013/201311411.pdf> (Дата обращения: 04.03.2016).
10. Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Информационное общество (2011–2020 годы)»: Постановление Правительства РФ от 15.04.2014 № 313 (ред. от 17.06.2015) // Официальный интернет-портал правовой информации URL: <http://www.pravo.gov.ru> (Дата обращения: 04.03.2016).
11. Об утверждении Стратегии развития отрасли информационных технологий в Российской Федерации на 2014–2020 годы и на перспективу до 2025 года: Распоряжение Правительства РФ от 01.11.2013 № 2036-р // Собрание законодательства РФ. 18.11.2013. № 46. Ст. 5954.
12. Об утверждении Концепции региональной информатизации: Распоряжение Правительства РФ от 29.12.2014 № 2769-р // Официальный интернет-портал правовой информации URL: <http://www.pravo.gov.ru> (Дата обращения: 04.03.2016).

13. Рейтинг субъектов РФ по уровню внедрения Электронного правительства на 1 февраля 2013 года // ГосМенеджмент: электронный журнал. URL: <http://www.gosmanet.ru/electrone?news=10253> (Дата обращения: 04.03.2016).

References

1. Bachilo I. L. «Elektronnoe pravitel'stvo» i innovacii v oblasti gosudarstvennyh funkcij i gosudarstvennyh uslug («Electronic Government» and innovation in the sphere of public functions and public services) // Innovacionnye resursy Rossii. 2010. No. 1. P. 13–17.
2. Zoloeva Z. T. Pravovye aspekty gosudarstvennoj politiki v sfere informatizacii regionov (Legal aspects of state policy in the sphere of regional informatization) // Vestnik Severo-Osetinskogo gosudarstvennogo universiteta imeni Kosta Levanovicha Hetagurova. 2014. No. 1. P. 142.
3. Zoloeva Z. T. Pravovye aspekty sozdaniya edinogo informacionnogo prostranstva Rossijskoj Federacii (Legal aspects of formation a unified information space of the Russian Federation) // Gumanitarnye i juridicheskie issledovanija. 2014. No. 3. P. 96–101.
4. Zoloeva Z. T., Kojbaev B. G. Pravovye aspekty obespechenija informacionnoj bezopasnosti v Respublike Severnaja Osetija-Alanija (Legal aspects of information security in the Republic of North Ossetia-Alania) // Vestnik Severo-Osetinskogo gosudarstvennogo universiteta imeni Kosta Levanovicha Hetagurova. 2015. No. 4. P. 163.
5. Kojbaev B. G., Zoloeva Z. T. Pravovaja politika Respubliki Severnaja Osetija-Alanija v sfere informatizacii (Legal Policy of the Republic of North Ossetia-Alania in the field of information) // Gumanitarnye i juridicheskie issledovanija. 2015. № 2. P. 60–65.
6. Koncepcija razvitiya informacionnogo obshhestva v RSO-Alanija na period 2010–2015 gody. Utverzhdena Postanovleniem Pravitel'stva RSO-Alanija ot 16.02.2010 g. № 36 (The conception of the Information Society in the Republic of North Ossetia-Alania for the period 2010–2015 years. Approved by government decree of North Ossetia-Alania 16.02.2010 No. 36). URL: http://komsit-rso.ru/inidex.php?option=com_rokdownloads&view=file&Itemid=16&id=19:-----19-01-2010 (Accessed: 04.03.2016).
7. Magdilova L. V. Pravovye osnovy formirovanija i razvitiya jelektronnogo pravitel'stva: regional'nyj aspect (Legal basis for the formation and development of e-government: regional aspect) // Vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta. 2012. No. 2. P. 103–106.
8. O respublikanskoj programme «Razvitie informacionnogo obshhestva v Respubliki Severnaja Osetija-Alanija na 2012–2014 gody»: Postanovlenie Pravitel'stva Respubliki Severnaja Osetija-Alanija ot 20 ijulja 2012 goda № 246 (About the republican program «Development of the Information Society in the Republic of North Ossetia-Alania for 2012–2014»: Government decree of the Republic of North Ossetia-Alania, 20 July 2012, No. 246). URL: <http://docs.cntd.ru/documeNt/473302143> (Accessed: 04.03.2016).
9. O gosudarstvennoj programme Respubliki Severnaja Osetija-Alanija «Razvitie informacionnogo obshhestva v Respublike Severnaja Osetija-Alanija» na 2014–2016 gody: Postanovlenie Pravitel'stva RSO-Alanija ot 15.11.2013 № 411 (On the State Programme of the Republic of North Ossetia-Alania «Development of Information Society in the Republic of North Ossetia-Alania for 2014–2016 years»: Decree of North Ossetia-Alania Government, 15.11.2013, No. 411). URL: <http://www.rso-a.ru/files/№PA/red5/2013/201311411.pdf> (Accessed: 04.03.2016).
10. Ob utverzhdenii gosudarstvennoj programmy Rossijskoj Federacii «Informacionnoe obshhestvo» (2011–2020 gody): Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 15.04.2014 № 313 (red.ot 17.06.2015) (Approval of the Russian Federation «Information Society state program» (2011–2020): Decree of the RF Government, 15.04.2014, No. 313 (ed. 06.17.2015)). URL: <http://www.pravo.gov.ru> (Accessed: 04.03.2016).
11. Ob utverzhdenii Strategii razvitiya otrasli informacionnyh tehnologij v Rossijskoj Federacii na 2014–2020 gody i na perspektivu do 2025 goda: Rasporjazhenie Pravitel'stva RF ot 01.11.2013 №2036-r (On approval of the Strategy of development of the industry of information technologies in the Russian Federation for 2014–2020 and for the period until 2025: Decree of the RF Government, 01.11.2013, No. 2036-p) // Legislation Bulletin of the Russian Federation. 18.11.2013. No. 46. Art. 5954.
12. Ob utverzhdenii Konceptii regional'noj informatizacii: Rasporjazhenie Pravitel'stva RF ot 29.12.2014 № 2769-r (On Approval of the Concept of regional informatization: Decree of the Russian Federation Government, 29.12.2014, No. 2769-r). URL: <http://www.pravo.gov.ru> (Accessed: 04.03.2016).
13. Reiting subjektov RF po уровню внедрения Электронного правительства на 1 февраля 2013 года (Rating of RF subjects on the level of implementation of e-government, 1 on February 2013). URL: <http://www.gosmanet.ru/electrone?news=10253> (Accessed: 04.03.2016).

УДК 347.9

Т. А. Комарова

**КАССАЦИОННЫЙ ПЕРЕСМОТР ГРАЖДАНСКИХ ДЕЛ:
СТАНОВЛЕНИЕ И СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ**

В настоящей статье рассматривается один из важнейших вопросов гражданского судопроизводства – пересмотр вступивших в законную силу судебных актов в порядке кассационного обжалования. Нормы права изначально проанализированы с учетом исторических видоизменений и преобразований, а затем синтезированы с современными

реалиями. Изучение начинается с источников права царской России, а завершается ныне действующим Гражданским процессуальным кодексом, в который предлагается внести конкретные правовые конструкции.

Ключевые слова: гражданский процесс, судопроизводство, кассационное производство, правоприменение.

Т. А. Komarova

**CASSATION REVIEW OF CIVIL CASES:
FORMATION AND CONTEMPORARY ISSUES**

This article discusses one of the most important issues of civil proceedings – revision entered into force court acts in the order of cassation. The Rule of Law is initially analyzed with the reference to historical changes and transformations, and then synthesized with

modern realities. The study begins with the sources of law of Tsarist Russia, and proceeds with the current Code of Civil Procedure. A specific legal framework is proposed.

Key words: civil procedure, legal proceedings, the appeal proceedings, law enforcement.

В настоящее время существуют четыре формы проверки законности и обоснованности судебных решений: проверка правильности судебных решений, не вступивших в законную силу – апелляция; пересмотр вступивших в законную силу решений суда – кассационное производство, надзорное производство, пересмотр по вновь открывшимся или новым обстоятельствам. Еще в 2006 г. Н. И. Маняк высказал предложение о целесообразности ввести для всех судов общей юрисдикции апелляционный способ проверки судебных актов, не вступивших в законную силу, кассационное же производство в гражданском процессе должно специализироваться на проверке соответствия закону обжалуемых судебных актов, вступивших в законную силу, и существовать как способ проверки этих актов. Для пересмотра решений районных судов им было предложено создать апелляционные коллегии в судах субъектов Российской Федерации, а проверку судебных актов, вступивших в законную силу, по его мнению, должны осуществлять кассационные коллегии по гражданским де-

лам судов субъектов Российской Федерации [7, с. 8]. Законодательное закрепление – это предложение получило в связи с вступлением в силу Федерального закона «О внесении изменений в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации»: от 9 декабря 2010 г. № 353-ФЗ [1].

Существующая система пересмотра судебных решений строилась и развивалась в рамках исторических изменений, происходивших в нашем государстве. История права обжалования решений суда, а также различных форм пересмотра судебных постановлений насчитывает в России несколько веков. В числе важнейших актов, в которых закреплялись процедуры обжалования в целом и кассации в частности, можно, например, назвать принятый в 1497 г. Судебник Русского централизованного государства, Судебник 1550 г., Соборное Уложение 1649 г., а также Именной Указ Екатерины II «О правилах производства апелляционных дел». Эти источники отражали общие понятия обжалования решений («пересуда»), содержали ограничения права на обращение с жалобой

(на дела, связанные с решением земельных споров), предусматривали возможность обжалования лишь единожды (либо в Боярскую Думу, либо государю).

В 1864 г. процедуры апелляции и кассации были отграничены друг от друга Уставом гражданского судопроизводства, который предусматривал возможность подачи просьбы об отмене решений. Такой просьбой обозначалось заявление, подаваемое в гражданский кассационный департамент Сената, об «уничтожении решения» судебной палаты и о дальнейшей передаче дела в другую палату или в другой департамент той же палаты для нового рассмотрения [5, с. 286]. Могла быть подана просьба о кассации решения, просьба о пересмотре решения, а также просьба не участвующих в деле лиц.

Просьбы о кассации решений подавались в случае явного нарушения прямого смысла закона или неправильного толкования закона, нарушения пределов ведомства или власти, предоставленных законом судебной палате нарушения, а также правил судопроизводства. Таким образом, Сенат, в отличие от апелляционной инстанции, проверял в кассационном порядке только юридическую, но не фактическую сторону дела. Однако он входил в рассмотрение и фактических обстоятельств дела, когда тяжущиеся жаловались на допущение судом нарушений предписанных законом правил при установлении и оценке обстоятельств дела. Просьба иных лиц, не участвующих в деле, об отмене судебных актов допускалась, когда вступившее в законную силу решение нарушало их права [5, с. 289].

Октябрьская социалистическая революция фактически разрушила буржуазно-помещичью юстицию Российской империи. Начал создаваться новый государственный аппарат, в том числе органы правосудия, и первым законодательным актом советского периода в области гражданского судопроизводства, регламентировавшим новый порядок пересмотра судебных постановлений, стал ГПК РСФСР 1923 г. Предусмотренный в указанном кодифицированном источнике процессуального права порядок пересмотра не вступивших в законную силу судебных постановлений именовался кассационно-ревизионным, суть которого состояла в обязанности суда кассационной инстанции

рассматривать дело в ревизионном порядке в полном объеме, то есть как в обжалованной, так и в необжалованной части, а указания кассационного определения, которым отменялось решение, были обязательны для суда первой инстанции при повторном рассмотрении дела [3, с. 17].

8 декабря 1961 г. были приняты Основы гражданского судопроизводства Союза и союзных республик. В соответствии с указанными Основами 11 июня 1964 г. был принят Гражданский процессуальный кодекс РСФСР. Предусмотренное им кассационное производство также предполагало проверку законности и обоснованности решений и определений суда первой инстанции как в обжалованной, так и в необжалованной части, а равно в отношении не подававших кассационной жалобы лиц. При этом суд второй, кассационной, инстанции не был связан доводами кассационной жалобы или протеста и был обязан проверить дело в полном объеме [6, с. 88]. Суд, вновь рассматривающий дело, не имел права устанавливать новые факты, однако мог признать недоказанными обстоятельства, имеющие значение для дела, которые суд первой инстанции ранее счел установленными.

Советский гражданский процесс предусматривал ряд ограничений в возможности кассационного обжалования судебных решений. Так, не подлежали кассационному обжалованию решения Верховного Суда РСФСР, решения судов по некоторым категориям дел, в частности по делам об обжаловании постановлений о наложении административных взысканий. В последние годы действия ГПК РСФСР 1964 г. эти ограничения поэтапно были убраны из процессуального законодательства [3, с. 21].

Делая вывод о характере советского кассационного производства, можно со всей уверенностью констатировать, что он содержал в себе черты кассации и ревизии, будучи по сути своей кассационно-ревизионным. Кассационным он был в том смысле, что суд второй инстанции проверял законность обжалуемого или опротестованного решения, не разбирая дело по существу, и только при условии наличия кассационной жалобы или протеста. Ревизионным его можно было охарактеризовать по тому признаку, что вышестоящий суд не был связан доводами жа-

лобы или протеста, а обязан был проверить дело в полном объеме [8, с. 54].

Федеральным законом «О внесении изменений и дополнений в Гражданский процессуальный кодекс РСФСР» 1964 г. от 27 октября 1995 г. были внесены существенные изменения и дополнения, концептуально преобразившие систему российского гражданского судопроизводства, затронувшие рассмотрение дел в проверочных инстанциях. Фактически Россия отказалась от ревизионного порядка проверки законности и обоснованности не вступивших в законную силу судебных постановлений кассационной инстанцией. По реформе 1995 г. кассационная инстанция должна была проверять законность и обоснованность решений и определений судов в пределах кассационной жалобы или протеста прокурора, но в интересах законности могла выйти за эти пределы и проверить акт суда первой инстанции в полном объеме [4, с. 6].

В 2002 г. был принят и с 1 февраля 2003 г. вступил в силу ныне действующий ГПК РФ. До 01.01.2012 г. в нем было предусмотрено обжалование не вступивших в законную силу решений суда в апелляционном и кассационном порядке.

Проведя анализ исторических этапов развития института кассационного производства, можно сказать, что этот институт является одним из важнейших в системе гражданского процессуального права, подвергающейся постоянному совершенствованию. Это подтверждается частыми изменениями, вносимыми по данному поводу в законодательство, различными Постановлениями Пленума Верховного Суда СССР, а затем Российской Федерации, обобщающими судебную практику в данной сфере, дискуссиями в правовой теории прошлого и в современности.

Действуя в настоящее время, процедура пересмотра вступивших в законную силу судебных актов в порядке кассационного производства имеет свои особенности, ряд из которых, на наш взгляд, и сегодня требует существенных изменений правового регулирования в направлении их совершенствования.

Рассмотрение дела в кассационном порядке представляет собой проверку законности вступившего в силу судебного акта и его отмену в случае выявления существен-

ных нарушений норм материального права или норм процессуального права, которые повлияли на исход дела и без устранения которых невозможны восстановление и защита нарушенных прав, свобод и законных интересов, а также защита охраняемых законом публичных интересов. Обязательным условием реализации права кассационного обжалования является рассмотрение дела в суде апелляционной инстанции. Специфика кассационного обжалования заключается в возможности «двукратного» изучения поданной жалобы или представления. Первичное рассмотрение осуществляется судьей единолично и является обязательным, вторичное – коллегиально, наступает только при условии вынесения определения о передаче жалобы для рассмотрения в судебном заседании суда кассационной инстанции. Таким образом, кассационное производство содержит в себе значительные элементы судейского усмотрения.

Вместе с тем считаем, что положение ст. 381 ГПК РФ требует изменения. Судья, изучающий кассационную жалобу, представление, единолично решает вопрос дальнейшего пересмотра дела. Иными словами, судья областного и приравненного к нему суда единолично определяет нуждается или нет коллегиальное решение, принятое судьями этого же суда, в передаче для рассмотрения в судебном заседании. Считаем, что мнение, сформированное тремя профессиональными судьями одного звена судебной системы, не может ставиться под сомнение другим судьей того же суда единолично. На наш взгляд, кассационная жалоба, представление сразу должны рассматриваться в судебном заседании суда кассационной инстанции.

Согласно ст. 376 ГПК, вступившие в законную силу судебные постановления, за исключением судебных постановлений Верховного Суда РФ, могут быть обжалованы в законном порядке в суд кассационной инстанции лицами, участвующими в деле, и другими лицами, если их права и законные интересы нарушены судебными постановлениями. При этом кассационная жалоба, представление на судебные постановления, не прошедшие стадию апелляционного обжалования, подлежат возвращению без рассмотрения по существу. Лица, не участвующие в деле и не воспользовавшиеся правом апелляционного

обжалования, имеют право подать кассационную жалобу, если принятым по делу постановлением разрешен вопрос об их правах либо обязанностях. Данное разъяснение содержится в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 11 декабря 2012 г. № 29 [2]. Причем относительно шестимесячного срока подачи такой жалобы никаких отступлений не имеется. Восстановлен же срок может быть, только если объективно исключаящие возможность подачи кассационных жалоб обстоятельства имели место в период не позднее одного года со дня вступления обжалуемого судебного акта в законную силу.

Учитывая высокую степень вероятности, что указанным лицам станет известно о нарушении их прав по истечении шестимесячного срока, отведенного законодателем для подачи кассационной жалобы, необходимо включить в ст. 376 ГПК РФ положение о начале течения срока кассационного обжалования для данных лиц с момента, когда лицо узнало или должно было узнать о нарушении его права вступившим в законную силу судебным постановлением.

Также остается нерешенным другой вопрос: если физическое или юридическое лицо являлось участником рассмотрения гражданского дела в суде первой инстанции, но принятым решением его интересы не затрагивались, а, следовательно, судебный акт не обжаловался, впоследствии приобрело определенные обязанности, связанные с вступлением решения в законную силу, то каким образом оно может подать апелляционную жалобу после истечения месячного срока или обжаловать решение сразу в кассационном порядке? Вопрос о наделении лиц, участвующих в деле, но своевременно не воспользовавшихся своим правом обжалования в силу объективных причин дополнительной возможностью инициирования пересмотра дела нуждается в законодательном закреплении и непременно должен быть отражен в позиции Верховного Суда РФ.

Следует также обратить внимание на законопроект, содержащий в себе предложения по модернизации проверочных инстанций гражданского судопроизводства, а именно на проект Федерального закона «О внесении изменений в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации и в Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации» № 725381-6, кото-

рый содержит предложения по включению в ГПК РФ главы 21.1 «Упрощенное производство», регламентирующей порядок упрощенного производства, перечень дел, подлежащих такому рассмотрению, а также особенности рассмотрения и решения по делу, рассматриваемому в порядке упрощенного производства.

«Упрощенная кассация» по названному проекту имеет следующие особенности:

- кассационные жалобы, представления на вступившие в законную силу судебные приказы и решения суда по делам, рассмотренным в порядке упрощенного производства, предлагается рассматривать без вызова лиц, участвующих в деле, а возможность их участия в процессе поставлена в зависимость от судебного усмотрения;

- срок рассмотрения кассационной жалобы (представления) нормативно не закреплён, а устанавливается судом «с учетом того, чтобы лица, участвующие в деле, имели возможность направить объяснения по делу»;

- лица, участвующие в деле, их представители, иные лица, подавшие кассационную жалобу, имеют право направить в суд кассационной инстанции объяснения по делу только в случае, если их права и законные интересы непосредственно затрагиваются обжалуемым судебным постановлением.

Таким образом, оценивая идею введения отдельной главы «Упрощенное производство», можно сказать о ее целесообразности и даже необходимости в целях оптимизации судебной нагрузки. Однако положения о пересмотре принятых в таком порядке судебных актов требуют дальнейшей проработки в процессе принятия законопроекта Государственной Думой.

Согласно ч. 5 ст. 378 ГПК РФ, к кассационной жалобе должны быть приложены заверенные соответствующим судом копии судебных постановлений, принятых по делу, то есть постановления судов первой и апелляционной инстанций. На наш взгляд, данное положение усложняет процедуру обращения в суд для обжалования вступившего в законную силу судебного акта, налагает на обращающихся с жалобой лиц обязанности, которые вполне могут быть упразднены. Предоставление заверенных копий не обусловлено необходимостью, так как судебной коллегией данные документы могут быть получены самостоятельно в более кратчайшие

сроки, нежели гражданами, вынужденными простаивать в очередях канцелярий суда. Разработчики законопроекта «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации и Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации» № 712332-6 (в части уточнения перечня документов, представляемых в апелляционную, кассационную и надзорную инстанции) детально рассматривают указанную проблему в Пояснительной записке и справедливо предлагают упразднить положения ч. 5 ст. 378 ГПК РФ.

Итак, современное кассационное производство по гражданским делам – это стадия гражданского судопроизводства, представляющая собой совокупность процессуальных отношений, возникающих и развиваю-

щихся между судом кассационной инстанции и лицами, участвующими в деле, и другими лицами, если их права и законные интересы нарушены судебными постановлениями, в целях проверки законности и обоснованности вступивших в законную силу судебных актов. Так же как и другие институты гражданского судопроизводства, кассация направлена на восстановление нарушенных или оспариваемых прав гражданина или организации, то есть на установление справедливого правосудия, верховенства права, а в конечном итоге правового государства. Это обстоятельство позволяет говорить о чрезвычайной важности процедуры кассационного обжалования, необходимости его исследования, анализа и совершенствования нормативной базы.

Литература

1. О внесении изменений в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 9 декабря 2010 г. № 353-ФЗ (в ред. от 08.03.2015 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2010. № 50. Ст. 6611.
2. О применении судами норм гражданского процессуального законодательства, регулирующих производство в суде кассационной инстанции: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 11 декабря 2012 г. № 29 // Российская газета. 2012. № 295.
3. Алиэскеров М. А. Кассационное производство по гражданским делам. Вопросы теории и практики. М.: Норма. 2005. 160 с.
4. Алиэскеров М. А. Проблемы кассационного производства по гражданским делам: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М.: МГУ, 2000. 20 с.
5. Васильковский Е. В. Учебник гражданского процесса / под ред. В. А. Томсинова. М.: Зерцало, 2003. 464 с.
6. Грицанов А. С. Кассационное производство в советском гражданском процессе. Томск: ТГУ, 1980. 370 с.
7. Маняк Н. И. Кассационное производство в российском гражданском процессе: некоторые проблемы совершенствования: автореф. дис. ... канд. юр. наук. М.: КубГУ, 2006. 28 с.
8. Савельева Т. А. Об особенностях правового регулирования стадии кассационного производства в правосудии по гражданским делам // Вестник СГАП. 2000. № 1(20). С. 112.

References

1. O vnesenii izmenenii v Grazhdanskii protsessual'nyi kodeks Rossiiskoi Federatsii: Federal'nyi zakon ot 9 dekabrya 2010 g. № 353-FZ (v red. ot 08.03.2015 g.) (On amendments to Civil Procedure Code of the Russian Federation: Federal law, 9 December 2010 № 353-FL (as revised in 08.03.2015)) // Legislation Bulletin of the Russian Federation. 2010. No. 50. Art. 6611.
2. O primenении sudami norm grazhdanskogo protsessual'nogo zakonodatel'stva, reguliruyushchikh proizvodstvo v sude kassatsionnoi instantsii: Postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda RF ot 11 dekabrya 2012 g. № 29 (About application by courts of rules of civil procedure law governing the proceedings in the court of cassation: Resolution of the Plenum of the Supreme Court, 11 December 2012 № 29) // Rossiiskaya gazeta. 2012. No. 295.
3. Alieskerov M. A. Kassatsionnoe proizvodstvo po grazhdanskim delam. Voprosy teorii i praktiki (The appeal proceedings in civil cases. Questions of theory and practice). M.: Norma. 2005. 160 p.
4. Alieskerov M. A. Problemy kassatsionnogo proizvodstva po grazhdanskim delam (Problems of the cassational proceedings in civil cases): avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. M.: MSU, 2000. 20 p.
5. Vas'kovskii E. V. Uchebnik grazhdanskogo protsessa (Textbook of civil procedure) / ed. by V. A. Tomsinova. M.: Zertsalo, 2003. 464 p.
6. Gritsanov A. S. Kassatsionnoe proizvodstvo v sovetskom grazhdanskom protsesse (Cassational proceedings in the Soviet civil process). Tomsk: TSU, 1980. 370 p.
7. Manyak N. I. Kassatsionnoe proizvodstvo v rossiiskom grazhdanskom protsesse: nekotorye problemy sovershenstvovaniya (Cassational proceedings in the Russian civil process: problems of perfection): avtoref. dis. ... kand. yur. nauk. M.: Kub.SU, 2006. 28 p.
8. Savel'eva T. A. Ob osobennostyakh pravovogo regulirovaniya stadii kassatsionnogo proizvodstva v pravosudii po grazhdanskim delam (On peculiarities of the legal regulation of the stage of cassational proceedings of justice in civil cases) // Vestnik SSAJ. 2000. No 1(20). P. 112.

УДК 347.440

Н. В. Петров

О ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НАРУШЕНИЕ УСЛОВИЙ ДОГОВОРА ТИТУЛЬНОГО СТРАХОВАНИЯ

В рамках широкой темы «Договор титульного страхования» автор рассматривает один из аспектов юридической ответственности за нарушение сторонами положений названного договора. Автор вступает в заочный дискурс по данному вопросу с позицией ряда отечественных цивилистов.

Ключевые слова: страхование, юридическая ответственность, правоприменительная практика, санкции, правоотношения, страховщик, страхователь.

N. V. Petrov

ON THE CIVIL LIABILITY FOR BREACH OF TITLE INSURANCE CONTRACT

Within a wide framework of «contract of title insurance», the author examines one of the aspects of legal liability for violation the provisions of the said agreement by the parties. The author challenges the position of a number of national civil law specialists.

Key words: insurance, legal liability, legal practice, sanctions, legal relationship, legal insurer, the insured person.

Правовой институт страхования на сегодняшний момент стоит в одном ряду с самыми эффективными механизмами защиты имущественных интересов участников гражданского оборота. В современном отечественном гражданском праве страхование не рассматривается как один из способов защиты интересов добросовестного приобретателя, однако правоприменительная практика значительного количества государств с развитой правовой системой показывает, что страховая защита от нежелательных последствий, обусловленных «подводными камнями» в юридической истории приобретаемого имущества, является действенным средством защиты интересов добросовестного приобретателя. Подобный вид страхования в юридической и экономической литературе именуется титульным страхованием.

Сложность в установлении нормативного регулирования отношений по титульному страхованию объясняется тем, что в науке гражданского права в настоящее время практически нет конкретных рекомендаций, основанных на научных исследованиях дан-

ного правового феномена, находящегося на стыке двух востребованных в современной юридической науке направлений, одно из которых касается разработки механизмов защиты интересов добросовестных приобретателей имущества, а второе – совершенствования правового регулирования страховых отношений.

К сожалению, договорные отношения, в том числе и вытекающие из договора титульного страхования, нередко нарушаются. Нарушение сторонами условий договора, т. е. невыполнение или ненадлежащее выполнение ими своих обязанностей, чревато определенными негативными последствиями, которые охватываются категорией «гражданско-правовая ответственность за нарушение условий договора». Однако в рамках этой категории, несмотря на ее значительный возраст, не утихают научные дискуссии, особенно те, которые касаются таких феноменов, как «санкция», «ответственность», «меры ответственности» и их соотношения [9, с. 25–29; 6, с. 14–15].

Говоря о термине «санкция» (от лат. *sanction* – строжайшее постановление), сле-

дует отметить, что данный термин может рассматриваться как минимум в четырех значениях: 1) как утверждение высшей инстанцией какого-либо нормативного акта, придающее ему силу закона; 2) как часть правовой нормы, в которой указываются правовые последствия ее нарушения; 3) как мера воздействия; 4) как одобрение, разрешение.

Рассматривая специфику гражданско-правовой ответственности за нарушение условий договора титульного страхования мы полагаем, что категорию «гражданско-правовая ответственность» нельзя отождествлять с категорией «обязанность». Обязанность – это то, что тот или иной субъект (сторона) обязательства должен выполнить в силу возникающего правоотношения. А вот если та или иная обязанность стороны правоотношения не будет выполнена надлежащим образом, то в этом случае возникают все основания говорить об ответственности за невыполнение или ненадлежащее выполнения обязательства.

Обсуждая сущность страховых правоотношений, следует отметить, что надо различать такие, «хотя и близкие по экономическому происхождению, но принципиально разные по юридической природе понятия „убытки как мера гражданско-правовой ответственности“ и „страховые убытки“» [2, с. 181]. Думается, что совершенно правы те авторы, которые полагают, что в последнем случае убытки рассматриваются лишь как стоимостное (денежное) выражение ущерба, возникшего у страхователя в результате наступления страхового случая [1, с. 318]. При наступлении страховых убытков нет оснований говорить о правонарушении со стороны субъектов страховых правоотношений, вытекающих из договора титульного страхования. Это предопределяет недопустимость рассмотрения выплаты страхового возмещения как меры гражданско-правовой ответственности, ибо выплата страхового возмещения есть не что иное, как исполнение страховщиком своей обязанности по договору страхования (в нашем случае – титульного страхования). Полагаю, что страховая выплата, направленная на возмещение убытков от наступления страхового случая, это прежде всего один из наиболее эффективных, востребованных и динамично развивающихся способов защиты имущественных прав страхователя.

Обращаясь к проблематике гражданско-правовой ответственности, заметим, что нам импонирует точка зрения О. С. Иоффе и поддерживающих его ученых, которые рассматривают гражданско-правовую ответственность как санкцию за правонарушение, вызывающую для нарушителя отрицательные последствия в виде лишения его субъективных прав либо возложения новых и дополнительных гражданско-правовых обязанностей [4, с. 97].

Рассматривая виды гражданско-правовых санкций, В. С. Белых и И. В. Кривошеев предлагают одним из оснований классификации считать их содержание. В зависимости от данного критерия ими разграничиваются имущественные и организационные санкции. В качестве имущественных санкций названные авторы видят взыскание неустойки, возмещение убытков, уплату процентов по денежным обязательствам, конфискацию имущества. К категории организационных санкций вышеназванные авторы относят такие меры защиты, как: признание права; восстановление положения, существовавшего до нарушения права, и пресечение действий нарушающих право или создающих угрозу такого нарушения; признание оспоримой сделки недействительной и применение последствий ее недействительности, применение последствий недействительности ничтожной сделки; признание недействительным акта государственного органа или органа местного самоуправления; самозащита права; присуждение к исполнению обязанности в натуре; компенсация морального вреда; прекращение или изменение правоотношения; неприменение судом акта государственного органа или органа местного самоуправления, противоречащего закону. Говоря о классификации санкций по целям (выполняемым функциям) В. С. Белых и И. В. Кривошеев предлагают выделять санкции пресечения, санкции восстановления и санкции обеспечения [5, с. 58].

В целом автор данной статьи согласен с вышеуказанной позицией, однако думается, что такую категорию, как компенсация морального вреда, не следует относить к разряду организационных санкций, ибо законодатель четко указывает, что компенсация морального вреда осуществляется в денежной форме (см. п. 1 ст. 1101 ГК РФ). Данное указание явно свидетельствует об

отнесении компенсации морального вреда к категории имущественного воздействия на его причинителя, что, несомненно, следует относить к санкциям имущественного характера, направленным на нивелирование негативных последствий, возникающих на стороне кредитора [3, с. 22; 5, с. 58; 10, с. 42].

Рассматривая специфику применения санкций в рамках правоотношения, вытекающего из договора титульного страхования, прежде всего необходимо обратить внимание на те санкции, которые следует относить к мерам гражданско-правовой ответственности. Традиционными формами гражданско-правовой ответственности, которые вполне применимы к нарушителю страховых обязательств, являются взыскание неустойки и возмещение убытков, причем законодатель специально оговаривает отдельные случаи, когда нарушившая условия договора сторона несет ответственность в форме возмещения убытков.

Анализ правового положения страховщика и страхователя (выгодоприобретателя) позволяет сделать вывод, что законодатель достаточно определенно разграничивает отказ страховщика от осуществления страховой выплаты и освобождение страховщика от возмещения страховых убытков (п. 3 ст. 962, ст. 963 ГК РФ).

Так, нормы п. 3 ст. 962 ГК РФ определяют, что страхователь по договору титульного страхования несет ответственность за неприятие им разумных и доступных в сложившейся обстановке мер, направленных на уменьшение возможных страховых убытков. Если будет установлено, что страхователь умышленно не принял вышеназванные меры, то страховщик освобождается от возмещения страховых убытков.

Весьма похожая правовая конструкция отражена и в нормах ст. 963 ГК РФ, где применительно к титульному страхованию определено, что страховщик освобождается от выплаты страхового возмещения или страховой суммы, если страховой случай наступил вследствие умысла страхователя или выгодоприобретателя. При этом нормы абз. 2 п. 1 ст. 963 ГК РФ определяют, что грубая неосторожность страхователя или выгодоприобретателя является основанием для освобождения страховщика от выплаты страхового возмещения только в том случае, когда это

предусмотрено специальным законом. Именно на это в своё время обратил внимание Президиум Высшего Арбитражного Суда РФ в постановлении от 24 июня 1997 г. [7].

Анализ норм Гражданского кодекса РФ, посвященных страхованию, позволяет сделать вывод, что конструкция освобождения от страховой выплаты достаточно активно используется законодателем. Помимо рассмотренных автором норм ст. 962, 963 ГК РФ освобождение страховщика от выплаты страхового возмещения происходит и в случае невыполнения страхователем правил суброгации вследствие отказа от своего права требования к лицу, ответственному за убытки или допущение иного действия (бездействия), из-за которого осуществление этой обязанности стало невозможным. Данное правило достаточно четко прописано в п. 4 ст. 965 ГК РФ.

Рассматривая основания освобождения страховщика от осуществления страховых выплат в пользу страхователя (выгодоприобретателя), мы видим весьма интересную картину. Достаточно часто такие основания освобождения от страховой выплаты не связываются с какими-либо нарушениями страхователем (выгодоприобретателем) условий договора. Указанное не позволяет утверждать, что такое освобождение является гражданско-правовой санкцией, направленной против страхователя (выгодоприобретателя).

Ю. Б. Фогельсон полагает, что освобождение от страховой выплаты можно рассматривать в качестве основания прекращения гражданско-правовых обязательств по аналогии использования термина «освобождение» в контексте ст. 415 ГК РФ [8, с. 190]. Однако полагаем, что такое утверждение недостаточно корректно. Следует согласиться с точкой зрения В. С. Белых и И. В. Кривошеева, отмечающих, что в рамках ст. 415 ГК РФ термин «освобождение» применяется не просто к обязательству вообще, а рассматривается как один из вариантов прощения долга. Что же касается использования термина «освобождение» в контексте норм гл. 48 ГК РФ, то в данном случае ни о каком прощении долга речь не идет. Ведь при наступлении страхового случая страхователь (выгодоприобретатель) не совершает каких-либо действий, свидетельствующих о прощении страховщика [2, с. 188–189].

Говоря о проблематике применения гражданско-правовых санкций в рамках конструкции титульного страхования, хотелось бы обратиться к нормам ст. 958 ГК РФ. В них определено, что договор страхования может быть досрочно прекращен, если после его вступления в силу возможность наступления страхового случая отпала, и существование страхового риска прекратилось по обстоятельствам иным, чем страховой случай. Применительно к титульному страхованию в качестве оснований для досрочного прекращения страховых отношений законодатель устанавливает гибель застрахованного имущества по причинам иным, чем наступление страхового случая. Кроме того, законодатель в п. 2 ст. 958 ГК РФ предоставляет страхователю (выгодоприобретателю) право в любое время отказаться от договора страхования, если к моменту отказа возможность наступления страхового случая не отпала по обстоятельствам, указанным в п. 1 ст. 958 ГК РФ.

Законодатель устанавливает правило, в соответствии с которым в вышеназванных случаях при досрочном прекращении дого-

вора страховщик имеет право на невозврат либо всей страховой премии (при досрочном добровольном отказе страхователя (выгодоприобретателя) от договора страхования, либо части страховой премии (если невозможность наступления страхового случая отпала и существование страхового риска прекратилось по обстоятельствам иным, чем страховой случай), которая должна быть пропорциональной времени, в течение которого действовало страхование. Однако следует учитывать, что хотя нормы второго абзаца п. 3 ст. 958 ГК РФ определяют общее правило о невозврате уплаченной страховой премии в случае досрочном отказе страхователя (выгодоприобретателя) от договора страхования, договором могут быть предусмотрены другие варианты развития событий.

Таким образом, применение санкций в рамках договора титульного страхования направлено на защиту субъективных прав добросовестного участника страховых правоотношений, а также на обеспечение стабильности и нерушимости страховых обязательств.

Литература

1. Агеев Ш. Р., Васильев Н. М., Катырин С. Н. Страхование: теория, практика и зарубежный опыт. М.: Экспертное бюро. 1998. 373 с.
2. Белых В. С., Кривошеев И. В. Страхование. М: Норма, 2001. 352 с.
3. Горшенков Г. Г. Превентивный эффект компенсации морального вреда // Российская юстиция. 2006. № 5. С. 19–20.
4. Иоффе О. С. Обязательственное право. М.: Юридическая литература, 1975. 880 с.
5. Климович Е. С. Размер денежной компенсации морального вреда в случае нарушения прав гражданина // Закон. 2007. № 8. С. 87–92.
6. Павлова Е. В. Гражданско-правовая ответственность по договору страхования: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: Коломна: Коломенский государственный педагогический университет, 2004. 180 с.
7. Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 24 июня 1997 г. № 249/97 // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 1997. № 10.
8. Фогельсон Ю. Б. Комментарий к страховому законодательству. М.: Юрист, 1999. 284 с.
9. Хохлов В. А. Гражданско-правовая ответственность за нарушение договора: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук, Самара: Самарская государственная экономическая академия, 1998. 41 с.
10. Чутов С. А. Проблемы компенсации морального вреда // Законы России: опыт, анализ, практика. 2008. № 1. С. 73–74.
11. Смирнов А. В., Калиновский К. Б. Комментарий к УПК РФ. 5-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2009. 480 с.

References

1. Ageev Sh. R., Vasil'ev N. M., Katyryn S. N. Strakhovanie: teoriya, praktika i zarubezhnyi opyt (Insurance theory, practice and foreign experience). M.: Ekspertnoe byuro. 1998. 373 p.
2. Belykh V. S., Krivosheev I. V. Strakhovoe parvo (Law of insurance). M: Norma, 2001. 352 p.
3. Gorshenkov G. G. Preventivnyi effekt kompensatsii moral'nogo vreda (The preventive effect of recompense of non-pecuniary damage) // Rossiiskaya yustitsiya. 2006. No. 5. P. 19–20.
4. Ioffe O. S. Obyazatel'stvennoe pravo (Law of obligations). M.: Juridicheskaja literatura, 1975. 880 p.
5. Klimovich E. S. Razmer denezhnoi kompensatsii moral'nogo vreda v sluchae narusheniya prav grazhdanina (The size of non-pecuniary damage compensation in case of violation of civil rights) // Zakon. 2007. No. 8. P. 87–92.

6. Pavlova E. V. Grazhdansko-pravovaya otvetstvennost' po dogovoru strakhovaniya (Civil law sanctions under the insurance contract): avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk: Kolomna: Kolomenskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet, 2004. 180 p.
7. Postanovlenie Prezidiuma Vysshego Arbitrazhnogo Suda RF ot 24 iyunya 1997 g. № 249/97 (Resolution of the Presidium of the Supreme Commercial Court of the Russian Federation, 24 June 1997, № 249/97) // Vestnik Vysshego Arbitrazhnogo Suda Rossiiskoi Federatsii. 1997. No. 10.
8. Fogel'son Yu. B. Kommentarii k strakhovomu zakonodatel'stvu (Comments for law of insurance). M.: Yurist. 1999. 284 p.
9. Khokhlov V. A. Grazhdansko-pravovaya otvetstvennost' za narushenie dogovora (Civil responsibility for breach of contract): avtoref. dis. ... d-ra jurid. nauk, Samara: Samara state economic academy, 1998. 41 p.
10. Chutov S. A. Problemy kompensatsii moral'nogo vreda (Issue of non-pecuniary damage compensation) // Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika. 2008. No. 1. P. 73–74.
11. Smirnov A. V., Kalinovskii K. B. Kommentarii k UPK RF (Comments for CPC). M.: Prospekt, 2009. 480 p.

УДК 342.57

И. В. Решетникова

ПРИНЦИПЫ ФОРМИРОВАНИЯ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОБЩЕСТВЕННЫХ ПАЛАТ СУБЪЕКТОВ, РАСПОЛОЖЕННЫХ НА ТЕРРИТОРИИ СЕВЕРО-КАВКАЗСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА

Научное изучение принципов формирования и деятельности общественных палат имеет не только теоретическое, но и практическое значение. Поскольку общественные палаты субъектов играют большую роль в формировании гражданского общества России, выбранная тема исследования является актуальной. В статье приведен анализ

принципов общественных палат субъектов Северо-Кавказского федерального округа.

Ключевые слова: общественная палата, субъект Российской Федерации, гражданское общество, принципы формирования общественных палат, принципы деятельности общественных палат.

I. V. Reshetnikova

PRINCIPLES OF FORMATION AND ACTIVITIES OF PUBLIC CHAMBERS IN NORTH CAUCASUS FEDERAL DISTRICT

Scientific research of formation and activities principles of public chambers is of both theoretical and practical significance. Since the public chambers are of great importance for the formation of civil society in Russia, the topic under consideration is relevant. The article

analyzes the principles of public chambers of subjects of the North Caucasus Federal District.

Key words: public chamber, subject of the Russian Federation, civil society, principles of formation of public chambers, principles of activities of public chambers.

Статус общественных палат в субъектах РФ очень разнообразен и нередко отличается от статуса Общественной палаты Российской Федерации, что вполне объясняется региональными особенностями страны. Именно эти особенности и имеют влияние как на саму организацию палаты, так и на ее деятельность. При этом оговоренные осо-

бые положения, которыми руководствуются и от которых не отступают палаты, можно уместить в одну систему и назвать их принципами.

Принципы общественной палаты субъекта Российской Федерации – это наиболее общие, концептуальные положения о порядке формирования, об организации деятель-

ности общественной палаты в целях проведения пленарных заседаний, общественной экспертизы, а также положения о том, как должны строиться правоотношения между общественной палатой и гражданами, общественными объединениями, профессиональными союзами, творческими союзами, объединениями работодателей и их ассоциациями, профессиональными объединениями, а также иными некоммерческими организациями, созданными для представления и защиты интересов профессиональных и социальных групп, с федеральными органами государственной власти субъектов Российской Федерации и органами местного самоуправления в целях учета потребностей и интересов граждан Российской Федерации, защиты прав и свобод граждан Российской Федерации и прав общественных объединений и иных некоммерческих организаций при формировании и реализации государственной политики в целях осуществления общественного контроля за деятельностью органов исполнительной власти субъекта Российской Федерации и органов местного самоуправления.

Принципы общественных палат являются основными началами законодательного регулирования общественных палат, в том числе и палаты Российской Федерации. В свою очередь принципы есть определенная система, образованная с целью обеспечения функционирования общественных палат как института гражданского общества.

Л. С. Явич определяет принципы права как ведущие начала формирования, развития и функционирования [7]. Н. С. Малеин писал, что идеи-принципы – это категория правосознания, поскольку дают представление о должествующем в праве. В дальнейшем они объективируются в нормах права и правоотношениях [2].

Таким образом, принципы общественной палаты представляют основополагающие начала, главные идеи, которые распространяют свое действие на все нормы, регламентирующие деятельность общественной палаты. Но, чтобы основополагающие начала носили характер обязательной реализации и не являлись пустой декларацией, очевидна необходимость их нормативного закрепления.

Так, например, закон об Общественной палате Ставропольского края не включает

конкретной статьи, в содержание которой входит перечень принципов формирования и деятельности палаты. Однако из смысла ст. 2 следует, что указанная общественная палата руководствуется, в том числе принципами, независимости, коллегиальности, принципом добровольного участия в ее деятельности граждан, представителей общественных объединений и иных некоммерческих организаций.

Анализ законодательства иных субъектов Российской Федерации свидетельствует о том, что, не смотря на отсутствие прямого указания на название ряда принципов в качестве таковых, они закреплены в законах в виде норм. Таким образом, данный факт, не лишает подобные принципы служить в виде основополагающих начал.

Представляется, что принципы общественной палаты субъекта Российской Федерации следует разделить на две группы:

I – принципы формирования и организации общественной палаты;

II – принципы деятельности.

Рассмотрим первую из указанных групп.

Согласно п. 2 ст. 1 Федерального закона от 04.04.2005 № 32-ФЗ «Об Общественной палате Российской Федерации» (далее – Закон об Общественной палате Российской Федерации), Общественная палата формируется на основе добровольного участия в ее деятельности граждан Российской Федерации, общественных объединений и иных некоммерческих организаций, из чего следует, что одним из принципов организации является принцип добровольности.

Принцип добровольности участия основывается на конституционном праве граждан на объединение. В соответствии со ст. 30 Конституции Российской Федерации никто не может быть принужден к вступлению в какое-либо объединение или пребыванию в нем. Поэтому граждане вправе для защиты общих интересов и достижения общих целей создавать новые и вступать в уже существующие общественные объединения. Содержание права на объединение также включает право граждан воздерживаться от вступления в общественные объединения, право беспрепятственно выходить из их состава.

В то же время в противовес указанному положению нормы ст. 30 Конституции Российской Федерации, п. 2 ст. 11 Закона об Об-

щественной палате Российской Федерации не допускает объединение членов Общественной палаты по принципу: национальной принадлежности, религиозной принадлежности, региональной принадлежности, партийной принадлежности.

При этом указанное объяснимо тем, что Общественная палата призвана обеспечить согласование общественно значимых интересов граждан Российской Федерации, общественных объединений, иных некоммерческих организаций, органов государственной власти и органов местного самоуправления для решения наиболее важных вопросов экономического и социального развития, обеспечения национальной безопасности, защиты прав и свобод граждан Российской Федерации, конституционного строя Российской Федерации и демократических принципов развития гражданского общества в Российской Федерации.

Достижение указанного возможно лишь только в случае отсутствия какого-либо давления, лоббирования со стороны членов палаты – заинтересованных лиц. Поэтому, для того чтобы исключить возможность возникновения указанных ситуаций, Законом об Общественной палате Российской Федерации прямо запрещено объединение членов Общественной палаты РФ по перечисленным принципам.

Разумеется, это условие должно соблюдаться как при формировании официальных органов общественной палаты – комиссий, подкомиссий и рабочих групп, которые должны создаваться по отраслевому или целевому критерию, но не по критерию по принадлежности к определенным социальным группам, так и вообще быть руководством в деятельности членов общественной палаты, ведь любая «фракционность» вовсе не способствует эффективной и беспристрастной работе [3].

Согласно п. 2 ст. 1 Закона об Общественной палате Ставропольского края, общественная палата является коллегиальным консультативно-совещательным органом. Этот принцип прослеживается как при рассмотрении структуры самой палаты, так и при анализе принятия палатой решений.

Коллегиальность представляет собой рассмотрение вопросов несколькими лицами в целях принятия одного верного решения. Та-

ким образом, при рассмотрении коллегиальности как принципа формирования и организации общественной палаты, необходимо расширить распределение и установление функций и полномочий его членов.

В соответствии со ст. 9 Закона об Общественной палате РФ, члены общественной палаты на первом пленарном заседании определяют структуру палаты, избирают совет общественной палаты, секретаря общественной палаты и заместителей секретаря общественной палаты.

Во исполнение вышеуказанного Закона об Общественной палате РФ в 2006 г. на первом пленарном заседании Общественной Палаты РФ была сформирована структура палаты. На пленарном заседании было принято решение о формировании комиссий в соответствии с наиболее важными направлениями общественной жизни [4].

В то же время принцип коллегиальности стоит относить и ко второй группе – принципы деятельности.

Коллегиальность (от лат. collegium – союз) представляет собой принцип управления, при котором руководство осуществляется группой лиц, обладающих равными правами при решении вопросов (коллекцией), каждый из которых несет персональную ответственность за определенную сферу деятельности [5]. При этом необходимо отметить, что в данном случае идет речь не о коллективном обсуждении вопросов без возможности голосования, а об организационной форме коллегиального, непосредственного гласного рассмотрения вопросов и принятия решений на заседаниях палаты.

К числу существенных признаков коллегиальности общественных палат следует относить:

1) привлечение специалистов различного профиля. Всесторонний анализ вопросов, решение которых является деятельностью общественной палаты, безусловно, необходимо осуществлять путем использования накопленного опыта лиц разных кругов российского общества. Именно так общественной палате удастся обеспечить согласование общественно значимых интересов общества;

2) равенство прав членов в части принятия решения. Как следует из Регламента Общественной палаты Российской Федерации,

принятого на пленарном заседании Общественной палаты РФ 22.01.2006 г., все члены палаты обладают равными правами при обсуждении и принятии решений. Организационными формами коллегиального рассмотрения вопросов являются пленарные заседания, заседания совета общественной палаты, заседания комиссий, заседания рабочих групп. Таким образом, принцип коллегиальности подразумевает непосредственное гласное рассмотрение вопросов на заседаниях палаты.

Последнее положение подтверждает ст. 6 Регламента Общественной палаты Карачаево-Черкесской Республики, согласно которому члены общественной палаты принимают личное участие в ее работе.

Итак, под принципом коллегиальности общественных палат следует понимать непосредственное равное участие каждого члена палаты, обладающего специальным опытом, для выработки позиций по вопросам деятельности палаты, объединение знаний, опыта членов палаты с целью всестороннего анализа различных точек зрения и принятия наиболее объективных решений на основе открытого обмена информацией. Основой коллегиального решения вопросов является наличие взаимного компромисса, суть которого заключена в добровольном подчинении отдельных интересов членов палаты общему интересу.

Анализируя законодательство регионов, полагаем, что именно в целях обеспечения постоянного взаимодействия граждан, общественных объединений и объединений некоммерческих организаций с территориальными органами федеральных органов государственной власти, органами государственной власти субъекта и органами местного самоуправления муниципальных образований в целях непрерывного учета потребностей и интересов граждан, защиты прав и свобод граждан, прав общественных объединений при формировании и реализации государственной политики по наиболее важным вопросам региона, а также в целях устойчивого осуществления общественного контроля за деятельностью органов исполнительной власти субъекта и органов местного самоуправления формируются Общественные палаты субъектов Российской Федерации.

Для достижения вышеуказанного организовывается деятельность общественных палат с работой на постоянной основе.

В п. 2 ст. 1 Закона Ставропольского края об Общественной палате Ставропольского края указано, что общественная палата является постоянно действующим коллегиальным консультативно-совещательным органом. Аналогичные положения содержит в себе п. 1 ст. 1 Закона об Общественной палате Чеченской республики, согласно которому общественная палата является постоянно действующим общественным органом.

В законодательстве часто встречается дефиниция «работа», деятельность, например, того или иного органа на постоянной основе.

Общественная палата представляет собой образование с особым положением в обществе и государстве, созданная в целях содействия реализации государственной политики, деятельность которой направлена на учет потребностей и интересов граждан, защиту прав и свобод. Итак, из указанного в том числе наблюдаем, что весьма похожие положения содержит в себе законодательство регламентирующее деятельность российского парламента.

Принцип постоянной деятельности, например, Федерального Собрания – парламента Российской Федерации, закреплён в ст. 99 Конституции Российской Федерации и означает, что Федеральное Собрание является постоянно действующим органом на протяжении пятилетнего срока созыва Государственной Думы и периода работы членов Совета Федерации, установленных законодательством. Из этого следует, что палаты в течение вышеуказанного срока постоянно, непрерывно собираются с целью принятия решений по вопросам, отнесенным к их компетенции.

Цели и задачи Общественной палаты РФ во многом аналогичны целям и задачам Государственной Думы, члены которой также на основе доверия избирателей представляют интересы народа. Поскольку «миссия» общественной палаты и работа представительных органов пересекаются, целесообразным является обосновать и раскрыть принцип работы на постоянной основе общественных палат, путем проведения аналогии с постоянной работой Государственной Думы.

Согласно ст. 97 Конституции Российской Федерации депутаты Государственной Думы – высшего законодательного и представительного органа государственной власти, осуществляют деятельность на постоянной основе. Это объясняется необходимостью профессионального, эффективного, качественного, многостороннего и своевременно регулирования сфер общественной жизни.

Необходимо отметить, что, принимая тот или иной закон, законодатель не во всех случаях нормативно закрепляет принципы соответствующей сферы общественных правоотношений.

Так, например, в отличие от иных субъектов Северо-Кавказского федерального округа законодатель в законе об Общественной палате Чеченской Республики определил принципы формирования и деятельности палаты. Ч. 2 ст. 6 указанного закона гласит, что «основными принципами формирования Общественной палаты являются:

1) право общественного объединения, объединения некоммерческих организаций, независимо от организационно-правовой формы, численности, территории деятельности в пределах территории Чеченской Республики, на выдвижение кандидата из своего состава в члены Общественной палаты;

2) право общественного объединения, объединения некоммерческих организаций на выдвижение кандидата, не являющегося членом общественного объединения, объединения некоммерческих организаций и имеющего заслуги перед Чеченской Республикой, в члены Общественной палаты;

3) каждое общественное объединение, объединение некоммерческих организаций вправе выдвинуть только одного кандидата в члены Общественной палаты».

С. С. Алексеев под принципами понимает «выраженные в праве исходные нормативно-руководящие начала, характеризующие его содержание, его основы, закрепленные в нем закономерности общественной жизни» [1], таким образом, основополагающие начала, которые напрямую не содержатся в нормах, вместе с тем следуют их смыслу и «духу».

Так, например, законодатель, не во всех случаях регламентируя работу общественной палаты, прописывает по содержанию нормативного правового акта общие прин-

ципы, такие как принцип законности, открытости, гласности, независимости. В то же время это не означает игнорирования указанных принципов в случае формирования и организации общественной палаты, а также при осуществлении непосредственной деятельности.

Согласно закону, деятельность в частности Общественной палаты Чеченской республики основывается на принципах законности, добровольности участия, гласности, открытости и самоуправления.

Принцип законности напрямую закреплен в ст. 15 Конституции Российской Федерации, который весьма универсален и применим в том числе при рассмотрении принципов общественных палат. Принцип законности произведен от общеправового принципа верховенства Конституции и подразумевает под собой соответствие закону действий членов общественных палат и принимаемых палатами решений. Из принципа законности следует обязанность всех членов общественной палаты соблюдать установленные Конституцией РФ и законодательством общепризнанные принципы и нормы.

Деятельность общественных палат направлена на создание механизма обратной связи между органами государственной власти, общественными объединениями и гражданами.

Общественная палата Ставропольского края, согласно закону, принимает решения по вопросам, относящимся к компетенции палаты на основе открытого и гласного общественного обсуждения.

С указанными выше принципами тесно взаимодействует принцип гражданского сотрудничества, направленный на обеспечение сотрудничества государственной власти и общества, который строится на основе взаимного доверия, открытости и гласности принятия решений, а также развитости общественного диалога. Его составляющими элементами можно выделить:

1) систему контроля над деятельностью органов государственной власти;

2) функцию общественной экспертизы в целях общественного согласования социально значимых решений органов власти;

3) обеспечение информационной открытости и гласности принятия решений.

Бесспорно, сотрудничество государственной власти и институтов гражданского об-

щества необходимо, но лишь на условиях отсутствия вмешательства в чужую сферу деятельности и подмены функций, что может быть реализовано лишь путем соблюдения принципа независимости.

Принцип независимости общественных палат является существенным принципом деятельности палаты как института гражданского общества. При соблюдении принципа независимости работа общественной палаты будет воистину беспристрастной и гарантированно справедливой.

Каждый член общественной палаты исходя из фактических обстоятельств рассматриваемого вопроса или ситуации обязан осуществлять деятельность в соответствии с внутренними убеждениями, накопленным опытом, полученными знаниями и информацией, уважая (как указано в Регламенте Общественной палаты КБР) [6] коллег, независимо от какого-либо воздействия со стороны, давления, угроз или иного вмешательства в процесс принятия решения палаты, чем бы оно ни было мотивированно.

Член общественной палаты осуществляет свою деятельность, в частности, в соответствии с законом, регламентирующим деятельность палаты, членом которой он является, и соответствующим регламентом, опираясь на внутренние убеждения и не поддаваясь влиянию кого бы то ни было.

Тем самым независимость общественной палаты требует повышенного внимания, так как наличие аффилированных лиц – лиц, способных оказывать влияние на деятель-

ность палаты, будет содействовать движению в прямо противоположном направлении и чем больше общественная палата зависит от кого-либо, тем ниже его независимость как института гражданского общества.

Таким образом, независимость как принцип общественной палаты означает, что палата при формировании и осуществлении деятельности должна быть независима и самостоятельна от граждан, организаций и органов власти в административном, финансовом и функциональном отношении.

Как видно, наблюдаются значимые различия в законах об общественных палатах субъектов, создающие неравные условия для статуса и деятельности палат. В связи с этим возникает необходимость разработки модельной (типовой) формы Закона «Об общественной палате субъекта». С учетом накопленного в регионах опыта принятие такого федерального закона позволит наиболее эффективно законодательно определить статус и закрепить в том числе цели, задачи, принципы формирования и деятельности общественных палат субъектов. При этом стоит отметить, что речь в таком законе не должна идти об абсолютно одинаковом для всех палат жестком руководстве к действию, полагаем, что такая форма должна в полной мере обеспечить национальные и культурные особенности каждого субъекта, но при этом следовать главному принципу – принципу федерализма соблюдения интересов центра и регионов.

Литература

1. Алексеев С. С. Проблемы теории права. Т. 1. Свердловск: Свердловский юридический институт, 1972. 396 с.
2. Малеин Н. С. Правовые принципы, нормы и судебная практика // Государство и право. 1996. № 6. С. 12.
3. Научно-практический комментарий Федерального закона от 04.04.2005 № 32-ФЗ «Об Общественной палате Российской Федерации» и Регламента Общественной палаты российской Федерации» (постатейный) (под ред. В. В. Гриба) // КонсультантПлюс. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=CMB;n=16001> (Дата обращения: 12.03.2016).
4. Официальный сайт Общественной палаты РФ. URL: <https://www.oprf.ru>. (Дата обращения: 12.03.2016).
5. Российская юридическая энциклопедия. М.: ИНФРА-М, 1999. 434 с.
6. Регламент Общественной палаты Карачаево-Черкесской Республики. Принят Народным собранием (Парламентом) Карачаево-Черкесской Республики 29 апреля 2011 года URL: <http://docs.cntd.ru/document/453108749> (Дата обращения: 12.03.2016).
7. Явич Л. С. Общая теория права. Л.: ЛГУ, 1976. 298 с.

References

1. Alekseev S. S. Problemy teorii prava (Problem of legal theory). Vol. 1. Sverdlovsk: Sverdlovsk law instituty, 1972. 396 p.
2. Malein N. S. Pravovye printsipy, normy i sudebnaya praktika (Legal principles, rules and legal precedents) // Gosudarstvo i pravo. 1996. №. 6. P. 12.

3. Nauchno-prakticheskii kommentarii Federal'nogo zakona ot 04.04.2005 № 32-FZ «Ob Obshchestvennoi palate Rossiiskoi Federatsii» i Reglamenta Obshchestvennoi palaty rossiiskoi Federatsii» (postateinyi) (pod red. V. V. Griba) (Research and practice comment for federal law, 04.04.2005, No. 32-FS «On the Public Chamber of the Russian Federation and the regulations of the Public Chamber of the Russian Federation» (clause-by-clause) / ed. by V. V. Grib // Konsul'tantPlyus URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=CMB;n=16001> (Accessed: 12.03.2016).
4. Ofitsial'nyi sait Obshchestvennoi palaty RF (Official site of the Public Chamber of the Russian Federation). URL: <https://www.oprf.ru>. (Accessed: 12.03.2016).
5. Rossiiskaya yuridicheskaya entsiklopediya (Russian legal encyclopedia). M.: INFRA-M, 1999. 434 p.
6. Reglament Obshchestvennoi palaty Karachaevo-Cherkesskoi Respubliki Prinyat Narodnym Sobranie (Parlamentom) Karachaevo-Cherkesskoi Respubliki 29 aprelya 2011 goda (Regulations of the Public Chamber of the Karachay-Cherkess Republic Adopted by the National Assembly (Parliament) of the Republic of Karachay-Cherkessia, 29 April 2011). URL: <http://docs.cntd.ru/document/453108749> (Accessed: 12.03.2016).
7. Yavich L. S. Obshchaya teoriya prava (General theory of law). L.: LSU, 1976. 298 p.

УДК 342:343.13

Т. Б. Светличная

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ АДМИНИСТРАТИВНОГО ЗАДЕРЖАНИЯ КАК МЕРЫ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРИНУЖДЕНИЯ

В статье освещаются проблемные вопросы, связанные с осуществлением административного задержания как меры обеспечения производства по делам об административных правонарушениях, приводится анализ проблемных вопросов его правового регулирования.

Ключевые слова: административное задержание, мера административно-процессуального принуждения, сроки административного задержания, Кодекс об административных правонарушениях РФ, физическое лицо, личность, права, свободы, обязанности.

T. B. Svetlichnaya

PROBLEMS OF LEGAL REGULATION OF ADMINISTRATIVE DETENTION AS A MEASURE OF ADMINISTRATIVE AND PROCEDURAL ENFORCEMENT

The article highlights the issues connected with the implementation of administrative detention as a measure to provide the process on administrative offences; the analysis of challenging issues of its legal regulation is carried out.

Key words: administrative detention, administrative-procedural enforcement measure, terms of administrative detention, the Code of administrative offences of the Russian Federation, individual, identity, rights, freedoms, responsibilities.

Общеизвестно, что среди разнообразия мер административного принуждения особое место государство уделяет мерам обеспечения производства по делам об административных правонарушениях, которые предусмотрены Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ). Это обуславлива-

ется тем, что последние содержат особый организационный потенциал, который позволяет осуществить оперативное воздействие на определенный круг общественных отношений, возникающих в связи с совершением административных правонарушений.

Одной из мер обеспечения производства по делам об административных правонару-

шениях является административное задержание, предусмотренное ст. 27.3 КоАП РФ. Реализация указанной меры – это весьма важная и актуальная задача соответствующих государственных органов, т. к. административное задержание предназначено для обеспечения законности, охраны правопорядка, прав и интересов граждан и организаций, собственности, формирования оптимальных условий для деятельности аппарата публичной власти в целом.

Однако следует обратить внимание, что законодательная регламентация деятельности по применению административного задержания не вполне соответствует современным реалиям правовой защищенности личности в сфере административной юрисдикции; положения, содержащиеся в правовых нормах КоАП РФ об их реализации, далеки от совершенства.

Так, отдельные принципиально важные вопросы, возникающие в ходе административного задержания лиц, в КоАП РФ не регулируются, это относится и к учету особого положения отдельных групп граждан, подвергнутых задержанию (беременные, женщины, имеющие малолетних детей), и к исчислению срока задержания, и к отдельным правам и обязанностям административно задержанных лиц, и др. Взаимные ссылки КоАП РФ и различных подзаконных актов друг на друга не способствуют эффективной реализации этой меры.

Как недостаток следует также отметить, что КоАП РФ, предусматривая оформление применения административного задержания соответствующими процессуальными актами, сущность последних описывает достаточно лаконично. Соответственно, четкое и подробное правовое закрепление порядка осуществления административного задержания будет способствовать его целенаправленному и результативному применению.

Административное задержание как мера принуждения в учебной и научной литературе, с одной стороны, и действующем законодательстве – с другой, характеризуется по-разному. Так, в учебной и научной литературе административное задержание часто рассматривается как мера административного принуждения, включенная в группу мер административного пресечения [1, с. 181], а также как мера административно-процессуального принуждения [14].

В КоАП РФ административное задержание отнесено к мерам, обеспечивающим производство по делам об административных правонарушениях (ч. 1 ст. 27.1 КоАП РФ). Согласно ст. 1.6 КоАП РФ указанные меры, в т. ч. административное задержание, являются разновидностью мер административного принуждения.

Следует отметить, что в наименовании «меры, обеспечивающие производство по делам об административных правонарушениях» отсутствует прямое указание на принудительный характер этих мер. На наш взгляд, можно было бы использовать в научной литературе и в КоАП РФ единую терминологию – «меры административно-процессуального принуждения». Для этого целесообразно внести изменение в КоАП РФ: «меры, обеспечивающие производство по делам об административных правонарушениях» заменить на «меры административно-процессуального принуждения». Важным аргументом в пользу такого предложения является то, что административное задержание в КоАП РФ – это мера, обеспечивающая производство по делу об административном правонарушении, а задержание подозреваемого в совершении преступления в УПК РФ – это мера процессуального принуждения. Таким образом, в данном случае сближение терминологии в КоАП РФ и УПК РФ представляется нам оправданным.

В соответствии с ч. 1 ст. 27.5 КоАП РФ, срок административного задержания лица, совершившего правонарушение, не должен превышать 3 часа. Следует подчеркнуть, что по поводу продолжительности этого срока в науке административного права нет солидарного мнения. Так, А. С. Дугенец говорит о недостаточности времени и мотивирует необходимость его увеличения до суток [2, с. 54]. Он обращает внимание на то, что из-за недостаточности отведенного времени должностные лица, которые проводят задержание, вынуждены вносить непроверенные сведения в протокол об административном правонарушении либо освобождать задержанного, не получив подтвержденных сведений полученной информации в срок. Соответственно, вышеуказанные действия противоречат целям производства по делам об административных правонарушениях и, конечно, отрицательно сказываются на работе правоохранительных органов.

Т. Р. Мещерякова не согласна с указанной позицией, она отмечает, что «закрепление нормы может привести к затягиванию уполномоченными лицами срока, а также дополнительным материальным затратам на содержание задержанных» [3, с. 114].

Вышеприведенные отрицательные последствия, безусловно, существенны. Однако в соответствии с Конституцией РФ права и свободы человека являются высшей ценностью, и именно они определяют содержание и смысл деятельности органов внутренних дел. Увеличение срока административного задержания ввиду возникшей необходимости совершения комплекса процессуальных действий не соответствует данным конституционным принципам [15]. Административное задержание представляет собой кратковременное ограничение свободы физического лица, и увеличение его срока возможно лишь в определенных случаях (ч. 2, 3 ст. 27.5 КоАП РФ). В указанных нормах предусматривается, что лицо может быть подвергнуто административному задержанию на срок не более 48 часов.

Досудебному административному задержанию сроком до 48 часов подвергается лицо, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении, влекущем в качестве одной из мер административное наказание – административный арест, также доставленное лицо, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении, посягающем на установленный режим госграницы РФ и порядок пребывания на территории РФ, делу об административном правонарушении, совершенном на континентальном шельфе, в территориальном море, во внутренних морских водах, в исключительной экономической зоне России или с нарушением таможенных правил.

В соответствии с ч. 1 ст. 23.1 КоАП РФ, вышеуказанные дела рассматривают судьи, поэтому их называют досудебным административным задержанием. Необходимо отметить, что в каждом определенном случае должностные лица органов внутренних дел и ряда других органов, которым подведомственны эти дела, имеют право использовать время задержания для осуществления различных процессуальных действий по собиранию и подтверждению доказательства противоправной деятельности задержанных лиц.

С момента доставления задержанного лица в соответствующий орган начинается исчисляться срок административного задержания, а лица, которое находится в состоянии опьянения, – с момента его вытрезвления.

На наш взгляд, фраза «с момента вытрезвления» является «неопределенной», т. к. вопросы определения вытрезвления должны решать уполномоченные должностные лица или учреждения, а действующий КоАП РФ не определяет, кто и каким образом устанавливает момент вытрезвления в данном случае.

Понятие «вытрезвление» относится не юридической, а медицинской категории, и к тому же зависит от усмотрения должностных лиц, осуществляющих административное задержание, поэтому такая формулировка может создать почву для злоупотреблений при обозначении момента вытрезвления. Таким образом, возникла необходимость закрепления права задержанного лица на проведение с обязательным участием врача-нарколога проверки его состояния в законодательном порядке, а также закрепления времени вытрезвления гражданина без оказания медицинской помощи. Фактически объективно определить начало течения срока административного задержания для лиц, которые находятся в состоянии опьянения, при существующей практике не представляется возможным.

Т. Р. Мещерякова указывает на то, что «лица, находящиеся в состоянии опьянения, должны доставляться в медвытрезвитель и находиться там до момента вытрезвления» [3, с. 115].

Обращаем внимание на то, что на сегодняшний день в России ликвидированы медицинские вытрезвители, а Приказ МВД СССР от 30 мая 1985 г., на основании которого осуществлялась работа этих учреждений, является недействующим с 1 января 2010 г. (согласно п. 44 Положения о медицинском вытрезвителе при горрайоргане внутренних дел, утвержденного названным приказом, срок пребывания лица на вытрезвлении должен был быть не менее трех часов, но не более одних суток) [5].

Новый нормативный правовой акт – Приказ МВД РФ от 23 декабря 2011 г. № 1298 [6] регулирует эту сферу общественных отношений. Но в связи с отсутствием практики

его применения иногда возникают определенные проблемы, связанные с исчислением сроков, которые потребуют самостоятельно-го научного осмысления.

Правомерность отнесения к компетенции следователя или иного должностного лица возможности определять состояние опьянения задержанного вызывает множество возражений и чаще всего обоснованных. Действительно, уполномоченное должностное лицо путем обычного наблюдения не может определить состояние опьянения у задержанного лица. Находится ли гражданин в состоянии опьянения или не находится, может констатировать лишь определенный специалист, прежде всего врач-нарколог. Необходимо подчеркнуть, что только медицинские работники, получившие лицензию на осуществление такого рода деятельности, а также прошедшие определенную подготовку в наркологических диспансерах органов здравоохранения субъектов РФ, имеют право проводить медицинское освидетельствование в соответствии с п. 4 приложения № 3 (Инструкция по проведению медицинского освидетельствования на состояние алкогольного опьянения лица, которое управляет транспортным средством), к приказу Министерства здравоохранения от 14 июля 2003 г. № 308 «О медицинском освидетельствовании на состояние опьянения» [8].

Следовательно, все вышеизложенное вызывает необходимость закрепления в КоАП РФ не только максимального срока вытрезвления для задержанного лица без оказания медицинской помощи, но и права задержанного лица на проведение с обязательным участием врача-нарколога проверки его состояния.

Следует обратить внимание, что в ст. 27.3 КоАП РФ не определено, возможно ли административное задержание лица, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении, влекущем в качестве одной из мер административного наказания административный арест, если к этому лицу в силу положений ч. 2 ст. 3.9 КоАП РФ не может быть назначен административный арест, т. е. к беременным женщинам; женщинам, имеющим детей в возрасте до 14 лет; лицам, не достигшим возраста 18 лет; инвалидам I и II групп; военнослужащим; гражданам, призванным на

военные сборы, а также к имеющим специальные звания сотрудникам Следственного комитета РФ, органов внутренних дел, органов и учреждений уголовно-исполнительной системы, Государственной противопожарной службы и таможенных органов.

Ответ на данный вопрос содержится в Обзоре практики Конституционного Суда РФ за 3-й и 4-й кварталы 2015 г., в разделе I «Конституционные основы публичного права» которого указано, что в Определении от 08 декабря 2015 года № 2738-О Конституционный Суд выявил смысл положений ч. 3 ст. 27.5 КоАП РФ.

Согласно оспоренным положениям лицо, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении, влекущем в качестве одной из мер административного наказания административный арест, может быть подвергнуто административному задержанию на срок не более 48 часов [4].

Конституционный Суд указал, что должностные лица, уполномоченные осуществлять административное задержание, должны учитывать, что КоАП РФ запрещает применять административный арест к беременным женщинам, женщинам, имеющим детей в возрасте до четырнадцати лет, лицам, не достигшим возраста восемнадцати лет, инвалидам I и II групп, военнослужащим, гражданам, призванным на военные сборы, а также к имеющим специальные звания сотрудникам Следственного комитета Российской Федерации, органов внутренних дел, органов и учреждений уголовно-исполнительной системы, Государственной противопожарной службы и таможенных органов (ч. 2 ст. 3.9).

Соответственно, при наличии достоверных сведений о том, что лицо, в отношении которого осуществляется производство по делу об административном правонарушении, влекущем административный арест, относится к той или иной из указанных категорий граждан, уполномоченные должностные лица должны исходить из того, что в случае применения к этому лицу административного задержания его срок не должен превышать трех часов [11].

Как нам представляется, необходимо вышеуказанное положение включить в ст. 27.5 КоАП РФ.

Далее хотелось бы остановиться на таком праве административно задержанных лиц, как право на обжалование административного задержания. Сам факт отсутствия в действующем КоАП РФ регламента обжалования является объектом научных разработок ряда ученых [13]. Главой 30 КоАП РФ установлен лишь порядок обжалования постановлений по итогам рассмотрения дел. Соглашаясь с мнением Н. Г. Салищевой, которая указывает, что в КоАП РФ в отличие от КоАП РСФСР отсутствует статья о порядке обжалования административного задержания, и предлагает восполнить этот пробел [12, с. 15–16]. Хотелось бы отметить, что позиция законодательного органа по этому вопросу является недостаточно последовательной. Как уже подчеркивалось, обжалование административного задержания в КоАП РФ не предусмотрено. Но в Федеральном конституционном законе от 30 мая 2001 г. № 3-ФКЗ «О чрезвычайном положении» (далее – Закон № 3-ФКЗ) определен порядок обжалования административного задержания гражданами, нарушившими правила комендантского часа. В ч. 2 ст. 31 Закона № 3-ФКЗ предусматривается, что решение начальника органов внутренних дел (полиции) или его заместителя о задержании может быть обжаловано вышестоящему должностному лицу или в суд. Следовательно, необходимо выработать единый подход к порядку обжалования административного задержания и вне зависимости от того, какие уполномоченные должностные лица и каких органов осуществляют административное задержание.

Следует отметить, что опережая законодателя, МВД РФ предприняло попытку урегулировать порядок обжалования доставления и административного задержания лица. В Наставлении о порядке исполнения обязанностей и реализации прав полиции в дежурной части территориального органа МВД России после доставления граждан, утвержденном приказом МВД РФ от 30 апреля 2012 г., была включена норма следующего содержания: «Доставленные лица в соответствии с законодательством Российской Федерации вправе обжаловать действия (бездействие) должностных лиц территориальных органов МВД России, решения, принятые ими в ходе исполнения обязанностей и реализации

прав полиции в дежурной части после доставления граждан, в суд или в досудебном порядке вышестоящему должностному лицу или в вышестоящий территориальный орган МВД России, прокурору» [10].

МВД РФ в рассматриваемом нами Наставлении закрепило ведомственный подход к обжалованию доставления, административного задержания. Полагаем, что порядок обжалования доставления, административного задержания должен регулироваться не ведомственными актами, а законом. Кроме того, необходим единый подход к порядку обжалования и административного задержания вне зависимости от того, должностные лица каких органов осуществляют доставление и административное задержание. Это можно сделать только в КоАП РФ.

Как нам представляется, в КоАП РФ следует закрепить не только права, но и обязанности лиц, подвергнутых административному задержанию.

Действительно, на наш взгляд, позиция законодателя в отношении обязанностей лиц, подвергнутых административному задержанию как мере обеспечения производства по делам об административных правонарушениях, представляется не очень понятной. Практика показывает, что в протоколе задержания отсутствует закрепление обязанностей лиц, подвергнутых административному задержанию. Соответственно, неудивительно, что обязанности, как, впрочем, и права лицам, подвергнутым административному задержанию, не разъясняются.

Так, по мнению О. А. Шутиловой, которое мы полностью разделяем, в КоАП РФ должны быть закреплены такие обязанности задержанных лиц, как: выполнение законных распоряжений уполномоченных должностных лиц; соблюдение режима содержания, установленного для лиц, подвергнутых административному задержанию; бережное отношение к имуществу специального помещения или специального учреждения, в которых содержатся задержанные лица [15].

В соответствии со ст. 27.6 КоАП РФ задержанные лица содержатся в специально отведенных для этого помещениях органов либо в специальных учреждениях, создаваемых в установленном порядке органами исполнительной власти субъектов РФ, отдельно от лиц, задержанных по подозрению и об-

винению в совершении преступлений. Эти помещения должны отвечать санитарным требованиям и исключать возможность их самовольного оставления.

Необходимо отметить, что только Федеральной службой безопасности утверждены требования к оборудованию специально отведенных помещений для содержания задержанных лиц [9]. Приказ МВД РФ «О мерах по совершенствованию деятельности дежурных частей органов внутренних дел» от 09 апреля 1993 г. № 170, который в административном порядке утверждал Положение о комнатах

для задержанных (КАЗ), в настоящее время не действует, но в то же время комнаты в системе органов МВД для административно задержанных фактически функционируют [7]. Чтобы устранить данные нарушения требований закона, должны быть приняты определенные нормативные акты всеми государственными органами, к компетенции которых относится административное задержание.

В заключение подчеркнем, что федеральное законодательство, регулирующее институт административного задержания, несовершенен и нуждается в корректировках.

Литература

1. Административное право Российской Федерации: учеб. для бакалавров / под ред. Л. Л. Попова. М.: РГ-Пресс, 2015. 563 с.
2. Дугенец А. С. Процессуальные сроки в производстве по делам об административных правонарушениях: монография. М.: ВНИИ МВД РФ, 2002. 273 с.
3. Мещерякова Т. Р. Сроки в административном законодательстве Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2011. 210 с.
4. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Ветлицкой Светланы Васильевны на нарушение ее конституционных прав частью 2 ст. 27.5 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях: Определение Конституционного Суда РФ от 08 декабря 2015 г. № 2738-О // КонсультантПлюс. ВерсияПроф. URL: <http://www.consultant.ru/> (Дата обращения: 22.05.2016).
5. Об утверждении Положения о медицинском вытрезвителе при горрайоргане внутренних дел и Инструкции по оказанию медицинской помощи лицам, доставляемым в медицинские вытрезвители: Приказ МВД СССР от 30 мая 1985 г. № 106 (утратил силу) // КонсультантПлюс. ВерсияПроф. URL: <http://www.consultant.ru/> (Дата обращения: 22.05.2016).
6. Об утверждении Инструкции о порядке доставления лиц, находящихся в общественных местах в состоянии алкогольного, наркотического или иного токсического опьянения и утративших способность самостоятельно передвигаться или ориентироваться в окружающей обстановке, в медицинские организации: Приказ МВД РФ от 23 декабря 2011 г. № 1298 // КонсультантПлюс. ВерсияПроф. URL: <http://www.consultant.ru/> (Дата обращения: 22.05.2016).
7. О мерах по совершенствованию деятельности дежурных частей органов внутренних дел: Приказ МВД РФ от 09 апреля 1993 г. № 170 (утратил силу) // КонсультантПлюс. ВерсияПроф. URL: <http://www.consultant.ru/> (Дата обращения: 22.05.2016).
8. О медицинском освидетельствовании на состояние опьянения: Приказ Министерства здравоохранения от 14 июля 2003 г. № 308 (в ред. от 05.03.2014 № 98н) // КонсультантПлюс. ВерсияПроф. URL: <http://www.consultant.ru/> (Дата обращения: 22.05.2016).
9. Об утверждении Правил оборудования специально отведенных помещений пограничных органов для содержания лиц, задержанных за административное правонарушение: Приказ ФСБ РФ от 19 января 2009 г. № 8 (в ред. от 31.07.2012 № 379) // КонсультантПлюс. ВерсияПроф. URL: <http://www.consultant.ru/> (Дата обращения: 22.05.2016).
10. Об утверждении Наставления о порядке исполнения обязанностей и реализации прав полиции в дежурной части территориального органа МВД России после доставления граждан: Приложение к приказу МВД РФ от 30 апреля 2012 г. № 389 (в ред. от 19.06.2014 № 512) // КонсультантПлюс. ВерсияПроф. URL: <http://www.consultant.ru/> (Дата обращения: 22.05.2016).
11. Об утверждении Обзора практики Конституционного Суда Российской Федерации за третий и четвертый квартал 2015 года: Решение Конституционного Суда РФ от 28 января 2016 г. // КонсультантПлюс. ВерсияПроф. URL: <http://www.consultant.ru/> (Дата обращения: 22.05.2016).
12. Салищева Н. Г. Проблемные вопросы института административной ответственности в России // Административная ответственность: вопросы теории и практики. 2004. № 1. С. 15–16.
13. Хорьков В. Н. Административное задержание: пробелы в законодательном регулировании // Административное право и процесс. 2013. № 10 // КонсультантПлюс. ВерсияПроф. URL: <http://www.consultant.ru/> (Дата обращения: 22.05.2016).

14. Хорьков В. Н. Административное задержание: спорные вопросы законодательного регулирования // Современное право. 2015. № 3 // КонсультантПлюс. ВерсияПроф. URL: <http://www.consultant.ru/> (Дата обращения: 22.05.2016).

15. Шутилина О. А. Административное задержание как мера обеспечения производства по делам об административных правонарушениях // Административное и муниципальное право. 2015. № 2 // КонсультантПлюс. ВерсияПроф. URL: <http://www.consultant.ru/> (Дата обращения: 22.05.2016).

References

1. Administrativnoe pravo Rossiiskoi Federatsii (Administrative law of the Russian Federation): Studies. for bachelors / ed. by of L. L. Popov. M.: RG-Press, 2015. 563 p.
2. Dugenets A. S. Protsessual'nye sroki v proizvodstve po delam ob administrativnykh pravonarusheniakh (Procedural terms in production on cases of administrative offenses: monograph). M.: All-union scientific research institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2002. 273 p.
3. Meshcheryakova T. R. Sroki v administrativnom zakonodatel'stve Rossiiskoi Federatsii (Terms in the administrative legislation of the Russian Federation): dis.... edging. юрид. sciences. Chelyabinsk, 2011. 210 p.
4. Ob otkaže v prinyatii k rassmotreniyu zhaloby grazhdanki Vetlitskoi Svetlany Vasil'evny na narushenie ee konstitutsionnykh prav chast'yu 2 st. 27.5 Kodeksa Rossiiskoi Federatsii ob administrativnykh pravonarusheniakh: Definition of the Constitutional Court of the Russian Federation of December 08, 2015 No. 2738-O (About refusal in acceptance to consideration of the complaint of the citizen Vetlitskaya Svetlana Vasilyevna to violation of her constitutional rights part 2 of Art. 27.5 of the Code of the Russian Federation about administrative offenses) // ConsultantPlus. Versiyaprof. URL: <http://www.consultant.ru/> (Accessed: 22.05.2016).
5. Ob utverzhdenii Instruksii o poryadke dostavleniya lits, nakhodyashchikhsya v obshchestvennykh mestakh v sostoyanii alkogol'nogo, narkoticheskogo ili inogo toksicheskogo op'yaneniya i utrativshikh sposobnost' samostoyatel'no peredvigat'sya ili orientirovat'sya v okruzhayushchei obstanovke, v meditsinskie organizatsii: The order of the Ministry of Internal Affairs of the USSR of May 30, 1985 (About the adoption of the Provision on a medical sobering-up station at the gorrayorgena of internal affairs and the Instruction for delivery of health care to the persons brought in medical sobering-up stations (has become invalid) for No. 106) // ConsultantPlus. Versiyaprof. URL: <http://www.consultant.ru/> (Accessed: 22.05.2016).
6. The order of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation of December 23, 2011 No. 1298 (About the approval of the Instruction about an order of bringing of the persons which are in public places in a condition of alcoholic, drug or other toxic intoxication and lost ability independently to move or be guided in a surrounding situation, in the medical organizations) // ConsultantPlus. Versiyaprof. URL: <http://www.consultant.ru/> (Accessed: 22.05.2016).
7. O merakh po sovershenstvovaniyu deyatel'nosti dezhurnykh chastei organov vnutrennikh del: The order of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation of April 09, 1993 (About measures for improvement of activity of control rooms of law-enforcement bodies) (has become invalid) for No. 170 // ConsultantPlus. Versiyaprof. URL: <http://www.consultant.ru/> (Accessed: 22.05.2016).
8. O merakh po sovershenstvovaniyu deyatel'nosti dezhurnykh chastei organov vnutrennikh del: The order of the Ministry of Health of July 14, 2003 No. 308 (in an edition from 3/5/2014 No. 98n) (About medical examination on a state of intoxication) // ConsultantPlus. Versiyaprof. URL: <http://www.consultant.ru/> (Accessed: 22.05.2016).
9. Ob utverzhdenii Pravil oborudovaniya spetsial'no otvedennykh pomeshchenii pogranichnykh organov dlya sodержaniya lits, zaderzhannykh za administrativnoe pravonarushenie: The order of FSB of the Russian Federation of January 19, 2009 No. 8 (in an edition from 7/31/2012 No. 379) (About the approval of Rules of the equipment of specially allotted premises of boundary bodies for keeping of the persons detained for an administrative offense) // ConsultantPlus. Versiyaprof. URL: <http://www.consultant.ru/> (Accessed: 22.05.2016).
10. Ob utverzhdenii Nastavleniya o poryadke ispolneniya obyazannostei i realizatsii prav politzii v dezhurnoi chasti territorial'nogo organa MVD Rossii posle dostavleniya grazhdan: The annex to the order of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation of April 30, 2012 No. 389 (in an edition from 6/19/2014 No. 512) (About the adoption of Manual about an order of fulfillment of duties and realization of the rights of police in a control room of territorial authority of the Ministry of Internal Affairs of Russia after bringing of citizens) // ConsultantPlus. Versiyaprof. URL: <http://www.consultant.ru/> (Accessed: 22.05.2016).
11. Ob utverzhdenii Obzora praktiki Konstitutsionnogo Suda Rossiiskoi Federatsii za tretii i chetvertyi kvartal 2015 goda: The decision of the Constitutional Court of the Russian Federation of January 28, 2016 (About the approval of the Review of practice of the Constitutional Court of the Russian Federation for the third and fourth quarter 2015) // ConsultantPlus. Versiyaprof. URL: <http://www.consultant.ru/> (Accessed: 22.05.2016).
12. Salishcheva N. G. Problemnye voprosy instituta administrativnoi otvetstvennosti v Rossii (Problematic issues of institute of administrative responsibility in Russia) // Administrative responsibility: questions of the theory and practice. 2004. No. 1. P. 15–16.

13. Khor'kov V. N. Administrativnoe zaderzhanie: probely v zakonodatel'nom regulirovanii (Administrative detention: gaps in legislative regulation) // Administrativnoe pravo i protsess. 2013. No. 10 // ConsultantPlus. Versiyaprof. URL: <http://www.consultant.ru/> (Accessed: 22.05.2016).
14. Khor'kov V. N. Administrativnoe zaderzhanie: probely v zakonodatel'nom regulirovanii (Administrative detention: controversial issues of legislative regulation) // Sovremennoe pravo. 2015. No. 3 // ConsultantPlus. Versiyaprof. URL: <http://www.consultant.ru/> (Accessed: 22.05.2016).
15. Shutilina O. A. Administrativnoe zaderzhanie kak mera obespecheniya proizvodstva po delam ob administrativnykh pravonarusheniyakh (Administrative detention as measure of ensuring production on cases of administrative offenses) // Administrativnoe i munitsipal'noe pravo. 2015. No. 2. // ConsultantPlus. Versiyaprof. URL: <http://www.consultant.ru/> (Accessed: 22.05.2016).

УДК 346.7

Ю. Н. Слепенко, И. М. Вильгоненко, А. Д. Анучкина

СООТНОШЕНИЕ ПОНЯТИЙ «ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ» И «ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЕ ПРАВА» ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В статье анализируется соотношение понятий «интеллектуальная собственность» и «интеллектуальные права». Авторами выявлено, что в литературе встречаются самые разнообразные определения, даваемые понятиям «интеллектуальная собственность» и «интеллектуальные права» и указывается на отсутствие единой концепции в подходе понятийного аппарата, регулирующего как

интеллектуальную деятельность, так и средства индивидуализации.

Ключевые слова: интеллектуальная собственность, охраняемые результаты интеллектуальной деятельности, интеллектуальные права, правовая охрана, законодательство, Конвенция об учреждении ВОИС, термин, индивидуализация.

Yu. N. Slepenok, I. M. Vil'gonenko, A. D. Anuchkina

THE CORRELATION OF «INTELLECTUAL PROPERTY» AND «INTELLECTUAL RIGHTS» CONCEPTS IN THE LEGISLATION FRAMEWORK OF THE RUSSIAN FEDERATION

The article analyzes the correlation of «intellectual property» and «intellectual property rights» concepts. The findings reveal that there are various definitions of «intellectual property» and «intellectual property rights» concepts in the literature. It is indicated that a unified vision in the approach of the conceptual apparatus

governing an intellectual activity and means of individualization is so far missing.

Key words: intellectual property, protected results of intellectual activity, intellectual rights, legal protection, legislation, the Convention establishing WIPO, term, individualization.

Полноценное функционирование системы интеллектуальных прав невозможно без формирования чёткого и непротиворечивого терминологического аппарата, в основу которого должно быть положено действующее отечественное законодательство, а также международные договоры Российской Федерации, которые являются частью нацио-

нальной правовой системы в силу ч. 4 ст. 15 Конституции России.

Ст. 128 ГК РФ предусматривает, что объектами гражданских прав являются вещи, включая наличные деньги и документарные ценные бумаги, иное имущество, в том числе безналичные денежные средства, бездокументарные ценные бумаги, имущественные

права, результаты работ и оказание услуг, охраняемые результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации (интеллектуальная собственность), а также нематериальные блага.

Анализируя данную норму, можно прийти к выводу о том, что интеллектуальной собственностью с точки зрения действующего законодательства Российской Федерации являются охраняемые результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации.

В соответствии с ранее действующим законодательством под интеллектуальной собственностью понимались **права** на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации. С принятием ч. 4 ГК РФ содержание данного понятия изменилось и под интеллектуальной собственностью стали понимать *сами охраняемые результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации*.

Несмотря на закрепление ключевых понятий в тексте части первой ГК РФ, все же единство терминологии в правовых актах фактически отсутствовало.

В связи с этим нельзя не отметить традиционно небрежное отношение разработчиков нормативных актов к терминологии в сфере интеллектуальной собственности. Очевидно, что разнотерминой применяемой терминологии не является положительным явлением и должен быть устранён.

Принятию ч. 4 ГК РФ предшествовали многолетние дискуссии, которые не утихли и с вступлением её в силу, в связи с чем представляется необходимым исследовать суть и причины основных споров.

Большинство сторонников идеи признания интеллектуальной собственностью совокупности прав на охраняемые объекты апеллируют к Стокгольмской Конвенции, учреждающей Всемирную организацию интеллектуальной собственности [1] (далее – Конвенция об учреждении ВОИС), заключённой 14 июня 1967 года, участницей которой является и Российская Федерация.

Так, профессор А. П. Сергеев указывает, что существующая норма ст. 1225 ГК РФ, признающая интеллектуальной собственностью результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации юридических лиц, товаров, работ, услуг и предприятий, которым предо-

ставляется правовая охрана, противоречит п. VIII ст. 2 Конвенции об учреждении ВОИС, «в котором указывается, что интеллектуальная собственность включает права, относящиеся к научным произведениям, изобретениям, товарным знакам и иным объектам» [2].

А. П. Сергеев исходя из того, что Российская Федерация является участницей Конвенции об учреждении ВОИС, а в соответствии с ч. 4 ст. 15 Конституции РФ международные договоры Российской Федерации являются составной частью отечественной правовой системы и имеют приоритет над национальным законодательством, пишет: «Под интеллектуальной собственностью понимается совокупность личных и имущественных прав на результаты интеллектуальной, в первую очередь творческой деятельности, а также на приравненные к ним средства индивидуализации юридических лиц, товаров, работ, услуг и предприятий» [7, с. 48].

Е. А. Моргунова отмечает, что понятие «интеллектуальная собственность», закреплённое в ч. 4 Гражданского кодекса РФ, «отличается от понятия „интеллектуальная собственность“, предусмотренного в международном договоре» [6, с. 83], участницей которого является Россия. Кроме того, во внешних отношениях Российской Федерации дипломатами термин «интеллектуальная собственность» иногда употребляется именно в значении, указанном в ст. 2 Конвенции об учреждении ВОИС.

Конвенция об учреждении ВОИС предусматривает, что «интеллектуальная собственность» **для целей конвенции** включает права, относящиеся к литературным, художественным и научным произведениям, исполнительской деятельности артистов, звукозаписи, радио- и телевизионным передачам, изобретениям во всех областях человеческой деятельности, научным открытиям, промышленным образцам, товарным знакам, знакам обслуживания, фирменным наименованиям и коммерческим обозначениям, защите против недобросовестной конкуренции, а также все другие права, относящиеся к интеллектуальной деятельности в производственной, научной, литературной и художественной областях (п. VIII ст. 2).

Однако ратификация Конвенции об учреждении ВОИС не даёт возможности говорить о преобладающей роли терминологи-

ческого аппарата данного международного соглашения по отношению к национальному праву, поскольку термин «интеллектуальная собственность» определяется как права, относящиеся к результатам интеллектуальной деятельности и средствам индивидуализации лишь «в смысле настоящей конвенции».

В связи с этим представляется, что национальным законодательством могут быть предусмотрены любые термины, которые страны-участницы посчитают уместными, так как сама Конвенция об учреждении ВОИС никаких обязательств на государства-участники по внесению изменений в национальное законодательство не накладывает, поскольку является лишь соглашением, определяющим порядок создания, управления и финансирования международной организации.

Ныне в Российской Федерации научные открытия не охраняются на государственном уровне, их регистрация осуществляется совместно Российской академией естественных наук и Международной академией авторов научных открытий и изобретений.

Не подлежат правовой охране открытия и в большинстве других стран мира, поскольку исключительное имущественное право на открытие не может существовать в принципе.

Всё вышеизложенное подтверждает вывод о том, что ссылка на положения Конвенции об учреждении ВОИС является неправомерной, и толкование понятия «интеллектуальная собственность» в ином смысле, чем закреплённый в ч. 4 Гражданского кодекса Российской Федерации, недопустимо, тем более в учебной литературе.

В ч. 4 Гражданского кодекса Российской Федерации словосочетание «интеллектуальные права» применяется только лишь для обозначения совокупности прав, признаваемых на охраняемые результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации.

Данный вывод подтверждается тем, что проф. А. Л. Маковский, один из составителей проекта ч. 4 ГК РФ, неоднократно заявлял об отсутствии самой «концепции интеллектуальных прав», отмечая, что термин «интеллектуальные права» не несёт в себе какого-то сакрального смысла, а является в должной мере условным и применяется лишь как обобщающее понятие для обозначения совокупности прав: «понятие «ин-

теллектуальных прав» лучше выражения «интеллектуальная собственность» только в одном отношении: оно ясно называет субъективные гражданские права на результаты интеллектуальной деятельности и на средства индивидуализации правами, а не собственностью. Но отличие – это принципиально важно – для обозначения юридического содержания использован соответствующий этому содержанию юридический термин и благодаря этому отпадает надобность в изобретении всяких несуразностей вроде «прав интеллектуальной собственности». Кошку наконец назвали кошкой» [4, с. 188].

Интеллектуальными правами по смыслу ст. 1226 ГК РФ признаются права, установленные ч. 4 Гражданского кодекса Российской Федерации на охраняемые результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации.

Критикуя применяемую в части четвёртой ГК РФ терминологию, ряд исследователей, как это уже было указано выше, отмечают, что в международных соглашениях в области правовой охраны отдельных результатов интеллектуальной деятельности и средств индивидуализации понятие «интеллектуальная собственность» имеет иное значение, чем предусмотренное действующим гражданским законодательством [5, с. 142].

Более того, некоторые соглашения по охране отдельных объектов обходятся без применения данного термина. Так, например, в Римской конвенции об охране прав исполнителей, изготовителей фонограмм, вещательных организаций от 1961 года [2] понятие «интеллектуальная собственность» не использовалось вовсе.

Вызывает сомнения идея ряда авторов: сохранив закреплённый в ч. 4 Гражданского кодекса РФ термин «интеллектуальные права», признать интеллектуальной собственностью совокупность прав на охраняемые результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации, фактически создав дублирование понятий [9, с. 4].

Как уже неоднократно указывалось ранее, согласно ст. 1226 ГК РФ понятие «интеллектуальные права» является собирательным для обозначения исключительного права, личных неимущественных и иных прав, признаваемых на охраняемые результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации. Любое из интеллектуальных прав является субъективным

гражданским правом. Говорить о том, что субъективные гражданские права «образуют систему норм», вряд ли корректно.

Субъективные права могут регулироваться системой норм права, а никак не составлять её, так как субъективное право – это не что иное, как «предусмотренная в норме права мера возможного поведения управомоченного лица, предоставленная управомоченному лицу для удовлетворения его интересов, обеспеченная действиями (бездействием) обязанного лица» [8, с. 446].

Подотраслью гражданского права является право интеллектуальной собственности, представляющее собой совокупность норм, регулирующих правовую охрану результатов интеллектуальной деятельности и приравненных к ним средств индивидуализации [7, с. 49].

Подводя итог, можно отметить, что в научной литературе нет единого мнения о применяемой в сфере интеллектуальной собственности терминологии. Некоторые исследователи, выражая недовольство законодательно закреплённым подходом, предлагают собственные определения наиболее спорных понятий. Суть таких предложений, как правило, сводится к необходимости заимствования принципов Конвенции об учреж-

дении ВОИС и признания интеллектуальной собственностью совокупности прав на охраняемые результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации.

Однако в настоящее время в литературе встречаются самые разнообразные определения, даваемые понятиям «интеллектуальная собственность» и «интеллектуальные права», при этом встречаются и весьма экзотичные дефиниции.

Положения Гражданского кодекса можно критиковать, но необходимо понимать, что это действующий нормативный акт и закреплённые в нём понятия должны применяться, по крайней мере, в учебной литературе в соответствии со смыслом, вложенным в них законодателем.

Терминологический аппарат ч. 4 Гражданского кодекса Российской Федерации в части определения основных понятий не противоречит международным соглашениям в исследуемой сфере и является внутренним делом Российской Федерации. Наиболее прогрессивной деятельностью следует признать исследования по разработке концепции совершенствования действующего законодательства.

Литература

1. Конвенция, учреждающая Всемирную организацию интеллектуальной собственности (заключена в г. Стокгольме 14 июня 1967 года, с изменениями от 2 октября 1979 года) // Публикация № 250 R. Женева: ВОИС, 1974.
2. Международная конвенция об охране прав исполнителей, изготовителей фонограмм и вещательных организаций (заключена в г. Риме 26 октября 1961 года) // Бюллетень международных договоров. 2005. № 7.
3. О Федеральной службе по интеллектуальной собственности: Указ Президента Российской Федерации от 24 мая 2011 года № 673 (ред. от 27.06.2012) // Российская газета. 2011. № 111.
4. Маковский А. Л. Об интеллектуальных правах // Актуальные вопросы российского частного права: сборник статей, посвящённый 80-летию со дня рождения проф. В. А. Дозорцева. М.: Статут, 2008. С. 56–71.
5. Мирских И. Ю. Правовое регулирование интеллектуальной собственности как условие развития инновационных процессов // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 10. С. 141–143.
6. Право интеллектуальной собственности: актуальные проблемы: монография / под общ. ред. Е. А. Моргуновой. М.: Норма, 2014. 176 с.
7. Сергеев А. П., Терещенко Т. А. Право авторов служебных объектов интеллектуальной собственности на вознаграждение: история неправильного выбора // Закон. 2014. № 5. С. 46–50.
8. Теория государства и права: учебник для вузов / отв. ред. В. Д. Перевалов. М.: Норма, 2007. 596 с.
9. Тыцкая Г. И., Китайский В. Е., Ревинский О. В. Изменения в четвертую часть ГК РФ: есть предложения // Патенты и лицензии. Интеллектуальные права. 2013. № 4. С. 3–9.

References

1. Konvenciya, uchrezhdaushhaya Vsemirnuju organizaciju intellektual'noj sobstvennosti (Convention Establishing the World Intellectual Property Organization) (zakljuchena v g. Stokgol'me 14 iunija 1967 goda, s izmeneniyami ot 2 oktyabrya 1979 goda) // Publikaciya No. 250 R. Zheneva: VOIS, 1974.
2. Mezhdunarodnaya konvenciya ob ohrane prav ispolnitelej, izgotovitelej fonogramm i veshhatel'nyh organizacij (International Convention for the Protection of Performers, Producers of Phonograms and Broadcasting Organizations) (zakljuchena v g. Rime 26 oktjabrya 1961 goda) // Bjulleten' mezhdunarodnyh dogovorov. 2005. No. 7.

3. O Federal'noj sluzhbe po intellektual'noj sobstvennosti: . Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 24 maya 2011 goda № 673 (Presidential Decree dated May 24, 2011 No. 673) (27.06.2012) // Rossijskaja gazeta. 2011. No. 111.
4. Makovskij A. L. Ob intellektual'nyh pravah (On the Intellectual rights) // Aktual'nye voprosy rossijskogo chastnogo prava: Sbornik statej, posvjashhjonnyj 80-letiju so dnya rozhdeniya prof. V. A. Dozorceva. M.: Statut, 2008. P. 56–71.
5. Mirskih I. Ju. Pravovoe regulirovanie intellektual'noj sobstvennosti kak uslovie razvitiya innovacionnyh processov (Legal regulation of intellectual property as a condition of development of innovative processes) // Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i juridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki. 2013. №10 (36): 2 parts. Part. I. P. 141–143.
6. Pravo intellektual'noj sobstvennosti: aktual'nye problemy: monografiya (Intellectual Property Law: Current Issues: monograph) / ed. by E. A. Morgunova M.: Noma, 2014. 176 p.
7. Sergeev A. P., Tereshhenko T. A. Pravo avtorov sluzhebnyh ob'ektov intellektual'noj sobstvennosti na voznagrazhdenie: istoriya nepravil'nogo vybora (The right to intellectual property of the authors of service facilities for a reward: the story wrong choice) // Zakon. 2014. No. 5. P. 47–50.
8. Teoriya gosudarstva i prava: uchebnik dlya vuzov (Theory of State and Law: a textbook for high schools) / ed. by V. D. Perevalov. M.: Norma, 2007. 596 p.
9. Tychaya G. I., Kitajskij V. E., Revinskij O. V. Izmeneniya v chetvortuju chast' GK RF (Changes in the fourth part of the Civil Code: any suggestions): est' predlozheniya // Patenty i licenzii. Intellektual'nye prava. 2013. No. 4. P. 3–9.

УДК 347.6

Н. А. Торопчин, И. В. Кулькина

**О НЕОБХОДИМОСТИ ВВЕДЕНИЯ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОЙ
ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА СЕМЕЙНО-БЫТОВОЕ ДЕБОШИРСТВО
КАК СОСТАВНОЙ ЧАСТИ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА МЕЛКОЕ ХУЛИГАНСТВО**

В статье раскрываются актуальные вопросы об административной ответственности за правонарушения в сфере семейно-бытовых отношений.

Ключевые слова: мелкое хулиганство, общественный порядок, семейно-бытовые отношения, семейный дебошир.

N. A. Toropchin, I. V. Kulkina

**ON THE NECESSITY OF INTRODUCING ADMINISTRATIVE AND LEGAL
RESPONSIBILITY FOR FAMILY AND DOMESTIC DEBAUCHERY AS AN
INTEGRAL PART OF THE RESPONSIBILITY FOR DISORDERLY CONDUCT**

The article describes the topical issues of administrative responsibility for offenses in the sphere of family-domestic relations.

Key words: hooliganism, public order, domestic relations, family rowdy.

Вопросы, связанные с административными правонарушениями в области общественного порядка остаются крайне актуальными. Административные правонарушения, посягающие на общественный порядок, представляют собой негативные проявления человеческого отношения к сложившимся в обществе культуре, порядку и духовным идеалам.

Общественный порядок, являясь объектом посягательства административного правонарушения, представляет собой ценностные философско-правовую и социальную категории, которые были выработаны обществом в процессе своего существования. Общественный порядок во все эпохи и во все времена во всех государствах регулировался и охранялся действующими нормами

законодательства и иными правилами социального поведения.

Правовое регулирование деятельности полиции по предупреждению и пресечению административных правонарушений, посягающих на общественный порядок, составляют законодательные акты: федеральные конституционные законы, федеральные законы, законы Российской Федерации. Это большая группа источников, в том числе Федеральный закон Российской Федерации «О полиции» от 07 февраля 2011 г. № 3-ФЗ. В нем отражены основные направления деятельности полиции, одним из которых является предупреждение и пресечение преступлений и административных правонарушений [4], включая и посягающие на общественный порядок.

Административные правонарушения, посягающие на общественный порядок, наносят огромный вред по всем направлениям жизнедеятельности человека: препятствуют продуктивному труду, заслуженному отдыху, творческим и интеллектуальным успехам, всячески способствуя возникновению дискомфорта в сфере общественных отношений, чувства незащищенности, страха перед отрицательными последствиями, которые сопровождают данные виды правонарушений.

Одним из распространенных административных правонарушений против общественного порядка является «мелкое хулиганство». Однако за «семейное дебоширство» привлечь к ответственности виновных лиц правоохранительные органы по данной статье не в праве. Статья за мелкое хулиганство не распространяется на жилые помещения – только на общественные места. То есть сейчас такое нарушение не подпадает ни под какую норму, прописанную в Кодексе РФ об административных правонарушениях. А факты хулиганства в быту, в семье, к сожалению, сегодня многочисленны. Их причина зачастую кроется в затяжных семейных конфликтах, которые в случае невмешательства перерастают в агрессию. И мы должны иметь возможность пресекать их, не дать им перерасти в преступления.

Около 40 % поступающих в дежурную часть сообщений – о семейных скандалах. Однако единственное, что может сделать в этой ситуации выезжающая на место группа немедленного реагирования – провести про-

филактическую беседу. Часто после отъезда группы скандал продолжается, нередко заканчивается преступлением.

Сейчас в законе есть правовой пробел, затрудняющий в настоящее время привлечение к административной ответственности за действия, нарушающие общественный порядок и спокойствие граждан не только в общественных местах, но и в жилых помещениях, в том числе совершаемые на почве семейно-бытовых конфликтов. Иными словами, под мелким хулиганством на практике понимается буйство в общественных местах: на улицах, в магазинах, кафе и пр. Если же кто-то пьет и громко ругается дома, он находится как бы в своем личном пространстве, и сделать с ним практически ничего нельзя.

Именно поэтому уже не в первый раз поднимается вопрос о том, что необходимо внести поправки в КоАП РФ, которые позволят привлечь «семейного дебошира» к административной ответственности.

Эксперты поясняют: сегодня правоотношения о дебоширстве федеральным законодательством не урегулированы, и регионы вправе ввести наказание за совершение правонарушений в указанной сфере. К слову, ответственность за семейно-бытовое дебоширство уже установлена и успешно применяется в ряде субъектов Российской Федерации. Хулиганов штрафуют в Саратовской, Архангельской, Пензенской, Кировской, Нижегородской, Костромской и Мурманской областях, а также республиках Чувашии, Мордовии, Бурятии, Башкортостане и Алтайском крае.

Так, ст. 9.3 Кодекса Пензенской области об административных правонарушениях устанавливает ответственность за «семейно-бытовое дебоширство», то есть за нарушение покоя семьи в месте проживания (пребывания) семьи, выраженное явным неуважением к члену семьи, сопровождающееся устраиванием беспорядка, оскорбительным обращением к члену семьи, нецензурной бранью [1].

Ст. 13.1 Закона Тамбовской области «Об административных правонарушениях в Тамбовской области» предусмотрена ответственность за «бытовое дебоширство», то есть нарушение покоя семьи и (или) лиц, проживающих в жилом помещении, в том числе сопровождающееся нецензурной бра-

нию, если ответственность за эти действия не предусмотрена федеральным законодательством [2].

А в ст. 2.18 Кодекса Нижегородской области об административных правонарушениях «Создание конфликтных ситуаций в семейно-бытовых отношениях» предусмотрена ответственность за создание конфликтных ситуаций в семейно-бытовых отношениях, выраженных в совершении действий, нарушающих спокойствие граждан в месте их проживания (пребывания), а также в неуважении к окружающим, в том числе к члену (членам) семьи, в унижении их человеческого достоинства, в оскорбительном поведении, сопровождаемом нецензурной бранью, если эти деяния не содержат признаков правонарушений, ответственность за совершение которых установлена Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях [3].

При этом законодательством субъектов Российской Федерации за данные виды административных правонарушений предусмотрена ответственность только в виде предупреждения или административного штрафа.

Однако непонятно, что понимать под «семейным скандалом», «бытовым дебоширством», «семейно-бытовым дебоширством», «беспорядком», «нарушением спокойствия семьи» или «шумом». Трудности могут возникнуть не только с определением состава правонарушения. В таких ситуациях сложно выявить и зачинщика, и пострадавшего.

Общественная оценка подобным явлениям должна быть четко отрицательной. Дело в том, что в настоящее время в нашей стране сложились определённые стереотипы внутрисемейного поведения, позволяющие применять насилие по отношению к слабым и незащищённым. Более того, дебош стал частью эпатажного поведения, элементом некой бравады, бахвальства, доблести. Эти

установки нужно «переламывать». И ещё один важный момент – необходимо бороться с причиной такого поведения, и здесь зачастую речь идёт о злоупотреблении алкоголем. Запрет продажи спиртного ночью, ограничение рекламы – первые шаги на пути к решению этой проблемы, но пока мы далеки от её устранения.

В настоящее время считаем необходимым внести изменения в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях, а именно в ст. 20.1 «Мелкое хулиганство» и изложить ее в следующей редакции: «Мелкое хулиганство, то есть любые умышленные действия (оскорбительное приставание к гражданам, нецензурная брань и другие действия), выражающие явное неуважение к обществу и (или) личности, нарушающие общественный порядок и (или) спокойствие граждан, а равно сопряженные с уничтожением или повреждением чужого имущества».

При этом считаю необходимым расширить перечень видов административных наказаний за данное административное правонарушение и дополнить его обязательными работами на определенный срок.

Необходимость принятия данных изменений объясняется «профилактической целесообразностью». Установление административной ответственности за семейно-бытовое дебоширство, будет способствовать профилактике и предупреждению преступлений в быту, прежде всего убийств и причинений тяжкого вреда здоровью со смертельным исходом.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод, что предотвратить внутрисемейное насилие и наказать правонарушителей возможно только совместными усилиями и принятием необходимых поправок в законодательство Российской Федерации.

Литература

1. Кодекс Пензенской области об административных правонарушениях: Закон Пензенской области от 2 апреля 2018 г. № 1506-ЗПО. URL: <http://docs.cntd.ru/document/949108435> (Дата обращения: 21.01.2016).
2. Об административных правонарушениях в Тамбовской области: Закон Тамбовской области от 29 октября 2003 г. № 155-З. URL: <http://docs.cntd.ru/document/948003202> (Дата обращения: 21.01.2016).
3. Кодекс Нижегородской области об административных правонарушениях: Закон Нижегородской области от 20 мая 2003 г. № 34-З URL: <http://docs.cntd.ru/document/944917687> (Дата обращения: 21.01.2016).
4. Торопчин Н. А. Правовое положение деятельности полиции по предупреждению и пресечению административных правонарушений в области предпринимательской деятельности // Закон и право. 2013. № 10. С. 139–142.

References

1. Kodeks Penzenskoi oblasti ob administrativnykh pravonarusheniyakh: Zakon Penzenskoi oblasti ot 2 aprelya 2018 g. № 1506-ZPO (Code of the Penza region of Administrative Offences: The law of the Penza region, 2 April 2018, No. 1506-ZEP). URL: <http://docs.cntd.ru/document/949108435> (Accessed: 21.01.2016).
2. Ob administrativnykh pravonarusheniyakh v Tambovskoi oblasti: Zakon Tambovskoi oblasti ot 29 oktyabrya 2003 g. № 155-Z (On administrative offenses in the Tambov region: The law of Tambov region, 29 October 2003, No. 155-Z) URL: <http://docs.cntd.ru/document/948003202> (Accessed: 21.01.2016).
3. Kodeks Nizhegorodskoi oblasti ob administrativnykh pravonarusheniyakh: Zakon Nizhegorodskoi oblasti ot 20 maya 2003 g. № 34-Z (Code of the Nizhny Novgorod region of Administrative Offences: The law of the Nizhny Novgorod region, 20 May 2003, No. 34-W). URL: <http://docs.cntd.ru/document/944917687> (Accessed: 21.01.2016).
4. Toropchin N. A. Pravovoe polozhenie deyatel'nosti politsii po preduprezhdeniyu i presecheniyu administrativnykh pravonarushenii v oblasti predprinimatel'skoi deyatel'nosti (The legal status of the police to prevent and combat administrative violations in the field of entrepreneurship) // Zakon i pravo. 2013. No. 10. P. 139–142.

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 070:004

А. С. Бобрышова

РЕФЕРЕНДУМ О СТАТУСЕ КРЫМА КАК ОБЪЕКТ ИНФОРМАЦИОННОГО ВНИМАНИЯ ПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ «ВКОНТАКТЕ»

Статья посвящена выявлению специфики освещения пользователями социальной русскоязычной сети «ВКонтакте» референдума о статусе Крыма в мае 2014 г. На основе анализа текстов, иллюстраций, аудио- и видео-контента открытой группы «Крым» в социаль-

ной сети «ВКонтакте» за 1–17 марта 2014 г. сделан вывод о том, что администрация и участники сообщества преимущественно занимали пророссийскую позицию.

Ключевые слова: социальные сети, «ВКонтакте», контент, мультимедийный контент.

A. S. Bobryshova

THE REFERENDUM ON THE STATUS OF THE CRIMEA AS AN OBJECT OF INFORMATION ATTENTION OF «VKONTAKTE» USERS

The article focuses on identifying the peculiarities of covering the referendum on the status of the Crimea in May 2014 by Russian-speaking users in VKontakte social network. The analysis of texts, illustrations, audio and video content of open group «Crimea» in

VKontakte social network for the period of 1–17 March 2014 revealed that the administration and members of the community primarily took the Pro-Russian position.

Key words: social networks, VKontakte, content, multimedia content.

Социальные сети входят на современном этапе в зону повышенного научного интереса, в том числе за счет того, что их рассматривают как «инструмент формирования повестки дня, управления общественным мнением, влияния на других индивидов и, следовательно, мобилизационный ресурс» [6, с. 197], как площадку для обсуждения чрезвычайных ситуаций [4], как канал распространения определенной идеологии [7] и фактор формирования социокультурного пространства [3].

Цель данного исследования – выявление специфики развития темы референдума о статусе Крыма пользователями русскоязычной социальной сети «ВКонтакте». Референдум по вопросу о будущем статусе полуострова был проведен на территории Автономной Республики Крым и города Севастополя местными властями 16 марта 2014 г. По данным команды «ВКонтакте», это событие и последовавшее за ним присоединение полуострова к России занимали пятую строчку в рей-

тинге обсуждаемых в 2014 г. в данной сети тем. По этому поводу пользователи оставили более 10 млн публичных записей [5].

Информационное сопровождение референдума было рассмотрено на примере группы «Крым», созданной изначально, судя по контенту, для представления региона и достаточно многочисленной (78 847 подписчиков, по данным на 27.03.2015 г.).

В период подготовки референдума (1–15 марта 2014 г.) администрация разместила в группе больше 530 постов. Для сравнения: за два предыдущих месяца было почти в десять раз меньше записей (56), преимущественно в виде фото- или видео красот полуострова. Анализ показал, что общественно-политическая ориентированность группы и пользователей началась с поста от 4 марта, в котором были использованы две фотографии В. В. Путина (подписи к фото «Через несколько дней на Украине», «Через несколько дней в США»).

Самыми комментируемыми в период с 1 по 15 марта были посты на тему референдума (в порядке убывания): 15 марта – «Референдум может быть недействительным только в случае, если меньше 50 % крымчан придут к участкам...» (802 комментария), 7 марта – «Я голосую за Россию! Будь патриотом – приходи на выборы!» (659 комментариев), 12 марта – «В Крыму готовится провокация для срыва референдума» (280 комментариев) и др.

6 марта 2014 г. администрация группы создала опрос «Вы за присоединение Крыма к России?» с тремя вариантами ответов: «За», «Против», «Не определились». К опросу было оставлено 2 435 комментариев, «Мне нравится» нажали 343 раза, поделились постом 92 раза, проголосовали 16 024 человек. В соответствии с предложенными вариантами ответов в комментариях самыми обсуждаемыми были две темы: «За присоединение, потому что...» и «Против, потому что...». В первой из них выделялась подтема «За Путина». Оценка его действий преимущественно была положительной. О нем писали как о лидере России и спасителе Крыма: «а Путин красавчик! Четко действует!» (Здесь и далее соблюдены орфография и пунктуация оригинала. – А. Б.), «вообще Путин для Украины сделал куда больше даже Януковича»)).

Также в группе «Крым» через фотографии с подписями создавался положительный образ войск России. Например, фото с подписью «Русские солдаты в Крыму. Добавь их себе на стену, и никакая фашня к тебе не сунется» (пост 4 марта). Использовалась постановочная фотография пожимающих друг другу руки воина спецподразделения «Беркут» МВД Украины и российского солдата с подписью «Здравствуй, брат».

Позиция «За присоединение Крыма к России» демонстрировалась в группе с помощью использования российского триколора. Администрация выкладывала фотографии (дома в Алуште с нарисованным флагом России, домов в Севастополе с вывешенными российскими флагами), юмористические или агитационные картинки с государственной символикой России (пост от 15 марта: надпись на фоне российского флага: «Завтра или никогда»).

Обсуждался вопрос о враждебных и дружественных России странах. Среди первых

пользователи называли страны Европейского Союза и США («США и ЕС сейчас вообще в панике, они проигрывают, вот и пытаются повсюду не дать выиграть россия»). Китай, наоборот, воспринимался как дружественное государство, которое помогает России / Крыму («Китай идет в поддержку России!!!!»), «И не забывай! С нами Китай!»). Россию и Запад представляли носителями противоположных духовных ценностей, культур, достижений: Россия – православие, первый полет в космос, русские богатыри, многодетная семья, победа в Мировой войне; Запад – фашизм, гомосексуализм, деньги, наркотики.

Отношение к разным странам проявлялось в используемых в иллюстративном контенте (картинках, карикатурах, фотографиях, зоометафорах). Например, у России был образ большого медведя-защитника, маленьким медвежонком изображали Крым, иногда Беларусь. Страны ЕС представляли в виде курицы или скунса, США – в виде гиены, свиньи или их официального символа белоголового орла (это было либо комическое изображение, либо как противопоставление грозному медведю). Китай выступал в образе красного дракона.

Всего в день референдума администрация сделала 61 запись, в группе было оставлено 5 529 комментариев, «Мне нравится» нажали 9 170 раз, а поделились постами 1 084 раза. Самым обсуждаемым среди пользователей стал фоторепортаж с участка на выборах (925 комментариев), а самой популярной записью по критериям «Мне нравится» (893) и «Поделиться» (151) была шуточная картинка в виде комикса: шар-мама (Россия) зовет шарики поменьше («Крымку» и «Аляску») домой, а в стороне нарисован злобный шар с фашистской расцветкой и испуганный шар, раскрашенный в цвета флага Украины.

Администрация и пользователи делились ссылками на материалы разных СМИ: russian.rt.com, «Россия-24», «РИА Новости», «Крымформ», «Новости Mail.Ru», «Новой газеты», «Газета.Ru», «Fakecontrol», «Капитал» и др. Также администрация выкладывала телефон горячей линии по всем вопросам, связанным с референдумом, данные экзит-пола, сведения о явке на избирательных участках, предварительные результаты голосования, дала ссылку на прямую трансляцию с одного из участков, где проходил референдум.

Проблемно-тематический анализ материалов в группе за 16 марта показал, что красной нитью среди сообщений проходила тема «Пожелания крымчанам, или Добро пожаловать домой», которая имела несколько подтем. В начале дня было много записей от российских пользователей, которые желали удачи жителям полуострова и писали о том, что Россия их ждёт («Удачи Вам ребята!!!!», «Крымчане!!! Ждем Вас Домой!!!!» и т. д.). В целом фраза «Добро пожаловать» (вариации с добавлениями слов «братья», «домой», «в Россию») прозвучала в группе 66 раз за этот день.

Также было много сообщений (85) на подтему «Города с вами», когда пользователи называли свой город (иногда регион) и добавляли «с вами»: «Санкт-Петербург с вами, Крымчане!», «Иваново с Вами!!! Добро пожаловать домой!!!!» и т. п.). В группе «Крым» отписались в этот день жители более 55 городов и регионов России (Екатеринбурга, Магадана, Камчатки, Казани, Ставрополя, Чувашии, Ижевска, Твери, Тюмени, Татарстана и др.) и разных стран (Казахстана, Беларуси и др.).

Многие воспринимали референдум как праздник или победу, о чем и писали: «С праздником! Этот день вошел в историю», «Сегодня настоящий праздник!!! Поздравляю всех нас с этой Победой!». Особенно отчетливо праздничные настроения начали проявляться после сообщений предварительных данных о первых результатах голосования.

Наряду с этим российские пользователи писали о намерении отдохнуть летом в Крыму и приглашали жителей полуострова в свои города («Обязательно летом приеду к вам с женой в отпуск !!!», «Приезжайте в Екатеринбург :) будем рады», «Ждем в гости приезжайте в Ставрополь!»).

Направленность и постоянство сообщений на указанные выше темы свидетельствуют, на наш взгляд, о большом духовном и патриотическом подъеме среди пользователей. Этот настрой отражался не только в сообщениях («В России нет национальностей, все русские и все братья, какая вера ни была бы, Россия самая толерантная страна в мире»), но и в выборе патриотических смайликов к тексту: популярным был смайлик российского флага, иногда к нему добавляли смайлики в виде сердечек и др.

Российская символика использовалась также в картинках и гифках к сообщениям пользователей и постам группы.

Исследование показало, что по воодушевленному пафосу и отсутствию аргументированных суждений к теме «Пожелания крымчанам, или Добро пожаловать домой» примыкает и раздел «Донбасс и другие регионы». Пользователи из разных регионов Украины писали о том, что ждут помощи от России, а россияне, в свою очередь, обещали им ее. Популярной была подтема «Развитие Крыма (как курорта и города) при помощи России». Именно этот фактор считался одним из весомых аргументов присоединения Крыма к России («Крым за 2 года поднимется так, что еще многим субъектам РФ будет завидно!!!!»).

Тем не менее полного единения в группе не было. Была и тема «Против России / россиян». Некоторые пользователи утверждали, что жители полуострова не будут после присоединения жить лучше, что крымчан заставляют голосовать за РФ. Однако, по нашим подсчетам, негативных мнений было примерно в 20 раз меньше, чем воодушевленно положительных.

Возможно, пророссийские настроения пользователей связаны именно с выбранной нами группой «Крым», администраторы которой выступали за вступление в Россию. Такая позиция сформулирована в их посте от 16 марта: «Все администраторы нашей группы Крым уже проголосовали за воссоединение с Россией!». К тому же, судя по сообщению одного из администраторов («у нас всего-то 1700 фашистов забанено, а их, как вы знаете, намного больше») за провокаторами в группе следили. Нередко сами пользователи писали «Мат офф!» (маты убрать / выключить), «Капс офф!» (выключить Caps lock) или отмечали, что некоторые пользователи пишут с фейковых страниц. Это говорит о попытке регуляции и контроля в группе со стороны административной, и самих пользователей.

Некоторые участники еще в начале марта отмечали адекватность группы «Крым» и невозможность россиянам общаться в группе «Киев». Киевские группы упоминались как откровенно антироссийские площадки.

Популярной в день референдума была тема Америки. Анализ показал, что об Америке (США, американцах, американском)

пользователи высказались 142 раза в негативном ключе как о бесчестном или слабом противнике России. Такие же нелестные оценки получал американский президент Барак Обама.

Зато президента РФ Владимира Путина, наоборот, воспринимали как серьезно-го политика, который может противостоять «злому» Западу («Войны не будет! Путин не даст!», «Путин уже всё правильно под-считал»). В целом, интерес пользователей к В. В. Путину сохранялся на протяжении всего времени подготовки к референдуму, а в день его проведения (16 марта 2014 г.) в текстах участников группы его имя было использо-вано 141 раз, преимущественно в положи-тельном контексте. Признание его заслуг, высокая оценка его деятельности порой подчеркивалась фамильярностью поимено-вания российского президента Вовой, дядей Вовой и даже Вованом. Кроме сообщений, положительно оценивавших деятельность президента РФ, в группе на протяжении все-го анализируемого времени размещались его фотографии с подписями или интер-нет-мемами. Например, в посте от 11 марта фотография Владимира Путина сопро-вождалась надписью «Единственный прези-дент, который не прогибается под США», в посте от 13 марта – надписью «Олимпиа-да, может быть, закончилась, но игры толь-ко начинаются». Пост от 6 марта содержал текст («Это просто «шахматная партия» Путина с миром. Вопрос в том кто выиграет. Но скорее всего будет пат») и фотографии американского президента Барака Обамы в образе Дарта Вейдера и российского ли-дера в образе Оби-Ван Кеноби (отрицатель-ный и положительный киногерои из фильма «Звёздные войны») [см. подробнее: 2].

Таким образом, исследование показа-ло, что администрация и участники группы «Крым» в ситуации подготовки и проведения референдума о статусе Крыма создавали образ В. В. Путина – «киногероя», «крутого парня» и единственного политика, способно-го противостоять США и ЕС. Популярность Президента России в этой группе в целом соответствует общему тренду 2014 г., по-скольку именно В. В. Путин был медиапер-соной № 1 в социальной сети «ВКонтакте»: 12 498 000 упоминаний за год [5].

Изучение контента, выложенного в груп-пе на следующий день после референдума,

выявило следующие количественные пока-затели: всего за 17 марта было опублико-вано 55 постов, оставлено 10 603 коммен-тариев, «Мне нравится» нажали 17 730 раз, а поделились информацией 1 935 раз.

Подсчеты показали, что больше всего пользователи отмечали функциями «Мне нравится» (1 211) и «Поделиться» (198) пост с триптихом – шуточными картинками стран-шаров с новым по сравнению с пре-дыдущим днем сюжетом: шар Америка гро-зит шару России в присутствии маленького шара Украины, что исключит РФ из «Большой восьмерки»; шар Китай заявляет, что тогда Америка будет отдавать долг золотом; шар РФ предупреждает, что заберет назад Аляску. Больше всего активности (3 787 комментари-ев) собрал пост «Как проголосовал Крым на референдуме: статистика по городам».

Исследование тематического простран-ства контента в группе позволило выявить, что 17 марта пользователи по-прежнему вы-сказывали мнения и эмоции на темы, акту-альные для предыдущего дня, хотя акценты сместились в сторону негатива. Тема «По-желания крымчанам, или Добро пожаловать домой» продолжалась, но уже не являлась главной, оставаясь доминирующей среди положительных и по-прежнему связанной с подтемами «Города с вами», «Донбасс и дру-гие регионы», «Развитие Крыма (как курорта и города) при помощи России». По-прежне-му высокой в этом блоке была активность пользователей-некрымчан: отписывались из Калуги, Ульяновска, Сочи, Тюмени, Азо-ва, Барнаула и др. городов, а также из Укра-ины, Эстонии и Абхазии. Снова заявляли о намерении приехать в Крым летом. пользо-ватели сохраняли оптимистичный настрой на скорое присоединение других регионов и продолжали называть плюсы присоеди-нения полуострова для его жителей. Сохрани-ла свои позиции в группе тема «За Путина»: президентом РФ продолжали восхищаться и отмечать его заслуги («Путин лучший в мире политик», «А Путин молодец, он первый с распада СССР решил защитить права про-стых людей» и т. д.). Оставалась актуальной тема противников России: «Пусть эти ком-ментарии читает Обама и плачет!!!! Славы-ся Отечество!!!!!!», «На сей раз американцы просчитались. А нам опять с нацизмом бо-роться в одиночку», «Евросоюз в поддержку

Крыма хочет запретить выдачу виз в Европу Россиянам! Что-бы они отдыхали в Крыму!».

Анализ показал, что 17 марта главной дискуссионной стала тема «Отношения Украины и России». Ее освещение отличалось тем, что именно на эту тему пользователи писали наиболее развернутые сообщения. Она была тесно связана с подтемой «Против России / россиян» и с обозначившейся подтемой «Против Украины / украинцев». Кроме этого, в сообщениях появилась агрессия по отношению к россиянам и крымчанам, в том числе и экстремистские высказывания. В подтеме «Против Украины / украинцев» россияне писали о том, что Украина не могла позаботиться ни о себе, ни о Крыме, страну называли фашистской. В этом блоке было много уничижительных высказываний в адрес украинцев. Таким образом, в ходе исследования выявлена распространенность в этом блоке речевой тактики противопоставления «свой – чужой», что было отмечено как характерный признак при изучении тредов группы «Крым наш», посвященных обсуждению присоединения Крыма к России и последствий этого действия [1].

Также резко, категорично и эмоционально шло обсуждение темы «Голосование на референдуме». Фигурировали две полярные точки зрения: всё сфабриковано и решено В. Путиным; это «воля народа» Крыма.

Таким образом, на следующий день после референдума в группе «Крым» наряду с положительной оценкой его результатов шло нарастание негативных эмоций и появился ряд взаимных обвинений сторонников и противников присоединения Крыма к России. При этом пользователи продолжали отмечать фейковые страницы, а сообщения провокаторов удалялись.

Анализ контента в группе показал его мультимедийную природу. Наиболее распространенным после текстового был иллюстративный контент (к 32 из 61 записи за день референдума, к 33 из 55 постов за 17 марта, в остальных случаях использовался видеоконтент). Среди них были: фотографии, которые дополняли текст (голосующие крымчане, избирательная урна с бюллетенями, военнослужащие и т. д.); фотографии с подписями (например, фото американского президента Барака Обамы с подписью «А что если в Крыму есть нефть?»); карика-

туры, показывающие различия между справедливой, доброй, сильной Россией (часто в образе медведя) и злым, фашистским Западом; карты Украины и полуострова с обозначением тех регионов, которые должны присоединиться к России, с подписями («В Крыму ветрено. Ветер перемен!!!») и без; рисунки (самые популярные – шуточные картинки в виде комиксов с шарами-странами); демотиваторы политической направленности, а также коллаж, плакат («В советском море врагу горе!»); изображение герба Крыма; фоторепортаж и др.

В сообщениях пользователей часто встречались гифки. В большинстве случаев с их помощью выражали эмоции (танцы, палец вверх, широкая улыбка) или мнения (гифка с текстом «Срамота!»). Было также некоторое количество гифок – анимационных карикатур (например, гифка, где маленький счастливый полуостров держится за руку России, грозно смотрящей на расползающийся фашизм в Украине). Другой особенностью этого периода было появление патриотических гифок (например, изменение герба и подписи «Крым» на флаге с гербом и подписью «Россия»).

Анализ показал, что в иллюстративном контенте часто присутствовало изображение флага России и карты страны. Сочетание цветов российского флага (бело-сине-красный) использовали для олицетворения доброго, сильного, родного и заботливого, а красно-черные цвета (цвета фашизма, экстремистской группировки «Правый сектор») – как символику зла и жестокости.

Аудиоконтент чаще всего был представлен записями музыкальных произведений на темы возвращения домой и величия России (Денис Майданов «Я возвращаюсь домой», песня группы «Сектор газа» «Пора домой», гимн России «Славься, Отечество наше свободное!», военный марш «Встань за Веру, Русская земля», хор «Славься» из оперы М. И. Глинки «Иван Сусанин» и др.)

Анализ видеоконтента в группе показал, что администрация с его помощью давала пользователям возможность услышать экспертную оценку разных сторон (наблюдателя от США, депутата Государственной Думы РФ, аналитика Международной социалистической группы из Великобритании), разных СМИ (российских, крымских) и получить информацию как от журналистов, так и от про-

стых пользователей. В группе можно было посмотреть новостные сюжеты, видеокomentarии («RT»: «Эксперт: США и ЕС придется смириться с правом Крыма на самоопределение», «Политолог: Три крупнейшие экономики Европы не хотят вводить санкции против России»), видео с места событий («RT»: «Заседание Совбеза ООН по ситуации на Украине» от 15 марта 2014 г.), видеointervью («Познавательное ТВ»: «Беседа с депутатом Государственной Думы Евгением Фёдоровым»), выступление американского комика Дэна Содера на юмористическом шоу «Stand Up» («Страшные русские»), героико-патриотическое видео «Памяти Великой Победы!» и др. В группе выкладывали любительские видео (запуск салюта в честь результатов референдума, митинг в Мариуполе, массовые беспорядки в Донецке,

празднование итогов референдума в Севастополе, Ялте) и отрывки из фильмов, подходящие по тематике («Асса», «Джентльмены удачи») и др.

Исследование показало, что участники сообщества «Крым» демонстрировали преимущественно положительное восприятие происходящих событий, хотя на следующий день после референдума (17 марта 2014 г.) наравне с главной положительной темой «Пожелания крымчанам, или Добро пожаловать домой» возникла тема «Против России / россиян» и полярная ей «Против Украины / украинцев». Создание положительного образа страны и президента РФ В. В. Путина шло не только через текстовые сообщения, но и при помощи различного иллюстративного контента, в том числе активного использования гифок.

Литература

1. Алексеева А. А. «Крым наш»: конфликтные речевые тактики в социальной сети «ВКонтакте» // Политическая коммуникация: перспективы развития научного направления: материалы международной научной конференции, Екатеринбург, 26–28 августа 2014 г. / под ред. А. П. Чудинова. Екатеринбург: УГПИ, 2014. С. 6–9.
2. Бобрышова А. С. Образ Путина в социальной сети «ВКонтакте» в период подготовки и проведения референдума о статусе Крыма // Медиаисследования молодых ученых: материалы Второй Всероссийской конференции (21–22 мая 2015 г.) / отв. ред. А. М. Горбачев. Ставрополь: СКФУ, 2015. С. 96.
3. Ефимов Е. Г. Социальные сети как фактор формирования социокультурного пространства юга России // Известия Волгоградского государственного технического университета. 2014. Т. 17. № 13 (140). С. 51–54.
4. Лепилкина О. И., Бобрышова А. С. Функции социальных сетей в условиях терактов (на материале социальной сети «ВКонтакте») // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 1. URL: www.science-education.ru/121-17690 (Дата обращения: 15.11.2015).
5. Темы ВКонтакте 2014 // Команда ВКонтакте. URL: https://vk.com/team?w=page-22822305_50065784 (Дата обращения: 19.03.2016).
6. Шерстобитов А. С., Брянов К. А. Технологии политической мобилизации в социальной сети «ВКонтакте»: сетевой анализ протестного и провластного сегментов // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 10-1 (36). С. 196–202.
7. Шиллер В. В. Социальная сеть «Контакте» как канал распространения неонацистских идей // Интернет, власть и политика: материалы Международной научно-практической конференции, Кемерово, 15–17 ноября 2013 г. Кемерово: Офсет, 2013. С. 182–187.

References

1. Alekseeva A. A. «Krym nash»: konfliktnye rechevye taktiki v sotsial'noi seti «VKontakte» («Crimea is our»: conflicts speech tactics in social networking website «VKontakte») // Politicheskaya kommunikatsiya: perspektivy razvitiya nauchnogo napravleniya (Political communication: prospects for the development of scientific directions) / ed. by A. P. Chudinov. Ekaterinburg: USPI, 2014. P. 6–9.
2. Bobryshova A. S. Obraz Putina v sotsial'noi seti «VKontakte» v period podgotovki i provedeniya referendum o statuse Kryma (Putin's image in social networking website «VKontakte» in period of preparing and conduct of the referendum on the status of Crimea) // Mediaissledovaniya molodykh uchenykh (Media studies of young scientists) / ed. by A. M. Gorbachev. Stavropol': NSFU, 2015. P. 96.
3. Efimov E. G. Sotsial'nye seti kak faktor formirovaniya sotsiokul'turnogo prostranstva yuga Rossii (Social networking website as factor of organization of social and cultural space in southern Russia) // Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta. 2014. No. 13 (140). P. 51–54.
4. Lepilkina O. I., Bobryshova A. S. Funktsii sotsial'nykh setei v usloviyakh teraktov (na materiale sotsial'noi seti «VKontakte») (Social networking website functions in conditions of terrorist attacks (a case study of «VKontakte»)) // Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya. 2015. № 1. URL: www.science-education.ru/121-17690 (Accessed: 15.11.2015).

5. Temy VKontakte 2014 (Themes of VKontakte 2014) // Komanda VKontakte. URL: https://vk.com/team?w=page-22822305_50065784 (Accessed: 19.03.2016).
6. Sherstobitov A. S., Bryanov K. A. Tekhnologii politicheskoi mobilizatsii v sotsial'noi seti «VKontakte»: setevoi analiz protestnogo i provlastnogo segmentov (Technologies of political mobilization in social networking website «VKontakte»: network analysis and pro-regime protest segments) // Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki. 2013. No. 10-1(36). P. 196–202.
7. Shiller V. V. Sotsial'naya set' «Kontakte» kak kanal rasprostraneniya neonatsistskikh idei (social networking website «VKontakte» as distribution channel neo-Nazi ideas) // Internet, vlast' i politika (Internet, power and policy). Kemerovo: Ofset, 2013. P. 182–187.

УДК 81-11

С. Н. Бредихин, Л. П. Давыдова

ПОЭТИЧЕСКИЙ ТЕКСТ КАК КОММУНИКАТИВНО-ЭСТЕТИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ

В статье анализируются особенности вербализации эстетико-коммуникативных смыслов в поэтических текстах. Главными факторами реализации глубинного эстетического смысла на этапе текстопорождения являются: норма языка, функционально-стилевая и жанровая характеристики, ситуативность текстопорождения, идейно-эстетическая направленность, индивидуально авторская когнитивно-валерная система; на этапе интерпретации и восприятия – временные рам-

ки порождения и рецепции текста, константа фоновых знаний реципиента, индивидуальные особенности и когнитивно-валерная система читателя, целеустановки реципиента, идейно-эстетические представления и их резонанс, или же отсутствие такового с идейно-эстетической направленностью текста.

Ключевые слова: поэтический текст, глубинное эстетическое содержание, инвариантные образы, вербализация, символизм, иллокутивная цель, перлокутивный эффект.

S. N. Bredikhin, L. P. Davydova

POETIC TEXT AS COMMUNICATIVE-AESTHETIC CATEGORY

The article studies peculiar features of aesthetic-communicative senses in poetic texts. The key factors of realizing the deep aesthetic sense at the stage of text formation are the language norm, functional stylistic and genre features, situational character of text formation, idea and aesthetic intention, individual author's cognitive evaluative system; at the stage of

perception these are temporal framework of text formation and perception, recipient's intentions, idea and aesthetic images and their resonance, or the lack of the latter as regards the idea and aesthetic purpose of the text.

Key words: poetic text, deep aesthetic content, invariant images, verbalization, symbolism, illocution purpose, perlocution effect.

Выявление сущности эстетической природы поэтического текста – это один из наиболее обсуждаемых в лингвистике вопросов. Одним из первых рассмотрел его в своих трудах А. А. Потебня с позиций поэтичности языка как такового. Основой образности всегда служит внутренняя форма слова, а сама лексема в этом понимании уже является художественным произведением, т. е.

некоей поэтической конструкцией, при этом любой словесный акт представляется как художественное творчество [12].

Совершенно другое понимание представлено в трудах формалистов, пытавшихся усмотреть чисто лингвистические доказательства принципиальных различий поэтического языка и «практического». Конструктивные особенности поэтических про-

изведений проецировались ими на систему языка, а лингвистические элементы языка непосредственно переносились в поэтическую конструкцию, способ выражения выдвигался на первый план: поэтическое творчество направлено на отдельные единицы, а художественный текст является последовательностью эстетических (актуализированных) и фоновых (обычных) знаков [17, с. 27]. Одним из наиболее интересных подходов является теория поэтической лингвистики В. М. Жирмунского: «Поскольку материалом поэзии является слово, в основу систематического построения поэтики должна быть положена классификация фактов языка, которую дает нам лингвистика. Каждый из этих фактов, подчиненный художественному заданию, становится тем самым поэтическим приемом» [9, с. 41–42]. Таким образом, параллели между разделами языкознания и разделами поэтики очевидны, существуют поэтическая фонетика, поэтический синтаксис, поэтическая семантика и т. д. Жирмунский упоминает и о невозможности отдельного существования эстетического содержания искусства, именно содержание вкупе с формой является компонентом в процессе создания единого эстетического впечатления, т. е. «если под формальным разумею эстетическое, в искусстве все факты содержания становятся тоже явлением формы» [9, с. 28].

Многие ученые, в их числе М. М. Бахтин, отмечают узость рамок формалистского подхода: «Нужно понимать самый язык как замкнутую поэтическую конструкцию, чтобы говорить о нем как о единой системе поэтического языка. При этом условии и элементы языка окажутся поэтическими элементами, несущими в нем определенные конструктивные функции» [1]. Язык как тривиальное речевое общение обретает поэтические характеристики только в определенной ситуации поэтика. Высказывание может быть адекватно поэтически воспринято лишь в конкретной поэтической ситуации семиозиса. Именно поэтому можно утверждать, что «поэтический язык» не есть особая символическая языковая система, и возможно анализировать функциональную и компонентную составляющие поэтических конструкций наравне с таковыми в других коммуникативных ситуациях. Изучение поэтического тек-

ста должно базироваться на лингвистике, но не сводиться к только лингвистическому, так же собственно, как и просто последовательность тропов не является художественным текстом [2].

Однако следует подчеркнуть частотность устойчивых образных элементов, нехарактерных для других типов текста в поэтической речи. Их частотность и синтагматические и парадигматические отношения лимитируют эстетическое единство определенной литературной школы, направления, эпохи. Тропы, устойчивые словосочетания, поэтические формулы и клише, варьирующиеся и функционирующие в произведениях, различаются по эстетической валерности, по сути, представляют собой некие эстетические инварианты. Вербализации эстетических инвариантов и способам их трансформации посвящены работы М. А. Бакиной, В. Г. Гака, В. П. Григорьева, Н. Н. Ивановой, Н. А. Кожевниковой и др. Исследования данных исследователей четко говорят о достаточно условном противопоставлении эстетических инвариантов и индивидуально-авторских вербализаторов (языковых средств). В данном случае индивидуальность не предполагает полного отказа от устоявшихся поэтических формул и выдумывания абсолютно новых образных средств, а, скорее, это переосмысление традиционных форм, особые способы их использования в поэтическом тексте и своеобразные пути взаимодействия с иными текстовыми средствами. Значение инварианта в новом, нехарактерном для него контексте полностью трансформируется, это способствует приращению эстетического смысла. Возникает амфиболия устойчивого эстетического образа.

Перспективнейшим направлением является изучение поэтического текста как текста культуры, как отражения целостного когнитивного механизма. Это направление разрабатывалось в трудах Ю. М. Лотмана по семиотике: «Пространство текста культуры представляет собой универсальное множество элементов данной культуры, то есть является моделью всего» [11, с. 118]. Поэтический текст не только входит в национальное культурное наследие, но и является моделью данной культуры, которая строится согласно тем же законам и включает те же константы культуры: устойчивые образы и

концепты, которые характеризуются особой частотностью, устойчивостью, высокой аксиологической значимостью и т. п.

В поэтическом тексте эти культурные константы выступают в качестве образов, символов, мифологем, устойчивых тропов. Конкретное семантическое наполнение и эмоционально-экспрессивная оценка зависят как от культурного континуума, в пределах которого творит автор, так и от его собственного представления, при этом выбор лексического оформления, несмотря на ограниченность языковыми возможностями, максимально индивидуализирован. Первичное восприятие поэтического текста по этим причинам затруднено, но наличие культурно-эстетического инвариантного ядра обеспечивает адекватную интерпретацию. Необходим учет репрезентации поэтическим текстом национальной и мировой культуры на определенном этапе развития, а значит восприятие требует от реципиента знания идей, знаковых фигур и образного языка эпохи создания текста. Дефицит фоновых знаний при интерпретации провоцирует культурный шок, неприятие или неадекватную трактовку текста.

В нашем исследовании мы будем придерживаться мнения, что главной особенностью поэтического текста является эстетическая функция – способность выражать эстетическую семантику, т. е. соотнесение содержания поэтического текста с эстетическими категориями прекрасного, красивого, возвышенного, безобразного, низменного и др.

Принципиальным отличием поэтического текста от непоэтического является творческое использование возможностей языковой системы, образность, которая связана не только и не столько с отклонениями от узального словоупотребления или особым набором языковых средств. Стилистическое своеобразие поэтического текста определяется многоаспектным взаимодействием языковых единиц и возникновением на его основе динамического напряжения языковой формы, обусловленного присутствием имманентно присущих эстетических установок, что отмечалось и В. В. Виноградовым [6]. Ключевыми понятиями поэтического текста необходимо признать организованность, гармонию и смысловую емкость [14, с. 32]. Организованность является упорядоченно-

стью текстовой формы, которая обуславливает системность текста и определяется особенностями содержания. Гармония в поэтике – это особый критерий вербализации прекрасного, который проявляется в различных видах эстетически обусловленной симметрии на всех уровнях языка. Смысловая емкость включает в себя амфиболию смысла, предполагающую неоднозначность толкования поэтического текста. Проявляется смысловая емкость в наличии подтекста, предполагающего наличие дополнительных значений, которые дополняют семантику текста, обогащают эмоционально-экспрессивный и содержательно-изобразительный компоненты.

Современные исследователи, в частности Ю. М. Лотман, подчеркивают теснейшую взаимосвязь языковой формы и глубинного эстетического содержания поэтического текста: «В поэтическом тексте соотношение планов содержания и выражения иное, чем в обычных языковых системах. <...> План выражения становится фактором смысла, схемой построения значения» [11, с. 272]. Невозможно помыслить поэтический язык вне его системных отношений и оторванности от социально-исторических процессов конкретной лингвокультуры, именно этот аспект культурно-исторической обусловленности эстетики поэтики рассматривал Р. А. Будагов: «Эстетика языка художественного произведения – это тоже определенная целостность или система. Однако осмыслить ее возможно лишь путем анализа тех элементов, которые ее формируют. <...> Эстетика обнаруживается в самом соотношении общих значений слов и значений, возможных только в определенном контексте и в определенную историческую эпоху» [5, с. 303].

Всеобъемлемость всех уровней структуры поэтического текста обуславливает его эстетическую организацию. Сверхупорядоченность поэтического текста создается особыми системными повторами или символическими элементами, вербализующими прагма-эстетическую насыщенность и позволяющие избежать автоматизированности восприятия и интерпретации. Безусловно, усвоение схем действия при интерпретации поэтического текста несет в себе как опасность заостренности в восприятии и потери в распрямлении многомерных

эстетических смыслов, «каждая из схем действований, полученная без привлечения феноменологической рефлексии в сложном типе текста, теряет свою актуальность с априорностью принятия положения о неузуальности каждой конкретной естественно развивающейся системы и системы взаимодействия ЧЕЛОВЕК – ТЕКСТ в частности» [4, с. 458]. Но в то же время необходимо учитывать и некоторые положительные эффекты, такие как прогностические стратегии символического восприятия и интерпретации текста, кроме того, как справедливо указывают некоторые исследователи, многомерность практически нивелирует негативную составляющую действия с текстом по схемам: «в поэтических высказываниях <...> ценность информации не теряется, несмотря на многочисленные повторения, потому что каждое повторение связано с новым толкованием высказывания» [8, с. 19]. Различные повторяющиеся в том или ином виде элементы, или символичные лексемы, как правило, появляются в сильных позициях текста, например режущее слово «кирэджи» в японских твердых формах стиха, и несут экстремальную эстетическую значимость.

На настоящем этапе изучения эстетики и глубинного содержания поэтического текста достаточно дискуссионным является положение о стратификационной организации, при котором возможно выделить уровни вербализации эстетического согласно уровням языка: фонетический, морфологический, лексический и синтаксический, – происходит это по причине неоднозначности трактовки эстетической значимости каждого из этих уровней. Например, Ю. М. Лотман считает в рамках этого членения ведущим лексический уровень как вербализатор эстетико-когнитивного и символического начала, в то же время Н. А. Купина основывается на языковой доминанте текста [10, с. 26] в качестве актуализирующего уровня эстетической доминанты. Л. В. Щерба же избегает структурного подхода и вычленяет суперсегментные уровни, такие как ритмический, ритмо-мелодический, метро-ритмический [16, с. 35–37]. И. Я. Чернухина уже предполагает наличие композиционно-синтаксического уровня текста [15, с. 9–10], правда, в отношении художественной прозы. З. И. Хованская, в свою очередь, предложила строящуюся на

принципах филологического анализа трехуровневую модель, в которой выделяется идейно-художественный уровень эстетики, который и служит базисом для наполнения литературного и речевого уровней [13, с. 30], все это позволяет утверждать, что на основе формально-структурной организации сложно определить место актуализации эстетического смысла в поэтическом тексте.

Мы считаем наиболее перспективным функционально-коммуникативный подход, предполагающий, по Н. С. Болотновой, двухуровневую структуру: информативно-смысловой и прагматический уровни. Но, как кажется на первый взгляд, упрощенная модель делится на подуровни на основании интра- и экстралингвистических характеристик, а потому представляет собой достаточно сложную систему отношений, учитывающую актуализацию многомерного смысла. Информативно-смысловой уровень актуализирует глубинное эстетическое содержание, при этом на основании лингвистических характеристик он членится на фонетический, морфологический лексический и синтаксический субституты, которые актуализируют общий смысл. Экстралингвистические характеристики же разбивают информативно-смысловой уровень, являющийся, по сути, совместным полем мыследеятельности продуцента и реципиента поэтического текста и включающий когнитивную информацию, на подуровни денотации (реально-предметной соотнесенности) и сюжетно-композиционный подуровень. В уровень прагматики включаются системные характеристики художественно-эстетического семиозиса, такие как: принципиальная возможность текста вызывать эстетический перлокутивный эффект, интенционально обусловленный коммуникативными стратегиями продуцента и его когнитивно-валерной системой. Эстетическая обусловленность прагматики зиждется на функциональных особенностях текста как целого: образности, ассоциативности текстовых реминисценций, неоднозначности интерпретации, предсказуемости / непредсказуемости (в плане прогностического развертывания), в то же время немаловажным представляется структурно-языковая обусловленность такими факторами как: модальность, экспрессивность, выразительность, многознач-

ность, узуальность / окказиональность. По лингвистическим характеристикам прагматический уровень может быть условно разделен на экспрессивно-стилистический и функционально-стилистический подуровни. По экстралингвистическим аспектам прагматический уровень поэтического текста членится на эмоциональный, образный и идейный субституты, вследствие чего его также можно обозначить как идейно-эстетический уровень – это пик совместной / разделенной мыследеятельности продуцента и реципиента [3, с. 28–33].

Определение коммуникативных качеств поэтического текста происходит как на информативно-смысловом, так и на прагматическом уровнях, ведь каждый коммуникативный акт помимо когнитивной информации имманентно включает эстетическое воздействие. Иллокутивной целью эстетической коммуникации является реализация перлокутивного эстетического эффекта, т. е. донесение исходного замысла продуцента текста до реципиента, реализация эстетического намерения. Успешность реализации данной цели определяется прогностической компетенцией автора, учетом возможных реакций читателя и наличием читательских адекватных presuppositions.

Эстетическая коммуникация в рамках поэтики определяется множеством факторов. Так, на этапе текстопорождения такими факторами являются: норма языка, функционально-стилевая и жанровая характеристики создаваемого текста, ситуативность как критерий текстопорождения, идейно-эстетическая направленность, индивидуально-авторская когнитивно-валерная система; на этапе интерпретации и восприятия – временные рамки порождения и рецепции текста, константа фоновых знаний реципиента, индивидуальные особенности и когнитивно-валерная система читателя, целеустановки реципиента, идейно-эстетические представления читателя и их резонанс, или же отсутствие такового с идейно-эстетической направленностью текста [11]. Языковые нормы конкретного лингвокультурного сообщества и его конвенции обеспечивают возможность поэтического текста являться неким сообщением, сложной иерархической системой с символической и эстетико-культурной значимостью элементов всех уровней.

Эстетическая коммуникация может быть обеспечена только посредством целостной разделенной мыследеятельности автора и читателя, лишь при этих условиях возможно полное герменевтическое осознание процесса сотворения словесного поэтического образа и его интерпретация. Нерасчлененность разнообразных форм чувственного восприятия, т. е. синэстезия, является одной из неперенных характеристик словного образа в поэтике. Основой данной формы служит синтагматическое линейное соединение лексем с дифференциальной нозмой восприятия – это есть проявление констант субъективности в порождении смысла текста.

Другой важнейшей формой существования образа является синкретизм как совмещение различного в единое. Соединяя данные две формы поэт добивается эстетического резонанса – усиления эстетического и когнитивного воздействия за счет синергетического слияния воздействующих эффектов отдельных элементов поэтической речи друг с другом на фоне текста как целого. Именно многомерность и многогранность возникающих у реципиента в результате синэстезии и синкретизма образов дает возможность автору достигать максимальной семантической насыщенности и максимальной перлокутивного эффекта.

Выражение некоей эстетической категории с помощью поэтического образа определяется его соответствием эстетическому идеалу в когнитивно-валерной системе реципиента. В свою очередь, данный идеал не является универсальным даже для всех членов одного лингвокультурного сообщества, ведь он формируется в конкретную эпоху, подвержен изменениям в соответствии с субъективным конкретно-чувственным наполнением.

Константно меняющиеся формы взаимодействия рефлексивной поэтической реальности с реальностью эмпирической, уникальность и неповторимость поэтического семиозиса, двуплановость образного высказывания (как целостного законченного продукта языковой поэтической деятельности и как открытого аккумулятора лингвокультурного опыта обуславливают специфику восприятия и интерпретации поэтического текста. Эстетическая реакция реципиента создается под влиянием осознанного вос-

приятия амфиболичности поэтической языковой формы и глубинного содержания: нарушение норм обыденного языка вызывает трудности в восприятии и служит пусковым механизмом аффекта в процессе перехода «бессознательных психических структур автора в социальное содержание искусства» [7]. Поэтому восприятие эстетического, с одной стороны, является актом ноэтической рефлексии (неосознанного понимания и интерпретации), а с другой стороны, оно должно быть предельно выверено и осознано: эстетика поэтического произведения зрится произвольно, и уже на втором этапе рефлексии ощущения противоречивости и дualityности требуют сосредоточения на форме эстетического выражения и эстетических качествах рассматриваемого объекта, что и

рождает феноменологическую рефлексия по постижению эстетического опыта, после чего на третьем уровне абстракции текст вновь воспринимается в его целостности.

Таким образом, поэтический текст является синкретичной иерархической многофункциональной системой, которую структурируют объекты-денотаты целостного высказывания, интенциональная амфиболия, иллюкутивная цель в сочетании с прогностической перлюкутивного эффекта, пресуппозиции продуцента и реципиента. Объектом эстетической вербализации поэтического текста служит не предмет речи или ситуация как таковые, а некая идеальная эстетическая модель, формируемая в сознании продуцента на основе его концептуально-валерной системы.

Литература

1. Бахтин М. М. Поэтический язык как предмет поэтики. 2006 URL: <http://stihi-poezia.narod.ru/0100.htm> (Дата обращения: 15.05.2016).
2. Бахтин М. М. Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках: Опыт философского анализа 21.03.2004 URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/Article/Baht_PrT.php (Дата обращения: 15.05.2016).
3. Болотнова Н. С. Художественный текст в коммуникативном аспекте и комплексный анализ единиц лексического уровня. Томск: Изд-во Томского университета, 1992. 312 с.
4. Бредихин С. Н. Схемопостроение в рамках метаединиц герменевтического процесса понимания и интерпретации // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 4. URL: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=13920> (Дата обращения: 15.05.2016).
5. Будагов Р. А. Писатели о языке и язык писателей. М.: Добросвет, 2000. 366 с.
6. Виноградов В. В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. М.: Академия наук СССР, 1963. 255 с.
7. Выготский Л. С. Психология искусства. Ростов-н/Д.: Феникс, 1998. 480 с.
8. Гальперин И. Р. Избранные труды. М.: Высшая школа, 2005. 255 с.
9. Жирмунский В. М. Поэтика русской поэзии. СПб.: Азбука-классика, 2001. 496 с.
10. Кулина Н. А. Смысл художественного текста и аспекты лингвосмыслового анализа. Красноярск: КГУ, 1983. 160 с.
11. Лотман Ю. М. Статьи по семиотике культуры и искусства. СПб.: Академический проект, 2002. 544 с.
12. Потебня А. А. Эстетика и поэтика. М.: Искусство, 1976. 614 с.
13. Хованская З. И. Структурно-функциональный анализ художественной речи: автореф. дис... д-ра филол. наук. М., 1976. 38 с.
14. Черемисина Н. В. Эстетический анализ художественного текста и подтекст // Анализ художественного текста. Вып. 2. М.: Педагогика, 1976. С. 32–43.
15. Чернухина И. Я. Элементы организации художественного прозаического текста. Воронеж: ВГУ, 1984. 115 с.
16. Щерба Л. В. Избранные работы по русскому языку. М.: Учпедгиз, 1957. 187 с.
17. Якубинский Л. П. О диалогической речи // Избранные работы: Язык и его функционирование. М.: Наука, 1986. С. 17–58.

References

1. Bakhtin M. M. Poeticheskiy yazyk kak predmet poetiki (Poetic language as a subject of poetics). 2006 URL: <http://stihi-poezia.narod.ru/0100.htm> (Accessed: 15.05.2016).
2. Bakhtin M. M. Problema teksta v lingvistike, filologii i drugih gumanitarnykh naukakh: Opyt filosofskogo analiza (The problem of the text in linguistics, philology and other humanities: The experience of philosophical analysis) URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/Article/Baht_PrT.php (Accessed: 15.05.2016).
3. Bolotnova N. S. Khudozhestvennyy tekst v kommunikativnom aspekte i kompleksnyy analiz edinit leksicheskogo urovnya (Literary text in the communicative aspect and complex analysis of the lexical level units). Tomsk: Tomsk university Publ., 1992. 312 p.

4. Bredikhin S. N. Skhemopostroyeniye v ramkakh metaedinit germenevticheskogo protsessa ponimaniya i interpretatsii (Scheme derivation within metaunits of hermeneutic processes of understanding and interpretation) // *Sovremennyye problemy nauki i obrazovaniya* 2014. № 4. URL: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=13920> (Accessed: 15.05.2016).
5. Budagov R. A. Pisateli o yazyke i yazyk pisateley (Writers about language and the language of writers). M.: Dobrosvet, 2000. 366 p.
6. Vinogradov V. V. Stilistika. Teoriya poeticheskoy rechi. Poetika (Stylistics. Poetic speech theory. Poetics). M.: SA USSR, 1963. 255 p.
7. Vygotskiy L. S. Psikhologiya iskusstva (Art psychology). Rostov-on-Don: Feniks, 1998. 480 p.
8. Gal'perin I. R. Izbrannyye trudy (Selecta). M.: Higher school, 2005. 255 p.
9. Zhirmunskiy V. M. Poetika russkoy poezii (Poetic of the Russian poetry). SPb: Azbuka-klassika, 2001. 496 p.
10. Kupina N. A. Smysl khudozhestvennogo teksta i aspekty lingvosmyslovogo analiza (Literary text sense and the aspects of linguo-semantic analysis). Krasnoyarsk: Krasnoyarsk universiry Publ., 1983. 160 p.
11. Lotman Yu. M. Stat'i po semiotike kul'tury i iskusstva (Articles on semiotics of culture and art). SPb.: Akademicheskiiy proekt, 2002. 544 p.
12. Potebnya A. A. Estetika i poetika (Aesthetics and poetics). M.: Iskustvo, 1976. 614 p.
13. Khovanskaya Z. I. Strukturno-funktsional'nyy analiz khudozhestvennoy rechi (Structural and functional analysis of literary speech): avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk. M.: State institut of Russian language named after A.S. Pushkin, 1976. 38 p.
14. Cheremisina N. V. Esteticheskiiy analiz khudozhestvennogo teksta i podtekst (Aesthetic analysis of the literary text and implication) // *Analiz khudozhestvennogo teksta*. Issue. 2. M.: Pedagogika, 1976. P. 32–43.
15. Chernukhina I. Ya. Elementy organizatsii khudozhestvennogo prozaicheskogo teksta (Structure elements of literary prosaic text). Voronezh: VSU Publ., 1984. 115 p.
16. Shcherba L. V. Izbrannyye raboty po russkomu yazyku (Selecta on the Russian language. M.: Uchpedgiz, 1957. 187 p.
17. Yakubinskiy L. P. O dialogicheskoy rechi (On the dialogical speech) // *Izbrannyye raboty: Yazyk i ego funktsionirovaniye* (Selecta: language and its functioning). M.: Nauka, 1986. P. 17–58.

УДК 81-119:811.1/.2

М. В. Каменский

**КОГНИТИВНО-ДИСКУРСИВНОЕ МАРКИРОВАНИЕ НОВОЙ
И УТОЧНЯЮЩЕЙ ИНФОРМАЦИИ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ
ДИСКУРСНОГО МАРКЕРА «СКАЖЕМ ТАК»**

В статье излагаются результаты применения когнитивно-функциональной модели дискурсных маркеров для анализа когнитивной нагрузки и функционального потенциала дискурсного маркера «скажем так» в части маркирования новой и уточняющей информации в дискурсе.

Ключевые слова: дискурс, дискурсный маркер, когнитивно-функциональная модель, информационный фокус, маркирование информации.

M. V. Kamensky

**COGNITIVE-DISCURSIVE MARKING OF NEW AND QUALIFYING
INFORMATION USING THE DISCOURSE MARKER «I'D SAY»**

The article contains the results of using the cognitive-functional model of discourse markers to analyze the cognitive and functional potential of the discourse marker «I'd say» as a means of marking new and specifying information in discourse.

Key words: discourse, discourse marker, cognitive-functional model, information focus, information marking.

Современная антропоцентрическая лингвистика характеризуется значительным исследовательским интересом к языковым и речевым явлениям, обладающим речевоздействующим потенциалом и изменяющим характер интерпретации речевых сообщений в дискурсивном взаимодействии, свидетельством чему является широкое распространение и активное развитие принципов и постулатов когнитивно-дискурсивной парадигмы в лингвистике, сформулированных в научных трудах Е. С. Кубряковой [5, 6].

К такого рода явлениям относятся дискурсные маркеры, представляющие собой класс лингвистически гетерогенных языковых единиц, выполняющих в дискурсе особые когнитивно нагруженные дискурсивные функции, направленные на экспликацию когнитивных связей в структуре дискурса и управление когнитивными представлениями коммуникантов о ходе его развертывания [2, с. 31–34]. Дискурсные маркеры подвергались изучению с различных исследовательских позиций как отечественными, так и за-

рубежными учеными (А. Вежбица, 1978 [1]; D. Schiffrin, 1987 [16]; Ю. И. Леденев, 1988, 2007 [7, 8]; B. Fraser, 1990 [14]; G. Redeker, 1991 [15]; D. Blakemore, 1992 [13]; Л. В. Правикова, 2000, 2004 [11, 12]; И. М. Кобозева, 2007 [4] и др.).

Существенным функциональным компонентом дискурсных маркеров является их способность выступать в качестве средств связности текста и дискурса. Как отмечает А. Вежбицкая в научной статье «Метатекст в тексте» (1978), языковые конструкции типа «я говорю...», «что касается...», «говоря о...», «если я не ошибаюсь» способны участвовать в создании своего рода «двухголового текста», «двухголосья монологического текста» в сознании как слушающего, так и говорящего, при этом референтом данных конструкций может выступать как собственно тема высказывания, так и связь между различными его частями [1, с. 403–404].

Продуктивным способом объединения дискурсных маркеров в единый класс языковых и речевых единиц явилось построение

ние их когнитивно-функциональной модели, базирующейся на принципе соподчинения лингвистических характеристик дискурсных маркеров (лексического и грамматического статуса) их когнитивно-функциональным параметрам (дискурсивной функции, иллокутивному потенциалу и когнитивной нагрузке) в рамках функциональных слотов [3, с. 5–7]. Данный подход к исследованию дискурсных маркеров является новым эволюционным этапом в развитии теории неполнозначности научного направления Ю. И. Леденева [7, 8], позволяющим полноценно и комплексно исследовать функционально различные дискурсные маркеры разных языков мира.

Предложенная когнитивно-функциональная модель позволяет в полной мере исследовать и систематизировать когнитивный потенциал полифункциональных дискурсных маркеров, реализующих различные когнитивно нагруженные дискурсивные функции в зависимости от коммуникативной ситуации,

типа дискурса и интенций автора речевого сообщения [3].

К метатекстовым конструкциям обеспечения дискурсивной когезии мы считаем целесообразным причислить дискурсный маркер «скажем так» и его контекстуальные синонимы («так сказать», «скажем», «к примеру сказать», «хоть», «взять хоть», «так например» и др. [10]). Парадигма контекстуальных синонимов дискурсного маркера представлена на рис. 1. Данный дискурсный маркер, характерный для повседневной разговорной речи, в настоящее время не получил специального освещения в научной литературе с позиции его когнитивно-функционального потенциала в дискурсе.

Для анализа данного маркера нами использованы материалы русскоязычного электронного корпуса текстов «Национальный корпус русского языка» (НКРЯ) как репрезентативного и отражающего современное состояние русского языка.

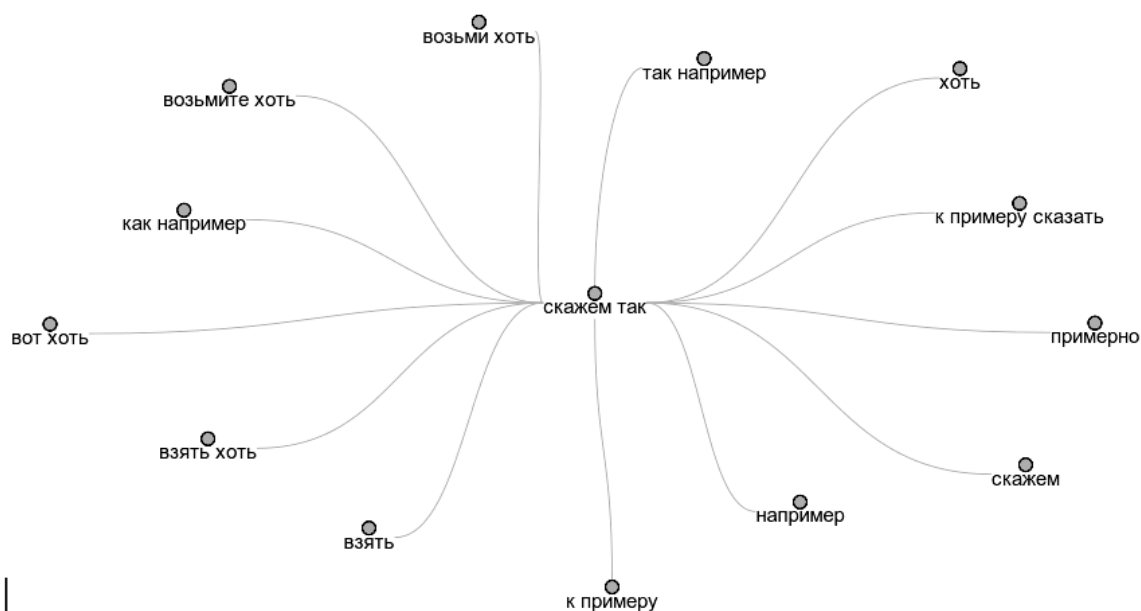

Рис. 1. Парадигма контекстуальных синонимов дискурсного маркера «скажем так»

В корпусе НКРЯ анализу подвергнуты фрагменты: 1) основного корпуса репрезентативностью 209,1 млн словоупотреблений, содержащего «прозаические (включая драматургию) письменные тексты XVIII – начала XXI века» [9]; 2) газетного корпуса репрезентативностью 113,3 млн словоупотреблений, в котором представлены «статьи из средств массовой информации 1990–2000-х годов»

[Там же]; 3) устного корпуса репрезентативностью 10,1 млн словоупотреблений, содержащего «расшифровки магнитофонных записей публичной и частной устной речи, а также транскрипты кинофильмов» [Там же].

В силу существенно различающейся репрезентативности названных фрагментов корпуса НКРЯ при проведении статистического анализа представленности и дистри-

буции исследованных дискурсных маркеров в различных типах дискурса применен метод экстраполяции. Данный метод состоит в распространении тенденции, выявленной на основе выборки корпусного материала с меньшей по отношению к другим выборкам репрезентативностью, на более широкий массив данных с целью обеспечения сопоставимости полученных статистических данных по различным типам дискурса.

Анализ эмпирического материала позволил разработать следующую когнитивно-функциональную модель дискурсивного маркирования новой и уточняющей информации с использованием дискурсного маркера «скажем так».

1. По лексическому статусу исследованный маркер относится к неполнозначным, реализующим в контексте употребления преимущественно процедурную семантику.

2. По грамматическому статусу дискурсивный маркер «скажем так» относится, в зависимости от специфики контекста употребления, к вводным или соединительным выражениям. Например:

Скажем так, по бюджету мы шли далеко не в лидерах [9] – вводное выражение.

Александр Анкваб действительно человек, скажем так, не из приятных [Там же] – соединительное выражение.

3. Дискурсивный маркер «скажем так» является полифункциональным и, как следствие, образует несколько функциональных слотов в когнитивно-функциональной модели дискурсивных маркеров. Дискурсивная функция данного маркера контекстуально обусловлена и может потенциально состоять в следующем: а) информационный фокус высказывания; б) введение уточняющего или поясняющего высказывания; в) сигнал поддержания контакта, свидетельствующий о необходимости дополнительного времени для обдумывания высказывания; г) введение смягченной ответной реплики на предшествующее высказывание.

4. Иллокутивный потенциал изученного дискурсивного маркера в вышеназванных функциях состоит: а) в создании ментального напряжения реципиента с целью активизации аргументативной силы высказывания на стадии выражения позиции автора речевого сообщения; б) в перефразировании предыдущего высказывания с введением дополнительных пояснений или примеров,

а также в уточнении или конкретизации информации; в) в заполнении паузы в высказывании при обеспечении удержания внимания реципиента; г) в смягчении отрицательного, нежелательного или неудобного ответа на вопрос, что позволяет в более мягкой форме выразить несогласие, отказ или иной посыл, в силу тех или иных причин являющийся нежелательным для реципиента.

5. Когнитивная нагрузка исследованного маркера, в зависимости от реализуемой дискурсивной функции, состоит: а) в актуализации ментальных процессов в сознании реципиента для интерпретации аргументации, эксплицируемой говорящим; б) в актуализации интерпретации вводимого дополнительного или поясняющего утверждения как логически связанного с предыдущим; в) в обеспечении понимания реципиентом речевого сообщения необходимости выделения говорящему дополнительного времени для обдумывания высказывания при затруднении в формулировке высказывания или даже однозначного ответа на поставленный вопрос; г) в обеспечении осмысления реципиентом намерений говорящего дать отрицательный, нежелательный либо – в силу определенных причин – неудобный ответ на заданный вопрос.

В каждом конкретном контексте употребления вышеназванные дискурсивные функции могут реализовываться как изолированно, так и в сочетании, при этом в случае (а) дискурсивный маркер «скажем так» может вводить как уточняющую, так и новую информацию, в случае (б) вводится уточняющая информация, в случаях (в) и (г) – новая информация.

Приведем примеры употребления дискурсивного маркера «скажем так», демонстрирующие реализацию указанных выше когнитивно нагруженных дискурсивных функций данного маркера:

а) *[Вячеслав, муж] скажем так / самый главный самый главный фундамент / видимо / нам оставили на вторую лекцию / вот / а здесь вот сегодня прошлись по частностям [9].*

б) *Мы хотим по-нашему / по-российскому / скажем так / историческому образу действовать с ними / но они-то другие совсем [Там же].*

в) *А. М. ээ / я надеюсь / что это не кокетство / эээ / скажем так / мне очень / очень повезло в жизни / и если судьба у меня такая интересная / это благодаря тому / что / ээ / мои родители меня так воспитали [Там же].*

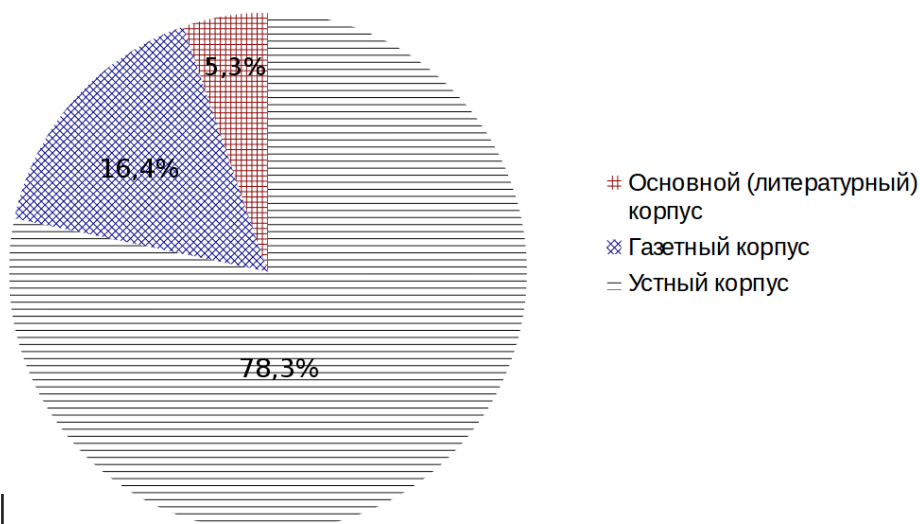
На свете случались миллионы, миллиарды свадеб, человек тем и отличается от животного, что он сознаёт важность этого акта... скажем так: бракосочетательного акта [Там же].

а) – Скажем так: в целом я рад, – сообщил журналистам после матча Фабио Капелло [Там же].

Исследование эмпирического материала показало, что дискурсный маркер «скажем так» функционирует преимущественно в пространстве разговорного дискурса (78,3 %) и в существенно меньшей мере представлен в газетно-публицистическом дискурсе (16,4 %) и дискурсе художественного произведения (5,3 %).

Дистрибуция дискурсного маркера «скажем так» в изученных типах дискурса показана на диаграмме 1.

Итак, проведенное исследование, основанное на разработанной когнитивно-функциональной модели дискурсных маркеров и применении метода корпусного анализа языкового материала, подтвердило продуктивность использования дискурсного маркера «скажем так» в русском языке как средства маркирования новой и уточняющей информации в дискурсе, а также позволило установить наличие ряда когнитивно нагруженных

● Диаграмма 1. Репрезентативность контекстов употребления дискурсного маркера «скажем так» в НКРЯ, %

дискурсивных функций изученного дискурсного маркера, реализующихся в дискурсе контекстуально в соответствии с интенцией автора речевого сообщения. Перспективными направлениями дальнейшей разработки проблематики проведенного исследования

считаем изучение функциональных аналогов дискурсного маркера «скажем так», а также сопоставительное исследование данного маркера и его аналогов в разносистемных языках.

Литература

1. Вежицка А. Метатекст в тексте // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 8. Лингвистика текста. М.: Прогресс, 1978. С. 402–421.
2. Каменский М. В. Дискурсивные маркеры: когнитивно-дискурсивный подход. Ставрополь: СКФУ, 2013. 176 с.
3. Каменский М. В. Когнитивно-функциональная модель дискурсивных маркеров. Ставрополь: СКФУ, 2014. 186 с.
4. Кобозева И. М. Полисемия дискурсивных слов и попытка ее разрешения в контексте предложения (на примере слова вот) // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: Труды международной конференции Диалог'2007. М.: Институт проблем информатики РАН, 2007. С. 250–255.
5. Кубрякова Е. С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.: Языки славянской культуры, 2004. 560 с.
6. Кубрякова Е. С. Об установках когнитивной науки и актуальных проблемах когнитивной лингвистики // Вопросы когнитивной лингвистики. 2004. № 1. С. 6–18.

7. Леденев Ю. И. Неполнозначные слова в русском языке: учеб. пособие к спецкурсу. Ставрополь: СГПИ, 1988. 87 с.
8. Леденев Ю. И. Избранные труды по языкознанию. Ставрополь: СГУ, 2007. 456 с.
9. Национальный корпус русского языка (НКРЯ) URL: <http://www.ruscorpora.ru> (Дата обращения: 06.02.2016).
10. Онлайн-словарь синонимов URL: <http://sinonimizer.com/sinomim-k-skažem%20tak> (Дата обращения: 06.02.2016).
11. Правикова Л. В. Дискурсные маркеры: современное состояние проблемы // Вестник ПГЛУ. 2000. № 4. С. 22–34.
12. Правикова Л. В. Современная теория дискурса: когнитивно-фреймовый и аргументативный подходы. Пятигорск: ПГЛУ, 2004. 300 с.
13. Blakemore D. Understanding utterances. Oxford: Blackwell, 1992. 191 p.
14. Fraser B. An approach to discourse markers // Journal of Pragmatics. 1990. Vol. 14. P. 383–395.
15. Redeker G. Linguistic markers of discourse structure // Linguistics. 1991. Vol. 29. P. 1139–1172.
16. Schiffrin D. Discourse Markers Cambridge: Cambridge University Press, 1987. 364 p.

References

1. Vezhbička A. Metatekst v tekste (Metatext in Text) // Novoe v zarubezhnoj lingvistike. Issue. 8. Lingvistika teksta. M.: Progress, 1978. P. 402–421.
2. Kamenskiy M. V. Diskursnye markery: kognitivno-diskursivnyj podhod (Discourse markers: Cognitive-Discursive approach). Stavropol': NCFU, 2013. 176 p.
3. Kamenskiy M. V. Kognitivno-funkcional'naja model' diskursnyh markerov (Cognitive-functional model of discourse markers). Stavropol': NCFU, 2014. 186 p.
4. Kobozeva I. M. Polisemija diskursivnyh slov i popytka ee razreshenija v kontekste predloženija (na primere slova vot) (Polysemy of discourse words and an attempt of resolving it in the context of a sentence (on the basis of the word «vot»)) // Komp'juternaja lingvistika i intellektual'nye tehnologii: Trudy mezhdunarodnoj konferencii Dialog' 2007. M.: Institute of informatics Problems RAS, 2007. P. 250–255.
5. Kubrjakova E. S. Jazyk i znanie: Na puti poluchenija znanij o jazyke: Chasti reči s kognitivnoj točki zrenija. Rol' jazyka v poznanii mira (Language and Knowledge: On the way of attaining knowledge about language: Parts of speech from the cognitive point of view. The role of language in understanding the world). M.: Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2004. 560 p.
6. Kubrjakova E. S. Ob ustanovkah kognitivnoj nauki i aktual'nyh problemah kognitivnoj lingvistiki (About the goals of cognitive science and topical problems of cognitive linguistics) // Voprosy kognitivnoj lingvistiki. 2004. No. 1. P. 6–18.
7. Ledenev Ju. I. Nepolnoznachnye slova v russkom jazyke: ucheb. posobie k speckursu (Discourse words in Russian language: textbook for a special course). Stavropol': SSPI, 1988. 87 p.
8. Ledenev Ju. I. Izbrannye trudy po jazykoznaniju (Select works in linguistics). Stavropol': SSU, 2007. 456 p.
9. Nacional'nyj korpus russkogo jazyka (NKRJa) (National Corpus of the Russian Language). URL: <http://www.ruscorpora.ru> (Accessed: 06.02.2016).
10. Onlajn-slovar' sinonimov (Online dictionary of synonyms) URL: <http://sinonimizer.com/sinomim-k-skažem%20tak> (Accessed: 06.02.2016).
11. Pravikova L. V. Diskursnye markery: sovremennoe sostojanie problemy (Discourse markers: the modern state of the issue) // Vestnik PSLU. 2000. № 4. P. 22–34.
12. Pravikova L. V. Sovremennaja teorija diskursa: kognitivno-frejmovyj i argumentativnyj podhody (Modern theory of discourse: cognitive-frame and argumentative approaches). Pjatigorsk: PSLU, 2004. 300 p.
13. Blakemore D. Understanding utterances. Oxford: Blackwell, 1992. 191 p.
14. Fraser B. An approach to discourse markers // Journal of Pragmatics. 1990. Vol. 14. P. 383–395.
15. Redeker G. Linguistic markers of discourse structure // Linguistics. 1991. Vol. 29. P. 1139–1172.
16. Schiffrin D. Discourse Markers Cambridge: Cambridge University Press, 1987. 364.

УДК 811-81'44

Л. С. Касьяненко, Л. М. Митрофаненко

РОЛЬ ПРОСОДИИ РОДНОГО ЯЗЫКА ПРИ ОВЛАДЕНИИ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКОМ

Статья посвящена проблеме просодии родного языка, возникающей в результате взаимодействия фонетических систем родного и неродного языков в речи билингва при изучении иностранного языка, то есть в ситуации искусственного (аудиторного) многоязычия. Статья включает определение таких понятий, как: фонетика, интерференция

и просодическая интерференция. Рассматриваются и анализируются причины различий между исходным и интерферируемым языком в процессе его овладения.

Ключевые слова: фонетическая система, билингвизм, лингвокогнитивный, просодия, вариантология, парадигматика, лингвокультура.

L. S. Kasyanenko, L. M. Mitrofanenko

THE ROLE OF PROSODY OF NATIVE LANGUAGE WHILE LEARNING A FOREIGN LANGUAGE

The article is devoted to the problem of prosody of native language, resulting from the interaction of phonetic systems of native and non-native languages in bilingual speech while learning a foreign language, that is, in a situation of artificial (classroom) multilingualism. The article includes definition of concepts such as phonetics, interference and prosodic

interference. The reasons for the differences between the original and interfered in the process of learning language are considered and analyzed.

Key words: phonetic system, bilingualism, linguocognitive, prosody, variantology, paradigmatics, linguistic culture.

Иностранный язык объективно является общественной ценностью, поэтому его включение в программу средней школы и вуза – социальный заказ общества. Сейчас, как никогда, необходимо, чтобы люди владели иностранными языками. Поэтому сегодня, когда возросла потребность в изучении иностранных языков, когда международное общение приобрело массовый характер, цель обучения формулируется как «обучение общению на иностранном языке».

Причины возникновения просодии у обучающихся иностранному языку, характеризуются целым рядом факторов. В первую очередь это влияние просодической системы родного языка, которое большинство ученых называет основополагающим и в меньшей степени, просодической системы второго языка билингва, которым, как правило, они владеют достаточно свободно как в естественных, так и в аудиторных условиях.

Произносительные навыки формируются вместе с артикуляционной базой языка. По мнению Л. Р. Зиндера, артикуляционная база представляет собой совокупность артикуляционных и фонотактических привычек; ее формирование в первую очередь зависит от фонематической системы языка и, что особенно важно, от дифференциальных признаков, используемых в данном языке. Представляется, что при анализе особенностей звукового оформления речи студента (билингва) на неродном языке более уместен термин «фонетическая интерференция», указывающий на то, что интерференция происходит в речи, на уровне реализации фонологического компонента языка.

Источником отрицательной фонетической интерференции, например на сегментном уровне, являются различия контактирующих языков в составе фонем и их позиционно-комбинаторных аллофонов, несовпаде-

ние фонемной дистрибуции, синтагматики и фонотактики. При этом характер проявления интерференции во многом определяется типологическим сходством и генетическим родством контактирующих языков. Рассматривая фонетическую интерференцию в психолингвистическом плане, прежде всего нарушением (искажением) вторичной языковой системы и ее нормы в результате взаимодействия в сознании говорящего фонетических систем и произносительных норм двух, а иногда и более языков, проявляющегося через интерференцию слуховых и произносительных навыков. Наряду с этим фонетическая интерференция может давать и положительный результат, например в случае артикуляторно-акустического сходства звуковых реализаций фонем контактирующих языков. Поскольку фонетическая интерференция (как и интерференция вообще) – это двусторонний процесс, либо проявление фонетических искажений может провоцироваться не только особенностями первичной, но и вторичной звуковой системы.

Проблема нормализации произношения у обучающихся, содержащего акцентогенные черты, уточнение и осмысление закономерностей формирования последних продолжает оставаться в числе наиболее приоритетных научных направлений фонетистов Ленинградской школы.

Среди отечественных ученых, развивающих теорию фонетической интерференции, наиболее весомый вклад внесли А. А. Метлюк (Метлюк, 1977, 1982, 1986 (а), 1986(б), 1987, 1989; Metlyuk, 1987), Г. М. Вишневская (1978, 1980, 1981, 1984, 1985(а), 1985(б), 1987, 1989(а), 1989(б), 1990, 1991, 1993(а), 1993(б), 1993(в), 2001, 2002, 2005), Л. Г. Фомиченко (1996, 1998, 2005), коих по праву можно назвать основоположниками данного лингвистического направления.

А. А. Метлюк начал разработку проблематики просодической интерференции (ПИ) с изучения просодии родного – белорусского языка – как источника интерференции. В ее понимании ошибочный узус просодической системы изучаемого (иностранного) языка есть наиболее устойчивое и распространенное явление языковой интерференции вне зависимости, явилась ли возникшая ПИ результатом естественного или искусственного («классного») двуязычия. Анализируя ситу-

ацию белорусско-русского естественного и белорусско-английского искусственного двуязычия, автор выстроила сопоставляемые просодические системы, установила основные различия в просодии белорусского и английского, а также белорусского и русского языков и пришла к выводу о возможности выявления потенциальной интерференции, знание о строе которой даст возможность определить критерии отбора просодических структур при обучении иностранному произношению.

Выявленные в ходе исследования группы интерферентных явлений в русском и белорусском языках затронули все просодические подсистемы. Основная трудность заключалась в отсутствии на тот момент целостного описания просодической системы белорусского языка. Результаты проведенного анализа доказали, что просодическая система в обоих языках имеет сходные функциональные тональные конфигурации, тем не менее имеется конкретно-языковая специфика (например, характер восходящего движения тона, распределение тона на безударных слогах).

Белорусское ударение является количественным, его наиболее константный акустический признак – длительность, в то время как в английском языке ударение определяется как динамическое, количественное и качественное, с ведущим акустическим параметром интенсивности (ср. данные Ю. А. Дубовского 1978). Ядерное ударение в белорусском языке детерминировано структурой акустических признаков выделенности по частоте основного тона и длительности – в английском более важным представляется яркий контраст высотно-тональных характеристик ударного и безударных слогов.

Ритмический рисунок также различен: в белорусском – ритм формируется большим числом полных ударений, чем в английском, и в большей степени опирается на ритм слова. Наблюдается меньшая степень контраста ударного слога относительно проклитиков и энклитиков в белорусском языке, тенденция к унификации длительности слогов, что аудитивно воспринимается как меньшая четкость белорусского ритма по сравнению с английским.

Сопоставление тонального контура поведения, общего вопроса, специального

вопроса и побуждения обнаруживает различия в соотношении высотных уровней начала и конца контура и в локализации тонального пика.

Различие в темпоральных подсистемах сопоставляемых языков заключается: «1) в меньшей зависимости длительности английского ритмического такта от количества слогов в нем, 2) в большей длительности ядерного ритмического такта в белорусском языке, 3) в меньшей вариативности длительности ритмических тактов во фразе в английском и большей частотности фраз с чередованием долгих и кратких ритмических тактов в белорусском языке» [6, р. 92–93].

Указанные различия предопределили сферу ПИ при белорусско-английском искусственном двуязычии, основа проявления которой заключается в нарушении языкового кода (формы просодических единиц языка, входящих в акцентную, ритмическую, тональную и темпоральную подсистемы). Неестественность интерферирующей речи, ее аффективность и акцентная выраженность прямо пропорциональны числу и характеру просодических отклонений. Интегральные свойства белорусской фразы (максимальный и минимальный уровни частоты основного тона, меньшая максимальная интенсивность, большая длительность второго и главноударного слогов) определяют возможные отклонения в речи белорусов, говорящих по-английски.

Среди выявленных постоянных и факультативных интерферирующих признаков в английской речи белорусов наиболее значимыми оказались отклонения в акцентной и ритмической подсистемах, выполняющие смысловую нагрузку. Существенны также отклонения, заключающиеся в функциональной трансформации просодических элементов интерферируемого языка, что проявляется как несоответствие просодии фразы ситуации общения.

Г. М. Вишневская обратилась к ПИ в ее неразрывной связи с проблемой иноязычного акцента, полно и всесторонне исследованного ею как комплекса системных и устойчивых отклонений в речевом поведении билингва, возникающего в результате интерферентного процесса между просодическими системами родного и неродного языков. Она четко разграничила ПИ как определенный речевой

процесс, имеющий место в лингвистическом сознании индивида при взаимодействии двух или более языковых систем, и акцент как результат или следствие этого процесса при сохранении их тесной диалектической причинно-следственной связи.

ПИ может включать в себя элементы как отрицательного, так и положительного результата контактирования языков, более того, она скрыта, ненаблюдаема, относится к внутреннему плану индивида и локализована в нем. Акцент проявляется во внешней перцептивной среде, он существует лишь для слушателя, являет собой результат объективного отражения в его языковом сознании. Тем не менее акцентные черты объединены в структуре единого речевого механизма. Нередко к появлению акцентных черт в речи на иностранном языке приводит прямой перенос языковых моделей и характеристик из родного языка (особенностей артикуляционной базы, фонологической и интонационной системы и др.). Однако установлено, что не всякая интерференция на уровне просодии ведет к появлению иноязычного акцента в речи билингва, а также не все неестественные признаки интерферентной речи есть следствия влияния родного языка.

Она доказала также, что, помимо уровня владения иностранным языком, на степень проявления акцентных черт влияют психологические особенности мышления билингва (гибкость переключения языковых кодов, моторика и сенсорика при восприятии и порождении иностранной речи), степень развитости фонематического и интонационного слуха, языковая способность к усвоению иностранного языка, условия конкретной речевой ситуации и др.

В ситуации устного речевого общения коммуникация имеет двусторонний характер, при этом фактор адресата и адресанта одинаково важны. Нормативность продуцирования и адекватность восприятия служат залогом адекватности и результативного речевого общения в целом. Акцент легко идентифицируется в речи воспринимающим носителем языка, однако степень воздействия акцента на реципиента зависит не только от собственно лингвистических, но и от социалингвистических и экстралингвистических факторов и носит достаточно субъективный

характер. Даже в том случае, когда коммуникативная намеренность высказывания сохраняется, затрудненное восприятие вызывает снижение заинтересованности коммуниканта в акте общения. Особая роль в коммуникативном воздействии на слушателя принадлежит интонации, сверхсегментные характеристики которой способны придавать речи неестественность звучания и участвовать в создании акцента.

Современные исследования в области просодии показывают, что произношение является базовой характеристикой речи, основой для развития и совершенствования всех

остальных видов речевой деятельности. Овладение звуковым строем – обязательное условие общения. Во время чтения и письма работает внутреннее проговаривание, то есть внутреннее озвучивание и произношение. Данное утверждение имеет особое значение при обучении иностранному языку, где просодические характеристики высказываний могут стать причиной коммуникативных сбоев, так как в каждой лингвокультурной общности существуют сложившиеся в общенациональном сознании стереотипы реализации тех или иных ситуаций общения.

Литература

1. Анашкина И. А. Методические приемы преодоления просодической интерференции при обучении контактоустанавливающим репликам на английском языке // Просодические аспекты билингвизма: межвузовский сборник научных трудов. Иваново: ИвГУ, 1992. С. 28–32.
2. Вайнрайх У. Одноязычие и многоязычие // Новое в лингвистике. Вып. 6. М.: Прогресс, 1972. С. 48–63.
3. Гавранек Б. К проблеме смешения языков // Новое в лингвистике. Вып. 6. М.: Прогресс, 1972. С. 98–127.
4. Зиндер Е. Г. Общая фонетика // Экспериментальная фонетика. Вып. 2. М.: Высшая школа, 1984. С. 41–91.
5. Интерференция звуковых систем / под ред. Л. В. Бондарко, Л. А. Вербицкой. Ленинград: ЛГУ, 1987. 279 с.
6. Метлюк А. А. Научные исследования кафедры теоретической и экспериментальной фонетики Минского ГПИИЯ (к 20-летию кафедры) // Проблемы автоматического и экспериментально-фонетического анализа текстов: сборник научных статей. Минск: МГПИИЯ, 1986. С. 92–112.
7. Чугаева Т. Н., Штерн А. С. Изучение механизма восприятия речи в условиях интерференции // Экспериментально-фонетический анализ речи: проблемы и методы: межвузовский сборник. Вып. 2. Ленинград: ЛГУ, 1989. С. 38–52.

References

1. Anashkina I. A. Metodicheskie priemy preodoleniya prosodicheskoi interferentsii pri obuchenii kontaktoustanavlivayushchim replikam na angliiskom yazyke (Methodical methods of overcoming of a prosodic interference when training in kontaktoustanavlivayushchy remarks at English of) // Prosodicheskie aspekty bilingvizma: Mezhvuzovskii sbornik nauchnykh trudov (Prosodic aspects of a bilingualism: Interuniversity collection of scientific works). Ivanovo: IvSU, 1992. S. 28–32.
2. Vaynraykh U. Odnoyazychie i mnogoyazychie (Monolingualism and multilingualism) // Novoe v lingvistike (New in linguistics). Issue 6. M.: Progress, 1972. P. 48–63.
3. Gavranek B. K probleme smesheniya yazykov (To a problem of confusion of languages) // Novoe v lingvistike (New in linguistics). Issue 6. M.: Progress, 1972. P. 98–127.
4. Zinder E. G. Obshchaya fonetika (General phonetics) // Eksperimental'naya fonetika (Experimental phonetics). Issue 2. M.: The higher school, 1984. P. 41–91.
5. Interferentsiya zvukovykh sistem (Interference of sound systems) / ed. by L. V. Bondarko, L. A. Verbitskaya. Leningrad: LSU Publ., 1987. 279 p.
6. Metlyuk A. A. Nauchnye issledovaniya kafedry teoreticheskoi i eksperimental'noi fonetiki Minskogo GPIIYa (k 20-letiyu kafedry) (Scientific researches of department of theoretical and experimental phonetics of the Minsk GPIIYa (to the 20 anniversary of department) // Problemy avtomaticheskogo i eksperimental'no-foneticheskogo analiza tekstov: Sbornik nauchnykh statei (Problems of the automatic and experimental and phonetic analysis of texts: Collection of scientific articles). Minsk: MGPIIYa Publ., 1986. P. 92–112.
7. Chugayeva T. N., Stern A. S. Izuchenie mekhanizma vospriyatiya rechi v usloviyakh interferentsii (Studying of the mechanic of perception of the speech in the conditions of an interference) // Eksperimental'no-foneticheskii analiz rechi: problemy i metody: Mezhvuzovskii sbornik (The experimental and phonetic analysis of the speech: problems and methods: Interuniversity collection). Issue 2. Leningrad: LSU Publ., 1989. P. 38–52.

УДК 070 (091)

Ю. А. Клец

ПОЛЕМИКА В СТОЛИЧНОЙ И ПРОВИНЦИАЛЬНОЙ ПРЕССЕ О ГУБЕРНСКИХ ВЕДОМОСТЯХ НАЧАЛА XX ВЕКА*

В статье на основе архивных материалов рассмотрена дискуссия в дореволюционной прессе о типологической специфике, месте и роли правительственных губернских ведомостей в системе печати начала XX века.

Ключевые слова: официальная провинциальная дореволюционная пресса, губернские ведомости.

Y. A. Klets

DEBATE ABOUT GUBERNSKIE VEDOMOSTY IN CAPITAL CITY AND LOCAL PRESS IN THE BEGINNING OF XX CENTURY

The article deals with archival materials about discussion in pre-revolutionary press of the typological specifics, place and the role of government gubernskie vedomosty in the printing system in the beginning of XX century.

Key words: official, provincial, prerevolutionary print press, gubernskie vedomosty.

Официальная местная периодика неоднократно становилась предметом исследования теоретиков и историков журналистики, рассматривающих губернские ведомости не только как источник исторических, экономических, этнографических и т. д. сведений, но в первую очередь как тип издания в системе периодики XIX – начала XX вв. Сегодня можно говорить об актуализации этого интереса. В последние годы вышли работы О. И. Лепилкиной, в которых исследуется типологическая специфика губернских ведомостей как элементов системы провинциальной печати того периода [7], В. В. Шевцова, посвященные «Томским губернским ведомостям» в социокультурном и информационном пространстве Сибири [20], Ю. В. Лучинского, где воссоздается на основе архивных источников история «Кубанских войсковых ведомостей» [9], Ю. Л. Мандрики, выполнившего диссертационное исследование по неофициальной части «Тобольских губернских ведомостей» [10] и др.

Цель данной статьи – реконструировать и проанализировать дискуссию в столичной и провинциальной прессе начала XX века о губернских ведомостях как типе издания, их месте и роли в системе печати России и необходимости их типологической трансформации в связи с запросами аудитории и информационными потребностями того периода.

Губернские ведомости представляли собой сеть правительственных официальных газет, выходивших на территории Российской империи с 1838 по 1917 гг. Проект повсеместного издания губернских ведомостей в России возник в 1830 г. и предполагал, что в губерниях «по мере удобства и местной надобности» будут создаваться газеты для облегчения работы канцелярий [см. подробнее 7, 8].

В начале XX века правительство целенаправленно поднимает вопрос об использовании газет в идеологических целях пропаганды собственной политики и информационного отпора оппозиционной прессе. Архивные документы «Российского государственного исторического архива» позволили восстановить логику указанных законодательных изменений, назвать причины, побудившие правительство «усилить» сеть губернских изданий, рассмотреть возникавшие вокруг данных решений дискуссии [см. подробнее 6].

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Цензурная политика в отношении официальной местной прессы (на архивных материалах о «Ставропольских губернских ведомостях)», проект № 11-31-00738м.

Интерес представляют архивные материалы, позволившие ввести в научный оборот сведения о съезде представителей официальной провинциальной печати – 1901 г., собранном для пересмотра информационной политики сети ведомостей. Инициативу проявил редактор «Правительственного вестника» К. К. Случевский. В записке на имя возглавлявшего Главное управление по делам печати князя Н. В. Шаховского, датированной декабрем 1900 г., редактор отмечал: «Неоднократно возникала в Министерстве Внутренних дел мысль о необходимости пересмотреть и, по возможности, объединить программы губернских ведомостей. В настоящее время официальные издания эти настолько разнообразны, что между ними имеются такие, которые успешно конкурируют с местными частными изданиями, но зато есть и другие, не имеющие иного содержания, кроме правительственных и административных распоряжений. При выработке общей программы губернских ведомостей представляется возможным установить взаимодействие между ними и «Правительственным вестником» и наоборот. Все губернские и областные ведомости могли бы сообщать в «Правительственный вестник» телеграфические известия обо всех выдающихся событиях местной жизни <...>. «Правительственный вестник» мог бы передавать по телеграфу в губернские и областные ведомости важнейшие правительственные распоряжения и сообщения, имеющие общегосударственное значение» [4, л. 1–2]. По мысли К. К. Случевского, для реформы губернских газет необходимо было создать «особую комиссию редакторов лучших губернских и областных ведомостей». К подобным передовым изданиям он отнес 16 газет: Витебские, Вятские, Гродненские, Калужские, Кубанские, Нижегородские, Олонецкие, Пермские, Полтавские, Саратовские, Тамбовские, Терские, Тульские, Туркестанские, Харьковские, Ярославские губернские ведомости. Здесь следует согласиться с оценкой положения газет, сделанной исследователем губернских ведомостей В. В. Шевцовым: «К началу XX века сложилась парадоксальная ситуация: те ведомости, которые систематически нарушали утвержденную законом программу, усиливали неофициальную часть, наполняя ее запрещенными рубриками (театральная

критика, местная хроника, корреспонденции, фельетон, смесь и т. д.) заслужили внимание и одобрение Главного управления по делам печати; мнение их редакторов было затребовано столицей в качестве основания для возможного реформирования сектора правительственных изданий, ведомости же, следовавшие законодательным рамкам и потому не получавшие взысканий, оказались в ряду аутсайдеров» [21, с. 92].

Работа съезда проходила с 9 по 19 апреля 1901 г. Обсуждаемые вопросы, делились на два блока: «вопросы, выясняющие фактическое положение ведомостей» (сколько имеется редакторов: один или два; состав редакции и кем он определяется, какие имеются сотрудники и корреспонденты; каков доход от объявлений и розничной продажи и сколько отчисляется на улучшение редакционного дела; замечается ли колебание в цифре подписчиков и чем объясняется и т. д.) и «вопросы, определяющие желательные изменения в условиях издания ведомостей» (полезно ли вводить в ведомости, кроме статей о местных интересах, статьи общего характера; соответствует ли характеру ведомостей критическое отношение к правительственным и административным предприятиям и распоряжениям; следует ли ведомостям вступать в полемику с другими печатными органами; какова должна быть структура издания и др.) [5, л. 4–5].

Первый съезд редакторов губернских ведомостей широко освещался в печати и даже вызвал дискуссии на страницах центральной и местной прессы. Мнения изданий разделились на положительные и отрицательные. В фондах РГИА сохранилось 17 критических и 16 одобрительных отзывов. Часть прессы поддерживала идею возрождения губернских ведомостей, считала перспективными и сам съезд, и предстоящую реформу. Противники данной точки зрения, как правило, были сторонниками мнения о том, что «губернские ведомости, как их не переряжай, все же останутся полицейским органом, узко-односторонним, и будущего за ними как за общественной силой признать нельзя» [3], считали предприятие безрезультатным. С этой точкой зрения выступали, как правило, крупные центральные газеты: «Россия», «Русское слово», «Санкт-Петербургские ведомости», «Биржевые ведомости» и т. д.

Положительную оценку и ведомостям, и реформе дает газета «Новости дня» [13], считая, что «местная жизнь остается без освещения, местные интересы остаются без защиты и разработки», и именно ведомости могли бы стать «примером спокойной, справедливой в суждениях и отзывах газеты, ставящей себе одну цель – выяснение значения местных интересов в согласии с интересами общегосударственными». По мысли журналиста, обширная российская провинция и ее интеллектуальные силы остаются исключенными из информационных процессов, сконцентрированных в центре. Частная пресса подвергается резкой критике автора за слабость, малочисленность, предвзятость, тенденциозность, зависимость от издателя. Точка зрения автора, подписавшегося В. В-мъ, вызвала последующую дискуссию.

Ответом на довольно оптимистичные прогнозы московской газеты «Новости дня», заявившей, что «ведомости могли бы явиться проводником всякой культурной идеи», явилась публикация в газете «Россия». Уже в заголовке сформулировано отношение к предыдущему тексту и предстоящей реформе в целом – «Чем они не могут быть...» [15]. Автор, подписавшийся «Далин», считает, что «вся эта благодать только мечтание одно», так как информационная политика газет всецело зависит от местной администрации: «мыслимо ли вообще хоть какое-либо мало-мальски свободное местное публицистическое служение при таком обязательном полном подчинении губернской администрации, при очевидной невозможности не только изобличения каких бы то ни было ее собственных беззаконий, но даже и критического отзыва о ее мероприятиях». Поэтому ведомости, по мысли автора, не способны объективно отражать местную жизнь, что является делом частных изданий: «...как вы этот отдел [неофициальный] не называйте, он все-таки отдел органа губернского начальства, им издается и только согласно с его взглядами и приказаниями редактируется. Тут обязательно и умолчание, и одностороннее освещение, словом, не писательское, а чиновничье служение <...> издание политических и общественных газет – совсем не дело губернского правления» [16]. Далин предлагал съезду сделать из неофициальной части ведомостей «сборник всяких полезных сведений».

Следующим ответом автору «Новостей дня» являлась публикация в «Русском слове» «О губернских ведомостях» [18]. Автор, подписавшийся «Свой», опасается того, что реформа задержит рост провинциальной печати и создаст монополию печатного слова. Следует отметить, что многие авторы отзывов, несмотря на критику официальной прессы, достаточно высоко оценивали конкурентные возможности ведомостей. Тот же журналист в следующем номере возвращается к развернувшейся полемике и утверждает, что и частная печать зависима может быть даже в большей степени от издателя, чем официальная от властей, но ведомости по своим программным установкам не смогут критически освещать мероприятия местной власти, а соответственно теряют прямое функциональное назначение провинциальной прессы – объективное отражение местной жизни.

Отдельный материал журналист под псевдонимом «Свой» посвятил причинам, дающим возможность губернским ведомостям тормозить развитие частной прессы. Это прежде всего «система навязанной подписки», существующей повсеместно «как бы даже узаконенной, освященной традициями». Во-вторых, само разрешение на издания частных газет отклоняется на основании того, что для небольших городов достаточно одной газеты. В-третьих, ведомости, по мнению журналиста, «косвенно дурно влияют на развитие печатного дела вообще», так как связанные законодательно с губернскими типографиями, они забирают часть дохода последних на покрытие собственных расходов. Автор заключает материал предложением: «Не лучше ли было бы совсем упрятать это роковое слово „губернские“ и превратить ведомости в частные органы» [18].

Часть изданий – участников полемики – делились положительным либо отрицательным опытом издания различных губернских ведомостей. В частности, «Северный край» [19] рассказал об издании «Вологодских губернских ведомостей», которые по инициативе местного губернатора были преобразованы в ежедневное издание с программой из 20 отделов, характерных для частной прессы, и при повышении подписной цены всего на 1 руб. (для сохранения подписчиков), сумели расширить аудиторию и даже приносить доход.

Автор газеты «Новости» сатирически высмеивает материалы журналистов тамбовских и тульских губернских ведомостей: первого – за то, что он ведет историю Тамбовской губернии практически от Гомера, а второго – за то, что он «довольно безграмотно, но горячо сожалеет о состоявшемся в 1861 г. упразднении рабства для нашей „меньшей братии“» [14], тем самым наглядно показывая и качество текстов в изданиях, и бесперспективность реформы.

Журналист газеты «Бессарабец», отрицательно оценивая губернские ведомости, предложил собственный альтернативный вариант реформы: «Не полезнее ли было бы создать условия, при которых частная печать могла бы выполнять эту культурную миссию, а непроизводительные затраты, какие вызвало бы издание губернских ведомостей, употребить на содержание отдельных цензоров. Тогда и казенными интересами не придется рисковать, приплачивая из года в год за издание, и условия для выполнения культурных задач частной печатью станут и нормальные, и благоприятные для ее развития» [1].

С положительной характеристикой идеи съезда выступали сами губернские ведомости. Так, «Могилевские губернские ведомости», ознакомив аудиторию в общих чертах с историей, законодательным регулированием и спецификой ведомостей, говорили о несостоятельности развернувшейся дискуссии, так как «большая пресса не читает губернские ведомости», судит о них поверхностно, «предъявляет несоразмерные требования, огульно обвиняя в том, в чем они не повинны» [11]. Автор подчеркивает особую нишу и особую роль данного типа издания в системе печати России.

Б. Богданович, автор «Бессарабских губернских ведомостей», проводит ту же идею. Интересно построен материал автора «Еще по вопросу о реформе „Губернских ведомостей“» [2]. Журналист берет тезис центральных изданий и приводит собственный

аргумент против. Подчеркивая крайне враждебное отношение частных газет к съезду, автор объясняет это в первую очередь опасениями конкуренции. Говоря о закрытии ведомостей оппоненты, по мнению журналиста, не учитывают важной задачи изданий – публикацию официальной информации, законов, распоряжений, казенных объявлений, которой не выполняет не один другой тип прессы. Материальное положение изданий оценивалось частной прессой крайне ошибочно: автор утверждал, что издание ведомостей приносит доходы типографиям, а не расходы, хотя данный тезис неоднократно использовался противниками реформы в дискуссии. Б. Богданович приводит примеры ведомостей с тысячами подписчиков, в которых сотрудничают лучшие силы местной интеллигенции, и утверждает, что при желании можно совместить интересы общества и власти, однако частная пресса их постоянно противопоставляет.

Среди публикаций были мнения о том, что ведомости должны быть прежде всего органами статистических комитетов «как местных ученых обществ губернии», отражать их деятельность по изучению и развитию края, но для этого реформа необходима не только газетам, но и самим комитетам [17].

В данной дискуссии были и издания, придерживающиеся нейтральных позиций. Так, автор «Нового времени», взвешивая все плюсы и минусы губернских ведомостей, приходит к выводу, что «реформа будет иметь превосходный результат, когда всюду бок о бок с такими преобразованными «Ведомостями» появится частная провинциальная газета, без которой ныне обходятся многие губернии» [12].

Однако, несмотря на общественный резонанс, большой объем проделанной работы, конкретные сформулированные пункты программы, выработанные пункты реформы произведены не были и изменились ведомости уже позже в условиях революции.

Литература

1. Бессарабец. 1901. № 94.
2. Бессарабские губернские ведомости. 1901. № 81.
3. Биржевые ведомости. 1901. № 97.
4. ГКАУ «Российский государственный исторический архив». Ф. 785. Оп. 1. Д. 354.
5. ГКАУ «Российский государственный исторический архив». Ф. 785. Оп. 1. Д. 55.
6. Клец Ю. А. Съезды представителей губернских и областных ведомостей 1901 г. и 1916 г.: дискуссии и решения // Информационное пространство: проблемы теории и практики. Краснодар: КубГУ, 2012. С. 343–350.

7. Лепилкина О. И. Система русской провинциальной периодической печати (XVIII – начало XX в.). М.: Илекса, 2010. 364 с.
8. Лепилкина О. И., Клец Ю. А. «Ставропольские губернские ведомости» (1850–1917 гг.) в разные периоды развития: изменения типологических характеристик // Вестник Ставропольского государственного университета. 2008. Вып. 58 (5). С. 53–60.
9. Лучинский Ю. В. «Провинциальные братья»: кубанская модель губернских ведомостей // Журналистика: историко-литературный контекст. 2003. Вып. 2. С. 9–21.
10. Мандрика Ю. Л. Неофициальная часть губернских ведомостей как тип провинциального издания (на примере «Тобольских губернских ведомостей»): дис. ... канд. филол. наук. Воронеж: ВГУ, 2004. 159 с.
11. Могилевские губернские ведомости. 1901. № 23.
12. Новое время. 1901. № 9022.
13. Новости дня. 1901. № 6391.
14. Новости. 1901. № 98.
15. Россия. 1901. № 696.
16. Россия. 1901. № 701.
17. Россия. 1901. № 705.
18. Русское слово. 1901. № 95.
19. Северный край. 1901. № 62.
20. Шевцов В. В. «Томские губернские ведомости» (1857–1917 гг.) в социокультурном и информационном пространстве Сибири. Томск: ТГУ, 2012. 414 с.
21. Шевцов В. В. Деятельность комиссии по пересмотру правил об издании губернских и областных ведомостей (1901 г.) // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 247. С. 92–96.

References

1. Bessarabets. 1901. № 94.
2. Bessarabskie gubernskie vedomosti. 1901. № 81.
3. Birzhevyie vedomosti. 1901. № 97.
4. Russian state historical archive (RGIA). F. 785. Op. 1. D. 354.
5. RGIA. F. 785. Op. 1. D. 55.
6. Klets Y. A. S'ezdyi predstaviteley gubernskih i oblastnyih vedomostey 1901 i 1916 gg.: diskussii i resheniya (The congresses of representatives of the provincial and regional statements in 1901 and 1916: discussions and decisions) // Informatsionnoe prostranstvo: problemyi teorii i praktiki (Information Space: problems of theory and practice). Krasnodar: Kub. SU, 2012. P. 343–350.
7. Lepilkina O. I. Sistema russkoy provintsialnoy periodicheskoy pechati (XVIII – nachalo XX v.) (Russian provincial periodicals system (XVIII – beginning of XX century). M. Ilekse, 2010. 364 p.
8. Lepilkina O. I., Klets Y. A. «Stavropolskie gubernskie vedomosti» (1850–1917 gg.) v raznyie periodyi razvitiya: izmeneniya tipologicheskikh harakteristik («The Stavropol provincial Gazette» (1850–1917) in different periods of development: change of typological characteristics) // Vestnik Stavropolskogo gosudarstvennogo universiteta. 2008. No. 58 (5). P. 53–60.
9. Luchinskiy Yu. V. «Provintsialnyie bratya»: kubanskaya model gubernskih vedomostey («Provincial brothers»: Kuban model Provincial Gazette) // Zhurnalistika: istoriko-literaturnyy kontekst. 2003. Issue 2. P.9 – 21.
10. Mandrika Yu. L. Neofitsialnaya chast gubernskih vedomostey kak tip provintsialnogo izdaniya (na primere «Tobolskih gubernskih vedomostey») (The informal part of the Provincial Gazette as a type of provincial publications (for example, «Tobolsk Provincial Gazette»): dis. ... kand. filol. nauk. Voronezh: VSU, 2004. 159 p.
11. Mogilevskie gubernskie vedomosti. 1901. № 23.
12. Novoe vremya. 1901. № 9022.
13. Novosti dnya. 1901. № 6391.
14. Novosti. 1901. № 98.
15. Rossiya. 1901. № 696.
16. Rossiya. 1901. № 701.
17. Rossiya. 1901. № 705.
18. Russkoe slovo. 1901. № 95.
19. Severnyiy kray. 1901. № 62.
20. Shevtsov V. V. «Tomskie gubernskie vedomosti» (1857–1917 gg.) v sotsiokulturnom i informatsionnom prostranstve Sibiri («Tomsk Provincial Gazette» (1857–1917) in the socio-cultural and information space of Siberia). Tomsk: TSU, 2012. 414 p.
21. Shevtsov V. V. Deyatelnost komissii po peresmotru pravil ob izdanii gubernskih i oblastnyih vedomostey (1901 g.) (Activities of the Commission on the revision of the rules on the publication of the provincial and regional Gazettes (1901) // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2011. No. 247. P. 92–96.

УДК 81-11

Г. Э. Маркосян, И. И. Лизенко

**«ИГРА» КАК СРЕДСТВО ВЕРБАЛИЗАЦИИ КРЕАТИВНОГО
ТИПА МЫШЛЕНИЯ В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТАХ**

В данной статье определяются наиболее эффективные пути вербализации креативного мышления в процессе включения художественного текстообразования в своеобразную «языковую игру». В качестве операциональной детерминанты особого стиля текстов, ориентированных на вербализацию креативного типа мышления, выступает совокупность языковых аномалий, реализация

которых на всех уровнях текста служит материалом для исследований автором потенциальных возможностей языка как системы и репрезентации в вербальной форме своего миропонимания и рефлексивной реальности.

Ключевые слова: языковая игра, семантика возможных миров, креационистский текст, этимологическое переразложение, лингвистический эксперимент.

G. E. Markosyan, I. I. Lizenko

**PLAY OF WORDS AS A MEANS OF CREATIVE THINKING
VERBALIZATION IN LITERARY TEXTS**

The article studies the most efficient ways of verbalizing creative thinking by means of actualizing the play of words in literary text. The operational determinant of a special style of texts aimed at verbalizing creative thinking is a set of language deviations which can be realized at all text levels and serve the material

to study potential opportunities of language as a system and its representation in a verbal form as regards the author's outlook and reflective reality.

Key words: play of words, semantics of potential worlds, creationistic text, etymological decomposition, linguistic experiment.

В определении путей вербализации креативного мышления художественное текстообразование должно быть включено в специфическую «языковую игру» по *продуцированию особого языка* (выделено авт.), наибольшую репрезентацию данный феномен получает в текстах потока сознания, текстах абсурда и парадоксальных возможных миров.

Уникальную способность некоторых авторов создавать язык отдельного миропонимания В. А. Подорога разъясняет следующим образом, необходимо четко осознавать тот факт, что текст самого автора является закономерным инструментом развития языковой системы на всех её уровнях – грамматическом, морфологическом, синтаксическом. Проблемой является то, что парадигма словоизменения и словообразования в языке конкретного автора всегда будет ущербной и неполной по отношению ко всей системе языка, ведь, допустим, словоизменительная

парадигма окказионального имени не всегда применима к другому узуальному имени. Любая естественно развивающаяся система представляет собой некий «живой» организм, имеющий безграничные возможности для развития, но лишь один из этих путей является верным и беступиковым, что же случится, если продуцент такого текста (такого языка) пойдет неверным путем? «То есть то, что является для него идеальным органическим телом языка, которое равноправно бы, беступиково развивалось во все стороны – для нас это, в конечном итоге, привыкшим к определенным ограничениям языка, представляется как (нечто) механическое...» [цит. по: 2, с. 111].

«Языковая игра» осуществляется продуцентом, склонным к креативному типу мышления, которое С. Н. Бредихин называет «мышлением на грани и за границами языка» [6, с. 117], на двух уровнях деривации: когнитивно-валерном и вербализаторском.

Для наилучшего понимания данных процессов мы рассмотрим обе эти возможности, для чего обратимся к интерпретациям прецедентных текстов вымышленного мира некоторых англоязычных писателей. Само собой разумеется, что когнитивно-валерные изыски (игра с набором нозм) невозможны без привлечения языкового выражения, или хотя бы без прогностического учета его перлокутивного эффека.

Так, В. А. Подорога отмечает, что в подобных текстах доминантным может являться лишь единственный прием, который имеет универсальные характеристики применимости в различных типах текстов и в различных лингвокультурах – это расщепление, а С. Н. Бредихин придерживается мнения о последующем этимологическом переразложении – каждое понятие «вербализуется по-новому с учетом узловых элементов конструкторов, его составляющих, а потому реализует совершенно новые отношения внутри структуры, актуализирует периферийные для узального понятия нозмы» [3, с. 491–492]. Данный прием регулируется различными языковыми средствами: на фонетическом уровне сменой тона, а на графическом – дефисным написанием нового понятия.

Соглашаясь с С. Н. Бредихиным, необходимо прежде всего интерпретировать его исследования, касающиеся особых символических языков и трансформаций деривационных моделей в русле креационистских текстов. В своих работах он пользуется достаточно трудной для восприятия и предельно осложняющей интерпретацию его идей терминологией, вербализующей особые мыслительные и игровые ходы. Рассмотрим пассажи автора, посвященные употреблению дефисного написания и смены тона (*Wechsel der Tonart*) в процессе этимологического переразложения при вербализации креативного типа мышления.

Дефисное написание возвращает исходный смысл лексемы, путем переразложения компонентов и анализа этимологического значения. Креативисты мыслят исходную деятельность языка, учитывая некий, как нам кажется, весьма эфемерный *gap* – разрыв между когнитивно-валерным пространством (мыслью автора) и вербализатором (языковыми средствами выражения мысли), данный феномен понимается в работах С. Н. Бредихина как «набросок», «прорись» –

проступание изначального смысла через нанесенные временем изменения и словарное значение. Эту работу в языковой системе как реализацию креативного типа мышления можно произвести с помощью написания уже имеющегося в естественном языке слова через дефис, чем автор в своих исследованиях пользуется достаточно часто. Допустим известный тезис М. Хайдеггера о гипостазировании «этимологического переразложения» (термин С. Н. Бредихина), который называет это искомым единством предмета языка разбиением (*Aufriß*). Это название призывает реципиента рассмотреть своеобразие конкретного языка более пристально. Данная лексема узнаваема в своем современном варианте со словарным значением «разрыв». Однако исходное значение *rip* (*Riß*) то же, что и в глубинном содержании лексемы *rasp* (*ritzen*) – «царапать». Однако во множестве диалектов как английского, так и немецкого языков выражение «разбить сад» до настоящего времени содержит элементы глубинного содержания «провести борозды» – нарушение целостности и замкнутости системы для внесения чего-то нового, дающего плоды. Разделение (*Auf-riß*) является совокупностью разрозненных линий в наброске, который опредмечивает раздвинутое и разомкнутое языковое пространство. Именно разделение и разложение некоего псевдоцелостного и является той структурой демонстрации реальной мысли автора, оно определяет место продуцента в речи и объекта сказывания, высказанного и неслышанного, продуцент речи производит это, «используя лишь нивелировку кванторов валерности общей структуры смысла для продуцента или реципиента как результат деструкции и нивелировки отношений в суперконструкте» [3, с. 493–494].

Однако здесь возникает закономерный вопрос: чем является след на поверхности? Может быть, это сама текстура для различения материала или предмета или вещи? Но для текста, вербализующего креативное мышление, как можно видеть, наличие, как и сам процесс оставления следа, является прежде всего *определенным знаком*, не вырисовыванием нового на нейтральном холсте, а совсем наоборот – проявлением скрытой доселе структуры под наслоением, скрытые потенции языка раскрываются.

Только разрыв четкой привычной структуры при проявлении стремления к креационизму в текстовом пространстве «даёт нам необходимые характеристики идентификации нозматической структуры, система языка остаётся лишь потенцией (семы – чёрная дыра, нозмы – квазар)» [4].

Дефисное написание создает в процессе этимологического переразложения саму форму креативных текстов, которой нельзя пренебрегать, если речь ведется об адекватной интерпретации и переводе. Эта текстура чрезвычайно рельефна. Однако само по себе вскрытие языковых возможностей, способность системы превращаться в картину творимого не является самоцелью. Именно выявление этимологических оснований в системе языка происходит только в случае указания на парадигматическое строение самой этой системы, проявление рельефности, являющейся способом усмотрения и прохождения намеченного пути. Путь (*Way*) сам по себе уже может рассматриваться как усилие, которое необходимо для «рефлексивной работы со-знания – порождать с осмыслением порождённого, на третьем уровне абстракции и с осмыслением механизмов порождения» [4], чтобы «не уйти от намеченного маршрута». Значит дефисное написание в этимологическом переразложении передает реципиенту имманентно присутствующими ему возможностями движение языка в творческом его начале.

Рассмотрим достаточно распространенную проблему: как, например, писать лексему *be*, представляющую собой одновременно и возможную для элиминации глагольную связку, и более всеобъемлющее именование всего сущего. При достаточно вольном обращении с подобными лесемами, репрезентирующими многомерный смысл, возникает аллюзия к переписчикам священных текстов, столь же осторожно обращавшимся с написанием имени Бога, с традиционным смачиванием пера в святой воде, или использованием апострофических знаков, также и продуцент креативного текста стоит перед проблемой поиска возможностей явить истинный смысл лексемы *be*, не потеряв ни одного кванта смысла. Если продуцент остановится на тривиальной форме *be*, то реципиент столкнется с неразрешимой проблемой несоотнесенности БЫТИЯ как такового с воспринимаемой лексемой, звуковой и гра-

фический комплексы *be* не имеют возможности передать всю смысловую нагруженность БЫТИЯ, его «немыслимость» неперевода. Однако создаются тексты, размышляющие о бытии – например философские или креационистские тексты, и поэтому слово *be* в качестве некоего конвенционального знака БЫТИЙНОСТИ требует материализации, написания или озвучивания. Иначе говоря, каждый продуцент, искусно владеющий языком и использующий его скрытые возможности, вполне отдаёт себе отчет в том, что между словом *be* и «бытием» так, как оно *есть*, существует зазор, который необходимо преодолеть, чтобы «бытие» смогло проявить себя в материи письма, не утратив своего уникального смысла. «Крестообразное проведение линии «по-казывает», открывает строение архаической четверицы, qeviert. Дефисное письмо в данном случае должно пониматься не через графический знак дефиса, а через крестообразное зачеркивание, отрицание творения его узурпального смысла и вскрытие новых окказиональных сторон, или придания изначального, преодолевающего разрыв между языковым и онтологическим существованием» [5, с. 154].

В использовании того или иного основания в связке с *be* существует определенная алгоритмическая закономерность, творимая, но все же объяснимая деривационная модель – где сложное высказывание формируется игровым использованием компонентов в структуре модели «некоторый определитель + *be* + основание» (*well-be-doing*). Поясним: мы не можем принять эту модель как некую конструкцию, содержащую приложение, ведь наличие не только синтаксической связи здесь очевидно – прослеживается слияние компонентов смысла в неразрывное нозматическое единство – здесь нет главного компонента, как мы привыкли наблюдать, «игровое начало» проникает везде и создает многомерную конструкцию.

Существует и другая сторона операции расщепления, реализующаяся в звуковом, речевом оформлении сменой тона (*Wechsel der Tonart*), неотделимая от уже описанной – дефисного написания, эта вторая форма действует в устной речи. Прогностическое алгоритмизирование текстопостроения и следование ему сами по себе являются средствами речепорождения. Все языковые потенции реализуются именно в акустическом

образе, артикуляторной базе развертывания мысли. Произнесением как при *про*-говаривании, так и при *вос*-приятии регулируются «правильные тактики интендирования» – правильное произнесение, в письменной речи обеспечивающиеся знаками интонирования (на графике отмечаются дефисным написанием). «Закон достаточного основания» является ярким примером в демонстрации алгоритма порождения при процедуре смены тона. При возникновении некоторых сложностей с интерпретацией того или иного высказывания возникает подлинное понимание, и часто данный процесс сопровождается сменой тона, например, универсальный закон рациональной метафизики, сформулированный Лейбницем гласит: *Nihil est sine ratione*, английский аналог: *Nothing is without course* (Ничто (не происходит) без основания (причины)). В латинской кальке сокрыт имманентный этимологический смысл греческого выражения, однако его реконструкция может быть осуществлена «на путях вы-слушивания и вы-сматривания его подлинной основы» [5, с. 90]. Верным тактикам интендирования здесь помогут процедуры смены тона и интонация. Каждая лексема должна подвергнуться отдельному в-слушиванию и интерпретации вне общего контекста высказывания. Именно таким образом, воспринимаемый поверхностно на уровне нозматической рефлексии смысл – *Nihil est sine ratione, Nichts ist ohne Grund, Nothing is without course*, может быть радикально изменен. Вспомогательный глагол-связка «есть» (*est, be*), служащий для обозначения особого вида предикации (*ist-Predikation*), при узуальном восприятии избегает актуализации смысла и воспринимается как некий легко опускаемый компонент суждений о существовании. Но в креационистских текстах необходим мгновенный «скачок» (*schift*) мышления в иную сферу (в «четверицу»), который совершается с помощью смены основного тона высказывания с актуализацией именно предикативного компонента «есть»: нельзя просто воспринимать выражение на основе формально-рационального типа мышления, не включая в парадигму креационистское мышление, подвергающее его изменению и дающее форму *Nothing is without course*. Восприятие в константах исчисляющего *ratio*, когда в рамках субъектно-предикативных отношений постулирует-

ся безотносительность СУЩЕСТВОВАНИЯ к БЫТИЙНОЙ основе. Ведь изначально в греческом варианте ещё существует прямое указание на смысловость компонента «есть» на древнюю неделимитированную форму «*beon*», являющуюся не просто письменным обозначением «бытия», но и БЫТИЕМ как таковым. «Не к сущему (*Nichts*), а к бытию относится «основа» (*course/Grund*)» [8, с. 115].

Чтобы раскрылась сущность описываемого явления, которая имманентно проступает на поверхность закрепившегося в языке значения, реципиент должен полностью погрузиться в воспринимаемую текстовую реальность. Главным требованием, которое надо неукоснительно соблюдать при чтении текстов, вербализующих креативный тип мышления, является не простое прочтение, а в-слушивание (*про*-читывание). Для воспринимающего подобный текст это означает некую «схему действия», предлагаемую автором в самой ткани текста, – это требование *включиться в «языковую игру», и правила данной игры создаются продуцентом высказывания.*

В. А. Подорога подчеркивает, что понимание возникает лишь в процессе в-слушивания, для этого необходимо обладать определенными способностями, усвоить особые «схемы действия» по интерпретации текста. А овладение этими техниками и схемами является ничем иным, как способностью пройти тот же самый путь по порождению смысла текста, который изначально был пройден продуцентом, значит мыслить и вербализовывать свои мыслительные конструкции вслед за автором. Приняв за основу данные положения, любая интерпретативная деятельность, не учитывающая мыслительную артикуляцию, интонирование, т. е. не пытающаяся «соучаствовать», «принадлежать», и пренебрегающая «внятием» и т. п. должна быть отвергнута» [8, с. 16–17].

В системе творческого мышления, как замечает Ахутин, «...языковая игра, понятая как существование, есть категория модальности, соответствующая ассерторическим суждениям. Она определяет существование в отличие от возможности (проблематического суждения) и необходимости (аподиктического, доказательного суждения), с одной стороны, и в противоположность несуществованию – с другой. Хотя модальность

характеризует суждения, следовательно, относится к деятельности рассудка, тем не менее ассерторические суждения суть функции способности суждения» [1, с. 103–104].

Вселенная рефлексивной реальности, находящая свое отражение в текстах потока сознания, рассматривается как неконтролируемый хаотический поток, и именно как противоположность некоему философско-скептическому мировидению возникают и функционируют средства креационистского толка, которые превращают все человеческие реалии в игру. Игра, таким образом, является центральным понятием.

Языковая игра рождает в рефлексивной реальности возможные миры посредством перевода речевой реальности в игровую, в широком смысле этого слова, плоскость, совершая качественный скачок на уровень эксперимента, эта новая игровая рефлексивная реальность детерминирована только осознанным созданием правил собственно языка и правил игры, вместе с тем должен соблюдаться и принцип интерпретируемости моделей порождения, имманентно присутствующих самой системе языка.

Сама языковая игра, как и её интерпретация, всегда основана только на периферийных оттенках смысла и значения, подобная интерпретативная деятельность всегда подчиняется окружающему горизонтальному,

а часто и вертикальному контексту словоупотребления. Отдельный элемент о-значает что-то только в рамках этой системы. При этом попытка проанализировать естественное узуальное значение элемента всегда будет наталкиваться на значения, закреплённые в системе языка. Таким образом нам нужно подняться над узуальным значением, не теряя, однако, его из виду, для того чтобы избежать иллюзий языка, преодолеть имманентно присущую способность вводить в заблуждение самой языковой формы. Дезориентация, действующая на уровне лексического значения слова, строится на неучёте обстоятельств ситуации семиозиса, восприятия значения как некоей строго очерченной области без возможности трансформирования. Отсюда выводится постулат ориентации на «строгое употребление языка».

В «языковой игре» креационистского текста «этимологическое переразложение», смена тона, логический парадокс, герменевтический круг, нонсенс и т. д., как мы отмечали выше, выступают в качестве предела обоснования, «невыразимого», предпосылки всех остальных возможностей существования высказывания. В определенном смысле можно сказать, что этими способами начинаются и разворачиваются все «языковые игры», которые предполагают, что мысль продуцента позволит слову «обусловить себя».

Литература

1. Ахутин А. В. Античные начала философии. СПб.: Наука, 2007. 784 с.
2. Бибихин В. В. Язык философии. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Языки славянской культуры, 2002. 416 с.
3. Бредихин С. Н. Этимологическое переразложение и синтез как базовые механизмы дифракции и модификации суперструктуры смысла // Фундаментальные исследования. 2013. № 6-2. С. 490–494.
4. Бредихин С. Н. Принципы и условия наличия и формирования смысла (смыслорождающие механизмы) // Современные проблемы науки и образования. 2013. № 1. URL: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=8484> (Дата обращения: 12.03.2016).
5. Бредихин С. Н. Прологомены к общей теории смысла философского дискурса (введение в иерархическую ноэматику смысловых структур). Ставрополь: Параграф, 2012. 176 с.
6. Бредихин С. Н. Иерархическая ноэматическая суперструктура vs. фрейм в смыслорождении концептуальных понятий // Гуманитарные и социальные науки. 2013. № 2. С. 117–129.
7. Заиченко Г. А. История западной философии. Классика против постмодернизма. Днепропетровск: Наука и образование, 2000. 200 с.
8. Подорога В. А. Выражение и смысл. Ландшафтные миры философии: Киркегор. Ницше. Хайдеггер. Пруст. Кафка. М.: Ad Marginem, 1995. 427 с.

References

1. Akhutin A. V. Antichnye nachala filosofii (Antic fundamentals of philosophy). SPb.: Nauka, 2007. 784 p.
2. Bibikhin V. V. Yazyk filosofii (Language of philosophy). 2-e izd., pererab. i dop. M.: Yazyki slavyanskoy kul'tury, 2002. 416 p.
3. Bredikhin S. N. Etimologicheskoe pererazlozhenie i sintez kak bazovye mekhanizmy difraktsii i modifikatsii superstruktury smysla (Etymological metanalysis and synthesis as basic mechanisms of diffraction and modification of sense superstructure) // Fundamental'nye issledovaniya. 2013. No. 6-2. P. 490–494.

4. Bredikhin S. N. Printsipy i usloviya nalichiya i formirovaniya smysla (smyslopороzhdayushchie mekhanizmy) (Principles and conditions of sense existence and derivation (sense derivation mechanisms)) // *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya*. 2013. No. 1. URL: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=8484> (Accessed: 12.03.2016).
5. Bredikhin S. N. Prolegomeny k obshchey torii smysla filosofskogo diskursa (vvedenie v ierarkhicheskuyu noematiku smyslovyykh struktur) (Prolegomena to the general philosophic discourse sense theory (introduction to the hierarchical sense structure noematics)). Stavropol': Paragraf, 2012. 176 p.
6. Bredikhin S. N. Ierarkhicheskaya noemacheskaya superstruktura vs. freym v smyslopороzhdenii kontseptual'nykh ponyatiy (Hierarchical noematic superstructure vs. frame within the conceptual notions sense derivation) // *Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*. 2013. No. 2. P. 117–129.
7. Zaichenko G. A. Istoriya zapadnoy filosofii. Klassika protiv postmodernizma (History of the western philosophy. Classis vs. Postmodern). Dnepropetrovsk: Nauka i obrazovanie, 2000. 200 p.
8. Podoroga V. A. Vyrazhenie i smysl. Landshaftnye miry filosofii: Kirkegor. Nitsshe. Khaydegger. Prust. Kafka (Expression and sense. Landscapes worlds of philosophy: Kierkegaard, Nietzsche, Heidegger, Kafka). M.: Ad Marginem, 1995. 427 p.

УДК 80

А. И. Минина

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЯЗЫКОВОЙ КОМПЕТЕНЦИИ

В статье рассматривается проблема языковой компетенции, дается её определение, разграничиваются понятия «языковая компетенция», «коммуникативная компетенция», «иноязычная коммуникативная компетенция», «лингвистическая компетенция».

Ключевые слова: языковая компетенция, языковая способность, коммуникативная компетенция, лингвистическая компетенция, уровни языковой компетенции.

A. I. Minina

TOPICAL PROBLEMS OF LANGUAGE COMPETENCE

The article studies the problems of theoretical understanding of «language competence» concept; it features an attempt to develop a common definition of this concept, as well as indicates the distinction between the «language competence» and the related phenomena:

«communicative competence», «foreign language communicative competence» and «linguistic competence».

Key words: language competence, language ability, communicative competence, linguistic competence, levels of language competence.

Понятие языковой компетенции давно находится в центре внимания теоретиков языка, специалистов в области преподавания родного и иностранного языков. Это связано с тем, что языковая компетенция отличается особой сложностью, многоуровневостью, затрудняющих ее теоретическое осмысление, выработку единого определения. Постоянное отождествление этого понятия с коммуникативной компетенцией, иноязычной коммуникативной компетенцией, лингвистической компетенцией приводит к необходимости теоретического разграничения

данных понятий, определения дифференциальных признаков языковой компетенции.

Термин «языковая компетенция» для обозначения языковой способности впервые появляется в трудах Н. Хомского. Языковая компетенция, с его точки зрения, – это система *врожденных представлений* (выделено авт.) о грамматике языка, свойственная человеку как биологическому виду вне зависимости от опыта, среды обитания и т. д.

Сама идея о существовании врожденных представлений не нова и впервые была от-

четливо высказана Р. Декартом. Декарт считал, что врожденные идеи даны от Бога, а формула «врожденные идеи + интуитивное постижение предметов внешнего мира + дедукция» дает возможность получить все возможные объективные знания. Сам Хомский, анализируя учение Декарта, отмечает: «Декарт... пришел к выводу, что человеку присущи *уникальные способности* (выделено авт.), которым невозможно дать чисто механистическое объяснение, хотя подобным образом можно в значительной мере объяснить поведение человека и функционирование его тела» [12, с. 23].

Понятие языковой способности впервые в конце XVIII – начале XIX века используется в работах В. фон Гумбольдта, который высказал тезис о том, что «интеллектуальная деятельность и язык представляют собой... единое целое» [5, с. 75]. «Усвоение языка» представляет собой овладение «внутренней языковой формой», «единым способом образования языка» [5, с. 73]. При этом, по мысли Гумбольдта, истоки внутренней формы языка находятся более «в различии грамматических видений», нежели понятий, потому что «грамматика более родственна духовному своеобразию наций, нежели лексика» [5, с. 21]. «С необходимостью возникая из человека», язык «не лежит в виде мертвой массы в потемках души, а в качестве закона обуславливает функции мыслительной деятельности человека» [5, с. 314]. Языковая компетенция, по Гумбольдту, заложена в человеке, и в процессе речевого развития человек приобретает особенное, языковое видение мира. Поэтому «происходит не механическое выучивание языка, а *развертывание языковой способности*» [5, с. 79]. При этом росту языковой компетенции способствует общение, так как «язык обязательно должен принадлежать по меньшей мере двоим» [5, с. 83], и именно общение приводит к возникновению «сходного с инстинктом предчувствия всей системы в целом» [5, с. 89]. В. фон Гумбольдт подчеркивает динамичный характер языковой способности, влияние на развивающуюся языковую способность речевых навыков, а также потенциальное усложнение механизма языковой способности у языковой личности.

Современник В. фон Гумбольдта немецкий языковед Л. Вайсгербер также говорил о

языковой способности как об «основе всего того, с чем мы познакомились как с языковыми возможностями, прежде всего способность в самом широком объеме удерживать с помощью знаков жизненные впечатления, перерабатывать их, соотносить с другими и таким образом постепенно приобретать общее представление об этих явлениях, владеть миром, отвлекаясь от частного впечатления» [1, с. 113]. Ее применение обнаруживается, по словам Вайсгербера, в «виде мышления и говорения, проходящих в языковой форме, *действия на основе языкового размышления*» [1, с. 13].

Эту мысль позже развивал американский этнолингвист Э. Сепир, высказав предположение, согласно которому «каждый язык обладает законченной в своем роде и психологически удовлетворительной *формальной ориентацией*», которая «залегает *глубоко в подсознании носителей языка* – реально они ее не осознают» [8, с. 252–253].

К. Э. Штайн и Д. И. Петренко в работе «А. А. Потебня: Диалог во времени» отмечают, что выдающийся отечественный лингвист А. А. Потебня также вплотную подходил к теории языковой компетенции, исследуя «процесс формирования знания о языке, в том числе и „наивного“ („неявного“) знания в народе» [13, с. 105]. По мысли Потебни, овладение языком происходит благодаря обретению «*внутренней формы слова*» (термин А. Потебни). Ученый считал, что внутренняя форма возникает вместе с пониманием и «показывает, как представляется человеку его собственная мысль» [7, с. 83]. Поэтому «слово есть не только средство понимать другого, насколько оно средство понимать себя» [7, с. 113]. А. А. Потебня считает, что язык имеет творческое начало, деятельностьную природу: «...язык есть средство не выражать уже готовую мысль, а создавать ее» [7, с. 270].

Термин «языковая компетенция», являющийся синонимом понятия «языковая способность», принадлежит Н. Хомскому. В работах по генеративной грамматике («Язык и мышление» (1968), «Синтаксические структуры» (1957), «Аспекты теории синтаксиса» (1965)) ученый проводит противопоставление «языковой компетенции» (linguistic competence) как врожденной способности к речи и «языкового исполнения»

(performance) как реального речевого произведения. Согласно гипотезе Хомского, существует множество «поверхностных синтаксических структур» (которые различны для разных языков), а также «ядерные синтаксические структуры», которые отображают общие схемы выражения мысли. В работе «Аспекты теории синтаксиса» (1965) он называет их «глубинными структурами». По мнению ученого, высокий уровень речевого развития, который ребенок получает за относительно небольшой срок, свидетельствует о том, что этот уровень не может достигаться только за счет опыта. Существует система, состоящая из «правил, которые взаимодействуют с целью задания формы и внутреннего значения потенциально бесконечного числа предложений» [11, с. 30]. Исследователь считает, что правила, которые управляют языковым поведением, являются универсальными, врожденными, что дает ребенку возможность на их основе быстро усваивать язык.

Н. Хомский определяет языковую компетенцию как: а) «определенную *систему интеллектуальных способностей*, систему знаний и убеждений, которая развивается в раннем детстве и во взаимодействии со многими другими факторами определяет те виды поведения, которые мы наблюдаем»; б) «*систему правил*, которую мы освоили и которая позволяет нам понимать новые предложения и производить новые предложения в каждом подходящем случае»; в) «*способность*, специфическую для данного (человеческого) биологического вида и в основном независимую от умственных способностей» [10, с. 15, 30, 37, 89, 97].

Языковая компетенция у Н. Хомского является своеобразным «идеальным грамматическим знанием» (Т. П. Оглуздина), которое соотносится со знанием языковой системы (состояние, а не процесс).

В 60-е гг. XX века в рамках социолингвистического направления в противовес языковой компетенции как знания языка возникает понятие коммуникативной компетенции как владения языком. О нем говорит американский лингвист Д. Хаймс, выступая с критикой языковой компетенции по Н. Хомскому. Ученый отмечает, что «существуют правила употребления, без которых правила грамматики бесполезны» [15, с. 278]. Д. Хаймс

определяет коммуникативную компетенцию как внутреннее знание уместности употребления языка в зависимости от ситуации, как способность вести речевую деятельность. Ученый показал, что владение языком предполагает знание не только грамматики, но и социальных условий ее употребления.

Впоследствии в зарубежной лингвистике понятие коммуникативной компетенции разрабатывалось в русле методики преподавания иностранных языков (об этом см. Дж. Ван Эк (1986), М. Канал (1980), Р. Белл (1991), Л. Бахман (1990), М. Свейн (1980), К. Кин (1992), С. Савиньон (1997), Дж. Манбай (1978), Х. Видовсон (1978), Р. Клиффорд (1985) и др.).

В отечественной лингвистике понятие коммуникативной компетенции рассматривалось в докладе М. Н. Вятютнева «Коммуникативная направленность обучения русскому языку в зарубежных школах» (1975) на III конгрессе МАПРЯЛ, который определял коммуникативную компетенцию как «выбор и реализацию программ речевого поведения в зависимости от способности человека ориентироваться в той или иной обстановке общения» [2, с. 38]. Наиболее подробно теория коммуникативной компетенции разработана в русле методики преподавания иностранных языков и трактуется как *способность осуществлять общение посредством языка* (И. Л. Колесникова (2001), как *сведения об употреблении в речевом общении аспектных единиц языка* (М. Б. Успенский, 2004), как *основы культуры устной и письменной речи* (Е. И. Литневская, 2006), как *правила речевых действий* (С. А. Ламзин, 1985), как *способность человека к общению* (Д. И. Изаренков, 1990) и т. д., то есть в первую очередь связана с реализацией языковых правил и норм в различных видах речевой деятельности.

Многие отечественные ученые склонны ставить знак равенства между языковой компетенцией, коммуникативной компетенцией, лингвистической компетенцией (Э. Г. Азимов (2009), Н. Н. Абакумова (2012), Н. П. Таярская (2015) и другие). Думается, что эти понятия следует разграничить. Лингвистическая компетенция предполагает знание «понятийного, категориального аппарата науки о языке, представленного в поуровневом его описании через строго определяемую

посредством дефиниций систему языковых категорий, их значений и формальных средств выражения этих значений» [6, с. 56]. Это прежде всего знания, которые составляют содержание предметной компетенции лингвиста, научные знания о языке. Коммуникативная компетенция опирается на коммуникативные навыки.

Понятие языковой компетенции связывают со *знанием о системе языка* (Е. Д. Божович (2013), Е. М. Шульгина (2014), *интуитивным знанием правил и норм языка, языкового кода* (М. Н. Вятютнев (1975), Э. Мовсесян (1982), Я. Б. Емельянова (2010), Т. П. Оглуздина (2011), Н. С. Кузнецова (2010), М. К. Кабардов (1996), В. А. Пищальникова (2004), *мерой владения языком* (Г. Ю. Богданович, 2001), *правильностью языка* (А. К. Григорьева, 2005), *реальным знанием языка* (И. Н. Горелов, 1987), *вербализацией ментального содержания* (Е. В. Яковченко, 2003), *конструктом* (С. Г. Макеева, 2011, А. М. Шахнарович, 1991). Дефиниции языковой компетенции показывают, что данное понятие ученые связывают с нормой языка, то есть обладание языковой компетенцией предполагает владение языковой нормой.

Вопрос о врожденной или социальной природе языковой компетенции волновал ученых, начиная с высказанной Н. Хомским идеи о том, что в сознании человека заложена система порождающих принципов (грамматика). Эту мысль поддержали и некоторые отечественные исследователи, считающие, что языковая компетенция – это некая «общая биологическая наследуемая основа развертывания любого языка» [14, с. 102], которая хранится как в индивидуальной памяти человека, так и в коллективной памяти, что особенно подчеркивается Н. И. Гореловым: «Гораздо более основательной является, вероятно, позиция тех, кто считает, что человек биологически наследует некую общую основу развертывания любого языка, своего рода универсальную грамматику» [3, с. 8]. Другая точка зрения на языковую компетенцию осмысляет ее как социальное образование, то есть «формирующееся и развивающееся под влиянием общественно значимых факторов» [9, с. 3].

По-видимому, эти точки зрения дополняют друг друга: языковая компетенция долж-

на рассматриваться как конструкт реального знания языка, его нормы, заложенный и хранящийся как в индивидуальной, так и в общей памяти народа и формирующийся, развивающийся под влиянием общественно значимых факторов. Таким образом, языковая компетенция как динамическая категория рассматривается нами одновременно и как процесс (язык как потенция), и как результат (язык как реализация).

Определение языковой компетенции как конструкта реального знания языка неслучайно. Понятие языковой компетенции рассматривается иерархически, при этом структура понятия языковой способности коррелирует со структурой языковой системы (определяются следующие уровни языковой компетенции: фонологический, орфоэпический, орфографический, лексический, морфологический, синтаксический, словообразовательный). Реализация языковой компетенции – письменной или устной – содержит определенные количественные и качественные характеристики. А. К. Григорьева считает, что качественные характеристики реализации языковой компетенции – выявленные в текстах типы ошибок, соответствующие различным уровням языковой системы, а количественными – их соотношение.

При формировании языковой компетенции одновременно с усвоением норм языка происходит и овладение стилистической системой языка, то есть формируется «индивидуальный стиль речи языковой личности» [4, с. 215].

Отметим также, что разработка понятия «языковая компетенция» в современных условиях перехода России на новую систему образования, в основу определения целей и содержания которого положен компетентностный подход, как никогда актуальна (подробно см. Концепции модернизации российского образования на период до 2015 г.).

Ориентация на компетентностное образование формируется уже в 70-е гг. XX века в Америке в контексте предложенного Н. Хомским понятия «компетенция» применительно к трансформационной грамматике. Хомский пишет: «...мы проводим фундаментальное различие между компетенцией (знанием своего языка говорящим – слушающим) и употреблением (реальным использованием языка в конкретных ситуациях). Только в

идеализированном случае... употребление является непосредственным отражением компетенции» [11, с. 9]. Обратим внимание на то, что «употребление», по мысли Хомского, является проявлением компетенции как чего-то потенциального, то есть употребление связано с навыками, мышлением, самим говорящим, его опытом.

Позднее теория «языковой компетенции» Н. Хомского послужила основой для принятия на симпозиуме в Берне (27–30 марта 1996) пяти ключевых компетенций, среди которых важнейшими выступают «компетенции, относящиеся к владению устной и письменной коммуникацией» [16, с. 11]. Также были выработаны стандарты изучения родного и иностранных языков в странах Европы, результатом чего стал документ Совета Европы «Общеввропейские компетенции владения иностранным языком: изучение, преподавание, оценка» («Common European Framework of Reference: Learning, Teaching, Assessment») (1996). Он представляет со-

бой итоги работы экспертов стран Совета Европы, в том числе и представителей России, над различными аспектами обучения и изучения иностранных языков. В языковой программе Совета Европы дается полное описание системы компетенций, которые представляют собой результат целостного овладения иностранным языком, а также описываются уровни владения языком.

В России в 2001 г. в тексте «Стратегии модернизации содержания общего образования» были сформулированы основные положения компетентностного подхода в образовании, а также предложено разграничение компетентностей по сферам, однако языковая компетенция рассматривается в первую очередь в рамках обучения иностранному языку.

Проблема языковой компетенции как конструкта реального знания языка нуждается в серьезном исследовании и применении результатов исследования в сфере научной деятельности, вузовского и школьного образования.

Литература

1. Вайсгербер Л. И. Родной язык и формирование духа. М.: Едиториал УРСС, 2004. 232 с.
2. Вяттунев М. Н. Понятие языковой компетенции в лингвистике и методике преподавания иностранных языков // Иностранные языки в школе. 1975. № 6. С. 55–64.
3. Горелов И. Н. Проблема функционального базиса речи в онтогенезе. Челябинск: ЧГПИ, 1974. 116 с.
4. Григорьева А. К. Речевые ошибки и уровни языковой компетенции // Филологическое образование. 2005. № 1–2. С. 209–216.
5. Гумбольдт В. фон. Язык и философия культуры. М.: Прогресс, 1985. 452 с.
6. Изаренков Д. И. Базисные составляющие коммуникативной компетенции и их формирование на продвинутом этапе обучения студентов-нефилологов // Русский язык за рубежом. 1990. № 4. С. 54–60.
7. Потебня А. А. Слово и миф // Из истории отечественной философской мысли / сост. А. Л. Топоркова. М.: Правда, 1989. С. 18–284.
8. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии / пер. с англ.; ред. и вступ. ст. А. Е. Кибрика. М.: Прогресс; Универс, 1993. 656 с.
9. Токарева И. Ю. Понятие языковой личности в свете компетентностного подхода // Ученые записки: электронный научный журнал Курского государственного университета. 2012. № 4 (24). Т. 1. С. 1–5.
10. Хомский Н. Язык и мышление. М.: МГУ, 1972. 126 с.
11. Хомский Н. Аспекты теоретического синтаксиса. М.: МГУ, 1972. 129 с.
12. Хомский Н. Картезианская лингвистика. Глава из истории рационалистической мысли. М.: КомКнига, 2005. 232 с.
13. Штайн К. Э., Петренко Д. И. А. А. Потебня: Диалог во времени / под ред. докт. филол. наук проф. М. П. Котуровой. Ставрополь; Ростов-н/Д.: Книга, 2015. 640 с.
14. Яковченко Е. В. Экспериментальное исследование языковой способности в условиях учебного двуязычия: дис. ... канд. филол. наук. Барнаул: АГТУ им. И. И. Ползунова, 2003. 173 с.
15. Hymes D. H. On Communicative Competence // J. B. Pride and J. Holmes. Sociolinguistics. Selected Readings. Harmondsworth: Penguin, 1972. P. 269–293.
16. Hutmacher W. Key competencies for Europe // Report of the Symposium Berne, Switzerland 27–30 March, 1996. Council for Cultural Cooperation (CDCC) a // Secondary Education for Europe Strsburg, 1996. 72 p.

References

1. Vaisgerber L. I. Rodnoi yazyk i formirovanie dukha (Native language and the formation of the spirit). M.: Editorial URSS, 2004. 232 p.

2. Vyatutnev M. N. Ponyatie yazykovoi kompetentsii v lingvistike i metodike prepodavaniya inostrannykh yazykov (The concept of linguistic competence in linguistics and methodology of teaching foreign languages) // *Inostrannyye yazyki v shkole*. 1975. No. 6. P. 55–64.
3. Gorelov I. N. Problema funktsional'nogo bazisa rechi v ontogeneze (The problem of functional basis of speech in ontogenesis). Chelyabinsk: ChSPI, 1974. 116 p.
4. Grigor'eva A. K. Rechevye oshibki i urovni yazykovoi kompetentsii (Speech errors and levels of language competence) // *Filologicheskoe obrazovanie*. 2005. No. 1–2. P. 209–216.
5. Gumbol'dt V. fon. Yazyk i filosofiya kul'tury (Language and Philosophy of Culture). M.: Progress, 1985. 452 p.
6. Izarenkov D. I. Bazyisnye sostavlyayushchie kommunikativnoi kompetentsii i ikh formirovanie na prodvinutom etape obucheniya studentov-nefilologov (The basic components of communicative competence and their formation at an advanced stage of training of students-philologists) // *Russkii yazyk za rubezhom*. 1990. No. 4. P. 54–60.
7. Potebnya A. A. Slovo i mif (Word and myth) // *Iz istorii otechestvennoi filosofskoi mysli* (From the history of Russian philosophy) / ed. by A.L.Toporkova. M.: Pravda, 1989. P. 18–284.
8. Sepir E. Izbrannyye trudy po yazykoznaniiyu i kul'turologii (Selected works on linguistics and cultural studies) / trans. and ed. by A. E. Kibrika. M.: Progress; Univers, 1993. 656 p.
9. Tokareva I. Yu. Ponyatie yazykovoi lichnosti v svete kompetentnostnogo podkhoda (The concept of linguistic identity in the light of the competency approach) // *Uchenye zapiski: electronic scientific journal of Kursk state university*. 2012. No. 4 (24). T. 1. P. 1–5.
10. Khomskii N. Yazyk i myshlenie (Language and thought). M.: MSU, 1972. 126 p.
11. Khomskii N. Aspekty teoreticheskogo sintaksisa (Aspects of the theory of syntax). M.: MSU, 1972. 129 p.
12. Khomskii N. Kartezianskaya lingvistika. Glava iz istorii ratsionalisticheskoi mysli (Cartesian linguistics. The part of the history of rational thought). M.: KomKniga, 2005. 232 p.
13. Shtain K. E., Petrenko D. I. A. A. Potebnya: Dialog vo vremeni (A. A. Potebnya: Dialog through time) / ed. by M. P. Kotyurova. Stavropol'; Rostov-on/Don: Kniga, 2015. 640 p.
14. Yakovchenko E. V. Eksperimental'noe issledovanie yazykovoi sposobnosti v usloviyakh uchebnogo dvuyazychiya (Experimental study of language ability in a bilingual school). Barnaul: ASTU named after I. I. Polzunova, 2003. 173 p.
15. Hymes D. H. On Communicative Competence // J. B. Pride and J. Holmes. *Sociolinguistics. Selected Readings*. Harmondsworth: Penguin, 1972. P. 269–293.
16. Hutmacher W. Key competencies for Europe // Report of the Symposium Berne, Switzerland 27–30 March 1996. Council for Cultural Co-operation (CDCC) a // Secondary Education for Europe Strsburg, 1996. 72 p.

УДК 81-11

Н. В. Нагамова, И. В. Чепурина

СПОСОБЫ ДОСТИЖЕНИЯ АДЕКВАТНОГО ПЕРЛОКУТИВНОГО ЭФФЕКТА ПРИ ПЕРЕВОДЕ РЕКЛАМНОГО ТЕКСТА

В статье рассматриваются основные способы сохранения прагматической доминанты при немецко-русском переводе рекламных сообщений. Трудности в достижении адекватного перлокутивного эффекта связаны прежде всего с различиями не просто в системах вербализации, но в лингвокультурном коде, а потому изменению должно под-

вергаться не только формальное текстовое выражение, но и те архетипические представления, которые лежат в основе рекламного сообщения.

Ключевые слова: рекламная коммуникация, перлокутивный эффект, прагмалингвистика, трансформации, тропы.

N. V. Nagamova, I. V. Chepurina

WAYS OF ADEQUATE PERLOCUTION EFFECT DEVELOPMENT WITHIN THE PROCESS OF ADVERTIZING TEXT TRANSLATION

The article studies the main ways of preserving a pragmatic dominant within the process of German-Russian translation of advertizing messages. Challenges in achieving adequate perlocution effect are preconditioned, first of all, not by verbalization systems diversity only but differences in linguocultural code, and therefore

the changes are to be introduced not only at the level of formal text expression, but also as regards those archetypic representations which are the cornerstone of the advertizing message.

Key words: advertizing communication, perlocution effect, pragmalinguistics, transformations, figure of speech.

Тексты рекламной коммуникации вполне справедливо относятся многими учеными к примарно-эмоциональному типу, ведь средства оформления именно эмотивного начала в них занимают главное место в процессе достижения прагматического эффекта. Именно эмоционально-оценочные средства относятся к доминантам перевода в рекламном тексте. Признаками действительно адекватного начальной иллокутивной цели перлокутивного эффекта как в оригинальном, так и в переводном тексте будут являться сила воздействия и экспрессии, способность информации вызвать у реципиента строго определенные ответные действия. При этом самым эффективным способом трансляции прагматических доминант из одной лингвокультуры в другую, как показала практика, является перевод рекламных текстов в соответствии с концепцией динамической (функциональной) эквивалентности.

Как показал наш анализ, наиболее типичными для рекламы лексико-стилистическими средствами выразительности являются

гипербола, метафора, метонимия, олицетворение, сравнение, эпитет, языковая игра и др. Для синтаксиса рекламных текстов характерно широкое использование парцелированных конструкций, эллипсиса, вопросительных и восклицательных предложений. На графическом уровне в рекламных текстах активно используется: шрифтовое выделение, псевдоочленение, контаминация, использование параграфемных знаков. В данном исследовании мы подробно остановимся на лексических и комплексных средствах реализации прагматического эффекта.

Экспрессивные средства рекламной коммуникации весьма разнообразны и вербализуют перлокутивный эффект не только в лексемах с аксиологически-апеллятивным компонентом значения, но и в тропах – фигурах речи, из которых наиболее эффективными в рекламной как немецкоязычной, так и русскоязычной рекламе являются: аллегории, гиперболы, метафоры, метонимии, олицетворения, сравнения, эпитеты, анафоры,

эпифоры, антитезы, эллипсисы, аллюзии и др. [4, с. 199].

Для большей наглядности проанализируем некоторые из наиболее часто встречающихся средств лексической экспрессии в качестве вербализаторов адекватного иллокутивной цели перлокутивного эффекта в немецкоязычной рекламной коммуникации и варианты их перевода на русский язык.

Начнем с **частотного эпитета**, который, по сути, является ничем иным как образным определением, дающим выразительную характеристику объекта высказывания [3, с. 934]. Достаточно часто и эффективно для реализации положительного перлокутивного эффекта и формирования положительного эмотивного фона у реципиента используются эмоционально-оценочные определения либо лексемы, имеющие в сознании представителей определенной лингвокультурной общности положительные коннотации. Например:

*Libanonzeder teilt dem Aroma eine extrem **traute, geraume** Aureole mit.*

Ливанский кедр придает аромату по-особенному **согревающий, непреходящий** ореол.

В данном примере при переводе экспрессивных эпитетов, характерных для поэтического языка, предпринято опущение, дабы избежать избыточности смысловых характеристик и придать большую целевую валерность предмету высказывания.

*Die tragende Rolle ist mit Vanille und Kampecheholz **zart-fruchtig und taufrisch**.*

Заглавную роль в аромате играет **нежно-фруктовая и свежая** ваниль и синий сандал.

В рассматриваемом высказывании окказиональный сложный эпитет *zart-fruchtig* переводится с применением кальки с немецкого языка покомпонентно. Тенденция к использованию в рекламном дискурсе окказиональных сложных окказионализмов с уточнением характеристик определяемого прилагательного прослеживается в каждой из рассматриваемых лингвокультур.

*Extravagant, selbstbewusst, **ohne Kompromisse**.
Экстравагантный, уверенный, **бескомпромиссный**.*

Здесь использовались авторские аллюзивно значимые эпитеты, призванные привлечь внимание к объекту описания, тому, что должно «...приниматься во внимание при анализе феномена речи, – это момент новизны мыслительного содержания. Со-

держательно новые мысли контрастируют с общепринятыми суждениями, и это противоречие выражается автором в парадоксальной на первый взгляд форме, афористическом подчёркивании» [1, с. 32]. Но для русской лингвокультуры свойственно описание явления или предмета с помощью однотипных адъективных определений в отличие от немецкого кода, где предложное номинативное описание вполне приемлемо. Поэтому для достижения адекватности восприятия используется такая трансформация как «конверсия».

*Die allumfassende quellfrische Hauptnote aus erfrischender Limette, spritziger Mangopflaume und Jasmin verbindet sich harmonisch mit dem Anhauch von einem **goldblütigen** Bouquet mit Tulpenbaum und Mimose.*

Всеобъемлющая свежайшая ведущая нота из освежающего лайма, сочного манго и жасмина гармонично переплетается с оттенками, **благоухающими букетом золотистых цветов** лириодендрона и мимозы.

В силу особенностей словообразования немецкого языка не всегда для немецкого сложного слова можно найти эквивалент в русском. Тогда переводчик прибегает к описательному переводу или лексическому развертыванию. В вышеприведенном примере эпитет *goldblütigen* был переведен при помощи лексического развертывания.

*Wer die Alpen im Sommer bereist, der kann sich am Anblick blühender Wiesen und dem **satten** Grün der Nadelwälder erfreuen.*

Путешествуя в Альпах летом, можно любоваться цветущими лугами и **сочной** зеленью хвойных лесов.

Немецкое аллюзивно вошедшее в рекламный текст определение *satten* трансформировалось в более привычное для русской лингвокультуры **сочный**, ведь ядерное значение адъективного *satt* – **сытый** несочетается с существительным **зелень**.

Метафора является **сложным оборотом речи**, при котором на основании различных аллюзивных сходств либо схожести качественных характеристик постулируются сходства свойств двух явлений или предметов [6, с. 216]. Данный троп всегда предполагает метафорический перенос (скрытое сравнение) – уподобление объектов при актуализации периферийных или переносных компонентов значения лексемы, актуализация оттенков значения зависит от авторской когнитивно-валерной системы и варианта вербализации.

Eine Haut wie Samt und Seide.

Кожа **словно шелк и бархат**.

В данном примере была использована метафора. Кожа человека сравнивается с бархатом и шелком. При переводе была использована перестановка, т. к. сочетание слов бархат и шелк хуже звучит на русском с фонетической точки зрения.

Durch die Kraft und Wärme von Vanille steht unvergesslichen und verführerischen Momenten nichts mehr im Wege.

Сила и тепло ванили открывают дорогу забываемым и полным соблазнов моментам.

Безусловным принципом адекватной трансляции метафоризированного смысла в другую лингвокультуру является его восприятие как некоего неделимого целого (органичного единства). В данном конкретном случае антонимический перевод всего высказывания, превращающий негативную литоту как усиленное отрицание *steht... nichts mehr im Wege* в позитивную конструкцию *открывают дорогу*, является наиболее эффективным способом достижения адекватного прагматического эффекта.

Олицетворение – прием художественного эмоционально-оценочного описания, приписывающий свойства и качества человека некому неодушевленному предмету [6, с. 314], в рекламной коммуникации применяется также на основе перераспределения между ядерными и личностными периферийными оттенками смысла.

Eine Cola würde ihren Kinder Bionade zu trinken geben.

Если бы у колы были дети, она бы давала им бионад.

Создатели рекламы безалкогольного напитка *бионад* использовали олицетворение, чтобы сделать образ продукта более запоминающимся. При переводе была произведена замена простого предложения сложным, т. к. сохранение исходной структуры делает предложение громоздким.

Использование глагольных конструкций дает поистине безграничные возможности перлокутивного эффекта в олицетворении, поскольку репрезентирует объект рекламы (продукт) как некое динамичное, активное, действующее начало, а иногда в качестве живого или даже разумного актанта. Например:

Jetzt kommen die kleinen Preise!

Пришло время низких цен!

Данный слоган был переведен с помощью смыслового развития. Использование транс-

формации вызвано стилистическими соображениями.

Гипербола – это прием гипертрофированного представления качественных характеристик описываемого объекта, она в полном смысле не является тропом, ведь она не вербализует оценочные характеристики напрямую, однако по своим характеристикам преувеличения коннотативных оттенков значения и переосмысления ядерного значения очень близка к таковым [6, с. 67]. Гиперболические определения нужны для преувеличения функциональных качеств и эстетических свойств товаров и услуг. Например:

Pastawaren von Maltagliati. Himmlisch köstlich. (Maltagliati)

Макаронные изделия от Мальтапьяти. Восхитительный **деликатес**.

При переводе данного примера было использовано конверсия, прилагательное *köstlich* (деликатесный, лакомый, изысканный) было переведено с помощью существительного *деликатес*. Сочетание существительного и определяющего прилагательного более характерно для русского языка, чем сочетание двух определений.

В немецкой рекламе часто используются слова иностранного происхождения, в частности англицизмы. Например:

Massagen, Kosmetik-Anwendungen und Wohlfühlbehandlungen helfen Ihnen, neue Kraft zu tanken und machen Sie wieder fit.

Массажи, косметические услуги и спа-процедуры помогут Вам набраться новых сил и привести себя в форму.

В данном примере использовано выражение *fit machen*. В русском языке нет точного эквивалента слову *fit*, поэтому при переводе был использован прием целостного преобразования.

Под языковой игрой мы, вслед за Ю. К. Пироговой, будем понимать «сознательное нарушение языковых норм, правил речевого общения, а также искажение речевых клише с целью придания сообщению более экспрессивной формы» [5, с. 169].

Окказиональное, контекстуальное нарушение норм языка и вербализация прагматической доминанты в необычной, привлекающей внимание форме вынуждают реципиента обратить внимание и не внутреннее содержание высказывания, а потому востребованность данного типа экспрессивного воздействия в рекламной коммуника-

ции невозможно переоценить. Прежде всего этот прием используется в создании слогов и заголовочных комплексов рекламных текстов.

Gut. Besser. Paulaner.

В данном слогане есть положительная и сравнительная степень прилагательного *gut*, а вместо превосходной стоит созвучное сравнительной степени название марки пива. Этим авторы хотели сказать, что оно является самым лучшим. Именно эту мысль необходимо подчеркнуть в переводе.

Не соглашайся на хорошее, выбирай самое лучшее. Пауланер – лучшее пиво.

В данном примере был использован прием стилистической компенсации, т. к. первоначальную языковую игру не представляется возможным сохранить при переводе. «При трансляции индивидуальных авторских окказиональных аномалий, вне зависимости от уровня, на котором они производятся, совокупность которых и создает константу творимости оригинального текста, проявляется планом экстраполяции интерпретативной индивидуальности переводчика» [2, с. 574].

Интересным с переводческой точки зрения является ситуация со слоганом компании *BMW: Freude is BMW*. В России данный слоган получил следующие варианты переводов: *Восторг играет по-крупному; Восторг создает рекордсменов, Восторг готов к будущему*. Русский перевод не раз становился предметом осуждения и критики рекламистов. Вероятно, копирайтеры стремились придать рекламному тексту больше экспрессии, добавив метонимию и олицетворение, но в результате получился бессмысленный, странный слоган. Мы предлагаем следующий вариант перевода, который не сильно отличается от оригинальной версии:

Freude is BMW.

BMW приносит радость.

При переводе данного примера потребовались следующие переводческие трансформации: перестановка и добавление. Они

были использованы, чтобы сделать звучание слогана более естественным для русского языка.

На лексическом и синтаксическом уровнях для сохранения перлокутивного эффекта рекламного сообщения применяются различные переводческие трансформации, наиболее частотными видами являются: лексическое развертывание, конверсия, целостное преобразование, окказиональное соответствие, опущение, добавления, перестановки, а также «изменение образа первичного продуцента текста посредством усиления эмотивно-экспрессивных оттенков является не единственным влиянием на глубинное содержание теста, но в некоторых случаях влечет ещё и экспликацию информации лишь имплицитно заложенной в тексте оригинала, происходит интерпретативное усиление декодированного переводчиком образного сигнала и соответственно более яркая его вербализация во вторичном тексте» [2, с. 574].

При проведении количественного подсчета было установлено, что наиболее частотными трансформациями при переводе лексических элементов экспрессии являются: лексическое развертывание, конверсия, целостное преобразование, окказиональное соответствие. Широкое использование лексического развертывания связано с особенностями образования сложных слов в немецком языке, которые в большинстве случаев нельзя передать на русском одним словом. Перевод эпитетов окказиональными соответствиями обусловлен различными нормами стилистической сочетаемости слов в русском и немецком языках. Частотное использование целостного преобразования при переводе, объясняется стремлением не столько передать дословное содержание, сколько сохранить общий смысл и прагматический эффект оригинала.

Литература

1. Бредихин С. Н. Лингвокультурологический аспект смыслопорождения на грамматическом уровне // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013. № 3-1(21). С. 29–33.
2. Бредихин С. Н., Аветисов Р. М. Индивидуально-интерпретационная деятельность в процессе вторичного опредмечивания языковой игры // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 5. URL: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=15021> (Дата обращения: 12.03.2016).
3. Ефремова Т. Ф. Современный толковый словарь русского языка: в 3 т. М.: Астрель, 2006. 1168 с.
4. Куликова Е. В. Языковая специфика рекламного дискурса // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2008. № 4. С. 197–205.

5. Пирогова Ю. К. и др. Рекламный текст: семиотика и лингвистика. М.: Международный институт рекламы; Изд. дом Гребенникова, 2000. 270 с.
6. Словарь литературоведческих терминов / ред.-сост.: Л. И. Тимофеев и С. В. Тураев. М.: Просвещение, 1974. 509 с.

References

1. Bredikhin S. N. Lingvokul'turologicheskiy aspekt smyslopороzhdenniya na grammatischeskom urovne (Linguo-cultural aspect of sense creation on grammatical level) // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2013. No. 3–1(21). P. 29–33.
2. Bredikhin S. N., Avetisov R. M. Individual'no-interpretatsionnaya deyatel'nost' v protsesse vtorichnogo opredmechivaniya yazykovoy igry (Translaidividual and interpretative activity in the process of the language game secondary subjetivization) // Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya. 2014. No. 5. URL: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=15021> (Accessed: 12.03.2016).
3. Efremova T. F. Sovremennyy tolkovyy slovar' russkogo yazyka (Mod.ern defining dictionary of Russian language). M.: Astrel', 2006. 1168 p.
4. Kulikova E. V. Yazykovaya spetsifika reklamnogo diskursa (Language peculiarities advertizing discourse) // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. 2008. No. 4. P. 197–205.
5. Pirogova Yu. K. and ect.. Reklamnyy tekst: semiotika i lingvistika (Advertizing text: semiotics and linguistics). M.: International Institute of Advertising, Grebennikov's Publ., 2000. 270 p.
6. Slovar' literaturovedcheskikh terminov (Literary terms vocabulary) / ed. by L. I. Timofeev and S. V. Turaev. M.: Prosveshchenie, 1974. 509 p.

УДК 811.161.1

С. В. Пахаренко

К ВОПРОСУ О СТАТУСЕ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ КАК ЭТНОЛИНГВОТИПА В ЭПОХУ ЯЗЫКОВЫХ КОНТАКТОВ

Статья посвящена изучению современного состояния вторичной языковой личности россиянина на фоне широких языковых контактов. Дается характеристика сформированности вторичной языковой личности, определяются сферы употребления иноязычных

заимствований, а также приводятся количественные показатели иноязычных элементов, употребляющиеся в данных сферах.

Ключевые слова: редупликация языковой личности, вторичная языковая личность, инокультурация, лингвокультура, заимствования.

S. V. Pakhareno

ON LINGUISTIC IDENTITY STATUS AS AN ETHNOLINGUISTIC PHENOMENON IN THE EPOCH OF LANGUAGE CONTACTS

The article studies the current state of the secondary linguistic identity of the Russian within broad language contacts. The main points of formation of secondary linguistic identity are given; spheres of borrowings usage

are specified, as well as the quantitative index of borrowings used in these spheres is presented.

Key words: reduplication of linguistic identity, secondary linguistic identity, enculturation, linguistic culture, borrowings.

В последнее время в лингвистике для обозначения процесса приобщения личности к чужому культурному опыту, наследию, употребляется термин «инокультурация». Очевидно, «для того чтобы уяснить специ-

фику лингвокоммуникативной деятельности языковой личности как субъекта межкультурной коммуникации, необходимо учитывать особенности инокультурации языковой личности» [8, с. 9].

При изучении иностранного языка и культуры, происходит процесс редупликации первичной языковой личности, результатом которого является последовательное формирование так называемой «вторичной языковой личности», термин введенный С. Г. Тер-Минасовой, К. Н. Хитрик. «Вторичная языковая личность» – это совокупность способностей человека к иноязычному общению на межкультурном уровне [2, с. 8].

Процесс инокультурации имеет две стороны: с одной – изучающий стремится сохранить свою культурную идентичность, а с другой – включается в чужую культуру [3, с. 187]. По мнению Н. А. Мамонтовой, степень аутентичности инокультурации языковой личности в альтернативную лингвокультуру (в иностранный язык) обратно пропорциональна степени влияния исходной лингвокультуры (родного языка) на человека [8, с. 11]. Учеными предлагается четыре конечных варианта данного влияния: ассимиляция, сепарация, маргинализация и интеграция. Ассимиляция в чужую культуру является наивысшим уровнем инокультурации, когда ценности и нормы иной культуры доминируют над своими нормами и ценностями [3, с. 189].

Развитие «вторичной языковой личности» означает экспансию, расширение «моего» мира, означает, что индивидуальность обретает инокультурное бытие. Таким образом, становление индивидуальности вторичной языковой личности проявляется в форме инокультурной самореализации личности [8, с. 13].

Если мы говорим о языковой личности как о совокупности всех характеристик, обусловливающих производство и восприятие текстов, то логично предположить, что вторичная языковая личность включает в себя аналогичные процессы, но на иностранном языке. Однако, как показывают исследования, влияние иностранного языка затрагивает более глубокие процессы.

В работе И. И. Халеевой мы находим, что «проникновение в смысл услышанного текста наступит лишь в том случае, когда обучаемые научатся видеть, вернее, слышать, ассоциативный фон, структурирующий и конституирующий высказывания...» и что «для осуществления межкультурной коммуникации необходимо постепенно элиминировать так называемую „чуждость“

в сознании обучаемых, переводя её в разряд вторичного, но „нечужого языка“, „нечужой культуры“» [11, с. 277].

В то же время существует точка зрения Д. Б. Гудкова, который полагает, что задача формирования в инофоне «вторичной языковой личности», способной видеть мир так же, как и носители языка, воспринимать их ассоциации и метафоры как свои и активно производить их в качестве таковых, невыполнима [4, с. 36].

Переходный процесс от монолингвальной к билингвальной личности называется трансформацией. При этом мы исходим из общепринятого положения о том, что полный билингвизм и, соответственно, формирование равноценно бикультурной личности достигаются только с раннего возраста в двуязычной среде.

Тем не менее в условиях современной России можно лишь условно говорить о инокультурации языковой личности, поскольку в виде глобального языка предлагается язык бытового общения, суженный до минимального количества обязательных лексем. Более того, нам чаще всего предлагается американский вариант английского языка, т. е. языка нации, чья этнолингвокультура неоднородна, состоит из элементов иных этно- и субкультур. Важно подчеркнуть, что язык, продвигаемый в массовом порядке, это прежде всего, так называемый «глобиш», включающий в себя около 1500 слов. Естественно, что картина мира, описанная в 1500 слов, сильно отличается от картины мира, описанной в 30 тысячах словах. Прежде всего такая картина мира денационализируется. Обеднение словарного запаса автоматически сужает потенциальные сферы интересов личности, обрезает ее компетентностные зоны. Происходит опустошение сознания подрастающего поколения [6].

Усвоение подобного языка не может служить основой для формирования вторичной языковой личности, по крайней мере, на уровне культурных ценностей.

Тем не менее многие исследователи говорят о формировании в современной России билингвизма, а следовательно, – сформированности у большинства населения вторичной языковой личности. Подобные заявления основываются на наличии в со-

временном русском языке большого числа англоязычных заимствований, употребляемых во всех сферах жизни общества, гибридации текстов, большом количестве англоязычных текстов в повседневной жизни, особенно характерных для языка рекламы.

Для того чтобы определить статус языковой личности современного россиянина, в первую очередь необходимо выявить критерии, которые позволят нам говорить о сформированности или несформированности вторичной языковой личности.

Итак, сформированная вторичная языковая личность имеет ряд характеристик.

1. Владение фонетическими нормами языка. Освоение фонетической системы языка должно либо ориентироваться на страну, где говорят на изучаемом языке, либо (что предпочтительнее для общего лингвистического кругозора) необходимо изучать сразу несколько вариантов фонетических норм.

2. Владение вербально-семантическим кодом языка, то есть знание лексики, грамматики, синтаксиса и т. д. Говоря о семантике важно отметить, что под владением семантическим кодом мы понимаем не установление соответствия иноязычных слов словам родного языка: значение каждого слова должно быть встроено не в систему родного языка в качестве соответствия знакомому слову, но в систему языка иностранного [8, с. 15]. Об этой проблеме пишет С. Г. Тер-Минасова: «Выучив иностранное слово, человек как бы извлекает кусочек мозаики из чужой, неизвестной еще ему до конца картины и пытается совместить его с имеющейся в его сознании картиной мира, заданной ему родным языком. ...Необходимость перестройки мышления представляет собой одну из главных трудностей (в том числе и психологическую)...» [10, с. 48].

Естественно, что от сформировавшейся вторичной языковой личности требуется адекватное (аутентичное) владение разнообразными конструктами, поэтому под вербально-семантическим кодом подразумевается не только знание слов, понимание их значений в системе изучаемого языка, а также их правильное речепотребление, но и приходящее при специальном изучении языка осознание того, что вербально-семантические системы родного и иностранного концептуально отличаются.

Как отмечает Мамонтова, немалое значение в формировании вторичной языковой личности имеет знание стилистических особенностей иностранной речи. Для достижения данного уровня владения языком необходимы в основном постоянные контакты с аутентичной лингвостраной или постоянное совершенствование и запоминание устойчивых выражений [8, с. 15].

3. Культурологический тезаурус носителей языка. На сегодняшний день этнолингвистический и этнокультурный компоненты выдвигаются на первый план при межкультурном общении.

4. Владение паттернами поведения, адекватными для представителя иноязычной культуры. Надо отметить, что эффективная коммуникация происходит при отсутствии либо минимальном невербальном барьере, а когда данный барьер слишком высок, может произойти недопонимание или культурный шок.

5. И, наконец, мотивационно-личностная сфера субъекта. Сюда относятся такие сложные психологические характеристики, как мотивационная структура, ценностные ориентации, личностные черты. При изучении иностранного языка субъект овладевает новыми для него способами поведения и новыми критериями оценки окружающей действительности, позволяющими ему адекватно общаться с представителями другой культуры [7, с. 91].

Следует отметить, что некоторые методисты выделяют несколько уровней сформированности языковой личности.

На критическом уровне развития языковой личности формируются умения идентифицировать высказывания или текст как продукт речевой деятельности, происходит овладение структурно-системными связями изучаемого языка в параметрах системообразующей функции языка, направленной на решение коммуникативных и когнитивных задач.

На допустимом уровне языковая личность способна не просто (лингвистически) декодировать иноязычную речь (текст), но и оперативно подключать знания и представления о мире иной речевой общности, использовать лексико-грамматические средства, позволяющие выразить собственные мысли и чувства, свою жизненную позицию. Именно с этого уровня оказывается возможным не-

который индивидуальный выбор, личностное предпочтение одного понятия другому, одной идее перед другой, более важной, ценностной для данной языковой личности. В качестве ключевых понятий здесь можно предложить «индивидуальный лексикон», «индивидуальность в отборе грамматических средств», «вариативность», «выбор».

Отбор языковых средств на оптимальном уровне обуславливается отношениями, которые задаются сферой общения, особенностями коммуникативной ситуации и коммуникативными ролями учащих. Они в полной мере отвечают коммуникативным потребностям личности и условиям коммуникации. Здесь особое значение приобретает работа с прецедентными текстами. Ключевое понятие данного уровня – «удовлетворение коммуникативно-деятельностных потребностей личности».

Представляется очевидным, что на сегодняшний день в большинстве случаев мы можем говорить только о критическом уровне развития вторичной языковой личности. При этом даже этот уровень нельзя назвать полностью сформированным, т. к. знание грамматической структуры языка сформировано далеко не всегда. Переключение кодов, характеризующее языковую личность билингва, наблюдается только на уровне слов и словосочетаний. Крайне редко встречаются примеры на уровне предложений. Интересным представляется переключение кодов внутри слова, т. е. создание некоего графического или фонетического гибрида. В связи с этим нельзя говорить также о знании системно-структурных особенностей языкового строя английского языка и представляемой им картины мира.

Для определения статуса языковой личности современного россиянина нами были отобраны тексты из различных сфер употребления и уровней языка. Согласно конституции Российской Федерации, «русский язык обязателен к употреблению в следующих сферах:

1) в деятельности федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, иных государственных органов, органов местного самоуправления и т. д.;

2) в наименованиях федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, иных государственных органов, органов местного самоуправления, организаций всех форм собственности;

3) при подготовке и проведении выборов и референдумов;

4) во всех видах судопроизводства;

5) при официальном опубликовании международных договоров Российской Федерации, а также законов и иных нормативных правовых актов;

6) во взаимоотношениях федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, иных государственных органов, органов местного самоуправления, организаций всех форм собственности и граждан Российской Федерации, иностранных граждан, лиц без гражданства, общественных объединений;

7) при написании наименований географических объектов, нанесении надписей на дорожные знаки;

8) при оформлении документов, оформление которых в соответствии с законодательством Российской Федерации осуществляется на государственном языке Российской Федерации, при оформлении адресов отправителей и получателей телеграмм и почтовых отправлений, пересылаемых в пределах Российской Федерации, почтовых переводов денежных средств;

9) в продукции средств массовой информации;

9.1) при показах фильмов в кинозалах;

9.2) при публичных исполнениях произведений литературы, искусства, народного творчества посредством проведения театрально-зрелищных, культурно-просветительных, зрелищно-развлекательных мероприятий;

10) в рекламе;

11) в иных определенных федеральными законами сферах» [9].

Как показал анализ отобранного материала, наибольшее количество иноязычных вкраплений наблюдается в сфере рекламы. На втором месте стоит продукция средств массовой информации, которая в свою очередь, может быть подразделена на два типа:

«официальные», использование иностранного языка в которых минимально, и «популярные», где англоязычные заимствования представлены достаточно широко. Следует также отметить, что чем моложе предполагаемая аудитория того или иного СМИ, тем выше процент и кодовых переключений.

Если в официальном языке (федеральные законы, проведение выборов, судопроизводство, официальные СМИ (на примере официального сайта первого канала, электронной версии газеты «Аргументы и факты») в качестве заимствованных элементов употребляются уже освоенные русским языком элементы, а также элементы, не имеющие аналогов в русском языке: брифинг, сайт, парламент / европарламент, саммит и т. п. Переключения кодов как такового не происходит, поскольку на сегодняшний день все эти слова освоены русским языком, подчиняются его правилам и служат основой для словопроизводства.

Что касается языка средств массовой информации, носящих менее официальный характер, то здесь употребление иностранных слов значительно шире: вип-персоны, шоу, экспресс, интернет, байкер, вамп, лав-стори и т. д. Особенно изобилует подобными лексическими единицами молодежная пресса, в которой, в частности, появляются и примеры переключения кода и гибридизации разного уровня: издания с названиями «Yes!», «Oops», «шоу Victoria's Secret», «кто из моделей будет демонстрировать Fantasy Bra», «Бренд Colgate Optic White Мгновенный объявляет о старте всероссийского творческого конкурса #SmileKultura в социальной сети Инстаграм», «Для участия необходимо представить персональную «спортивную селфи» в Инстаграм с хэштегом #SmileKultura».

Такое обилие англоязычной лексики как в оригинальном написании, так и написанной на кириллице свидетельствует о высокой престижности английского языка в современной молодежной среде. Необходимо подчеркнуть, что большая часть таких заимствований относится к сфере интернет-технологий, поскольку в этой области иностранные технологии существенно опережают отечественные, а, следовательно, употребление ино-

странных слова в данной сфере является, с одной стороны, необходимостью из-за отсутствия русскоязычного синонима, с другой стороны, маркером высокого качества.

Использованная англоязычная лексика не переводится и не объясняется, поскольку предполагается, что ее смысл понятен молодым людям. В большинстве случаев приведенные примеры демонстрируют, что отсутствие терминологического эквивалента в русском языке способствует реализации принципа экономии речевых усилий. В русском языке для замены указанных понятий нужно было бы давать описательный перевод или дефиницию, в связи с чем коммуниканты предпочитают прибегать к ресурсам английского языка.

Важно отметить, что даже в ориентированных на молодежную аудиторию СМИ мы не наблюдаем переключения кодов на уровне предложений или групп предложений.

Таким образом, в структуре языковой личности представлен только лексический модуль, единицы которого представляют «содержание общекультурной информации о мире через ее номинацию» [5, с. 137].

Единственная сфера употребления языка, в которой мы проследили переключение кодов на уровне предложения или группы предложений.

«Life's good», «Wanna? Be!», «Eat as you mean it», «I'm loving it», «Just do it».

Здесь важно подчеркнуть, что даже у представителей молодого поколения, наиболее позитивно относящегося к различного рода англоязычным заимствованиям, в ряде случаев понимание такой рекламы вызывает значительные трудности. Таким образом, употребление оригинальных рекламных слоганов данных компаний призвано, с одной стороны, привлечь и максимально долго удерживать внимание потенциальных клиентов, с другой – служить индикатором престижности того или иного продукта или услуги. С другой стороны, именно в языке рекламы наблюдается наибольшее количество разнообразных гибридных форм: эмпаер, блокбастер, Pushkin, Lubasha, Пита-fun, Abama бар, Космос, Maryssa, мясnoff, стoлoффka.

	Англоязычные заимствования, освоенные русским языком	Гибридизация			Переклечение языкового кода (одно или несколько предположений)
		Внутри слова	На уровне слова	На уровне словосочетания	
В деятельности и наименованиях федеральных органов государственной власти	-	-	-	-	-
При подготовке и проведении выборов и референдумов	3	-	-	-	-
Во всех видах судопроизводства	3	-	-	-	-
При официальном опубликовании законов и иных нормативных правовых актов	-	-	-	-	-
В продукции средств массовой информации	«официальные» СМИ	6	-	-	-
	Молодежные СМИ	10	37	114	86
В рекламе	10	69	132	138	8

Итак, мы можем определить два основных вектора интенсификации процессов заимствования: от крайне низкого в официальной сфере употребления языка до крайне высокого в языке рекламы; от крайне низкого в среде людей пожилого возраста до крайне высокого в молодежной среде.

Тем не менее констатировать сформированность вторичной языковой личности мы

не можем даже в молодежной среде, поскольку языковая личность современного россиянина не удовлетворяет соответствующим критериям даже на критическом уровне. Таким образом, на сегодняшний день, в эпоху широких языковых контактов мы можем говорить о русской языковой личности как о монолингвальной.

Литература

1. Воевода Е. В. Вторичная социокультурная личность – феномен эпохи глобализации // Язык и социум: материалы VIII Международной научной конференции. Минск, 5–6 декабря 2008 г. Часть II. Минск: ЗИВШ, 2009. С. 167–170.
2. Гальскова Н. Д. Современная методика обучения иностранным языкам: пособие для учителя. М.: Аркти-Глосса, 2000. 165 с.
3. Грушевицкая Т. Г., Попков В. Д., Садохин А. П. Основы межкультурной коммуникации: учебник для вузов. М.: Юнити-Дана, 2003. 297 с.
4. Гудков Д. Б. Теория и практика межкультурной коммуникации. М.: Гнозис, 2003. 288 с.
5. Ешкембева Л. В. Языковые модули и проблемы обучения. Алматы: Казахский университет, 2000. 165 с.
6. Кудрявцева Е. Л. Глобиш не может быть языком интеллигенции. URL: <http://news2world.net/obshhestvennye-novosti/kudryavtseva-globish-ne-mozhet-bit-yazikom-intelligentsii.html> (Дата обращения: 12.02.2016).
7. Леденева Н. В. Аккультурация как процесс межкультурного взаимодействия // Проблемы социально-экономического развития Сибири. 2011. № 1(3). С. 90–94.
8. Мамонтова Н. А. Вторичная языковая личность в онтогенезе: уровни лингвокультурологического описания (на материале начального этапа обучения английскому языку русскоязычных учащихся): автореф. дис. ... канд. филолог. наук. М., 2010. 20 с.
9. О государственном языке Российской Федерации: Федеральный Закон от 1 июня 2005 г. № 53-ФЗ, принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 20 мая 2005 г.: одоб. Советом Федерации 25 мая 2005 г. // Российская газета. 2005. № 120. 7 июня.
10. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация. М.: МГУ, 2005. 264 с.
11. Халеева И. И. Вторичная языковая личность как реципиент инофонного текста // Язык – система. Язык – текст. Язык – способность. М.: Институт русского языка РАН, 1995. С. 277–278.

References

1. Voevoda E. V. Vtorichnaya sociokulturnaya lichnost'- fenomen epochi globalizatsii (Secondary socio-cultural identity – a phenomenon of globalization) // Yazyk i socium. Materialy VIII mezdunarodnoi nauchnoi konferentsii. Minsk, 5–6 dekabrya 2008. Chast' II (Language and society. Materials of the VIII International Scientific Conference. Minsk, 5–6 December, 2008. Part II.). Minsk: ZIVSh, 2009. P. 167–170.
2. Gal'skova N. D. Sovremennaya metodika obucheniya inostrannym yazykam. (Modern methods of teaching foreign languages). M.: Arcti-Glossa, 2000. 165 p.
3. Grushevitskaya T. G., Popkov V. D., Sadokhin A. P. Osnovy mezkulturnoi kommunikatsii (Fundamentals of Intercultural Communication). M.: Unity-Dana, 2003. 297 p.
4. Gudkov D. B. Teoriya i praktika mezkulturnoi kommunikatsii (Theory and practice of intercultural communication). M.: Gnozis, 2003. 288 p.
5. Eshkembeeva L. V. Yazikovye moduli i problemy obucheniya (Language modules and learning problems). Almaty: Kazakh University, 2000. 165 p.
6. Kudryavtseva E. L. Globish ne mozet byt' yazykom intellektsii (Globish cannot be the language of intellectuals). URL: <http://news2world.net/obshhestvennye-novosti/kudryavtseva-globish-ne-mozhet-bit-yazykom-intellektsii.html> (Accessed: 12.02.2016)
7. Ledeneva N. V. Akkulturstiya kak process mezkulturnogo vzaimodeistviya. (Acculturation as a process of cross-cultural interaction) // Problemy social'no-ekonomicheskogo razvitiya Sibiri. 2011. No. 1(3). P. 90–94.
8. Mamontova N. A. Vtorichnaya yazykovaya lichnost' v ontogeneze: urovni lingvokuturologicheskogo opisaniya (na material nachal'nogo etapa obucheniya angliiskomu yazyku russkoyazychnykh uchashikhsya) (Ontogeny of secondary linguistic identity: the levels of linguistic and cultural description (based on the initial stage of learning English by Russian students). M., 2010. 20 p.
9. O gosudarstvennom yazyke Rossiiskoi Federatsii: The Federal Law No. 53-FZ (On the official language of the Russian Federation) // Rossiyskaya Gazeta. 2005. No. 120.
10. Ter-Minasova S. G. Yazyk i mezkulturnaya kommunikatsiya (Language and intercultural communication). M.: MSU, 2005. 264 p.
11. Khaleeva I. I. Vtorichnaya yazykovaya lichnost' kak recipient inophonnogo teksta (The secondary linguistic identity as a foreign text recipient) // Yazyk- sistema. Yazyk – tekst. Yazyk – sposobnost' (Language – the system. Language – text. Language – ability). M.: Institute of Russian language of RAS, 1995. P. 277–278.

УДК 81-11

С. В. Серебрякова, А. А. Донцова

**ЛИЧНОСТНО-ОЦЕНОЧНЫЙ МОДУС КАК МАРКЕР
ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ПОВЕСТВОВАНИЯ**

Статья посвящена изучению современного В статье рассматриваются особенности текстовой реализации личностно-оценочного модуса персонажа на материале романа известной австрийской писательницы Марлен Хаусхофер «Die Wand» («Стена»). Центральная роль в психологической прозе принадлежит персонажу и его речевым партиям, и в первую очередь внутренней речи, отражаю-

щей саморефлексию. Для представленного в романе психологического типа повествования характерно оценочно-кваликативное восприятие персонажем различных фактов действительности, реализуемое целым комплексом языковых средств во внутренней речи.

Ключевые слова: психологическая проза, личностно-оценочный модус, оценка, модальность, внутренняя речь, саморефлексия.

S. V. Serebryakova, A. A. Dontsova

**PERSONAL EVALUATIVE MODUS AS A MARKER
OF PSYCHOLOGICAL NARRATION**

The article studies the peculiarities of character's personal evaluative modus as regards text realization in the novel by the famous Austrian writer Marlen Haushofer «Die Wand» (The Wall). In psychological prose the central role belongs to the character and his speech acts which are presented by inner speech referred to as a means of expressing self-reflection. The psychological type of

narration in the novel under consideration can be defined as the character's evaluative-qualificative perception of different facts of reality realized by a complex of linguistic means in inner represented speech.

Key words: psychological prose, personal evaluative modus, evaluation, modality, inner speech, self-reflection.

Антропологическая парадигма гуманитарного знания определяет исследовательский вектор современной лингвистики. Основным объектом междисциплинарного изучения становится человек, его мировосприятие и выражение его жизненного и чувственного опыта в процессе рече- и текстопроизводства, что предопределяет важность в этих процессах категории оценки в ее различных измерениях. Научный интерес в связи с этим приобретает проблема восприятия субъектом действительности, эмоциональной реакции на нее и соответствующего оценочного суждения, то есть изучение когнитивно-чувственных способностей личности.

Задача данной статьи – рассмотреть особенности текстовой реализации личностно-оценочного модуса персонажа в литературном произведении с учетом его переводческой специфики. Материалом для

исследования послужил роман известной австрийской писательницы Марлен Хаусхофер «Die Wand» («Стена») [12]. М. Хаусхофер является не только романисткой, она писала также пьесы для радио и сказки для детей. Многие её работы были удостоены государственных премий Германии и Австрии.

Философское понятие «модус» (лат. *modus* – мера, способ, образ, вид) имеет лингвистическое воплощение в понятии «модальность», которая трактуется как «функционально-семантическая категория, выражающая разные виды отношения высказывания к действительности, а также разные виды субъективной квалификации сообщаемого» [6, с. 303]. Данная дефиниция акцентирует оценочно-кваликативный характер восприятия личностью различных фактов действительности, реализуемый целым комплексом языковых средств.

Значимая для данной статьи категория оценки имеет логико-семантический характер и всегда связана с квалификативным мнением субъекта речи. Оценка является неотъемлемой частью процессов познания и отражения действительности, которые воплощаются в различных формах его речевой, в том числе и текстовой, деятельности. Важно отметить, что характер оценки определяется целым рядом личностно-индивидуальных и социокультурных параметров коммуникации: темпераментом, языковым опытом, степенью языковой доступности, а также полом, возрастом, национальностью, социальным статусом. Важную роль играет при этом конкретная коммуникативная ситуация и, естественно, сами коммуниканты. Субъект речи даёт оценку действительности на основе как собственного мировоззрения, мнения и вкуса, так и «коллективного» опыта. Как справедливо утверждает Н. Д. Арутюнова, «оценка социально обусловлена: её интерпретация зависит от норм, принятых в том или ином обществе или его части» [1, с. 6].

Центральная роль в психологической прозе принадлежит персонажу и его речевым партиям, и в первую очередь внутренней речи. Речевая деятельность осуществляется в двух режимах коммуникации: внутренней и внешней. Внутренняя коммуникация проявляется в размышлениях, во внутренней речи субъекта, внешняя – в тех из них, которые он решает озвучить [7, с. 75], однако при этом содержание внутренней речи и ее речевой реализации может значительно различаться, что подтверждается нашими наблюдениями. К основным формам внутренних речемыслительных процессов принято относить две: эксплицитную, реализуемую в виде внутренней и несобственно-прямой речи (интериоризация), и имплицитную, реализуемую через элементы внешнего мира (экстериоризация), которые образуют «концептуальные основы психологизма» [11, с. 3].

Для рассматриваемого нами романа М. Хаусхофер «Die Wand» («Стена») характерны психологическая достоверность, неповторимая психологическая атмосфера, что позволяет отнести его к богатой эмоциями психологической прозе, отличающейся имманентным интересом к внутреннему миру и психологическим состояниям человека. Под психологизмом в литературе понимается «художественное изображение

внутреннего мира персонажей, т. е. их мыслей, переживаний, желаний и т. п.» [5, с. 12]. Главной героиней романа является женщина, которая в силу непонятных ей загадочных обстоятельств оказалась отделенной от всего мира стеклянной стеной, с нею в лесу оказались лишь собака, кошка и корова, а за стеной остановилась вся жизнь, люди и животные замерли. В данном случае очевидным можно считать интертекстуальное взаимодействие в рамках мировой литературы со знаменитым романом Д. Дефо: вынужденное одиночество героини, ее борьбу за выживание можно определить как женскую робинзонаду, при этом «интертекстуальность... обеспечивает качественное приращение смыслов и является действенным средством, организующим читательскую рецепцию» [9, с. 167].

Особенность речевой партии героини романа обусловлена тем, что она больше не является частью социума. Всё её мировосприятие, составляющее содержательную основу романа, представлено в форме записей на обороте старых календарей и маловероятно, даже по мнению самой героини, что они когда-либо будут обнаружены. Самосознание и самопознание героини происходит в форме рефлексии, «составляющей благой и насущный „акт возвращения“ человека к самому себе» [10, с. 201].

Важно отметить, что роман имеет «перволичную повествовательную форму» [8, с. 204] – Ich-Erzählung, т. е. в качестве рассказчика выступает героиня, имени которой читатель не знает, а ее речевая партия представлена как внутренней речью, так и записями ее впечатлений и переживаний. Поэтому она предельно честна, размышляет и пишет, ничего не утаивая, открыто выражая своё отношение к действительности, что в рамках определённого социума не всегда возможно:

«Ich kann mir erlauben, die Wahrheit zu schreiben; alle, denen zuliebe ich mein Leben lang gelogen habe, sind tot».

Словосочетания *kann mir erlauben, die Wahrheit zu schreiben* (могу себе позволить писать правду), *denen zuliebe ich gelogen habe* (ради кого я врал) свидетельствуют о ее предельной откровенности: раньше в привычной жизни героиня не могла позволить себе некоторые высказывания, оценочные суждения, так как они противоречили бы

принятым морально-этическим нормам социума. Ей приходилось о чем-то умалчивать, лукавить, чтобы не расстроить собеседника или не выставить себя в неприглядном свете. Адекватным можно считать следующий вариант перевода: «*Могу позволить себе писать правду: все, в угоду кому я всю жизнь врал, умерли*».

Высказывания, содержащие оценочные компоненты, весьма разнообразны по форме и функциям. В целом, все речевые аспекты оценки и их текстовые реализации можно разделить на три группы: положительные, нейтральные и отрицательные, при этом оценочность может быть различного типа и степени в зависимости от субъекта речи или коммуникативной ситуации. Установлено, что оценка может быть выражена на различных языковых уровнях: интонационно, графически, синтаксически, посредством словообразования [см., например: 4, с. 274; 2, с. 101–104]. Однако основным языковым способом выражения оценки является лексический фонд любого языка. По мнению В. В. Виноградова, «слово не только обладает грамматическими и лексическими, предметными значениями, но оно в то же время выражает оценку субъекта – коллективного или индивидуального» [2, с. 25].

Оценочную функцию выполняют в силу их внутрилингвистических свойств в основном прилагательные, существительные, глаголы и наречия. Естественно, прилагательным как кваликативным единицам это присуще в большей степени, так как они своей семантикой манифестируют качество предмета, явления, личности, что подтверждается многочисленными примерами из романа: *spärliche* Notizen, *das schreckliche unsichtbare* Ding, *ein häßliches* Gesicht, *eine schlimme* Lage, *ein kühles, glattes und ganz unüberwindliches* Hindernis и мн. др. Аналогичную оценочно-описательную функцию выполняют и многочисленные наречия: *schmerzlich und erschrocken*, *still und glänzend*, *ganz unwirklich*, *reizvoll romantisch*.

Наблюдения и впечатления героини отличаются номинативно-описательным характером, поэтому функционально активными являются существительные, имеющие оценочный компонент: *Bosheit*, *Waldgefängnis*, *Unordnung*, *Entfremdung*, *Furcht*, *Schrecken*, *Tod*, *Katastrophe* и мн. др., которые часто сопровождаются прилагательными, усиливающими оценочную сему.

В. М. Вольф причисляет к оценочным высказываниям не только те, которые содержат оценочное слово, но и виды сообщений, в которые входят слова, включающие оценочную сему [3, с. 163]. В первую очередь это глаголы личностно-эмоционального восприятия: *нравиться, осуждать, надеяться* и т. п.: «...und ich **fürchte**, daß sich in meiner Erinnerung vieles anders ausnimmt, als ich es wirklich gelebte».

Глагол *fürchten* в данном случае, хотя и переводится дословно, реализует не прямое своё значение. *Боюсь* в контексте выступает в качестве вводного слова, выражающего неуверенность героини в достоверности описываемого: *vielen ausnimmt sich in meiner Erinnerung anders, als ich es wirklich gelebte* – букв.: *много в моей памяти выглядит не так, как было пережито мною в действительности*. Поэтому возможен следующий вариант перевода: *...и, боюсь, многие воспоминания отличаются от действительности*, – позволяющий сохранить оценочную сему.

Категория оценки неразрывно связана с механизмом сравнения или метафорического переноса, так как именно на основе сравнения предмета, явления или события с ассоциативно аналогичным формируются наши впечатления и, соответственно, оценочные суждения. Так, можно проследить, как в ходе повествования меняется отношение героини к тем или иным объектам действительности и сложившейся ситуации в целом. Её жизнь разделяется на периоды до и после возникновения таинственной стены, отделившей её от внешнего мира:

«Am Vortag hatte Luise zu meinem Ärger während der Fahrt Tanzmusik gehört. Jetzt wäre ich vor Freude über ein bißchen Musik umgefallen».

Первоначально героиня не любит танцевальную музыку, та ее раздражает (*zu meinem Ärger*), однако, оказавшись в полном одиночестве, когда она понимает, что полностью отрезана от внешнего мира и от людей, героиня буквально *упала бы в обморок от радости (wäre vor Freude umgefallen)*, услышав звуки музыки. В качестве аналога можно было рассматривать контекстуальное соответствие *запрыгать от радости*, однако принимая во внимание трагическую тональность романа, считаем его вряд ли уместным.

Своё положение героиня также расценивает по-разному: только осознав случившееся, она высказывает надежду, что катастро-

фа не затронула весь мир, что кроме неё есть и еще выжившие. Порой ей становится настолько одиноко, что она пытается представить себе, что было бы, будь она не одна. Однако в результате любого такого сравнения героиня приходит к неожиданному для нее выводу, что в общем и целом она удовлетворена своим одиночеством. Больше всего в изоляции от других людей её пугает вероятность потерять рассудок, поэтому она пытается вести беседы с животными, а позже начинает вести дневник. Немногочисленные животные, которых приручила героиня, и возникшие в связи с этим заботы и обязанности стали важной жизненной основой и мерой ее оценочного отношения ко всему происходящему. Например, одной из причин, почему она не хочет общения с людьми, является страх перед очередной потерей.

Wenn ich mir heute einen Menschen wünschte, so müsste es eine alte Frau sein, eine gescheite, witzige, mit der ich manchmal lachen könnte. ... Aber sie würde wohl vor mir sterben, und ich bleibe wieder allein zurück. Es wäre schlimmer, als sie nie gekannt zu haben.

Если бы мне захотелось присутствия другого человека, то чтобы это непременно была толковая, остроумная старушка, с которой можно было бы иногда посмеяться. ... Но она, вероятно, умерла бы раньше меня, и я снова осталась бы в одиночестве. Это было бы даже хуже, чем не знать её вовсе.

Необходимость введения пояснительных компонентов (*компания, присутствие*) при переводе придаточного условия *Wenn ich mir heute einen Menschen wünschte* послужила причиной использования переводческой трансформации добавления. Описывая идеального собеседника, героиня называет ряд качеств, которые отражают её оценочное отношение как к своей среде обитания, так и к себе самой. Первая характеристика возрастная: *eine alte Frau (старушка)*. Именно в компании женщины, к тому же не ее ровесницы или молодой девушки, а превосходящей её по возрасту, героиня чувствовала бы себя наиболее комфортно. По натуре она одиночка, круг её общения был весьма ограниченным и в прошлой жизни, потому что даже в компании, казалось бы, близких знакомых она предпочитала уединенное молчание беседе. Следующее качество — *gescheit (разумная, толковая)*, качество, несомненно, важное для героини в сложившихся обстоятельствах. К тому же как город-

скому жителю для нее непривычны и сложны некоторые новые занятия и обязанности, а ограниченные запасы еды тоже усложняют жизнь. От старшей, более опытной женщины героиня ждёт в первую очередь, совета и житейской мудрости. В связи с этим признаковое слово *gescheit* можно перевести на русский язык как *толковая, опытная*, поскольку это слово объединяет в себе семы «умная», «дельная», «понятливая». Ещё одной важной характеристикой является *witzig, mit der ich manchmal lachen könnte*. Героиня романа «Стена» попала в трагическую ситуацию, со всех сторон её окружают опасности и ужасы. В её новой жизни почти нет поводов для улыбки или смеха, и остроумная старушка, с которой можно было бы иногда посмеяться, стала бы для нее не только приятной собеседницей, но и своеобразной опорой в жизни.

Важно отметить, что в ходе повествования меняется психологическое состояние героини, происходит отчетливая переоценка ценностей, как, например, ее отношение к смерти. Так, в юности она воспринимала смерть как личное оскорбление, и умереть она хотела бы в одиночестве:

Als ich noch jung war und der Tod mir wie eine persönliche Beleidigung erschien, stellte ich mir oft vor, wie ich mich zum Sterben in eine Höhle zurückziehen wollte, um nie gefunden zu werden.

В молодости, когда смерть казалась мне личным оскорблением, я часто представляла, как отправлюсь умирать в какую-нибудь пещеру, чтобы меня никогда не нашли.

Однако теперь, оказавшись отгороженной от мира прозрачной стеной, она воспринимает смерть как освобождение и облегчение, хотя и отмечает, что пока ей хочется жить, но возможно лишь потому, что она чувствует ответственность перед прирученными ею животными.

Ich lebe immer noch gern, aber eines Tages werde ich genug gelebt haben und zufrieden sein, daß es zu Ende geht.

Пока мне хочется жить, но придёт день, когда я почувствую, что прожила достаточно, и обрадуюсь концу.

Слово *gern* из первой части предложения также содержит оценочный компонент: его значение интерпретируется как *охотно, с удовольствием*. Но при переводе на русский язык ни одно из них не будет, на наш взгляд, контекстуально оправданным: первое в сочетании с глаголом *leben (жить)*, не соответствует нормам русского языка (нель-

зя сказать «жить охотно» или «мне живётся охотно»), а второе не согласуется с ситуацией, описанной в романе. Новая жизнь для героини – это постоянная тяжёлая работа и борьба за выживание. И хотя у неё случаются редкие моменты спокойствия и счастья, такое существование вряд ли доставляет удовольствие. Поэтому в качестве контекстуального соответствия фразе *ich lebe gern* можно предложить словосочетание *мне хочется жить*, которое одновременно выражает желание героини не сдаваться и не содержит излишней эмоциональности.

Оценочный модус проявляется также в том, какие имена героиня даёт животным: Тигр, Жемчужина, Белла. Своего рода «имя» она дала даже неопознанному объекту, отделившему её от внешнего мира. Она называет это нечто «стеной». Это не купол, который накрыл её, возможно, для защиты, не стекло, хотя сквозь неё всё видно, а именно стена, которая отгородила её от остального мира. Своё собственное имя героиня так и не называет: бессмысленно как-то обозначать или выделять себя, если ты остался

один во всём мире и у тебя нет собеседника или общества.

К основным проблемам творчества М. Хаусхофера относятся одиночество, недостаток искреннего общения, дисгармония личности, межличностные отношения, описанные с женской точки зрения. Природа выступает для нее местом защищенности, надежности, это она ощущала и в прошлой жизни. Так и героиня романа, несмотря на одиночество и трудности выживания, переживает природную и душевную катастрофу, завершившуюся впоследствии освобождением: «Здесь в лесу я, наконец, на своем месте».

Личностно-оценочный модус психологического повествования особенно интересен для анализа в переводческом аспекте именно таких произведений, как «Стена», где имеется единственный субъект речи, от лица которого и ведётся повествование, отличающееся сугубо рефлексивным характером, при этом читатель не только имеет возможность представить себя в роли стороннего наблюдателя, но и пережить все события вместе с героиней и даже примерить на себя её роль.

Литература

1. Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М.: Наука, 1988. 341 с.
2. Виноградов В. В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М.: Высшая школа, 1986. 640 с.
3. Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. М: Едиториал УРСС, 2002. 261 с.
4. Золотова Г. А. Коммуникативный аспект русского синтаксиса. М.: Наука, 1982. 386 с.
5. Есин А. Б. Психологизм русской классической литературы. 2-е изд., перераб. М.: Флинта: МПСИ, 2003. 176 с.
6. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Советская энциклопедия, 1990. 685 с.
7. Морозкина Т. В. Коммуникативно-прагматические условия формирования и актуализации рефлексивного дискурса (на материале художественных текстов немецкого и русского языков): дис. ... канд. филол. наук. Ульяновск, 2005. 228 с.
8. Падучева Е. В. Семантические исследования (Семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива). М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. 464 с.
9. Серебряков А. А., Серебрякова С. В. Интертекстуальность как маркер взаимодействия индивидуально-авторских художественных систем // Вестник Северо-Кавказского федерального университета. 2013. № 1(34). С. 166–172.
10. Хализев В. Е. Теория литературы. 4-е изд., испр. и доп. М.: Высшая школа, 2005. 405 с.
11. Щирова И. А. Психологический текст: деталь и образ. СПб.: СПбГУ, 2003. 120 с.
12. Haushofer M. Die Wand. München: Dt. Taschenbuch-Verl, 1991. 234 s.

References

1. Arutyunova N. D. Tipy yazykovykh znacheniy: Otsenka. Sobytie. Fakt (Types of language meaning: Estimation. Event. Fact). M.: Nauka, 1988. 341 s.
2. Vinogradov V. V. Russkiy yazyk. Grammaticheskoe uchenie o slove (Russian language. Grammatical doctrine of word). M.: Vysshaya shkola, 1986. 640 s.
3. Vol'f E. M. Funktsional'naya semantika otsenki (Functional semantics of valuation). M., 2002. 261 s.
4. Zolotova G. A. Kommunikativnyy aspekt russkogo sintaksisa (Communicative aspect of Russian syntax). M.: Nauka, 1982. 386 s.
5. Esin A. B. Psikhologizm russkoy klassicheskoy literatury (Psychological logic of Russian classics). 2-e izd., pererab. M.: Flinta: MPSI, 2003. 176 s.

6. Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar' (Linguistic encyclopedic dictionary) / gl. red. V. N. Yartseva. M.: Sov. entsiklopediya, 1990. 685 s.
7. Morozkina T. V. Kommunikativno-pragmaticheskie usloviya formirovaniya i aktualizatsii refleksivnogo diskursa (na materiale khudozhestvennykh tekstov nemetskogo i russkogo yazykov) (Communicative and pragmatic conditions of reflexive discourse development and actualisation (as exemplified in literary text of German and Russian languages)): dis. ... kand. filol. nauk. Ul'yanovsk, 2005. 228 s.
8. Paducheva E. V. Semanticheskie issledovaniya (Semantika vremeni i vida v russkom yazyke; Semantika narrativa) (Semantic investigations (Semantic of the verbal tense and aspect in Russian; Narrative semantic). M.: Shkola «Yazyki russkoy kul'tury», 1996. 464 s.
9. Serebryakov A. A., Serebryakova S. V. Intertekstual'nost' kak marker vzaimodeystviya individual'no-avtorskikh khudozhestvennykh system (Intertextuality as the interaction marker of individual author fiction systems) // Vestnik Severo-Kavkazskogo federal'nogo universiteta. 2013. № 1(34). Stavropol', 2013. S. 166–172.
10. Khalizev V. E. Teoriya literatury (Literary theory). 4-e izd., ispr. i dop. M.: Vysshaya shkola, 2005. 405 s.
11. Shchirova I. A. Psikhologicheskiy tekst: detal' i obraz (Psychological text: detail and image). SPb.: Filologicheskiy fakul'tet SPbGU, 2003. 120 s.
12. Haushofer M. Die Wand. München: Dt. Taschenbuch-Verl, 1991. 234 s.

УДК 070.19

Д. А. Шевцова

ОБРАЗЫ ПРОШЛОГО В КОЛУМНИСТИКЕ СОВРЕМЕННОЙ «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ»

В статье выделено несколько смысловых групп образов прошлого в колумнистике «Литературной газеты» и определены доминирующие. Эти образы отражают закономерности восприятия истории современными публицистами. На примере содержательного анализа колонок автор доказывает тезис о том, что

сходство образов прошлого у разных колумнистов неслучайно, так как именно эти образы – важнейший индикатор для определения позиции издания.

Ключевые слова: колумнистика, «Литературная газета», образ прошлого.

D. A. Shevtsova

THE IMAGES OF THE PAST IN COLUMNS OF «LITERATURNAYA GAZETA»

The author provides several semantic groups of images of the past in columns of «Literaturnaya gazeta» and defines the dominant. These images reflect the perception of the history of modern publicists. The author proves the thesis that the similarity of the

images of the past from different columnists is no coincidence. It is the most important indicator to determine the position of edition.

Key words: columns, «Literaturnaya gazeta», the image of the past.

В одной из философских работ, посвященных научной рефлексии над категорией прошлого, представлен взгляд на бытие как на единство прошлого и настоящего, что, на наш взгляд, свидетельствует об актуальности исследований репрезентации образов прошлого: «Прошлое навсегда осталось в бытии, в реальности, заняв своё неискоренимое „место“ в общем потоке перемен; импульсы,

заданные давно прошедшими событиями, продолжают действовать и донныне, они дали толчок движению в данном направлении, продолжающемуся сейчас. Тенденции изменения, определённая направленность траектории процессов изменения – это и есть существование прошлого в настоящем» [32, с. 279]. Образы прошлого, по мнению исследовательницы И. И. Глебовой, играют одну

из ключевых скрепляюще-трансляционных ролей: «Общее прошлое рассматривается в качестве необходимой составляющей формирования сообществ, конструирования идентичностей, установления политического согласия» [9, с. 5]. Таким образом, тема прошлого страны – один из сигналов «своим», посылаемый авторами в читательскую аудиторию, своеобразный метод консолидации единомышленников вокруг СМИ.

Нам представляется важным изучить, какие образы прошлого отражает современная публицистика, представленная на страницах современной прессы авторскими колонками, которые ученые называют «монологом публициста, предлагающего в образно-эмоциональной форме свою оценку фактов и явлений действительности» [15, с. 153].

Для исследования специфики медиаотражения прошлого выбрана колумнистика «Литературной газеты», так как данное издание занимает четко выраженную гражданскую позицию. Сайт Министерства культуры РФ характеризует «Литературную газету» как рупор российской государственности, трибуну патриотически ориентированной интеллигенции, как орган, который «активно участвует в выработке новой созидательной идеологии нашей страны» [26].

Цель нашего исследования – выявить и охарактеризовать образы прошлого, доминирующие в колумнистике «Литературной газеты».

Эмпирическую базу исследования составили публикации, выложенные на сайте «Литературной газеты» в разделе «Колумнисты». Исследование охватывает период с января 2013 г. по февраль 2016 г. Общий массив текстов составил 210 публикаций, из них 70 были отобраны для анализа по принципу присутствия в них темы прошлого (упоминания исторических фактов, событий, персон и дат).

В начале исследования мы выделили две основные группы: образы личного и образы общего прошлого. Так, одни из самых активных колумнистов газеты А. Макаров и Т. Воеводина часто отталкиваются от собственного опыта, описывая события персональной жизни, которые, однако, являются типичными для их поколения: «Хорошо помню свои самые первые впечатления от Омска ранних 70-х» [16], «Я знаю наш посёлок больше

двадцати пяти лет» [8], «Вспоминаю свою офицерскую молодость 80-х гг.» [20].

В колонках другой группы (В. Шульгин, О. Попцов, Л. Пирогов и др.) прошлое рассматривается как общая данность, как достоинство всего народа, то есть возникает образ прошлого страны, а не отдельного человека. Создание образа происходит соответственно не с опорой на собственные воспоминания, а с помощью отобранных в соответствии с замыслом публициста исторических фактов. Прошлое страны в колонках этого типа всегда характеризуется как великое: «Россия стала другой, окончательно вернувшись на вековую, предначертанную великим прошлым историческую стезю» [28].

В таких материалах важную роль играет тема сохранения исторической памяти, осознания связи между Русью, Российской империей, Советским Союзом и «новой Россией»: «...советский период нашей истории оказался для нас промыслительным и даже спасительным, поскольку законсервировал нашу религиозность и не дал нам превратиться, подобно западноевропейцам, в „потребляющих животных“» [29]. В отрицании этой связи (особенно связи между Советским Союзом и «новой Россией») колумнисты видят одну из главных проблем современности: «РФ отчуждает себя от русской идентичности, сторонится её как чего-то неприличного, даже пытается сформулировать новую, альтернативную. Да, если исходить из того, что «России всего 25 лет», копаться в прошлом нет смысла» [21]; «Политические процессы в позднем СССР, а потом в России вынесли наверх тех, у кого отсутствует историческая память, кто не понимает, что поиск идей и кумиров на Западе для нашей страны всегда кончается плохо: Смутой, нашествием Наполеона, германским «дранг нах остен», американским разграблением в 1990-е гг....» [11].

Значимость темы исторической памяти становится особенно очевидной, если взглянуть на образы прошлого в колумнистике «Литературной газеты» в разрезе теории о существовании двух основных форм представлений о времени – циклической и линейной. В колонках «Литературной газеты» преобладает циклическое понимание времени, когда в современных событиях авторам видится повторение истории. «За триста лет русские трижды имели возможность

возврата на круги своя. <...> Как же выйти из порочного исторического цикла, всё ещё удерживающего нас от торжества национального возрождения?» [31], «Цикличность событий российской истории можно воспринимать как зеркало подсказок» [27]. Пример разновидности цикла – временной спирали: «В новом веке требуется спиральное, но на новом уровне возвращение к идеологии, единственно способной защитить Россию» [14].

Одной из задач нашего исследования было определение сложившейся в колумнистике «Литературной газеты» практики вычленения исторических периодов. Анализ материалов показал, что наиболее часто авторы обращаются к событиям последних 25–30 лет. Часто употребляется выражение «последние четверть века». В текстах большинства колумнистов газеты это время характеризуется как тяжелый период: «...череда стратегических поражений, чуть приукрашенная пудрой тактических побед» [14], «За прошедшие двадцать пять лет произошло множество изменений, среди которых главнейшее – радикальная смена жизнеощущения» [2], «Время, в котором было больше выживания, чем жизни, корёжило всё: думать приходилось не о самореализации, а о том, как бы не остаться без куска хлеба» [30], «В перестройку и в ельцинские годы всё превращалось в блеф, а подлинное заменялось фальшивым» [13].

В этих временных границах колумнисты достаточно четко и единодушно выделяют период «девяностые». Образ этих лет – это «либеральное время», «ультралиберальные 90-е», «эпоха беспамятства», «время ложных альтернатив», «ранние рыночные времена». В некоторых случаях колумнисты определяют десятилетие в соответствии со знаковыми фигурами той поры: «чубайсовские», «ельцинские годы», время «гайдаровских реформ». Часто колумнисты обращаются к данному периоду, проводя параллели с современностью.

В колумнистике «Литературной газеты» истории «новой России» предшествует «советское время». Чаще всего определяемый таким образом период не охватывает полностью семьдесят лет фактического существования Советского Союза. Это его последние 15–20 лет, начиная приблизительно с 70-х, которые живы в памяти большинства авторов и определяемы как «наше время» [33].

Личная память авторов и желание объяснить читателю, как все было на самом деле, приводят к возникновению популярной среди колумнистов «Литературной газеты» темы разоблачения мифов о советском прошлом. Поданная в соответствии с требованиями жанра, она иронически представляет функционирующие в разных СМИ специфические образы прошлого: «В Советском Союзе так только и делали. Космонавтов запускали в космос прямо без скафандров и космических кораблей, а курсантам лётных училищ отрезали ноги – почитайте у Пелевина, если не верите» [23], «Я давно заметила, что во многих мозгах существует такая картина: при царе Россия была крупнейшим экспортёром хлеба, пол-Европы кормила, потом пришли большевики и своими бесчеловечными экспериментами довели сельское хозяйство до ручки» [7], «Только не надо злорадно уличать их в ностальгии по очередям, дефициту, по партийным собраниям и единодушному одобрению – „бу сделано!“ – и уж тем более по высылкам без суда и следствия и лагерям. Дураков нет. Полагаю, что вопреки интеллигентскому отчаянию историческая память у народа всё же не такая девичья» [18].

Если говорить о более отдалённом прошлом, здесь не ослабевает внимание колумнистов к теме Великой Отечественной войны. Образ этого периода – героический, страшный: «Вторая мировая стала беспрецедентным за всю историю людским жертвоприношением» [24]. Актуализирует данную тему напряженность в современных отношениях России с западным миром: «К сожалению, в 1945 г. фашизм не был добит» [34]. М. Демуринов пишет о нашей победе 1945 г. «над всем Западом, включая и так называемых союзников, которые хотели её тогда у нас отобрать, но не смогли» [12].

Обращения к эпохе индустриализации (конец 1920-х – 1930-е гг.) характерны для текстов Т. Воеводиной. В противовес распространённому в других изданиях взгляду на этот период как на время преступлений власти против народа у автора «Литературной газеты» отношение к нему более терпимое, оправдательное: «Мне кажется, во время сталинской индустриализации этот верный путь был нащупан» [6], «Кровавый большевистский режим как раз землю осваивал, застраивал и в меру сил украшал» [3], «Да,

сталинская индустриализация была во многом оплачена хлебом, отнятым у голодных, но других массовых экспортных продуктов тогда у России не было» [7], «Та самая сталинская форсированная индустриализация, плодами которой мы по сю пору живём» [1].

Анализ показал, что, кроме протяженных во времени периодов, у разных авторов встречаются неоднократные упоминания одних и тех же конкретных событий и лет. В первую очередь это 1917 г. Ему могут быть посвящены целые колонки (например, «Октябрь-1917 и элиты» М. Демургина) или упоминания в текстах: «Разобрались уже в 1917 г...» [32], «Летом 17-го года тоже руками махали» [4]. Некоторыми колумнистами проводится параллель «1917 (18) год – 1991 год» (Октябрьская революция – «августовская революция» или «капиталистическая революция»). Например: «Большевики, как мы помним, довольно быстро отвоевали отданное в 1918 году. Насколько нынешние их критики готовы возвращать отданное Западу в 1991 году?» [10]. Эти годы (1917 и 1991) вписаны авторами в череду трагических событий российской истории, которая, по их мнению, «сопровождалась многократным разрывом с традицией, который сам по себе превратился в традицию (раскол, Петровские реформы, 1917-й, 1991-й)» [34].

Упоминание других дат чаще всего связано с юбилейными годовщинами. Например, Первая мировая война появилась в текстах в связи со столетней годовщиной ее начала в 2014 году, Крещение Руси – в связи с празднованием юбилея в 2013 году.

Размышляя о каком-либо периоде, колумнисты могут упоминать знаковых для тех лет персон. Сложные периоды – например, девяностые – представляют отрицательные образы. В «Литературной газете» это А. Чубайс, А. Сахаров, Е. Гайдар, «оставшийся в памяти народной разрушителем народного хозяйства страны» [5], Б. Ельцин – «личный друг Билла», сдававший государственные интересы, как пустые бутылки, по гривеннику штука» [25]. Неперсонифицированные герои того времени – «младокapиталисты», «стажёры-западники» и противоположные им простые люди, «измученные дефицитом, постоянной нехваткой самого необходимого» [16], «поколение, подкошенное на взлете» [30].

Советское время олицетворяют в основном положительные герои. Среди неперсо-

нифицированных образов советской эпохи – «честный большевик», «люди из тёмных народных низов». Персонифицированных образов в этот период практически нет, в текстах встречаются только упоминания или цитаты правителей страны – В. Ленина, И. Сталина, Л. Брежнева.

Персоны из других, более отдаленных эпох, в текстах имеют символическое значение – Александр Невский как защитник Руси, Владимир Красно Солнышко как первый князь-христианин, Иван Калита – «зачинатель нашей державы», Александр I – победитель Наполеона. Трижды в текстах разных авторов появляется Сергей Радонежский, что доказывает значимость этого образа – мудрого православного старца – для современных авторов.

Кроме того, среди неперсонифицированных образов прошлого мы можем выделить резко отрицательную категорию «элиты». Она возникает в текстах разных авторов и в связи с разными историческими периодами. В уже упомянутой колонке «Октябрь-1917 и элиты» М. Демурина речь идет об уехавших после Октябрьской революции в эмиграцию российских интеллектуалах и современных сторонниках «олигархического прозападного политического режима». В вину им ставится безответственность, приведшая к расколу общества в 1917 и в 1991 гг. Л. Пирогов видит в «элитах» причину упадка Русской Империи: «Её выжирали изнутри „элиты“ – как выедает дом плесень: вроде и стены целы, а жить нельзя» [22]. Негативно воспринимается авторами и довоенная, и «постсталинская» элиты: «Нам никак не обойтись без „национализации элиты“. Другого пути не существует. Кстати, именно этот вопрос перед войной и решал Сталин с помощью революционной законности» [25], «Перед советской элитой постсталинского периода стояли величайшие задачи. <...> А она? Разложившаяся морально и интеллектуально номенклатура всё променяла на двадцать лет „стабильности“ и воровства» [14].

Публицистические образы-детали – еще один способ кратко и емко напомнить читателю о прошлом. В качестве примера мы можем назвать «непотопляемый авианосец Крым», крейсер «Аврора» (причем демонтаж герба СССР и красных звёзд на корабле как выражение «процесса десоветизации»), зва-

ние Героя Труда. Целая группа деталей прошлого, относящихся к пище, проходит перед читателем в колонке А. Макарова: «Память моя хранит окаменелые очереди за мукой ранних 50-х, несваримый общепит, знакомый мне по журналистским странствиям 60–80-х, и, наконец, кулёк серой вермишели, который я получал в завидном «писательском» заказе ранних 90-х» [19]. В этом же тексте автор упоминает «долгие годы „дюфсита“, карточек, талонов, нормированных пайков, закрытых распределителей, торгсинов, валютных гастрономов», которые также являются образами-символами конкретного исторического периода. Ю. Поляков перечисляет детали перестроечного времени: «Оставив всё как есть, мы обречены вновь и вновь получать бесконечных сахалинских хорошавиных со складированными брегетами, подмосковных кузнецовых с контейнерами украденных денег, всемирных березовских с их шахер-махерами в конфликтных регионах» [25].

Изучение географии прошлого в текстах колумнистов «Литературной газеты» выявило постоянное обращение к такому понятию,

как «Советский Союз», который выступает одновременно и временным периодом, и пространством. Также двойственны в текстах Сталинград и «Новая Россия». Конкретные места в колонках могут становиться символами прошлого, об этом, в частности, говорит А. Макаров: «Теперь бы я сказал, что существуют исторические явления, назовите их хоть мифами, хоть нравственными устоями, без которых народ перестаёт быть самим собой. И Севастополь вместе с памятником погибшим кораблям, с тою же Корабельной стороной, с сотнями стихов и песен – из их числа» [17].

Колумнисты «Литературной газеты» используют различные способы создания образов прошлого: оно возникает в образах деталей, персон, географических мест. Одновременно мы наблюдаем единодушие в оценках прошлого. Практически нет противоречий между авторами, пишущими на схожие темы. Их образы прошлого могут быть разными, но имеют одинаково позитивный или негативный «заряд».

Литература

1. Воеводина Т. Без труда не вытащим // Литературная газета. 2013. № 41.
2. Воеводина Т. Будущее, которого нет // Литературная газета. 2014. № 1–2.
3. Воеводина Т. В чем нам каяться // Литературная газета. 2013. № 36.
4. Воеводина Т. Где случится переворот // Литературная газета. 2014. № 51–52.
5. Воеводина Т. Заклинатели духа // Литературная газета. 2015. № 1–2.
6. Воеводина Т. Зато они нам // Литературная газета. 2013. № 15.
7. Воеводина Т. Прогрессивный упадок // Литературная газета. 2013. № 23.
8. Воеводина Т. Что внутри, то и снаружи // Литературная газета. 2013. № 20.
9. Глебова И. И. Образы прошлого в структуре политической культуры России: автореф. дис. ... д-ра полит. наук. М.: МГУ, 2007.
10. Демури М. Дранг нах остен и герои поражений // Литературная газета. 2014. № 39.
11. Демури М. Запад как Запад // Литературная газета. 2014. № 12.
12. Демури М. Не отступать! // Литературная газета. 2015. № 5.
13. Замшев М. Ложный гриб // Литературная газета. 2014. № 34).
14. Кирпичев В. Социализм, да не тот // Литературная газета. 2013. № 39.
15. Кройчик Л. Е. Система журналистских жанров // Основы творческой деятельности журналиста: учебник для студ. вузов по спец. «Журналистика» / под ред. С. Г. Корконосенко. СПб.: Знание, 2000. С. 125–167.
16. Макаров А. Большие малые дела // Литературная газета. 2013. № 13.
17. Макаров А. Вернулся я на родину // Литературная газета. 2014. № 15.
18. Макаров А. О чём тоскуем // Литературная газета. 2014. № 3.
19. Макаров А. Сплошная жратва // Литературная газета. 2013. № 24.
20. Марьясин В. Славянский «неформат» // Литературная газета. 2013. № 31.
21. Неменский О. Переписывание истории? Да! // Литературная газета. 2015. № 33.
22. Пирогов Л. Ванна с клопами // Литературная газета. 2014. № 16.
23. Пирогов Л. Жизнь-то меняется // Литературная газета. 2014. № 12.
24. Поляков В. Архитекторы ада // Литературная газета. 2014. № 32–33.
25. Поляков Ю. Детектор патриотизма // Литературная газета. 2015. № 12.
26. Поляков Юрий Михайлович // Официальный сайт Министерства культуры Российской Федерации. URL: <http://mkrf.ru/open-ministry/obshchestvennyy-sovet/biographies-members-oc/detail.php?ID=586311> (Дата обращения: 19.03.2016).

27. Рыбас С. 2015-й – год подсказок // Литературная газета. 2015. № 51–52.
28. Салуцкий А. Все путем // Литературная газета. 2014. № 25.
29. Тростников В. Между «Капиталом» и Евангелием // Литературная газета. 2015. № 44–45.
30. Шабаета Т. Другое время // Литературная газета. 2014. № 47.
31. Шульгин В. Гражданская горизонталь // Литературная газета. 2013. № 37.
32. Щербак Д. А. Прошлое, которого нет, и прошлое, которое есть // Вестник Оренбургского государственного университета. 2014. № 4(165). С. 274–280.
33. Щербак Ю. Ненастоящая жизнь // Литературная газета. 2013. № 16.
34. Щипков А. Мультикультурализм для державников // Литературная газета. 2013. № 51–52.
35. Щипков А. Фашизм, новая волна // Литературная газета. 2015. № 21.

References

1. Voevodina T. Bez truda ne vytashchim (Not easily pull out) // Literaturnaya gazeta. 2013. № 41.
2. Voevodina T. Budushchee, kotorogo net (The future of which is not) // Literaturnaya gazeta. 2014. № 1–2.
3. Voevodina T. V chem nam kayat'sya (What we repent) // Literaturnaya gazeta. 2013. № 36.
4. Voevodina T. Gde sluchitsya perevorot (Where happen coup) // Literaturnaya gazeta. 2014. № 51–52.
5. Voevodina T. Zaklinateli dukha (Spirits charmers) // Literaturnaya gazeta. 2015. № 1–2.
6. Voevodina T. Zato oni nam (But they give us) // Literaturnaya gazeta. 2013. № 15.
7. Voevodina T. Progressivnyi upadok (Progressive declin) // Literaturnaya gazeta. 2013. № 23.
8. Voevodina T. Chto vnuti, to i snaruzhi (That inside and outside the) // Literaturnaya gazeta. 2013. № 20.
9. Glebova I. I. Obrazy proshlogo v strukture politicheskoi kul'tury Rossii (Images of the past in the structure of Russian political culture): avtoref. dis. ... d-ra polit. nauk. M.: MSU, 2007.
10. Demurin M. Drang nakh osten i geroi porazhenii (Drang nach Osten and the hero defeats) // Literaturnaya gazeta. 2014. № 39.
11. Demurin M. Zapad kak Zapad (West is West) // Literaturnaya gazeta. 2014. № 12.
12. Demurin M. Ne otstupat'! (Not to retreat) // Literaturnaya gazeta. 2015. № 5.
13. Zamshev M. Lozhnyi grib (False mushroom) // Literaturnaya gazeta. 2014. № 34).
14. Kirpichev V. Sotsializm, da ne tot (Socialism, but not the) // Literaturnaya gazeta. 2013. № 39.
15. Kroichik L. E. Sistema zhurnalistskikh zhanrov (System of the journalistic genres) // Osnovy tvorcheskoi deyatel'nosti zhurnalista (Fundamentals of creative activity of journalists) / ed. by S. G. Korkonosenko. SPb.: Znanie, 2000. P. 12 167.
16. Makarov A. Bol'shie malye dela (Great small business) // Literaturnaya gazeta. 2013. № 13.
17. Makarov A. Vernulsya ya na rodinu (I returned home) // Literaturnaya gazeta. 2014. № 15.
18. Makarov A. O chem toskuem (What yearn) // Literaturnaya gazeta. 2014. № 3.
19. Makarov A. Sploshnaya zhratva (Solid grub) // Literaturnaya gazeta. 2013. № 24.
20. Mar'yasin V. Slavyanskii «neformat» (Slavic unformat) // Literaturnaya gazeta. 2013. № 31.
21. Nemenskii O. Perepisывание istorii? Da! (Rewriting history? Yes!) // Literaturnaya gazeta. 2015. № 33.
22. Pirogov L. Vanna s klopami (Bath with bedbugs) // Literaturnaya gazeta. 2014. № 16.
23. Pirogov L. Zhizn'-to menyaetsya (Life changes) // Literaturnaya gazeta. 2014. № 12.
24. Polyakov V. Arkhitektory ada (Hell Architects) // Literaturnaya gazeta. 2014. № 32–33.
25. Polyakov Yu. Detektor patriotizma (Detection of patriotism) // Literaturnaya gazeta. 2015. № 12.
26. Polyakov Yurii Mikhailovich. URL: <http://mkrf.ru/open-ministry/obshchestvennyy-sovet/biographies-members-oc/detail.php?ID=586311> (Accessed: 19.03.2016).
27. Rybas S. 2015-i – god podskazok (2015 – year of the tips) // Literaturnaya gazeta. 2015. № 51–52.
28. Salutskii A. Vse putem (All the way through) // Literaturnaya gazeta. 2014. № 25.
29. Trostnikov V. Mezhdru «Kapitalom» i Evangeliiem (Between capital and the gospel) // Literaturnaya gazeta. 2015. № 44–45.
30. Shabaeva T. Drugoe vremya (Another time) // Literaturnaya gazeta. 2014. № 47.
31. Shul'gin V. Grazhdanskaya gorizontali' (Civil horizontal) // Literaturnaya gazeta. 2013. № 37.
32. Shcherbakov D.A. Proshloe, kotorogo net, i proshloe, kotoroe est' (The past is not, and the past is there) // Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta. 2014. № 4 (165). P. 274–280.
33. Shcherbakov Yu. Nenastoyashchaya zhizn' (Not real life) // Literaturnaya gazeta. 2013. № 16.
34. Shchipkov A. Mul'tikul'turalizm dlya derzhavnikov (Multiculturalism for statistis) // Literaturnaya gazeta. 2013. № 51–52.
35. Shchipkov A. Fashizm, novaya volna (Fascism, a new wave of) // Literaturnaya gazeta. 2015. № 21.

УДК 801/820

К. Э. Штайн, Д. И. Петренко

О ВИТАЛИСТИЧЕСКИХ ТЕНДЕНЦИЯХ МЕТАПОЭТИКИ Н. С. ГУМИЛЕВА: К 130-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ

В статье рассматривается метапоэтика Н. С. Гумилева, в основе которой – использование биологической метафоры, анализируются виталистические тенденции в изучении языка и творчества, получившие развитие в нашей стране и за рубежом, связанные с проблема-

ми когнитивной лингвистики, гуманистической географии, биологии, библиопсихологии, библиотерапии.

Ключевые слова: метапоэтика, витализм, биологическая метафора, акмеизм, адамизм, феноменология.

K. E. Shtain, D. I. Petrenko

ABOUT VITALISTIC TENDENCIES OF N.S. GUMILEV'S METAPOETICS: TO THE POET'S 130 ANNIVERSARY

The article is devoted to N. S. Gumilev's metapoetics in which the biological metaphor is widely used, authors analyze vitalistic tendencies in studying of language and creativity, these tendencies gained development in our country

and abroad, they are connected with problems of cognitive linguistics, humanistic geography, biology, bibliopsychology, bibliotherapy.

Key words: metapoetics, vitalism, biological metaphor, akmeizm, adamizm, phenomenology.

Николай Степанович Гумилев (1886–1921) – поэт, прозаик, драма-тург, переводчик, критик, организатор литературного объединения «Цех поэтов». Метапоэтика Н. С. Гумилева представлена в статьях «Жизнь стиха» (1910), «Наследие символизма и акмеизм» (1913), «Читатель» (опубликована в 1923), «Анатомия стихотворения» (1921) и др., а также в стихотворных произведениях. Метапоэтика Н. С. Гумилева формировалась под влиянием символистской традиции, в особенности поэтических манифестов В. Я. Брюсова. Впоследствии поэт заявил о себе как о приверженце культа строгой и четкой поэтической формы. Идеал поэта – предметность, предельная четкость и выразительность при строгой простоте композиционного построения стихотворения. В понимании Н. С. Гумилева слова омертвели и их нужно воскресить, и в первую очередь через Божественный свет, который из них изливается, в то же время словам следует вернуть их чистую, первоизданную предметность. Пример – стихотворение «Слово» (1919): «В оный день, когда над миром новым // Бог склонял лицо Свое, тогда // Солнце останавливали словом, // Словом разрушали города».

Становление акмеизма – направления, с которым был связан Н. С. Гумилев, проходило в обстановке диалогизма как с теоретиками символизма, так и в отталкивании от идей авангарда. В то же время «словесные завоевания», идущие от теорий В. фон Гумбольдта и А. А. Потебни, сохраняли свое значение. Это прежде всего отношение к языку и слову как к художественному произведению. В статье «Анатомия стихотворения» (1921) Н. С. Гумилев дает определение поэзии, исходя из взглядов А. А. Потебни: «...по определению Потебни, поэзия есть явление языка или особая форма речи. Всякая речь обращена к кому-нибудь и содержит нечто, относящееся как к говорящему, так и слушающему, причем последнему говорящий приписывает те или иные свойства, находящиеся в нем самом» [1, с. 65]. Это нечто, относящееся к говорящему и слушающему, во многом держится на «представлении», или внутренней форме, так как именно она образна, наглядна, живописна, что так важно для акмеистов.

Название журнала акмеистов «Аполлон» подчеркивало ориентацию не на музыкальное, дионисийское начало, как это было у

символистов, а на начало аполлоновское, основу которого составляла живопись. В. М. Жирмунский отмечает живописную графическую четкость образов акмеистов, их искусство «точно выверенных и взвешенных слов» [5, с. 110]. Если Э. Гуссерль призывает разговаривать с самими вещами, идти «назад, к вещам», то акмеисты любят «строгие формы внешнего мира», стремятся к выражению «художественного содержания вещей» [5, с. 106–109].

Так, О. Э. Мандельштам говорит о «борьбе за представимость целого, за наглядность мыслимого» [7, с. 121]. «Любите существование вещей больше самой вещи, – писал он, – и свое бытие больше самих себя – вот высшая заповедь акмеизма» [7, с. 172]. Таким образом, речь идет не о направленности поэтического мышления на конкретный предмет, а на его «существование», наличие, то есть на «сознание о» предметах.

Известно, что на теорию акмеистов оказали большое влияние творчество и поэтическая теория М. А. Кузмина, который декларировал «кларизм» – «прекрасную ясность», к которой поэт приходит, «соблюдая чистоту родной речи, имея свой слог», поэт – «искусный зодчий как в мелочах, так и в целом», он должен быть «понятным в выражениях» [6, с. 474]. «Кларизм», декларировавшийся еще и символистами, совпадает с понятием «приведения к ясности» в феноменологии, которое осуществляется через языковую деятельность и выявляется в интенциональной направленности на предметы.

Н. С. Гумилев в целом разделял принципы акмеизма, он был ведущим литературным критиком журнала «Аполлон» в начале XX века, специализировался на анализе поэзии. Позднее рецензии и статьи Н. С. Гумилева были собраны в книге «Письма о русской поэзии» (Пг., 1923; с предисловием Г. В. Иванова). Следует отметить, что Н. С. Гумилев – автор первой в России теоретической работы по проблеме перевода поэзии с английского языка («Принципы художественного перевода», 1919, в соавторстве с К. И. Чуковским).

Молодые поэты, связанные с кругом журнала «Аполлон», сначала рассматривались критикой как третье поколение символизма. В 1911 г. они создали объединение «Цех поэтов», декларировавшее особое внимание к поэтической технике, самоопределение поэ-

тов-акмеистов было подкреплено изданием журнала «Гиперборей» (СПб., 1912–1913).

В. М. Жирмунский отмечал, что Н. С. Гумилев создает объективный мир ярких зрительных образов, вводит в свои стихи повествовательные элементы, любит полуэпическую балладную форму. Его привлекает изображение экзотических стран, муза Н. С. Гумилева – «муза дальних странствий» [см. 7, с. 129]. Все это потребовало изменить отношение к слову, которое перестало быть в арсенале акмеистов «символом, неисчерпаемым в своей глубине» (Вяч. И. Иванов), использовалось в контексте общепотребительной речи, что позволило В. М. Жирмунскому говорить о зарождении «неореализма» в недрах новой школы. В метапоэтике Н. С. Гумилева наблюдается пересечение идей феноменологии, учения В. фон Гумбольдта – А. А. Потебни и установок акмеизма [см. 10, с. 298–303].

Виталистические тенденции в изучении языка, творчества получили яркое воплощение в метапоэтике акмеизма, в особенности в работах Н. С. Гумилева. В статье «Наследие символизма и акмеизм» (1913) он определяет акмеизм как синоним адамизма – «мужественно твердого и ясного взгляда на жизнь» [3, с. 540]. Акмеисты, по мысли Н. С. Гумилева, должны наполнить творчество органической, животной силой, первобытной мощью: «Как адамины, мы немного лесные звери и во всяком случае не отдадим того, что в нас есть звериного» [3, с. 540].

Поэтический язык должен создаваться на основе соединения энергии внутреннего мира человека, физической (телесной) силы и силы природной жизни, считает Н. С. Гумилев и обосновывает этот взгляд включением акмеизма в традицию Шекспира, Рабле, Вийона и Готье, так как именно эти писатели говорят о том, как строить внутренний мир человека, воспевать его «мудрую физиологичность», многосторонне раскрывать жизнь во всей ее полноте и облекать все это в совершенную форму аполлоновского искусства. «Шекспир показал нам внутренний мир человека, Рабле – тело и его радости, мудрую физиологичность, Виллон поведал нам о жизни, нимало не сомневающейся в самой себе, хотя знающей все, – и Бога, и порок, и смерть, и бессмертие, Теофиль Готье для этой жизни нашел в искусстве достойные одежды безупречных форм. Соеди-

нить в себе эти четыре момента – вот та мечта, которая объединяет сейчас между собою людей, так смело назвавших себя акмеистами» [3, с. 541].

В статьях «Жизнь стиха» (1910), «Анатомия стихотворения» (1921), «Читатель» (1923) в осмыслении поэтического произведения Н. С. Гумилев в соответствии с поэтической программой акмеизма и собственными установками использует терминологический аппарат естественнонаучного знания – биологии, медицины: «живой организм», «зачатье», «деторождение», «невыношенные стихотворения» – «калеки в мире образов», «костяк стихотворения», «мясо стихотворения», «кровь», «жилы», «физиологические процессы». Поэт рассуждает в духе идей органицизма, считая, что стихотворение необходимо изучать так, как в анатомии изучается человеческое тело. Это сближает метапоэтику Н. С. Гумилева и бурно развивавшиеся в начале XX века науки о человеческом организме (Л. С. Берг, Н. Е. Введенский, И. П. Павлов, Н. И. Вавилов, В. И. Вернадский и др.). Вспомним утверждение Р. О. Якобсона о том, что эволюцию языков можно исследовать теми же методами, которыми исследуется эволюция живого мира [8, с. 328].

Процесс сочинения стихотворения, по Н. С. Гумилеву, подобен беременности женщины: «Происхождение отдельных стихотворений таинственно схоже с происхождением **живых организмов**, – пишет Н. С. Гумилев в статье „Жизнь стиха“. – Душа поэта получает толчок из внешнего мира, иногда в незабываемо яркий миг, иногда смутно, как **зачатье** во сне, и долго приходится **вынашивать зародыш** будущего творения, прислушиваясь к робким движениям еще не окрепшей **новой жизни**» [2, с. 542].

Как и в процессе беременности, любые внешние, природные силы: звуки, запахи, свет, тени, шум ветра и т. д. – оказывают влияние на эмбрион поэтического произведения, определяют его будущую судьбу. Поэтому поэт, вынашивающий «зародыш» стихотворения, должен быть особенно внимателен ко всему, что связано не только с его духовной, но и физической жизнью: «Древние уважали молчащего поэта, как уважают женщину, готовящуюся стать матерью. Наконец, в муках, схожих с муками **де-**

торожения (об этом говорит и Тургенев), появляется стихотворение. Благо ему, если в момент его появления поэт не был увлечен какими-нибудь посторонними искусствам, размышлениями, если, кроткий, как голубь, он стремился передать уже выношенное, готовое, и, мудрый, как змей, старался заключить все это в наиболее совершенную форму. Такое стихотворение может жить века, переходя от временного забвения к новой славе...» [2, с. 542].

Производство на свет полнокровного стихотворения, способного жить многие столетия, по Гумилеву, требует от поэта большого напряжения душевных и физических сил, предельной концентрации внимания на «зародыше» – первоначальном, сущностном, очищенном в феноменологическом смысле впечатлении, полученном сознанием поэта из внешнего мира. «Чистое» впечатление поэт в процессе рождения стихотворения должен облечь языковой плотью – придать ему «совершенную форму». Это не всегда удается сделать так, как следует. Используя анатомические метафоры, Н. С. Гумилев вводит понятия «**невыношенные**» стихотворения, «в которых вокруг первоначального впечатления не успели наслиться другие», и «**калеки в мире образов**», в которых «подробности затемняют основную тему» [2, с. 542]. Служение Аполлону, провозглашенное акмеистами, требует того, чтобы стихотворение являлось «**слепком прекрасного человеческого тела**», этой высшей ступени представляемого совершенства: недаром же люди даже Господа Бога создали по своему образу и подобию» [2, с. 543]. В качестве эталона используются образы совершенной человеческой красоты – Аполлона и Адама как воплощения первобытной мощи и совершенства. Метафора, на основе которой строится органическая поэтика Н. С. Гумилева, имеет антропоморфный характер.

Мысли Н. С. Гумилева коррелируют с идеями об эволюции языков Р. О. Якобсона, Н. С. Трубецкого, высказанными в начале 1920-х гг., – их исследования находятся в одной связной структуре идей. Языки, как понимают их Р. О. Якобсон и Н. С. Трубецкой, не живые организмы в прямом смысле слова, но они подобны живым организмам. Поэтому использование в теории эволюции языков биологической научной метафоры

позволяет эффективно применять биологические теории «моногонеза», «дивергенции», «конвергенции» и др. при изучении процессов языковой эволюции [см. 8].

Интересно, что в течение всего времени развития наук о языке и биологии можно отметить корреляцию идей, которые высказывались биологами и лингвистами. В качестве наиболее яркого примера следует назвать развитие идей А. А. Потебни и эволюционной теории Ч. Дарвина [см. 9, с. 52–75] в середине XIX века, в первой половине XX века структурной лингвистики (Ф. де Соссюр) и биологической общей теории систем (Л. фон Берталанфи). В современных исследованиях языка как «живой» системы также используются исследовательские стратегии теории живых систем биологии. Язык и текст рассматриваются как системы, подобные живым, и изучаются с применением тех методов, которые биология использует для исследования живых систем органического мира [см. подробнее: 11, с. 560–587].

В метапоэтике Н. С. Гумилева находим предвосхищение будущего взаимодействия филологии и биологии. Н. С. Гумилев точно определяет и границы этого взаимодействия. Искусство, по его мнению, не аналогично биологической жизни, оно «не имеет бытия, вполне подобного нашему» [2, с. 543]. Но стихотворения, «**как живые существа, входят в круг нашей жизни**; они то учат, то зовут, то благословляют; среди них есть ангелы-хранители, мудрые вожди, искусители, демоны и милые друзья» [2, с. 543].

Установив подобие художественного произведения и живого организма, Н. С. Гумилев определяет **методы изучения стихотворения** – это анатомический анализ формы и строения отдельных частей и систем организма стихотворения в целом, а также физиологическое изучение взаимодействия этих частей и систем для установления законов жизни произведения искусства. В статье «Анатомия стихотворения» Н. С. Гумилев утверждает: «**Стихотворение... – это живой организм, подлежащий рассмотрению и анатомическому, и физиологическому**» [1, с. 545]. Здесь проектируется системный анализ, при котором произведение структурируется, расчленяется на элементы, и далее рассматриваются законы их взаимодействия.

В статье «Читатель» Н. С. Гумилев, используя медицинские термины, рассматривает этапы изучения стихотворения как органического целого в процессе его анатомизирования. Стихотворение, по Гумилеву, является особым организмом и поэтому имеет свои **анатомию и физиологию** [4, с. 539]. Общая анатомия стихотворения, по Н. С. Гумилеву, состоит из частных отраслей, изучающих отдельные органы и системы организма стихотворения:

– фонетика (соответствует кардиологии) – наука о **кровеносной системе** стихотворения: «звуковая сторона стиха (ритм, рифма, сочетание гласных и согласных)... подобно **крови**, переливается в его жилах»;

– стилистика (соответствует миологии) – наука о свойствах и качестве слов, которые образуют «**мясо** стихотворения»;

– теория композиции (соответствует остеологии) – наука о **скелете** (костяке) стихотворения: сочетании слов, которые, «дополняя одно другое, ведут к определенному впечатлению»;

– эйдолология (соответствует неврологии) – наука, изучающая «природу образа, то ощущение, которое побудило поэта к творчеству, **нервную систему** стихотворения» [4, с. 539].

Н. С. Гумилев считал, что «эйдолология подводит итог темам поэзии и возможным отношениям к этим темам поэта. <...> ... эйдолология непосредственно примыкает к поэтической психологии» [4, с. 539]. Термин несомненно этимологически связан с греческим *eidos* (образ, форма, сущность) – понятием идеи вещи, ее «вида». По Платону, это идея, умопостигаемая форма, существующая у отдельных вещей. У Гуссерля – это чистая сущность вещи, итог интеллектуального созерцания предмета, результат предметной деятельности сознания. Гуссерль говорит о психологии как о «строгой науке», это в первую очередь переживание предметности, интенциональная направленность сознания. Н. С. Гумилев ведет речь о «поэтической психологии»; следует вспомнить и «психологизм» исследования языка у А. А. Потебни, метод которого А. Ф. Лосев называет не психологическим, а конструктивно-феноменологическим [9, с. 160].

Анатомизирование стихотворения, считает Н. С. Гумилев, – только предварительный

этап его изучения. Анатомируя стихотворение, можно определить, есть ли в нем все, что надо и в достаточной мере, чтобы оно жило, а законы его жизни, взаимодействие его частей, надо изучать особо. Путь к этому еще не проложен, считает Н. С. Гумилев [4, с. 539].

«**Физиология**» стихотворения, то есть «законы его жизни», по Н. С. Гумилеву, есть область, не поддающаяся изучению точными аналитическими методами, принятыми в анатомии. Анатомии соответствует «теория поэзии», а физиологии – «поэтическая психология» [1, с. 545]. Для изучения «жизни стиха» Н. С. Гумилев прибегает к понятиям психологии: «мысль», «чувство», «темперамент». «Что же надо, – спрашивает поэт, – чтобы стихотворение *жило*, и не в банке со спиртом, как любопытный уродец, не полужизнью больного в креслах, но *жизнью полной и могучей*, – чтобы оно возбуждало любовь и ненависть, заставляло мир считаться с фактом своего существования? Каким требованиям должно оно удовлетворять? Я ответил бы коротко: всем» [2, с. 542].

Н. С. Гумилев сознательно дает «нечеткое», «размытое» определение тех составляющих, которые «оживляют» языковой материал. Стихотворение, по Гумилеву, – антимимично по своему строению: это особый

организм, имеющий «мягкость очертаний юного тела» и «четкость статуи», в нем сочетается «простота» и «утонченность», жизнь ему обеспечивают «мысль и чувство», «стиль и жест» [2, с. 542]. Н. С. Гумилев называет **критерий**, на основании которого строится совершенный организм стихотворения, – это «полная гармония» между составляющими его частями, которая возникает только тогда, когда стихотворение вызывается «к жизни не „пленной мысли раздражением“, а внутренней необходимостью, которая дает ему душу живую – темперамент» [2, с. 543].

Как видим, в основе осмысления форм жизни текста в метапоэтике Н. С. Гумилева лежит биологическая метафора, которая модифицируется в процессе анализа особенностей текста, уточняется с помощью семантики медицинских, психологических терминов в процессе исследования строения и функционирования текста. В настоящее время виталистические тенденции в изучении языка и творчества получили развитие в нашей стране и за рубежом, они связаны с проблемами когнитивной лингвистики, гуманистической географии, биологии, библиопсихологии, библиотерапии, имеют большое будущее в развитии междисциплинарных исследований.

Литература

1. Гумилев Н. С. Анатомия стихотворения // Три века русской метапоэтики: Легитимация дискурса: антология: в 4 т. Ставрополь: СГУ, 2005. Т. 2. С. 545–546.
2. Гумилев Н. С. Жизнь стиха // Три века русской метапоэтики: Легитимация дискурса: антология: в 4 т. Ставрополь: СГУ, 2005. Т. 2. С. 541–545.
3. Гумилев Н. С. Наследие символизма и акмеизм // Три века русской метапоэтики: Легитимация дискурса: антология: в 4 т. Ставрополь: СГУ, 2005. Т. 2. С. 540–541.
4. Гумилев Н. С. Читатель // Три века русской метапоэтики: Легитимация дискурса: антология: в 4 т. Ставрополь: СГУ, 2005. Т. 2. С. 538 – 539.
5. Жирмунский В.М. Теория литературы. Поэтика. Стилистика. Л.: Наука, 1977. 408 с.
6. Кузмин М. А. О прекрасной ясности // Русская литература XX века: хрестоматия. М.: Просвещение, 1980. С. 473–474.
7. Мандельштам О. Э. Слово и культура. М.: Советский писатель, 1987. 320 с.
8. Серио П. Лингвистика и биология. У истоков структурализма: биологическая дискуссия в России // Язык и наука конца XX века: сборник статей / общ. ред. Ю. С. Степанова. М.: РГГУ, 1995. С. 321–341.
9. Штайн К. Э., Петренко Д. И. А. А. Потебня: Диалог во времени. Ростов-н/Д.: Книга, 2015. 640 с.
10. Штайн К. Э., Петренко Д. И. Русская метапоэтика: учебный словарь. Ставрополь: СГУ, 2006. 602 с.
11. Штайн К. Э., Петренко Д. И. Филология: История. Методология. Современные проблемы. Ставрополь: СГУ, 2011. 906 с.

References

1. Gumilev N. S. Anatomiya stikhotvoreniya (Anatomy poem) // Tri veka russkoi metapoetiki: Legitimatsiya diskursa: antologiya (Three centuries of Russian metapoetiki: legitimization discourse. Anthology). Stavropol': SSU, 2005. Vol. 2. S. 545–546.

2. Gumilev N. S. Zhizn' stikha (Poetry life) // Tri veka russkoi metapoetiki: Legitimatsiya diskursa: antologiya (Three centuries of Russian metapoetiki: legitimization discourse. Anthology). Stavropol': SSU, 2005. Vol. 2. P. 541–545.
3. Gumilev N.S. Nasledie simvolizma i akmeizm (The legacy of symbolism and acmeism) // Tri veka russkoi metapoetiki: Legitimatsiya diskursa: antologiya (Three centuries of Russian metapoetiki: legitimization discourse. Anthology). Stavropol': SSU, 2005. Vol. 2. P. 540–541.
4. Gumilev N. S. Chitatel' (Reader) // Tri veka russkoi metapoetiki: Legitimatsiya diskursa: antologiya (Three centuries of Russian metapoetiki: legitimization discourse. Anthology). Stavropol': SSU, 2005. Vol. 2. P. 538–539.
5. Zhirmunskii V. M. Teoriya literatury. Poetika. Stilistika (Theory of Literature. Poetics. Stylistics). L.: Nauka, 1977. 408 p.
6. Kuzmin M. A. O prekrasnoi yasnosti (On beautiful clarity) // Russkaya literatura XX veka: Khrestomatiya (Russian literature of the twentieth century: a reader). M.: Prosveshchenie, 1980. P. 473–474.
7. Mandel'shtam O. E. Slovo i kul'tura (Word and Culture). M.: Sovetskii pisatel', 1987. 320 p.
8. Serio P. Lingvistika i biologiya. U istokov strukturalizma: biolog-icheskaya diskussiya v Rossii (Linguistics and biology. At the root of structuralism: the biological debate in Russia) // Yazyk i nauka kontsa XX veka (Language and science end of the XX century: a collection of articles) / ed. by Yu. S. Stepanov. M.: RSHU, 1995. P. 321–341.
9. Shtain K. E., Petrenko D. I. A. A. Potebnya: Dialog vo vremeni (A. A. Potebnya: dialogue through time). Rostov-on-Don: Kniga, 2015. 640 p.
10. Shtain K. E., Petrenko D. I. Russkaya metapoetika: Uchebnyi slovar' (Russian metapoetika: Learning dictionary). Stavropol': SSU, 2006. 602 p.
11. Shtain K. E., Petrenko D. I. Filologiya: Istoriya. Metodologiya. Sovremennye problemi (Philology: History. Methodology. Modern problems). Stavropol': SSU, 2011. 906 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Айрапетян Карен Павлович – кандидат исторических наук, научный сотрудник Национальной академии наук Республики Армения (Ереван) / k.hayr58@rambler.ru

Анопко Олеся Александровна – адъюнкт 3-го факультета (подготовки научных и научно-педагогических кадров) Академии Управления МВД России, следователь следственной части по расследованию организованной преступной деятельности Главного следственного управления ГУ МВД России по Ставропольскому краю (Ставрополь) / lisa131184@mail.ru

Анучкина Анна Дмитриевна – кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса Института сервиса, туризма и дизайна (филиал) Северо-Кавказского федерального университета (Пятигорск) / anna.anuchkina@mail.ru

Багдасарян Артем Олегович – кандидат исторических наук, начальник отдела ФКУ «Национальный центр управления в кризисных ситуациях» МЧС России (Москва) / minikorobka2000@mail.ru

Байтерякова Альбина Фаритовна – студентка магистратуры исторического факультета Государственного гуманитарно-технологического университета (Московский государственный областной гуманитарный институт) (Орехово-Зуево) / albibai@mail.ru

Бобрышова Александра Сергеевна – аспирант Российского университета дружбы народов (Москва) / oll5@mail.ru

Бондарь Зоя Александровна – ведущий специалист коммерческого отдела Концерта «Титан – 2» (Москва) / bondar_z@rambler.ru

Бредихин Сергей Николаевич – доктор филологических наук, доцент кафедры теории и практики перевода Гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / bredichinsergey@yandex.ru

Бродникова Марина Николаевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / brodnikova.m@mail.ru

Вдовченков Евгений Викторович – кандидат исторических наук, доцент кафедры археологии и истории древнего мира Южного федерального университета (Ростов-на-Дону) / vdovchenkov@yandex.ru

Величко Людмила Николаевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры зарубежной истории, политологии и международных отношений Гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / ludku@yandex.ru.

Вильгоненко Ирина Михайловна – кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса Института сервиса, туризма и дизайна (филиал) Северо-Кавказского федерального университета (Пятигорск) / vil-irina-m@yandex.ru

Гранкин Юрий Юрьевич – доктор исторических наук, профессор кафедры истории государства и права России и зарубежных стран, проректор по академической политике, контролю качества образования и информатизации Пятигорского государственного университета (Пятигорск) / grankinj@pglu.ru

Давыдова Лариса Петровна – студентка магистратуры Гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / larada@mail.ru

Донцова Анастасия Александровна – студентка магистратуры Гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / napsy-ru@mail.ru

Дударев Сергей Леонидович – доктор исторических наук, заведующий кафедрой всеобщей и отечественной истории Армавирского государственного педагогического университета (Армавир) / dudarev51@mail.ru

Ермоленко Людмила Павловна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / Gutik77@bk.ru

Захаров Владимир Александрович – кандидат исторических наук, директор Института политических и социальных проблем Черноморо-Каспийского региона / lerna05@list.ru

Золоева Зарина Тамерлановна – старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права Северо-Кавказского горно-металлургического института (государственного технологического университета) (Владикавказ) / 4noiabria@mail.ru.

Истягин Вадим Роланович – аспирант кафедры исторических наук и политологии Ростовского государственного экономического университета (Ростов-на-Дону) / istyagin@ro.ru

Казаров Саркис Суренович – доктор исторических наук, профессор кафедры археологии и истории Древнего мира Южного федерального университета (Ростов-на-Дону) / ser-kazarov@yandex.ru

Каменский Михаил Васильевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры романо-германского языкознания и межкультурной коммуникации Гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / stavdev@mail.ru

Карташев Андрей Владимирович – доктор исторических наук, доктор медицинских наук, руководитель центра изучения истории медицины и общественного здоровья, профессор кафедры общественного здоровья, организации здравоохранения и медицинской информатики Ставропольского государственного медицинского университета (Ставрополь) / andreyu_kartashev@rambler.ru

Касьяненко Людмила Сергеевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков для технических специальностей Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / kls0908@mail.ru

Клец Юлия Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры истории и теории журналистики Гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / Multikmul@yandex.ru

Койбаев Борис Георгиевич – доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой новой, новейшей истории и исторической политологии Северо-Осетинского государственного университета (Владикавказ) / koibaevbg@mail.ru.

Комарова Татьяна Алексеевна – аспирант Саратовской государственной юридической академии (Саратов) / komarowata1990@ya.ru

Королева Ирина Андреевна – учитель истории школы № 4 им. А. В. Суворова (Геленджик) / korolevairina2013@yandex.ru

Краснова Ирина Александровна – доктор исторических наук, профессор кафедры зарубежной истории, политологии и международных отношений Гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / gorward_@mail.ru

Кривцова Татьяна Геннадьевна – младший научный сотрудник отдела археологии Ставропольского государственного историко-культурного и природно-ландшафтного музея-заповедника им. Г. Н. Прозрителева и Г. К. Праве (Ставрополь) / tanya26reg@mail.ru

Кулькина Ирина Васильевна – кандидат юридических наук, доцент кафедры государственного права Северо-Кавказского социального института (Ставрополь) / lri4451@yandex.ru

Лизенко Инна Игоревна – кандидат филологических наук, доцент кафедры общего языкознания Чеченского государственного университета (Грозный) / lli75@mail.ru

Ляпустин Сергей Николаевич – кандидат исторических наук, заведующий кафедрой таможенного дела Российской таможенной академии (филиал) (Владивосток) / fpk_vf_rta@mail.ru

Маловичко Сергей Иванович – доктор исторических наук, профессор кафедры истории исторического факультета Государственного гуманитарно-технологического университета (Московский государственный областной гуманитарный институт) (Орехово-Зуево) / sergei.malovichko@gmail.com

Маркосян Гаянэ Эмилбаровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков для технических специальностей Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / galia22@mail.ru

Минина Александра Ивановна – ассистент кафедры русского языка Гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / marmoduk@gmail.com

Митрофаненко Людмила Макаровна – кандидат филологических наук, заведующий кафедрой иностранных языков для технических специальностей Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / kls0908@mail.ru

Нагамова Наталья Викторовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры романо-германского языкознания и межкультурной коммуникации Гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / rgya-mk@yandex.ru

Панарин Андрей Анатольевич – доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей и отечественной истории Армавирского государственного педагогического университета (Армавир) / panarin.arm@mail.ru

Панарина Елена Владимировна – доктор исторических наук, доцент кафедры всеобщей и отечественной истории Армавирского государственного педагогического университета (Армавир) / panarin.arm@mail.ru

Пахаренко Сабина Витальевна – старший преподаватель кафедры иностранных языков для технических специальностей Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / sabinp@yandex.ru

Петренко Денис Иванович – профессор кафедры теории и методики преподавания исторических и филологических дисциплин историко-филологического факультета Ставропольского государственного педагогического института (Ставрополь) / petrenko2045@yandex.ru

Петров Николай Владимирович – кандидат юридических наук, доцент гражданского права и процесса Юридического института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / petrova@sksi.ru

Печалов Анастас Константинович – преподаватель истории Ставропольского строительного техникума (Ставрополь) / 292718@mail.ru

Печалова Лариса Викторовна – кандидат исторических наук, преподаватель Ставропольского строительного техникума (Ставрополь) / 254896@mail.ru

Пикалов Дмитрий Владимирович – кандидат исторических наук, доцент кафедры культурологии и искусств Гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / swaromir@mail.ru

Пикалова Ольга Николаевна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры культурологии и искусств Гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / zayka-pion@mail.ru

Решетникова Ирина Васильевна – аспирант Юридического института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / sonya20032006@mail.ru

Сахаров Станислав Александрович – кандидат исторических наук, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Смоленского государственного университета (Смоленск) / sacharov.stanislav@yandex.ru

Светличная Татьяна Борисовна – кандидат юридических наук, доцент кафедры административного и финансового права Юридического института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / t.svetli4@mail.ru

Серебрякова Светлана Васильевна – доктор филологических наук, заведующий кафедрой теории и практики перевода Гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / svetla.na@mail.ru

Слепенюк Юлия Николаевна – кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры гражданского права и процесса Института сервиса, туризма и дизайна (филиал) Северо-Кавказского федерального университета (Пятигорск) / slep.80@mail.ru

Стрекалова Елена Николаевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / strekalova-lena@yandex.ru

Тихонова Наталья Михайловна – соискатель кафедры специальных исторических дисциплин и документоведения Института истории и международных отношений Южного федерального университета (Ростов-на-Дону) / lamada1@rambler.ru

Торопчин Николай Александрович – старший преподаватель кафедры административного права и административной деятельности Ставропольского филиала Краснодарского университета МВД России (Ставрополь) / nik-toropchin@yandex.ru

Трапш Николай Алексеевич – кандидат исторических наук, директор Государственного архива Ростовской области, доцент кафедры специальных исторических дисциплин и документоведения Южного федерального университета (Ростов-на-Дону) / tirpizn@sfnu.ru

Чепурина Ирина Владимировна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры романо-германского языкознания и межкультурной коммуникации Гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / rgya-mk@yandex.ru

Черешнева Лариса Александровна – доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории, руководитель Востоковедческой лаборатории Липецкого государственного педагогического университета (Липецк) / Larisa-chereshneva@rambler.ru

Шалак Максим Евгеньевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры специальных исторических дисциплин и документоведения Института истории и международных отношений Южного федерального университета (Ростов-на-Дону) / shemjchich@mail.ru

Шевцова Дарья Анатольевна – аспирант Гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / 482244@list.ru

Штайн Клара Эрновна – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка Гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / textus@mail.ru

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Hayrapetyan K. P. – PhD in Historical Sciences, Research Associate of National Academy of Sciences of the Republic of Armenia (Erevan) / k.hayr58@rambler.ru

Anopko O. A. – Adjunct of Faculty 3 (preparation of scientific and pedagogical staff) Academy of Management MIA Russia, an investigator of the investigative unit to investigate organized criminal activities of the Main Investigation Department of General Directorate of the Russian Interior Ministry in the Stavropol region (Stavropol) / lisa131184@mail.ru

Anuchkina A. D. – PhD in Juridical Sciences, Associate Professor of Chair Civil Law and Procedure of Institute of Service, Tourism and Design (branch of North Caucasus Federal University in Pyatigorsk) / anna.anuchkina@mail.ru

Bagdasaryan A. O. – PhD in Historical Sciences, Head of Federal Treasury Institution «National Center for Crisis Situations» Russian Emergency Situations Ministry (Moscow) / minikorobka2000@mail.ru

Bayteryakova A. F. – Master Student of Historical Faculty at State Humanitarian-Technological University (Moscow Region State Institute of Humanities) (Orekhovo-Zuyevo) / albibai@mail.ru

Bobrysheva A. S. – Graduate Student of Peoples' Friendship University of Russia (Moscow) / oll5@mail.ru

Bondar' Z. A. – Top Specialist of the Commercial Department of the Concern «Titan – 2» (Moscow) / bondar_z@rambler.ru

Bredikhin S. N. – Dr. of Philology Sciences, Associate Professor of Chair of Theory and Practice of Translation and Interpreting of Institute of Humanities at North Caucasus Federal University (Stavropol) / bredichin sergey@yandex.ru.

Brodnikova M. N. – PhD in Historical Sciences, Associate Professor of Chair of Russian History of Institute of Humanities at North Caucasus Federal University (Stavropol) / brodnikova.m@mail.ru

Vdovchenkov E. V. – PhD in Historical Sciences, Associate Professor of Chair of Archaeology and Ancient History of Institute of History and International Relations at Southern Federal University (Rostov-on-Don) / vdovchenkov@yandex.ru

Velichko L. – PhD in Historical Sciences, Associate Professor of Chair of Foreign History, Political Science and Foreign Affairs of Institute of Humanities at North Caucasus Federal University (Stavropol) / ludku@yandex.ru

Vil'gonenko I. M. – PhD in Juridical Sciences, Associate Professor of Chair Civil Law and Procedure at Institute of Service, Tourism and Design (branch of NCFU in Pyatigorsk) / vil-irina-m@yandex.ru

Grankin Y. Y. – Dr. of Historical sciences, Professor of Chair of Department of History of State and Law of Russia and Foreign Countries, Vice-Rector for Academic Policy, Higher Education Quality Assurance and informatization at Pyatigorsk State University (Pyatigorsk) / grankinj@pglu.ru

Davydova L. P. – Master Student of Institute of Humanities at North Caucasus Federal University (Stavropol) / larada@mail.ru

Dontsova A. A. – Master Student of Institute of Humanities of North Caucasus Federal University (Stavropol) (Stavropol) / nancy-ru@mail.ru

Dudarev S. L. – Dr. of Historical Sciences, Holder of Chair of General and Russian History at Armavir State Pedagogical University (Armavir) / dudarev51@mail.ru

Ermolenko L. P. – PhD in Historical Sciences, Associate Professor of Chair of Russian History of Institute of Humanities at North Caucasus Federal University (Stavropol) / Gutik77@bk.ru

Zakharov V. A. – PhD in Historical Sciences, Director of the Institute of Political and Social Problems of the Caspian region, Black Sea Coast / lerma05@list.ru

Zoloeva Z. T. – Senior Teacher of Chair of Theory and History of State and Law, at North Caucasian Institute of Mining and Metallurgy (State Technological University) (Vladikavkaz) / 4noiabria@mail.ru

Istiagin V. R. – Post Graduate of Chair of Historical and Political Sciences at Rostov State University of Economics (Rostov-on-Don) / istyagin@ro.ru

Kazarov S. S. – Dr. of Historical Sciences, Professor of Chair of Archaeology and Ancient History of Institute of History and International Relations at Southern Federal University (Rostov-on-Don) / ser-kazarov@yandex.ru

Kamenskii M. V. – PhD in Philological Sciences, Associate Professor of Chair of Romano-Germanic Linguistics and Cross-cultural Communication of Institute of Humanities at North Caucasus Federal University (Stavropol) / stavdev@mail.ru

Kartashev A. V. – Dr. of Historical Sciences, Dr. of Medical Sciences, Head of Center for the Study of History of Medicine and Public Health, Professor of Chair of Public Health, Health Service Organization and Medical Informatics at Stavropol State Medical University (Stavropol) / andrey_kartashev@rambler.ru

Kas'yanenko L. S. – PhD in Philological Sciences, Associate Professor of Chair of Foreign Languages Department for Technical Degrees at North-Caucasus Federal University (Stavropol) / kls0908@mail.ru

Klets Y. A. – PhD in Philological Sciences, Associate Professor of Chair of History and Theory of Journalism of Institute of Humanities at North Caucasus Federal University (Stavropol) / Multikmul@yandex.ru

Koibaev B. G. – Dr. of Political Sciences, Professor of Chair of Theory and History of State and Law, North Caucasian Institute of Mining and Metallurgy (State Technological University) (Vladikavkaz) / koibaevbg@mail.ru

Komarova T. A. – Post Graduate Saratov State Academy of Law (Saratov) / komarowata1990@ya.ru

Koroleva I. A. – History Teacher of School №4 named after A.V. Suvorov (Gelendzhik) / korolevairina2013@yandex.ru

Krasnova I. A. – Dr. of Historical Sciences, Professor of Chair of Foreign History, Political Science and Foreign Affairs of Institute of Humanities at North Caucasus Federal University (Stavropol) / gorward_@mail.ru

Krivtsova T. G. – Junior Staff Scientist of Department of Archaeology at Stavropol state history and culture and natural landscape museum-reserve named after G.N. Prozriteleva and G.K. Prave (Stavropol) / tanya26reg@mail.ru

Kul'kina I. V. – PhD in Juridical Sciences, Associate Professor of Chair of State Law at North Caucasus social institute (Stavropol) / Iri4451@yandex.ru

Lizenko I. I. – PhD in Philological Sciences, Associate Professor of Chair of General Linguistics at Chechen State University (Grozny) / lii75@mail.ru

Lyapustin S. N. – PhD in Historical Sciences, Head of Chair of Customs at Russian Customs Academy (Branch) (Vladivostok) / fpk_vf_rta@mail.ru

Malovichko S. I. – Dr. of Historical Sciences, Professor of Chair of History at State Humanitarian-Technological University (Moscow Region State Institute of Humanities) / sergei.malovichko@gmail.com

Markosyan G. E. – PhD in Philological Sciences, Associate Professor of Chair of Foreign Languages Department for Technical Degrees at North-Caucasus Federal University (Stavropol) / galia22@mail.ru

Minina A. I. – Teaching Assistant of Chair of Russian Language русского языка гуманитарного института of Institute of Humanities at North Caucasus Federal University (Stavropol) / marmoduk@gmail.com

Mitrofanenko L. M. – PhD in Philological Sciences, Head of Chair of Foreign Languages for Technical Degrees at North Caucasus Federal University (Stavropol) / kls0908@mail.ru

Nagamova N. V. – PhD in Philological Sciences, Associate Professor of Chair of Romano-Germanic Linguistics and Cross-cultural Communication of Institute of Humanities at North Caucasus Federal University (Stavropol) / rgya-mk@yandex.ru

Panarin A. A. – Dr. of Historical Sciences, Professor of Chair of General and Russian History at Armavir State Pedagogical University (Armavir) / panarin.arm@mail.ru

Panarina E. V. – Dr. of Historical Sciences, Associate Professor of Chair of General and Russian History at Armavir State Pedagogical University (Armavir) / panarin.arm@mail.ru

Pakharenko S. V. – Senior Teacher of Chair of Foreign Languages for Technical Degrees at North Caucasus Federal University (Stavropol) / sabinp@yandex.ru

Petrenko D. – Dr. of Philology Sciences, Associate Professor of Chair Theory and Methods of Teaching Historical and Philological Disciplines of Stavropol State Pedagogical Institute / petrenko2045@yandex.ru

Petrov N. V. – PhD in Juridical Sciences, Associate Professor of Chair of Civil Law and Civil Procedure of Institute of Law at North Caucasus Federal University (Stavropol) / petrova@sksi.ru

Pechalov A. K. – Teacher Stavropol Construction College (Stavropol) / 292718@mail.ru

Pechalova L. V. – PhD in Historical Sciences, teacher Stavropol Construction College (Stavropol) / 254896@mail.ru

Picalov D. V. – PhD in Historical Sciences, Associate Professor of Chair of Culturology and Arts of Institute of Humanities of North Caucasus Federal University (Stavropol) / swaromir@mail.ru

Picalova O. N. – PhD in Pedagogical Sciences, Associate Professor of Chair of Culturology and Arts of Institute of Humanities of North Caucasus Federal University (Stavropol) / swaromir@mail.ru

Reshetnikova I. V. – Post Graduate of Institute of Law at North Caucasus Federal University (Stavropol) / sonya20032006@mail.ru

Sakharov S. A. – PhD in Historical Sciences, Associate Professor of Chair of state-legal disciplines of Smolensk State University (Smolensk) / sacharov.stanislav@yandex.ru

Svetlichnaya T. B. – PhD in Legal Sciences, Associate Professor of Chair of Administrative and Financial Law at North Caucasus Federal University / t.svetli4@mail.ru

Serebryakova S. V. – Dr. of Philology Sciences, Head of Chair of Theory and Practice of Translation and Interpreting of Institute of Humanities at North Caucasus Federal University (Stavropol) / svetlana@mail.ru

Slepenok Y. N. – PhD in Juridical Sciences, Senior Teacher of Chair of Civil Law and Procedure at Institute of Service, Tourism and Design (branch of NCFU in Pyatigorsk) / slep.80@mail.ru

Strecalova E. N. – PhD in Historical Sciences, Associate Professor of Chair of Russian History of Institute of Humanities at North Caucasus Federal University (Stavropol) / strecalova-lena@yandex.ru

Tikhonova N. M. – Post Graduate of of Chair of Special Historical Disciplines and Documentation of Institute of History and International Relations of Southern Federal University (Rostov-on-Don) / lamada1@rambler.ru

Toropchin N. A. – Senior Teacher of Chair Administrative Law and Administrative Activities of Stavropol branch of Krasnodar University of MIA of Russia (Stavropol) / nik-toropchin@yandex.ru

Trapsh N. – PhD in Historical Sciences, Director of the State Archive of the Rostov Territory, Associate Professor of Chair of Special Historical Disciplines and Documentation of Institute of History and International Relations of Southern Federal University (Rostov-on-Don) / tirpizn@sfn.ru

Chepurina I. V. – PhD in Pedagogical Sciences, Associate Professor of Chair of Romano-Germanic Linguistics and Cross-cultural Communication of Institute of Humanities at North Caucasus Federal University (Stavropol) / rgya-mk@yandex.ru

Chereshneva L. A. – Dr. of Historical Sciences, Professor of Chair of General History, Head of Oriental Laboratory at Lipetsk State Pedagogical University (Lipetsk) / Larisa-chereshneva@rambler.ru

Shalak M. E. – PhD in Historical Sciences, Associate Professor of Chair of Special Historical Disciplines and Documentation of Institute of History and International Relations of Southern Federal University (Rostov-on-Don) / shemjchich@mail.ru

Shevtsova D. A. – Post Graduate of Institute of Humanities at North Caucasus Federal University (Stavropol) / 482244@list.ru

Stain C. – Dr. of Philology Sciences, Professor of Chair of Russian language of Institute of Humanities of North Caucasus Federal University (Stavropol) / textus@mail.ru

Научное издание

ГУМАНИТАРНЫЕ И ЮРИДИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Научно-теоретический журнал

2016. № 2

Редактор, технический редактор Н. Б. Копнина
Компьютерная верстка Н. П. Чивиджева
Дизайн обложки С. Ю. Томицкая

Подписано к печати 30.06.2016

Формат 60x84 1/8	Усл. п. л. 31,52	Уч.-изд. л. 30,98
Бумага офсетная	Заказ 153	Тираж 100 экз.

Отпечатано в Издательско-полиграфическом комплексе
ФГАОУ ВПО «Северо-Кавказский федеральный университет»
355009, г. Ставрополь, пр-т Кулакова, 2.